Проф. ЗИГМУНДЪ ФРЕЙДЪ.

ТОЛКОВАНІЕ СНОВИДѢНІЙ.

Цѣна 3 руб.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ".

Генрихъ Маннъ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. Діана. Ром. Переводъ и предисловіе прив.-доц. В. М. Фриче 3-е изд. ц. 1 р.
2. Минерва. Романъ 2-е изд. ц. 1 р.
3. Венера. Романъ. 2-е изд. ц. 1 р.
4. 1) Мелкій бѣсъ. Романъ. 2) Мнаисъ и Джиневра. Новеллы, ц. 1 р.
5. Въ погонѣ за любовью. Романъ, ц. 1 р. 50 к.
6. 1) Чудесное. 2) Актриса, ц. 1 р.
7. Романъ изъ жизни свѣтск. людей, ц. 1 р. 50 к.
8. Мечты и жизнь. Романъ. ч. I-я, ц. 1 р. 25 к.
9. Мечты и жизнь. Романъ. ч. II-я. ц. 1 р. 25 к.
10. Дорога изъ ада, ц. 1 р.

Изъ отзывовъ печати.

„Когда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства“.

Гансъ Бранденбургъ.

Михаилъ Сивачевъ.

Собраніе сочиненій.

Т. 1. Прокрустово ложе. Кн. 1-я, ц. 1 р.
2. Прокрустово ложе. Кн. 2-я, ц. 1 р.
3. Цвѣты земли и неба, ц. 1 р.

Шоломъ-Алейхемъ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ. Переводъ съ еврейскаго разрѣшен. авторомъ.

Т. 1. Дѣти „черты“. Кн. перв. 2-е изд. ц. 1 р.
2. Дѣти „черты“. Кн. втор. 2-е изд. ц. 1 р.
3. Маленькіе люди. 2-е изд. ц. 1 р.
4. Записки коммивояжера, ц. 1 р.
5. Неунывающіе, ц. 1 р.
6. Похожденія неудачника, ц. 1 р.
7. Въ мірѣ звуковъ. Два романа, ц. 1 р. 25 к.
8. Лѣто, ц. —.

Изъ отзывовъ печати.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго красорѣчиваго, во многихъ отношеніяхъ,—новаго для нашей публики“.

Юрій Веселовскій.

Бернаръ Шоу.

Полное собраніе сочиненій 10 томовъ.

Т. 1. 1) Справочникъ Разрушителя. 2) Цезарь и Клеопатра, ц. 1 р.
2. Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ, ц. 1 р. 25 к.
3. 1) Врачъ на распутьѣ. 2) Сила женщины, ц. 1 р.
Т. 4. Неразумный бракъ. Романъ, ц. 1 р. 50 к.
5. Очерки, ц. 1 р. 50 к.
6. Солдатъ изъ арміи спасенія ц. 1 р.
7. Карьера одного борца. Ром., ц. 1 р. 50 к.
8. У жертвенника искусства. Ром. ч. I ц. 1 р.
9. У жертвенника искусства. Ром. ч. II ц. 1 р.

Отзывъ Л. Н. Толстого.

„Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества“.

Марія Конопницкая.

Собраніе сочиненій.
Авторизованный переводъ.

Т. 1. На Нормандскомъ берегу, ц. 1 р.
2. Мендель Гданскій, ц. 1 р.
3. Милосердіе общины и др., ц. 1 р.
4. Панъ Бальцыръ изъ Бразиліи. Поэма, ц. р. 50 к.

„Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигалъ геніальности и больше чѣмъ у кого-либо.

Она была могучей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова“.

Казиміръ Тетмайеръ.

Германъ Бангъ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. Михаэль. Романъ, ц. 1 р.
2. Его превосходительство. Ром., ц. 1 р.
3. Тинэ. Романъ, ц. 1 р.
4. Графиня Урне. Романъ, ц. 1 р.
5. Погибшія мечты. Романъ, ц. 1 р. 25 к.
6. Романъ сестры милосердія, 1 р. 25 к.
7. О любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть, ц. 1 р.
8. Четыре дьявола. Романъ, ц. 1 р.
9. На пути. Романъ, ц. 1 р.
10. Дряхлѣющій вѣкъ. Романъ, ц. 1 р.

...„Если идти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, „о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть“.

Современный міръ № 11, 1907 г.

Августъ Стринбергъ.

Собраніе сочиненій.

Т. 1. Исповѣдь глупца. Ром. 3-е изд., ц. 1 р. —.
Т. 2. Адъ. Романъ. Съ предис. В. М. Фриче. 2-е издані ц. 1 р.
3. На шхерахъ. Романъ. 2-изд., ц. 1 р.
4. Утопія въ дѣйствительности. Новелы. 2-е изданіе, ц. 1 р.
5. Красная комната. Очерки изъ жизни художн и писателей, ц. 1 р. 25 к.
6. Чандала. Романъ ц. 1 р
7. Готическія комнаты. Романъ. 2-е изд., ц. 1 р.
8. Сынъ служанки. Ром. 2-изд. ц. 1 р. 50 к.
9. Историческія драмы, ц. 1 р. 25 к.
10. Трагикомедія брака. 2-е изд. ц. 1 р. 25 к.
11. Романтичный пономарь. Разрывъ, повѣст. ц. 1 р
12. 1) Легенды 2) Графиня Юлія, ц. 1 р.
13. Развитіе одной души. Романъ. Мастеръ Улофъ Драма, ц. 1 р. 25 к
14. Пляска смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ, ц 1 р. 25 к.
15. Черныя знамена. Ром., ц. 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Переводъ произведені Стриндберга, несомнѣнно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ“. „Совр. Міръ“.

Густавъ афъ-Гейерстамъ.

Полное собраніе сочиненій. 18 томовъ.

Т. 1. Комедія брака. Ром. 3-е изд. Съ вст. ст. Ю. А. Веселовскаго, ц. 1 р.
2. Роковыя силы. Романъ, ц. 1 р. 25 к.
3. Голова медузы. Романъ ц. 1 р.
4. 1) Вѣчная загадка. 2) Маленькій Оленъ. Два ром ц. 1 р. 25 к.
5. Власть женщины. Романъ 2-е изд. ц. 1 р.
6. Трагедія одной жизни Романъ. ц. 1 р.
7. Мать и сынъ. Романъ ц. 1 р.
8. Въ туманѣ жизни. Романъ, ц. 1 р.
9. Мечты и дѣйствительность. Романъ, ц. 1 р.
10. Борьба душъ. Романъ, 1 р. 25 к.

Жоржъ Экоутъ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Переводъ съ французскаго разрѣш. автор.

Т. 1. Изъ міра „Бывш. людей“ Ром., ц. 1 р.
2. Жажда любви. Романъ, ц. 1 р.
3. Защитникъ бездомныхъ Ром. ц. 1 р. 25 к.
4. Замокъ Эскаль-Вигоръ Ром. ц. 1 р.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ.

ТОЛКОВАНІЕ СНОВИДѢНІЙ.

„Flectere si nequeo superos,
acheronta movebo".

Переводъ съ третьяго дополненнаго нѣмецкаго изданія М.

К-во „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ".
МОСКВА—1913.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПСИХОПАТОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

Цѣна **1** руб.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

Цѣна **50** коп.

„Московское Печатное Произв." Д. Венгерова и К°. Мясницкая, 20.
Телефонъ 188-49.

Введеніе.

Дѣлая попытку толкованія сновидѣній, я не переступаю на мой взглядъ, замкнутаго круга невропатологическихъ интересовъ. Сновидѣніе въ психологическомъ анализѣ служитъ первымъ звеномъ въ ряду анормальныхъ психическихъ феноменовъ, изъ которыхъ дальнѣйшіе—истерическія фобіи, навязчивыя мысли и бредовыя идеи должны интересовать врача по практическимъ соображеніямъ. На такое практическое значеніе сновидѣніе—какъ мы увидимъ—претендовать не можетъ. Но тѣмъ значительнѣе его теоретическая цѣнность въ качествѣ парадигмы. Кто не умѣетъ объяснить себѣ возникновеніе сновидѣній, тотъ напрасно будетъ стараться понять различнаго рода фобіи, навязчивыя мысли, бредовыя идеи и ихъ терапевтическое значеніе.

Эта тѣсная взаимозависимость, которой обязана своей важностью разбираемая нами тема, является, однако, причиной и недостатковъ предлагаемой работы. Пробѣлы, имѣющіеся въ послѣднемъ въ столь обильномъ количествѣ, соотвѣтствуютъ столькимъ же точкамъ соприкосновенія, въ которыхъ проблема образованія сновидѣній входитъ въ болѣе общіе проблемы психопатологіи, которыя не освѣщаются тутъ и которымъ будутъ посвящены дальнѣйшія изслѣдованія, поскольку позволятъ это время и силы.

Своеобразіе матеріала, съ которымъ приходилось оперировать мнѣ для толкованія сновидѣній, чрезвычайно затрудняло мою работу. Изъ изложенія само собой будетъ ясно, почему всѣ сновидѣнія, описанныя въ литературѣ или собранныя отъ неизвѣстныхъ лицъ, совершенно непригодны для моихъ цѣлей. У меня былъ только выборъ между собственными сновидѣніями и сновидѣніями моихъ пацiентовъ, пользующихся психоаналитическимъ лѣченіемъ. Использованіе послѣднихъ затруднялось кромѣ того тѣмъ, что эти сновидѣнія осложнялись привхожденіемъ невротическихъ элементовъ. Съ сообщеніемъ же соб-

ственныхъ сновидѣній была неразрывно связана необходимость раскрывать передъ чужимъ взоромъ больше интимныхъ подробностей моей личной жизни, чѣмъ мнѣ бы хотѣлось и чѣмъ вообще долженъ открывать ихъ авторъ,—не поэтъ, а естествоиспытатель. Это было непріятно, не неизбѣжно. И я примирился съ этимъ, лишь бы не отказываться вообще отъ аргументаціи своихъ психологическихъ выводовъ. Я не могъ, конечно, противостоять искушенію при помощи различнаго рода сокращеній и пропусковъ скрывать наиболѣе интимныя подробности; но это всегда служило во вредъ данному примѣру, какъ доказательному аргументу. Я могу надѣяться только, что читатели моей книги поймутъ мое затруднительное положеніе и будутъ ко мнѣ снисходительны и, далѣе, что всѣ лица, которыя такъ или иначе затрагиваются въ этихъ сновидѣніяхъ, не откажутся предоставить по крайней мѣрѣ этой сферѣ полную свободу мысли.

Предисловіе ко второму изданію.

Тѣмъ, что со дня выхода моей книги еще не прошло десяти лѣтъ, а уже появилась потребность во второмъ ея изданіи, я обязанъ отнюдь не интересу спеціалистовъ, къ которымъ обращался я во введеніи. Мои коллеги—психіатры не дали себѣ труда раздѣлаться съ тѣмъ первоначальнымъ недоумѣніемъ, которое должно было вызвать въ нихъ мое новое пониманіе сновидѣній, а философы, привыкшіе смотрѣть на проблему сновидѣнія, какъ на добавленіе къ вопросамъ сознанія, не поняли, очевидно, что именно отсюда можно извлечь кое-что, ведущее къ коренному преобразованію всѣхъ нашихъ психологическихъ теорій. Отношеніе научной критики могло только подтвердить мое ожиданіе,—что участью моей книги будетъ упорное замалчиваніе ея.

Первое изданіе моей книги не могло цѣликомъ быть разобрано и той небольшой кучкой смѣлыхъ сторонниковъ, которые слѣдуютъ за мной по пути врачебнаго примѣненія психоанализа и которые по моему примѣру толкуютъ сновидѣнія, чтобы использовать это затѣмъ при лѣченіи невротиковъ. Въ виду этого я считаю себя обязаннымъ выразить благодарность тѣмъ широкимъ кругамъ интеллигентныхъ и любознательныхъ лицъ, сочувствіе которыхъ и вызвало предложеніе, спустя девять лѣтъ, взяться снова за мой трудный и во многихъ отношеніяхъ капитальный трудъ.

Съ удовлетвореніемъ могу я сказать, что исправлять и измѣнять мнѣ пришлось очень немногое. Я включилъ только кое-гдѣ новый матеріалъ, добавилъ нѣсколько замѣчаній, вытекавшихъ изъ моихъ продолжительныхъ наблюденій и мѣстами кое-что переработалъ. Все существенное же о сновидѣніи и его толкованіи, а такъ же и вытекающіе изъ послѣдняго общіе психологическіе принципы остались безъ измѣненія. Все это— по крайней мѣрѣ, субъективно—выдержало испытаніе времени. Кто знакомъ съ моими другими работами (объ этіологіи и ме-

ханизмѣ психоневрозовъ), тотъ знаетъ, что я никогда не выдавалъ неготоваго и неполнаго за полное и готовое и всегда старался измѣнять свои утвержденія, когда они переставали соотвѣтствовать моимъ убѣжденіямъ. Въ сферѣ же толкованія сновидѣній я остался на своей первоначальной точкѣ зрѣнія. За долгіе годы своей работы надъ проблемой неврозовъ я неоднократно колебался и мѣнялъ свои взгляды. Только въ своемъ «толкованіи сновидѣній» я всегда находилъ твердую точку опоры. И многочисленные мои научные противники обнаруживаютъ большую чуткость, избѣгая столкновенія со мной на почвѣ проблемы сновидѣнія.

Матеріалъ моей книги, эти въ большинствѣ своемъ уже обезцѣненныя давностью сновидѣнія, на примѣрѣ которыхъ я объясняю принципы толкованія сновидѣній, также оказались при пересмотрѣ не нуждающимися въ какой-либо переработкѣ. Для меня лично эта книга имѣетъ еще другое субъективное значеніе, которое я сумѣлъ понять лишь по ея окончаніи. Она оказалась отрывкомъ моего самоанализа,—реакціей на смерть моего отца, на крупнѣйшее событіе и тягчайшую утрату въ жизни человѣка. Понявъ это, я счелъ невозможнымъ уничтожить черты этого воздѣйствія. Для читателя же совершенно безразлично, на какомъ матеріалѣ учится онъ оцѣнивать и толковать сновидѣнія.

Такъ, гдѣ необходимое замѣчаніе не укладывалось въ логическую связь съ прежнимъ изложеніемъ, я заключалъ его въ квадратныя скобки.

Берхтесгаденъ, лѣто 1908 г.

Предисловіе къ третьему изданію.

Въ то время какъ между первымъ и вторымъ изданіемъ этой книги прошло девять лѣтъ,—потребность въ третьемъ ощутилась немного болѣе чѣмъ черезъ годъ. Я вполнѣ вправѣ радоваться такой перемѣнѣ. Но если прежде пренебреженіе моимъ трудомъ со стороны его читателей я не считалъ доказательствомъ его негодности, то теперь пробудившійся къ нему интересъ не доказываетъ еще его положительныхъ качествъ.

Прогрессъ научной мысли не оставилъ въ сторонѣ и „толкованія сновидѣній". Когда въ 1899 году я писалъ эту книгу, сексуальной теоріи еще не было, а анализъ сложныхъ формъ психоневрозовъ только еще зарождался. Толкованіе сновидѣній должно было стать вспомогательнымъ средствомъ для осуществленія анализа неврозовъ. Углубившееся изученіе послѣднихъ само въ свою очередь стало оказывать вліяніе на толкованіе сновидѣній. Ученіе о послѣднемъ пошло по пути, который недостаточно опредѣленно былъ выраженъ въ первомъ изданіи этой книги. Благодаря собственному опыту и работамъ В. Штекеля и другихъ я научился правильнѣе оцѣнивать объемъ и значеніе символики въ сновидѣніи (или, вѣрнѣе, въ безсознательномъ мышленіи). И такимъ образомъ въ теченіе этихъ лѣтъ скопилось многое, требовавшее особаго вниманія къ себѣ. Я попытался использовать все это, прибѣгши къ помощи примѣчаній и вставокъ въ текстѣ. Если добавленія эти угрожаютъ мѣстами переступить рамки изложенія или если не вездѣ удалось поднять первоначальный текстъ до уровня нашихъ нынѣшнихъ взглядовъ, то къ этимъ недостаткамъ своей книги я прошу снисхожденія; они являются лишь слѣдствіями и результатами быстраго темпа развитія нашего знанія. Я рѣшаюсь кромѣ того сказать заранѣе, по какимъ другимъ путямъ отклонятся послѣдующія изданія „Толкованія сновидѣній",—если окажется въ

нихъ потребность. Они должны будутъ приблизиться болѣе къ богатому матеріалу поэзіи, миѳа, языка и народнаго быта,—съ другой же стороны, коснутся болѣе подробно, чѣмъ теперь, отношенія сновидѣній къ неврозамъ и психическимъ разстройствамъ.

Г. Отто Ранкъ оказалъ мнѣ весьма цѣнныя услуги при подборѣ матеріала, и я выражаю ему и другимъ глубокую благодарность за ихъ указанія.

Вѣна, весна 1911 г.

I.

Научная литература по вопросу о сновидѣніяхъ. *)

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь привести доказательство того, что существуетъ психологическая техника, которая позволяетъ толковать сновидѣнія, и что при примѣненіи этого метода любое сновидѣніе оказывается осмысленнымъ психическимъ феноменомъ, которое можетъ быть въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ включено въ душевную дѣятельность бодрствованія. Я попытаюсь далѣе выяснить тѣ процессы, которые обусловливаютъ странность и непонятность сновидѣнія, и вывести на основаніи ихъ заключеніе относительно природы психическихъ силъ, изъ сотрудничества или соперничества которыхъ образуется сновидѣніе. Но на этомъ пунктѣ изложеніе мое и закончится, такъ какъ далѣе проблема сновидѣнія переходитъ въ болѣе обширную проблему, разрѣшеніе которой нуждается въ другомъ матеріалѣ.

Своему изложенію я предпосылаю обзоръ работъ друхихъ авторовъ, а также и современнаго положенія проблемы сновидѣнія въ наукѣ; дѣлаю я это потому, что въ дальнѣйшемъ буду имѣть мало поводовъ возвращаться къ этому. Научное пониманіе сновидѣнія, несмотря на тысячелѣтнія попытки, ушло впередъ очень мало. Въ этомъ такъ единодушны всѣ авторы, что излишне выслушивать по этому поводу ихъ отдѣльные голоса. Въ сочиненіяхъ, списокъ которыхъ я прилагаю въ концѣ своей книги, имѣется много цѣнныхъ замѣчаній и интереснаго матеріала для нашей темы, но тамъ нѣтъ ничего или почти ничего, что касалось бы самый сущности сновидѣнія и разрѣшало бы его тайну. Еще меньше перешло, понятно, въ пониманіе интеллигентныхъ читателей—неспеціалистовъ.

Первое сочиненіе, въ которомъ сновидѣніе разсматривается, какъ объектъ психологіи, принадлежитъ, повидимому,

---

*) До 1900 года.

Аристотелю. („О сновидѣніяхъ и толкованіи ихъ"). Аристотель заявляетъ, что сновидѣніе дьявольскаго, а не божественнаго происхожденія; это раскрываетъ, однако, его глубокій смыслъ. Ему знакомы различные типы сновидѣній, онъ знаетъ, напримѣръ, что сновидѣніе превращаетъ мелкія раздраженія, наступающія во время сна, въ крупныя (кажется, будто идешь черезъ огонь и горишь, когда на самомъ дѣлѣ происходитъ лишь незначительное согрѣваніе той или другой части тѣла) и выводитъ отсюда заключеніе, что сновидѣніе можетъ обнаружить передъ врачемъ первые, незамѣтные признаки начинающагося измѣненія въ тѣлѣ. Болѣе подробно изучить трудъ Аристотеля я не могъ, въ виду отсутствія необходимой подготовки.

Древніе до Аристотеля считали сновидѣніе, какъ извѣстно, не продуктомъ грезящей души, а внушеніемъ со стороны Божества: мы уже видимъ у нихъ оба противоположныхъ направленія, имѣющіяся на лицо во всѣхъ изслѣдованіяхъ сна и сновидѣнія. Они различаютъ истинныя и цѣнныя сновидѣнія, ниспосланныя спящему для предостереженія или для предсказанія будущаго, отъ тщеславныхъ, обманчивыхъ и ничтожныхъ, цѣлью которыхъ было смутить спящаго или ввергнуть его въ гибель. Это донаучное пониманіе сновидѣній вполнѣ гармонировало съ общимъ міровоззрѣніемъ древнихъ, которое проэктировало въ качествѣ реальности во внѣйшій міръ только то, что имѣло реальность въ душевной жизни. Оно принимало въ соображеніе кромѣ того впечатлѣніе, которое получало мышленіе на утро отъ оставшагося воспоминанія о сновидѣніи, такъ какъ въ этомъ воспоминаніи сновидѣніе противостоитъ остальному психическому содержанію, какъ нѣчто чуждое, происходящее словно изъ иного міра. Было бы ошибочно однако полагать, что ученье о сверхъестественномъ происхожденіи сновидѣнія не имѣетъ сторонниковъ и въ настоящее время; не говоря уже обо всѣхъ піэтическихъ и мистическихъ писателяхъ, которые изо всѣхъ силъ стараются наполнять какимъ-нибудь содержаніемъ остатки столь обширной въ прежнее время сферы сверхъестественнаго, покуда она не завоевывается естественно научнымъ изслѣдованіемъ,—очень часто встрѣчаются чрезвычайно развитые, далекіе отъ всякихъ подозрѣній люди, которые пытаются обосновать свою религіозную вѣру въ существованіе и во вмѣшательство сверхчеловѣческихъ духовныхъ силъ именно необъяснимостью явленій сна (Гаффнеръ[32]). Пониманіе сновидѣній нѣкоторыми философскими системами, напримѣръ, шел-

лингіанцами, представляетъ собою очевидный отзвукъ твердаго убѣжденія древнихъ въ божественномъ происхожденіи сновидѣній.

Писать исторію научнаго изученія проблемы сновидѣнія тѣмъ болѣе трудно, что въ этомъ изученіи, какъ ни цѣнно оно въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, нельзя замѣтить прогресса въ опредѣленномъ направленіи. Дѣло никогда не доходило до возведенія фундамента изъ прочно обоснованныхъ результатовъ, на которомъ послѣдующій изслѣдователь могъ бы продолжить свою постройку. Каждый новый авторъ принимается за изученіе проблемы сызнова. Если бы я сталъ разсматривать авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ и про каждаго изъ нихъ сообщать, какого онъ былъ воззрѣнія на проблему сновидѣнія,—мнѣ пришлось бы навѣрное, отказаться отъ составленія общаго нагляднаго обзора современнаго состоянія проблемы сновидѣнія. Я предпочелъ поэтому связать изложеніе съ сущностью разбираемыхъ вопросовъ, а не съ авторами и постараюсь при каждой проблемѣ указывать, какой матеріалъ имѣется въ литературѣ для ея разрѣшенія.

Такъ какъ, однако, мнѣ не удалось осилить всю, чрезвычайно разбросанную и разностороннюю литературу вопроса, то я прошу читателей удовлетвориться сознаніемъ, что я не упустилъ ни одного существеннаго факта, ни одной значительной точки зрѣнія.

До недавняго времени большинство авторовъ считали необходимымъ разсматривать сонъ и сновидѣніе вмѣстѣ, а обычно присоединяли сюда еще и изученіе аналогичныхъ состояній, соприкасающихся съ психопатологіей, и сноподобныхъ явленій (каковы, напримѣръ, галлюцинаціи, видѣнія и т. п.) Въ противоположность этому и въ болѣе позднихъ работахъ обнаруживается стремленіе суживать по возможности тему и изслѣдовать какой-нибудь одинъ только вопросъ изъ области сновидѣній. Въ этой перемѣнѣ я вижу выраженіе того взляда, что въ такихъ темныхъ вещахъ пониманія можно достичь лишь цѣлымъ рядомъ детальныхъ изслѣдованій. Я и предлагаю здѣсь не что иное, какъ такое детальное изслѣдованіе спеціально психологическаго характера. У меня нѣтъ основаній заняться проблемою сна, такъ какъ это ужъ почти чисто физіологическая проблема, хотя и въ характеристикѣ сна должно быть на-лицо измѣненіе условій функціонированія душевнаго аппарата. Я опускаю поэтому и литературу по вопросу о снѣ.

Научный интересъ къ проблемѣ сновидѣнія сводится къ

слѣдующимъ отдѣльнымъ вопросамъ, отчасти скрещивающимся другъ съ другомъ.

а) Отношеніе сновидѣнія къ бодрствованію. Наивное сужденіе пробуждающагося человѣка предполагаетъ, что сновидѣніе,—если и не происходитъ изъ другого міра,—то во всякомъ случаѣ переноситъ его самого въ этотъ чуждый міръ. Старый физіологъ Бурдахъ [8]), которому мы обязаны добросовѣстнымъ и остроумнымъ описаніемъ явленій сновидѣнія, выразилъ это убѣжденіе въ довольно часто цитируемомъ положеніи (стр. 474): «...жизнь дня съ ея треволненіями и переживаніями, съ радостями и горестями никогда не воспроизводится въ сновидѣніи; послѣднее стремится скорѣе вырвать насъ изъ этой жизни. Даже когда вся наша душа преисполнена одной мыслію, когда острая боль разрываетъ наше сердце или когда какая-либо цѣль поглощаетъ цѣликомъ весь нашъ разумъ,—даже тогда сновидѣніе оживляетъ нѣчто совершенно своеобразное, или же беретъ для своихъ комбинацій только отдѣльные элементы дѣйствительности или же, наконецъ, входитъ въ тонъ нашего настроенія и символизируетъ дѣйствительность».

Въ аналогичномъ смыслѣ высказывается и Л. Штрюмпель [66]) въ своемъ справедливо прославившемся изслѣдованіи природы и возникновенія сновидѣній. (стр. 16): «Кто грезитъ, тотъ уносится изъ міра бодрственнаго сознанія»... (стр. 17): «Въ сновидѣніи совершенно исчезаетъ память относительно строго упорядоченнаго содержанія бодрственнаго сознанія и его нормальныхъ функцій...» (стр. 19): «Почти полное отдѣленіе души въ сновидѣніи отъ осмысленнаго содержанія и теченія бодрственнаго состоянія».

Подавляющее большинство авторовъ придерживается, однако, противоположнаго мнѣнія относительно взаимоотношенія сновидѣнія и бодрствованія. Такъ, Гаффнеръ [32]) (стр. 19): «прежде всего сновидѣніе служитъ продолженіемъ бодрственнаго состоянія. Наши сновидѣнія стоятъ всегда въ связи съ представленіями, имѣвшими мѣсто незадолго до того въ сознаніи. Такое наблюденіе найдетъ всегда нить, которой сновидѣніе связано съ переживаніями предшествующаго дня». Вейгандтъ [75]) прямо противорѣчитъ вышеупомянутому утвержденію Бурдаха: «Очень часто, повидимому, въ огромномъ большинствѣ сновидѣній можно наблюдать, что они возвращаютъ насъ въ повседневную жизнь, а вовсе не вырываютъ изъ нея». Мори [48]) говоритъ въ своей лаконической формулѣ: «Nous rêvons de ce que nous avons vu, dit, desiré ou fait». Іессенъ [36]) въ своей

психологіи, появившейся въ 1855 г., высказывается болѣе подробно: «Болѣе или менѣе содержаніе сна всегда опредѣляется индивидуальностью, возрастомъ, поломъ, общественнымъ положеніемъ, умственнымъ развитіемъ, привычнымъ образомъ жизни и фактами всей предшествующей жизни».

Древніе никогда не представляли себѣ иначе взаимозависимости сновидѣнія и жизни. Я цитирую по Радештоку [54]) (стр. 139): Когда Ксерксъ передъ походомъ на грековъ не послушался добрыхъ совѣтовъ, а послѣдовалъ воздѣйствію постоянныхъ сновидѣній, старый толкователь сновъ, персъ Артабанъ, сказалъ ему очень мѣтко, что сновидѣнія въ большинствѣ случаевъ содержатъ то, о чемъ думаетъ человѣкъ въ бодрственномъ состояніи.

Въ стихотвореніи Лукреція, De rerum natura, есть одно мѣсто (IV, 959):

«Et quo quisque fere studio devinctus adhaeret, aut quibus in rebus multum sumus ante morati atque in ea ratione fuit contenta magis mens, in somnis eadem plerumque videmur obire; causidici causas agere et componere leges, induperatores pugnare ac proelia obire» и т. д.

Цицеронъ (De Divinatione II) говоритъ то же, что потомъ Мори:

«Maximeque reliquiae earum rerum moventur in animis et agitantur, de quibus vigilantes aut cogitavimus aut egimus».

Противорѣчіе обоихъ этихъ воззрѣній относительно взаимоотношенія сновидѣнія и бодрствованія, повидимому, дѣйствительно неразрывно. Здѣсь умѣстно вспомнить о Ф. Гильдебрандтѣ [35]) (1875), который полагаетъ, что своеобразныя особенности сновидѣнія вообще нельзя описать иначе, какъ посредствомъ «цѣлаго ряда контрастовъ, которые переходятъ часто въ противорѣчія», (стр. 8). «Первый изъ этихъ контрастовъ образуетъ, съ одной стороны, полная отдѣленность и замкнутость сновидѣнія отъ дѣйствительной, реальной жизни и, съ другой стороны, постоянное соприкосновеніе ихъ другъ съ другомъ, постоянная ихъ взаимозависимость.—Сновидѣніе есть нѣчто строго отдѣленное отъ дѣйствительности, пережитой въ бодрственномъ состояніи,—такъ сказать, герметически замкнутое бытіе, отрѣзанное отъ дѣйствительной жизни непроходимой пропастью. Оно отрываетъ насъ отъ дѣйствительности, убиваетъ въ насъ нормальное воспоминаніе о ней, переноситъ насъ въ другой міръ, въ другую среду, не имѣющую рѣшительно ничего общаго съ дѣйствительностью...» Гильдебрандтъ гово-

ритъ далѣе, что во снѣ все бытіе наше словно исчезаетъ за «невидимой дверью». Во снѣ ѣдешь, напримѣръ, на островъ св. Елены и привозишь живущему тамъ Наполеону превосходный, дорогой мозельвейнъ. Эксъ-императоръ встрѣчаетъ очень любезно. Чувствуешь положительно жалость, когда пробужденіе разрушаетъ интересную иллюзію. Но начинаешь сравнивать сновидѣніе съ дѣйствительностью. Виноторговцемъ ты никогда не былъ и быть не хотѣлъ. Морского путешествія не совершалъ и во всякомъ случаѣ никогда не отправился бы на св. Елену. Къ Наполеону вообще не питаешь никакой симпатіи, а скорѣе врожденную патріотическую ненависть. И вдобавокъ тебя не было еще на свѣтѣ, когда на островѣ умеръ Наполеонъ. Думать о какой-либо личной привязанности нѣтъ никакихъ основаній. Все сновидѣніе представляется въ видѣ какого-то чуждаго феномена.

«А все же», продолжаетъ Гильдебрандтъ «мнимое противорѣчіе вполнѣ правдиво и правильно. На мой взглядъ, эта замкнутость и обособленность идетъ рука объ руку съ наитѣснѣйшей связью и общностью. Мы можемъ сказать даже: что бы ни представляло собою сновидѣніе, оно беретъ свой матеріалъ изъ дѣйствительности и изъ духовной жизни, разыгрывающейся на фонѣ этой дѣйствительности. Что бы оно ни дѣлало съ нимъ, оно никогда не отдѣлится отъ реальнаго міра и его самыя комичныя и странныя формы должны будутъ всегда черпать свой матеріалъ изъ того, что либо стояло передъ нашими глазами въ дѣйствительной жизни или же уже заняло такъ или иначе мѣсто въ нашемъ бодрственномъ мышленіи,— короче говоря, изъ того, что мы пережили внѣшне или внутренне».

в) Матеріалъ сновидѣнія.—Память въ сновидѣніи. То, что весь матеріалъ, образующій содержаніе сновидѣнія, такъ или иначе происходитъ отъ реальныхъ переживаній и во снѣ лишь воспроизводится, вспоминается, это по крайней мѣрѣ должно быть признано безспорнѣйшимъ фактомъ. Но было бы ошибочно полагать, что такая взаимозависимость содержанія сновидѣнія съ бодрственнымъ состояніемъ безъ всякаго труда можетъ быть констатирована поверхностнымъ изслѣдованіемъ. Ее приходится отыскивать очень долго, и въ цѣломъ рядѣ случаевъ она остается вообще скрытой. Причина этого заключается въ цѣломъ рядѣ особенностей, которыя обнаруживаетъ память во сновидѣніи и которыя, хотя и всегда отмѣчались, однако, не нашли еще себѣ удовлетворительнаго объясненія.

Между тѣмъ безусловно стоитъ труда подробнѣе остановиться на нихъ.

Прежде всего бросается въ глаза то, что въ содержаніи сновидѣнія имѣется матеріалъ, за которымъ по пробужденіи человѣкъ отрицаетъ принадлежность къ своему кругу знаній и переживаній. Онъ вспоминаетъ, что это снилось ему, но не помнитъ, что когда-либо пережилъ это. Онъ остается затѣмъ въ неизвѣстности, изъ какого источника черпало сновидѣніе; имъ овладѣваетъ искушеніе увѣровать въ самостоятельную творческую способность сновидѣнія; но неожиданно, иногда спустя долгое время, новое переживаніе переноситъ мнимо утерянное воспоминаніе на болѣе раннее переживаніе и находитъ тѣмъ самымъ источникъ сновидѣнія. Приходится сознаваться тогда, что въ сновидѣніи человѣкъ зналъ и вспомнилъ нѣчто, чего не помнилъ въ бодрственномъ состояніи.

Особенно характерный примѣръ такого рода разсказываетъ Дельбефъ[16]) изъ собственнаго опыта. Ему приснился дворъ его дома, покрытый снѣгомъ; подъ снѣгомъ онъ нашелъ двухъ полузамерзшихъ ящерицъ. Любя животныхъ, онъ поднялъ ихъ, согрѣлъ и отнесъ ихъ въ нору возлѣ стѣны. Туда же положилъ онъ нѣсколько листьевъ папоротника, который они, какъ онъ зналъ, очень любили. Во снѣ онъ зналъ названіе растенія: Asplenium ruta muralis.—Сновидѣніе продолжалось и, къ удивленію Дельбефа, показало ему двухъ новыхъ звѣрьковъ, растянувшихся на остаткахъ папоротника. Онъ поднялъ глаза на дорогу, увидѣлъ пятую, шестую ящерицу, и скоро вся дорога была усѣяна ящерицами, которыя направлялись все въ ту же нору возлѣ стѣны.

Дѣйствительныя познанія Дельбефа включали въ себя очень мало латинскихъ ботаническихъ терминовъ: asplenium онъ совсѣмъ не зналъ. Но къ превеликому своему удивленію убѣдился, что дѣйствительно имѣется такой папоротникъ. Его настоящее названіе: asplenium ruta muraria,—сновидѣніе нѣсколько исказило его. О случайномъ совпаденіи думать было трудно, и для Дельбефа такъ и осталось загадочнымъ, откуда взялъ онъ во снѣ этотъ терминъ.

Приснилось ему все это въ 1862 году; шестнадцать лѣтъ спустя философъ, будучи въ гостяхъ у одного своего друга, увидѣлъ у него небольшой альбомъ съ засушенными цвѣтами,— какія продаютъ въ Швейцаріи туристамъ. Въ немъ пробуждается вдругъ воспоминаніе, онъ открываетъ альбомъ, находитъ въ немъ asplenium и въ подписи подъ цвѣткомъ узнаетъ свой

собственный почеркъ. Все стало сразу понятнымъ. Сестра его друга въ 1860 г.—за два года до сновидѣнія съ ящерицами—посѣтила во время своего свадебнаго путешествія Дельбефа. У нея былъ съ собой купленый для брата гербарій, и Дельбефъ изъ любезности подписалъ подъ диктовку спеціалиста-ботаника латинское названіе подъ каждымъ растеніемъ.

Случайность, раскрывшая тайну сновидѣнія, дала Дельбефу возможность найти объясненіе и другой части этого же сновидѣнія. Однажды, въ 1877 году въ руки къ нему попалъ старый томъ иллюстрированнаго журнала, въ которомъ онъ увидѣлъ картинку, изображавшую все шествіе ящерицъ, видѣнное имъ во снѣ въ 1862 году. Журналъ относился къ 1861 году, и Дельбефъ вспомнилъ, что онъ былъ въ то время его подписчикомъ.

То, что сновидѣніе имѣетъ въ своемъ распоряженіи воспоминанія, недоступныя бодрствованію, представляетъ собою настолько замѣчательный и въ теоретическомъ отношеніи настолько важный фактъ, что я хотѣлъ бы подчеркнуть его сообщеніемъ еще и другихъ «гипермнестическихъ» сновидѣній. Мори [48]) сообщаетъ, что у него нѣкоторое время вертѣлось на языкѣ слово «Муссиданъ». Онъ зналъ, что это—названіе французскаго города, но подробностей объ этомъ городѣ не зналъ никакихъ. Однажды ночью ему приснился разговоръ съ какимъ-то человѣкомъ. который сказалъ ему, что онъ изъ Муссидана. И на его вопросъ, гдѣ этотъ городъ, отвѣтилъ: Муссиданъ—окружной городъ въ департаментѣ Дордонь. Проснувшись, Мори не придалъ никакого значенія справкѣ, полученной во снѣ. Учебникъ географіи показалъ ему, однако, что она была совершено справедлива. Этотъ случай доказываетъ превосходство познаній сновидѣнія, но не выясняетъ забытаго источника ихъ.

Іессенъ [36]) (стр. 55) сообщаетъ аналогичное сновидѣніе изъ болѣе ранней эпохи: «Сюда относится, между прочимъ, сновидѣніе старшаго Скалигера, который написалъ оду въ честь знаменитыхъ мужей въ Веронѣ, и которому явился во снѣ человѣкъ, назвавшійся Бруніолусомъ и пожаловавшійся на то, что онъ былъ позабытъ. Хотя Скалигеръ и не помнилъ, чтобы когда-нибудь слышалъ о немъ, онъ все же включилъ его въ свою оду, и лишь впослѣдствіи его сынъ узналъ въ Веронѣ, что нѣкогда въ ней прославился извѣстный критикъ Бруніолусъ».

Въ своемъ, къ сожалѣнію, недоступномъ для меня трудѣ

(Proceedings of the Society for psychical research) Міеръ приводитъ цѣлую коллекцію такихъ гипермнестическихъ сновидѣній. На мой взглядъ, каждый, интересующійся сновидѣніями, долженъ будетъ признать самымъ заурядным явленіемъ, что сновидѣніе даетъ доказательство познаній и воспоминаній, которыми, повидимому, не обладаетъ субъектъ въ бодрственномъ состояніи. Въ психоаналитическихъ работахъ съ невротиками, о которыхъ я сообщу ниже, я почти каждый день имѣю случай разъяснять паціентамъ на основаніи ихъ сновидѣній, что они превосходно знаютъ различнаго рода цитаты, циничныя выраженія и т. п., и что пользуются ими во снѣ, хотя въ бодрственномъ состояніи они ими забываются. Я приведу здѣсь еще одинъ невинный случай гипермнезіи сновидѣнія, такъ какъ мнѣ удалось чрезвычайно легко найти источники, изъ которыхъ проистекаютъ познанія, проявлявшіяся въ сновидѣніи.

Паціентъ признался, что онъ, будучи въ кофейнѣ, потребовалъ себѣ «контужувки». Разсказавъ мнѣ объ этомъ, онъ заявилъ, что не знаетъ, что это означаетъ. Я отвѣтилъ, что контужувка—польская водка: онъ не придумалъ названія во нѣ,—оно извѣстно уже давно по плакатамъ и объявленіямъ. Сначала паціентъ мнѣ не повѣрилъ. Но нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ онъ осуществилъ свой сонъ въ кофейнѣ, онъ замѣтилъ названіе на плакатахъ, висѣвшихъ на улицѣ, по которой онъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ день, проходилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

[На собственныхъ сновидѣніяхъ я убѣдился, насколько изслѣдованіе происхожденія отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ изданіемъ этой книги меня преслѣдовало изображеніе чрезвычайно простой колокольни, которую, какъ мнѣ казалось, я никогда въ дѣйствительности не видѣлъ. Однажды, проѣзжая по желѣзной дорогѣ, на маленькой станціи между Зальбургомъ и Рейхенгаллемъ, я увидѣлъ деревенскую колокольню и тотчасъ же узналъ ее. Это было во второй половинѣ 90-хъ годовъ, а въ первый разъ я проѣзжалъ тутъ въ 1886 году. Въ послѣдующіе годы, когда я уже спеціально занялся изученіемъ сновидѣній, одна довольно странная картина не давала мнѣ буквально покоя. Я видѣлъ во снѣ, всегда налѣво отъ себя, темное помѣщеніе, въ которомъ красовалось нѣсколько причудливыхъ каменныхъ фигуръ. Проблескъ воспоминанія, въ которомъ я былъ, однако, совсѣмъ не увѣренъ, говорилъ мнѣ, что это входъ въ винный погребокъ. Мнѣ, одна-

ко, не удалось разъяснить, ни что означаетъ это сновидѣніе, ни откуда оно проистекаетъ. Въ 1907 году я случайно пріѣхалъ въ Падую, въ которой, къ моему великому сожалѣнію, не бывалъ съ 1895 года. Мое первое посѣщеніе прекраснаго университетскаго города было неудачнымъ: мнѣ не удалось повидать фресокъ Джіотто; отправившись туда, я по дорогѣ узналъ, что церковь, въ которой имѣются эти фрески, заперта, и повернулъ обратно. Посѣтивъ Падую во второй разъ, двѣнадцать лѣтъ спустя, я рѣшилъ вознаградить себя за потерянное, и первымъ дѣломъ отправился въ церквь. На улицѣ, ведшей туда, по лѣвой сторонѣ, по всей вѣроятности на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1895 году я повернулъ обратно, я увидѣлъ помѣщеніе, которое столь часто видѣлъ во снѣ, съ тѣми же самыми каменными фигурами. Это въ дѣйствительности былъ входъ въ маленькій ресторанъ.]

Однимъ изъ источниковъ, изъ которыхъ сновидѣніе черпаетъ матеріалъ для репродукціи, отчасти такимъ, которое не вспоминается въ бодрственномъ состояніи и никогда не используется, служатъ дѣтскіе годы. Я приведу лишь нѣкоторыхъ авторовъ, замѣтившихъ это и утверждавшихъ:

Гильдебрандтъ [35]) (стр. 23): «Несомнѣнно то, что сновидѣніе иногда съ изумительной репродуцирующей силою воспроизводитъ передъ нами отдѣльные и даже забытые факты прошлаго».

Штрюмпель [66]) (стр. 40): «Еще болѣе странно, когда замѣчаешь, какъ сновидѣніе черпаетъ въ полной неприкосновенности въ первоначальной свѣжести образы отдѣльныхъ лицъ, вещей и мѣстностей изъ глубочайшихъ наслоеній, отложенныхъ временемъ на раннихъ переживаніяхъ юности. Это ограничивается не только впечатлѣніями, вызвавшими при своемъ возникновеніи живое сознаніе или связанными съ высокими психическими цѣнностями и возвращающимися впослѣдствіи въ сновидѣніи въ качествѣ воспоминанія, которому радуется пробудившееся сознаніе. Глубина памяти въ сновидѣніи обнимаетъ собою также и тѣ образы, вещи, лица, мѣстности и переживанія ранняго періода, которые либо вызвали лишь незначительное сознаніе, либо не обладали никакой психической цѣнностью, либо же утратили какъ то, такъ и другую. Поэтому какъ во сновидѣніи, такъ по пробужденіи они представляются совершенно новыми и незнакомыми,—до тѣхъ поръ, пока не открывается ихъ раннее происхожденіе».

Фолькельтъ [72]) (стр. 119): «Особенно замѣчателенъ тотъ

фактъ, что во снѣ наиболѣе часто воспроизводятся воспоминанія дѣтства и юности... То, о чемъ мы давно уже больше не думаемъ, то, что для насъ давно уже потеряло всякую цѣнность,—обо всемъ этомъ сновидѣніе неминуемо напоминаетъ намъ».

Господство сновидѣнія надъ матеріаломъ дѣтства даетъ поводъ къ возникновенію интересныхъ гипермнестическихъ сновидѣній, изъ которыхъ я опять-таки приведу нѣсколько примѣровъ.

Мори [48]) разсказываетъ (стр. 92), что онъ часто ѣздилъ ребенкомъ изъ своего родного города Мо въ сосѣдній Трильпоръ, гдѣ его отецъ завѣдовалъ постройкой моста. Однажды ночью сновидѣніе переноситъ его въ Трильпоръ и заставляетъ играть на улицахъ города. Къ нему приближается человѣкъ въ какой-то формѣ. Мори спрашиваетъ, какъ его зовутъ; онъ называется: его зовутъ С..., онъ сторожъ моста. По пробужденіи Мори, сомнѣвающійся въ истинѣ воспоминанія, спрашиваетъ старую служанку, жившую у нихъ въ домѣ съ самаго дѣтства, не помнитъ ли она человѣка, носившаго такую фамилію. Конечно, гласитъ ея отвѣтъ, это былъ сторожъ моста, который въ то время строилъ его отецъ.

Такой же доказательный примѣръ истинности воспроизводимаго въ сновидѣніи воспоминанія дѣтства даетъ Мори со словъ нѣкоего г. Ф., проводившаго дѣтство въ Монбризонѣ. Человѣкъ этотъ, спустя двадцать пять лѣтъ послѣ отъѣзда оттуда, рѣшилъ вновь посѣтить родину и старыхъ друзей своей семьи, которыхъ онъ до сихъ поръ не видалъ. Ночью наканунѣ своего отъѣзда ему приснилось, что онъ достигъ цѣли путешествія и неподалеку отъ Монбризона встрѣтилъ незнакомаго ему съ виду господина, сказавшаго ему, что онъ господинъ Т., другъ его отца. Спящій помнилъ, что дѣйствительно зналъ ребенкомъ человѣка съ такой фамиліей, но давно не могъ уже припомнить его внѣшности. Прибывъ спустя нѣсколько дней въ Монбризонъ, онъ дѣйствительно находитъ мѣстность, видѣнную имъ во снѣ и встрѣчаетъ человѣка, въ которомъ узнаетъ г. Т. Человѣкъ этотъ значительно старше на видъ, чѣмъ господинъ Ф. видѣлъ его во снѣ.

Я могу здѣсь привести еще одно собственное сновидѣніе, въ которомъ впечатлѣніе, всплывшее въ памяти, было замѣщено извѣстнымъ отношеніемъ. Я увидѣлъ во снѣ лицо, отъ котораго во снѣ же узналъ, что онъ врачъ въ моемъ родномъ мѣстечкѣ. Лица его я хорошенько не разглядѣлъ, но оно смѣшалось съ представленіемъ объ одномъ изъ моихъ гимназическихъ учителей, съ которымъ я и теперь еще иногда встрѣча-

юсь. Какое отношенiе связывало обоихъ этихъ лицъ, я не могъ себѣ объяснить и проснулся. Освѣдомившись, однако, у своей матери о врачѣ первыхъ лѣтъ моего дѣтства, я узналъ, что онъ слѣпъ на одинъ глазъ,—между тѣмъ такъ же слѣпъ и гимназическiй учитель, личность котораго слилась съ личностью врача. Прошло тридцать восемь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ этого врача, и насколько помнится, никогда не думалъ о немъ, хотя шрамъ на шеѣ до сихъ поръ могъ бы напомнить мнѣ объ его медицинской помощи.

Кажется, будто слѣдовало бы создать противовѣсъ чрезвычайной роли воспоминанiй дѣтства въ сновидѣнiяхъ, такъ какъ многiе авторы утверждаютъ, что въ большинствѣ сновидѣнiй можно найти элементы самаго ранняго перiода. Робертъ [55]) (стр. 46) говоритъ даже: «Въ общемъ нормальное сновидѣнiе обхватываетъ собою лишь впечатлѣнiя послѣднихъ дней». Мы увидимъ, однако, что построенная Робертомъ теорiя сновидѣнiя настоятельно требуетъ такого отодвиганiя позднѣйшихъ и выдвиганiя раннихъ впечатлѣнiй. Фактъ же, утверждаемый Робертомъ, дѣйствительно справедливъ,—какъ мнѣ кажется, на основанiи моихъ собственныхъ наблюденiй. Американецъ Нельсонъ [50]) полагаетъ, что сновидѣнiя наиболѣе часто использовываютъ впечатлѣнiя предпослѣдняго и предъ предпослѣдняго дня,—какъ будто впечатлѣнiя послѣдняго дня недостаточно еще притуплены.

Нѣкоторые авторы, не сомнѣвающiеся въ тѣсной связи содержанiя сновидѣнiя съ бодрственной жизнiю, обратили вниманiе на то, что впечатлѣнiя, интенсивно владѣющiя бодрственнымъ мышленiемъ, лишь въ томъ случаѣ воспроизводятся въ сновидѣнiи, когда мышленiе дня до нѣкоторой степени успѣло отодвинуть ихъ на заднiй планъ. Такъ, напримѣръ, близкiй умершiй снится не въ первое время послѣ его смерти, когда еще скорбь по немъ наполняетъ существо, оставшихся въ живыхъ. (Делажъ [15]). Между тѣмъ, одна изъ послѣднихъ наблюдательницъ миссъ Галламъ собрала примѣры противоположнаго свойства и стоитъ и въ этомъ отношенiи на точкѣ зрѣнiя психической индивидуальности.

Третьей и наиболѣе непонятной особенностью памяти въ сновидѣнiи является выборъ воспроизводимаго матерiала: сновидѣнiе использовываетъ не какъ въ бодрственномъ состоянiи лишь наиболѣе выдающееся, а, наоборотъ, также и самое безразличное и ничтожное. Я цитирую по этому поводу тѣхъ ав-

торовъ, которые наиболѣе рѣзко подчеркнули свое удивленіе по этому поводу.

Гильдебрандтъ [35]) (стр. 11): «Самое удивительное то, что сновидѣніе обычно заимствуетъ свои элементы не изъ крупныхъ и существенныхъ фактовъ, не изъ важныхъ и побудительныхъ интересовъ прошедшаго дня, а изъ второстепенныхъ явленій, такъ сказать, изъ ничтожныхъ обломковъ недавно пережитаго или же, наоборотъ, далекаго прошлаго. Потрясающій случай смерти въ семьѣ, подъ впечатлѣніемъ котораго мы засыпаемъ, какъ бы погашается въ нашей памяти, пока первый моментъ бодрствованія не возвращаетъ его въ наше сознаніе съ удвоенною силою. Напротивъ того, бородавка на лбу встрѣченнаго нами незнакомца, о которомъ мы забыли тотчасъ же, какъ только прошли мимо него—играетъ въ нашемъ сновидѣніи наиболѣе видную роль...»

Штрюмпель [66]) (стр. 39): «...такіе случаи, когда разложеніе сновидѣнія даетъ составныя части, которыя хотя и происходятъ изъ переживаній послѣдняго и предпослѣдняго дня, однако, такъ незначительны и такъ малоцѣнны для бодрственнаго сознанія, что они забываются почти тотчасъ же послѣ ихъ воспріятія. Такого рода переживаніями являются случайно слышанныя фразы, бѣгло замѣченные поступки, мимолетныя воспріятія вещей или лицъ, небольшіе отрывки изъ прочитаннаго и т. п.»

Бинцъ [4]) (стр. 45) пользуется этими особенностями памяти въ сновидѣніи для того, чтобы высказать неудовлетвореніе выставляемымъ имъ же самимъ объясненіемъ сновидѣнія: «Естественное сновидѣніе предъявляетъ къ намъ аналогичные вопросы. Почему воспроизводитъ оно не всегда впечатлѣнія послѣдняго дня, почему мы безъ всякой очевидной причины погружаемся въ далекое, почти забытое прошлое? Почему въ сновидѣніи сознаніе воспринимаетъ столь часто впечатлѣнія безразличныхъ воспоминаній въ то время, какъ мозговыя клѣтки, несущія въ себѣ наиболѣе раздражимые слѣды пережитаго, по большей части нѣмы?»

Легко понятно, почему странная склонность памяти въ сновидѣніи къ безразличному и поэтому незамѣтному должна вести къ тому, чтобы вообще исказить зависимость сновидѣнія отъ бодрственной жизни и, по крайней мѣрѣ, затемнить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣды этой связи. Благодаря этому было возможно, что миссъ Уайтонъ Калькинсъ [12]) при статической обработкѣ ея собственныхъ (и ея сотрудника) сновидѣ-

ній насчитала все же одиннадцать процентовъ, въ которыхъ нельзя было прослѣдить отношенія ихъ къ бодрственной жизни. Гильдебрандъ безусловно правъ въ своемъ утвержденіи, что всѣ сновидѣнія ралъяснились бы намъ въ своей генетической связи, если бы мы каждый разъ требовали времени на изслѣдованіе ихъ происхожденія. Онъ называетъ это, правда, «чрезвычайно трудной и неблагодарной работой. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ пришлось бы выискивать въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ памяти всевозможныя, совершенно ничтожныя въ психическомъ отношеніи вещи, а также и извлекать наружу всякаго рода безразличные моменты давно прошедшаго времени, по всей вѣроятности, забытыя въ то же мгновеніе.» Я долженъ, однако. съ сожалѣніемъ отмѣтить, что остроумный авторъ уклонился здѣсь отъ правильно избраннаго пути,—путь этотъ несомнѣнно привелъ бы его къ самому центру проблемы толкованія сновидѣній.

Работа памяти въ сновидѣніи безусловно чрезвычайно существенна для всякой теоріи памяти вообще. Говорятъ, что «ничто изъ того, что разъ было нашимъ духовнымъ достояніемъ, не можетъ совершенно погибнуть.» (Шольцъ [59]) (стр. 34). Или, какъ выражается Дельбефъ [16]), «que toute impression même la plus insignifiante, laisse une trace inaltérable indéfiniment susceptible de reparaître au jour,»—выводъ, къ которому приводятъ также и многія другія патологическія явленія душевной жизни. Слѣдуетъ не упускать изъ виду этой чрезвычайной работоспособности памяти въ сновидѣніи, чтобы понять противорѣчіе, которое неминуемо должны выставить другія теоріи сновидѣнія, если онѣ попытаются истолковывать абсурдность сновидѣній частичнымъ забываніемъ дневныхъ воспріятій и впечатлѣній.

Можно даже высказать и ту мысль, что сновидѣнія сводятся вообще попросту къ воспоминанію, и видѣть въ сновидѣніи проявленіе не успокаивающейся и ночью и репродуцирующей дѣятельности, которая служитъ себѣ самоцѣлью. Сюда относится утвержденіе Пильца [51]), согласно которому наблюдается опредѣленное взаимоотношеніе между временемъ сна и содержаніемъ сновидѣній: въ глубокомъ снѣ ночью репродуцируются впечатлѣнія послѣдняго времени, — къ утру же болѣе раннія. Такое воззрѣніе опровергается, однако, уже тѣмъ, какъ сновидѣніе обращается съ матеріаломъ воспоминанія. Штрюмпель [66]) вполнѣ справедливо обращаетъ вниманіе на то, что повторенія переживаній не проявляются въ сновидѣніи. Сновидѣніе, правда, дѣлаетъ попытку къ тому, но нѣтъ послѣдующаго звена: оно проявляется

въ измѣненномъ видѣ или же на его мѣстѣ мы наблюдаемъ совершенно новое. Сновидѣніе даетъ лишь отрывки репродукціи. Это безусловно справедливо, настолько, что позволяетъ сдѣлать теоретическій выводъ. Бываютъ, правда, исключенія, когда сновидѣніе повторяетъ переживанія настолько же полно, насколько способна на это наша память въ бодрственномъ состояніи. Дельбефъ разсказываетъ про одного своего университетскаго коллегу, что онъ во снѣ пережилъ со всѣми деталями опасное путешествіе, во время котораго какимъ-то чудомъ спасся отъ гибели. Миссъ Калькинсъ [12]) сообщаетъ о двухъ сновидѣніяхъ, представляющихъ собою точную репродукцію дневныхъ переживаній, и я самъ буду имѣть впослѣдствіи поводъ сообщить примѣръ неизмѣнной репродукціи въ сновидѣніи дѣтскаго переживанія *).

c) Источники сновидѣній. Что слѣдуетъ разумѣть подъ источниками сновидѣній, можно разъяснить ссылкою на народную поговорку: сонъ отъ желудка. За этой народной мудростью скрывается теорія, видящая въ сновидѣніи слѣдствіе безпокойнаго сна. Человѣку ничего не снилось бы, если сонъ его былъ безмятеженъ,—и сновидѣніе есть реакція на такое постороннее вмѣшательство.

Изслѣдованія возбудительныхъ причинъ сновидѣній занимаютъ наиболѣе видное мѣсто въ научныхъ трудахъ. Само собою разумѣется, что проблема стала доступной для разрѣшенія лишь съ тѣхъ поръ, когда сновидѣніе сдѣлалось объектомъ біологическаго изслѣдованія. Древніе, въ глазахъ которыхъ сновидѣніе было божестеннаго происхожденія, не старались находить для него побудительнаго источника; по волѣ божественной или демонической силы проистекало сновидѣніе, изъ знанія ея или намѣренія—его содержаніе. Въ наукѣ же съ первыхъ шаговъ поднялся вопросъ, всегда ли одинаковы побудительныя причины сновидѣній или же онѣ могутъ быть разнообразны,—а вмѣстѣ съ тѣмъ относится ли причинное толкованіе сновидѣній къ области психологіи или, наоборотъ, физіологіи. Большинство авторовъ полагаетъ, повидимому, что разстройство сна, иначе говоря, источники сновидѣнія могутъ быть чрезвычайно разнообразны, и что физическое раздраженіе на ряду съ душевными волненіями

*) На основаніи позднѣйшихъ наблюденій можно добавить, что нерѣдко мелкія и незначительныя занятія повторяются въ сновидѣніи, какъ напримѣръ: укладка сундука, стряпня въ кухнѣ и т. п. При такихъ сновидѣніяхъ спящій подчеркиваетъ характеръ не воспоминанія, а «дѣйствительности»: «я все это дѣлалъ днемъ».

можетъ играть роль возбудителя сновидѣній. Въ предпочтеніи того или иного источника сновидѣнія, въ установленіи іерархіи ихъ въ зависимости отъ ихъ значенія для возникновенія сновидѣній, взгляды чрезвычайно сходятся.

Въ общемъ, источники сновидѣній можно разбить на четыре группы, которыми пользуются и для классификаціи самихъ сновидѣній.

1. Внѣшнее (объективное) чувственное раздраженіе.

2. Внутреннее (субъективное) чувственное раздраженіе.

3. Внутреннее (органическое) физическое раздраженіе.

4. Чисто психическіе источники раздраженій.

1. Внѣшнія чувственныя раздраженія. Младшій Штрюмпель, сынъ философа, изслѣдованія котораго о сновидѣніяхъ служили намъ уже неоднократно руководствомъ въ проблемѣ сновидѣнія, сообщилъ, какъ извѣстно, наблюденія надъ однимъ паціентомъ, страдавшимъ общей анестезіей тѣлесныхъ покрововъ и параличемъ нѣкоторыхъ высшихъ органовъ чувствъ. Когда у этого субъекта закрывали немногіе оставшіеся ему органы чувствъ, онъ впадалъ въ сонъ. Когда мы засыпаемъ, мы всѣ стремимся достичь ситуаціи, аналогичной эксперименту Штрюмпеля. Мы закрываемъ важнѣйшіе органы чувствъ, глаза, и стараемся устранить и отъ другихъ всякое раздраженіе или хотя бы всякое измѣненіе дѣйствующихъ на нихъ раздраженій. Мы засыпаемъ, хотя наше намѣреніе никогда въ полной мѣрѣ не осуществляется. Мы не можемъ ни совершенно устранить раздраженій отъ нашихъ органовъ чувствъ, ни уничтожить возбудимости этихъ органовъ. То, что насъ во всякое время можетъ разбудить болѣе или менѣе сильное раздраженіе, доказываетъ то, «что душа и во снѣ остается въ непрерывной связи съ внѣшнимъ міромъ». Чувственныя раздраженія, дѣйствующія на насъ во время сна, могутъ чрезвычайно легко стать источниками сновидѣній.

Изъ этихъ раздраженій имѣется цѣлый рядъ совершенно неизбѣжныхъ, которыя приноситъ съ собою сонъ или принужденъ ихъ допустить, вплоть до тѣхъ случайныхъ раздраженій, которыя предназначены для окончанія сна. Въ наши глаза можетъ проникнуть болѣе сильный свѣтъ, мы можемъ услышать шумъ, слизистая оболочка нашего носа можетъ возбудиться

какимъ-либо запахомъ. Мы можемъ во снѣ непроизвольнымъ движеніемъ обнажить нѣкоторыя части тѣла и такимъ образомъ испытать ощущеніе холода или соприкосновеніе съ какимъ-либо другимъ предметомъ. Насъ можетъ ужалить муха, или же что-нибудь можетъ раздражить сразу нѣсколько нашихъ чувствъ. Мы имѣемъ цѣлый рядъ сновидѣній, въ которыхъ раздраженіе, констатируемое по пробужденіи, и отрывки сновидѣнія настолько совпадаютъ другъ съ другомъ, что раздраженіе по праву можетъ быть названо источникомъ сновидѣнія.

Собраніе такихъ сновидѣній, вызванныхъ объективными чувственными раздраженіями,—болѣе или менѣе случайными,— я заимствую у Іессена [36]) (стр. 527): Каждый смутно воспринятый шумъ вызываетъ соотвѣтственное сновидѣніе,—раскаты грома переносятъ насъ на поле сраженія, крикъ пѣтуха превращается въ отчаянный вопль человѣка, скрипъ двери вызываетъ сновидѣніе о разбойничьемъ нападеніи. Когда ночью съ насъ спадаетъ одѣяло, намъ снится, что мы ходимъ голые или же что мы упали въ воду. Когда мы лежимъ на постели въ неудобномъ положеніи, или когда ноги свѣшиваются черезъ край, намъ снится, что мы стоимъ на краю страшной пропасти, или же что мы падаемъ съ огромной высоты. Когда голова попадаетъ подъ подушку,—надъ нами виситъ огромная скала, готовая похоронить насъ подъ своей тяжестью. Накопленіе сѣмени вызываетъ сладострастныя сновидѣнія, локальныя болевыя ощущенія—представленіе о претерпѣваемыхъ побояхъ, непріятельскомъ нападеніи или тяжеломъ пораненіи и увѣчіи...

«Мейеру (Опытъ объясненія лунатизма. Галле, 1758 годъ, стр. 33) снилось однажды, что на него напало нѣсколько человѣкъ: они растянули его на землѣ и между большимъ и вторымъ пальцами ноги вколотили въ землю шестъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что между пальцами ноги у него торчитъ соломенка. Геннигсу (О сновидѣніяхъ и лунатикахъ. Веймаръ, 1784 года, стр. 258-я) снилось однажды, что его повѣсили: проснувшись, онъ увидѣлъ, что воротъ сорочки сдавилъ ему шею. Гоффбауеру снилось въ юности, что онъ упалъ съ высокой стѣны; по пробужденіи онъ замѣтилъ, что кровать подъ нимъ сломалась и что онъ дѣйствительно упалъ на полъ... Грегори сообщаетъ, что однажды, ложась спать, онъ поставилъ къ ногамъ бутылку съ горячей водой, а во снѣ предпринялъ прогулку на вершину Этны, гдѣ раскаленная земля нестерпима жгла ему ноги. Паціентъ, которому на голову поставили шпанскія мушки, видѣлъ во снѣ, что его оскальпировали индѣй-

цы; другому, спавшему въ мокрой сорочкѣ, снилось, что онъ утонулъ въ рѣкѣ. Припадокъ подагры, случившійся во снѣ, вызвалъ у паціента представленіе, будто онъ попалъ въ руки инквизиціи и испытываетъ страшныя пытки».

Аргументъ, покоящійся на сходствѣ раздраженія и содержанія сновидѣнія, могъ бы быть подкрѣпленъ, если бы удалось путемъ систематическихъ чувственныхъ раздраженій вызывать у спящихъ соотвѣтственныя сновидѣнія. Такіе опыты, по словамъ Макниша, производилъ уже Жиронъ де-Бузаренгъ. «Онъ обнажалъ передъ сномъ колѣни, и ему снилось, что онъ ночью ѣдетъ въ дилижансѣ. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что путешественники знаютъ навѣрное, какъ ночью въ дилижансѣ обычно мерзнутъ колѣни. Въ другой разъ онъ не покрылъ головы, и ему приснилось, что онъ присутствуетъ при религіозной церемоніи. Дѣло въ томъ, что въ странѣ, гдѣ онъ жилъ, былъ обычай постоянно носить головные уборы, за исключеніемъ вышеупомянутаго случая».

Мори [48]) сообщаетъ наблюденіе надъ вызваннымъ имъ самимъ сновидѣніемъ. (Рядъ другихъ опытовъ не увѣнчался успѣхомъ).

1. Его щекочутъ перомъ по губамъ и по носу.—Ему снится страшная пытка, смоляная маска накладывается ему на лицо и потомъ вмѣстѣ съ кожей срывается.

2. Точатъ ножъ о ножъ.—Онъ слышитъ звонъ колоколовъ, потомъ набатъ; онъ присутствуетъ при іюньскихъ событіяхъ 1848 года.

3. Ему даютъ нюхать одеколонъ.—Онъ въ Каирѣ, въ лавкѣ Іоганна Маріи Фарины. Онъ переживаетъ цѣлый рядъ приключеній, но по пробужденіи не можетъ ихъ вспомнить.

4. Его слегка щиплютъ за шею.—Ему снится, что ему ставятъ мушки, и онъ видитъ врача, который лѣчилъ его въ дѣтствѣ.

5. Къ лицу его подносятъ раскаленное желѣзо.—Ему снятся «шофферы» *), врывающіеся въ домъ и заставляющіе обитателей выдать имъ деньги, ставя ихъ голыми ногами на раскаленные уголья. Вдругъ появляется герцогиня Абрантская: онъ ея секретарь.

8. На его лобъ капаютъ воду.—Онъ въ Италіи, страшно потѣетъ, пьетъ бѣлое орвіетское вино.

---

*) «Шофферами» называлась разбойничья банда въ Вандеѣ, прибѣгавшая всегда къ такимъ пыткамъ.

9. Свѣтъ свѣчи падаетъ на него черезъ красную бумагу.— Ему снится гроза, буря. Онъ находится на кораблѣ; на которомъ однажды уже испыталъ бурю въ Ламаншѣ.

Другія попытки экспериментальнаго вызыванія сновидѣній принадлежатъ Дервею [34]), Вейганту [75]) и другимъ. Многіе замѣчали «невѣроятную способность сновидѣнія настолько использовывать неожиданныя воспріятія органовъ чувствъ, что они превращались въ постепенно уже подготовленную катастрофу». (Гильдебрандтъ [35]) «Въ юные годы», сообщаетъ этотъ авторъ, «я постоянно пользовался будильникомъ для того, чтобы вставать рано. Чрезвычайно часто звукъ будильника, настолько сливался съ повидимому очень продолжительнымъ сновидѣніемъ, что, казалось, будто послѣднее расчитано именно на него и имѣетъ въ немъ свое логическое неизбѣжное завершеніе—свой естественный конецъ».

Я приведу еще съ другою цѣлью три аналогичныхъ примѣра.

Фолькельтъ (стр. 67) сообщаетъ: «Одному композитору снилось однажды, что онъ даетъ урокъ въ школѣ и что-то объясняетъ ученикамъ. Онъ кончилъ говорить и обращается къ одному изъ мальчиковъ съ вопросомъ: «Ты меня понялъ»? Тотъ кричитъ, какъ помѣшанный: «О, ja!» Разсердившись, онъ запрещаетъ ему кричать. Но вдругъ весь классъ кричитъ: «Or ja!» А потомъ: «Eurjo!» И наконецъ: «Feuerjo!» Онъ просыпается отъ крика «Пожаръ» («Feuer!») на улицѣ.

Гарнье (Traité des facultés de l'âme, 1865), сообщаетъ, что Наполеонъ проснулся однажды отъ взрыва адской машины: онъ спалъ въ каретѣ, и ему приснился переходъ черезъ Талліаменто и канонада австрійцевъ. Его разбудилъ крикъ: «Мы минированы!»

Большой извѣстности достигло сновидѣніе, испытанное Мори [48]) (стр. 161). Онъ былъ боленъ и лежалъ въ своей комнатѣ на постели: рядомъ съ нимъ сидѣла мать. Ему снилось господство террора въ эпоху революціи; онъ присутствовалъ при страшныхъ убійствахъ и предсталъ самъ, наконецъ, предъ трибуналомъ. Тамъ онъ увидѣлъ Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвиля и всѣхъ другихъ печальнымъ героевъ этой страшной эпохи, отвѣчалъ на ихъ вопросы, былъ осужденъ и въ сопровожденіи огромной толпѣ отправился на мѣсто казни. Онъ входитъ на эшафотъ, палачи связываютъ ему руки; ножъ гильотины падаетъ, онъ чувствуетъ, какъ голова отдѣляется отъ туловища, пробуждается въ неописуемомъ ужасѣ—и видитъ, что валикъ дивана,

на которомъ онъ спалъ, откинулся назадъ, и что онъ опирается затылкомъ о край дивана.

Съ этимъ сновидѣніемъ связана интересная дискуссія ле-Лорена [45]) и Эггера [20]) въ «Revue philosophique» по поводу того, можетъ ли спящій, и если можетъ, то какимъ образомъ, пережить такой обильный матеріалъ сновидѣній въ такое короткое время, которое протекаетъ между воспріятіемъ раздраженія и пробужденіемъ.

Эти примѣры заставляютъ считать объективное чувственное раздраженіе во время сна наиболѣе опредѣленными и рѣзко выраженными источниками сновидѣній. Къ тому же они играютъ и крупную роль въ представленіяхъ и понятіяхъ профановъ. Если спросить интеллигентнаго человѣка, въ общемъ незнакомаго съ литературой вопроса, какъ образуется сновидѣніе, онъ несомнѣнно отвѣтитъ, сославшись на какой-нибудь извѣстный ему сонъ, что сновидѣніе объясняется объективнымъ чувственнымъ раздраженіемъ, испытаннымъ при пробужденіи. Научное изслѣдованіе не можетъ остановиться, однако, на этомъ. Поводъ къ дальнѣйшимъ вопросамъ оно черпаетъ изъ того наблюденія, что раздраженіе, дѣйствующее на органы чувствъ во время сна, проявляется въ сновидѣніи не въ своемъ дѣйствительномъ видѣ, а замѣняется какимъ-либо другимъ представленіемъ, находящимся съ нимъ въ какимъ-либо отношеніи. Отношеніе это, связующее раздраженіе съ окончаніемъ сна, по словамъ Мори [47]) является «une afinité quelcohque. mеis qui n'est pas unique et exclusive» (стр. 72). Взять хотя бы три сновидѣнія Гильдебрандта. Здѣсь возникаетъ вопросъ, почему одно и то же самое раздраженіе вызываетъ столь различныя сновидѣнія, и почему именно такія, а не другія:

(Стр. 37). «Я гуляю раннимъ весеннимъ утромъ и иду по зеленому лугу до сосѣдней деревни; тамъ я вижу поселянъ въ праздничныхъ одеждахъ, съ молитвенниками въ рукахъ, идущихъ въ церковь. Такъ и есть! Воскресенье, скоро начнется богослуженіе. Я рѣшаю принять въ немъ участіе, но такъ какъ мнѣ очень жарко, то я хочу освѣжиться немного на кладбищѣ возлѣ церкви. Читая различныя надписи на могилахъ, а слышу, какъ звонарь входитъ на колокольню и вижу на ней небольшой колоколъ, который возвѣститъ о началѣ богослуженія. Нѣсколько минутъ онъ виситъ неподвижно, потомъ вдругъ слышится звонъ,—настолько громкій, что онъ прекращаетъ мой сонъ. На самомъ же дѣлѣ колокольный звонъ оказался звономъ моего будильника».

«Вторая комбинація. Ясный зимній день; улица засыпана снѣгомъ. Я обѣщалъ принять участіе въ поѣздкѣ на саняхъ, но мнѣ приходится долго ждать, пока мнѣ докладываютъ, что сани поданы. Наконецъ я одѣваюсь,—надѣваю шубу,—и сажусь въ сани. Но мы все еще не ѣдемъ. Наконецъ вожжи натягиваются,—и бубенчики начинаютъ свою знакомую музыку. Но она раздается съ такой силой, что мгновенно разрываетъ паутину сна. На самомъ дѣлѣ это опять-таки—звонъ будильника».

«Третій примѣръ. Я вижу, какъ кухарка по коридору идетъ въ столовую съ цѣлой грудой тарелокъ. Фарфоровая колонна въ ея рукахъ пугаетъ меня; мнѣ кажется, что она сейчасъ рухнетъ. «Осторожнѣй», предостерегаю я ее, «ты сейчасъ все уронишь». Она, конечно, меня успокаиваетъ: она уже привыкла и т. д. Я, однако, все еще озабоченнымъ взглядомъ слѣжу за ней. И, конечно, на порогѣ двери она спотыкается,—посуда падаетъ со звономъ и грохотомъ и разбивается въ дребезги. Но грохотъ длится черезчуръ долго и переходитъ почему-то въ продолжительный звонъ;—звонъ этотъ, какъ показало мнѣ пробужденіе, исходилъ по прежнему отъ будильника».

Вопросъ, почему душа въ сновидѣніи искажаетъ природу объективнаго чувственнаго раздраженія, былъ разработанъ Штрюмпелемъ [66]), а также Вундтомъ [76]). Они полагаютъ, что душа по отношенію къ такимъ раздраженіямъ находится въ условіяхъ образованія иллюзій. Чувственное впечатлѣніе познается и правильно истолковывается нами, т. е. включается въ группу воспоминаній, къ которой относится на основаніи всѣхъ предшествующихъ переживаній, если впечатлѣніе сильно, ярко и достаточно прочно и если въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточно для этого времени. Если же этихъ условій нѣтъ на лицо, то мы искажаемъ въ нашемъ представленіи объектъ, отъ котораго проистекаетъ впечатлѣніе и на основаніи его строимъ иллюзію. Когда кто-нибудь гуляетъ по широкому полю и смутно видитъ издали какой-либо предметъ, можетъ случиться, что онъ приметъ его вначалѣ за лошадь. Приблизившись немного, онъ можетъ подумать, что это лежащая корова, а подойдя еще ближе, увидитъ, что это лишь группа сидящихъ людей. Столь же неопредѣленны и впечатлѣнія, получаемыя нашей душою во снѣ отъ внѣшнихъ раздраженій; на основаніи ихъ она строитъ иллюзіи, вызывая благодаря впечатлѣнію большее или меньшее число воспоминаній, отъ которыхъ впечатлѣніе получаетъ свою психическую цѣнность. Изъ какихъ областей воспоминанія вызываются образы, и какія ассоціаціи вступа-

ютъ при этомъ въ силу,—это, по мнѣнію Штрюмпеля, неопредѣленно и зависитъ всецѣло отъ произвола душевной жизни.

Передъ нами альтернатива: мы можемъ согласиться, что закономѣрность въ образованіи сновидѣній дѣйствительно не можетъ быть прослѣжена далѣе, и должны будемъ въ такомъ случаѣ отказаться отъ вопроса, не подлежитъ ли толкованіе иллюзіи, вызванной чувственными впечатлѣніями, еще и другимъ условіямъ. Или же мы можемъ предположить, что объективное чувственное раздраженіе, получаемое нами во снѣ, играетъ въ качествѣ источника сновидѣній лишь скромную роль, и что другіе моменты обусловливаютъ подборъ вызываемыхъ воспоминаній. И дѣйствительно, если вглядѣться въ экспериментально вызываемыя сновидѣнія Мори, которыя съ этою цѣлью я привелъ здѣсь съ такими подробностями, то появится искушеніе заявить, что произведенный опытъ разъясняетъ происхожденіе лишь одного элемента сновидѣнія, а что все остальное содержаніе послѣдняго является черезчуръ самостоятельнымъ, чтобы оно могло быть истолковано однимъ лишь требованіемъ согласованія съ экспериментально введеннымъ элементомъ. Начинаешь сомнѣваться даже въ теоріи иллюзій и въ способности объективнаго раздраженія образовать сновидѣнія, когда узнаешь, что это впечатлѣніе претерпѣваетъ иногда самыя причудливыя и странныя преобразованія въ сновидѣніи. Такъ, напримѣръ, Симонъ [63]) сообщаетъ объ одномъ сновидѣніи, въ которомъ онъ видѣлъ сидѣвшихъ за столомъ исполиновъ и ясно слышалъ шумъ, производимый ихъ челюстями при жеваніи. Проснувшись, онъ услышалъ стукъ копытъ мчавшейся подъ его окнами лошади. Если здѣсь шумъ лошадиныхъ копытъ вызвалъ представленіе изъ области путешествія Гулливера, пребыванія у великановъ Бробдиньяговъ и у добродѣтельныхъ лошадодобныхъ существъ,—какъ я рѣшаюсь истолковать безъ всякой поддержки со стороны автора,—то неужели же выборъ этихъ столь необычайныхъ представленій не былъ вызванъ кромѣ того и другими мотивами? *)

2. Внутреннее (субъективное) чувственное раздраженіе. Вопреки всѣмъ возраженіямъ нужно признать, что объективныя чувственныя раздраженія во время сна играютъ видную роль въ качествѣ возбудителей сновидѣній,

*) [Исполины въ сновидѣніи даютъ возможность полагать, что рѣчь идетъ, очевидно, о какомъ-либо эпизодѣ изъ дѣтства спящаго].

и если раздраженія эти по природѣ своей и рѣдкости и кажутся быть можетъ несущественными для толкованія сновидѣній, то съ, другой стороны, приходится отыскивать еще и другіе источники сновидѣній, дѣйствующіе, однако, аналогично имъ. Я не знаю, у кого впервые возникла мысль поставить наряду съ внѣшними чувственными раздраженіями внутреннее (субъективное) возбужденіе органовъ чувствъ; несомнѣнно, однако, что ему отводится болѣе или менѣе видное мѣсто во всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ этіологіи сновидѣній. „Немаловажную роль играютъ", говоритъ Вундтъ[76]) (стр. 363), „въ сновидѣніяхъ субъективныя зрительныя и слуховыя ощущенія, знакомыя намъ въ бодрственномъ состояніи въ формѣ смутнаго ощущенія свѣта при закрытыхъ глазахъ, шума и звона въ ушахъ и т. д.,—особенно же субъективныя раздраженія сѣтчатой оболочки. Этимъ и объясняется изумительная склонность сновидѣнія вызывать впередъ взглядомъ спящаго множество аналогичныхъ или вполнѣ совпадающихъ между собою объектовъ. Мы видимъ передъ собою безчисленныхъ птицъ, бабочекъ, рыбъ, пестрыхъ камней, цвѣтовъ и т. п. Свѣтовая пыль темнаго круга зрѣнія принимаетъ фантастическія формы, а многочисленныя свѣтовыя точки, изъ которыхъ состоитъ она, воплощаются сновидѣніемъ въ столь же многочисленные предметы, которые вслѣдствіе подвижности свѣтового хаоса кажутся движущимися вещами".

Субъективныя чувственныя раздраженія въ качествѣ источниковъ сновидѣній имѣютъ, повидимому, тѣ преимущества, что они въ противоположность объективнымъ не зависятъ отъ внѣшнихъ случайностей. Они пригодны, такъ сказать, для толкованія всякій разъ, когда въ нихъ чувствуется необходимость. Но они уступаютъ объективнымъ чувственнымъ раздраженіямъ въ томъ отношеніи, что почти или совсѣмъ не доступны наблюденію и опыту въ ихъ значеніи возбудителей сновидѣній. Главнымъ аргументомъ въ пользу сновызывающей силы субъективныхъ чувственныхъ раздраженій служатъ, такъ называемыя, гипнагогическія галлюцинаціи, называемыя Іоганномъ Мюллеромъ „фантастическими зрительными явленіями". Это зачастую чрезвычайно яркіе, измѣнчивые образы, представляющіеся въ періодъ засыпанія передъ взглядомъ многихъ людей и на нѣкоторое время продолжающіеся и послѣ пробужденія. Мори[48]), въ высокой степени подверженный имъ, обратилъ на нихъ особое вниманіе и установилъ ихъ связь, вѣрнѣе ихъ тождество со сновидѣніями (какъ впрочемъ и раньше Іоганнъ

Мюллеръ). Для возникновенія ихъ, говоритъ Мори, необходима извѣстная душевная пассивность, ослабленіе вниманія (стр. 59 и сл.). Достаточно, однако, повергнуться на мгновеніе въ такую летаргію, чтобы при извѣстномъ предрасположеніи испытать гипногогическую галлюцинацію, послѣ которой, быть можетъ, снова просыпаешься до тѣхъ поръ, пока такая повторяющаяся нѣсколько разъ игра не заканчивается съ наступленіемъ сна. Если затѣмъ спустя короткое время субъектъ пробуждается, то, по словамъ Мори, удается прослѣдить въ сновидѣніи тѣ же образы, которые витали передъ нимъ передъ сномъ въ формѣ гипногогическихъ галлюцинацій (стр. 134). Такъ, Мори видѣлъ однажды цѣлый рядъ придчудливыхъ фигуръ, съ искаженными лицами и странными прическами, которыя, какъ казалось ему по пробужденіи, онъ видѣлъ во снѣ. Въ другой разъ, когда онъ былъ голоденъ благодаря предписанной ему строгой діетѣ, онъ гипногогически видѣлъ блюдо и руку, вооруженную вилкой и бравшую себѣ что-то съ блюда. Въ сновидѣніи же онъ сидѣлъ за богато убраннымъ столомъ и слышалъ шумъ, производимый вилками и ножами. Въ другой разъ заснувъ съ утомленными больными глазами, онъ испыталъ гипногогическую галлюцинацію и увидѣлъ микроскопически-крохотные знаки, которые старался съ огромными усиліями разобрать; проснувшись черезъ часъ, онъ вспомнилъ о сновидѣніи, въ которомъ видѣлъ раскрытую книгу, напечатанную чрезвычайно мелкимъ шрифтомъ; книгу эту онъ читалъ съ большимъ трудомъ.

Аналогично этимъ образамъ могутъ гипнагогически появляться и слуховыя галлюцинаціи различныхъ словъ, именъ и т. д. и повторяеться затѣмъ въ сновидѣніи, точно увертюра, возвѣщающая лейтмотивъ начинающейся оперы.

По тому же пути, что Іоганнъ Мюллеръ и Мори, идетъ и новый изслѣдователь гипнагогическихъ галлюцинацій, Трембель Лэддъ[40]). Путемъ упражненій ему удалось спустя двѣ-три минуты послѣ постепеннаго засыпанія сразу пробуждаться отъ сна, не открывая глазъ; благодаря этому онъ имѣлъ возможность сравнивать исчезающія воспріятія сѣтчатой оболочки съ остающимися въ памяти сновидѣніями. Онъ утверждаетъ, что можно установить каждый разъ чрезвычайно тѣсную связь между тѣмъ и другимъ, такимъ образомъ, что свѣтящіяся точки и линіи, предстающія предъ сѣтчатой оболочкой, представляютъ своего рода контуры, схему для психически воспринимаемыхъ сновидѣній. Одно сновидѣніе, напримѣръ, въ которомъ онъ ясно видѣлъ передъ собою печатныя строки, читалъ ихъ, изучалъ,

соотвѣтствовало расположенію свѣтовыхъ точекъ передъ сѣтчатой оболочкой ввидѣ параллельныхъ линій. Лэддъ полагаетъ, не умаляя, впрочемъ, значенія центральнаго пункта явленія, что едва ли въ насъ происходитъ зрительное воспріятіе, которое бы не опиралось на матеріалъ внутреннихъ возбужденій сѣтчатой оболочки. Особенно относится это къ сновидѣніямъ, испытываемымъ вскорѣ послѣ засыпанія въ темной комнатѣ, между тѣмъ какъ для сновидѣній ближе къ утру и къ пробужденію источникомъ раздраженія служитъ объективный свѣтъ, проникающій въ глаза. Измѣнчивый характеръ внутренняго зрительнаго возбужденія въ точности соотвѣтствуетъ вереницѣ образовъ, проходящихъ передъ нами въ сновидѣніи. Если придать серьезное значеніе наблюденіямъ Лэдда, придется признать за субъективными источниками раздраженія весьма крупную роль, такъ какъ зрительныя воспріятія образуютъ, какъ извѣстно, главную составную часть нашихъ сновидѣній. Участіе другихъ органовъ чувствъ, не исключая и слуха, гораздо менѣе значительно и непостоянно.

3. Внутреннее (органическое) физическое раздраженіе. Если мы хотимъ искать источниковъ сновидѣній не внѣ, а внутри организма, то мы должны вспомнить о томъ, что почти всѣ наши внутренніе органы, въ здоровомъ состояніи почти не дающіе о себѣ знать, въ состояніи раздраженія или во время болѣзни становятся источниками въ большинствѣ случаевъ крайнѣ непріятныхъ ощущеній, которыя должны быть поставлены наравнѣ съ возбудителями болевыхъ ощущеній, получаемыхъ извнѣ. Довольно старыя, всѣмъ извѣстныя истины заставляютъ Штрюмпеля говорить (стр. 107): „Душа во снѣ обладаетъ значительно болѣе глубокими и пространными ощущеніями своего физическаго бытія, нежели въ бодрственномъ состояніи; она принуждена испытывать извѣстныя раздраженія, проистекающія изъ различныхъ частей и измѣненій ея тѣла, о которыхъ она въ бодрственномъ состояніи ничего не знаетъ.“ Уже Аристотель[1]) считаетъ вполнѣ вѣроятнымъ, что въ сновидѣніи человѣкъ предупреждается о начинающейся болѣзни, которой совершенно не замѣчаетъ въ бодрственномъ состояніи (благодаря усиленію впечатлѣній со стороны сновидѣній), и представители медицины, далекіе, конечно, отъ вѣры въ пророческія способности сновидѣнія, всегда считали возможнымъ, что сновидѣніе можетъ предупредить о болѣзненомъ состояніи (ср. Симонъ[63]) (стр. 31) и мн. др. авторовъ).

У насъ нѣтъ недостатка и въ новѣйшихъ вполнѣ достовѣрныхъ примѣрахъ такой діагностической дѣятельности сновидѣній. Такъ, напримѣръ, Тисье[68]) сообщаетъ со словъ Артига (Essai sur la valeur séméiologique des rêves) объ одной 43-лѣтней женщинѣ, которую въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несмотря на вполнѣ здоровое состояніе преслѣдовали кошмары и у которой затѣмъ врачебное изслѣдованіе констатировало наначинающуюся болѣзнь сердца, послужившую причиной ея преждевременной смерти.

Развитіе разстройствъ внутреннихъ органовъ у цѣлаго ряда лицъ служитъ возбудителемъ сновидѣній. Многіе указываютъ на частые кошмары у страдающихъ сердечными и легочными болѣзнями,—это подчеркивается столь многочисленными авторами, что я могу ограничиться прямымъ перечисленіемъ ихъ (Радештокъ[54]), (Спитта[64]), Мори, Симонъ, Тисье), Тисье полагаетъ даже, что больные органы придаютъ характерную окраску содержанію сновидѣній. Сновидѣнія сердечныхъ больныхъ обычно весьма непродолжительны и заканчиваются кошмарными пробужденіями; почти всегда въ нихъ видную роль играетъ смерть при самыхъ мучительныхъ обстоятельствахъ. Легочнымъ больнымъ снится удушеніе, давка, бѣгство, и они въ огромномъ большинствѣ случаевъ испытываютъ извѣстный кошмаръ, который Бернеръ[7]) экспериментально вызывалъ у себя, засыпая съ лицомъ, зарытымъ въ подушки, закрывая носъ и ротъ и т. п. При разстройствахъ пищеваренія спящему снится ѣда, рвота и т. д. Вліяніе сексуальнаго возбужденія на содержаніе сновидѣній въ достаточной степени извѣстно каждому и служитъ сильнѣйшей опорой всему ученію о вызываніи сновидѣній путемъ органическихъ раздраженій. Знакомый съ литературой по вопросу о сновидѣніяхъ несомнѣнно обратитъ вниманіе, на то, что нѣкоторые авторы (Мори[48]), Вейгандъ[75]) благодаря вліянію своихъ собственныхъ болѣзненныхъ состояній на содержаніе сновидѣній были приведены къ изученію проблемы сновидѣнія.

Число источниковъ сновидѣній не настолько, однако, увеличивается этими безспорно установленными фактами, какъ могло бы показаться на первый взглядъ. Вѣдь сновидѣніе—феноменъ, наблюдающійся и у здоровыхъ людей почти у всѣхъ, а у многихъ даже ежедневно, и органическое заболѣваніе не является вовсе однимъ изъ необходимыхъ условій его. Для насъ же въ данную минуту важно не то, откуда проистекаютъ особыя сно-

видѣнія, а то, что служитъ источникомъ раздраженія для обычныхъ повседневныхъ сновидѣній нормальныхъ людей.

Между тѣмъ намъ достаточно сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы натолкнуться на источникъ сновидѣній, значительно болѣе обильный, чѣмъ всѣ предыдущіе и во всякомъ случаѣ неистощимый. Если достовѣрно то, что внутренніе органы въ болѣзненномъ состояніи становятся источниками сновидѣній, и если даже признать, что во снѣ душа отрѣшается отъ внѣшняго міра и можетъ посвятить больше вниманія внутреннимъ органамъ, то отсюда ясно, что органамъ не нужно вовсе переходить въ болѣзненное состояніе, чтобы передать спящей душѣ раздраженіе, легко переходящее въ сновидѣніе. То, что въ бодрственномъ состояніи мы испытываемъ въ крайне туманной формѣ, то ночью, достигнувъ сильнаго воздѣйствія и будучи сопряжено съ различнаго рода другими элементами, становится могущественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ заурядным источникомъ сновидѣній. Остается только изслѣдовать, какимъ образомъ органическія раздраженія переходятъ въ сновидѣнія.

Мы подошли здѣсь къ той теоріи возникновенія сновидѣній, которая пользуется наибольшей популярностью среди медицинскихъ писателей. Мракъ, которымъ окутана сущность нашего „я" („moi splanchnique") какъ называетъ его Тисье[68]), и загадочность возникновенія сновидѣнія соотвѣтствуетъ настолько другъ другу, что могутъ быть приведены между собою въ связь. Ходъ мыслей, превращающій вегетативныя органическія ощущенія въ возбудителей сновидѣнія, имѣетъ для врача еще и другое значеніе: онъ даетъ возможность соединить сновидѣніе и душевное разстройство, довольно сходныя между собою явленія, и въ этіологическомъ отношеніи, такъ какъ альтераціи общаго чувства и раздраженія, исходящія отъ внутреннихъ органовъ, обладаютъ чрезвычайно важнымъ значеніемъ для возникновенія психоза. Неудивительно поэтому, если теорія физическихъ раздраженій сводится не къ одному возбудителю.

Цѣлый рядъ авторовъ придерживался воззрѣній, высказанныхъ философомъ Шопенгауеромъ[60]) въ 1851 году. Вселенная возникаетъ для насъ благодаря тому, что нашъ интеллектъ выливаетъ впечатлѣнія, получаемыя извнѣ, въ формы времени, пространства и каузальности. Раздраженія организма извнѣ, изъ симпатической нервной системы оказываютъ днемъ въ лучшемъ случаѣ безсознательное вліяніе на наше душевное состояніе. Ночью же, когда прекращается чрезмѣрное воздѣйствіе дневныхъ впечатлѣній, впечатлѣнія, исходящія изнутри,

получаютъ возможность привлечь къ себѣ вниманіе,—подобно тому, какъ ночью мы слышимъ журчаніе ручейка, которое заглушалось дневнымъ шумомъ. Какъ же можетъ интеллектъ регировать на эти раздраженія, кромѣ какъ исполняя присущія ему функціи? Онъ облекаетъ ихъ во временныя и пространственныя формы, неразрывно связанныя съ каузальностью: такъ образуется сновидѣніе. Болѣе тѣсную взаимозависимость физическихъ раздраженій и сновидѣній пытались обосновать Шернеръ и Фолькельтъ,—но ихъ воззрѣній мы коснемся въ главѣ о теоріяхъ сновидѣній. Въ одной чрезвычайно послѣдовательной работѣ психіатръ Крауссъ[39]) обосновалъ возникновеніе сновидѣній наряду съ психозомъ и бредовыми идеями однимъ и тѣмъ же элементомъ, органически обусловленнымъ ощущеніемъ. Нельзя представить себѣ ни одной части организма, которая не могла бы стать исходнымъ пунктомъ сновидѣнія и бредового представленія. Органически обусловленное ощущеніе „раздѣляется на двѣ части: 1. на общія чувства. 2. на специфическія ощущенія, присущія, главнымъ системамъ вегетативнаго организма, въ которыхъ мы можемъ различить пять группъ,—a. мышечныя ощущенія, b. пневматическія, c. гастрическія, d. сексуальныя и e. периферическія“ (стр. 33).

Процессъ образованія сновидѣній путемъ физическихъ раздраженій Крауссъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: ощущеніе, согласно какому-либо закону ассоціаціи, вызываетъ родственное ему представленіе и вмѣстѣ съ нимъ соединяется въ одно органическое цѣлое, на которое, однако, сознаніе реагируетъ иначе, нежели въ нормальномъ состояніи. Оно обращаетъ вниманіе не на само ощущеніе, а только на сопутствующее представленіе, что служитъ одновременно и причиной того, почему такое положеніе вещей до сихъ поръ не было подмѣчено (стр. 11), Крауссъ называетъ этотъ процессъ особымъ терминомъ „транссубстанціаціей“ ощущеній въ сновидѣніяхъ (стр. 24).

Вліяніе органическихъ физическихъ раздраженій на образованіе сновидѣніи признается въ настоящее время почти всѣми. Вопросъ же о закономѣрности этой взаимозависимости находитъ себѣ чрезвычайно разнообразные отвѣты, иногда довольно противорѣчивые. На основаніи теорій физическихъ раздраженій при толкованіи сновидѣній выростаетъ особая задача—сводить содержаніе сновидѣнія на вызывающія его органическія раздраженія, и если не признать выставленныхъ Шерperомъ[58]) правилъ, то приходится зачастую сталкиваться съ тѣмъ непріят-

нымъ фактомъ, что органическія раздраженія проявляются исключительно черезъ посредство содержанія сновидѣнія.

Довольно единодушно производится толкованіе различныхъ формъ сновидѣній, именуемыхъ „типическими", такъ какъ они у большого числа лицъ обладаютъ почти совершенно аналогичнымъ содержаніемъ. Это—извѣстныя сновидѣнія о паденіи съ высоты, о выпаденіи зубовъ, о летаніи и о смущеніи, которое испытываетъ грезящій, видя себя голымъ или полуодѣтымъ. Послѣднее сновидѣніе проистекаетъ по большей частью отъ того, что спящій сбрасываетъ съ себя одѣяло и лежитъ обнаженнымъ. Сновидѣніе о выпаденіи зубовъ сводится обычно къ раздраженію полости рта, подъ которымъ не разумѣется, однако, обязательно зубная боль. Паденіе съ высоты объясняется тѣмъ, что при наступившемъ ослабленіи чувства осязанія падаетъ либо рука, либо неожиданно выпрямляется согнутое колѣно; благодаря этому осязаніе вновь пробуждается, но переходъ къ сознанію психически воплощается въ сновидѣніи о паденіи (Штрюмпель, стр. 118). Слабость этихъ популярныхъ толкованій объясняется тѣмъ, что они безъ всякой причины выкидываютъ или же, наоборотъ включаютъ ту или другую группу органическихъ ощущеній до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ благопріятной для толкованія констелляціи. Ниже я буду имѣть случай вернуться къ типическимъ сновидѣніямъ и ихъ возникновенію.

Симонъ [63]) пытался вывести изъ сравненія цѣлаго ряда аналогичныхъ сновидѣній нѣкоторые законы о вліяніи органическихъ раздраженій на сновидѣнія. Онъ говоритъ (стр. 34): «Когда во снѣ какой-либо органъ, въ нормальномъ состояніи участвующій въ проявленіи аффекта, почему-либо находится въ состояніи возбужденія, въ которое повергается обычно при этомъ аффектѣ, то возникающее при этомъ сновидѣніе будетъ содержать представленіе, сопряженное съ этимъ аффектомъ».

Другое правило гласитъ (стр. 35): «Если какой-либо органъ находится во снѣ въ состояніи активной дѣятельности, возбужденія или разстройства, то сновидѣніе будетъ содержать представленіе, сопряженное съ проявленіемъ органической функціи, присущей данному органу».

Мурли Вольдъ [73]) пытался экспериментально обосновать выставляемое теоріей физическаго раздраженія вліяніе на образованіе сновидѣній для одной области. Онъ измѣнялъ положеніе членовъ тѣла спящаго человѣка и сравнивалъ ис-

пытываемое сновидѣніе съ этимъ измѣненіемъ. Онъ пришелъ при этомъ къ слѣдующему выводу:

1. Положеніе членовъ тѣла въ сновидѣніи соотвѣтствуетъ приблизительно его положенію въ дѣйствительности, т. е. субъекту снится статическое состояніе членовъ, соотвѣтственное реальному.

2. Если субъектъ видитъ во снѣ движеніе какого-либо члена своего тѣла, то движеніе это почти всегда таково, что одно изъ положеній соотвѣтствуетъ дѣйствительному.

3. Положеніе членовъ собственнаго тѣла въ сновидѣніи можетъ быть приписываемо и другому лицу.

4. Можетъ сниться, что данное движеніе встрѣчаетъ препятствіе.

5. Членъ тѣла въ данномъ положеніи можетъ въ сновидѣніи принять форму животнаго или чудовища, при чемъ между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная аналогія.

6. Положеніе членовъ тѣла можетъ возбудить въ сновидѣніи образы, имѣющіе какое-либо къ нему отношеніе. Такъ, например, при движеніи пальцевъ могутъ сниться цифры. Я лично заключилъ бы изъ этихъ выводовъ, что и теорія физическихъ раздраженій не можетъ исключить мнимой свободы въ обусловливаніи вызываемыхъ сновидѣній.

4. Психическіе источники раздраженій. Когда мы касались отношенія сновидѣнія къ бодрственной жизни и происхожденія матеріала сновидѣній, то мы знали, что какъ прежніе, такъ и новѣйшіе изслѣдователи сновидѣнія полагали, что людямъ снится то, что они дѣлали днемъ и что ихъ интересуетъ въ бодрственномъ состояніи. Этотъ перенесенный изъ бодрственнаго состоянія въ сонъ интересъ не только представляетъ собою психическую связь, соединяющую сновидѣніе и жизнь, но приводитъ насъ и къ довольно важному источнику сновидѣній, который наряду съ раздраженіемъ, дѣйствующимъ во снѣ, способенъ въ концѣ концовъ объяснить происхожденіе всѣхъ сновидѣній. Мы слышали, однако, и возраженія противъ этого утвержденія, а именно, что сновидѣніе отрѣшаетъ субъекта отъ дневныхъ интересовъ, и что намъ по большей части лишь тогда снится то, что больше всего интересовало насъ днемъ, когда это для бодрственной жизни утратило особую цѣнность. Такъ, при анализѣ сновидѣній мы на каждомъ шагу испытываемъ впечатлѣніе, будто выставлять общія правила почти невозможно, не сопровождая ихъ всевозможными «часто»,

«обычно», «въ большинствѣ случаевъ» и т. д. и не предупреждая о различнаго рода исключеніяхъ.

Если бы дневные интересы наряду съ внутренними и внѣшними раздраженіями были бы достаточны для этіологіи сновидѣній, то мы бы могли дать отчетъ въ происхожденіи всѣхъ элементовъ сновидѣнія; загадка источниковъ сновидѣнія была бы разрѣшена и оставалось бы только разграничить роль психическаго и соматическаго раздраженій въ отдѣльныхъ сновидѣніяхъ. Въ дѣйствительности же, такое полное толкованіе сновидѣнія никогда не удается, и у каждаго, кто производитъ такого рода попытку, въ большинствѣ случаевъ остается чрезвычайно много составныхъ элементовъ, въ происхожденіи которыхъ онъ не можетъ дать себѣ отчета. Дневной интересъ въ качествѣ психическаго источника сновидѣній не играетъ, повидимому, такой важной роли, какъ слѣдовало бы ожидать послѣ категорическихъ утвержденій, будто въ сновидѣніи каждый продолжаетъ свою дѣятельность.

Другіе психическіе источники сновидѣній намъ не извѣстны. Всѣ теоріи сновидѣній, защищаемые въ литературѣ— за исключеніемъ развѣ только теоріи Шернера[58]), которой мы коснемся впослѣдствіи,—обнаруживаютъ большіе пробѣлы тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ объясненіи наиболѣе характернаго для сновидѣнія матеріала представленій. Въ этомъ отношеніи большинство авторовъ склонно чрезвычайно умалять роль психики въ образованіи сновидѣній, которая кстати сказать представляетъ и наибольшія трудности. Они, правда, различаютъ сновидѣнія, проистекающія изъ нервнаго раздраженія, и сновидѣнія, проистекающія изъ ассоціаціи, изъ которыхъ послѣднія имѣютъ свой источникъ исключительно въ репродукціи (Вундтъ [76]), (стр. 65), но не въ силахъ отдѣлаться отъ сомнѣній въ томъ, могутъ ли они образовываться безъ побудительныхъ физическихъ раздраженій. (Фолькельтъ [72]), (стр. 127). Характеристики чистаго ассоціативнаго сновидѣнія также не достаточно: «Въ дѣйствительныхъ ассоціативныхъ сновидѣніяхъ не можетъ быть и рѣчи о такомъ твердомъ ядрѣ. Здѣсь слабая группировка проникаетъ и въ центръ сновидѣнія. Представленія, и такъ уже независимыя отъ разума и разсудка, не обуславливаются здѣсь закономѣрными физическими и душевными раздраженіями и предоставляются вполнѣ своему собственному хаотическому смѣшенію» (Фолькельтъ, стр. 118)). Къ умаленію роли психики въ образованіи сновидѣній и прибѣгаетъ и Вундтъ, утверждая, что «фантазмы сновидѣнія неправильно считаются чистыми

галлюцинаціями. По всей вѣроятности, большинство представленій въ сновидѣніяхъ являются въ дѣйствительности иллюзіями: они исходятъ отъ слабыхъ чувственныхъ впечатлѣній, никогда не угасающихъ во снѣ». (Стр. 357 и сл.) Вейгандъ[75]) придерживаясь того же взгляда, только обобщаетъ его. Онъ утверждаетъ относительно всѣхъ сновидѣній, что важнѣйшей причиной ихъ служитъ чувственное раздраженіе и лишь потомъ сюда привходятъ репродукціонныя ассоціаци—(стр. 17). Еще дальше въ отодвиганіи на задній планъ психическихъ источниковъ раздраженія идетъ Тисье[68]). (Стр. 183): Les rêves d' origine absolument psychique n' existent pas», и въ другомъ мѣстѣ (стр. 6): Les pensées de nos rêves nous viennent du dehors». Тѣ авторы, которые подобно философу Вундту, занимаютъ среднюю позицію, спѣшатъ заявить, что въ большинствѣ сновидѣній дѣйствуютъ соматическія раздраженія и неизвѣстные, или же извѣстные въ качествѣ дневныхъ интересовъ психическіе возбудители.

Мы узнаемъ впослѣдствіи, что загадка образованія сновидѣній можетъ быть разрѣшена открытіемъ неожиданнаго психическаго источника раздраженія. Покамѣстъ же, не будемъ удивляться преувеличенію роли раздраженій, не относящихся къ душевной жизни, въ образованіи сновидѣній. Это происходитъ не только потому, что они легко наблюдаемы и даже подтверждаемы экспериментально: соматическое пониманіе образованія сновидѣній соотвѣтствуетъ вполнѣ господствующимъ въ настоящее время воззрѣніямъ въ психіатріи. Господство мозга надъ организмомъ хотя и подчеркивается, но зато все, что доказываетъ независимость душевной жизни отъ очевидныхъ органическихъ измѣненій или постоянства ея проявленій, такъ пугаетъ въ данное время психіатровъ, точно признаніе этого должно вернуть насъ къ эпохѣ натурфилософіи и метафизической сущности души. Недовѣріе психіатровъ словно поставило психику подъ неусыпную опеку и требуетъ, чтобы ничто не говорило о ея самостоятельности. Это, однако, свидѣтельствуетъ только о незначительномъ довѣріи къ прочности каузуальной связи, соединяющей физическое съ психическимъ. Даже тамъ, гдѣ психическое при изслѣдованіи оказывается первичной причиной явленія, даже тамъ болѣе глубокое изученіе откроетъ дальнѣйшій путь вплоть до органически обоснованной душевной жизни. Тамъ же, гдѣ психическое для нашего познанія должно представлять собою конечный пунктъ, тамъ поэтому еще все-таки нельзя отрицать неопровержимыхъ истинъ

d. Почему человѣкъ забываетъ сновидѣніе по пробужденіи?

То, что сновидѣніе къ утру «исчезаетъ,» всѣмъ извѣстно. Правда, оно можетъ оставаться въ памяти. Ибо мы знаемъ сновидѣніе, только вспоминая о немъ по пробужденіи; намъ часто кажется, что мы помнимъ его нецѣликомъ; ночью мы знали его подробнѣе; мы наблюдаемъ, какъ чрезвычайно живое воспоминаніе о сновидѣніи утромъ, въ теченіе дня мало-помалу исчезаетъ; мы знаемъ часто, что намъ что-то снилось, но не знаемъ, что именно, и мы такъ привыкли къ тому, что сновидѣніе забывается, что отнюдь не называемъ абсурдной возможность того, что человѣку могло ночью что-нибудь сниться, а утромъ онъ не знаетъ ничего объ его содержаніи, ни вообще о томъ, что онъ его испыталъ. Съ другой стороны бываетъ нерѣдко, что сновидѣнія остаются въ памяти чрезвычайно долгое время. У своихъ паціентовъ я нерѣдко анализировалъ сновидѣнія, испытанныя ими двадцать пять и больше лѣтъ назадъ. И самъ помню сейчасъ одно сновидѣніе, которое видѣлъ по меньшей мѣрѣ тридцать семь лѣтъ назадъ, и которое до сихъ поръ не утратило въ моей памяти своей свѣжести. Все это чрезвычайно удивительно и на первыхъ порахъ довольно таки непонятно.

О забываніи сновидѣній подробнѣе другихъ говоритъ Штрюмпель [66]). Это забываніе представляетъ собою, повидимому, чрезвычайно сложное явленіе, такъ какъ Штрюмпель объясняетъ его не одной, а цѣлымъ рядомъ причинъ.

Прежде всего забываніе сновидѣній объясняется всѣми тѣми причинами, которыя вызываютъ забываніе въ дѣйствительной жизни. Въ бодрственномъ состояніи мы обыкновенно забываемъ цѣлый рядъ ощущеній и воспріятій, потому ли, что они черезчуръ слабы, потому ли, что они имѣютъ слишкомъ малое отношеніе къ связаннымъ съ ними душевнымъ движеніямъ. То же самое относится и къ большинству сновидѣній: они забываются потому, что они черезчуръ слабы. Впрочемъ, моментъ интенсивности самъ по себѣ еще не играетъ рѣшительной роли для запоминанія сновидѣній. Штрюмпель въ согласіи съ другими авторами (Калькинсъ [12]) признаетъ, что быстро забываются нерѣдко сновидѣнія, о которыхъ въ первый моментъ помнишь, что они были чрезвычайны живы и рельефны, между тѣмъ какъ, среди сохранившихся въ памяти можно найти очень много призрачныхъ, слабыхъ и совершенно неотчетливыхъ образовъ. Далѣе, въ бодрственномъ состояніи

обычно легко забывается то, что произошло всего одинъ разъ, и, наоборотъ, запоминается то, что доступно воспріятію неоднократно. Большинство сновидѣній представляютъ собою однократныя переживанія *); эта особенность ихъ способствуетъ забыванію всѣхъ сновидѣній. Гораздо существеннѣе, однако, третья причина забыванія. Для того, чтобы ощущенія, представленія, мысли и т. п. достигли извѣстной силы, доступной для запоминанія, необходимо, чтобы они не появлялись въ отдѣльности, а имѣли бы между собою какую-либо связь и зависимость. Если двустишіе разбить на слова и переставить ихъ въ другомъ порядкѣ, то запомнить двустишіе будетъ гораздо труднѣе. «Стройная, логически связанная между собою фраза значительно легче и дольше удерживается въ памяти. Абсурдное же въ общемъ запоминается столь же трудно и столь же рѣдко, какъ и безпорядочное и безсвязное». Сновидѣнія же въ большинствѣ случаевъ лишены осмысленности и связности. Сновидѣнія забываются потому, что они лишены внутренней связи.—Съ этимъ, однако, не вполнѣ согласно то, что говоритъ Радештокъ [54]) (стр. 168). Онъ утверждаетъ, что мы запоминаемъ лучше всего самыя странныя сновидѣнія.

Еще болѣе дѣйствительными для забыванія сновидѣній представляются Штрюмпелю другіе моменты, проистекающіе изъ соотношенія сновидѣнія и бодрственной жизни. Забываніе сновидѣнія бодрственнымъ сознаніемъ представляетъ собою, повидимому, лишь pendant къ тому вышеупомянутому факту, что сновидѣніе почти никогда не заимствуетъ связныя воспоминанія изъ бодрственной жизни, а беретъ изъ нея детали, вырываемыя изъ ея обычныхъ психическихъ соединеній, въ которыхъ они вспоминаются въ бодрственномъ состояніи. Композиція сновидѣній не имѣетъ такимъ образомъ мѣста въ сферѣ психическихъ рядовъ, которыми заполнена душа. Имъ не достаетъ вспомогательныхъ средствъ запоминанія. «Такимъ образомъ, сновидѣнія какъ бы поднимаются надъ уровнемъ нашей душевной жизни, парятъ въ психическомъ пространствѣ, точно облако на небѣ, которое малѣйшій порывъ вѣтра можетъ быстро согнать» (стр. 87). Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и то обстоятельство, что по пробужденіи внѣшній міръ тотчасъ же овладѣваетъ вниманіемъ и лишь немногія сновидѣнія выдерживаютъ сопротивленіе его силы. Сновидѣнія исчезаютъ подъ впечатлѣніемъ наступающаго дня, точно сверканіе звѣздъ передъ сіяніемъ солнца.

---

*) Періодически повторяющіяся сновидѣнія наблюдались, правда, нерѣдко; см. у Шабанэ [11]).

Забыванію сновидѣній способствуетъ еще кромѣ того и тотъ фактъ, что большинство людей вообще мало интересуется тѣмъ, что имъ снится. Тотъ же, кто въ качествѣ наблюдателя интересуется сновидѣніями, тому и снится больше, вѣрнѣе говоря: онъ чаще и легче запоминаетъ сновидѣнія.

Двѣ другія причины забыванія сновидѣній, добавляемыя Бенини[3]) къ указываемымъ Штрюмпелемъ, содержатся въ сущности уже въ вышеупомянутыхъ: 1. измѣненіе чувства связи между сномъ и бодрствованіемъ неблагопріятно для взаимной репродукціи, и 2. иное расположеніе представленій въ сновидѣніи дѣлаетъ послѣднее, такъ сказать, непереводимымъ для бодрствующаго сознанія.

При наличности столькихъ причинъ забыванія насъ не можетъ не удивлять, какъ замѣчаетъ и самъ Штрюмпель, что все же цѣлый рядъ сновидѣній удерживается въ памяти. Непрестанныя попытки авторовъ подвести запоминаніе сновидѣній подъ какое-либо правило равносильны признанію того, что и здѣсь остается кое-что загадочное и неразрѣшенное. Вполнѣ справедливо нѣкоторыя особенности запоминанія сновидѣній были недавно подмѣчены: напримѣръ, сновидѣніе, которое утромъ субъектъ считаетъ забытымъ, можетъ всплыть въ памяти въ теченіе дня благодаря какому-либо воспріятію, случайно соприкасавшемуся съ все же забытымъ содержаніемъ сновидѣнія (Радештокъ [54]) Тисье [68]). Запоминаніе сновидѣній все же подлежитъ ограниченію, значительно понижающему цѣнность его для критическаго взгляда. Мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, не искажаетъ ли наша память, опускающая столь многое въ сновидѣніи, и то, что она изъ него удерживаетъ.

Эти сомнѣнія въ правдивости воспроизведенія сновидѣнія высказываетъ и Штрюмпель: «Чрезвычайно часто бодрствующее сознаніе на яву включаетъ многое въ воспоминаніе о сновидѣніи: субъектъ воображаетъ, что ему снилось то или иное, вовсе не имѣвшее мѣста въ сновидѣніи».

Особенно критически высказывается Іессенъ[36]) (стр. 547): «При изслѣдованіи и толкованіи связныхъ и послѣдовательныхъ сновидѣній необходимо кромѣ того учитывать тотъ до сихъ поръ мало оцѣненный фактъ, что относительно истины дѣло обстоитъ довольно печально: вызывая въ памяти видѣнное сновидѣніе, мы, сами того не замѣчая и не желая, заполняемъ и дополняемъ пробѣлы этихъ сновидѣній. Рѣдко или почти никогда связныя сновидѣнія не бываютъ настолько связны, какъ представляется намъ въ воспоминаніи. Даже самый правдивый чело-

вѣкъ не въ состояніи передать испытаннаго имъ сновидѣнія безъ какихъ бы то ни было добавленій и прикрасъ: стремленіе человѣческаго разума видѣть во всемъ послѣдовательность и связность настолько велика, что онъ при припоминаніи какого-либо безсвязнаго сновидѣнія непроизвольно пополняетъ недостатки этой связности».

Точнымъ переводомъ этихъ словъ Іессена звучитъ слѣдующее безусловно самостоятельное воззрѣніе Эггера: [20])

«...l'observation des rêves a ses difficultés spéciales et le seul moyen d'éviter toute erreur en pareille matière est de confier au papier sans le moindre retard ce que l'on vieut d'éprouver et de remarquer; sinon, l'oubli vieut vite ou total ou partiel; l'oubli total est sans gravité; mais l'oubli partiel est perfide; car si l'on se met ensuite à raconter ce que l'on n'a pas oublié, on est exposé à compléter par imagination les fragments incohérents et disjoints fourni par la mémoire...; on devient artiste à son insu, et le récit periodiquement répéte s'impose à la créance de son auteur, qui, de bonne foi, le présente comme un tait authentique, dûment établi selon les bonnes méthodes...»

Такого мнѣнія придерживается и Спитта [66]) (стр. 338), который полагаетъ, повидимому, что мы вообще лишь при попыткѣ воспроизвести сновидѣніе вносимъ порядокъ и связь въ слабо ассоціированные между собою элементы сновидѣнія,— «производимъ процессъ логическаго соединенія, недостающаго сновидѣнію».

Такъ какъ мы не обладаемъ никакимъ другимъ контролемъ надъ правдивостью нашихъ воспоминаній, кромѣ объективнаго, а такъ какъ въ сновидѣніи, которое является нашимъ собственнымъ переживаніемъ и для котораго мы знаемъ лишь одинъ источникъ познаній—воспоминанія, этотъ контроль отсутствуетъ, то какая же цѣнность можетъ придаваться нашимъ воспоминаніямъ о сновидѣніи?

d) Психологическія особенности сновидѣнія.

При научномъ изслѣдованіи сновидѣній мы исходимъ изъ предположенія, что сновидѣніе является результатомъ нашей душевной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, готовое сновидѣніе является намъ чѣмъ то чуждымъ, въ созданіи чего мы, на нашъ взглядъ, настолько мало повинны, что выражаемъ это даже въ своемъ языкѣ: «мнѣ снилось». Откуда же проистекаетъ эта «чуждость» сновидѣнія? Послѣ нашего разсмотрѣнія источниковъ сновидѣній казалось бы, что чуждость эта обуславливается

не матеріаломъ и не содержаніемъ сновидѣнія; послѣднее по большей части общее у сновидѣнія и бодрственной жизни. Можно задаться вопросомъ, не вызывается ли это впечатлѣніе своеобразіемъ психологическихъ процессовъ въ сновидѣніи, и попытаться произвести психологическую характеристику сновидѣнія.

Никто такъ категорически не утверждалъ различія сновидѣнія и бодрственной жизни и не выводилъ отсюда такихъ рѣшительныхъ заключеній, какъ Фехнеръ[25]) въ нѣкоторыхъ частяхъ своей «Психофизики» (стр. 529, т. II). Онъ полагаетъ, что «ни простыя пониженія сознательной душевной жизни», ни отклоненія вниманія отъ вліяній внѣшняго міра недостаточны для полнаго объясненія своеобразнаго отличія сновидѣнія отъ бодрственной жизни. Онъ полагаетъ, наоборотъ, что и поле дѣйствія у сновидѣнія совершенно иное, чѣмъ у бодрственной жизни. «Если бы поле дѣйствія психифизической дѣятельности во время сна и бодрствованія было одно и то же, то сновидѣніе, на мой взглядъ, могло бы быть искусственно продолжено бодрственной жизнью, развѣ только менѣе интенсивно,—и должно было бы раздѣлять съ нею и содержаніе и форму. На самомъ же дѣлѣ это обстоитъ совершенно иначе».

Что представлялъ себѣ Фехнеръ подъ такимъ перемѣщеніемъ душевной дѣятельности, такъ и осталось не выясненнымъ. Мысли его, насколько мнѣ извѣстны, никто не продолжалъ. Анатомическое толкованіе въ смыслѣ мозговой локализаціи или даже въ смыслѣ гистологическаго разслоенія мозговой коры приходится оставить. Быть можетъ, однако, его мысль окажется когда-либо плодотворной, если отнести ее на душевный аппаратъ, слагающійся изъ различныхъ послѣдовательныхъ инстанцій.

Нѣкоторые авторы удовлетворились тѣмъ, что указали на одну изъ конкретныхъ психологическихъ особенностей сновидѣній и дѣлали ее исходнымъ пунктомъ широкихъ попытокъ объясненія и толкованія. Съ полнымъ правомъ утверждали они, что одна изъ главнѣйшихъ особенностей сновидѣнія проявляется уже въ періодъ засыпанія и можетъ быть охарактеризована, какъ явленіе, переводящее въ состояніе сна. Наиболѣе характернымъ для бодрственнаго состоянія, по мнѣнію Шлейермахера[61]) (стр. 351) является то, что мышленіе совершается посредствомъ понятій, а не образовъ. Сновидѣніе же мыслитъ преимущественно образами; можно наблюдать, что вмѣстѣ съ приближеніемъ ко сну выступаютъ наружу въ той же мѣрѣ, въ

какой затрудняется сознательная дѣятельность, новыя представленія, относящіяся всѣ безъ исключенія къ разряду образовъ. Неспособность къ такому вызыванію представленій, которое, кажется, намъ намѣренно произвольной, и связанное съ этимъ появленіе образовъ,—вотъ двѣ существенныхъ особенности сновидѣнія, которыя при психологическомъ анализѣ послѣдняго приходится признать наиболѣе существенными свойствами его. Относительно образовъ и гипнагогическихъ галлюцинацій мы уже говорили, что они даже по содержанію своему тождественны со сновидѣніями.

Такимъ образомъ, сновидѣніе мыслитъ преимущественно зрительными образами,—однако, не исключительно. Оно оперируетъ и слуховыми воспріятіями, а въ незначительной мѣрѣ и воспріятіями другихъ органовъ чувствъ. Многое и въ сновидѣніи попросту мыслится или представляется совершенно такъ же, какъ въ бодрственной жизни. Характерны, однако, для сновидѣнія лишь тѣ элементы его содержанія, которые предстаютъ предъ нами въ видѣ образовъ, т.-е. болѣе сходны съ воспріятіями, чѣмъ съ представленіями памяти. Устраняя всѣ извѣстныя каждому психіатру разногласія относительно сущности галлюцинацій, мы можемъ сказать, что сновидѣніе галлюцинируетъ, замѣщая мысли галлюцинаціями. Въ этомъ отношеніи не существуетъ никакого различія между зрительными и акустическими представленіями: было замѣчено, что воспоминаніе о звукѣ, воспринятое передъ засыпаніемъ, превращается во снѣ въ галлюцинацію той же мелодіи, чтобы при пробужденіи снова уступить мѣсто болѣе слабому и качественно совершенно иному представленію въ памяти.

Превращеніе представленія въ галлюцинацію является не единственнымъ отклоненіемъ сновидѣнія отъ соотвѣтствующей ему мысли въ бодрственномъ состояніи. Изъ этихъ образовъ сновидѣніе создаетъ ситуаціи,—оно какъ бы изображаетъ что-либо существующимъ,—драматизируетъ мысль, какъ выражается Спитта[64]) (стр. 145). Характеристика этой стороны сновидѣнія будетъ, однако, полной лишь въ томъ случаѣ, если добавить еще, что въ сновидѣніяхъ субъектъ, какъ ему кажется, не мыслитъ, а переживаетъ, иначе говоря, относится съ полною вѣрою къ галлюцинаціи,—по крайней мѣрѣ обычно; исключенія требуютъ особаго объясненія. Крититическія сомнѣнія, что въ сущности, пережито не было ничего, а лишь продумано въ своеобразной формѣ, въ формѣ сновидѣнія, появляется лишь по пробужденіи. Эта особенность отличаетъ сновидѣніе отъ мечта-

ній на яву, которыя никогда не смѣшиваются съ реальной дѣйствительностью.

Бурдахъ [8]) резюмировалъ слѣдующимъ образомъ вышеупомянутую особенность сновидѣній (стр. 476): «Къ существеннымъ признакамъ сновидѣнія относятся: a) то, что субъективная дѣятельность нашей души представляется объективной;— субъектъ такъ воспринимаетъ продукты фантазіи, точно они— чувственныя ощущенія... b) сонъ является уничтоженіемъ самостоятельности. Поэтому сонъ требуетъ извѣстной пассивности... Сновидѣніе обусловливается пониженіемъ власти субъекта надъ самимъ собою».

Далѣе необходимо выяснить причины вѣры души въ галлюцинаціи сновидѣнія, которыя могутъ проявиться лишь послѣ прекращенія самостоятельной произвольной дѣятельности.

Штрюмпель [66]) утверждаетъ, что образъ дѣйствій души при этомъ вполнѣ корректенъ и соотвѣтствуетъ всецѣло ея внутреннему механизму. Элементы сновидѣнія являются отнюдь не одними только представленіями, а дѣйствительными и истинными переживаніями души, проявляющимися въ бодрственномъ состояніи черезъ посредство органовъ чувствъ (стр. 34). Въ то время, какъ душа въ бодрственномъ состояніи мыслитъ и представляетъ словами, въ сновидѣніи она оперируетъ реальными образами (стр. 35). Кромѣ того въ сновидѣніи проявляется сознаніе пространства: ощущенія и образы, какъ въ бодрственномъ состояніи, переносятся въ опредѣленное мѣсто (стр. 36). Нужно признать, такимъ образомъ, что душа въ сновидѣніи занимаетъ ту же позицію по отношенію къ своимъ образамъ и воспріятіямъ, какъ и въ бодрственномъ состояніи (стр. 43). Если при этомъ она все же заблуждается, то это объясняется тѣмъ, что во снѣ ей не достаетъ критерія, который одинъ только можетъ отличить чувственныя воспріятія, полученныя извнѣ и изнутри. Она не можетъ подвергнуть эти образы испытанію, которое единственно открываетъ ихъ объективную реальность. Она пренебрегаетъ кромѣ того различіемъ между произвольно смѣнимыми образами и другими, гдѣ такой произволъ отсутствуетъ, и заблуждается, такъ какъ не можетъ примѣнить закона каузальности къ содержанію своего сновидѣнія (стр. 58); короче говоря, ея отдѣленіе отъ внѣшняго міра содержитъ въ себѣ и причину ея вѣры въ субъективный міръ сновидѣній.

Къ тому же выводу изъ отчасти иныхъ психологическихъ соображеній приходитъ и Дельбефъ [16]). Мы вѣримъ въ ре-

альность содержанія сновидѣній, потому что во снѣ не имѣемъ другихъ впечатлѣній, которыя послужили бы для сравненія, и потому, что мы совершенно отдѣлены отъ внѣшняго міра. Но въ истинность нашихъ галлюцинацій мы вѣримъ не потому, что во снѣ мы лишены возможности производить испытанія. Сновидѣніе можетъ представить предъ нами всѣ эти испытанія,— мы можемъ видѣть, напримѣръ, что дотрагиваемся до какого-либо предмета, между тѣмъ, какъ все-таки онъ намъ только снится. Согласно Дельбефу, не имѣется прочнаго критерія того, было ли то сновидѣніе или живая дѣйствительность,—кромѣ простого факта пробужденія. Я могу счесть иллюзіей все то, что пережито мною между засыпаніемъ и пробужденіемъ, если по пробужденіи я вижу, что я раздѣтый лежу въ постели (стр. 84). Во время сна я считалъ сновидѣнія дѣйствительными вслѣдствіе неусыпной склонности мышленія предполагать наличность внѣшняго міра, контрастомъ котораго служитъ мое «я».

Если такимъ образомъ отрѣзанность отъ внѣшняго міра является опредѣляющимъ моментомъ преимущественнаго содержанія сновидѣнія, то необходимо привести въ связи съ этимъ нѣкоторыя остроумныя замѣчанія Бурдаха [8]), освѣщающія взаимоотношенія спящей души съ внѣшнимъ міромъ и способныя удержать отъ преувеличенія вышеупомянутыхъ отклоненій. «Сонъ происходитъ лишь при томъ условіи», говоритъ Бурдахъ, «что душа не возбуждается чувственными раздраженіями... Но условіемъ сна служитъ не столько отсутствіе чувственныхъ раздраженій, сколько отсутствіе интереса къ нимъ: нѣкоторыя чувственныя воспріятія даже необходимы постольку, поскольку они служатъ успокоенію души: мельникъ можетъ заснуть лишь тогда, когда слышитъ стукъ жернова: тотъ, кто привыкъ спать со свѣчей, не можетъ заснуть въ темнотѣ», и т. д. (стр. 457).

«Душа во снѣ изолируется отъ внѣшняго міра, отходитъ отъ периферіи... Однако, связь не совершенно нарушена. Если бы субъектъ слышалъ и чувствовалъ не во снѣ, а только по пробужденіи, то вообще его нельзя было бы разбудить». «Еще убѣдительнѣе наличность ощущеній доказывается тѣмъ, что спящій субъектъ пробуждается не всегда только чувственною силою впечатлѣнія, а психологическимъ соотношеніемъ послѣдняго; безразличное слово не пробуждаетъ спящаго,—если же его назвать по имени, онъ просыпается... Душа различаетъ, такимъ образомъ, во снѣ чувственныя воспріятія. Поэтому, съ другой стороны, можно разбудить субъекта и устраненіемъ чувственнаго раздраженія: такъ, субъектъ пробуждается отъ угасанія свѣчи

мельникъ отъ остановки мельницы, т.-е. отъ прекращенія чувственной дѣятельности».

Если мы исключимъ эти довольно существенныя возраженія, то должны будемъ все же признать, что всѣ вышеупомянутыя свойства сновидѣнія, проистекающія изъ изолированности отъ внѣшняго міра, не могутъ всецѣло объяснить чуждости сновидѣній нашему сознанію. Ибо въ противномъ случаѣ можно было бы совершать обратное превращеніе галлюцинацій сновидѣнія въ представленія и ситуаціи въ мысли и тѣмъ самымъ разрѣшить проблему толкованія сновидѣній. Мы поступаемъ такъ, воспроизводя въ памяти по пробужденіи сновидѣніе, но какъ ни удачно протекаютъ иногда эти обратныя превращенія,—сновидѣніе все же сохраняетъ обычно свою загадочность.

Всѣ авторы сходятся въ томъ, что въ сновидѣніи матеріалъ бодрственной жизни претерпѣваетъ и другія еще болѣе глубокія измѣненія. Объ одномъ изъ такихъ измѣненій говоритъ Штрюмпель [66]) (стр. 17): «Душа вмѣстѣ съ прекращеніемъ дѣятельности чувствъ и нормальнаго сознанія утрачиваетъ и почву, въ которой коренятся ея чувства, желанія, интересы и поступки. Даже тѣ душевныя состоянія, чувства, интересы и оцѣнки, которые въ бодрственномъ состояніи присущи образамъ памяти, претерпѣваютъ... омрачающій гнетъ, вслѣдствіе чего нарушается ихъ связь съ образами; воспріятія вещей, лицъ, мѣстностей, событій и поступковъ въ бодрственной жизни воспроизводится въ отдѣльности чрезвычайно часто, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ психической цѣнностью. Послѣдняя отдѣлена отъ нихъ, и они поэтому ищутъ въ душѣ какихъ-либо самостоятельныхъ средствъ...»

Это лишеніе образовъ ихъ психической цѣнности, которая объясняется опять-таки изолированностью отъ внѣшняго міра, является, по мнѣнію Штрюмпеля, главною причиною той чуждости, съ которой сновидѣніе противоставляется въ нашемъ воспоминаніи дѣйствительной жизни.

Мы видѣли, что уже засыпаніе знаменуетъ собою отказъ отъ одного изъ видовъ душевной дѣятельности: отъ произвольнаго руководства представленіями. Въ насъ внѣдряется и безъ того уже очевидное предположеніе, что состояніе сна простирается и надъ душевными операціями. Та или иная операція, правда, совсѣмъ устраняется; продолжаются ли другія по прежнему и совершаются ли онѣ нормальнымъ порядкомъ, это еще вопросъ. Существуетъ воззрѣніе, которое говоритъ, что особенности сновидѣнія объясняются пониженіемъ психической

дѣятельности во снѣ; такому воззрѣнію противорѣчитъ впечатлѣніе, производимое сновидѣніемъ на наше бодрственное сужденіе. Сновидѣніе безсвязно, оно соединяетъ самыя рѣзкія противорѣчія, допускаетъ всякія невозможности, устраняетъ наши познанія, притупляетъ наше этическое и моральное чувства. Кто сталъ бы вести себя въ бодрственномъ состояніи такъ, какъ ведетъ себя иногда въ сновидѣніи, того мы навѣрное бы назвали сумасшедшимъ; кто въ дѣйствительности сталъ бы говорить вещи, какія онъ говоритъ въ сновидѣніи, тотъ произвелъ бы на насъ впечатлѣніе слабоумнаго. Въ виду этого мы имѣемъ полное основаніе говорить, что психическая дѣятельность въ сновидѣніи чрезвычайно ничтожна и что высшая интеллектуальная работа почти или совершенно невозможна.

Съ необычайнымъ единодушіемъ—объ исключеніяхъ мы скажемъ ниже—авторы высказали эти сужденія о сновидѣніи, которыя непосредственно ведутъ къ опредѣленной теоріи послѣдняго. Я считаю возможнымъ снабдить мое резюме собраніемъ мнѣній многихъ различныхъ авторовъ-философовъ и врачей—о психологической сущности сновидѣнія.

По мнѣнію Лемуана [42]) отсутствіе связи между отдѣльными образами образуетъ единственную существенную особенность сновидѣнія.

Мори [48]) соглашается съ Лемуаномъ; онъ говоритъ (стр. 163): Il n'y a pas des rêves absolument raisonnables et qui ne contiennent quelque incohérence, quelque anachronisme, quelque absurdité.

Гегель, по словамъ Спитты [64]), отрицалъ за сновидѣніемъ какую бы то ни было объективную разумную связность.

Дюга [19]) говоритъ: Le rêve, c'est l' anarchie psychique, affective et mentale, c'est le jeu des fonctions livrées à elles-mêmes et s'exerçant sans contrôle el sans but; dans le rêve l'esprit est un automate spirituel.

Объ «ослабленіи внутренней связи и смѣшеніи представленій, связанныхъ въ бодрственномъ состояніи логической силой центральнаго «я», говоритъ даже Фолькельтъ [72]) (стр. 14), согласно ученію котораго психическая дѣятельность во время сна является отнюдь не безцѣльной.

Абсурдность связи между представленіями сновидѣнія едва ли можетъ подвергнуться болѣе рѣзкой оцѣнкѣ, чѣмъ у Цицерона (De divin. II): Nihil tam praepostere, tam incondite, tam monstruose cogitari potest, quod non possimus somniare.

Фехнеръ [52]) говоритъ (стр. 522) «Кажется, будто психическая дѣятельность изъ мозга разумнаго человѣка переносится въ мозгъ глупца».

Радештокъ [54]) (стр. 145): «Въ дѣйствительности кажется невозможнымъ различить въ этомъ хаосѣ какіе-либо твердые законы. Уклоняясь отъ строгой полиціи разумной, руководящей представленіями въ бодрственномъ состояніи воли и отъ вниманія, сновидѣніе калейдоскопически смѣшиваетъ все въ своемъ хаосѣ».

Гильдебрандтъ [34]) (стр. 45): «Какіе изумительные скачки позволяетъ себѣ спящій субъектъ въ своихъ умозаключеніяхъ! Съ какой смѣлостью онъ опрокидываетъ вверхъ ногами всѣ самыя признанныя истины. Съ какими нелѣпыми противорѣчіями въ строѣ природы и общества мирится онъ, пока, наконецъ, апогей безсмыслицы не вызываетъ его пробужденія. Можно множить, напримѣръ, во снѣ: $2 \times 2 = 20$: насъ ничуть не удивитъ, если собака будетъ читать стихотвореніе, если покойникъ самъ ляжетъ въ гробъ, если скала будетъ плыть по морю; мы вполнѣ серьезно принимаемъ на себя отвѣтственныя порученія, становимся морскими министрами или же поступаемъ на службу къ Карлу XII незадолго до Полтавскаго боя».

Бинцъ [4]) (стр. 33) ссылается на выставленную имъ теорію сновидѣній: «Изъ десяти сновидѣній по меньшей мѣрѣ девять абсурдны. Мы соединяемъ въ нихъ лица и вещи, которыя не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго. Уже въ слѣдующее мгновеніе точно въ калейдоскопѣ, группировка становится иною, быть можетъ, еще болѣе абсурдной и нелѣпой, чѣмъ была раньше. Измѣнчивая игра дремлющаго мозга продолжается дальше, пока мы не пробуждаемся, не хлопаемъ себя ладонью по лбу и не задаемся вопросомъ, обладаемъ мы еще способностью здраваго мышленія!»

Мори [48]) (стр. 50) находитъ чрезвычайно существеннымъ для врача сравненіе между сновидѣніями и мышленіемъ въ бодрственномъ состояніи: «La production de ces images que chez l'homme éveillé fait le plus souvent naître la volonte, correspond, pour l'intelligence, à ce que sont pour la motilité certains mouvements que nous offrent la chorée et les affections paralytiques...» Въ общемъ же сновидѣніе представляется ему «toute une série de dégradations de la faculté pensante et resonante (стр. 27)».

Едва ли необходимо приводить мнѣнія авторовъ, повторяющихъ утвержденія Мори относительно отдѣльныхъ высшихъ формъ душевной дѣятельности.

Согласно Штрюмпелю[66]), въ сновидѣніи—само собою разумѣется и тамъ, гдѣ абсурдность не бросается въ глаза— отступаютъ на заднiй планъ всѣ логическія операціи души, покоящіяся на взаимоотношеніяхъ и взаимозависимостяхъ (стр. 26). По мнѣнію Спитты[64]) (148), въ сновидѣніи представленія, повидимому, совершенно уклоняются отъ закона причинности. Радештокъ[54]) и другіе подчеркиваютъ свойственную сновидѣніямъ слабость сужденія и умозаключенія. По мнѣнію Іодля [37]) (стр. 123), въ сновидѣніи нѣтъ критики и нѣтъ исправленія воспріятій путемъ содержанія сознанія. Этотъ авторъ полагаетъ: «Всѣ формы дѣятельности сознанія проявляются въ сновидѣніи, но въ неполномъ, изолированномъ и подавленномъ видѣ». Противорѣчіе, въ которое становится сновидѣніе по отношенію къ нашему бодрственному сознанію, Штрикеръ[77]) [78]) (вмѣстѣ со многими другими) объясняетъ тѣмъ, что въ сновидѣніи забываются факты или же теряется логическая связь между представленіями (стр. 98) и т. д. и т. д.

Авторы, которые столь неблагопріятно отзываются о психической дѣятельности въ сновидѣніи, признаютъ, однако, что сновидѣнію присущъ все же нѣкоторый остатокъ душевной дѣятельности. Вундтъ[76]), ученія котораго столь цѣнны для всякаго интересующагося проблемой сновидѣнія, категорически утверждаетъ это; но возникаетъ вопросъ о формѣ и характерѣ проявляющагося въ сновидѣніи остатка нормальной душевной дѣятельности. Почти всѣ соглашаются съ тѣмъ, что репродуцирующая способность наименѣе страдаетъ во снѣ и обнаруживаетъ даже нѣкоторое превосходство по отношенію къ той же функціи бодрственнаго состоянія, хотя часть абсурдности сновидѣнія должна быть объясняема забываніемъ именно этого элемента. По мнѣнію Спитты[64]) сонъ не дѣйствуетъ на внутреннюю жизнь души, которая полностью проявляется затѣмъ въ сновидѣніи. Подъ внутренней жизнью души онъ разумѣетъ проявленіе постояннаго комплекса чувствъ въ качествѣ сокровенной субъективной сущности человѣка» (стр. 84).

Шольцъ[59]) (стр. 37) видитъ проявляющуюся во снѣ форму душевной дѣятельности въ «аллегоризирующемъ преобразованіи», которому подвергается матеріалъ сновидѣнія. Зибекъ[62]) констатируетъ въ сновидѣніи и «дополнительную» толковательную дѣятельность души (стр. 11), которая проявляется ею по отношенію ко всему воспринимаемому. Особенную трудность представляетъ для сновидѣнія оцѣнка высшей психической функціи сознанія. Такъ какъ мы о снови-

дѣніи знаемъ вообще лишь благодаря сознанію, то относительно сохраненія его во время сна не можетъ быть никакого сомнѣнія: по мнѣнію Спитты, однако, въ сновидѣніи сохраняется только сознаніе, а не самосознаніе. Дельбефъ [16]) признается, что онъ не понимаетъ этого различія.

Законы ассоціаціи, по которымъ соединяются представленія, относятся и къ сновидѣніямъ; ихъ происхожденіе выступаетъ наружу въ сновидѣніи въ болѣе чистомъ и яркомъ видѣ. Штрюмпель [66]) (стр. 70): «Сновидѣніе протекаетъ исключительно, повидимому, по законамъ чистыхъ представленій или органическихъ раздраженій при помощи такихъ представленій, иначе говоря, безъ участія рефлекса и разсудка, эстетическаго вкуса и моральной оцѣнки». Авторы, мнѣнія которыхъ я здѣсь привожу, представляютъ себѣ образованіе сновидѣнія приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: сумма чувственныхъ раздраженій, дѣйствующихъ во снѣ и проистекающихъ изъ различныхъ вышеупомянутыхъ источниковъ, пробуждаетъ въ душѣ прежде всего рядъ впечатлѣній, предстающихъ передъ нами въ видѣ галлюцинацій (по Вундту, въ видѣ иллюзій, благодаря ихъ происхожденію отъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздраженій). Галлюцинаціи эти соединяются другъ съ другомъ по извѣстнымъ законамъ ассоціаціи и вызываютъ, со своей стороны, согласно тѣмъ же самымъ законамъ, новый рядъ представленій (образовъ). Весь матеріалъ перерабатывается затѣмъ активнымъ рудиментомъ регулирующей и мыслящей душевной способности, поскольку это въ ея силахъ, (стр. у Вундта [76]) и Вейгандта [75]). До сихъ поръ не удается однако разобраться въ мотивахъ, обусловливающихъ зависимость галлюцинацій отъ того или другого закона ассоціаціи.

Неоднократно было, однако, замѣчено, что ассоціаціи соединяющія между собою представленія въ сновидѣніи, носятъ совершенно своеобразный характеръ и разнятся отъ ассоціацій, дѣйствующихъ въ бодрственномъ мышленіи. Такъ, Фолькельтъ [72]) (стр. 15) говоритъ: «Въ сновидѣніи представленія группируются и соединяются другъ съ другомъ по случайной аналогіи и едва замѣтной внутренней связи. Всѣ сновидѣнія полны такими слабыми ассоціаціями». Мори [48]) придаетъ наибольшее значеніе этому характеру соединенія представленій, позволяющему ему сопоставить сновидѣнія съ нѣкоторыми душевными разстройствами. Онъ находитъ двѣ главныхъ отличительныхъ черты «délire:» 1. une actionspontanée et comme automatique de l'esprit; 2.—une association vicieuse et irregulière des

dées. (стр. 126) М о р и приводитъ два превосходныхъ примѣра сновидѣній, въ которыхъ простое созвучіе словъ способствуетъ соединенію представленій. Ему снилось однажды, что онъ предпринялъ пилигримство (p é l e r i n a g e) въ Іерусалимъ или въ Мекку. Потомъ послѣ многихъ приключеній онъ очутился вдругъ у механика Пеллетье (P e l l e t i e r), тотъ послѣ разговора далъ ему цинковый заступъ (p e l l e), и тотъ въ послѣдующемъ ходѣ сновидѣнія сталъ исполинскимъ мечемъ (стр. 137). Въ другой разъ онъ во снѣ отправился по большой дорогѣ и по верстовымъ столбамъ сталъ отсчитывать к и л о м е т р ы; вслѣдъ за этимъ онъ очутился въ лавкѣ, тамъ стояли большіе вѣсы, и приказчикъ клалъ на чашку к и л о г р а м м ы, отвѣшивая товаръ Мори; потомъ приказчикъ сказалъ ему: «Вы не въ Парижѣ, а на островѣ Г и л о л о». Въ дальнѣйшемъ онъ увидѣлъ между прочимъ цвѣты л о б е л і и, генерала Л о п е з а, о смерти котораго онъ недавно читалъ; и наконецъ передъ самымъ пробужденіемъ игралъ во снѣ въ л о т т о *).

Насъ не можетъ удивлять то обстоятельство, что это умаленіе психической дѣятельности сновидѣнія встрѣчаетъ рѣзкія противорѣчія съ другой стороны. Правда, противорѣчія эти здѣсь довольно затруднительны;—нельзя, однако, придавать серьезнаго значенія тому, что одинъ изъ сторониковъ умаленія душевной дѣятельности (С п и т т а [64]) утверждаетъ, что въ сновидѣніи господствуютъ тѣ же психологическіе законы, что и въ бодрственномъ состояніи. Или, что другой (Д ю г а [19]) говоритъ: «le rêve n'est pas déraison, ni même irraison pure». Оба они не пытаются даже привести въ связь это утвержденіе съ описанною ими же самими психической анархіей и подавленіемъ всѣхъ функцій въ сновидѣніяхъ. Но другимъ, однако, представлялось возможность того, что абсурдность сновидѣнія имѣетъ все-таки какой-то методъ. Эти авторы не воспользовались, однако этою мыслью и не развили ее.

Такъ, напримѣръ, Г а в е л о к ъ Э л л и с ъ [23]) опредѣляетъ сновидѣніе, не останавливаясь на его мнимой абсурдности, какъ «an archaïc world of vast emotions and imperfect thoughts», изученіе котораго могло бы дать намъ понятіе о примитивныхъ фазахъ развитія психической жизни. Такой мыслитель, какъ Д е л ь б е ф ъ [16]) утверждаетъ—правда, не приводя доказательствъ противъ противорѣчащаго матеріала и поэтому, въ сущности, несправедливо: «Dans le sommeil, hormis la perception,

*) Ниже мы подвергнемъ изслѣдованію сновидѣнія, характеризующіяся словами съ одинаковыми начальными буквами и аналогичныя по созвучію.

toutes les facultés de l'esprit, intelligence, imagination, mémoirie, volonté, moralité, restent intactes dans leur essence; seulement, elles s'appiquent à des objets imaginaires et mobiles. Le songeur est un acteur qui joue à volonté les fous et les sages, les bourrlaux, et es victimes, les nains et les géants, les démons, et les anges» (стр. 222). Энергичнѣе всего оспариваетъ умаленіе психической дѣятельности въ сновидѣніи маркизъ д'Э р в е й, съ которымъ полемизировалъ М о р и и сочиненія котораго я несмотря на всѣ свои усилія не могъ раздобыть. М о р и говоритъ о немъ (стр. 19): «M. le Marquis d'Hervey prête á l'intelligence, durant le sommeil, toute sa liberté d'action et d'attention et il ne semble faire consister le sommeil que dans l'occlusion des sens, dans leur fermeture au monde extérieur; en sorte que l'homme qui dort ne se distingue guère selon sa manière de voir, de l'homme qui laisse vaguer sa pensée en se bouchant les sens; toute la diffirence qui sépare alors la pensée ordinaire du celle du dormeur c'est que, chez celui-ci, l'idée prend une forme visible, objective et ressemble à s'y méprendre, à la sensation déterminée par les objets extérieurs; le souvenir revêt l'apparence du fait présent».

Скала оцѣнки сновидѣнія, какъ психическаго продукта, чрезвычайно обширна въ литературѣ: она простирается отъ глубочайшаго пренебреженія, съ которымъ мы уже познакомились отъ предчувствія до сихъ поръ еще не найденной цѣнности вплоть до переоцѣнки, ставящей сновидѣніе значительно выше душевной дѣятельности бодрственной жизни. Г и л ь д е б р а н д т ъ [35]), который, какъ мы знаемъ, даетъ психологическую характеристику сновидѣнія въ трехъ антиноміяхъ, резюмируетъ въ третьемъ изъ этихъ противорѣчій конечный пунктъ этого ряда слѣдующимъ образомъ (стр. 19): «Онъ находится между повышеніемъ и потенціацией, доходящей нерѣдко до виртуозности, и рѣшительнымъ пониженіемъ и ослабленіемъ душевной дѣятельности, доходящей иногда до низшаго уровня человѣческаго».

«Что касается перваго, то кто же не знаетъ по собственному опыту, что въ творчествѣ генія сновидѣнія проявляется иногда глубина и искренность чувства, тонкость ощущеніяъ ясность мысли, мѣткость наблюденія, находчивость, остроуміе все то, что мы по скромности нашей не признали бы своим, достояніемъ въ бодрственной жизни. Сновидѣніе обладаетъ изумительной поэзіей, превосходной аллегоріей, несравненнымъ юморомъ, изумительной ироніей. Оно видитъ міръ въ своеобразномъ идеализированномъ свѣтѣ и потенцируетъ эффектъ

своихъ интересовъ часто въ глубокомысленномъ пониманіи ихъ сокровенной сущности. Оно представляетъ намъ земную красоту въ истинно небесномъ блескѣ, окружаетъ возвышенное наивысшимъ величіемъ, облекаетъ страшное въ ужасающія формы, представляетъ намъ смѣшное съ несравненнымъ комизмомъ. Иногда послѣ пробужденія мы настолько преисполнены однимъ изъ такихъ впечатлѣній, что намъ кажется, будто реальный міръ никогда не давалъ намъ ничего подобнаго».

Невольно задаешься вопросомъ, неужели по отношенію къ одному и тому же объекту, мы слышали столь пренебрежительныя замѣчанія и столь воодушевленный панегерикъ. Неужели же одни упустили изъ виду абсурдныя сновидѣнія, а другіе— полныя смысла и жизни? Но если встрѣчаются тѣ и другія сновидѣнія, которыя заслуживаютъ той и другой оцѣнки, то развѣ не пустое занятіе искать психологической характеристики сновидѣнія? Развѣ не достаточно сказать, что въ сновидѣніи возможно все, начиная отъ глубочайшаго пониженія душевной дѣятельности вплоть до повышенія ея, необычайнаго даже для бодрственной жизни? Какъ ни удобно это разрѣшеніе вопроса, ему противорѣчитъ то, что лежитъ въ основѣ, въ стремленіи всѣхъ этихъ изслѣдователей сновидѣнія: по мнѣнію всѣхъ ихъ, существуетъ все же общеобязательная по своей сущности характеристика сновидѣнія, устраняющая всѣ вышеуказанныя противорѣчія.

Нельзя отрицать того, что психическая дѣятельность сновидѣнія встрѣчала болѣе охотное признаніе въ тотъ давно прошедшій интеллектуальный періодъ, когда умами владѣла философія, а не точныя естественныя науки. Воззрѣнія, какъ напримѣръ Шуберта, что сновидѣніе является освобожденіемъ отъ власти внѣшней природы, освобожденіемъ души отъ оковъ чувственности и аналогичныя воззрѣнія младшаго Фихте и другихъ, которые всѣ характеризуютъ сновидѣніе, какъ подъемъ душевной жизни, кажутся намъ въ настоящее время мало понятными: сейчасъ съ нимъ могутъ соглашаться лишь мистики и религіозно настроенные люди. Развитіе естественнонаучнаго образа мышленія вызвало реакцію въ оцѣнкѣ сновидѣнія. Представители медицины скорѣе другихъ склонны считать психическую дѣятельность сновидѣнія ничтожной и незначительной, между тѣмъ какъ философы и не профессіональные наблюдатели (психологи-любители), мнѣніемъ которыхъ нельзя пренебрегать именно въ этой области, все еще придерживаются народныхъ воззрѣній, признавая высокую психическую цѣнность

сновидѣнія. Кто склоняется къ преумаленію психической дѣятельности въ сновидѣніи, тотъ въ этіологіи послѣдняго вполнѣ понятно отдаетъ предпочтеніе соматическимъ раздраженіямъ; тому же, кто признаетъ за грезящимъ субъектомъ большую часть его способностей въ бодрственномъ состояніи, тому нѣтъ никакихъ основаній не признавать за нимъ и самостоятельныхъ побужденій къ сновидѣніямъ.

Изъ всѣхъ формъ психической дѣятельности, которую при трезвомъ сравненіи слѣдуетъ признавать за сновидѣніями, наиболѣе крупная—это работа памяти; мы уже касались подробно ея рельефныхъ проявленій. Другое, нерѣдко превозносимое прежде, преимущество сновидѣнія,—то, что оно способно господствовать надъ временемъ и пространствомъ; можетъ быть, съ легкостію признано иллюзорнымъ. Гильдебрандтъ [35] говоритъ, прямо, что это свойство—безспорная иллюзія; сновидѣніе не возвышается надъ временемъ и пространствомъ, иначе нежели бодрственное мышленіе, потому что оно само является формой мышленія. Сновидѣніе по отношенію къ понятію времени обладаетъ еще другимъ преимуществомъ и еще въ другомъ смыслѣ можетъ быть независимо отъ времени. Такія сновидѣнія, какъ напримѣръ, вышеописанное сновидѣніе Мори объ его казни на гильотинѣ, доказываетъ, повидимому, что сновидѣніе въ короткій промежутокъ времени концентрируетъ больше содержанія, нежели наша психическая дѣятельность въ бодрственномъ состояніи. Это наблюденіе оспаривается однако различными аргументами; послѣднія изслѣдованія ле-Лоренна [45]) и Эггера [20]) «о мнимой продолжительности сновидѣній» положили начало интересной полемикѣ, не достигшей еще, однако результатовъ въ этомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ.

По многочисленнымъ сообщеніямъ и на основаніи собранія примѣровъ, предложенныхъ Шабанэ [11]), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сновидѣніе способно продолжить интеллектуальную работу дня и довести ее до конечнаго результата; въ равной мѣрѣ безспорно и то, что оно можетъ разрѣшать сомнѣнія и проблемы и что для поэтовъ и композиторовъ можетъ служить источникъ новаго вдохновенія. Но если безспоренъ самый фактъ, то все же толкованіе его подлежитъ еще большему принципіальному сомнѣнію.

f. Моральное чувство въ сновидѣніи.

По мотивамъ, которые становятся понятными лишь по выясненіи моего собственнаго изслѣдованія сновидѣній, я изъ темы о психологіи сновидѣнія выдѣлилъ частичную проблему то-

го, въ какой мѣрѣ моральныя побужденія и чувства бодрственной жизни проявляются въ сновидѣніяхъ. Противорѣчія большинства авторовъ, замѣченныя нами относительно психической дѣятельности въ сновидѣніи, бросаются намъ въ глаза и въ этомъ вопросѣ. Одни утверждаютъ категорически, что сновидѣніе не имѣетъ ничего общаго съ моральными требованіями, другіе же, наоборотъ, говорятъ, что моральная природа человѣка остается неизмѣнной и въ сновидѣніи.

Ссылка на повседневныя наблюденія подтверждаетъ, повидимому, правильность перваго утвержденія. Іессенъ [36]) (стр. 553) говоритъ: «Человѣкъ не становится во снѣ ни лучше, ни добродѣтельнѣе: наоборотъ, совѣсть какъ бы молчитъ въ сновидѣніяхъ, человѣкъ не испытываетъ ни жалости, ни сострадания и можетъ совершать съ полнымъ безразличіемъ и безъ всякаго послѣдующаго раскаянія тягчайшія преступленія—кражу, убійство и ограбленіе».

Радештокъ [54]) (стр. 146): «Необходимо принять во вниманіе, что ходъ ассоціацій въ сновидѣніи и соединеніе представленій происходитъ безъ участія рефлекса, разсудка, эстетическаго вкуса и моральной оцѣнки; въ лучшемъ случаѣ оцѣнка слаба и на лицо полное этическое безразличіе».

Фолькельтъ [72]) (стр. 23): «Особенно ярко это проявляется, какъ каждому извѣстно, въ сновидѣніяхъ съ сексуальнымъ содержаніемъ. Подобно тому, какъ самъ спящій лишается совершенно стыдливости и утрачиваетъ какое бы то ни было нравственное чувство и сужденіе,—въ такомъ же видѣ представляются ему и другіе даже самые уважаемые люди. Онъ видитъ такіе ихъ поступки, которые въ бодрственномъ состояніи онъ не рѣшился бы имъ приписать».

Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ находится воззрѣніе Шопенгауера, который говоритъ, что каждый дѣйствуетъ въ сновидѣніи въ полномъ согласіи со своимъ характеромъ. Фишеръ утверждаетъ, что субъективное чувство, стремленіе къ аффекту и страсти въ такой формѣ проявляются въ сновидѣніяхъ, что въ послѣднихъ отражаются моральныя свойства личности.

Гафнеръ [32]) (стр. 25): «Не считая нѣкоторыхъ рѣдкихъ исключеній, каждый добродѣтельный человѣкъ добродѣтеленъ и въ сновидѣніи; онъ борется съ искушеніями, съ ненавистью, завистью, съ гнѣвомъ и со всевозможными пороками; человѣку же, лишенному моральнаго чувства, будутъ и во снѣ грезиться

образы и картины, которые онъ видитъ передъ собою въ бодрственномъ состоянiи».

Шольцъ [59]) (стр. 36): «Въ сновидѣнiи—истина; несмотря на маску величiя или униженiя мы всегда узнаемъ самихъ себя. Честный человѣкъ не совершитъ и во сновидѣнiи безчестнаго поступка,—если же совершитъ, то самъ возмутится имъ, какъ чѣмъ-то несвойственнымъ его натурѣ. Римскiй императоръ, приказавшiй казнить одного изъ своихъ подданныхъ за то, что тому снилось, будто онъ отрубилъ ему голову, былъ не такъ уже неправъ, когда оправдывался тѣмъ, что тотъ, кто видитъ подобные сны, преисполненъ такихъ же мыслей и въ бодрственномъ состоянiи. О томъ, что не укладывается въ нашемъ сознанiи, мы говоримъ поэтому очень мѣтко: «Мнѣ и во снѣ это не снилось».

Пфаффъ, перефразируя извѣстную поговорку, говоритъ: «Разсказывай мнѣ свои сновидѣнiя, и я тебѣ скажу, кто ты».

Небольшое сочиненiе Гильдебрандта [35]), изъ котораго я уже заимствовалъ нѣсколько цитатъ, превосходный и цѣнный вкладъ въ изученiе проблемы сновидѣнiя, выдвигаетъ на первый планъ проблему нравственности въ сновидѣнiи. Гильдебрандтъ тоже считаетъ непререкаемымъ: «чѣмъ чище жизнь, тѣмъ чище сновидѣнiе, чѣмъ позорнѣе первая, тѣмъ позорнѣе второе».

Нравственная природа человѣка остается неизмѣнной и въ сновидѣнiи: «Но въ то время, какъ ни одна очевидная ошибка въ простой ариѳметической задачѣ, ни одно романтичное уклоненiе науки, ни одинъ курьозный анахронизмъ не оскорбляетъ нашего сознанiя и даже не кажется намъ подозрительнымъ, различiе между добромъ и зломъ, между правдой и неправдой, между добродѣтелью и порокомъ никогда не ускользаетъ отъ насъ. Сколько бы ни исчезало изъ того, что сопутствуетъ намъ въ бодрственной жизни,—категорическiй императивъ Канта слѣдуетъ за нами неразрывно по пятамъ и даже во снѣ не оставляетъ насъ... Фактъ этотъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что основа человѣческой природы, моральная сущность ея достаточно прочна, чтобы принимать участiе въ калейдоскопическомъ смѣшенiи, которое претерпѣваетъ фантазiя, разумъ, память и другiя способности нашей психики» (стр. 45 и сл.).

Въ дальнѣйшемъ обсужденiи вопроса выступаютъ наружу замѣчательныя отклоненiя и непослѣдовательности у обѣихъ группъ авторовъ. Строго говоря, у всѣхъ тѣхъ, которые полагаютъ, что въ сновидѣнiи моральная личность человѣка уничто-

жается, это объясненіе должно было бы положить конецъ всякому дальнѣйшему интересу къ нормальнымъ сновидѣніямъ. Они съ тѣмъ же спокойствіемъ могли бы отклонить попытку взвалить отвѣтственность за сновидѣнія на спящаго, изъ «скверны» послѣднихъ заключить о «скверне» его натуры,—какъ и равноцѣнную попытку изъ абсурдности сновидѣній доказать ничтожество интеллектуальной жизни бодрствующаго субъекта. Другіе же, для которыхъ «категорическій императивъ» простирается и на сновидѣнія, должны были бы безъ ограниченій принять на себя отвѣтственность за аморальныя сновидѣнія; мнѣ оставалось бы только желать, чтобы соотвѣтственныя сновидѣнія не разубѣждали ихъ въ ихъ непоколебимой увѣренности въ своемъ высокомъ моральномъ сознаніи.

На самомъ же дѣлѣ, повидимому, никто не знаетъ, насколько онъ добръ или золъ, и никто не можетъ отрицать наличности въ памяти аморальныхъ сновидѣній. Ибо помимо этого противорѣчія въ оцѣнкѣ сновидѣній обѣ группы авторовъ обнаруживаютъ стремленіе выяснить происхожденіе аморальныхъ сновидѣній; образуется новое противорѣчіе, смотря по тому, находится ли конечный ихъ источникъ въ функціяхъ психической жизни или въ воздѣйствіяхъ соматическаго содержанія. Неотразимая сила фактовъ заставляетъ сторонниковъ отвѣтственности и безотвѣтственности сновидѣній выдвинуть единодушно какой-то особый психическій источникъ аморальныхъ сновидѣній.

Всѣ тѣ, которые признаютъ наличность нравственности въ сновидѣніи, избѣгаютъ принимать на себя полную отвѣтственность за свои сновидѣнія. Гафнеръ [32]) говоритъ (стр. 24): «Мы не отвѣтственны за наши сновидѣнія, потому что наше мышленіе и воля лишаются базиса, на которомъ единственно зиждется правда и реальность нашей жизни»...

Все же человѣкъ отвѣтственъ за аморальныя сновидѣнія, поскольку онъ ихъ косвенно вызываетъ. Предъ нимъ предстоитъ обязанность нравственно очищать свою душу, какъ въ бодрственномъ состояніи, такъ и особенно передъ погруженіемъ въ сонъ.

Значительно глубже производится анализъ этого смѣшенія отрицанія и признанія отвѣтственности за нравственнымъ содержаніемъ сновидѣнія у Гильдебрандта. Послѣ того какъ онъ утверждаетъ, что драматизирующая репродукція сновидѣнія, концентрація сложнѣйшихъ представленій и процессовъ въ ничтожный промежутокъ времени и признаваемое также и мною обезцѣниваніе отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія должна

быть принята во вниманіе при обсужденіи анормальнаго содержанія сновидѣній, онъ признается, что все же нельзя всецѣло отрицать всякую отвѣтственность за грѣховные поступки въ сновидѣніи.

(Стр. 49). «Когда мы стараемся категорически отвергнуть какое-либо несправедливое обвиненіе, особенно же такое, которое относится къ нашимъ намѣреніямъ и планамъ, то мы говоримъ обыкновенно: «Это и во снѣ намъ не снилось»; тѣмъ самымъ мы признаемъ, съ одной стороны, что мы считаемъ сонъ наиболѣе отдаленной сферой, въ которой мы были бы отвѣтственны за свои мысли, такъ какъ тамъ эти мысли настолько связаны съ нашей дѣйствительной сущностью, что ихъ едва можно признать нашими собственными; не отрицая наличности этихъ мыслей и въ этой сферѣ, мы допускаемъ, однако, въ то же время, что наше оправданіе было бы неполнымъ, если бы оно не простиралось до этой сферы. И мнѣ кажется, что мы хотя и безсознательно, но все же говоримъ сейчасъ языкомъ истины».

(Стр. 52) «Немыслимо представить себѣ ни одного поступка въ сновидѣніи, главнѣйшій мотивъ котораго не прошелъ бы предварительно черезъ душу бодрствующаго субъекта,—ввидѣ ли желанія, побужденія или мысли». Относительно этого предшествующаго переживанія необходимо сказать: сновидѣніе не создало его,—оно лишь развило его, обработало лишь частицу историческаго матеріала, бывшаго въ наличности въ нашей душѣ; оно воплотило слова апостола: «Кто ненавидитъ брата своего, тотъ убійца его». И если по пробужденіи субъектъ, увѣренный въ своей нравственной силѣ, съ улыбкой вспоминаетъ свое грѣховное сновидѣніе, то едва ли отъ первоначальной основы его можно отдѣлаться такой же легкой улыбкой. Человѣкъ чувствуетъ себя обязаннымъ, если не за всю сумму элементовъ сновидѣнія, то хотя бы за нѣкоторый процентъ ихъ. «Для насъ предстаютъ здѣсь трудно понимаемыя слова Іисуса Христа: «Грѣховныя мысли приходятъ изъ сердца»,—мы едва ли можемъ избѣгнуть мысли о томъ, что каждый совершенный нами въ сновидѣніяхъ грѣхъ влечетъ за собою хотя бы минимумъ грѣха нашей души.» Въ зародышахъ и въ печальныхъ побужденіяхъ, постоянно возникающихъ въ нашей душѣ, хотя бы въ формѣ описанныхъ искушеній, Гильдебрандтъ видитъ источникъ аморальныхъ сновидѣній и высказывается за включеніе ихъ въ моральную оцѣнку личности. Это тѣ самыя мысли и та же самая оцѣнка, которая, какъ мы знаемъ, заставляла благоче-

стивыхъ и святыхъ всѣхъ временъ жаловаться на то, что они тяжкіе грѣшники.

Во всеобщемъ проявленіи этихъ противорѣчащихъ представленій—у большинства людей и даже не только въ сферѣ нравственности—сомнѣваться нельзя. Обсужденію ихъ не удѣлятся однако должнаго вниманія. У Спитты [64]) мы находимъ слѣдующее, относящееся сюда мнѣніе Целлера (стр. 144): «Рѣдко разумъ организованъ настолько удачно, что онъ постоянно обладаетъ полною силою и что постоянный ясный ходъ его мыслей не нарушаютъ не только несущественныя, но и совершенно абсурдныя представленія; величайшіе мыслители жаловались на этотъ призрачный, докучливый и непріятный хаосъ впечатлѣній, смущавшій ихъ глубокое мышленіе и ихъ священнѣйшія и серіознѣйшія мысли».

Болѣе ярко освѣщаетъ психологическое положеніе этихъ противорѣчащихъ мыслей Гильдебрандтъ, который утверждаетъ, что сновидѣніе даетъ намъ иногда возможность заглянуть въ глубины и сокровенные уголки нашего существа, которые въ бодрственномъ состояніи остаются для насъ закрытыми (стр. 55). То же разумѣетъ и Кантъ въ одномъ мѣстѣ своей «Антропологіи», когда говоритъ, что сновидѣніе существуетъ по всей вѣроятности, чтобы раскрывать намъ скрытыя наклонности и показывать намъ на то, что мы собою представляемъ и то, чѣмъ были бы, если бы получили другое воспитаніе. Радештокъ [54]) (стр. 84) говоритъ, что сновидѣніе часто открываетъ намъ только то, въ чемъ мы сами себѣ не хотѣли признаться, и что поэтому мы несправедливо называемъ его обманчивымъ и лживымъ. Мы обращаемъ вниманіе на то, что проявленіе этихъ побужденій, чуждыхъ нашему нравственному сознанію, лишь аналогично съ извѣстнымъ уже намъ господствомъ сновидѣній надъ другими представленіями, относящимся къ бодрственному состоянію или играющими тамъ ничтожную роль. По этому поводу Фолькельтъ [72]) говоритъ: «Представленія, которыя прошли почти незамѣтно въ бодрствующее сознаніе и которыя по всей вѣроятности никогда не будутъ извлечены изъ забвенія, очень часто даютъ знать о себѣ въ сновидѣніяхъ». (стр. 105). Необходимо, наконецъ, упомянуть здѣсь о томъ, что, по мнѣнію Шлейермахера, уже засыпаніе сопровождается проявленіемъ нежелательныхъ представленій.

Нежелательными представленіями можно назвать всѣ тѣ представленія, появленіе которыхъ какъ въ аморальныхъ, такъ и въ абсурдныхъ сновидѣніяхъ возбуждаетъ въ

насъ непріятное чувство. Существенное различіе заключается лишь въ томъ, что нежелательныя представленія въ области морали представляютъ собою противорѣчіе къ нашимъ обычнымъ переживаніямъ въ то время, какъ другія просто-на-просто насъ удивляютъ. До сихъ поръ никто еще не попытался болѣе глубоко и подробно обосновать это различіе.

Какое же значеніе имѣетъ проявленіе нежелательныхъ представленій въ сновидѣніи, какой выводъ относительно психологіи бодрствующей и грезящей души можно извлечь изъ этого ночного проявленія противорѣчащихъ этическихъ побужденій? Здѣсь необходимо отмѣтить новое разногласіе и новую различную группировку авторовъ. По мнѣнію Гильдебрандта и его сторонниковъ приходится неминуемо признать, что аморальнымъ движеніямъ души и въ бодрственномъ состояніи присуща извѣстная сила, которая не можетъ, однако, проявиться на дѣлѣ, и что во снѣ отпадаетъ нѣчто, что мѣшало намъ до того сознавать наличность этихъ побужденій. Сновидѣніе выясняетъ, такимъ образомъ, реальную сущность человѣка, хотя и не вполнѣ исчерпываетъ ее, и принадлежитъ къ числу средствъ, которыя облегчаютъ доступъ нашего познанія къ скрытымъ тайникамъ души. Только на основаніи этого Гильдебрандтъ можетъ приписывать сновидѣнію роль «предостерегателя», который обращаетъ наше вниманіе на скрытые моральные дефекты нашей души, все равно, какъ по признанію врачей, оно предупреждаетъ сознаніе о незамѣтныхъ до того физическихъ страданіяхъ. Спитта [64]) по всей вѣроятности руководился тѣмъ же, когда указывалъ на источники возбужденія, которые играютъ видную роль въ періодъ зрѣлости и утѣшаетъ грезящаго субъекта тѣмъ, что онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, если велъ въ бодрственномъ состояніи строго добродѣтельный образъ жизни и старался всякій разъ подавить грѣховныя мысли, не давая имъ развиться и особенно проявиться на дѣлѣ. Согласно этаму воззрѣнію мы можемъ назвать «нежелатель ными» представленіями представленія «подавляемыя» въ теченіе дня и видѣть въ ихъ проявленіи чисто психическій феноменъ.

По мнѣнію другихъ авторовъ, мы не имѣемъ права дѣлать подобныя заключенія. По мнѣнію Іессена [36]), нежелательныя представленія въ сновидѣніяхъ, а также и въ бодрственной жизни и въ лихорадочномъ состояніи носятъ «характеръ пріостановленной волевой дѣятельности и до нѣкоторой степени механическаго воспроизведенія образовъ и представленій путемъ

побужденій». (стр. 360). Аморальное сновидѣніе доказываетъ якобы только то, что грезящій субъектъ когда-либо, очень можетъ быть, и случайно, узналъ о данномъ представленіи, которое отнюдь не обязательно должно служить составною частью его психики. Знакомясь съ мнѣніемъ Мори по этому поводу, мы сомнѣваемся, не приписываетъ ли онъ сновидѣнію способность разлагать душевную дѣятельность на составныя части, вмѣсто того, чтобы попросту ее разрушать. О сновидѣніяхъ, въ которыхъ человѣкъ переступаетъ всѣ границы моральности, онъ говоритъ: «Ce sont nos penchants qui parlent et qui nous font agir, sans que la conscience nous retienne, bien que parfoit elle nous avertisse. J'ai mes défauts et mes penchants vicieux; à l'ètat des veille, je tâche de lutter contre eux, et il m'arrive assez souvent de n'y pas succomber. Mais dans mes songes j'y succombe toujours ou pour mieux dire j'agis, par leur impulsion, sans crainte et sans remords... Evidemment les visions qui se déroulent devant ma pensée et qui constituent le rêve, me sont suggérées par les incitations, que je ressens et que ma volonté absente ne cherche pas à refouler» (стр. 113).

Если вѣрить въ способность сновидѣнія раскрывать дѣйствительно существующее, но подавленное или скрытое моральное предрасположеніе грезящаго субъекта, то болѣе яркой характеристики, чѣмъ у Мори (стр. 115) найти трудно: «En rêve l' homme se révèle donc tout entier à soi-méme dans sa nudité et sa misère natives. Dès qu, il suspend l' exercice de sa volonté, il devient le jouet de toutes les passions contre lesquelles, à l' état de veille la conscience, le sentiment d' honneur, la crainte nous défendent». И въ другомъ мѣстѣ (стр. 462): «Dans le rêve, c'est surtout l'homme instinctif que se révèle... L'homme revient pour ainsi dire à l' état de nature quand il rêve; mais moins les idées acquises ont penetré dans son esprit, plus les penchants en désaccord avec elles conservent encore sur lui d' influence dans le rêve». Онъ приводитъ затѣмъ въ качествѣ примѣра, что въ сновидѣніяхъ онъ нерѣдко видѣлъ себя жертвой какъ разъ того суевѣрія, съ которымъ наиболѣе ожесточенно боролся въ своихъ сочиненіяхъ.

Цѣнность всѣхъ этихъ замѣчаній относительно психологическаго содержанія сновидѣній нарушается однако у Мори тѣмъ, что онъ въ столь правильно подмѣченномъ имъ явленіи видитъ только доказательство «automatisme psichologique», который, по его мнѣнію, господствуетъ надъ сновидѣніями. Этотъ автоматизмъ онъ противоставляетъ психической дѣятельности.

Штрикеръ [77]) въ одномъ мѣстѣ своего анализа сознанія говоритъ: Сновидѣніе состоитъ не только изъ обманчивыхъ иллюзій; если спящій пугается во снѣ, напримѣръ, разбойниковъ, то хотя эти разбойники и иллюзорны, но страхъ вполнѣ реаленъ. Это вызываетъ мысль о томъ, что развитіе аффекта въ сновидѣніи не допускаетъ оцѣнки, которая выпадаетъ на долю остальныхъ элементовъ сновидѣнія, и передъ нами предстаетъ вопросъ, какой изъ психическихъ процессовъ во снѣ реаленъ, иначе говоря, какіе изъ нихъ могутъ претендовать на включеніе ихъ въ составъ психическихъ процессовъ бодрственнаго состоянія.

g. Теоріи сновидѣнія и функціи его.

Сужденіе о сновидѣніи, которое старается съ какой-либо опредѣленной точки зрѣнія выяснить возможно большія стороны послѣдняго и въ то же время опредѣлить отношеніе сновидѣнія къ какому-либо болѣе широкому явленію, можно назвать теоріей сновидѣнія. Различныя теоріи сновидѣнія различаются по тому, выдвигаютъ ли онѣ ту или иную черту сновидѣнія и ставятъ ее на первый планъ. Изъ теоріи вовсе не обязательно выведеніе какой-либо опредѣленной функціи, иначе говоря, пользы или какой-либо иной дѣятельности сновидѣнія, но наше мышленіе, привыкшее къ телеологическому методу, несомнѣнно, болѣе сочувственно отнесется къ той теоріи, которая не оставляетъ безъ вниманія и функціи сновидѣнія.

Мы познакомились уже съ нѣсколькими воззрѣніями на сновидѣнія, которыя въ большей или меньшей степени заслуживали названія теорій въ указанномъ смыслѣ. Вѣра древнихъ въ то, что сновидѣніе ниспосылается богами, чтобы направлять поступки людей, была полной теоріей сновидѣнія, которая давала отвѣты на всѣ вопросы относительно послѣдняго. Съ тѣхъ поръ, какъ сновидѣніе стало объектомъ біологическаго изслѣдованія, мы знаемъ цѣлый рядъ теорій сновидѣнія, хотя встрѣчаемъ среди нихъ много совершенно недостаточныхъ и неполныхъ.

Если не претендовать на перечисленіе всѣхъ этихъ теорій безъ исключенія, то можно произвести слѣдующую группировку ихъ на основаніи воззрѣнія относительно степени участія характера и психической дѣятельности въ сновидѣніяхъ.

1. Теоріи, признающія, что въ сновидѣніи продолжается полностью вся психическая дѣятельность бодрственнаго состоянія. Представителемъ этихъ теорій является Дельбефъ [16]). Здѣсь душа не спитъ; ея механизмъ остается въ неприкосновенности, но, будучи помѣщена въ условія, отклоняющіяся отъ

состоянія бодрствованія, душа при нормальномъ функціонированіи естественно даетъ другіе результаты, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Эти теоріи заставляютъ задаться вопросомъ, могутъ ли онѣ вывести различіе сна отъ мышленія исключительно изъ условія состоянія сна. Кромѣ того онѣ не касаются функцій сновидѣнія; онѣ не говорятъ о томъ, зачѣмъ человѣку снится, почему продолжаетъ работать сложный механизмъ душевнаго аппарата, когда помѣщается въ условія, повидимому, для него неподходящія.

2. Теоріи, признающія напротивъ того пониженіе психической дѣятельности въ сновидѣніи,—ослабленіе ассоціацій и оскудѣніе перерабатываемаго матеріала. Согласно этимъ теоріямъ должна быть дана совершенно другая психологическая характеристика сна, чѣмъ мы находимъ ее у Дельбефа. Сонъ простирается далеко за предѣлы души, онъ состоитъ не только въ отдѣленіи души отъ внѣшняго міра, но проникаетъ, наоборотъ, въ ея механизмъ и на время приводитъ его въ негодность. Допуская сравненіе съ психіатрическимъ матеріаломъ, можно сказать, что первая теорія конструируетъ сновидѣніе въ видѣ паранойи, а вторая рисуетъ его въ формѣ слабоумія.

Теоріи, признающія, что въ сновидѣніи проявляется лишь часть душевной дѣятельности, парализованная сномъ, пользуются наибольшей популярностью среди врачей и вообще въ научномъ мірѣ. Поскольку вообще проявляется интересъ къ толкованію сновидѣній, ихъ можно назвать господствующими теоріями. Необходимо упомянуть о томъ, съ какой легкостью именно эта теорія избѣгаетъ самыхъ опасныхъ пунктовъ, всякаго объясненія сновидѣнія, и, главное, противорѣчій, воплощающихся въ немъ. Такъ какъ, согласно ей, сновидѣніе является результатомъ частичнаго бодрствованія («постепенное, частичное и въ то же время нормальное бодрствованіе», говоритъ Гербартъ въ своей Психологіи сновидѣнія), то ряду состояній, начиная съ постепеннаго пробужденія до полнаго бодрственнаго состоянія, она можетъ противопоставить параллельный рядъ, начиная съ пониженной дѣятельности сновидѣнія, обнаруживающагося своею абсудностью, вплоть до концентрированнаго мышленія.

Кто считаетъ физіологическую точку зрѣнія наиболѣе правильной или, по крайней мѣрѣ наиболѣе научной, тотъ найдетъ наилучшее изложеніе этой теоріи у Бинца [1]) (стр. 43):

«Это состояніе (оцѣпенѣнія) къ утру подходитъ къ концу. Утомляющія вещества, скопляющіяся въ бѣломъ веществѣ мозга,

становятся все менѣе значительными. Тутъ и тамъ пробуждаются отдаленныя группы клѣтокъ, между тѣмъ какъ вокругъ все еще находится въ состояніи оцѣпененія. Передъ нашимъ тусклымъ сознаніемъ выступаетъ въ этотъ моментъ изолированная работа отдѣльныхъ группъ; ей недостаетъ еще контроля другихъ частей мозга, главною сферою которыхъ являются ассоціаціи. Поэтому-то образы, которые большей частью соотвѣтствуютъ матеріальнымъ впечатлѣніямъ ближайшаго прошлаго, слѣдуютъ другъ за другомъ въ хаотическомъ безпорядкѣ. Число освобождающихся мозговыхъ клѣтокъ становится все больше и больше, и абсурдность сновидѣнія постепенно понижается».

Пониманіе сновидѣнія, какъ неполнаго частичнаго бодрствованія, встрѣчается у всѣхъ современныхъ физіологовъ и философовъ. Наиболѣе подробно теорія изложена у Мори [48]). Въ его изслѣдованіи кажется нерѣдко, будто авторъ представляетъ себѣ бодрственное состояніе и сонъ связаннымъ съ опредѣленными анатомическими центрами, при чемъ опредѣленная анатомическая область и опредѣленная психическая функція для него неразрывны. Я могу тутъ только сказать, что если теорія частичнаго бодрствованія и оправдалась бы, все равно она далека еще отъ окончательной разработки.

При такомъ пониманіи сновидѣнія нечего и говорить, разумѣется, о функціяхъ послѣдняго. Относительно положенія и значенія сновидѣнія наиболѣе послѣдовательно высказывается Бинцъ (стр. 357): «Всѣ наблюденные нами факты даютъ возможность охарактеризировать сонъ, какъ матеріальный, всегда безполезный и почти всегда болѣзненный процессъ»...

Выраженіе «матеріальный» по отношенію къ сновидѣнію имѣетъ совершенно особое значеніе. Оно относится прежде всего къ этіологіи сновидѣнія, которой особенно интересовался Бинцъ, когда изслѣдовалъ экспериментальное вызываніе сновидѣній путемъ опытовъ съ ядами. Эти теоріи сновидѣнія, вполнѣ естественно, требуютъ объясненія происхожденія его по возможности исключительно изъ соматическихъ источниковъ. Выраженная въ крайней формѣ, теорія эта гласитъ слѣдующимъ образомъ: удаливъ отъ себя раздраженіе и перейдя въ состояніе сна, мы не испытываемъ никакой потребности въ сновидѣніи вплоть до самого утра, когда постепенное пробужденіе путемъ новыхъ раздраженій отражается въ сновидѣніи. Между тѣмъ оградить сонъ отъ раздраженій не удается: отовсюду къ спящему привходятъ раздраженія,—извнѣ, изнутри

и даже изъ всѣхъ тѣхъ частей его тѣла, на которыя въ бодрственномъ состояніи онъ не обратилъ бы никакого вниманія. Сонъ благодаря этому нарушается, душа подвергается частичному пробужденію и функціонируетъ затѣмъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ пробудившейся частью, будучи рада вновь уснуть. Сновидѣніе представляетъ собою реакцію на нарушеніе сна, вызванное раздраженіемъ,—правда, чрезвычайно излишнюю и ненужную реакцію.

Называть сновидѣніе, которое является все же проявленіемъ дѣятельности душевнаго механизма, матеріальнымъ процессомъ, имѣетъ еще и другой смыслъ; тѣмъ самымъ за нимъ отрицается почетное названіе психическаго процесса. Чрезвычайно старое въ примѣненіи къ сновидѣнію сравненіе о «десяти пальцахъ немузыкальнаго человѣка, бѣгающихъ по клавишамъ инструмента», быть можетъ, наиболѣе наглядно иллюстрируетъ то, какую оцѣнку въ большинствѣ случаевъ находитъ сновидѣніе въ точной наукѣ. Сновидѣніе представляется этой теоріи явленіемъ совершенно безсмысленнымъ, ибо развѣ могутъ десять пальцевъ немузыкальнаго игрока сыграть что-либо музыкальное?

Теорія частичнаго бодрствованія уже давно встрѣтила серьезныя возраженія. Уже въ 1830 году Бурдахъ [8]) говорилъ: «Если признавать, что сновидѣніе представляетъ собою частичное бодрствованіе, то этимъ, во первыхъ, не объясняется ни бодрствованіе, ни сонъ, во вторыхъ же, говорится только, что нѣкоторыя силы души проявляютъ во снѣ свою дѣятельность, а другія въ это время находятся въ состояніи покоя. Но это неравенство наблюдается вообще въ теченіи всей жизни»... (стр. 483).

Съ господствующей теоріей сновидѣнія, которая видитъ въ немъ «матеріальный» процессъ, связано чрезвычайно интересное объясненіе сновидѣнія, высказанное въ 1866 году Робертомъ [55]), и чрезвычайно эффектное, такъ какъ оно признаетъ въ сновидѣніяхъ наличность опредѣленной функціи,—полезнаго результата. Робертъ въ основу своей теоріи кладетъ два наблюденныхъ имъ факта, на которыхъ мы останавливались при оцѣнкѣ матеріала сновидѣнія,—а именно то, что человѣку снятся часто второстепенныя впечатлѣнія дня и чрезвычайно рѣдко крупные интересы. Робертъ считаетъ безусловно правильнымъ слѣдующее положеніе: возбудителями сновидѣнія никогда не становятся мысли, продуманныя до конца, а всегда лишь тѣ, которыя, такъ сказать, копошатся въ головѣ или незамѣтно или бѣгло проходятъ мимо разсудка (стр. 10).—«Поэтому-то въ

большинствѣ случаевъ и нельзя истолковать сновидѣнія, такъ какъ причинами его являются чувственныя впечатлѣнія прошедшаго дня, недоведенныя до полнаго сознанія спящаго». Условіемъ, чтобы впечатлѣніе проникло въ сновидѣніе, служитъ либо то, чтобы это впечатлѣніе было нарушено въ своей обработкѣ, либо же то, чтобы оно было достаточно ничтожнымъ для такой обработки.

Сновидѣніе представляется Роберту «физическимъ процессомъ выдѣленія, котораго доводится до сознанія въ своей душевной реакціи». «Человѣкъ, у котораго была бы отнята способность грезить, долженъ былъ бы сойти съ ума, такъ какъ въ его мозгу скопилось бы множество непродуманныхъ мыслей и бѣглыхъ впечатлѣній, подъ бременемъ которыхъ могло бы угаснуть то, что должно было бы внѣдриться въ память ввидѣ готоваго цѣлаго». «Сновидѣніе служитъ перегруженному мозгу своего рода предохранительнымъ вентилемъ. Сновидѣнія обладаютъ спасительной, «разгружающей» силой» (стр. 32).

Было бы неразумно задавать Роберту вопросъ, какимъ образомъ сновидѣніе вызываетъ «разгруженіе» души. Авторъ изъ двухъ этихъ особенностей матеріала сновидѣнія заключаетъ, повидимому, что во время сна какъ бы соматическимъ путемъ производится такое выдѣленіе несущественныхъ впечатлѣній, и что сновидѣніе не представляетъ собою психическаго процесса, а лишь является признакомъ такого выдѣленія. Впрочемъ, выдѣленіе это не является единственнымъ процессомъ, происходящимъ ночью въ нашей душѣ. Робертъ самъ добавляетъ, что кромѣ того вырабатываются побужденія дня, и тѣ мысли, которыя не поддаются этому выдѣленію связуются нитями, заимствованными у фантазіи, въ одно конечное цѣлое и внѣдряются такимъ образомъ въ память въ видѣ законченныхъ продуктовъ фантазіи.

Въ рѣзкомъ противорѣчіи къ господствующей теоріи стоитъ пониманіе Робертомъ источниковъ сновидѣнія. Въ то время какъ, согласно этой теоріи, человѣку вообще не снилось бы ничего, если бы внѣшнія и внутреннія раздраженія не пробуждали бы постоянно души,—по мнѣнію Роберта, источникъ сновидѣнія лежитъ въ самой душѣ, въ ея перегруженіи, и Робертъ говоритъ чрезвычайно послѣдовательно, что причины, обусловливающія сновидѣнія и заложенныя въ физическомъ состояніи, играютъ второстепенную роль: онѣ не могли бы вызвать сновидѣнія въ мозгу, въ которомъ не было бы

матеріала къ образованію сновидѣнія, заимствованнаго у бодрствующаго сознанія. Слѣдуетъ допустить только, что продукты фантазіи, возникающіе въ сновидѣніи изъ глубины души, могутъ быть обусловливаемы нервными раздраженіями (стр. 48). Такимъ образомъ, сновидѣніе, по Роберту, все же не всецѣло зависитъ отъ соматическихъ раздраженій; оно хотя и не психическій процессъ, но все же повседневный соматическій процессъ въ аппаратѣ душевной дѣятельности; оно играетъ функцію предохраненія этого аппарата отъ перегруженія.

На тѣ же особенности сновидѣнія, проявляющіяся въ выборѣ матеріала послѣдняго, опирается и другой авторъ Делажъ [15]); чрезвычайно интересно, что незамѣтный оборотъ въ пониманіи тѣхъ же вещей приводитъ его къ совершенно другому конечному результату.

Лишившись близкаго человѣка, Делажъ самъ по опыту узналъ, что обычно человѣку снится не то, что непрерывно занимало его днемъ, а если и снится, то только спустя извѣстное время, когда это начинаетъ вытѣсняться другими интересами. Его наблюденія надъ другими укрѣпили въ немъ еще больше эту увѣренность. Интересную мысль приводитъ Делажъ относительно сновидѣній молодыхъ супруговъ: «S'ils ont été fortement épris, presque jamais ils n' ont rêvé l'un de l'autre avant le mariage ou pendant la lune de miel; et s'ils ont rêvé d'amour, c'est pour être infidèles avec quelque personne indifférente ou odieuse». Что же, однако, снится человѣку? Делажъ говоритъ, что матеріалъ нашихъ сновидѣній состоитъ изъ отрывковъ и остатковъ впечатлѣній послѣднихъ дней. Все, что проявляется въ нашихъ сновидѣніяхъ, все, что мы вначалѣ склонны считать созданіемъ сновидѣнія, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи несознаннымъ воспоминаніемъ. Но всѣ эти представленія обнаруживаютъ общій характеръ,—они проистекаютъ отъ впечатлѣній, которыя по всей вѣроятности сильнѣе коснулись нашей души, чѣмъ нашего разума или отъ которыхъ наше вниманіе отклонилось очень скоро послѣ ихъ появленія. Чѣмъ менѣе сознательно и при томъ чѣмъ сильнѣе впечатлѣнія, тѣмъ больше шансовъ, что оно будетъ играть видную роль въ сновидѣніи.

Делажъ, подобно Роберту [55]), различаетъ тѣ же двѣ категоріи впечатлѣній, второстепенныя и незаконченыя, но выводитъ отсюда другое заключеніе. Полагая, что впечатлѣнія входятъ въ сновидѣніе не потому, что они безразличны, а именно потому, что они не закончены. Второстепен-

ныя впечатлѣнія тоже до нѣкоторой степени не вполнѣ закончены. Еще больше шансовъ на роль въ сновидѣніи, чѣмъ слабыя и почти незамѣтныя впечатлѣнія, имѣетъ сильное переживаніе, которое случайно парализуется въ своей обработкѣ или же умышленно отодвигается на задній планъ. Психическая энергія, питаемая въ теченіе дня подавленіемъ и парализованіемъ впечатлѣній становится ночью движущей силой сновидѣнія. Въ сновидѣніи проявляется психически-подавленное *).

Къ сожалѣнію, ходъ мыслей Делажа въ этомъ мѣстѣ обрывается; самостоятельной психической дѣятельности въ сновидѣніи онъ отводитъ лишь ничтожную роль и вмѣстѣ со своей теоріей сновидѣнія непосредственно примыкаетъ къ господствующему ученію о частичномъ снѣ мозга: «En somme le rêve est le produit de la pensée errante, sans but et sans direction, se fixant successivement sur les souvenirs, qui ont gardé assez d'intensité pour se placer sur sa route et l'arrêter au passage ètablissant entre eux un lien tantôt faible el indécis, tantôt plus fort et plus serré, selon que l'activité actuelle du cerveau est plus ou moins abolie par le sommeil».

3. Къ третьей группѣ относятся тѣ теоріи сновидѣнія, которыя приписываютъ грезящей душѣ способность и склонность къ особой психической дѣятельности, на которую она въ бодрственномъ состояніи либо совсѣмъ неспособна, либо способна въ очень незначительной степени. Изъ проявленія этихъ способностей проистекаетъ во всякомъ случаѣ полезная функція сновидѣнія. Воззрѣнія старыхъ психологовъ на сновидѣнія относятся по большей части къ этой группѣ. Я удовольствуюсь тѣмъ, что вмѣсто нихъ приведу мнѣніе Бурдаха [8]), согласно которому сновидѣнія представляютъ собою «естественную дѣятельность души, неограниченную силою индувидуальности, не нарушенную самосознаніемъ, не обусловленную самоопредѣленіемъ, а являющуюся живою свободною игрою чувствующихъ центровъ». (стр. 486).

Эту свободную игру собственныхъ силъ Бурдахъ и другіе представляютъ себѣ въ формѣ состоянія, въ которомъ душа освобождается и собираетъ новыя силы для дневной работы,—чѣмъ-то въ родѣ вакацій. Бурдахъ цитируетъ и всецѣло соглашается со словами поэта Новалиса относитель-

*) [Аналогично высказывается и поэтъ Анатоль Франсъ («Красная лилія»]: «Ce que nous voyons la nuit, ce sont les restes malheureux de ce que nous avon négligé dans la veille. Le rêve est souvent le revanche des choses qu'on méprise ou le reprche des êtres abandonnés».

но сновидѣнія: «Сновидѣніе представляетъ собою оплотъ противъ монотонности и повседневности жизни, свободный отдыхъ связанной фантазіи, когда она смѣшиваетъ всѣ образы жизни и прерываетъ постоянную серьезность взрослаго человѣка радостною дѣтскою игрою. Безъ сновидѣній мы бы навѣрное преждевременно состарились, и поэтому сновидѣніе если, быть можетъ, не непосредственно ниспослано свыше, то все же— драгоцѣнный даръ, отрадный спутникъ на пути къ могилѣ».

Освѣжащую и цѣлительную дѣятельность сновидѣнія изображаетъ еще ярче Пуркинье [53]) (стр. 456): «Особенно ревностно выполняютъ эти функціи продуктивныя сновидѣнія. Это легкая игра воображенія, неимѣющая никакой связи съ событіями дня. Душа не хочетъ продолжать напряженной дѣятельности бодрственной жизни, а хочетъ отрѣшиться отъ нея, отдохнуть. Она исцѣляетъ печаль радостью, заботы надеждами, и свѣтлыми образами, ненависть любовью и дружбой, страхъ мужествомъ и увѣренностью:—сомнѣнія она разгоняетъ убѣжденностью и твердою вѣрой, тщетное ожиданіе—осуществленіемъ мечты. Сонъ исцѣляетъ раны души, открытыя въ теченіе цѣлаго дня; онъ закрываетъ ихъ и предохраняетъ отъ новаго раздраженія. На этомъ покоится отчасти цѣлительное дѣйствіе времени». Мы чувствуемъ всѣ, что сонъ представляетъ собою благодѣяніе для душевной жизни, и смутное предчувствіе народнаго сознанія питало всегда предразсудокъ, будто сновидѣніе является однимъ изъ путей, по которымъ сонъ посылаетъ свои благіе дары.

Наиболѣе оригинальную и обширную попытку вывести происхожденіе сновидѣнія изъ особой дѣятельности души, свободно проявляющейся лишь въ состояніи сна, предпринялъ Шернеръ [58]) въ 1861 г. Книга Шернера, написанная тяжелымъ и труднымъ слогомъ и преисполненная воодушевленіемъ темой, которое несомнѣнно должно было бы дѣйствовать отталкивающе, если бы оно не увлекало читателя, представляетъ собою для анализа настолько большія трудности, что мы съ удовольствіемъ воспользовались болѣе яснымъ и простымъ изложеніемъ, въ которомъ философъ Фолькельтъ [72]) представляетъ намъ ученіе Шернера.

Шернеръ не принадлежитъ къ числу авторовъ, которые думаютъ, что душа переноситъ всѣ свои способности въ сновидѣніе. Онъ говоритъ о томъ, что въ сновидѣніи ослабляется центральность, что вслѣдствіе этой децентрализаціи измѣняются познанія, чувства желанія и представленія и что остат

ку душевныхъ силъ присущъ не чисто духовный характеръ, а лишь свойства механизма. Но зато въ сновидѣніи неограниченнаго господства достигаетъ специфическая дѣятельность души— фантазія, освобожденная отъ господства разума и тѣмъ самымъ отъ всякихъ строгихъ преградъ и препонъ. Она хотя и подкапывается подъ послѣднія устои памяти бодрственнаго состоянія, но изъ обломковъ ея воздвигаетъ зданіе, далекое и не похожее нисколько на построенія бодрствующаго сознанія; она играетъ въ сновидѣніи не только репродуцирующую, но и продуцирующую роль. Ея особенности сообщаютъ сновидѣнію его специфическій характеръ. Она обладаетъ склонностью къ преувеличенію, ко всему лишенному масштаба и мѣры. Но въ то же время, благодаря освобожденію отъ препятствующей категоріи мышленія, она пріобрѣтаетъ большую эластичность; она чрезвычайно воспріимчива ко всѣмъ тончайшимъ возбужденіямъ души, она переноситъ тотчасъ же внутреннюю жизнь во внѣшнюю психическую наглядность. Фантазіи сновидѣнія не достаетъ языка понятій; то, что она хочетъ сказать, ей приходится рисовать наглядно, а такъ какъ понятіе здѣсь не оставляетъ ослабляющаго воздѣйствія, то она рисуетъ съ невѣроятной полнотой, величіемъ и силою. Благодаря этому, какъ ни отчетливъ и ясенъ языкъ ея, онъ становится тяжеловѣснымъ и малоподвижнымъ. Особенно же ясность ея языка затрудняется тѣмъ, что онъ обычно не выражаетъ объекта его истиннымъ образомъ, а избираетъ охотнѣе чуждые образы, поскольку тѣ въ состояніи воспроизвести необходимую сторону объекта. Въ этомъ-то и заключается символизирующая дѣятельность фантазіи... Чрезвычайно важно далѣе то, что фантазія изображаетъ вещи не въ исчерпывающемъ видѣ, а лишь намѣчаетъ ихъ контуры. Ея художество производитъ поэтому впечатлѣніе какого-то геніальнаго вдохновенія. Фантазія не останавливается, однако, на простомъ изображеніи предмета; она испытываетъ внутренюю необходимость въ большей или меньшей степени соединить съ нимъ «я» грезящаго человѣка и тѣмъ самымъ изобразить дѣйствіе. Сновидѣніе, имѣющее своимъ объектомъ зрительныя воспріятія, рисуетъ напримѣръ, золотыя монеты, разсыпанныя на улицѣ; субъектъ собираетъ ихъ, радуется, уноситъ съ собою.

Матеріалъ, которымъ оперируетъ фантазія въ своей художественной дѣятельности, состоитъ, по мнѣнію Шернера, изъ смутныхъ для бодрствующаго сознанія, органическихъ физическихъ раздраженій, такъ что въ отношеніи источниковъ и возбудителей сновидѣнія чрезвычайно фантастическая теорія

Шернера и чрезвычайно трезвое ученіе Вундта и другихъ физіологовъ, которые въ общемъ противостоятъ другъ другу, точно два антипода,—полностью здѣсь совпадаютъ. Но въ то время, какъ, согласно физіологической теоріи, душевная реакція на внутреннія физическія раздраженія исчерпывается вызываніемъ какихъ-либо соотвѣтственныхъ представленій, которыя затѣмъ путемъ ассоціаціи призываютъ къ себѣ на помощь нѣкоторыя другія представленія,—по теоріи Шернера физическія раздраженія даютъ душѣ лишь матеріалъ, который она использовываетъ въ своихъ фантастическихъ цѣляхъ. Образованіе сновидѣнія, по мнѣнію Шернера, начинается лишь тамъ, гдѣ оно скрывается отъ взоровъ другихъ.

Нельзя назвать цѣлесообразнымъ то, что фантазія сновидѣнія производитъ съ физическими раздраженіями. Она ведетъ съ ними опасную игру и представляетъ себѣ органическій источникъ, изъ котораго привходитъ въ сновидѣніе раздраженіе въ какой-либо пластической символикѣ. Шернеръ полагаетъ даже въ противоположность Фолькельту и другимъ, что фантазія въ сновидѣніи обладаетъ излюбленнымъ символомъ для организма во всемъ его цѣлымъ. Символъ этотъ—домъ. Къ счастью, однако, она для своихъ образовъ не связана съ этимъ символомъ; она можетъ нарисовать цѣлый рядъ домовъ, желая изобразить отдѣльные органы,—напримѣръ, цѣлую улицу, желая дать выраженіе раздраженію со стороны кишечника. Въ другой разъ отдѣльныя части дома могутъ изображать отдѣльныя части тѣла, такъ, напримѣръ, въ сновидѣніи, вызванномъ головною болью, потолокъ комнаты, (который представляется покрытый пауками) можетъ символизовать собою голову Отрѣшаясь отъ символа «домъ», мы видимъ, что различные другіе предметы употребляются для изображенія частей тѣла, посылающихъ раздраженіе. «Такъ, напримѣръ, легкія символизируются раскаленною печью, въ которой бушуетъ яркое пламя, сердце—пустыми коробками и ящиками, мочевой пузырь—круглыми выдолбленными предметами. Въ сновидѣніи мужчины, вызванномъ болѣзненными ощущеніями въ половыхъ органахъ, субъекту снится, что онъ находитъ на улицѣ верхнюю часть кларнета, рядомъ съ нею трубку и шубу. Кларнетъ и трубка изображаетъ penis, шуба—растительность. Въ аналогичномъ сновидѣніи женщины узкая паховая область изображается тѣснымъ дворомъ, а влагалище—узкой, клейко вязкой тропинкой, по которой ей приходится итти, чтобы отнести письмо какому-то мужчинѣ. Особенно важно то, что въ заключеніе такого

сновидѣнія, связаннаго съ физическимъ раздраженіемъ, фантазія, такъ сказать демаскируется, представляя предъ взглядомъ спящаго болевызывающіе органы или его фукцію. Такъ, напримѣръ, сновидѣніе, вызванное зубною болью, заканчивается обычно тѣмъ, что спящій вынимаетъ у себя изъ рта зубы.

Фантазія въ сновидѣніи можетъ, однако, обращать вниманіе не только на форму органа, вызывающаго раздраженіе. Въ качествѣ объекта символизаціи она можетъ воспользоваться и содержаніемъ этого органа. Такъ, напримѣръ, сновидѣніе, вызванное болью въ кишечникѣ, можетъ изобразить грязныя улицы. Или же символически изображается само раздраженіе, какъ таковое, характеръ его или же, наконецъ, спящій вступаетъ въ конкретную связь съ символизацией собственнаго состоянія, напримѣръ, при болѣзненныхъ раздраженіяхъ намъ снится, что мы боремся съ бѣшеной собакой или дикимъ быкомъ или же при сексуальномъ сновидѣніи женщинѣ снится, что ее преслѣдуетъ обнаженный мужчина. Не говоря уже о богатствѣ красокъ художественной дѣятельности фантазіи, символизующая дѣятельность послѣдней остается центральной силой каждаго сновидѣнія. Проникнуть въ сущность этой фантазіи и указать этой своеобразной психической дѣятельности ея мѣсто въ системѣ философскихъ идей пытался Фолькельтъ [72]) въ своей прекрасно написанной книгѣ, которая, однако, мало понятна для неподготовленныхъ къ пониманію философскихъ системъ.

По мнѣнію Шернера съ дѣятельностью символизирующей фантазіи въ сновидѣніи не связаны никакія полезныя функціи. Душа, грезя, играетъ имѣющимися въ ея распоряженіи раздраженіями. Можно было бы предположить, что игра эта опасна, но можно было бы также задаться вопросомъ, имѣетъ ли какой-либо смыслъ наше подробное ознакомленіе съ теоріей Шернера: вѣдь произвольность и свобода этой теоріи отъ какихъ бы то ни было правилъ научнаго изслѣдованія слишкомъ бросается въ глаза. Тутъ было бы вполнѣ умѣстно, предотвратить вторженіе какой-либо критики въ ученіе Шернера. Это ученіе опирается на впечатлѣнія, полученныя человѣкомъ отъ его сновидѣній, человѣкомъ, который посвятилъ имъ много вниманія и который по натурѣ своей былъ, повидимому, чрезвычайно склоненъ къ изслѣдованію туманныхъ душевныхъ вопросовъ. Ученіе его трактуетъ далѣе о предметѣ, который казался людямъ цѣлыя тысячелѣтія чрезвычайно загадочнымъ, но въ то же время и интереснымъ и къ освѣщенію ко-

тораго строгая и точная наука, какъ она сама признается, едва ли можетъ добавить что-либо, кромѣ полнаго отрицанія существеннаго значенія за нимъ. Наконецъ, будемъ откровенны и скажемъ, что и мы придерживались того мнѣнія, что при попыткахъ выяснить сущность сновидѣнія мы едва ли сумѣемъ уклониться отъ всякой фантастики. Я надѣюсь показать далѣе, что за попыткой Шернера кроется много реальнаго, которое правда чрезвычайно расплывчато и лишено характера общеобязательности, на который можетъ претендовать теорія сновидѣнія. Пока же теорія сновидѣнія Шернера въ ея противорѣчіи медицинской должна намъ показать, между какими крайностями еще и теперь колеблется разрѣшеніе проблемы сновидѣнія.

h). Отношеніе между сновидѣніемъ и душевными заболѣваніями.

Говоря объ отношеніяхъ сновидѣнія къ душевнымъ разстройствамъ, можно подразумѣвать, во-первыхъ, этіологическое и клиническое взаимоотношеніе,—напримѣръ, если сновидѣніе изображаетъ психическое состояніе; во-вторыхъ, измѣненія, претерпѣваемыя сновидѣніемъ въ случаѣ душевнаго разстройства,—и въ третьихъ, внутреннее взаимоотношеніе между сновидѣніемъ и психозами,—аналогія, указывающая на внутреннее сродство. Это различіе взаимоотношеній между обоими рядами явленій было въ прежнія времена—а въ настоящее время снова—излюбленной темой врачей, какъ показываетъ литература предмета, указываемая Спиттой [64]), Раденштокомъ [54]), Мори [48]), Тисье [68]). Недавно Сантъ де-Санкти [56]) [57]) обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Намъ достаточно бѣгло коснуться этого вопроса.

Относительно этіологическаго и клиническаго взаимоотношенія между сновидѣніемъ и психозами и, въ качествѣ предпосылки, приведу слѣдующее наблюденіе. Гонбаумъ считаетъ, что первая вспышка безумія проявляется зачастую въ страшномъ кошмарномъ сновидѣніи, и что главенствующая мысль находится въ связи съ этимъ сновидѣніемъ. Сантъ де-Санкти приводитъ аналогичныя наблюденія надъ параноиками и считаетъ сновидѣніе для нѣкоторыхъ изъ нихъ «vraie cause déterminante de la folie». Психозъ можетъ проявиться сразу послѣ сновидѣнія, содержащаго бредовую идею или же медленно развиться благодаря дальнѣйшимъ сновидѣніямъ, борющимся еще съ сомнѣніями. Въ одномъ изъ случаевъ де-Санкти къ этимъ возбуждающимъ сновидѣніямъ присоединяются легкіе истерическіе

припадки, а затѣмъ и боязливо-меланхолическое состояніе. Феръ сообщаетъ объ одномъ сновидѣніи, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ истерическій параличъ. Здѣсь сновидѣніе предстаетъ предъ нами въ качествѣ душевнаго разстройства, хотя мы будемъ вполнѣ правы, если скажемъ, что душевное разстройство только впервые проявилось въ сновидѣніи. Въ другихъ примѣрахъ сновидѣніе содержитъ болѣзненные симптомы, или же психозъ ограничивается сновидѣніемъ. Такъ, Томайеръ [70]) обращаетъ вниманіе на сновидѣнія о страхѣ, которыя должны считаться эквивалентными эпилептическимъ припадкамъ. Аллисонъ (у Радештока) описалъ ночную душевную болѣзнь (nocturnal insanity), при которой субъекты днемъ, повидимому, совершенно здоровы, между тѣмъ какъ ночью регулярно испытываютъ галлюцинаціи, припадки бѣшенства и т. п. Аналогичное наблюденіе мы находимъ у де-Санкти (параноическое сновидѣніе у алкоголика, голоса, обвинявшіе супругу его въ невѣрности) и у Тисье. Тисье приводитъ цѣлый рядъ наблюденій изъ новѣйшаго времени, въ которомъ поступки патологическаго характера объясняется сновидѣніями. Гисленъ описываетъ одинъ случай, въ которомъ сонъ смѣнялся перемежающимся безуміемъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что когда-нибудь наряду съ психологіей сновидѣнія врачи будутъ интересоваться его психопатологіей.

Особенно часто въ случаяхъ выздоровленія отъ душевныхъ болѣзней наблюдается, что при совершенно здоровомъ состояніи днемъ, сновидѣнія носятъ характеръ психоза. Грегори (у Краусса [39]) повидимому, первый обратилъ вниманіе на это явленіе. Макаріо (у Тисье) сообщаетъ объ одномъ маніакѣ, который спустя недѣлю послѣ своего полнаго выздоровленія снова испыталъ въ сновидѣніяхъ симптомы своей болѣзни.

Относительно измѣненія, которое претерпѣваетъ сновидѣніе при душевной болѣзни, до сихъ поръ извѣстно мало достовѣрнаго. Напротивъ него, внутреннее сродство между сновидѣніемъ и душевнымъ разстройствомъ, проявляющееся въ полномъ совпаденіи обоихъ явленій, снискало себѣ уже давно вниманіе ученыхъ. По мнѣнію Мори [47]), первымъ указалъ на это Кабанисъ въ своихъ «Rapports du physique et du moral», послѣ него Лелю, Моро и особенно философъ Мэнъ де-Биранъ. Но, по всей вѣроятности, сравненіе это гораздо старѣе. Радештокъ [54]) въ главѣ, трактующей объ этомъ вопросѣ, приводитъ цѣлую серію мнѣній, проводящихъ аналогію между сновидѣніемъ

и безуміемъ. Кантъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Сумасшедшій все равно, что видящій сонъ на яву». Крауссъ: «Безуміе есть сновидѣніе въ бодрственномъ состояніи». Шопенгауеръ называетъ сновидѣніе кратковременнымъ безуміемъ, а безуміе продолжительнымъ сновидѣніемъ. Гагенъ называетъ delirium сновидѣніемъ, вызваннымъ не сномъ, а болѣзнями. Вундтъ въ «Физіологической психологіи» говоритъ: «И, дѣйствительно, въ сновидѣніи мы можемъ пережить почти всѣ явленія, наблюдаемыя нами въ домахъ для умалишенныхъ».

Отдѣльные признаки, на основаніи которыхъ проводится это сходство, Спитта [64]) (впрочемъ, также, и Мори) перечисляетъ слѣдующимъ образомъ: «1) Исчезновеніе самосознанія, вслѣдствіе этого несознаваніе состоянія какъ таковового, т. е. невозможность удивленія, отсутствіе моральнаго сознанія. 2) Измѣненіе воспріимчивости органовъ чувствъ,—пониженіе въ сновидѣніи и въ общемъ чрезвычайное повышеніе при душевномъ разстройствѣ. 3) Соединеніе представленій между собою исключительно по законамъ ассоціаціи и репродукціи, т. е. автоматическое образованіе рядовъ,—отсюда непропорціональность отношеній между представленіями (преувеличенія, фантазмы) и вытекающее изъ всего этого 4) измѣненіе личности, а иногда и свойствъ характера (извращенія)».

Радештокъ добавляетъ еще сюда аналогіи въ матеріалѣ: «Въ сферѣ слуха, зрѣнія и общаго чувства наблюдается большинство галлюцинацій и иллюзій. Наименьшее число элементовъ даютъ, какъ и въ сновидѣніи, чувства обонянія и вкуса.—У больного, какъ и у спящаго появляется воспоминаніе о далекомъ прошломъ; то, что бодрствующему и здоровому кажется давно забытымъ, о томъ вспоминаетъ спящій и больной».—Аналогія сновидѣнія и психоза пріобрѣтаетъ свое полное значеніе тѣмъ, что она, точно семейное сходство, простирается вплоть до мимики и до мельчайшихъ деталей выраженія лица.

«Страдающему физическими и душевными болѣзнями сновидѣніе открываетъ то, что недоступно ему въ дѣйствительности: хорошее самочувствіе и счастье; такъ и душевнобольному рисуются свѣтлыя картины счастья, величія и богатства. Мнимое обладаніе благами и мнимое осуществленіе желаній, неспособность осуществлять которыя служили психическимъ базисомъ безумія, образуютъ зачастую главное содержаніе сновидѣнія delirium'a. Женщина, потерявшая дорогого ей ребенка, полна материнскихъ радостей, человѣкъ, переживавшій разореніе, считаетъ себя страшно богатымъ; обманутая дѣвушка чувствуетъ нѣжную любовь».

(Въ этомъ мѣстѣ Радештокъ излагаетъ вкратцѣ мысль Гризингера[31]) (стр. 11), который видитъ въ осуществленіи желаній элементъ, общій сновидѣнію и психозу. Мои собственныя наблюденія показали мнѣ, что именно здѣсь слѣдуетъ искать ключъ къ психологической теоріи сновидѣнія и психоза).

«Причудливыя комбинаціи мыслей и слабость сужденія, главнымъ образомъ, характеризуютъ сновидѣніе и безуміе. Преувеличеніе собственной духовной дѣятельности, кажущееся абсурдной трезвому разсудку, встрѣчается какъ тамъ, такъ и здѣсь; поспѣшной смѣнѣ представленій въ сновидѣніи соотвѣтствуетъ бѣгъ мыслей въ психозѣ. У того и у другого отсутствуетъ всякое понятіе времени. Расколъ личности въ сновидѣніи, которая, напримѣръ, раздѣляетъ собственныя познанія на два лица, изъ которыхъ другое исправляетъ собственное «я», совершенно равноцѣнно извѣстному раздвоенію личности при паранойѣ. Спящій тоже слышитъ свои собственныя мысли, произносимыя чужимъ голосомъ. Даже для простыхъ бредовыхъ идей имѣется аналогія въ стереотипно повторяющихся патологическихъ сновидѣніяхъ (rêve obsédant). Послѣ выздоровленія больные говорятъ нерѣдко, что болѣзнь казалась имъ все время тяжелымъ сномъ; они разсказываютъ даже, что во время болѣзни имъ казалось, что имъ что-то снится.

Послѣ всего этого не слѣдуетъ удивляться тому, что Радештокъ резимируетъ свое мнѣніе и мнѣнія другихъ авторовъ въ томъ смыслѣ, что безуміе, анормальное болѣзненное явленіе, слѣдуетъ считать повышеніемъ періодически повторяющагося нормальнаго состоянія сновидѣнія (стр. 228).

Еще яснѣе, быть можетъ, чѣмъ это возможно при помощи этого анализа, Краусъ пытался обосновать сродство сновидѣнія и безумія этіологически (вѣрнѣе, сходствомъ возбудительныхъ источниковъ). Общимъ для обоихъ элементовъ, по его мнѣнію, какъ мы уже слышали, является органически обусловленное ощущеніе, общее чувство, проистекающее изъ ощущеній всѣхъ органовъ.

Обширное, простирающееся вплоть до характерныхъ деталей, совпаденіе сновидѣнія и душевнаго разстройства относится къ наиболѣе прочнымъ устоямъ медицинской теоріи сновидѣнія, согласно которой послѣднее является безполезнымъ процессомъ и проявленіемъ пониженной душевной дѣятельности. Нельзя, однако, ожидать законченнаго толкованія сновидѣнія отъ изслѣдованія душевныхъ разстройствъ; вѣдь и такъ ужъ извѣстно,

въ какомъ неудовлетворительномъ состоянiи находятся наши познанiя относительно послѣднихъ. Вѣроятно, однако, что измѣненное пониманiе сновидѣнiя должно будетъ обусловить и наши воззрѣнiя относительно внутренняго механизма душевнаго разстройства. Поэтому мы имѣемъ право сказать, что стремимся разъяснить тайну психозовъ, пытаясь разрѣшить загадку сновидѣнiя.

* * *

[Я долженъ объяснить, почему я не продолжилъ разсмотрѣнiя литературы проблемы сновидѣнiя, начиная съ момента появленiя перваго изданiя до второго. Читателю, быть можетъ, мое оправданiе покажется ненужнымъ; тѣмъ не менѣе я исключительно руководствовался имъ. Мотивы, побудившiе меня вообще къ разсмотрѣнiю проблемы сновидѣнiя въ литературѣ, были исчерпаны настоящею главою, и, быть можетъ, продолженiе этой работы стоило бы мнѣ чрезвычайныхъ трудовъ и принесла бы весьма мало пользы. Промежутокъ въ девять лѣтъ, о которомъ идетъ сейчасъ рѣчь, не принесъ ничего новаго и цѣннаго какъ въ области накопленiя фактическаго матерiала, такъ въ области установленiя новыхъ точекъ зрѣнiя на пониманiе проблемы сновидѣнiя. Моя работа осталась безъ упоминанiя въ большинствѣ другихъ научныхъ трудовъ; не меньше вниманiя она, разумѣется, встрѣтила и у такъ называемыхъ «изслѣдователей сновидѣнiя», которые дали тѣмъ самымъ поразительный примѣръ свойственному человѣку науки отвращенiю ко всему новому. «Les savants ne sont pas curieux», сказалъ генiальный насмѣшникъ Анатоль Франсъ. Если въ наукѣ существуетъ право на реваншъ, то я имѣю полное право и со своей стороны пренебрегать литературою, появившеюся съ момента изданiя моей книги. Немногочисленныя статьи, появившiяся въ научныхъ журналахъ, полны такого невѣжества и такого непониманiя, что я могу отвѣтить критикамъ только пожеланiемъ еще разъ прочесть мою книгу. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы попросить ихъ даже:—прочесть ее въ первый разъ!

Въ работахъ тѣхъ врачей, которые примѣняютъ психоаналитическiй методъ лѣченiя (Юнгъ, Абрагамъ, Риклинъ, Мутманъ, Штекель, Ранкъ и др.) опубликовано большое количество сновидѣнiй, истолкованныхъ согласно моимъ указанiямъ. Поскольку работы эти выходятъ изъ рамокъ аргументацiи моихъ положенiй, я включилъ ихъ выводы въ свое изложенiе. Указатель литературы въ концѣ предлагаемой книги

включаетъ въ себѣ всѣ эти новѣйшіе труды. Обширная книга Санта де-Санкти относительно сновидѣній, вскорѣ послѣ своего появленія переведенная на нѣмецкій языкъ, по времени скрестилась съ моимъ «Толкованіемъ сновидѣній», такъ что я могъ ее использовать столь же мало, сколько итальянскій авторъ мое сочиненіе. Кромѣ того мнѣ приходится замѣтить къ сожалѣнію, что его названный трудъ чрезвычайно бѣденъ мыслями, настолько бѣденъ, что не выставляетъ даже какихъ-либо опредѣленныхъ проблемъ.

Я долженъ упомянуть только о двухъ сочиненіяхъ, которыя близко подходятъ къ моему пониманію проблемы сновидѣнія. Молодой философъ Г. Свобода пытавшійся распространить біологическую періодичность (въ промежутокъ отъ двадцати трехъ до двадцати восьми дней), открытую В. Флиссомъ, на явленія психической жизни, открылъ этимъ ключомъ въ своемъ фантастическомъ сочиненіи между прочимъ и загадку сновидѣнія. Значеніе сновидѣній у него сводится къ весьма немногому: содержаніе ихъ объясняется совпаденіемъ всѣхъ тѣхъ воспоминаній, которыя въ данную ночь заканчиваютъ въ первый или въ n-ный разъ одинъ изъ указанныхъ біологическихъ періодовъ. Частное сообщеніе автора заставило меня въ началѣ предположить, что онъ самъ несерьезно защищаетъ свое ученіе. Оказалось однако, что я заблуждался; въ другомъ мѣстѣ я приведу нѣсколько наблюденій относительно мнѣнія Свободы, не подкрѣпляющихъ, однако, послѣдняго. Значительно цѣннѣе для меня было неожиданное столкновеніе съ пониманіемъ сновидѣнія, вполнѣ совпадающимъ своею сущностью съ моимъ. Время появленія этого сочиненія исключаетъ возможность того, что оно было написано подъ вліяніемъ моей книги; я долженъ поэтому привѣтствовать въ ней единственное въ литературѣ совпаденіе независимаго мыслителя съ сущностью моего ученія о сновидѣніяхъ. Книга, въ которой я встрѣтилъ воззрѣнія, аналогичныя моимъ, вышла въ 1900 году вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Фантазіи реалиста» Линкеуса].

— — —

II.

Методъ толкованія сновидѣній.

Анализъ сновидѣнія.

Заглавіе, данное мной моей книгѣ, само уже говоритъ о томъ, съ какой традиціей связываю я свое пониманіе сновидѣній. Я задался цѣлью показать, что сновидѣнія доступны толкованію, и дополненія къ освященію проблемы сновидѣнія лишь помогаютъ мнѣ выполнить мою дѣйствительную задачу. Предположеніемъ, что сновидѣніе доступно толкованію, я вступаю сразу въ противорѣчіе съ господствующимъ ученіемъ о сновидѣніяхъ, да и вообще со всѣми теоріями, за исключеніемъ ученія Шернера, ибо «истолковать» сновидѣніе значитъ раскрыть его «смыслъ», замѣнить его чѣмъ-либо, что въ качествѣ полноправнаго и полноцѣннаго звена могло бы быть включено въ общую цѣпь нашихъ душевныхъ процессовъ. Какъ мы уже видѣли, научныя теоріи сновидѣнія не включаютъ въ себя проблемы толкованія послѣднихъ, ибо сновидѣніе не является для нихъ вообще душевнымъ актомъ, а лишь соматическимъ процессомъ. Иначе обстоитъ дѣло почти всегда съ воззрѣніями на сновидѣнія у широкой публики. Послѣдняя считаетъ своимъ правомъ быть непослѣдовательной и, хотя и признаетъ, что сновидѣніе непонятно и абсурдно, однако, не можетъ рѣшиться отрицать какое бы то ни было значеніе за сновидѣніями. Руководимая неяснымъ предчувствіемъ, она все же предполагаетъ, что сновидѣніе имѣетъ опредѣленный смыслъ, быть можетъ, и скрытый и замѣняющій собою другой, мыслительный процессъ,— необходимо только правильно раскрыть эту замѣну, чтобы понять скрытое значеніе сновидѣнія.

Широкая публика старалась поэтому всегда «толковать» сновидѣнія и пользовалась при этомъ двумя существенно различными методами. Первый изъ этихъ методовъ разсматриваетъ

содержаніе сновидѣнія, какъ нѣчто цѣлое и старается замѣнить его другимъ понятнымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичнымъ содержаніемъ. Это—символическое толкованіе сновидѣній; оно терпитъ крушеніе, разумѣется съ самаго начала о тѣ сновидѣнія, которыя кажутся не только не понятными, но и спутанными и хаотическими. Примѣромъ такого метода служитъ толкованіе, которымъ воспользовался библейскій Іосифъ для сновидѣнія фараона. Семь тучныхъ коровъ, послѣ которыхъ появилось семь тощихъ, пожравшихъ первыхъ, являются символическимъ замѣщеніемъ предсказанія о семи голодныхъ годахъ въ Египтѣ, которые поглотятъ весь тотъ избытокъ, который создадутъ сытые годы. Большинство искусственныхъ сновидѣній, созданныхъ поэтической фантазіей, предназначено для такого символическаго толкованія, такъ какъ они передаютъ мысли поэта въ замаскированномъ видѣ, приспособленномъ къ извѣстнымъ особенностямъ нашихъ сновидѣній *). Воззрѣніе, будто сновидѣніе интересуется преимущественно будущимъ, которое оно напередъ можетъ предвидѣть—остатокъ пророческой роли, приписывавшейся прежде сновидѣніямъ,—становится затѣмъ мотивомъ, которое побуждаетъ символическое толкованіе изложить найденный смыслъ сновидѣнія въ будущемъ времени.

Какъ найти путь къ этому символическому толкованію, на этотъ счетъ нельзя дать, разумѣется, никакихъ опредѣленныхъ указаній. Успѣхъ зависитъ отъ остроумія, отъ непосредственной интуиціи субъекта, и поэтому толкованіе сновидѣнія при помощи символики вполнѣ зависитъ отъ искусства, связаннаго, очевидно, съ особымъ талантомъ **). Но такому толкованію

*) [Въ новеллѣ «Градива» писателя В. Іензена я нашелъ случайно нѣсколько искусственныхъ сновидѣній, придуманныхъ чрезвычайно умѣло и доступныхъ для толкованія, словно они были не придуманы авторомъ, а дѣйствительно испытаны реальнымъ лицомъ. Въ отвѣтъ на мой запросъ писатель заявилъ, что мое ученіе ему незнакомо. Я воспользовался этимъ совпаденіемъ моего изслѣдованія съ творчествомъ писателя въ качествѣ доказательства правильности моего анализа сновидѣній (см. мою брошюру: «Бредъ и сновидѣнія въ «Градивѣ» В. Іензена» 1900 г.) Докторъ А. Робитзекъ показалъ затѣмъ, что сновидѣніе героя Эгмонта Гете допускаетъ такое же толкованіе, какъ и всякое естественное сновидѣніе. («Анализъ сновидѣнія Эгмонта», 1910 г.)].

**) Послѣ окончанія моей работы мнѣ попалось въ руки сочиненіе Штумпфа, которое совпадаетъ съ моимъ въ желаніи доказать, что сновидѣніе не безсмысленно и доступно толкованію. Толкованіе, однако, совершается у него при помощи аллегоризирующей символики безъ ручательства за общепримѣнимость такого метода.

совершенно противорѣчитъ другой методъ. Методъ этотъ можетъ быть названъ «расшифровываніемъ», такъ какъ онъ разсматриваетъ сновидѣніе, какъ своего рода условный шифръ, въ которомъ каждый знакъ при помощи составленнаго заранѣе ключа можетъ быть замѣненъ другимъ знакомъ общеизвѣстнаго значенія и смысла. Мнѣ снилось, напримѣръ, письмо, вслѣдъ за нимъ похороны и т. д.: я смотрю въ «сонникѣ» и нахожу, что «письмо» означаетъ «досаду», «похороны»—«обрученіе» и т. д. Въ дальнѣйшемъ уже зависитъ отъ меня связать эти понятія и, конечно, перенести ихъ на будущее. Интереснымъ варіантомъ этого расшифровыванія, который до нѣкоторой степени исправляетъ его механичность, представляетъ собою сочиненіе Артемидора о толкованіи сновидѣній.

Здѣсь во вниманіе принимается не только содержаніе сновидѣнія, но и личность и жизненныя условія самаго грязящаго, такъ что одинъ и тотъ же элементъ сновидѣнія имѣетъ иное значеніе для богача, женатаго и оратора, чѣмъ для бѣднаго, холостого и купца. Наиболѣе существенно въ этомъ методѣ то, что толкованіе не обращается на сновидѣніе во всемъ его цѣломъ, а на каждый элементъ послѣдняго въ отдѣльности, какъ будто сновидѣніе является конгломератомъ, въ которомъ каждая часть обладаетъ особымъ значеніемъ. Къ созданію этого метода послужили поводомъ, очевидно, безсвязныя сбивчивыя сновидѣнія **).

Для научнаго разсмотрѣнія темы непригодность обоихъ популярныхъ методовъ толкованія сновидѣнія, конечно, очевидна.

**) [Докторъ А. Робитзекъ обращаетъ мое вниманіе на то, что восточный сонникъ, по сравненію съ которымъ наши представляютъ собою жалкія подражанія, совершаетъ толкованіе элементовъ сновидѣнія по большей части по созвучію и сходству словъ. Такъ какъ эта аналогія при переводѣ на нашъ языкъ должна была несомнѣнно утратиться, то этимъ и объясняется странность толкованій въ нашихъ народныхъ сонникахъ.—Относительно этого выдающагося значенія игры словъ въ древнихъ восточныхъ культурахъ говоритъ подробно Гуго Винклеръ. Наиболѣе яркій примѣръ толкованія сновидѣнія, дошедшаго до насъ съ древности, основывается на игрѣ словъ. Артемидоръ [2]) сообщаетъ (стр. 255): «Аристандръ чрезвычайно удачно истолковалъ Александру Македонскому его сновидѣніе. Когда тотъ осаждалъ Тиръ, онъ раздасадованный упорнымъ сопротивленіемъ города, увидѣлъ во снѣ сатира, пляшущаго на его щитѣ. Аристандръ разложилъ слово «сатиръ» (Σάτυρος) на его составныя части σὰ Τύρος и способствовалъ тому, что царь повелъ осаду энергичнѣе и взялъ городъ» (Σά—τύρος = «Тиръ твой»).—Впрочемъ сновидѣніе настолько тѣсно связано съ его словеснымъ выраженіемъ, что Ференчи [87]) вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что каждый языкъ имѣетъ и свой собственный языкъ сновидѣній. Сновидѣніе обычно непереводимо на другіе языки].

Символическій методъ въ примѣненіи своемъ чрезвычайно ограниченъ и не можетъ претендовать на болѣе или менѣе общее значеніе. Въ методѣ расшифровыванія все направлено къ тому, чтобы «ключъ», «сонникъ» былъ вполнѣ надежнымъ источникомъ, а для этого, разумѣется, нѣтъ никакихъ гарантій. Невольно возникаетъ искушеніе согласиться съ философами и психіатрами и вмѣстѣ съ ними отказаться отъ проблемы толкованія сновидѣній, какъ отъ призрачной и излишней задачи.

Я между тѣмъ придерживаюсь совершенно другого взгляда. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что здѣсь снова передъ нами одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ чрезвычайно упорная народная вѣра ближе подошла къ истинѣ вещей, чѣмъ сужденія современной науки. Я считаю своимъ долгомъ утверждать, что сновидѣніе дѣйствительно имѣетъ значеніе и что дѣйствительно возможенъ научный методъ его толкованія. Къ этому заключенію я пришелъ слѣдующимъ путемъ.

Много лѣтъ занимаюсь я изученіемъ нѣкоторыхъ психопатологическихъ явленій, истерическихъ фобій, навязчивыхъ представленій, и т. п., въ терапевтическихъ цѣляхъ. Я имѣлъ возможность убѣдиться при содѣйствіи моего сотрудника Брейера, что для такихъ явленій, воспринимаемыхъ въ качествѣ болѣзненныхъ симптомовъ, раскрытіе ихъ и устраненіе совпадаютъ другъ съ другомъ*). Когда такое патологическое явленіе удается свести къ отдѣльнымъ элементамъ, изъ которыхъ проистекло оно въ душевной жизни больного, то тѣмъ самымъ оно и устраняется, и больной избавляется отъ него. При безсиліи другихъ нашихъ терапевтическихъ стремленій и въ виду загадочности такихъ состояній мнѣ казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ пойти по пути, открытому Брейеромъ, и несмотря на многочисленныя трудности достичь намѣченной цѣли. Какимъ образомъ сложилась въ концѣ концовъ техника этого метода, каковъ былъ результатъ стараній, объ этомъ я буду имѣть случай говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Во время этихъ психоаналитическихъ занятій я натолкнулся на толкованіе сновидѣній у паціентовъ, которыхъ я заставлялъ сообщать мнѣ всѣ ихъ мысли и чувства, возникающія у нихъ по поводу опредѣленнаго вопроса, разсказывалъ имъ свои сновидѣнія и показывалъ имъ тѣмъ самымъ, что сновидѣніе можетъ быть включено въ психологическую цѣпь, которая отъ данной патологической идеи простирается въ

*) Брейеръ и Фрейдъ: „Изслѣдованіе истеріи“, Вѣна, 1895 г., 2-е изданіе 1909 г.

глубь воспоминаній. Теперь было уже не трудно разсматривать самое сновидѣніе, какъ симптомъ, и примѣнять къ нему тотъ же методъ толкованія, что и къ послѣднему.

Для этого необходима, конечно, извѣстная психическая подготовка больного. Отъ него требуются двѣ вещи: усиленіе вниманія къ его психическимъ воспріятіямъ и устраненіе критики, при помощи которой онъ обычно производитъ подборъ возникающихъ въ его мозгу мыслей. Въ цѣляхъ его самонаблюденія при помощи повышеннаго вниманія цѣлесообразно, чтобы онъ занялъ спокойное положеніе и закрылъ глаза; особенно важнымъ представляется устраненіе критики воспринятыхъ мыслей и ощущеній. Необходимо сказать ему, что успѣхъ психоанализа обусловливается тѣмъ, что онъ замѣчаетъ и сообщаетъ все, что проходитъ у него черезъ мозгъ и не пытается подавлять мыслей, которыя могутъ показаться ему несущественными, абсурдными или не относящимися къ темѣ; онъ долженъ относиться совершенно безпристрастно къ своимъ мыслямъ; ибо именно эта критика сыграла бы важную роль, если бы ему не удалось найти желаннаго разъясненія сновидѣнія, навязчивой идеи и т. п.

При психоаналитическихъ занятіяхъ я имѣлъ случай замѣтить, что психическая структура размышляющаго человѣка совершенно иная, чѣмъ структура наблюдающаго свои психическіе процессы. При размышленіи психическій процессъ играетъ большую роль, чѣмъ при самомъ внимательномъ наблюденіи, какъ то показываетъ даже напряженная физіономія и морщины на лбу человѣка, погруженнаго въ раздумье, въ противоположность къ мимическому спокойствію самонаблюдающаго субъекта. Въ обоихъ случаяхъ необходимо усиленное вниманіе, но размышляющій человѣкъ совершаетъ помимо этого критику, въ силу которой отбрасываетъ часть возникающихъ у него мыслей, или прерываетъ другія, такъ что не слѣдитъ за тѣмъ ходомъ мыслей, который быть можетъ онѣ начинаютъ: другія мысли онъ вообще не сознаетъ, такъ какъ онѣ подавляются до ихъ воспріятія. Самонаблюдатель, напротивъ того, старается лишь подавить критику; если это ему удается, онъ начинаетъ сознавать безчисленное множество мыслей, которыя въ противномъ случаѣ остались бы у него несознанными. При помощи полученнаго такимъ путемъ матеріала можетъ быть произведено толкованіе патологическихъ идей, а также и сновидѣнія. Ясно, такимъ образомъ, что тутъ идетъ рѣчь о подготовленіи психическаго состоянія, которое въ отношеніи распредѣленія психической энергіи имѣетъ

нѣкоторую аналогію съ состояніемъ засыпанія (а вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно и съ гипнотическимъ состояніемъ). При засыпаніи «нежелательныя» представленія появляются наружу вмѣстѣ съ ослабленіемъ произвольнаго (разумѣется, также и критическаго) процесса, оказывающаго вліяніе на ходъ нашихъ представленій Въ качествѣ причины такого ослабленія мы приводимъ обычно «утомленіе»; появляющіяся «нежелательныя» представленія преобразовываются въ зрительные и слуховые образы. При состояніи, которымъ пользуются для анализа сновидѣнія и патологическихъ идей, намѣренно и умышленно отказываются отъ активности и использовываютъ сохраненную психическую энергію (или часть ея) для внимательнаго прослѣживанія появляющихся нежелательныхъ мыслей, сохраняющихъ свой характеръ представленій (въ этомъ и заключается различіе отъ состоянія засыпанія). Такимъ образомъ «нежелательныя» представленія превращаются въ «желательныя».

[Требуемая здѣсь «свобода» мыслей съ устраненіемъ критики, повидимому, чрезвычайно затруднительна для многихъ. ,,Нежелательныя" мысли оказываютъ обычно сильное сопротивленіе, мѣшающее имъ пробиться наружу. Если повѣрить, однако, ашему великому мыслителю-поэту Шиллеру, то такой же процессъ необходимъ и для поэтическаго творчества. Въ одномъ мѣстѣ своей переписки съ Кернеромъ Шиллеръ отнѣчаетъ на жалобу своего друга въ его недостаточной плодовитости: «Причина твоихъ жалобъ объясняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ принужденіемъ, которое твой разумъ оказываетъ на твое воображеніе. Я выскажу здѣсь одну мысль и иллюстрирую ее сравненіемъ. Мнѣ представляется вреднымъ, если разумъ черезчуръ рѣзко критикуетъ появляющіяся мысли, какъ бы сторожа ихъ и самый порывъ. Идея въ своемъ изолированномъ видѣ, быть можетъ, чрезвычайно ничтожна и опасна, но вмѣстѣ съ другими, послѣдующими она можетъ быть чрезвычайно важной; въ связи съ этими другими идеями, въ отдѣльности такими же ничтожными, она можетъ представить собою весьма интересный и существенный ходъ мыслей.—Обо всемъ этомъ не можетъ судить разсудокъ, если онъ не сохраняетъ идею до тѣхъ поръ, пока не разсматриваетъ ее въ связи съ остальными. Въ творческомъ разумѣ, напротивъ того, разумъ снимаетъ свою стражу, идеи льются въ безпорядкѣ и лишь затѣмъ онъ окидываетъ ихъ взглядомъ,—осматриваетъ цѣлое скопленіе ихъ.—Вы, господа критики, стыдитесь или боитесь мгновеннаго преходящаго безумія, которое наблюдается у всякаго творческаго разума

и продолжительность котораго отличаетъ мыслящаго художника отъ мечтателя. Отсюда-то и проистекаютъ ваши жалобы на неплодовитость: вы черезчуръ рано устраняете мысли и черезчуръ строго ихъ сортируете». (Письмо отъ 1 декабря 1788 года)].

Большинство моихъ пацiентовъ осиливаютъ эти трудности уже послѣ первыхъ указанiй; для меня лично это тоже не представляетъ особой трудности, особенно, когда я записываю свои мысли. Сумма психической энергiи, на которую, такимъ образомъ, понижается критическая дѣятельность и которая въ то же время повышаетъ интенсивность самонаблюденiя, значительно колеблется, смотря по темпераменту, на который обращается вниманiе пацiента.

Первый шагъ при примѣненiи этого метода учитъ, что въ качествѣ объекта вниманiя слѣдуетъ брать не сновидѣнiе во всемъ его цѣломъ, а лишь отдѣльные элементы его содержанiя. Если я спрошу неопытнаго пацiента: Что вызвало у васъ такое сновидѣнiе?, то онъ обычно не можетъ найти ничего въ своемъ умственномъ кругозорѣ; мнѣ приходится разложить сновидѣнiе на отдѣльныя части, и тогда онъ къ каждый такой части приводитъ цѣлый рядъ мыслей, которыя можно назвать «задними мыслями» этихъ элементовъ сновидѣнiя. Въ этомъ первомъ важномъ условiи мой методъ толкованiя сновидѣнiй отличается уже отъ популярнаго историческаго и легендарнаго метода толкованiя при помощи символизацiи и приближается ко второму методу «расшифрированiя». Онъ, какъ и послѣднiй, представляетъ собою толкованiе en detail, а не en masse: какъ послѣднiй, онъ беретъ съ самаго начала сновидѣнiе, какъ нѣчто сложное, какъ конгломератъ психическихъ явленiй.

Во время моихъ психоанализовъ у невротиковъ мнѣ удалось истолковать, навѣрное, нѣсколько тысячъ сновидѣнiй, но этимъ матерiаломъ я не воспользуюсь здѣсь для введенiя въ технику и въ сущность толкованiя сновидѣнiй. Не говоря уже о томъ, что мнѣ могли бы возразить, что это сновидѣнiя невропатовъ, не дающiя возможности провести аналогiю ихъ со сновидѣнiями здоровыхъ людей,—къ устраненiю ихъ меня побуждаетъ еще и другая причина. Тема, которой касаются эти сновидѣнiя, само собою разумѣется, почти всегда исторiя болѣзни, на которой базируется данный неврозъ. Благодаря этому для каждаго сновидѣнiя необходимы было бы черезчуръ распространенныя предварительныя сообщенiя и ознакомленiе съ сущностью и этiологическими условiями психоневроза; всѣ эти вещи сами по себѣ въ высшей степени сложны,—онѣ навѣрное бы откло-

нили вниманіе отъ самой проблемы сновидѣній. Моя же цѣль заключается, наоборотъ, въ томъ, чтобы толкованіемъ сновидѣній подготовить разрѣшеніе болѣе трудной и сложной проблемы психологіи неврозовъ. Если же я отказываюсь отъ сновидѣній невротиковъ, отъ своего главнаго матеріала, то я имѣю уже право не быть черезчуръ разборчивымъ въ другомъ матеріалѣ. Мнѣ остаются лишь тѣ сновидѣнія, которыя сообщены мнѣ случайно здоровыми людьми, или же которыя я нашелъ въ качествѣ примѣра въ литературѣ проблемы сновидѣнія. Къ сожалѣнію, всѣ эти сновидѣнія лишены анализа, безъ котораго я не могу найти смысла сновидѣнія. Мой методъ не такъ вѣдь удобенъ, какъ методъ популярнаго расшифровыванія, который при помощи постояннаго ключа раскрываетъ содержаніе сновидѣнія; я, наоборотъ, готовъ къ тому, что одно и то же сновидѣніе у различныхъ лицъ и при различныхъ обстоятельствахъ можетъ открывать совершенно различныя мысли. Благодаря всему этому, я стараюсь использовать мои собственныя сновидѣнія, какъ наиболѣе обильный и удобный матеріалъ, проистекающій, во первыхъ, отъ довольно нормальной личности, а во вторыхъ, касающійся самыхъ различныхъ пунктовъ повседневной жизни. Читатели могутъ усомниться въ надежности такого «самоанализа»,—произволъ при этомъ, конечно, не исключенъ. Однако, на мой взглядъ самонаблюденіе значительно удобнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ наблюденіе надъ другими; во всякомъ случаѣ можно попытаться установить, какую роль играетъ самоанализъ въ толкованіи сновидѣній. Другую, значительно большую трудность мнѣ пришлось преодолѣть внутри самого себя. Человѣкъ испытываетъ понятную боязнь раскрывать интимныя подробности своей душевной жизни: онъ всегда рискуетъ встрѣтить непониманіе окружающихъ. Но боязнь эту необходимо подавлять. «Tout psychologiste», пишетъ Дельбефъ[26]) «est obligé de faire l'aveu même de ses faibleses s'il croit par là jeter du jour sur quelque problème obscure». И у читателя, какъ мнѣ кажется, начальный интересъ къ интимнымъ подробностямъ долженъ скоро уступить исключительному углубленію въ освѣщаемую этимъ психологическую проблему.

Я приведу поэтому одно изъ моихъ собственныхъ сновидѣній и на его примѣрѣ разъясню свой методъ толкованія. Каждое такое сновидѣніе нуждается въ предварительномъ сообщеніи. Мнѣ придется, однако, просить читателя на нѣсколько минутъ превратить мои интересы въ его собственные и вмѣстѣ со мною погрузиться въ подробности моей жизни,

ибо такого перенесенія съ необходимостью требуетъ интересъ къ скрытому значенію сновидѣнія.

Предварительное сообщеніе: Лѣтомъ 1895 года мнѣ пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму, которая находилась въ тѣсной дружбѣ со мной и моей семьей. Вполнѣ понятно, что такое смѣшеніе отношеній можетъ стать источникомъ всякаго рода непріятныхъ явленій для врача, особенно же для психотерапевта. Личный интересъ врача значительнѣе, его авторитетъ меньше. Неудача угрожаетъ порвать старую дружбу съ близкими паціента. Мое лѣченіе закончилось частичнымъ успѣхомъ, паціентка избавилась отъ истерическаго страха, но не отъ всѣхъ своихъ соматическихъ симптомовъ. Я былъ въ то время еще не совсѣмъ убѣжденъ въ критеріяхъ, которые опредѣляютъ полное окончаніе истеріи, и предложилъ паціенткѣ «рѣшеніе». Оно показалось ей непріемлемымъ. Расходясь съ нею во мнѣніяхъ, мы посреди лѣта временно прекратили лѣченіе.—Въ одинъ прекрасный день меня посѣтилъ мой молодой коллега, одинъ изъ моихъ близкихъ друзей, бывшій недавно въ гостяхъ у моей паціентки Ирмы и у ея семьи. Я спросилъ его, какъ онъ ее нашелъ, и услышалъ въ отвѣтъ: ей лучше, но не совсѣмъ еще хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто или, вѣрнѣе, тонъ ихъ меня разсердили. Мнѣ казалось, что въ этихъ словахъ прозвучалъ упрекъ,—нѣчто вродѣ того, будто я обѣщалъ паціенткѣ черезчуръ много. Я объяснилъ мнимое пристрастіе Отто по отношенію ко мнѣ вліяніемъ родныхъ паціентки, которымъ уже давно, какъ мнѣ казалось, не нравилось мое лѣченіе. Впрочемъ, непріятное чувство было у меня довольно смутно, и я ничѣмъ не проявилъ его. Въ тотъ же вечеръ я записалъ подробно исторію болѣзни Ирмы, чтобы вручить ее въ свое оправданіе доктору М., нашему общему другу и чрезвычайно популярному врачу. Въ эту же ночь, вѣрнѣе къ утру, я испыталъ нижеслѣдующее сновидѣніе, записанное мною тотчасъ же по пробужденіи.

Сновидѣніе 23/24 іюля 1895 года.

Большая зала—много гостей.—Среди нихъ Ирма: я беру ее подъ руку, точно хочу отвѣтить на ея письмо,—упрекаю ее въ томъ, что она не приняла моего «рѣшенія». Говорю ей: Если у тебя еще есть боли, то ты сама виновата.—Она отвѣчаетъ: Если бы ты зналъ, какія у меня боли

въ горлѣ, въ желудкѣ и въ животѣ, мнѣ все прямо стягиваетъ.—Я пугаюсь и смотрю на нее. У нея блѣдное, опухшее лицо. Мнѣ приходитъ въ голову, что я могъ не замѣтить какого-нибудь органическаго заболѣванія. Я подвожу ее къ окну, смотрю ей въ горло. Она слегка противится, какъ всѣ женщины, у которыхъ вставные зубы. Я думаю, что вѣдь ей это не нужно.—Ротъ открывается и я вижу справа большое бѣлое пятно, а немного поодаль странный наростъ, похожій на носовую раковину; я вижу его сѣроватую кору.—Я подзываю тотчасъ же доктора М.—Тотъ смотритъ и подкрѣпляетъ мое мнѣніе... У доктора М. совершенно другой видъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ очень блѣденъ, хромаетъ и почему-то безъ бороды... Мой другъ Отто стоитъ подлѣ меня, а другъ Леопольдъ изслѣдуетъ ей легкія и говоритъ: У нея притупленіе слѣва внизу! Онъ указываетъ еще на инфильтрацію въ лѣвомъ плечѣ (несмотря на одѣтое платье. Я тоже ощущаю ее какъ и онъ...) Докторъ М. говоритъ: Несомнѣнно, это инфекція. Но ничего: у нея будетъ дизентерія и инфекція выйдетъ... Мы почему-то сразу понимаемъ, откуда эта инфекція. Отто недавно, когда она себя почувствовала нездоровой, вспрыснулъ ей препаратъ пропила—пропиленъ... пропиленовую кислоту.... триметиламинъ (формулу его я вижу ясно передъ глазами)... Такой инфекціи нельзя дѣлать легкомысленно... По всей вѣроятности, и шприцъ былъ не совсѣмъ чистъ.

Сновидѣніе это имѣетъ передъ другими одно преимущество. Тотчасъ же ясно, съ какимъ событіемъ прошедшаго дня оно связано и какой темы касается. Предварительное сообщеніе даетъ этому полное освѣщеніе. Сообщеніе Отто относительно здоровья Ирмы, исторію болѣзни которой я писалъ до поздняго вечера, занимала мою душевную дѣятельность и во время сна. Тѣмъ не менѣе никто, ознакомившись съ предварительнымъ сообщеніемъ и съ содержаніемъ сновидѣнія, не можетъ все же предполагать, что означаетъ мое сновидѣніе. Я и самъ этого не

знаю. Я удивляюсь болѣзненнымъ симптомамъ, на которые указываетъ мнѣ Ирма въ сновидѣніи такъ какъ они совсѣмъ непохожи на тѣ, какіе я у нея лѣчилъ. Я улыбаюсь безсмысленной идеѣ объ инъекціи пропиленовой кислотой и утѣшенію доктора М. Сновидѣніе въ концѣ своемъ кажется мнѣ болѣе туманнымъ и непонятнымъ, чѣмъ въ началѣ. Чтобы истолковать все это, я произвожу подробный анализъ.

Анализъ:

Большая зала—много гостей. Мы жили въ то лѣто на улицѣ Бельвю въ особнякѣ, на небольшомъ возвышеніи. Особнякъ этотъ былъ когда-то предназначенъ для ресторана и имѣетъ поэтому очень высокія комнаты, похожія на залы. Все это мнѣ снилось именно въ этомъ особнякѣ за нѣсколько дней до дня рожденія моей жены. Днемъ жена говорила мнѣ, что въ день рожденія ждетъ много гостей, среди нихъ и Ирму. Мое сновидѣніе пользуется этими словами: день рожденія жены, много народу, среди нихъ Ирма; мы принимаемъ гостей въ большомъ залѣ особняка на Бельвю.

Я упрекаю Ирму въ томъ, что она не приняла моего «рѣшенія»; я говорю: если у тебя есть еще боли, то ты сама виновата. Я могъ бы это сказать ей и на яву и, можетъ быть, и говорилъ даже. Тогда я придерживался того взгляда (впослѣдствіи я въ немъ разувѣрился), что моя задача ограничивается сообщеніемъ больнымъ скрытаго смысла ихъ симптомовъ: принимаютъ ли они такое «рѣшеніе» или нѣтъ, отъ котораго затѣмъ зависитъ весь успѣхъ лѣченія,—за это я уже не отвѣтственен. По фразѣ, которую я сказалъ Ирмѣ, я замѣчаю, что прежде всего не хочу быть виноватымъ въ тѣхъ боляхъ, которыя она еще чувствуетъ. Если въ нихъ виновата сама Ирма, то не могу быть виноватымъ я. Не слѣдуетъ ли въ этомъ направленіи искать смысла сновидѣнія?

Жалобы Ирмы; боли въ горлѣ, желудкѣ и животѣ; ее всю стягиваетъ. Боли въ желудкѣ относятся къ обычнымъ болѣзненнымъ симптомамъ моей паціентки, но прежде онѣ не такъ ее безпокоили, она жаловалась только на тошноту и рвоту. Боли же въ горлѣ и въ животѣ почти не играли въ ея болѣзни никакой роли. Я удивляюсь, почему сновидѣніе остановилось именно на этихъ симптомахъ, но покамѣстъ это остается для меня непонятнымъ.

У нея блѣдное и опухшее лицо. У Ирмы былъ

всегда розовый цвѣтъ лица. Я подозрѣваю, что по всей вѣроятности она въ сновидѣніи замѣнена другимъ лицомъ.

Я пугаюсь при мысли, что могъ не замѣтить у нея органическаго заболѣванія. Это вполнѣ естественный, постоянный страхъ специалиста, который повсюду видитъ почти исключительно невротиковъ и привыкаетъ относить на счетъ истеріи почти всѣ явленія, которыя кажутся другимъ врачамъ органическими. Съ другой стороны, мною овладѣваетъ—я самъ не знаю откуда—легкое сомнѣніе въ томъ, что мой испугъ не совсѣмъ добросовѣстенъ. Если боли у Ирмы имѣютъ органическую причину, то опять-таки я не обязанъ лѣчить ихъ. Мое лѣченіе устраняетъ только истерическія боли. Мнѣ чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки въ діагнозѣ; тѣмъ самымъ былъ бы устраненъ и упрекъ въ неудачномъ лѣченіи.

Я подвожу ее къ окну и хочу посмотрѣть ей горло. Она сопротивляется немного, какъ женщины, у которыхъ фальшивые зубы. Я думаю, что вѣдь ей это вовсе не нужно. Мнѣ никогда не приходилось осматривать у Ирмы горло. Сновидѣніе напоминаетъ мнѣ о произведенномъ мною недавно изслѣдованіи одной гувернантки, производившей впечатлѣніе молодой красивой женщины; передъ тѣмъ какъ открыть ротъ, она старалась скрыть свою фальшивую челюсть. Съ этимъ связываются другія воспоминанія о врачебныхъ изслѣдованіяхъ и о маленькихъ тайнахъ, которыя раскрываются при этомъ.—«Это вѣдь ей не нужно»,—это для Ирмы комплиментъ. Я подозрѣваю, однако, еще и другое значеніе. При внимательномъ анализѣ всегда чувствуешь, исчерпаны ли всѣ заднія мысли или нѣтъ. Поза, въ которой Ирма стоитъ у окна, вызываетъ во мнѣ неожиданно другое воспоминаніе. У Ирмы есть близкая подруга, къ которой я отношусь съ большимъ уваженіемъ. Когда я однажды вечеромъ пришелъ къ ней, я засталъ ее въ такомъ же положеніи у окна, и ея врачъ, все тотъ же докторъ М., заявилъ мнѣ, что у нея въ горлѣ дифтеритные налеты. Личность доктора М. и налеты воспроизводятся въ дальнѣйшемъ ходѣ сновидѣнія. Я вспоминаю, что въ послѣдніе мѣсяцы часто думалъ о томъ, что эта подруга Ирмы тоже истеричка. Даже больше: Ирма сама мнѣ говорила объ этомъ. Что извѣстно мнѣ, однако, объ ея состояніи? Только одно то, что она также страдаетъ истерическимъ сжиманіемъ горла, какъ и Ирма въ моемъ сновидѣніи. Такимъ образомъ, сновидѣніе замѣнило мою паціентку ея подругой.

Далѣе, я вспоминаю, что у меня часто появлялась мысль, что эта подруга можетъ также обратиться ко мнѣ съ просьбой избавить ее отъ болѣзненныхъ симптомовъ. Я считалъ, однако, это невѣроятнымъ, такъ какъ у нея чрезвычайно сдержанная, скрытная натура. Она сопротивляется,—это мы видимъ и въ сновидѣніи. «Ей это не нужно»; она дѣйствительно до сихъ поръ превосходно владѣла собою безъ всякой посторонней помощи. Остается, однако, еще нѣсколько деталей, которые не подходятъ ни къ Ирмѣ, ни къ ея подругѣ: блѣдность, опухшій видъ, фальшивые зубы. Фальшивые зубы приводятъ меня къ вышеупомянутой гувернанткѣ; я склоненъ удивлетвориться объясненіемъ плохихъ зубовъ. Но вдругъ вспоминается еще другая особа, къ которой могутъ относиться эти детали. Она тоже не лѣчится у меня и мнѣ бы не хотѣлось имѣть ее своей паціенткой, такъ какъ я замѣтилъ, что она стѣсняется меня и поэтому лѣчить ее будетъ трудно. Она обычно очень блѣдна, и иногда лицо у нея бываетъ опухшимъ. *) Я сравнивалъ такимъ образомъ мою паціентку Ирму съ двумя другими особами, которыя въ равной мѣрѣ воспротивились бы лѣченію. Почему же, спрашивается, я смѣшалъ ее во снѣ съ подругой? Быть можетъ, я умышленно совершилъ эту подмѣну. Подруга Ирмы вызываетъ во мнѣ, быть можетъ, болѣе сильную симпатію или же я болѣе высокаго мнѣнія объ ея интеллектуальности. Дѣло въ томъ, что я считаю Ирму неумной потому, что она осталась недовольной моимъ леченіемъ. Другая была умнѣе, и навѣрное бы согласилась со мною. Ротъ все-таки открывается она разсказала бы мнѣ больше, чѣмъ Ирма. **)

Я вижу въ горлѣ бѣлый налетъ и покрытыя сѣрою корою носовыя раковины. Бѣлый налетъ напоминаетъ мнѣ о дифтеритѣ, а тѣмъ самымъ о подругѣ Ирмы,—кромѣ того, однако, и о тяжеломъ заболѣваніи моей старшей двухлѣтней дочери, и обо всемъ ужасѣ того времени. Кора на носовой раковинѣ напоминаетъ мнѣ заботы о моемъ собственномъ здоровьѣ. Я прибѣгалъ тогда часто

---

*) На это третье лицо можно отнести и неразъясненную до сихъ поръ жалобу на боли въ животѣ. Рѣчь идетъ разумѣется о моей женѣ; боли въ животѣ напоминаютъ мнѣ объ одномъ случаѣ, когда я сталъ свидѣтелемъ ея страха.

**) Я чувствую, что толкованіе этой части сновидѣнія недостаточно для полнаго обнаруженія скрытаго смысла. Если бы я сталъ производить сравненіе трехъ женщинъ, я бы далеко уклонился въ сторону.—Въ каждомъ сновидѣніи есть по крайней мѣрѣ одно мѣсто, въ которомъ оно, дѣйствительно, непонятно.

къ кокаину во время непріятнаго опуханія носовой раковины и нѣсколько дней назадъ слышалъ, что у одного моего паціента отъ кокаина сдѣлался некрозъ слизистой оболочки носа. Изслѣдованіе о кокаинѣ, произведенное мною въ 1885 году, навлекло на меня тяжелые упреки. Близкій другъ, умершій въ 1895 году, благодаря злоупотребленію этимъ средствомъ ускорилъ свою смерть.

Я подзываю поспѣшно доктора М., который повторяетъ мое изслѣдованіе. Это вполнѣ естественно при той репутаціи, которой пользовался въ нашемъ кругу докторъ М. Но то, что я дѣлаю это поспѣшно, требуетъ особаго объясненія. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ печальномъ событіи. Однажды, благодаря продолжительному прописыванію средства, считавшагося въ то время вполнѣ невиннымъ (сульфонола), я вызвалъ у одной паціентки интоксикацію и поспѣшно обратился по этому поводу за помощью къ болѣе опытному пожилому коллегѣ. То, что мнѣ припомнился этотъ случай, подтверждается еще и другимъ обстоятельствомъ. Паціентка, заболѣвшая отъ сульфонола, носила то же имя, что и моя старшая дочь. До сихъ поръ мнѣ никогда не приходило это въ голову. Теперь же мнѣ это кажется своего рода роковымъ совпаденіемъ,—какъ будто здѣсь продолжается замѣщеніе лицъ. Эта Матильда вмѣсто той Матильды. Мнѣ представляется будто я выискиваю всевозможные случаи, которые могли бы сдѣлать мнѣ упрекъ въ моей недостаточной врачебной добросовѣстности.

Докторъ М. блѣденъ, безъ бороды; онъ хромаетъ. Дѣйствительно, видъ доктора М. въ послѣднее время озабочивалъ его друзей. Двѣ другія черты слѣдуетъ отнести къ другому лицу. Мнѣ вспоминается мой старшій братъ, живущій за-границей: онъ тоже не носитъ бороды и очень напоминаетъ доктора М. въ томъ видѣ, въ какомъ я его видѣлъ во снѣ. Отъ него нѣсколько дней тому назадъ пришло письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что у него заболѣла нога,—онъ хромаетъ. Смѣшеніе обоихъ лицъ въ сновидѣніи должно, однако, имѣть особую причину. Я вспоминаю дѣйствительно, что сердитъ на обоихъ по одному и тому же поводу. Оба недавно отклонили предложеніе, съ которымъ я къ нимъ обратился.

Коллега Отто стоитъ у больной, а коллега Леопольдъ изслѣдуетъ ее и указываетъ на притупленіе въ лѣвомъ легкомъ. Коллега Леопольдъ тоже врачъ, родственникъ Отто. Судьбѣ было угодно, чтобы оба избрали себѣ одинаковую спеціальность и стали конкурен-

тами. Ихъ постоянно сравниваютъ другъ съ другомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они состояли при мнѣ ассистентами. Такія сцены, какъ я видѣлъ въ сновидѣніи, бывали очень часто. Въ то время какъ я спорилъ съ Отто относительно діагноза одного случая, Леопольдъ подвергъ паціентку новому изслѣдованію и привелъ неожиданное доказательство въ пользу моего мнѣнія. Отто былъ смѣлъ, находчивъ и ловокъ, Леопольдъ же чрезвычайно остороженъ и благоразуменъ. Сравнивая въ сновидѣніи Отто съ осторожнымъ Леопольдомъ, я имѣлъ, очевидно, въ виду отдать преимущество второму. Это то же самое сравненіе, какъ и вышеупомянутое: непослушная паціентка Ирма и ея болѣе благоразумная подруга.—Притупленіе въ лѣвомъ легкомъ производитъ на меня впечатлѣніе, точно оно во всѣхъ своихъ подробностяхъ соотвѣтствуетъ тому случаю, когда Леопольдъ поразилъ меня своею осторожностью. Мнѣ приходитъ кромѣ того въ голову нѣчто въ родѣ метастаза, но онъ относится скорѣе къ паціенткѣ, которую мнѣ бы хотѣлось имѣть вмѣсто Ирмы. Паціентка, эта имитируетъ, насколько я могъ замѣтить, туберкулезъ.

Инфильтрація на лѣвомъ плечѣ. Я убѣжденъ что это мой собственный ревматизмъ плеча, который я ощущаю каждый разъ, когда ночью не могу долго заснуть. Въ этомъ убѣжденіи меня укрѣпляютъ и самыя слова сновидѣнія: что я... ощущаю такъ же, какъ онъ. Я хочу этимъ сказать, что чувствую у себя.

Докторъ говоритъ: это инфекція. Но ничего. Будетъ дизентерія, и инфекція выйдетъ наружу. Это кажется мнѣ сперва смѣшнымъ, но, какъ и все остальное, я подвергаю и это анализу. При ближайшемъ разсмотрѣніи и это имѣетъ свой смыслъ. Изслѣдуя паціентку, я нашелъ у нея локальный дифтеритъ. Во время болѣзни моей дочери я велъ, помнится, споръ относительно дифтерита и дифтеріи. Послѣдняя представляетъ собою общую инфекцію, проистекающую отъ локальнаго дифтерита. О такой общей инфекціи говоритъ Леопольдъ, указывая на притупленіе, заставляющее предполагать наличность метастаза. Мнѣ кажется, однако, что при дифтеріи такія метастазы не имѣютъ мѣста. Они напоминаютъ мнѣ скорѣе піэмію.

Но ничего. Это утѣшеніе. По моему мнѣнію, оно имѣетъ слѣдующій смыслъ: конецъ сновидѣнія показываетъ, что боли паціентки проистекаютъ отъ тяжелаго органическаго заболѣванія. Мнѣ представляется, что и этимъ я хочу свалить съ

себя всякую отвѣтственность. Психическій методъ лѣченія неповиненъ въ наличности дифтерита. Мнѣ все же неловко, что я приписываю Ирмѣ такое тяжелое заболѣваніе исключительно съ тою цѣлью, чтобы себя выгородить. Это слишкомъ жестоко. Мнѣ необходимо, такимъ образомъ, высказать свое убѣжденіе въ благопріятномъ исходѣ, и я довольно удачно вкладываю это утѣшеніе въ уста доктора М. Я поднимаюсь здѣсь, такъ сказать, надъ сновидѣніемъ, но это требуетъ особаго объясненія.

Почему же, однако, это утѣшеніе настолько абсурдно?

Дизентерія. Я встрѣчалъ какъ-то теоретическое утвержденіе, будто болѣзненныя вещества могутъ быть выдѣлены черезъ кишечникъ. Быть можетъ, я хочу посмѣяться здѣсь надъ странными, иногда дѣйствительно курьезными взглядами доктора М. Но по поводу дизентеріи я вспоминаю еще и другое. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я лѣчилъ одного молодого человѣка, страдавшаго довольно своеобразнымъ заболѣваніемъ желудка. Я опредѣлилъ, что заболѣваніе это истерическаго происхожденія,—но не хотѣлъ подвергнуть его психотерапіи и послалъ его въ морское путешествіе. Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ отъ него отчаянное письмо изъ Египта: онъ испыталъ тамъ тяжелый припадокъ, и врачъ нашелъ у него дизентерію. Я хотя и былъ убѣжденъ, что діагнозъ этотъ является лишь ошибкой малоопытнаго коллеги, принимающаго истерію за органическое заболѣваніе; но я не могъ, однако, не сдѣлать себѣ упрека, что далъ возможность паціенту помимо истеріи получить еще и органическое заболѣваніе. Дизентерія звучитъ кромѣ того аналогично дифтеріи: послѣдняя, однако, не упоминается въ сновидѣніи.

Да, навѣрное я хочу посмѣяться надъ докторомъ М. своимъ утѣшительнымъ прогнозомъ: будетъ дизентерія и т. д. Я вспоминаю, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ разсказывалъ мнѣ аналогичный случай объ одномъ коллегѣ. Послѣдній пригласилъ его на консультацію къ одной тяжело больной. Онъ счелъ своимъ долгомъ сказать ему, что нашелъ у паціенткѣ бѣлокъ въ мочѣ. Коллега не смутился и отвѣтилъ спокойно: Ничего не значитъ, бѣлокъ выйдетъ наружу!—Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что въ этой части сновидѣнія содержится насмѣшка надъ коллегой, незнающемъ толку въ истеріи. Словно въ подтвержденіе этого возникаетъ мысль: а знаетъ ли докторъ М., что явленіе у его паціентки, подруги Ирмы, заставляющее опасаться наличности туберкулеза, слѣдуетъ отнести также на счетъ истеріи?

Какіе же мотивы могутъ быть у меня для такого дурного отношенія къ коллегѣ? Это очень просто: докторъ М. столь же мало согласенъ съ моимъ «рѣшеніемъ» въ психоанализѣ Ирмы какъ и сама Ирма. Я такимъ образомъ отомстилъ въ этомъ сновидѣніи уже двумъ лицамъ; Ирмѣ словами: если у тебя еще есть боли, то ты сама виновата, и доктору М., вложивъ ему въ уста столь абсурдное утѣшеніе.

Мы понимаемъ тотчасъ же, откуда инфекція. Эта часть сновидѣнія чрезвычайно странна. Вѣдь только что мы этого не знали: и на инфекцію первый указалъ Леопольдъ.

Коллега Отто сдѣлалъ ей инъекцію, когда она почувствовала себя плохо. Отто дѣйствительно разсказывалъ, что во время своего пребыванія въ семьѣ Ирмы его неожиданно позвали къ сосѣдямъ, и онъ сдѣлалъ тамъ инъекцію одной дамѣ, почувствовавшей себя внезапно дурно. Инъекція напоминаетъ мнѣ моего злосчастнаго друга, отравившагося кокаиномъ. Я прописалъ ему это средство лишь для внутренняго употребленія; онъ же сдѣлалъ себѣ впрыскиваніе.

Препаратъ пропила... пропиленъ... пропиленовая кислота. Почему пришло мнѣ это въ голову? Въ тотъ вечеръ, когда я писалъ исторію болѣзни и потомъ заснулъ, моя жена раскрыла бутылку ликеру, на этикеткѣ которой стояло его названіе: «Ананасъ» *). Ликеръ этотъ подарилъ намъ коллега Отто; у него была привычка дѣлать подарки по всякому поводу. У этого ликера былъ такой запахъ сивушнаго масла, что я отказался даже его пробовать. Моя жена хотѣла отдать бутылку прислугамъ, но я не позволилъ этого, сказавъ, что они могутъ еще отравиться. Запахъ сивухи (амил...) пробудилъ во мнѣ, очевидно, воспоминаніе о цѣломъ рядѣ: пропилъ, метилъ и т. д. Сновидѣніе произвело, однако, перемѣну: мнѣ приснился пропилъ въ то время, какъ я слышалъ запахъ амила.

Триметиламинъ. Я видѣлъ ясно передъ собою химическую формулу этого вещества,—это доказываетъ во всякомъ случаѣ чрезвычайное напряженіе памяти. Какое же значеніе имѣетъ триметиламинъ? Мнѣ вспоминается разговоръ съ однимъ изъ моихъ друзей, который въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно былъ освѣдомленъ о всѣхъ моихъ работахъ. Какъ-то недавно онъ сообщилъ мнѣ о своемъ изслѣдованіи въ области сексуальной химіи и между прочимъ сказалъ, что находитъ въ триметила-

*) Слово «ананасъ» страннымъ образомъ очень напоминаетъ фамилію моей паціентки Ирмы.

минѣ одинъ изъ продуктовъ сексуальнаго обмѣна веществъ. Это вещество приводитъ меня такимъ образомъ къ сексуальности,— къ тому моменту, которому я придаю наибольшее значенiе въ возникновенiи нервныхъ болѣзней. Моя пацiентка Ирма—молодая вдова; если я стараюсь оправдать неуспѣхъ моего лѣченiя, то мнѣ цѣлесообразнѣе всего сослаться на то обстоятельство, которое такъ бы хотѣли измѣнить ея ближайшiе друзья. Какое странное сплетенiе представляетъ все же собой сновидѣнiе. Другая пацiентка, которую мнѣ бы хотѣлось въ сновидѣнiи имѣть вмѣсто Ирмы, тоже молодая вдова.

Я начинаю понимать, почему я такъ ясно видѣлъ въ сновидѣнiи формулу триметиламина. Этотъ химическiй терминъ имѣетъ чрезвычайно важное значенiе: триметиламинъ не только свидѣтельствуетъ о весьма существенномъ значенiи сексуальности, но напоминаетъ мнѣ объ одномъ человѣкѣ, объ одобренiи котораго я думаю съ удовлетворенiемъ, когда чувствую себя одинокимъ въ своихъ воззрѣнiяхъ. Неужели же этотъ коллега, игравшiй въ моей жизни столь видную роль, не окажетъ извѣстнаго влiянiя на дальнѣйшiй ходъ въ сновидѣнiи? Я не ошибаюсь: онъ спецiалистъ въ ринологiи. Онъ интересовался чрезвычайно интереснымъ взаимоотношенiемъ носовой раковины и женскихъ половыхъ органовъ (опухоль въ горлѣ Ирмы). Я далъ ему изслѣдовать Ирму, предполагая, что ея боли въ желудкѣ слѣдуетъ отнести на счетъ носового заболѣванiя. Самъ онъ однако, страдаетъ, гноетеченiемъ изъ носу; послѣднее меня озабочиваетъ, и по всей вѣроятности сюда относится пiэмiя, о которой я думаю, принимая во вниманiе метастазъ въ сновидѣнiи

Такую инъекцiю нельзя производить легкомысленно. Упрекъ въ легкомыслiи я дѣлаю непосредственно коллегѣ Отто. Мнѣ представляется, что нѣчто подобное я подумалъ въ тотъ день, когда Отто словами и взглядомъ выразилъ свое несогласiе со мною. Мысль была по всей вѣроятности такова: какъ легко онъ поддается влiянiю; какъ онъ скороспѣлъ въ своихъ сужденiяхъ.—Кромѣ того упрекъ въ легкомыслiи вызываетъ во мнѣ снова воспоминанiе о покойномъ другѣ, сдѣлавшемъ себѣ кокаиновую инъекцiю. Давая ему это средство, я, какъ уже упоминалъ выше, не имѣлъ въ виду инъекцiи. Упрекъ, дѣлаемый мною коллегѣ Отто въ легкомысленномъ обращенiи съ опаснымъ химическимъ веществомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что я снова вспомнилъ исторiю той несчастной Матильды, которая могла бы мнѣ сдѣлать аналогичный упрекъ. Я собираюсь здѣсь повидимому доказать свою добросовѣстность.

По всей вѣроятности шприцъ не былъ чистымъ. Новый упрекъ коллегѣ Отто, имѣвшій, однако, другія основанія. Вчера я случайно встрѣтилъ сына одной 82-лѣтней дамы, которой я ежедневно дѣлаю два впрыскиванія морфія. Она живетъ на дачѣ и я слышалъ, что она заболѣла воспаленіемъ венъ. Я тотчасъ же подумалъ, что, быть можетъ, въ этомъ повинно загрязненіе шприца. Я горжусь тѣмъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ мои впрыскиванія приносили только пользу; я постоянно забочусь о чистотѣ шприца. Отъ воспаленія венъ я перехожу мысленно къ моей женѣ, которая во время беременности страдала венознымъ трамбозомъ. Въ моей памяти всплываютъ три аналогичныхъ ситуаціи: моя жена, Ирма и покойная Матильда,— тождество которыхъ мнѣ, очевидно, дало право смѣшать въ въ сновидѣніи эти три лица.

*
* *

Я закончилъ толкованіе сновидѣнія *). Во время анализа я старался сообщать всѣ тѣ мысли, къ которымъ меня приводило сравненіе содержанія сновидѣній со скрытымъ позади него смысломъ. Я подмѣтилъ свои желанія и намѣренія, осуществившіяся въ сновидѣніи и бывшія, очевидно, мотивами послѣдняго. Сновидѣніе осуществляетъ нѣсколько желаній, проявившихся во мнѣ благодаря событіямъ послѣдняго вечера (сообщеніе Отто и составленіе исторіи болѣзни). Результатъ сновидѣнія: я неповиненъ въ продолжающейся болѣзни Ирмы, виноватъ въ этомъ Отто. Отто разсердилъ меня своимъ замѣчаніемъ относительно недостаточнаго лѣченія Ирмы. Сновидѣніе отомстило ему за меня, обративъ на него тотъ же упрекъ. Сновидѣніе освободило меня отъ отвѣтственности за самочувствіе Ирмы, сведя послѣднее къ другимъ моментамъ. Оно создало именно ту ситуацію, какую мнѣ хотѣлось; его содержаніе является, такимъ образомъ, осуществленіемъ желанія,—его мотивъ—желаніе.

Это несомнѣнно. Но съ точки зрѣнія осуществленія желанія становятся мнѣ ясными нѣкоторыя детали сновидѣнія. Я мщу не только Отто за его скороспѣлое сужденіе о моемъ лѣченіи, приписывая ему неосторожность (инъекцію), но мщу ему также и за скверный ликеръ съ сивушнымъ запахомъ. Въ сновидѣніи оба упрека соединяются въ одно: въ инъекцію препа-

*) Само собою разумѣется, я не могу привести всего, что приходило мнѣ въ голову во время анализа.

ратомъ пропила, пропиленомъ. Я однако еще не вполнѣ удовлетворенъ и продолжаю свою месть, противопоставляя ему его болѣе способнаго конкурента. Этимъ я хочу, повидимому, сказать: онъ мнѣ симпатичнѣе, чѣмъ ты. Однако, не одинъ только Отто испытываетъ тяжесть моей досады и мести. Я мщу и своей непослушной паціенткѣ, замѣняя ее болѣе благоразумной и послушной. Я не прощаю упрека и доктору М., а въ довольно прозрачной формѣ высказываю ему свое мнѣніе, что онъ въ этихъ дѣлахъ довольно невѣжественъ («будетъ дизентерія» и т. д.) Мнѣ кажется даже, что я аппелирую къ болѣе знающему (моему другу, сообщившему мнѣ о триметиламинѣ), все равно, какъ отъ Ирмы обращаюсь къ ея подругѣ и отъ Отто къ Леопольду. Уберите отъ меня этихъ лицъ, замѣните ихъ тремя другими по моему выбору,—тогда я отдѣлаюсь отъ упрековъ, совершенно мною незаслуженныхъ. Неосновательность этихъ упрековъ обнаруживается очень ярко въ сновидѣніи. Въ болѣзни Ирмы я неповиненъ: она сама виновата въ ней, не принявъ моего «рѣшенія». Ея болѣзнь меня не касается,—она органическаго происхожденія и не поддается излѣченію психотерапіей. Страданія ея вполнѣ объясняются ея вдовствомъ (триметиламинъ), котораго я, понятно, измѣнить не могу. Они вызваны неосторожной инъекціей; Отто вспрыснулъ вещество, которымъ я никогда не пользовался. Въ болѣзни Ирмы виновата инъекція грязнымъ шприцемъ все равно, какъ въ воспаленіи венъ у моей пожилой паціентки. Я замѣчаю, однако, что эти объясненія болѣзни Ирмы, оправдывающія меня, не совпадаютъ между собою, а скорѣе исключаютъ другъ друга. Все это живо напоминаетъ мнѣ оправданіе одного человѣка, котораго сосѣдъ обвинилъ въ томъ, что онъ вернулъ ему взятую у него кастрюлю въ негодномъ видѣ. Во-первыхъ, онъ вернулъ ее въ неприкосновенности; во-вторыхъ, кастрюля была уже дырявой, когда онъ ее взялъ, а въ третьихъ, онъ вообще не бралъ у него кастрюли Но тѣмъ лучше: если хоть одинъ изъ этихъ доводовъ окажется справедливымъ, человѣкъ этотъ долженъ быть оправданъ.

Въ сновидѣніи имѣются еще и другіе элементы, отношеніе которыхъ къ моему оправдыванію не столь очевидно: болѣзнь моей дочери и паціентки, ея тезки, вредъ кокаина, болѣзнь моего паціента, путешествующаго по Египту, заботы о здоровіи жены, братъ, докторъ М., мой собственный недугъ, заботы объ отсутствующемъ другѣ, страдающемъ гноетеченіемъ изъ носа. Если, однако, я соберу все это въ одно цѣлое, то увижу,

что за всѣмъ этимъ скрывается лишь забота о здоровьѣ, о своемъ собственномъ и о чужомъ,—врачебная добросовѣстность. Мнѣ припоминается смутно непріятное ощущеніе, испытанное мною при сообщеніи Отто о состояніи здоровья Ирмы. Мнѣ кажется, будто онъ мнѣ сказалъ: ты недостаточно серьезно относишься къ своимъ врачебнымъ обязанностямъ, ты недостаточно добросовѣстенъ; ты не исполняешь своихъ обѣщаній.—Вслѣдъ за этимъ я воспользовался всѣми этими мыслями, чтобы доказать, насколько я добросовѣстенъ и насколько я забочусь о здоровьѣ своихъ близкихъ, друзей и паціентовъ. Страннымъ образомъ среди этихъ мыслей оказались и непріятныя воспоминанія, говорящія скорѣе за справедливость упрека, сдѣланнаго мною коллегѣ Отто, чѣмъ въ пользу моихъ извиненій. Весь матеріалъ, повидимому, безпристрастенъ, но связь этого базиса, на которомъ покоится сновидѣніе, съ болѣе узкой темой послѣдняго, изъ котораго проистекаетъ желаніе оправдаться въ болѣзни Ирмы,—все же очевидна.

Я отнюдь не утверждаю, что вполнѣ раскрылъ смыслъ этого сновидѣнія и что толкованіе его лишено какихъ бы то ни было пробѣловъ.

Я могъ бы продолжать этотъ анализъ и постараться разъяснить еще много различныхъ деталей. Мнѣ извѣстны даже тѣ пункты, изъ которыхъ можно прослѣдить различныя ассоціаціи; многія соображенія, неизбѣжныя при всякомъ анализѣ своего собственнаго сновидѣнія, мѣшаютъ, однако мнѣ, это сдѣлать. Кто хотѣлъ бы упрекнуть меня въ скрытности, тому я рекомендую самому попробовать быть до конца откровеннымъ. Я удовольствуюсь поэтому установленіемъ дѣлаемаго мною отсюда вывода: если прослѣдить указанный здѣсь методъ толкованія сновидѣнія, то оказывается, что сновидѣніе дѣйствительно имѣетъ смыслъ и ни въ коемъ случаѣ не является выраженіемъ ослабленной мозговой дѣятельности, какъ говорятъ различные авторы. Согласно произведенному нами анализу, сновидѣніе является осуществленіемъ желанія.

III.

Сновидѣніе—осуществленіе желанія.

Миновавъ тѣсное ущелье и выйдя неожиданно на возвышенность, откуда дорога расходится во всѣ стороны и открываетъ превосходнѣйшій видъ, можно остановиться на минуту и подумать, куда лучше направить шаги. На томъ же распутьѣ стоимъ и мы послѣ перваго толкованія сновидѣнія. Насъ поражаетъ ясность неожиданной истины. Сновидѣніе не похоже на неправильную игру музыкальнаго инструмента, котораго коснулась не рука музыканта, а какая-то внѣшняя сила,—оно не безсмысленно, не абсурдно, оно не предполагаетъ, что часть нашей души спитъ, а другая начинаетъ пробуждаться. Сновидѣніе—полноцѣнное психическое явленіе. Оно—осуществленіе желанія. Оно можетъ быть включено въ общую цѣпь понятныхъ намъ душевныхъ явленій бодрственной жизни. Оно построяется при помощи чрезвычайно сложной интеллектуальной дѣятельности. Но, познавъ эту истину, мы въ тотъ же моментъ останавливаемся передъ цѣлымъ рядомъ вопросовъ. Если сновидѣніе, согласно его толкованію, представляетъ собою осуществленіе желанія,—то откуда же проистекаетъ та странная и причудливая форма, въ которую облекается послѣднее. Какія измѣненія претерпѣваютъ мысли, преобразовываясь въ сновидѣніе, о которомъ мы вспоминаемъ по пробужденіи? Откуда проистекаетъ тотъ матеріалъ, который перерабатывается въ сновидѣніи? Откуда проистекаютъ тѣ особенности мыслей, которыя мы подмѣтили,—напримѣръ, то, что онѣ противорѣчатъ другъ другу? (См. вышеупомянутую аналогію съ кастрюлей). Можетъ ли сновидѣніе научить насъ чему-либо новому относительно нашихъ внутреннихъ психическихъ переживаній,—можетъ ли содержаніе его внести какія либо поправки въ наши убѣжденія и воззрѣнія? Я считаю нужнымъ покамѣстъ оставить всѣ эти вопросы въ сторонѣ и пойти по другому пути. Мы видѣли, что сновидѣніе изображаетъ желаніе въ его осуществленной формѣ. Въ нашихъ ближайшихъ интересахъ узнать, является ли это общимъ характе-

ромъ всякаго сновидѣнія или же случайнымъ содержаніемъ лишь одного, съ котораго начался нашъ анализъ. Ибо даже если бы мы повѣрили въ то, что каждое сновидѣніе имѣетъ свой смыслъ и свою психическую цѣнность, мы бы должны были предполагать, что этотъ смыслъ не во всякомъ сновидѣніи одинаковъ. Наше первое сновидѣніе было осуществленіемъ желанія, другое представляетъ собою, быть можетъ, осуществленіе опасенія; третье можетъ имѣть своимъ содержаніемъ рефлексъ, четвертое можетъ воспроизвести попросту какое-нибудь воспоминаніе и т. п. Бываютъ ли такимъ, образомъ, сновидѣнія, несодержащія въ себѣ осуществленія желанія?

Чрезвычайно легко сказать, что сновидѣнія зачастую носятъ настолько ясный характеръ осуществленія желанія, что приходится удивляться, почему языкъ сновидѣнія до сихъ поръ казался такимъ непонятнымъ. Вотъ, напримѣръ, сновидѣніе, которое я могу вызвать у себя когда угодно. Если я вечеромъ ѣмъ сардельки, оливки или другія какія-либо соленыя кушанія, то ночью у меня появляется жажда, и я просыпаюсь. Передъ пробужденіемъ, однако, я вижу сновидѣніе постоянно съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ: мнѣ снится, что я пью. Я пью залпомъ воду; мнѣ это доставляетъ большое удовольствіе, какъ всякому, кто томится жаждой. Затѣмъ я просыпаюсь и дѣйствительно очень хочу пить. Поводомъ такого постояннаго сновидѣнія служитъ жажда, которую я испытываю при пробужденіи. Изъ этого ощущенія проистекаетъ желаніе пить, и это желаніе сновидѣніе представляетъ въ осуществленномъ видѣ. Онъ исполняетъ при этомъ функцію, о которой я скажу нѣсколько ниже. Сонъ у меня очень хорошій; когда мнѣ удается утолить свою жажду, тѣмъ что мнѣ снится, будто я выпилъ воды, то я такъ и не просыпаюсь. Такимъ образомъ, это «сновидѣніе объ удобствѣ». Сновидѣніе заступаетъ мѣсто поступка все равно, какъ и вообще въ жизни. Къ сожалѣнію, потребность въ водѣ не столь легко удовлетворяется сновидѣніемъ, какъ моя мстительность по отношенію къ коллегѣ Отто и доктору М.; но желаніе и тутъ и тамъ одинаково. Какъ-то недавно сновидѣніе это было нѣсколько модифицировано. Передъ сномъ мнѣ захотѣлось пить, и я выпилъ стаканъ воды, стоявшій на столикѣ возлѣ моей постели. Нѣсколько часовъ спустя мнѣ снова захотѣлось пить, и я испыталъ чувство неудовлетворенности, неудобства. Чтобы достать воды, мнѣ нужно было встать и взять стаканъ, стоявшій на столикѣ возлѣ постели жены. Согласно этому мнѣ и приснилось, что жена даетъ мнѣ напиться изъ большого сосуда;

сосудъ этотъ—старая этрусская урна, привезенная мною изъ Италiи и подаренная одному изъ знакомыхъ. Вода въ ней показалась мнѣ настолько соленой (по всей вѣроятности, отъ пепла, бывшаго въ урнѣ), что я проснулся. Отсюда ясно, какое «удобство» можетъ создать сновидѣнiе: такъ какъ его единственной цѣлью является осуществленiе желанiя, то оно можетъ быть вполнѣ эгоистично. Любовь къ удобству несовмѣстима съ альтруизмомъ. Наличность урны, по всей вѣроятности, является снова осуществленiемъ желанiя. Мнѣ жалко, что у меня нѣтъ этой урны,—все равно, какъ впрочемъ и того, что стаканъ съ водою стоитъ подлѣ жены. Урна приспособливается также и по отчетливому ощущенiю соленаго вкуса, который заставилъ меня проснуться. *)

Эти сновидѣнiя объ «удобствѣ» я видѣлъ очень часто въ молодости. Привыкши работать до поздней ночи, я всегда съ трудомъ просыпался во время. Мнѣ снилось очень часто, что я уже всталъ и стою передъ умывальникомъ. Спустя нѣсколько мгновенiй я все же начиналъ сознавать, что еще лежу въ постели, но продолжалъ спать. Такое же сновидѣнiе, вызванное лѣнью, сообщилъ мнѣ одинъ мой юный коллега. Хозяйка, у которой онъ жилъ, имѣла строгiй приказъ будить его каждое утро, но ей всегда приходилось долго мучиться, пока онъ просыпался. Однажды утромъ онъ спалъ особенно крѣпко; хозяйка постучала въ комнату и сказала: господинъ Пепи, вставайте, вамъ пора въ больницу. Ему тотчасъ же приснилась комната въ больницѣ, кровать, на которой онъ лежалъ, и дощечка у изголовья на которой написано: Пепи Г., cand. med., 22-хъ лѣтъ. Онъ подумалъ во снѣ: разъ я уже въ больницѣ, значитъ мнѣ туда не нужно итти,—повернулся и продолжалъ спать.

Въ другомъ сновидѣнiи раздраженiе производитъ свое дѣйствiе тоже во снѣ: одна изъ моихъ пацiентокъ, подвергшаяся довольно неудачной операцiи челюсти, должна была по предпи-

---

*) Сновидѣнiя о жаждѣ обращали на себя вниманiе и Вейганда[75]) который говоритъ по этому поводу (стр. 11): «Ощущенiе жажды наиболѣе отчетливо воспринимается всѣми, оно вызываетъ постоянно представленiе объ утоленiи этой потребности,—способы, которыми сновидѣнiе представляетъ себѣ утоленiе жажды, различны и зависятъ отъ скрытаго за этимъ воспоминанiя. Обычно послѣ представленiя объ утоленiи жажды появляется разочарованiе въ ничтожномъ эффектѣ мнимаго утоленiя». Онъ не указываетъ, однако, на общеобязательный характеръ реакцiи сновидѣнiя на раздраженiе.—То, что другiя лица, испытывающiя ночью жажду, просыпаются безъ сновидѣнiй, не противорѣчитъ нашимъ утвержденiямъ, а доказываетъ лишь, что у этихъ лицъ очень не крѣпкiй сонъ.

санію врача постоянно держать охлаждающій аппаратъ на щекѣ. Засыпая, она обычно его съ себя сбрасывала. Однажды меня попросили внушить ей, чтобы она этого не дѣлала. Паціентка стала оправдываться: «Я, право, не виновата. Особенно сегодня. Я ночью видѣла сонъ. Мнѣ снилось, что я была въ оперѣ, въ ложѣ и съ интересомъ слѣдила за представленіемъ. Въ санаторіи же лежалъ господинъ Мейеръ и громко стоналъ отъ головной боли. Я подумала, что у меня ничего не болитъ, и что аппаратъ больше не нуженъ. Поэтому-то я его и сбросила». Это сновидѣніе, несомнѣнно, тоже изображаетъ осуществленіе желанія. Господинъ Мейеръ, которому паціентка приписала свои болѣзненныя ощущенія, былъ ея очень далекимъ знакомымъ.

Не трудно раскрыть осуществленіе желанія въ нѣкоторыхъ другихъ сновидѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ здоровыми лицами. Одинъ мой коллега, знакомый съ моей теоріей осуществленія желаній, говоритъ мнѣ однажды: «Знаешь, моей женѣ вчера снилось, что у нея началась менструація. Интересно, какъ истолкуешь ты это сновидѣніе».—Это очень не трудно: если молодой женщинѣ снилось, что у нея менструація, значитъ, въ дѣйствительности ея не было. Я знаю, что ей хотѣлось бы до перваго материнства попользоваться свободой.

Одной молодой женщинѣ, отрѣзанной отъ всего свѣта благодаря уходу за своимъ тяжело больнымъ ребенкомъ, послѣ счастливаго окончанія болѣзни снится большое общество, въ которомъ находятся Альфонсъ Додэ, Поль Бурже, Марсель Прево и другіе; всѣ они чрезвычайно къ ней любезны, и она превосходно проводитъ время. Писатели во снѣ очень похожи на свои портреты, которые ей пришлось видѣть. За исключеніемъ Прево,—она его портрета не знаетъ, и онъ напоминаетъ ей человѣка, который наканунѣ дезинфецировалъ комнату больного и который былъ первымъ посѣтителемъ ея дома послѣ долгаго времени. Сновидѣніе это можно объяснить очень просто: «Пора уже немного развлечься, довольно этихъ заботъ и мученій!»

Этихъ примѣровъ, быть можетъ, достаточно, чтобы показать, что очень часто и при всевозможныхъ условіяхъ можно найти сновидѣнія съ чрезвычайно ярко выраженнымъ осуществленіемъ желаній. Это по большей части короткія и простыя сновидѣнія, рѣзко отличающіяся отъ спутанныхъ и продолжительныхъ, главнымъ образомъ, обращающихъ на себя вниманіе изслѣдователей. Однако, такія простыя сновидѣнія заслуживаютъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Наипростѣйшая

форма сновидѣній должна была бы быть, казалось, наиболѣе распространенной среди дѣтей, психическая дѣятельность которыхъ безусловно меньше сложна, чѣмъ взрослыхъ. Дѣтская психологія призвана на мой взглядъ, оказывать психологіи взрослыхъ аналогичныя услуги, какъ изученіе строенія и развитія низшихъ животныхъ—изученію структуры высшихъ. До сихъ поръ, однако, къ сожалѣнію, дѣтская психологія въ этомъ смыслѣ не была въ достаточной мѣрѣ использована.

Сновидѣнія маленькихъ дѣтей представляютъ собою очень часто явныя осуществленія желаній и поэтому въ противоположность сновидѣніямъ взрослыхъ почти совершенно неинтересны. Они не содержатъ никакихъ трудно разрѣшимыхъ загадокъ, но безусловно чрезвычайно цѣнны, какъ доказательство того, что сновидѣніе по самой своей сущности представляетъ собою осуществленіе желанія. Я приведу здѣсь нѣсколько сновидѣній, видѣнныхъ моими собственными дѣтьми.

Прогулкѣ въ красивый Галльштаттъ лѣтомъ 1896 года я обязанъ двумъ сновидѣніямъ, видѣннымъ—одно моей, тогда восьмилѣтней дочерью, другое—пятилѣтнимъ сыномъ. Предварительно я долженъ замѣтить, что мы въ это лѣто жили въ Аусзее, откуда въ хорошую погоду намъ открывался превосходнѣйшій видъ на Дахштейнъ. Дѣти очень часто смотрѣли на него въ подзорную трубу. Передъ прогулкой я разсказывалъ дѣтямъ, что Галльштаттъ лежитъ у подножія Дахштейна. Прогулкѣ они радовались. Изъ Галльштатта мы прошли въ Эшернталь, которая понравилась дѣтямъ. Только одинъ мой пятилѣтній сынъ сталъ вдругъ капризничать, какъ только мы увидѣли гору, и тотчасъ же спросилъ: это Дахштейнъ? Я долженъ былъ отвѣтить: нѣтъ. Предложивъ нѣсколько разъ этотъ вопросъ, онъ замолчалъ недовольный. Къ водопаду онъ совсѣмъ отказался итти. Я подумалъ, что онъ усталъ. На слѣдующее утро онъ пришелъ ко мнѣ съ сіяющимъ видомъ и заявилъ: сегодня ночью мнѣ снилось, что я былъ на Дахштейнѣ. Я понялъ его: онъ ожидалъ, что мы по дорогѣ въ Галльштаттъ увидимъ гору, о которой дѣти такъ много слышали. Когда онъ затѣмъ понялъ, что горы онъ не увидитъ, и ему придется удовлетвориться небольшимъ холмомъ и водопадомъ, онъ испыталъ разочарованіе. Сновидѣніе вознаградило его за это. Я сталъ его разспрашивать о подробностяхъ сновидѣнія. Но онъ сообщилъ мнѣ очень мало: «Туда нужно итти шесть часовъ», сказалъ онъ только.

Во время этой прогулки и у моей восьмилѣтней дочери

появилось желаніе, которое тоже было удовлетворено сновидѣніемъ. Мы взяли съ собою въ Галльштаттъ двѣнадцатилѣтняго сына нашихъ сосѣдей, завоевавшаго, какъ мнѣ казалось, всѣ зимпатіи маленькой дѣвочки. На слѣдующее утро она мнѣ разсказала слѣдующее сновидѣніе: «Представь себѣ, мнѣ снилось, что Эмиль--мой братъ, что онъ говоритъ вамъ «папа и мама» и спитъ вмѣстѣ съ нами въ большой комнатѣ. Въ комнату вдругъ прошла мама и бросила намъ подъ постели цѣлую горсть шоко ладныхъ конфектъ въ синихъ и зеленыхъ бумажкахъ.»—Братья ея заявили, что ей снилась чепуха, дѣвочка же интересовалась своимъ сновидѣніемъ и соглашалась съ тѣмъ, что то, что ей приснилось про Эмиля, дѣйствительно ерунда,—но зато не на счетъ шоколадныхъ конфектъ. Мнѣ самому послѣднее показалось непонятнымъ. Но жена дала мнѣ по этому поводу разъясненіе. По дорогѣ съ вокзала домой дѣти остановились передъ автоматомъ и попросили мать опустить монету, чтобы получить шоколадъ. Мать, однако, нашла, что этотъ день и такъ былъ достаточно богатъ осуществленіями желаній и предоставила это желаніе сновидѣнію. Я на сцену эту не обратилъ вниманія Другую часть сновидѣнія, отвергнутую даже самою дочерью, я понялъ безъ всякихъ комментаріевъ. Я самъ слыхалъ, какъ маленькій Эмиль по дорогѣ говорилъ дѣтямъ, что надо подождать папу и маму. Эту случайную фразу, сновидѣніе дѣвочки превратило въ «усыновленіе». Почему шоколадные конфекты были брошены подъ постели, этого объяснить безъ распросовъ ребенка было, конечно, невозможно.

Сновидѣніе, аналогичное первому изъ послѣднихъ двухъ, я слышалъ отъ одного моего друга. У него 8-лѣтняя дочь. Отецъ вмѣстѣ съ нѣсколькими дѣтьми предпринялъ прогулку въ Дорнбахъ съ намѣреніемъ посѣтить Рорергютте; но такъ какъ было уже поздно, то они не добрались до цѣли, и онъ обѣщалъ пойти туда съ дѣтьми въ слѣдующій разъ. На обратномъ пути они прошли мимо верстового столба, указывавшаго дорогу на Гамо. Дѣти захотѣли отправиться тотчасъ же на Гамо, но отецъ отложилъ и эту прогулку до слѣдующаго дня. На слѣдующее утро 8-лѣтняя дѣвочка разсказала отцу: «Папа, сегодня ночью мнѣ снилось, что ты былъ съ нами въ Рорергютте и на Гамо». Ея нетерпѣніе предвосхитило, такимъ образомъ, въ сновидѣніи исполненіе отцовскаго обѣщанія.

Столь же прямолинейно и другое сновидѣніе, вызванное у моей, въ то время 3-лѣтней дочурки красивымъ видомъ Аусзее. Дѣвочка въ первый разъ ѣхала по водѣ, и поѣздка по-

казалась ей черезчуръ короткой. Когда мы пристали къ берегу, она не хотѣла выходить изъ лодки и горько плакала. На слѣдующее утро она разсказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру.» — Будемъ надѣяться, что продолжительность этой поѣздки во снѣ болѣе удовлетворила ее.

Моему старшему, въ то время 8-лѣтнему сыну снилась реализація его фантазіи. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Ахилломъ въ его колесницѣ, которой управлялъ Діомедъ. Наканунѣ онъ восхищался греческой миѳологіей,—книжкой, подаренной его старшей сестрѣ.

Если мы прославляемъ дѣтство за то, что оно еще не знаетъ сексуальныхъ страстей, то мы не должны забывать, какимъ богатымъ источникомъ разочарованій, лишеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побудительнымъ поводомъ къ сновидѣніямъ можетъ стать для него другая важная жизненная потребность *).

Вотъ примѣръ этому. Мой 22-мѣсячный племянникъ долженъ былъ поздравить меня со днемъ рожденія и подарить мнѣ корзиночку съ вишнями. Это, повидимому, было для него трудной задачей, такъ какъ онъ повторялъ безпрестанно: вотъ вишни! Его нельзя было, однако, заставить выпустить корзиночку изъ рукъ. Но онъ сумѣлъ все же вознаградить себя. До сихъ поръ онъ постоянно каждое утро разсказывалъ матери, что ему снился «бѣлый солдатъ»,—гвардейскій офицеръ, котораго онъ, очевидно, встрѣтилъ на улицѣ. На слѣдующій день послѣ жертвы, принесенной имъ въ день моего рожденія, онъ проснулся довольный, со словами, которыя могли быть внушены только сновидѣніемъ: Германъ съѣлъ всѣ вишни **).

*) [Болѣе подобное изученіе душевной жизни ребенка показываетъ намъ, правда, что сексуальный элементъ играетъ и въ психической дѣятельности ребенка достаточно крупную роль, бывшую, однако, объектомъ недостаточнаго вниманія; это заставляетъ насъ до нѣкоторой степени сомнѣваться въ безмятежной радости дѣтства, о которомъ мы, взрослые, часто говоримъ съ такимъ упоеніемъ; ср. мои «Три очерка сексуальной теоріи», 1905 г., 2-е изданіе 1910 г.].

**) [Необходимо упомянуть о томъ, что у маленькихъ дѣтей наблюдаются иногда чрезвычайно сложныя и мало прозрачныя сновидѣнія и что съ другой стороны, сновидѣнія, носящія простой ребяческій характеръ могутъ нерѣдко появляться и у взрослыхъ. Насколько обильны неожиданнымъ матеріаломъ сновидѣнія у дѣтей въ возрастѣ отъ четырехъ до пяти лѣтъ, показываютъ примѣры въ моемъ «Анализѣ фобіи 5-лѣтняго мальчика» (Jahrbuch von Bleuler-Freud. I. 1909 г.) и у Юнга «О конфликтахъ дѣтской души» (тамъ же II, 1910 г.) Съ другой стороны, у взрослыхъ сновидѣнія дѣтскаго типа встрѣчаются особенно часто тогда, когда они находятся среди необычныхъ жизненныхъ условій. Такъ, Отто Норден-

Что снится животнымъ, я не знаю. Нѣмецкая поговорка, повидимому, освѣдомленнѣе меня въ этомъ отношеніи, такъ какъ она на вопросъ: что снится гусямъ, отвѣчаетъ: кукуруза *). Вся теорія, утверждающая, что сновидѣніе представляетъ собою осуществленіе желаній, содержится въ этихъ двухъ фразахъ. Мы видимъ, что мы бы могли достичь нашего ученія о скрытомъ смыслѣ сновидѣнія болѣе короткимъ путемъ, если бы обратились къ народной мудрости и къ общеупотребительнымъ оборотамъ рѣчи. Въ послѣднихъ сновидѣніе представляется обычно осуществленіемъ завѣтныхъ желаній. «Мнѣ и во снѣ этого не снилось», восклицаетъ въ восхищеніи тотъ, для кого дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія.

скьольдъ въ своей книгѣ «Антарктика» сообщаетъ объ экипажѣ судна съ которымъ онъ провелъ цѣлую зиму: «Чрезвычайно характерны для направленія нашихъ мыслей были наши сновидѣнія, которыя никогда не отличались такою живостью и многочисленностью, какъ именно въ то время Даже тѣ изъ нашихъ товарищей, которымъ снились сны лишь очень рѣдко, могли разсказывать каждое утро, когда мы обмѣнивались другъ съ другомъ впечатлѣніями истекшей ночи, длиннѣйшія исторіи. Всѣ эти исторіи касались того міра, отъ котораго мы теперь были отрѣзаны, но зачастую приспособливались и къ нашей тогдашней жизни. Одно чрезвычайно характерное сновидѣніе состояло въ томъ, что одному изъ товарищей снилось будто онъ сидитъ на школьной скамьѣ и занимается тѣмъ, что, снимаетъ кожу съ крохотныхъ тюленей, изготовленныхъ спеціально для учебныхъ цѣлей. Чаще всего, однако, наши сновидѣнія вращались вокругъ ѣды и питья. Одинъ изъ насъ былъ отъ всей души радъ, когда могъ разсказать утромъ, что онъ «ѣлъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ»; другому снился табакъ, цѣлыя горы табаку; третьему корабль, мчавшійся по морю на всѣхъ парусахъ. Заслуживаетъ упоминанія еще одно сновидѣніе: является почтальонъ и объясняетъ, почему не было такъ долго писемъ: онъ сдалъ ихъ по невѣрному адресу и съ трудомъ вернулъ ихъ теперь обратно. Вполнѣ естественно, что намъ снились самыя невѣроятныя вещи, но недостатокъ фантазіи почти во всѣхъ сновидѣніяхъ моихъ собственныхъ и всѣхъ моихъ товарищей положительно бросался въ глаза. Было бы чрезвычайно интересно съ психологической точки зрѣнія записать всѣ эти сновидѣнія»].

*) [Одна венгерская поговорка, приводимая Ференчи [87]), утверждаетъ даже, что «свиньямъ снятся желуди, а гусямъ кукуруза»].

IV.

Искажающая дѣятельность сновидѣнія.

Если я вздумаю утверждать, что осуществленіе желаній является смысломъ каждаго сновидѣнія, т. е. что нѣтъ другихъ сновидѣній, кромѣ какъ «сновидѣній о желаніяхъ», то я заранѣе предвижу самыя рѣшительныя возраженія. Прежде всего мнѣ скажутъ: «То, что есть сновидѣнія, въ которыхъ содержатся осуществленія желаній, — это не ново, объ этомъ уже писали многіе авторы. [Ср. Радештокъ [54]) (стр. 137—138), Фолькельтъ [72]) (стр. 110—111), Пуркинье [53]) (стр. 456), Тиссье [68]) (стр. 70), Симонъ [63]) (стр. 42, о голодныхъ сновидѣніяхъ заключеннаго барона Тренка) и одно мѣсто у Гризингера [31]) (стр. 111)]. То, однако, что нѣтъ другихъ сновидѣній, кромѣ какъ означающихъ осуществленіе желаній,— это снова одно изъ тѣхъ неправильныхъ обобщеній, къ которымъ вы за послѣднее время питаете особую склонность. Очень часто встрѣчаются сновидѣнія съ самымъ непріятнымъ содержаніемъ, весьма далекія отъ какого бы то ни было осуществленія желаній. Философъ-писатель Э. Гартманъ категорически возстаетъ противъ теоріи осуществленія желаній. Въ своей «Философіи безсознательнаго» (стр. 344) онъ говоритъ: «Что касается сновидѣнія, то вмѣстѣ съ нимъ переносятся въ состояніе сна всѣ элементы бодрственной жизни. Не переносится лишь одно до нѣкоторой степени примиряющее культурнаго человѣка съ жизнью: научный интересъ и эстетическое наслажденіе»... Но и менѣе недовольные наблюдатели замѣтили, что сновидѣніе чаще изображаетъ скорѣе недовольство, чѣмъ удовлетвореніе,— такъ напримѣръ, Шольцъ [59]) (стр. 33), Фолькельтъ [72]) (стр. 80) и другіе. Даже женщины, Сара Уидъ Флорансъ Галламъ [33]) дали цифровое выраженіе преобладанію въ сновидѣніяхъ чувства недовольства. 58% сновидѣній онѣ называютъ непріятными и лишь 28,6% пріятными. Помимо снови-

дѣній, воспроизводящихъ продолженіе разныхъ непріятныхъ ощущеній бодрственной жизни, есть сновидѣнія страха, въ которыхъ насъ преисполняетъ это самое тяжелое изъ всѣхъ непріятныхъ ощущеній; такимъ сновидѣніямъ страха особенно подвержены дѣти [ср. у Дебакера [17]) относительно pavor nocturnus], у которыхъ вы утверждаете преобладающую наличность сновидѣній о желаніяхъ.

Сновидѣнія о страхѣ, повидимому, дѣйствительно исключаютъ возможность обобщенія того заключеія, которое мы вывели изъ примѣра предыдущей главы, что сновидѣніе является осуществленіемъ желанія; утвержденіе это кажется чуть ли не абсурдомъ.

Тѣмъ не менѣе не такъ уже трудно опровергнуть эти мнимо справедливыя возраженія. Необходимо принять лишь во вниманіе, что наше ученіе покоится не на разсмотрѣніи явнаго содержанія сновидѣнія, а касается того внутренняго содержанія, которое познается лишь послѣ толкованія сновидѣнія. Сопоставимъ явное и скрытое содержаніе сновидѣнія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что есть сновидѣнія, явное содержаніе которыхъ носитъ самый непріятный характеръ. Но попытался ли кто-нибудь истолковать эти сновидѣнія, раскрыть ихъ скрытое внутреннее содержаніе? Если нѣтъ, то оба вышеупомянутыхъ возраженія сами собою отпадаютъ. Въ виду этого мы можемъ предположить, что и непріятныя сновидѣнія и сновидѣнія о страхѣ послѣ толкованія ихъ окажутся осуществленіями желаній *).

Въ научной работѣ очень цѣлесообразно въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшеніе какой-либо проблемы доставляетъ чрезвычайныя трудности, привлечь къ разрѣшенію еще и другую проблему,— все равно, какъ легче расколоть сразу два орѣха. Въ виду этого передъ нами не только вопросъ: какимъ образомъ непріятныя сновидѣнія и сновидѣнія о страхѣ могутъ быть осуществленіями желаній,—но на основаніи нашихъ предыдущихъ соображеній мы можемъ задаться и другимъ вопросомъ: почему сновидѣнія съ самымъ индифферентнымъ содержаніемъ, оказывающіяся послѣ толкованія осуществленіями желаній, не обнаруживаютъ съ очевидностью своего этого смысла? Возьмемъ сто̀ль детально анализированное нами сновидѣніе объ Ирмѣ; оно отнюдь не носитъ непріятнаго характера и послѣ толкованія

*) Положительно невѣроятно, съ какимъ упорствомъ читатели и критики не хотятъ принять этого во вниманіе и оставляютъ безъ вниманія существенное различіе явнаго и скрытаго содержанія сновидѣній.

оказывается чрезвычайно явнымъ осуществленіемъ желанія. Для чего нужно вообще толкованіе? Почему сновидѣніе не говоритъ прямо того, что оно означаетъ? Сновидѣніе объ Ирмѣ также не показываетъ сразу, что оно изображаетъ осуществленіе желанія спящаго. Впечатлѣнія этого не получаетъ читатель, не получилъ и я самъ до тѣхъ поръ, пока не произвелъ анализа. Если мы назовемъ это странное обращеніе сновидѣнія съ его матеріаломъ—искаженіемъ въ сновидѣніи, то тѣмъ самымъ зададимся вопросомъ: откуда проистекаетъ такое искаженіе въ сновидѣніи?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить самымъ различнымъ образомъ,—напримѣръ, сказать что во время сна человѣкъ не въ состояніи дать соотвѣтствующаго выраженія своимъ мыслямъ. Но анализъ нѣкоторыхъ сновидѣній заставляетъ насъ дать искаженію въ сновидѣніи другое объясненіе. Я постараюсь показать это на толкованіи второго сновидѣнія, которое хотя опять таки требуетъ большой откровенности съ моей стороны, но вознаграждаетъ за эту жертву чрезвычайно рельефной постановкой проблемы.

Предв. сообщ.: Весною 1897 года два профессора нашего университета внесли предложеніе о назначеніи меня экстраординарнымъ профессоромъ; извѣстіе это было неожиданно и обрадовало меня, какъ выраженіе дружескаго отношенія со стороны двухъ выдающихся ученыхъ. Я подумалъ тотчасъ же, однако, что не имѣю никакого основанія связывать съ этимъ какихъ-либо опредѣленныхъ надеждъ. Министерство народнаго просвѣщенія въ послѣдніе годы не удовлетворило цѣлый рядъ такихъ ходатайствъ, и нѣсколько моихъ старшихъ коллегъ, совершенно равныхъ мнѣ по заслугамъ, уже много лѣтъ тщетно ожидаютъ назначенія. У меня не было никакихъ причинъ думать, что меня ждетъ лучшая участь. Я рѣшилъ такимъ образомъ ни на что не надѣяться. Насколько я самъ могу судить, я не честолюбивъ и успѣшно занимаюсь своей врачебной дѣятельностью, не обладая громкимъ титуломъ. Впрочемъ, рѣчь шла вовсе не о томъ, нравился или не нравился мнѣ виноградъ,—все равно онъ висѣлъ слишкомъ высоко.

Однажды вечеромъ меня навѣстилъ одинъ мой коллега, одинъ изъ тѣхъ, участь котораго заставила меня отказаться отъ надеждъ на назначеніе профессоромъ. Онъ уже долгое время состоитъ кандидатомъ въ профессора,—титулъ котораго, какъ извѣстно, превращаетъ врача въ нашемъ обществѣ въ полубога; онъ менѣе скроменъ, чѣмъ я и время отъ времени навѣды-

вается въ министерство, стараясь ускорить свое назначенiе. Послѣ одного изъ такихъ посѣщенiй онъ и явился ко мнѣ. Онъ сообщилъ, что на этотъ разъ ему удалось припереть къ стѣнѣ очень высокопоставленное лицо и предложить ему вопросъ, правда ли, что его назначенiю препятствуютъ исключительно вѣроисповѣдныя соображенiя.

Отвѣтъ гласилъ, что конечно—при теперешнемъ настроенiи—его превосходительство—въ данное время не можетъ и т. д. «Теперь я по крайней мѣрѣ знаю, въ чемъ дѣло», закончилъ мой другъ свой разсказъ. Въ послѣднемъ для меня не было ничего новаго, и онъ только укрѣпилъ мое убѣжденiе. Тѣ же самыя вѣроисповѣдныя соображенiя стояли на дорогѣ и у меня.

Подъ утро послѣ этого посѣщенiя я увидѣлъ слѣдующее сновидѣнiе, чрезвычайно интересное также и по своей формѣ. Оно состояло изъ двухъ мыслей и двухъ образовъ. Я привожу здѣсь, однако, лишь первую половину его, такъ какъ другая не имѣетъ ничего общаго съ той цѣлью, ради которой я сообщаю здѣсь это сновидѣнiе.

I. Коллега Р.—мой дядя.—Я питаю къ нему нѣжныя чувства.

II. Онъ очень измѣнился. Лицо его вытянулось; мнѣ бросается въ глаза большая рыжая борода.

Толкованiе этого сновидѣнiя я совершилъ приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Когда проснувшись, я вспомнилъ о сновидѣнiи, я только разсмѣялся и подумалъ: какая безсмыслица! Но отъ сновидѣнiя я не могъ отдѣлаться, и оно весь день преслѣдовало меня, пока, наконецъ, вечеромъ я себя не упрекнулъ: если бы кто-нибудь изъ твоихъ пацiентовъ сказалъ про свое сновидѣнiе—какая безсмыслица,—то ты, навѣрное, бы разсердился на него или подумалъ, что позади скрывается какая-нибудь непрiятная мысль, сознавать которую онъ не хочетъ. Ты поступаешь совершенно такъ же; твое мнѣнiе, будто сновидѣнiе безсмыслица, означаетъ лишь твое внутреннее нежеланiе истолковать его. Это непослѣдовательно съ точки зрѣнiя твоихъ убѣжденiй.

Я принялся за толкованiе.

«Р.—мой дядя» что это значитъ? У меня былъ вѣдь всего одинъ только дядя, дядя Iосифъ *). Съ нимъ произошла чрез-

*) Удивительно, какъ здѣсь моя память—въ бодрственномъ состоянiи—ограничиваетъ самое себя въ цѣляхъ анализа. Я зналъ пятерыхъ сво-

вычайно печальная исторія. Однажды—теперь тому уже больше тридцати лѣтъ--онъ, поддавшись искушенію нажить крупную сумму, совершилъ поступокъ, тяжело караемый закономъ. Отецъ мой, посѣдѣвшій въ то время въ нѣсколько дней отъ горя, говорилъ потомъ очень часто, что дядя Іосифъ не дурной человѣкъ, а просто «дуракъ»,—какъ онъ выражался. Если, такимъ образомъ, коллега Р.—мой дядя Іосифъ, то тѣмъ самымъ я хочу навѣрное сказать: Р.—дуракъ. Мало вѣроятно и очень непонятно. Но тутъ я вспоминаю лицо, видѣнное мною во снѣ, вытянутое, съ рыжей бородой. У дяди моего дѣйствительно такое лицо, вытянутое, обрамленное густой бѣлокурой бородой. Мой коллега Р. былъ темнымъ брюнетомъ, но когда брюнеты начинаютъ сѣдѣть, то ихъ черные волосы претерпѣваютъ довольно некрасивую метаморфозу. Они становятся сперва рыжими, желтовато-коричневыми и, наконецъ, сѣдыми. Въ этой стадіи находится и борода моего коллеги Р.; впрочемъ также и моя, что я недавно замѣтилъ, къ своему большому неудовольствію. Лицо, видѣнное мною во снѣ, принадлежитъ одновременно и моему коллегѣ Р. и моему дядѣ. Не подлежитъ поэтому никакому сомнѣнію: я дѣйствительно думаю, что мой коллега Р.—дуракъ,—какъ и мой дядя. Я не предполагаю еще, съ какой цѣлью я произвелъ это сопоставленіе, противъ котораго рѣшительно возстаю. Оно, однако, довольно поверхностно, такъ какъ мой дядя былъ преступникомъ, коллега же Р. никогда не имѣлъ касательства къ суду. Онъ привлекался къ отвѣтственности однажды за то, что велосипедомъ сбилъ съ ногъ какого-то мальчика. Неужели же этотъ поступокъ послужилъ причиной сопоставленія? Но вѣдь это значило бы, что мое сновидѣніе дѣйствительно было безсмыслицей. Неожиданно мнѣ приходитъ въ голову другой разговоръ на эту же тему, который я велъ нѣсколько дней тому назадъ съ другимъ моимъ коллегой Н. Я встрѣтилъ Н. на улицѣ; онъ тоже кандидатъ въ профессора; онъ узналъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и поздравилъ меня. Я отклонилъ его поздравленіе. «Именно вамъ не слѣдовало бы шутить,—вѣдь вы же сами знаете цѣну такихъ предложеній». Онъ отвѣтилъ, повидимому, не очень серьезно: «Нельзя знать. Противъ меня вѣдь имѣется серьезное возраженіе. Развѣ вы не знаете, что одна особа когда-то воз-

---

ихъ дядей и одного изъ нихъ любилъ и уважалъ. Въ тотъ моментъ, однако, когда я преодолѣлъ нежеланіе истолковать свое сновидѣніе, я сказалъ себѣ: вѣдь у меня былъ всего лишь одинъ дядя, тотъ, котораго я видѣлъ въ сновидѣніи.

будила противъ меня судебное преслѣдованіе? Мнѣ нечего вамъ говорить, что дѣло не дошло даже до разбирательства: это было самое низкое вымогательство, мнѣ пришлось потомъ выгораживать обвинительницу отъ привлеченія къ суду за недобросовѣстное обвиненіе. Но, быть можетъ, въ министерствѣ знаютъ объ этомъ и считаются съ этимъ до нѣкоторой степени. Вы же никогда ни въ чемъ не были замѣшаны». Вотъ передъ мною и преступникъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкованіе моего сновидѣнія. Мой дядя Іосифъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ двухъ неназначенныхъ профессорами коллегъ, одного въ качествѣ «дурака», другого въ качествѣ «преступника». Я понимаю теперь также и то, какую цѣль имѣло это совмѣщеніе. Если въ отсрочкѣ назначенія моихъ коллегъ Р. и Н. играли роль вѣроисповѣдныя соображенія, то и мое назначеніе подвержено большому сомнѣнію; если же утвержденіе обоихъ обусловлено другими причинами, неимѣющими ко мнѣ никакого отношенія, то я все же могу надѣяться. Мое сновидѣніе превращаетъ одного изъ нихъ, Р. въ «дурака», другого, Н., въ «преступника»; я же ни тотъ, ни другой; общность нашихъ интересовъ нарушена, я могу радоваться своему близкому утвержденію,—меня не касается отвѣтъ, полученный коллегой Р. отъ высокопоставленнаго лица.

Я не останавливаюсь, однако, на этомъ толкованіи своего сновидѣнія. Оно недостаточно еще для меня ясно, я все еще обезпокоенъ тѣмъ легкомысліемъ, съ которымъ я отношусь къ двумъ своимъ уважаемымъ коллегамъ, имѣя лишь въ виду открыть себѣ путь къ профессурѣ. Мое недовольство собственнымъ поведеніемъ понизилось, однако, съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что означаетъ это мое поведеніе. Я категорически отрицаю, что дѣйствительно считаю коллегу Р. дуракомъ, и не вѣрю въ грязную подкладку обвиненія, предъявленнаго къ коллегѣ Н. Я не вѣрилъ вѣдь въ то, что Ирма опасно заболѣла, благодаря инъекціи аппаратомъ пропила, сдѣланной ей Отто; здѣсь, какъ и тамъ, мое сновидѣніе выражаетъ лишь мое желаніе, чтобы дѣло дѣйствительно обстояло такимъ образомъ. Утвержденіе, въ которомъ реализуется мое желаніе, звучитъ во второмъ сновидѣніи абсурднѣе, нежели въ первомъ; здѣсь оно вылилось въ форму болѣе искуснаго использованія фактическихъ исходныхъ пунктовъ: въ моихъ мнѣніяхъ о коллегахъ была частица правды: противъ коллеги Р. въ свое время высказался одинъ выдающійся спеціалистъ, а коллега Н. самъ далъ мнѣ матеріалъ

относительно своего обвиненія. Тѣмъ не менѣе, повторяю, сновидѣніе нуждается на мой взглядъ въ дальнѣйшемъ толкованіи.

Я вспоминаю, что сновидѣніе содержитъ еще одинъ элементъ, на который толкованіе до сихъ поръ не обращало вниманія. Въ сновидѣніи я питалъ нѣжныя чувства къ своему дядѣ. Къ кому относится это чувство? Къ своему дядѣ Іосифу я, конечно, нѣжныхъ чувствъ никогда не питалъ. Коллега Р. мнѣ очень дорогъ, но если бы я пришелъ къ нему и выразилъ словами свою симпатію, которая хотя бы приблизительно соотвѣтствовала нѣжному чувству въ сновидѣніи, то онъ, навѣрное бы, очень удивился. Моя нѣжность по отношенію къ нему кажется мнѣ неискренней и преувеличенной, все равно какъ мое сужденіе относительно его духовныхъ способностей: но преувеличенной, конечно, въ обратномъ смыслѣ. Я начинаю понимать суть дѣла. Нѣжныя чувства въ сновидѣніи относятся не къ явному содержанію, а къ мыслямъ, скрытымъ позади сновидѣнія; они находятся въ противорѣчіи съ этимъ содержаніемъ; они имѣютъ, вѣроятно, цѣлью скрыть отъ меня истинный смыслъ сновидѣнія. Я припоминаю, съ какимъ неудовольствіемъ приступилъ я къ толкованію этого сновидѣнія, какъ я старался его откладывать и думалъ, что мое сновидѣніе—чистѣйшая безсмыслица. Мои психоаналитическія занятія нерѣдко показывали мнѣ, какое значеніе имѣетъ такое нежеланіе истолковать сновидѣніе. Оно въ огромномъ большинствѣ случаевъ не относится къ дѣйствительному положенію дѣла, а лишь выражаетъ извѣстное чувство. Когда моя маленькая дочурка не хочетъ яблока, которымъ ее угощаютъ, то она утверждаетъ, что яблоко горькое,—хотя на самомъ дѣлѣ она даже его и не попробывала. Когда мои паціентки ведутъ себя совсѣмъ, какъ моя дочурка, то я знаю, что у нихъ рѣчь идетъ о представленіи, которое имъ хотѣлось бы оттѣснить. То же самое слѣдуетъ сказать о моемъ сновидѣніи. Я не хотѣлъ его толковать, потому что толкованіе его содержало нѣчто для меня непріятное. Теперь же послѣ этого толкованія, я знаю, что именно мнѣ было такъ непріятно: утвержденіе, будто коллега Р. «дуракъ». Нѣжныя чувства, которыя я питаю къ коллегѣ Р., я не могу отнести къ явному содержанію сновидѣнія, а только къ этому моему нежеланію. Если мое сновидѣніе по сравненію съ его скрытымъ содержаніемъ производитъ въ этомъ отношеніи искаженіе, то проявляющееся въ сновидѣніи нѣжное чувство служитъ именно этому искаженію или другими словами: искаженіе проявляется здѣсь умышленно, какъ средство замаскированія. Мои мысли,

скрытыя въ сновидѣніи, содержатъ своего рода клевету на Р.; чтобы я не замѣчалъ, сновидѣніе изображаетъ прямую противоположность—нѣжныя чувства къ нему.

Это безусловно можетъ быть общимъ правиломъ. Какъ показали примѣры въ главѣ III, есть много сновидѣній, представляющихъ собою явное осуществленіе желанія. Тамъ, гдѣ это осуществленіе скрыто, замаскировано, тамъ должна быть на лицо тенденція, противоположная желанію, и вслѣдствіе этой тенденціи желаніе могло проявиться исключительно въ искаженномъ видѣ. Мнѣ хочется сопоставить это явленіе психической жизни съ явленіями изъ жизни соціальной. Гдѣ въ соціальной жизни можно найти аналогичное искаженіе психическаго акта? Лишь тамъ, гдѣ имѣется двое людей, изъ которыхъ одинъ обладаетъ извѣстной силой, другой же принужденъ считаться съ послѣдней. Это второе лицо искажаетъ тогда свою психическую дѣятельность или какъ мы бы сказали въ обыденной жизни «представляется»; наша вѣжливость отчасти не что иное, какъ результатъ этого «представленія»; истолковывая для читателя свои сновидѣнія, я самъ бываю вынужденъ производить такія искаженія.

Въ аналогичномъ положеніи находится и политическій писатель, желающій говорить въ лицо сильнымъ міра сего горькія истины. Писателю приходится бояться цензуры,—онъ умѣряетъ и искажаетъ поэтому выраженіе своего мнѣнія. Смотря по силѣ и чувствительности этой цензуры, онъ бываетъ вынужденъ либо сохранять лишь извѣстныя формы нападокъ, либо же выражаться намеками, либо же, наконецъ, скрывать свои нападки подъ какой-либо невинной маской. Онъ можетъ, напримѣръ, разсказывать о столкновеніи между двумя мандаринами въ Срединной Имперіи, но на самомъ дѣлѣ имѣть ввиду отечественныхъ чиновниковъ. Чѣмъ страшнѣе цензура, тѣмъ менѣе прозрачна эта маска,—тѣмъ остроумнѣе средства, которыя приводятъ все же читателя на слѣдъ истиннаго значенія словъ.

Поразительное совпаденіе явленій цензуры и признаковъ искаженія въ сновидѣніи даетъ намъ право установить для тѣхъ и другихъ одни и тѣ же условія. Мы имѣемъ основаніе, такимъ образомъ, предполагать, что въ сновидѣніи играютъ наиболѣе видную роль двѣ психическія силы (теченія, системы), изъ которыхъ одна образуетъ желанія, проявляющіяся въ сновидѣніи, другая же совершаетъ функціи цензуры и, благодаря этой цензурѣ, способствуетъ искаженію этого желанія. Спрашивается, однако, въ чемъ же состоитъ полномочіе этой второй

силы, проявляющейся въ дѣятельности цензуры. Если мы вспомнимъ о томъ, что скрытыя въ сновидѣніи мысли до анализа не сознаются человѣкомъ, между тѣмъ какъ проистекающее изъ нихъ явное содержаніе сновидѣнія сознательно вспоминается, то отсюда слѣдуетъ предположить, что функція второй инстанціи и заключается именно въ допущеніи къ сознанію. Изъ первой системы ничто не можетъ достичь сознанія, не пройдя предварительно черезъ вторую инстанцію, а вторая инстанція не пропускаетъ ничего, не оказывая своего цензирующаго вліянія. Мы обнаруживаемъ при этомъ совершенно особое пониманіе «сущности» сознанія; осознаваніе является для насъ особымъ психическимъ актомъ, отличнымъ и независимымъ отъ процесса предположенія или представленія, и сознаніе кажется намъ органомъ чувства, воспринимающимъ содержаніе, данное ему извнѣ. Можно показать, что психопатологія не можетъ обойтись безъ допущенія этихъ основныхъ предпосылокъ. Болѣе подробно мы коснемся ихъ ниже.

Принимая во вниманіе роль обѣихъ психическихъ инстанцій и ихъ отношеніе къ сознанію, мы можемъ подмѣтить аналогію между нѣжнымъ чувствомъ, проявленнымъ мною въ сновидѣніи къ моему коллегѣ Р. и столь пониженному въ дальнѣйшемъ толкованіи,—и политической жизнью человѣка. Я переношусь въ общественную жизнь, въ которой властелинъ, чрезвычайно ревностно относящійся къ своей власти, борется съ живымъ общественнымъ мнѣніемъ. Народъ возстаетъ противъ нелюбимаго администратора и требуетъ его увольненія; чтобы не показать, что онъ считается съ народной волей, властелинъ долженъ дать администратору повышеніе, къ которому въ противномъ случаѣ не было бы ни малѣйшаго повода. Такимъ образомъ, моя вторая инстанція, властвующая надъ входомъ въ сознаніе, обращается къ коллегѣ Р. съ преувеличенно нѣжнымъ чувствомъ, такъ какъ желанія первой системы на основаніи особаго интереса, съ которымъ они именно и связаны стараются назвать его глупцомъ.

Здѣсь можетъ возникнуть мысль, что толкованіе сновидѣнія способно дать намъ разъясненіе относительно структуры нашего душевнаго аппарата, котораго мы тщетно ждали отъ философіи. Мы не пойдемъ, однако, по этому пути, а, выяснивъ значеніе искажающей дѣятельности сновидѣнія, вернемся къ нашей исходной проблемѣ. Мы задались вопросомъ, какимъ образомъ непріятныя сновидѣнія могутъ означать все же лишь осуществленія желанія. Мы видимъ теперь, что это вполнѣ

возможно при наличности искажающей дѣятельности сновидѣнія, если непріятное содержаніе служитъ лишь для замаскированія пріятнаго и желательнаго. Учитывая наше предположеніе о второй психической инстанціи, мы можемъ теперь утверждать: непріятное сновидѣніе дѣйствительно содержитъ нѣчто, что непріятно для второй инстанціи, но что въ то же время осуществляетъ желаніе первой инстанціи. Такія непріятныя сновидѣнія постольку означаютъ осуществленіе желанія, поскольку каждое сновидѣніе исходитъ отъ первой инстанціи, вторая же дѣйствуетъ лишь тормозящимъ образомъ. Если мы ограничимся лишь оцѣнкой того, что вноситъ въ сновидѣніе вторая инстанція, то мы никогда не поймемъ сновидѣнія. Передъ нами останутся все тѣ же тайны, которыя казались столь неразрѣшимыми большинству ученыхъ.

Что сновидѣніе имѣетъ дѣйствительно тайный смыслъ означающій всегда осуществленіе желанія, должно быть доказано для каждаго отдѣльнаго случая при помощи анализа. Я приведу поэтому нѣсколько сновидѣній съ непріятнымъ содержаніемъ и постараюсь проанализировать ихъ. Это большей частію сновидѣнія истериковъ, требующія обстоятельнаго предварительнаго сообщенія, а иногда и проникновенія въ психическія явленія при истеріи. Я не могу, однако, избѣгнуть этого осложненія моего изложненія.

Когда психоневротикъ подвергается моему аналитическому лѣченію, его сновидѣнія становятся тотчасъ же, какъ уже было упомянуто, одной изъ главнѣйшихъ темъ нашихъ бесѣдъ. Мнѣ приходится давать ему при этомъ различныя психологическія разъясненія, при помощи которыхъ я самъ достигаю пониманія его симптомовъ; въ отвѣтъ на это слышу отъ него почти всегда неумолимую критику,—такую, какую мнѣ не приходится встрѣчать и со стороны моихъ заклятыхъ противниковъ. Паціенты постоянно возстаютъ противъ того, что всѣ ихъ сновидѣнія содержатъ въ себѣ осуществленія желаній. Вотъ нѣсколько примѣровъ сновидѣній, сообщенныхъ мнѣ какъ бы въ опровърженіе моей теоріи.

«Вы говорите всегда, что сновидѣніе—осуществленіе желанія», говоритъ одна остроумная паціентка. «Я вамъ разскажу сейчасъ одно сновидѣніе, которое, наоборотъ, доказываетъ, что мое желаніе не осуществилось; какъ согласуете вы его со своей теоріей? Мнѣ приснилось слѣдующее:

«Я хочу устроить для гостей ужинъ, но у меня въ домѣ нѣтъ ничего, кромѣ копче-

ной лососины. Я собираюсь пойти купить что-нибудь, но вспоминаю, что сегодня воскресенье, и магазины всѣ закрыты. Я звоню по телефону къ знакомому поставщику, но телефонъ, какъ на грѣхъ, испорченъ. Мнѣ приходится отказаться отъ желанія устроить ужинъ».

Я отвѣчаю, конечно, что лишь анализъ можетъ выяснить дѣйствительный смыслъ сновидѣнія, хотя и признаю, что сновидѣніе это на первый взглядъ вполнѣ разумно и связно и дѣйствительно якобы противорѣчитъ теоріи осуществленія желаній. «Изъ какого же матеріала проистекаетъ это сновидѣніе? Вы же знаете, что поводъ къ сновидѣнію дается каждый разъ переживаніями предыдущаго дня».

Анализъ: Мужъ паціентки, оптовый торговецъ мясомъ, заявилъ ей наканунѣ, что онъ слишкомъ пополнѣлъ и хочетъ поэтому начать лѣчиться отъ тучности. Онъ будетъ рано вставать, дѣлать моціонъ, держать строгую діэту и прежде всего не будетъ никогда принимать приглашеній на ужины.—Смѣясь, она разсказываетъ далѣе, что ея мужъ познакомился въ ресторанѣ съ однимъ художникомъ, который во что бы то ни стало хоѣлъ написать съ него портретъ, потому что, по его мнѣнію, онъ еще никогда не видалъ такой характерной головы. Ея мужъ однако, довольно рѣзко отвѣтилъ, что онъ покорно благодаритъ и отказывается отъ предложенія.—Моя паціентка очень влюблена въ своего мужа и часто дразнитъ его. Недавно она его просила не покупать ей икры.—Что это значитъ?

Дѣло въ томъ, что ей уже давно хотѣлось ѣсть каждое утро бутерброды съ икрой. Но она не рѣшается на такой расходъ. Конечно, мужъ тотчасъ же купилъ бы ей икры, если бы она только сказала ему объ этомъ. Но она, наоборотъ, просила его икры не покупать, чтобы потомъ имѣть возможность упрекнуть его этимъ.

(Это объясненіе кажется мнѣ довольно неправильнымъ. Позади такихъ неудовлетворительныхъ свѣдѣній скрываются обычно какія-либо заднія мысли. Достаточно вспомнить о паціентахъ Бернгейма: они производили постгипнотическія приказанія и будучи спрашиваемы о мотивахъ послѣднихъ, не отвѣчали: «Я не знаю, почему я это сдѣлалъ», а изобрѣтали чрезвычайно неправдоподобныя объясненія. Точно такъ же обстоитъ дѣло, повидимому, въ данномъ случаѣ и съ икрой. Я замѣчаю, что моя паціентка принуждена создавать себѣ въ

жизни неосуществленное желаніе. Въ сновидѣніи же это неосуществленное желаніе дѣйствительно проявляется. Къ чему оно ей, однако?)

Всего этого недостаточно для толкованія сновидѣнія. Я добиваюсь дальнѣйшаго разъясненія. Послѣ непродолжительнаго молчанія, вполнѣ соотвѣтствующаго преодолѣнію нежеланія быть откровенной, она сообщаетъ, что вчера посѣтила одну свою подругу, которую ревнуетъ къ мужу: онъ постоянно говоритъ ей комплименты. Къ счастью, подруга эта очень худощава, а ея мужу нравятся только полныя. О чемъ же говорила эта худощавая подруга? Конечно, о своемъ желаніи немного пополнѣть. Она спросила кромѣ того подругу: «Когда вы насъ пригласите къ себѣ? Вы всегда такъ хорошо угощаете».

Смыслъ сновидѣнія ясенъ. Я могу сказать паціенткѣ: «Это все равно, какъ если бы вы подумали при ея словахъ: еще бы, конечно, я тебя позову,—чтобы ты у меня наѣлась, пополнѣла и еще больше понравилась моему мужу! Уже лучше я не буду устраивать ужина!—И, дѣйствительно, сновидѣніе говоритъ вамъ, что вы не можете устроить ужина,—оно такимъ образомъ осуществляетъ наше желаніе отнюдь не способствовать округленію формъ нашей подруги. Вѣдь о томъ, что человѣкъ полнѣетъ отъ угощеній въ чужомъ домѣ, говорилъ вамъ вашъ мужъ, который, желая похудѣть, рѣшилъ не принимать приглашеній на ужины. Намъ недостаетъ только еще одного элемента, который подтвердилъ бы это толкованіе. Мы не разъяснили кромѣ того значенія копченой лососины». Почему вамъ приснилась лососина?—«Копченая лососина—любимое кушаніе этой подруги», отвѣчаетъ она. Случайно я тоже знакомъ съ этой дамой и могу подтвердить, что она такъ же любитъ лососину, какъ моя паціентка икру.

Это же сновидѣніе допускаетъ еще одно болѣе тонкое толкованіе, даже необходимое въ виду одного побочнаго обстоятельства. Оба эти толкованія не противорѣчатъ другъ другу, а совпадаютъ и даютъ превосходный примѣръ чрезвычайно распространенной двусмысленности сновидѣній, какъ и всѣхъ другихъ психопатологическихъ явленій. Мы слышали, что паціентка передъ сновидѣніемъ думала о неосуществленномъ желаніи (бутерброды съ икрой), подруга ея тоже высказала желаніе (пополнѣть). И насъ не должно удивлять, если моей паціенткѣ снилось, что желаніе подруги не осуществилось. Дѣло въ томъ, что ей хочется, чтобы желаніе подруги не нашло себѣ осуществленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ей снится, что ея собствен-

ное желаніе не исполняется. Сновидѣніе пріобрѣтаетъ новое толкованіе, если онъ въ этомъ сновидѣніи видитъ не себя самое, а подругу, если она заступаетъ ея мѣсто или, какъ слѣдовало бы вѣрнѣе сказать, отождествляетъ себя съ нею.

По моему мнѣнію, она, дѣйствительно совершила такое отождествленіе, и въ доказательство его сновидѣніе изобразило это неосуществленное желаніе. Какой же, однако, смыслъ имѣетъ истерическое отождествленіе? Разъясненіе его требуетъ нѣкотораго уклоненія отъ нашей темы. Отождествленіе, идентификація—чрезвычайно важный моментъ для механизма истерическихъ симптомовъ. Этимъ путемъ больные выявляютъ въ своихъ симптомахъ не только собственныя переживанія, но и переживанія цѣлаго ряда другихъ лицъ; они какъ бы страдаютъ за другихъ и исполняютъ единолично всѣ роли большой жизненной пьесы. Мнѣ возразятъ, что это общеизвѣстная истерическая идентификація,—способность истериковъ подражать всѣмъ симптомамъ, наблюдаемымъ ими у другихъ,—своего рода состраданіе, повышенное до степени репродукціи. Тѣмъ самымъ, однако, характеризуется путь, по которому протекаетъ психическій процессъ при истерической идентификаціи. Совершенно иной, однако, путь и тотъ душевный актъ, который протекаетъ по этому пути. Послѣдній нѣсколько сложнѣе, чѣмъ обычная имитація истериковъ; онъ соотвѣтствуетъ безсознательному процессу. Я постараюсь иллюстрировать это примѣромъ. Врачъ, у котораго въ больницѣ среди другихъ паціентовъ имѣется больная, страдающая характерными судорогами, долженъ не удивляться, если въ одинъ прекрасный день узнаетъ, что этотъ истерическій симптомъ нашелъ себѣ подражаніе. Онъ попросту подумаетъ: другіе видѣли этотъ симптомъ и стали ему подражать; это—психическая зараза. Да, но психическая зараза происходитъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: больные знаютъ обычно больше другъ про друга, чѣмъ врачъ и очень интересуются болѣзнями окружающихъ. У одной изъ паціентокъ случается припадокъ; другіе тотчасъ же узнаютъ, что причиной его послужило письмо изъ дому, воспоминаніе объ испытанномъ горѣ и т. п. Они сочувствуютъ ей, у нихъ появляется слѣдующая мысль, недоходящая, впрочемъ, до сознанія: если такая причина способна вызвать припадокъ, то такіе же припадки могутъ быть и у меня, потому что у меня на-лицо тѣ же причины. Если бы эта мысль дошла до сознанія, то она по всей вѣроятности вылилась бы въ форму страха передъ такого рода припадкомъ. Она возникаетъ, однако, въ другой психической сферѣ и закан-

чивается реализацiей даннаго симптома. Идентификацiя не есть поэтому простая имитацiя, а усвоенiе на почвѣ одинаковаго этiологическаго условiя.

Идентификацiя въ истерiи наиболѣе часто употребляется для выраженiя сексуальной общности. Истерикъ идентифицируетъ себя въ симптомахъ своей болѣзни наиболѣе часто—если не исключительно—съ лицомъ, съ которымъ онъ находится въ половой связи или которое находилось въ такой связи съ тѣмъ же лицомъ, что и онъ. Для идентификацiи въ истерической фантазiи и въ сновидѣнiи достаточно представленiя о сексуальныхъ отношенiяхъ, которое не должно быть вовсе реальнымъ. Пацiентка лишь слѣдуетъ поэтому законамъ истерическаго мышленiя, когда даетъ выраженiе своей ревности къ подругѣ (которую она, впрочемъ, все же признаетъ неосновательной), ставитъ себя въ сновидѣнiи на ея мѣсто и отождествляетъ себя при помощи созданiя симптома (неосуществленнаго желанiя). Выражаясь точнѣе, процессъ этотъ совершается слѣдуюшимъ образомъ: она заступаетъ въ сновидѣнiи мѣсто подруги, потому что та заступаетъ ея мѣсто подлѣ ея мужа, и потому что ей бы хотѣлось занять ея мѣсто въ мнѣнiи мужа.

Въ болѣе простой формѣ и все же согласно той схемѣ, что неосуществленiе одного желанiя означаетъ собою осуществленiе другого, разрѣшается и протестъ противъ моей теорiи у другой пацiентки. Однажды я объяснилъ ей, что на мой взглядъ сновидѣнiе представляетъ собою осуществленiе желанiя; на слѣдующiй день она сообщила мнѣ, что ей снилось, будто она со своей свекровью поселилась на одной и той же дачѣ. Я между тѣмъ зналъ, что ей не хотѣлось проводить лѣто вмѣстѣ со сверковью; зналъ также и то, что она избѣгала этого, снявъ себѣ дачу далеко отъ обычнаго мѣста жительства свекрови. Сновидѣнiе же, однако, превратило осуществленное желанiе въ неосуществленное; развѣ не служитъ оно яркимъ опроверженiемъ моей теорiи? Конечно, достаточно было сдѣлать только выводъ изъ этого сновидѣнiя, чтобы произвести его толкованiе. Сновидѣнiе это доказывало мою неправоту; такимъ образомъ, ея желанiемъ было, чтобы я оказался неправъ, и сновидѣнiе осуществило именно ея желанiе. Желанiе, чтобы я оказался неправъ, касалось, однако, въ дѣйствительности другого болѣе серьезнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что изъ матерiала, бывшаго у меня послѣ лѣченiя ее психоанализомъ, я понялъ, что въ ея жизни произошло нѣчто, послужившее непосредственной причиной ея заболѣванiя. Она отрицала это и не могла вспомнить ничего

подобнаго. Вскорѣ, однако, мы убѣдились, что я былъ правъ. Такимъ образомъ ея желаніе, чтобы я оказался неправымъ, проявившееся въ сновидѣніи о ея совмѣстной жизни со свекровью, соотвѣтствовало вполнѣ справедливому желанію, чтобы подозрѣваемое мною событіе никогда не имѣло мѣста въ дѣйствительности.

Безъ всякаго анализа, исключительно при посредствѣ простого предположенія, я разъяснилъ сновидѣніе одного изъ моихъ пріятелей, вмѣстѣ со мной окончившаго гимназію. Однажды онъ слушалъ мою лекцію и узналъ изъ нея, что, по моему, сновидѣніе представляетъ собою осуществленіе желанія. Послѣ лекціи онъ отправился домой, и ему приснилось, что онъ проигралъ всѣ свои процессы,—онъ былъ адвокатомъ. Онъ явился ко мнѣ и сообщилъ объ этомъ. Я отвѣтилъ ему: Нельзя же всѣ процессы выигрывать,—про себя однако подумалъ: если я въ теченіе восьми лѣтъ былъ въ гимназіи первымъ ученикомъ, а онъ однимъ изъ послѣднихъ, то развѣ не удивительно, что у него съ дѣтскихъ лѣтъ сохранилось желаніе, чтобы я когда-нибудь осрамился?

Другое сновидѣніе болѣе мрачнаго характера было мнѣ сообщено одной моей паціенткой, тоже въ видѣ протеста противъ моей теоріи осуществленія желаній. Паціентка моя, молодая дѣвушка, разсказала мнѣ слѣдующее сновидѣніе: «Вы, кажется, знаете, что у моей сестры теперь всего одинъ сынъ Карлъ; старшій Отто умеръ, когда я еще жила у нея въ домѣ. Отто былъ моимъ любимцемъ,—я сама его воспитала. Младшаго я тоже очень любила, но во всякомъ случаѣ далеко не такъ, какъ покойнаго. Сегодня же ночью мнѣ вдругъ приснилось, что Карлъ умеръ: онъ лежитъ въ маленькомъ гробу, сложивъ на груди руки; вокругъ него горятъ свѣчи все равно, какъ тогда вокругъ Отто, смерть котораго меня такъ потрясла. Скажите же мнѣ, что это значитъ? Вы же меня знаете, развѣ я уже такая дурная, чтобы могла пожелать смерти Карлу? Или же мое сновидѣніе означаетъ, что мнѣ бы хотѣлось, чтобы лучше умеръ Карлъ, чѣмъ Отто, котораго я гораздо больше любила?»

Я увѣрилъ ее, что дѣло обстоитъ не такъ уже страшно. Подумавъ немного, я далъ правильное толкованіе сновидѣнія, которое она затѣмъ подтвердила. Мнѣ это тоже было не трудно, потому что я зналъ всю исторію жизни моей паціентки.

Рано осиротѣвъ, дѣвушка воспитывалась въ домѣ своей стар-

шей сестры и встрѣтила тамъ человѣка, который произвелъ неизгладимое впечатлѣніе на ея сердце. Одно время думали, что ея увлеченіе приведетъ къ желанному результату—свадьбѣ, но послѣдней помѣшала сестра. Мотивы ея поступка такъ и остались невыяснены. Послѣ разрыва господинъ, въ котораго влюбилась моя паціентка, пересталъ бывать въ домѣ ея сестры. Сама же моя паціентка нѣкоторое время спустя, послѣ смерти маленькаго Отто, на котораго обратилось все ея любвеобильное сердце, ушла отъ сестры. Ей не удалось, однако, освободиться всецѣло отъ чувства къ этому человѣку. Гордость запрещала ей встрѣчаться съ нимъ: но она была не въ силахъ полюбить и другого. Когда любимый ею человѣкъ, получившій между тѣмъ каѳедру, читалъ гдѣ-нибудь лекцію, она постоянно присутствовала на ней и вообще старалась видѣть его, оставаясь въ то же время незамѣченной. Я вспомнилъ, что на-дняхъ она мнѣ разсказывала, что профессоръ бываетъ на концертахъ, она тоже собирается пойти туда, чтобы опять увидѣть его. Это было какъ разъ наканунѣ сновидѣнія, и концертъ долженъ былъ состояться какъ разъ въ тотъ день, когда она пришла ко мнѣ. Мнѣ было поэтому легко истолковать ея сновидѣніе, и я задалъ ей вопросъ, не помнитъ ли она о какомъ-либо событіи, тѣсно связанномъ со смертью маленькаго Отто. Она отвѣтила тотчасъ же Конечно, въ тотъ день къ нимъ въ домъ пришелъ профессоръ и я послѣ долгаго промежутка свидѣлась съ нимъ у гроба мальчика.—Это какъ разъ соотвѣтствовало моему предположенію, и я истолковалъ ея сновидѣніе слѣдующимъ образомъ: Если бы теперь умеръ второй мальчикъ, то повторилось бы то же самое. Вы провели бы весь день у сестры, къ ней, навѣрное пришелъ бы профессоръ, чтобы выразить свое соболѣзнованіе, и вы бы увидѣли его совершенно въ той же обстановкѣ, что и тогда. Сновидѣніе означаетъ не что иное, какъ ваше желаніе снова увидѣться съ нимъ, желаніе, съ которымъ вы внутренне боретесь. Я знаю, что у васъ въ карманѣ билетъ на сегодняшній концертъ. Ваше сновидѣніе выражаетъ ваше нетерпѣніе, оно предвосхитило ваше свиданіе съ этимъ человѣкомъ, которое должно произойти сегодня вечеромъ».

Для сокрытія своего желанія она, очевидно, избрала ситуацію, въ которой такія желанія наиболѣе легко подавляются: ситуацію, въ которой человѣкъ настолько преисполненъ скорбью, что забываетъ даже о любви. Тѣмъ не менѣе возможно, что и въ реальной ситуаціи, которую правильно воспроизвело сновидѣніе,—у гроба перваго любимаго ею мальчика, она не сумѣла

подавить нѣжнаго чувства къ профессору, котораго такъ давно не видала.

Иное толкованіе я далъ аналогичному сновидѣнію другой паціентки, выдѣлявшейся прежде своею находчивостью, остроуміемъ и жизнерадостностью и обнаружившей теперь всѣ эти качества во время моего психоанализа. Этой дамѣ приснилось, что ея единственная 15-лѣтняя дочь умерла и лежитъ передъ нею въ большой коробкѣ. Она, по примѣру другихъ, воспользовалась этимъ сновидѣніемъ для опроверженія моей теоріи осуществленія желаній, хотя и предчувствовала, что наличность «коробки», навѣрное, укажетъ ей путь къ другому толкованію сновидѣнія*). При анализѣ ей пришло въ голову, что она наканунѣ вечеромъ была въ обществѣ; тамъ между прочимъ зашла рѣчь объ англійскомъ словѣ «box», которое имѣетъ столь различныя значенія: коробка, ящикъ, жестянка, пощечина и т. д. На основаніи другихъ элементовъ того же сновидѣнія можно было констатировать, что она думала о созвучіи англійскаго слова «box» съ нѣмецкимъ «Büchse» (жестянка) и что затѣмъ ей пришло въ голову, что «Büchse» служитъ для вульгарнаго наименованія женскихъ половыхъ органовъ. Относясь снисходительно къ ея познаніямъ въ топографической анатоміи, можно было предположить поэтому, что ребенокъ въ «коробкѣ» означаетъ плодъ въ материнскомъ чревѣ. Согласившись съ этимъ, она не стала отрицать, что сновидѣніе дѣйствительно соотвѣтствуетъ одному изъ ея желаній. Какъ многія молодыя женщины, она не особенно обрадовалась беременности и не разъ признавалась себѣ въ желаніи, чтобы ребенокъ родился мертвымъ. Однажды послѣ ссоры съ мужемъ она въ припадкѣ бѣшенства стала колотить кулаками по животу, чтобы убить ребенка. Мертвый ребенокъ былъ дѣйствительно осуществленіемъ ея желанія, но желанія, устраненнаго не менѣе пятнадцати лѣтъ назадъ. Не удивительно поэтому, что осуществленіе такого желанія не сразу бросилось въ глаза. За это время многое измѣнилось.

Группа сновидѣній, къ которой относятся два послѣднихъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ смерть близкихъ людей, заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Но я оставлю его до изслѣдованія типическихъ сновидѣній: тамъ на многихъ другихъ примѣрахъ я сумѣю показать, что несмотря на нежелательное содержаніе всѣхъ этихъ сновидѣній, они оказываются осуществленіями желаній. Не паціенту, а одному моему знакомому, чрезвычайно

*) Подобно тому, какъ въ сновидѣніи о неудавшемся ужинѣ копченая лососина.

интеллигентному юристу, я обязанъ сообщенiемъ нижеслѣдующаго сновидѣнія, которое было мнѣ разсказано опять-таки съ намѣренiемъ удержать меня отъ скороспѣлаго обобщенія моей теоріи осуществленія желаній. «Мнѣ снилось», сообщилъ мнѣ мой знакомый, «что я подхожукъ моему дому подъ руку съ одной дамой. Тамъ меня ждетъ закрытая карета: ко мнѣ подходитъ какой-то человѣкъ и говоритъ, что онъ полицейскій агентъ и приглашаетъ меня слѣдовать за нимъ. Я прошу его дать мнѣ время привести въ порядокъ дѣла.—Неужели по вашему дѣйствительно мнѣ такъ хочется быть арестованнымъ?»—Конечно, нѣтъ, приходится мнѣ съ нимъ согласиться. «Быть можетъ вы знаете, по какому поводу васъ хотѣли арестовать?»—«Да, кажется, за дѣтоубійство».—«За дѣтоубійство? Вы же знаете, что это преступленіе совершаетъ обычно лишь мать, убивая новорожденнаго?»—«Вы правы.»*)—«А при какихъ обстоятельствахъ произошло это сновидѣніе? Что вы дѣлали вечеромъ?»—»Мнѣ не хотѣлось бы вамъ разсказывать,—это доволно щекотливый вопросъ».—«Какъ хотите,—мнѣ придется отказаться отъ толкованія вашего сновидѣнія.»—«Ну, такъ слушайте. Я ночевалъ не дома, а у одной дамы, съ которой живу уже довольно долгое время. Подъ утро я крѣпко заснулъ, и мнѣ приснилось то, что вы уже знаете.»—«Это замужняя женщина?»—«Да.»—«А вамъ бы не хотѣлось имѣть отъ нея ребенка?»—«Нѣтъ, нѣтъ, это бы выдало тотчасъ же нашу тайну.»—«Вы имѣете, навѣрное, не нормальный coitus»—«Да, мы примѣняемъ coitus interruptus.»—«Правъ ли буду я, если предположу, что въ эту ночь вы имѣли нѣсколько разъ такой coitus и заснули, испытывая боязливое чувство, что у васъ можетъ родиться ребенокъ?»—«Пожалуй».—«Тогда ваше сновидѣніе—несомнѣнное осуществленіе желанія; благодаря ему вы успокоились: у васъ нѣтъ ребенка или, что почти тоже самое, вы этого ребенка убили. Вотъ вамъ и посредствующія звенья. Вспомните: нѣсколько дней тому назадъ мы говорили съ вами о томъ, что предохранительныя средства отъ беременности вполнѣ дозволены, между тѣмъ, какъ всякое искусственная мѣра, предпринятая послѣ того, какъ яйцо и сѣмя встрѣтились и образовался зародышъ, считается преступленiемъ и карается закономъ. Въ связи съ этимъ

*) Часто наблюдается, что сновидѣніе разсказывается субъектомъ не вполнѣ и лишь во время анализа въ памяти всплываютъ отдѣльные его элементы. Эти вспоминаемые впослѣдствіи элементы и даютъ обычно ключъ къ толкованію сновидѣнія См. ниже о забываніи сновидѣній.

мы вспомнили объ одномъ средневѣковомъ спорѣ, когда, въ сущности, душа вселяется въ зародышъ,—отъ этого зависитъ самое понятіе убійства ребенка! Вы знаете, навѣрное, стихотвореніе Ленау, который ставитъ на одну ступень дѣтоубійство и предотвращеніе беременности.»—«О Ленау я почему-то вспомнилъ сегодня утромъ.»—«Это тоже отголосокъ вашего сновидѣнія. Теперь же я постараюсь найти въ вашемъ сновидѣніи еще одно побочное осуществленіе желанія... Вы подходите къ своему дому подъ руку съ этой дамой. Вы ее ведете, такимъ образомъ, къ себѣ, вмѣсто того, чтобы провести ночь у нея. То, что осуществленіе желанія, образующее центральный пунктъ вашего сновидѣнія, скрывается въ столь непріятной формѣ, имѣетъ повидимому не только одно основаніе. Изъ моей статьи объ этіологіи невроза страха вы могли бы судить, что coitus interruptus я считаю одной изъ важнѣйшихъ причинъ возникновенія невротическихъ страховъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если послѣ такого coitus'а у васъ появилось боязливое чувство, которое и составило одинъ изъ элементовъ вашего сновидѣнія. Этимъ чувствомъ вы пользуетесь и для того, чтобы замаскировать осуществленіе желанія. Впрочемъ, дѣтоубійство этимъ вѣдь еще не объясняется. Какъ вамъ пришло въ голову это специфически женское преступленіе?»—«Долженъ признаться вамъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ причастенъ къ аналогичному дѣлу. Я былъ виною того, что одна дѣвушка произвела вытравленіе плода, опасаясь послѣдствій связи со мной. Я, конечно, въ сущности непричастенъ къ ея поступку, но долгое время находился въ вполнѣ понятномъ страхѣ, что дѣло выйдетъ наружу.»—«Вполнѣ понятно,—это воспоминаніе служитъ второй причиной того, почему мысль о неудачномъ coitus interruptus вселила въ васъ столь непріятное чувство».

Одинъ молодой врачъ, которому я сообщилъ это сновидѣніе, настолько заинтересовался имъ, что ему въ ту же ночь приснилось другое, аналогичное, имѣвшее, однако, своимъ объектомъ совершенно другую область. Наканунѣ онъ подалъ въ магистратъ свѣдѣнія о своихъ доходахъ; они были вполнѣ правдивы, такъ какъ онъ дѣйствительно зарабатывалъ немного. Ему приснилось, однако, что къ нему приходитъ знакомый, бывшій на засѣданіи податной комиссіи и разсказываетъ, что всѣ свѣдѣнія были признаны правильными и лишь его свѣдѣнія возбудили общее недовѣріе: онъ будто присужденъ къ довольно значительному штрафу. Сновидѣніе это представляетъ собою плохо скрытое осуществленіе желанія прослыть за врача

съ большой доходной практикой. Оно напоминаетъ, впрочемъ, извѣстную исторію объ одной молодой дѣвушкѣ, которой отсовѣтовали выходить замужъ, такъ какъ ея женихъ очень вспыльчивъ и навѣрное, въ бракѣ будетъ ее бить. Дѣвушка отвѣтила только: «Пусть онъ только попробуетъ.» Ея желаніе выйти замужъ было настолько сильно, что она примирилась даже съ печальной перспективой, связанной съ ея бракомъ, и даже какъ бы желала его.

[Окидывая взглядомъ эти довольно частыя сновидѣнія повидимому прямо противорѣчащія моей теоріи,—всѣ они имѣютъ своимъ содержаніемъ неосуществленіе желанія или же наступленіе нежелательнаго явленія,—я вижу, что ихъ можно свести къ двумъ принципамъ, изъ которыхъ одинъ не былъ мною еще упомянутъ, хотя какъ въ жизни, такъ и въ сновидѣніяхъ людей онъ играетъ видную роль; одною изъ причинъ этихъ сновидѣній является желаніе того, чтобы я оказался неправъ. Эти сновидѣнія наблюдаются постоянно во время моего лѣченія, когда паціентъ, такъ сказать, противится мнѣ, и я почти всегда могу вызвать искусственно такія сновидѣнія, разъясняя подробно паціенту свою теорію осуществленія желаній.*) Нѣтъ ничего удивительнаго, что и мои читатели испытаютъ такія же сновидѣнія: они охотно откажутся въ сновидѣніи отъ какого-либо желанія, лишь бы осуществить желаніе, чтобы я оказался неправъ. Приведу еще одинъ примѣръ такого сновидѣнія, наблюденнаго мною во время лѣченія психоанализомъ одной молодой дѣвушки, которая лѣчится у меня вопреки желанію ея близкихъ и совѣту домашняго врача; ей приснилось слѣдующее сновидѣніе: Дома ей запрещаютъ ходить ко мнѣ. Она напоминаетъ мнѣ о данномъ ей мною обѣщаніи лѣчить ее въ крайнемъ случаѣ безплатно, и я говорю ей, что въ матеріальныхъ вопросахъ я не могу никому оказывать снисхожденія.

Въ этомъ сновидѣніи дѣйствительно трудно прослѣдить осуществленіе желанія, но въ такихъ случаяхъ на ряду съ одной загадкой можно всегда найти и другую, разрѣшеніе которой поможетъ разрѣшенію первой. Откуда взяла она слова, приписываемыя мнѣ ею? Я, понятно, не говорилъ никогда ничего подобнаго, но одинъ изъ ея братьевъ, именно тотъ, кото-

*) [Аналогичныя сновидѣнія неоднократно сообщались мнѣ моими слушателями-студентами: они представляютъ собою несомнѣнную реакцію на ихъ знакомство съ моей теоріей осуществленія желаній].

рый имѣетъ на нее наибольшее вліяніе, высказалъ ей про меня именно такое мнѣніе. Сновидѣніе стремится такимъ образомъ доказать, что ея братъ былъ правъ; считать своего брата справедливымъ она старается не только во снѣ. Это стремленіе всей ея жизни и одинъ изъ мотивовъ ея болѣзни.

Другой мотивъ такихъ сновидѣній, якобы опревергающихъ мою теорію, настолько очевиденъ, что его чрезвычайно легко не замѣтить, какъ мнѣ случалось нерѣдко въ первое время. Въ сексуальной конституціи очень многихъ людей есть не мало мазохистическихъ элементовъ, возникающихъ благодаря превращенію въ свою противоположность другихъ «аггрессивныхъ садистическихъ». Такихъ людей называютъ «идейными мазохистами», если они видятъ наслажденіе не въ причиняемыхъ имъ физическихъ страданіяхъ, а въ униженіи и душевныхъ мученіяхъ. Безъ дальнѣйшихъ поясненій ясно, что эти лица могутъ испытывать сновидѣнія, имѣющія своимъ содержаніемъ неосуществленіе желанія, но кажущіяся имъ, однако, ни чѣмъ инымъ, какъ именно о с у щ е с т в л е н і е м ъ желаній, удовлетвореніемъ ихъ мазохистическихъ наклонностей].

Я надѣюсь, что предыдущихъ разъясненій и примѣровъ достаточно, чтобы показать, что и сновидѣнія съ непріятнымъ содержаніемъ оказываются все тѣми же осуществленіями желаній. Никому не можетъ показаться кромѣ того случайностью, что при толкованіи этихъ сновидѣній мы всякій разъ отклонялись къ вопросамъ, о которыхъ не любятъ говорить и даже не любятъ думать. Непріятное чувство, пробуждаемое такими сновидѣніями, навѣрное попросту идентично съ непріятнымъ чувствомъ, которое удерживаетъ насъ отъ обсужденія этихъ вопросовъ и даже отъ размышленія надъ ними, и которое должно быть преодолено каждымъ изъ насъ, если мы все-таки должны коснуться ихъ. Это повторяющееся такимъ образомъ въ сновидѣніи непріятное чувство не исключаетъ, однако, наличности желаній; у каждаго человѣка есть желанія, которыя онъ не сообщаетъ другимъ, и желанія, въ которыхъ онъ даже не признается себѣ самому.

Съ другой стороны, мы имѣемъ полное основаніе привести въ связь непріятный характеръ всѣхъ этихъ сновидѣній съ фактомъ искажающей дѣятельности послѣднихъ и заключить отсюда, что эти сновидѣнія потому такъ искажены и исполненіе желанія въ нихъ потому такъ глубоко скрыто, что въ нихъ заложено недовольство вопросомъ, трактуемымъ въ сновидѣніяхъ, и желаніями, изображенными въ нихъ. Искажающая дѣятельность

сновидѣнія оказывается въ дѣйствительности дѣятельностью цензуры. Мы учтемъ все, что далъ намъ анализъ непріятныхъ сновидѣній, если слѣдующимъ образомъ измѣнимъ нашу формулу, выражающую сущность сновидѣнія: Сновидѣніе представляетъ собою (скрытое) осуществленіе (подавленнаго, вытѣсненнаго) желанія.

Намъ остаются еще сновидѣнія страха; они представляютъ собою особую разновидность сновидѣній съ непріятнымъ содержаніемъ и наличность въ нихъ осуществленія желаній должна встрѣтить наибольшее сопротивленіе со стороны многихъ противниковъ. Однако, сновидѣнія страха разъясняются чрезвычайно легко, они не образуютъ собою новой стороны проблемы сновидѣнія: тутъ идетъ попросту рѣчь о пониманіи невротическихъ страховъ. Страхъ, ощущаемый нами въ сновидѣніи, лишь мнимо объясняется содержаніемъ послѣдняго. Когда мы подвергаемъ толкованію это содержаніе, то замѣчаемъ, что страхъ не оправдывается содержаніемъ сновидѣнія, все равно, какъ страхъ при какой-либо фобіи чрезвычайно мало объясняется представленіемъ, съ которымъ связана эта фобія. Хотя, напримѣръ, и правильно, что человѣкъ можетъ выпасть изъ окна и поэтому имѣетъ основаніе быть осторожнымъ, подходя къ окну, но совершенно невозможно понять, почему при соотвѣтственной фобіи страхъ настолько великъ, что мѣшаетъ больному вообще подходить къ окну. То же самое относится и къ сновидѣніямъ страха. Страхъ и тутъ и тамъ лишь дополняетъ сопутствующее представленіе и проистекаетъ совершенно изъ другихъ источниковъ.

Касаясь этой тѣсной связи страха въ сновидѣніи со страхомъ при неврозахъ, я при разсмотрѣніи перваго долженъ сослаться на второй. Въ небольшой статьѣ относительно «неврозовъ страха» я въ свое время говорилъ, что невротическій страхъ проистекаетъ изъ сексуальной жизни и соотвѣтствуетъ подавленной, неудовлетворенной libido. Это утвержденіе какъ разъ оказалось справедливымъ на практикѣ. Изъ него же можно заключить, что сновидѣнія страха суть сновидѣнія съ сексуальнымъ содержаніемъ: libido превращается въ нихъ въ страхъ. Ниже мы будемъ имѣть случай подтвердить это положеніе анализомъ нѣкоторыхъ сновидѣній у невротиковъ. Въ дальнѣйшихъ попыткахъ приблизиться къ теоріи сновидѣнія я коснусь еще обсужденія этихъ сновидѣній и ихъ отношенія къ теоріи осуществленія желаній.

V.

Матеріалъ и источники сновидѣній.

Когда изъ анализа сновидѣнія объ инъекціи Ирмѣ мы увидѣли, что сновидѣніе представляетъ собою осуществленіе желанія, мы прежде всего заинтересовались тѣмъ,—открыли ли мы тѣмъ самымъ общій характеръ сновидѣній; мы заставили на время замолкнуть всякій другой научный интересъ, который могъ проявиться у насъ во время этого анализа. Достигнувъ теперь этой цѣли, мы можемъ вернуться обратно и избрать новый исходный пунктъ для нашего изслѣдованія проблемы сновидѣнія, хотя намъ для этого и пришлось бы оставить не на долго въ сторонѣ еще не окончательно разсмотрѣнную нами теорію осуществленія желаній.

Научившись, путемъ примѣненія нашего метода толкованія сновидѣній, раскрывать скрытый смыслъ послѣднихъ, далеко оставляющій позади по своей важности явное ихъ содержаніе, мы должны снова подвергнуть разсмотрѣнію отдѣльныя проблемы сновидѣнія, чтобы попытаться установить, не разрѣшаются ли благодаря этому всѣ тѣ загадки и противорѣчія, которыя казались намъ непостижимыми, когда мы имѣли передъ собою лишь явное содержаніе сновидѣнія.

Мнѣнія ученыхъ относительно взаимоотношенія сновидѣнія и бодрственной жизни, а также и относительно матеріала сновидѣнія подробно изложены нами въ первой главѣ.

Вспомнимъ же тѣ три главныхъ особенности памяти въ сновидѣніи, о которыхъ мы такъ много говорили, но которыя остались для насъ непонятными:

1. То, что сновидѣніе отдаетъ предпочтеніе впечатлѣніямъ предыдущихъ дней [Робертъ[55]), Штрюмпель[66]), Гильдебрандтъ[35]), Уидъ Галламъ.[33])];

2. То, что оно производитъ подборъ на основаніи другихъ принциповъ, нежели бодрствующая память; оно, вспоминаетъ не существенное и важное, а второстепенное и незначительное;

3. То, что въ его распоряженіи находятся наши раннія воспоминанія дѣтства; оно воспроизводитъ даже детали изъ этого періода, которые намъ кажутся тривіальными и которые въ бодрственной жизни, какъ намъ кажется, нами давно уже позабыты*).

Эти особенности въ подборѣ матеріала сновидѣнія подмѣчены изслѣдователями, разумѣется, въ явномъ его содержаніи.

а) «Свѣжее» и безразличное въ сновидѣніи.

Если теперь относительно происхожденія элементовъ содержанія сновидѣнія я привлеку на помощь собственный опытъ, то прежде всего долженъ буду выставить утвержденіе, что въ каждомъ сновидѣніи можно найти связь съ переживаніями предыдущаго дня. Какое бы сновидѣніе я ни бралъ, свое собственное или чужое,—всякій разъ мое мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе. Принимая во вниманіе это обстоятельство, я могу начинать толкованіе сновидѣнія съ изслѣдованія переживаній предыдущаго дня, вызвавшихъ это сновидѣніе; для многихъ случаевъ это—даже наикратчайшій путь. Въ обоихъ сновидѣніяхъ, подвергнутыхъ нами подробному анализу въ предыдущей главѣ (объ инъекціи Ирмѣ и о моемъ дядѣ съ рыжей бородой), связь съ дневными впечатлѣніями настолько очевидна, что она не требуетъ дальнѣйшаго поясненія. Чтобы показать, однако, насколько постоянно такое взаимоотношеніе, я приведу нѣсколько примѣровъ изъ своихъ собственныхъ сновидѣній. Я сообщаю здѣсь эти сновидѣнія лишь постольку, поскольку это необходимо для раскрытія источниковъ ихъ.

1. Я прихожу въ домъ, меня съ трудомъ впускаютъ туда и т. д.; на улицѣ меня ждетъ какая-то женщина.

Источникъ: Вечеромъ разговоръ съ одной родственницей, которой приходится ждать, пока она пріобрѣтетъ то, что ей нужно и т. д.

2. Я написалъ монографію о какомъ-то растеніи.

Источникъ: Утромъ въ окнѣ одного книжнаго магазина я видѣлъ монографію о цикламенѣ.

---

*) Ясно, что возрѣніе Роберта, будто сновидѣнія предназначены для разгруженія нашей памяти отъ незначительныхъ впечатлѣній дня, не можетъ быть названо правильнымъ, если въ сновидѣніи всплываютъ нерѣдко безразличныя воспоминанія нашего дѣтства, отсюда слѣдовало бы заключить, что сновидѣнія чрезвычайно несовершенно исполняютъ свою задачу.

3. Я вижу на улицѣ двухъ женщинъ, мать и дочь, изъ которыхъ послѣдняя у меня лѣчится.

Источникъ: Одна моя паціентка наканунѣ вечеромъ сообщила мнѣ, что ея мать противится продолженію ея лѣченія у меня.

4. Въ книжномъ магазинѣ С. я подписываюсь на періодическое изданіе, стоющее 20 г. въ годъ.

Источникъ: Моя жена наканунѣ напомнила мнѣ, что я ей долженъ 50 г.

5. Я получаю циркуляръ отъ соціалъ-демократическаго комитета, изъ котораго я вижу, что меня считаютъ членомъ этой партіи.

Источникъ: Я получилъ циркуляръ отъ либеральнаго избирательнаго комитета и отъ президіума гуманитарнаго союза, членомъ котораго я дѣйствительно состою.

6. Я вижу человѣка на крутой скалѣ посреди моря. Ландшафтъ напоминаетъ мнѣ картину Беклина.

Источникъ: Дрейфусъ на Чортовомъ островѣ; извѣстіе, полученное мною отъ моихъ родственнаковъ изъ Англіи и т. п.

Возникаетъ вопросъ: связано ли всегда сновидѣніе съ событіями предыдущаго дня, или же оно простирается на впечатлѣнія болѣе значительнаго промежутка послѣдняго времени. Вопросъ этотъ не имѣетъ, конечно, особаго прицbackground принципіальнаго значенія, но все же мнѣ бы хотѣлось высказаться за преимущественную роль дня, предшествующаго сновидѣнію. Всякій разъ, когда мнѣ представляется, будто источникомъ сновидѣнія было впечатлѣніе, воспринятое два-три дня назадъ, я при ближайшемъ разсмотрѣніи убѣждаюсь, что это впечатлѣніе снова повторилось наканунѣ и что такимъ образомъ между днемъ воспріятія его и сновидѣніемъ имѣется его очевидная репродукція, имѣвшая мѣсто въ предыдущій день; кромѣ того, всякій разъ, мнѣ удается установить новый поводъ, послужившій причиной воспоминанія о болѣе раннемъ впечатлѣніи. [Несмотря на все мое желаніе, мнѣ не пришлось констатировать, что между сновызывающимъ впечатлѣніемъ и воспроизведеніемъ его въ сновидѣніи протекаетъ постоянно интервалъ, имѣющій біологическое значеніе*)].

*) [Г. Свобода, какъ я уже упоминалъ въ первой главѣ, придаетъ большое значеніе открытымъ Флиссомъ біологическимъ интерваламъ въ двадцать три и въ двадцать восемь дней въ сферѣ душевной дѣятельности и утверждаетъ, что эти періоды играютъ рѣшающую роль относительно

Я утверждаю такимъ образомъ, что каждое сновидѣніе вызывается впечатлѣніями, непремѣнно имѣвшими мѣсто въ предыдущій день.

Впечатлѣнія недавняго прошлаго за исключеніемъ дня, предшествующаго сновидѣнію, не имѣютъ такимъ образомъ иного отношенія къ содержанію сновидѣнія, какъ и другія впечатлѣнія изъ любого далекаго періода. Сновидѣніе можетъ избирать матеріалъ изъ всякаго періода жизни, поскольку впечатлѣнія пре-

---

наличности въ сновидѣніи тѣхъ или иныхъ элементовъ. Толкованіе сновидѣній, правда, отнюдь не измѣнилось бы при правильности такого утвержденія, но для происхожденія матеріала сновидѣній открылся бы новый источникъ. Я произвелъ недавно изслѣдованіе собственныхъ сновидѣній, желая провѣрить примѣнимость «теоріи періодовъ» къ матеріалу сновидѣній и избралъ для этого особенно отчетливый элементъ содержанія послѣднихъ, время появленія которыхъ въ жизни можетъ быть съ точностью констатировано.

I. Сновидѣніе 1/2 октября 1910 года.

Я гдѣ-то въ Италіи. Три моихъ дочери показываютъ мнѣ рѣдкости и садятся ко мнѣ на колѣни. Я разсматриваю рѣдкости и, видя одну изъ нихъ, говорю: Вѣдь эту я вамъ подарилъ. Я вижу ясно небольшой барельефъ и узнаю лицо Саванаролы.

Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ портретъ Саванаролы? По даннымъ моей записной книжки я былъ 4 и 5 сентября во Флоренціи; тамъ мнѣ захотѣлось показать моему спутнику барельефъ съ чертами лица фанатичнаго монаха на Піаццѣ Синьоріи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ сожженъ. Съ этого впечатлѣнія до воспроизведенія его въ сновидѣніи прошло двадцать восемь дней,—„женскій періодъ" по утвержденію Флисса; къ сожалѣнію, однако, я долженъ упомянуть, что наканунѣ сновидѣнія у меня былъ одинъ мой коллега (въ первый разъ послѣ своего возращенія), котораго я уже много лѣтъ въ шутку называю „рабби Саванарола". Онъ привезъ ко мнѣ одного больного, искалѣченнаго во время крушенія на желѣзной дорогѣ,—на той самой, по которой я ѣхалъ недѣлю назадъ, возвращаясь изъ Италіи. Наличность элемента „Саванарола" въ сновидѣніи объясняется посѣщеніемъ коллеги, и двадцати-восьмидневный интервалъ теряетъ свое преимущественное значеніе.

II. Сновидѣніе 10/11 октября.

Я занимаюсь химіей въ университетской лабораторіи. Гофратъ Л. предлагаетъ мнѣ пойти съ нимъ куда-то и идетъ впередъ по коридору, держа передъ собою въ поднятой рукѣ лампу или еще что-то; у него странная поза, онъ вытянулъ впередъ шею. Мы проходимъ по большой площади... (остальное забыто).

Въ этомъ сновидѣніи больше всего бросается въ глаза то, какимъ образомъ гофратъ Л. держитъ лампу (или лупу),—и испытующе смотритъ въ пространство. Л. я не видѣлъ уже много лѣтъ, но понимаю, что онъ лишь замѣщаетъ собою нѣчто другое: статую Архимеда въ Сиракузахъ, стоящую именно въ такой позѣ съ лупой и со взглядомъ, устремленнымъ на осадное войско римлянъ. Когда я въ первый (или въ послѣдній) разъ видѣлъ эту статую? Я былъ въ Сиракузахъ 17-го сентября вече-

дыдущаго дня («свѣжія» впечатлѣнія) могутъ протянуть идейную нить этимъ болѣе раннимъ.

Чѣмъ же объясняется эта преимущественная роль свѣжихъ впечатлѣній? Мы постараемся уяснить себѣ это, подвергнувъ детальному анализу одно изъ вышеупомянутыхъ сновидѣній. Возьмемъ хотя бы сновидѣніе о монографіи.

Содержаніе сновидѣнія: Я написалъ монографію объ одномъ растеніи. Книга лежитъ

ромъ.-такимъ образомъ до сновидѣнія прошло дѣйствительно двадцать три дня—„мужской періодъ" по Флису.

Къ сожалѣнію, толкованіе этого сновидѣнія умаляетъ и здѣсь значеніе этой теоріи. Поводомъ къ сновидѣнію послужило извѣстіе, полученное мною наканунѣ, что клиника, въ аудиторіи которой я читаю свои лекціи, переводится въ другое мѣсто. Новое помѣщеніе мнѣ очень не нравилось, и я подумалъ, что это все равно, что не имѣть никакой аудиторіи; отсюда мои мысли устремились, очевидно, къ началу моей профессорско деятельности, когда у меня дѣйствительно не было аудиторіи и мои старанія раздобыть таковую рушились о нелюбезность достопочтенныхъ профессоровъ. Я отправился тогда къ Л., который занималъ въ то время должность декана и котораго я считаю къ себѣ расположеннымъ. Онъ обѣщалъ помочь мнѣ, но не сдержалъ этого обѣщанія. Въ сновидѣніи же онъ—Архимедъ—,и ведетъ меня дѣйствительно въ другое помѣщеніе. Что мыслямъ, содержащимся въ сновидѣніи, не чужда ни месть, ни сознаніе собственнаго достоинства, доказываетъ, любое толкованіе. На мой взглядъ; безъ этого повода мнѣ едва ли приснился бы въ ту ночь Архимедъ; я не знаю, не проявлялись ли и черезъ другой болѣе продолжительный промежутокъ времени сильныя и еще свѣжія впечатлѣнія о Сиракузской статуѣ.

III. Сновидѣніе 2/3 октября 1910 года.

Мнѣ снится профессоръ Озеръ; онъ самъ составляетъ для меня меню, что дѣйствуетъ на меня успокаивающе... (остальное забыто).

Сновидѣніе является реакціей на разстройство пищеваренія предыдущаго дня, заставившее меня подумать, не обратиться ли мнѣ относительно установленія діэты къ одному изъ своихъ коллегъ. То, что я во снѣ приписываю эту роль умершему лѣтомъ Озеру, связывается съ недавнею (1 октября) смертью другого высокочтимаго мною профессора. Когда же однако умеръ Озеръ и когда узналъ я объ его смерти? Умеръ онъ 22 августа: такъ какъ я въ то время былъ въ Голландіи, куда мнѣ регулярно посылались вѣнскія газеты, то я прочелъ извѣстіе объ его смерти лишь 24 или 25 августа. Промежутокъ этотъ уже не соотвѣтствуетъ никакому періоду, онъ равняется тридцати девяти или тридцати восьми днямъ. Я не припомню, чтобы я за все это время говорилъ или даже думалъ объ Озерѣ.

Такіе различные по своей продолжительности періоды встрѣчаются въ моихъ сновидѣніяхъ чаще, нежели регулярные. Постоянной мнѣ кажется лишь утверждаемая мною связь между сновидѣніями и впечатлѣніями предыдущаго дня].

передо мною, я разсматриваю содержащiяся въ ней таблицы въ краскахъ. Къ книгѣ приложены засушенные экземпляры растенiй, какъ въ гербарiи.

Анализъ: Утромъ въ витринѣ одного книжнаго магазина я видѣлъ новую книгу съ заглавiемъ: «Цикламенъ». По всей вѣроятности это была монографiя объ этомъ растенiи.

Цикламенъ—любимый цвѣтокъ моей жены. Я упрекаю себя, что очень рѣдко дарю ей цвѣты, которые она такъ любитъ. Прм мысли «дарить цвѣты» я вспоминаю объ одномъ эпизодѣ, разсказанномъ мною недавно въ кругу друзей въ видѣ доказательства моего утвержденiя, что забыванiе очень часто является осуществленiемъ безсознательнаго намѣренiя и во всякомъ случаѣ даетъ возможность предполагать о скрытомъ намѣренiи забывающаго. Одна молодая женщина, которая привыкла, чтобы въ день ея рожденiя мужъ дарилъ ей цвѣты, въ этомъ году не нашла ихъ на столѣ и расплакалась. Пришелъ ея мужъ и не могъ понять причины ея слезъ, пока она ему не сказала: «Сегодня день моего рожденiя». Онъ ударяетъ себя по лбу и восклицаетъ: «Прости, я совершенно забылъ»,—и хочетъ пойти купить ей цвѣты, но она не утѣшается этимъ, потому что въ забывчивости мужа видитъ доказательства того, что она въ его мысляхъ не играетъ уже такой роли, какъ прежде.—Эту госпожу Л. встрѣтила на-дняхъ моя жена; она ей сообщила, что чувствуетъ себя хорошо и освѣдомилась о моемъ здоровьѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она у меня лѣчилась.

Далѣе: я дѣйствительно когда-то написалъ нѣчто въ родѣ монографiи объ одномъ растенiи,—изслѣдованiе свойствъ растенiя «кока», обратившее на себя вниманiе К. Коллера, который заинтересовался анестезирующимъ свойствомъ кокаина. Я упомянулъ объ этомъ свойствѣ алкалоида въ своей работѣ, но не подвергъ его детальному изслѣдованiю. Мнѣ вспоминается, что утромъ послѣ сновидѣнiя (къ толкованiю его я приступилъ лишь вечеромъ) я думалъ о кокаинѣ. Еслибы, думалъ я, у меня сдѣлалась глаукома, я бы отправился въ Берлинъ и далъ бы себя оперировать, не называя, однако, своего имени. Врачъ, который бы не зналъ, кому онъ дѣлаетъ операцiю, навѣрное бы сталъ бы говорить о томъ, какъ легки теперь эти операцiи благодаря введенiю кокаина; я не подалъ бы и виду, что самъ причастенъ къ этому открытiю. Отсюда мои мысли направились къ тому, какъ все же неловко врачу обращаться за помощью къ своимъ коллегамъ. Берлинскому хирургу, который

меня не знаетъ, я бы, конечно, сумѣлъ заплатить. Вспомнивъ объ этихъ мысляхъ, я замѣтилъ, что позади нихъ скрывается воспоминаніе объ одномъ моемъ переживаніи. Вскорѣ послѣ открытія Коллера, мой отецъ заболѣлъ глаукомой; его другъ, окулистъ, докторъ Кенигштейнъ, сдѣлалъ ему операцію; докторъ Коллеръ впрыснулъ ему кокаинъ и замѣтилъ при этомъ, что въ этой операціи принимаютъ участіе всѣ лица, которымъ медицина обязана открытіемъ анестезирующаго свойства кокаина.

Мнѣ хочется констатировать, когда я въ послѣдній разъ вспомнилъ объ этой исторіи съ кокаиномъ. Я припоминаю, что это было нѣсколько дней тому назадъ, когда мнѣ въ руки попался коллективный трудъ, выпущенный благодарными учениками къ юбилею ихъ учителя и завѣдующаго лабораторіей. Въ перечисленіи заслугъ этой лабораторіи я нашелъ, что именно въ ней Коллеръ и открылъ анестезирующее свойство кокаина. Я понимаю неожиданно, что мое сновидѣніе находится въ связи съ однимъ изъ переживаній предыдущаго вечера. Я провожалъ домой доктора Кенигштейна и завязалъ съ нимъ разговоръ по поводу одного вопроса, который меня всегда интересуетъ: дойдя съ нимъ до его двери, мы встрѣтили профессора Гертнера (Gärtner—по-нѣмецки—садовникъ) съ его молодой женой. Я не могъ удержаться, чтобы не высказать комплимента: какой у нихъ обоихъ цвѣтущій видъ. Профессоръ Гертнеръ—одинъ изъ авторовъ коллективнаго труда, о которомъ я только что упоминалъ; онъ, повидимому, и напомнилъ мнѣ о немъ. Госпожа Л., о непріятномъ разочарованіи которой въ день ея рожденія я сообщалъ выше, была также упомянута въ моемъ разговорѣ съ докторомъ Кенигштейномъ,—правда, по другому поводу.

Я попытаюсь истолковать и другіе элементы моего сновидѣнія. Къ монографіи приложены засушенные экземпляры растеній, точно это гербарій. Съ гербаріемъ у меня связано одно гимназическое воспоминаніе. Директоръ нашей гимназіи поручилъ однажды ученикамъ старшихъ классовъ просмотрѣть и почистить гербарій нашего ботаническаго кабинета. Въ немъ оказались маленькіе черви,—книжные черви. Ко мнѣ онъ не питалъ, повидимому, особаго довѣрія и далъ мнѣ поэтому всего лишь нѣсколько страницъ. Я сейчасъ еще помню, что это былъ какъ разъ отдѣлъ крестоцвѣтныхъ. Къ ботаникѣ я никогда не питалъ особой любви. На экзаменѣ по этому предмету мнѣ пришлось тоже опредѣлять какъ разъ крестоцвѣтныя—и я ихъ не узналъ. Я, навѣрное, провалился бы,

если бы меня не выручили мои теоретическія познанія.—Отъ крестоцвѣтныхъ я перехожу къ сложноцвѣтнымъ. Въ сущности, вѣдь и артишоки—сложноцвѣтныя, а артишоки—мои любимые овощи. Будучи болѣе благородной, чѣмъ я, моя жена часто покупаетъ ихъ мнѣ на базарѣ.

Я вижу передъ собою монографію, написанную мною самимъ. Это тоже имѣетъ свое основаніе. Одинъ мой другъ написалъ мнѣ вчера изъ Берлина: «Твоя книга о сновидѣніяхъ страшно интересуетъ меня, я уже вижу ее передъ собою, мнѣ кажется, что я даже перелистываю ее».

Таблицы въ краскахъ. Будучи студентомъ, я постоянно старался изучать медицину не по учебникамъ, а по отдѣльнымъ монографіямъ; у меня въ то время, несмотря на мои ограниченныя средства, было много медицинскихъ атласовъ, и я постоянно восторгался таблицами въ краскахъ. Я гордился своимъ стремленіемъ къ основательиому изученію. Когда я затѣмъ самъ сталъ писателемъ, мнѣ пришлось самому рисовать таблицы, и я помню, что одна изъ нихъ вышла настолько плоха, что одинъ мой коллега отъ души смѣялся надо мною. Сюда же присоединяется и еще одно раннее воспоминаніе дѣтства. Мой отецъ шутки ради отдалъ мнѣ и моей старшей сестрѣ книгу съ раскрашенными картинками (описаніе путешествія въ Персію) и велѣлъ намъ ее разорвать Съ педагогической точки зрѣнія это едва ли было разумно. Мнѣ въ то время было пять лѣтъ, а сестрѣ три года, и этотъ эпизодъ, когда мы, дѣти, съ радостью распотрошили книгу (точно артишоки, листъ за листомъ) почти единственный, который запечатлѣлся въ моей памяти изъ этого періода жизни. Когда я затѣмъ сталъ студентомъ, у меня появилась страсть къ собиранію книгъ (аналогично склонности изучать по монографіямъ,—это—особая страсть, любовь, проявляющаяся уже въ мысляхъ сновидѣнія, относительно цикламена и артишокъ). Я сталъ книжнымъ червемъ, книгоѣдомъ (ср. гербарій). Эту свою первую склонность въ жизни я всегда сводилъ къ этому впечатлѣнію или вѣрнѣе, призналъ, что этотъ эпизодъ послужилъ «кроющимъ воспоминаніемъ» моей послѣдующей библіофилии *). Мнѣ пришлось, конечно, убѣдиться въ томъ, что всѣ эти увлеченія имѣютъ и свои непріятныя стороны

*) Ср. мою статью «О кроющихъ воспоминаніяхъ» въ «Monatsschrift für Psychiatrie и Neurologie», 1899 г.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, я настолько задолжалъ книгопродавцу, что не могъ заплатить, и отецъ мой не счелъ даже извинительнымъ то, что тратилъ деньги на книги, а не на что-либо другое. Воспоминаніе объ этомъ юношескомъ эпизодѣ приводитъ меня тотчасъ же къ разговору съ моимъ другомъ, докторомъ *Кенигштейномъ*. Разговоръ съ нимъ наканунѣ сновидѣнія касался именно тѣхъ же упрековъ въ моихъ частыхъ «*увлеченіяхъ*».

По причинамъ, сюда не относившихся, я не буду продолжать толкованія этого сновидѣнія, а лишь намѣчу тотъ путь, по которому оно пойдетъ. Во время толкованія я вспомнилъ о разговорѣ съ докторомъ *Кенигштейномъ*,—не только по одному поводу. Когда я вспоминаю, о чемъ мы говорили съ нимъ, смыслъ сновидѣнія становится мнѣ понятнымъ. Всѣ вышеупомянутые элементы,—увлеченія моей жены и мои собственныя, кокаинъ, неловкость, увлеченія монографіями и мое невѣжество въ ботаникѣ,—все это получаетъ свое продолженіе и объединяется въ одно цѣлое. Сновидѣніе получаетъ снова характеръ оправданія, защищаетъ мое право, все равно какъ и первое сновидѣніе объ инъекціи Ирмѣ; даже больше,—оно продолжаетъ начатую этимъ тему и иллюструруетъ ее новымъ матеріаломъ, который былъ воспринятъ мною въ промежуткѣ между двумя этими сновидѣніями. Даже, повидимому, безразличная форма выраженія сновидѣнія получаетъ свой смыслъ: я все же человѣкъ, который написалъ довольно цѣнное изслѣдованіе (о кокаинѣ). Я не произвожу здѣсь дальнѣйшаго толкованія, такъ какъ къ сообщенію этого сновидѣнія меня побудило лишь желаніе показать на примѣрѣ взаимоотношеніе сновидѣнія и вызвавшаго его переживанія предыдущаго дня. До тѣхъ поръ, какъ я зналъ лишь явное содержаніе этого сновидѣнія, до тѣхъ поръ сновидѣніе было связано, повидимому, лишь съ однимъ впечатлѣніемъ; послѣ же анализа нашелся и второй его источникъ въ другомъ переживаніи того же дня. Первое впечатлѣніе, съ которымъ связано сновидѣніе, играетъ второстепенную роль. Я вижу въ витринѣ книгу, читаю ея заглавіе, но содержаніе ея едва ли интересуетъ меня. Второе же переживаніе имѣло высокую психическую цѣнность. Я почти цѣлый часъ бесѣдовалъ съ моимъ другомъ—окулистомъ, далъ ему чрезвычайно важное разъясненіе по одному вопросу, въ связи съ которымъ въ моей памяти всплыло давно забытое воспоминаніе. Разговоръ этотъ былъ прерванъ, потому что мы встрѣтили зна-

комыхъ. Въ какомъ же взаимоотношенiи находятся оба эти впечатлѣнiя съ моимъ сновидѣнiемъ?

Въ содержанiи сновидѣнiя я нахожу указанiе на безразличное впечатлѣнiе и поэтому могу утверждать, что сновидѣнiе преимущественно включаетъ въ свое содержанiе второстепенныя впечатлѣнiя. Въ толкованiи же сновидѣнiя все указываетъ на важныя и значительныя переживанiя. Если я опредѣлю смыслъ сновидѣнiя по скрытому его содержанiю, обнаруженному лишь при помощи анализа, то приду къ новому чрезвычайно важному выводу. Утвержденiе, будто сновидѣнiе занимается лишь ничтожными обломками бодрственной жизни, отпадаетъ; я долженъ возстать также и противъ утвержденiя, будто душевная жизнь въ бодрственномъ состоянiи не продолжается въ сновидѣнiи и что сновидѣнiе тратитъ психическую дѣятельность на ничтожный матерiалъ. Я утверждаю, наоборотъ: то, что занимаетъ насъ днемъ, владѣетъ нашимъ мышленiемъ и въ сновидѣнiи.

То же обстоятельство, что мнѣ снится безразличное впечатлѣнiе, между тѣмъ какъ само сновидѣнiе вызвано гораздо болѣе значительнымъ и важнымъ переживанiемъ, объясняется по всей вѣроятности тѣмъ, что здѣсь передъ нами снова искажающая дѣятельность сновидѣнiя, которую мы приписали особой психической силѣ, играющей роль цензуры. Воспоминанiе о монографiи, видѣнной мною въ витринѣ, имѣетъ лишь то значенiе, что она н а в о д и т ъ на разговоръ съ коллегой,—все равно какъ въ сновидѣнiи объ неудавшемся ужинѣ мысль о подругѣ замѣщается представленiемъ о «копченой лососинѣ». Спрашивается только, при помощи какихъ посредствующихъ звеньевъ представленiе о монографiи связуется съ разговоромъ съ коллегой: ихъ взаимоотношенiе довольно туманно. Въ примѣрѣ о неудавшемся ужинѣ соотношенiе болѣе ясно: «копченая лососина», какъ любимое кушанiе подруги, относится непосредственно къ кругу впечатлѣнiй, вызываемыхъ личностью подруги у спящей. Въ нашемъ новомъ примѣрѣ рѣчь идетъ о двухъ отдаленныхъ впечатлѣнiяхъ, которыя имѣютъ между собою лишь то общее, что они восприняты оба въ одинъ и тотъ же день. Монографiю я видѣлъ утромъ, разговоръ съ коллегой велъ вечеромъ. Отвѣтъ, даваемый на это анализомъ, гласитъ слѣдующимъ образомъ: Это соотношенiе обоихъ впечатлѣнiй возникаетъ лишь впослѣдствiи между содержанiемъ перваго и содержанiемъ второго. Я упоминалъ объ интересующихъ насъ посредствующихъ звеньяхъ уже при самомъ изложенiи анализа.

Съ представленіемъ о монографіи, видѣнной мною утромъ, я безъ всякаго вліянія извнѣ связалъ бы лишь ту мысль, что цикламенъ—любимый цвѣтокъ моей жены,—и развѣ еще воспоминаніе о разочарованіи, постигшемъ госпожу Л. Не думаю, однако, что этихъ мыслей было бы достаточно для образованія сновидѣнія.

«There needs no ghost, my lord, come frome the grave
«To tell us this»,

читаемъ мы въ «Гамлетѣ». Но неожиданно въ анализѣ я припоминаю о томъ, что фамилія человѣка, нарушившаго нашъ разговоръ, была Гертнеръ и что я замѣтилъ цвѣтущій видъ его жены; сейчасъ я вспоминаю еще, что мы въ разговорѣ коснулись одной изъ моихъ паціентокъ, носящей красивое имя Флора. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что я при помощи этихъ посредствующихъ звеньевъ, относящихся къ ботаническому кругу представленій, связалъ оба переживанія дня, и безразличное и значительное. Къ этому присоединяется и другое взаимоотношеніе, — представленіе о кокаинѣ, которое, несомнѣнно связуетъ мысль о докторѣ Кенигштейнѣ и о ботанической монографіи, написанной мною, и соединяетъ воедино оба круга представленій, потому что одинъ элементъ перваго переживанія можетъ стать теперь средствомъ наведенія на второе.

Я готовъ къ тому, что это объясненіе будетъ названо произвольнымъ или даже искусственнымъ. Что было бы, если бы къ намъ не подошелъ профессоръ Гертнеръ со своей цвѣтущей супругой, или если бы мою паціентку звали не Флорой, а Анной? Отвѣтить на это не трудно. Если бы не было этихъ посредствующихъ звеньевъ, то сновидѣніе избрало бы другія. Такого рода взаимоотношенія создать очень легко, какъ это доказываютъ шуточные вопросы и загадки, которыми мы часто забавляемся. Сфера остроумія безгранична. Я иду дальше если бы между обоими впечатлѣніями дня не было достаточно посредствующихъ звеньевъ, то и сновидѣніе вылилось бы въ другую форму; другія безразличныя впечатлѣнія дня, которыхъ всегда бываетъ цѣлое множество и которыя мы всегда забываемъ, заняли бы въ сновидѣніи мѣсто «монографіи», соединились бы съ содержаніемъ разговора и заступили бы его мѣсто въ сновидѣніи. Такъ какъ ни одно другое впечатлѣніе не раздѣлило участи «монографіи», то она была, повидимому, наиболѣе подходящей для сновидѣнія.

Психологическій процессъ, посредствомъ котораго, по

нашему мнѣнію, безразличное впечатлѣніе связуется съ психически цѣннымъ и какъ бы покрываетъ его, представляется намъ все же довольно страннымъ и непонятнымъ. Впослѣдствіи мы постараемся разъяснить особенности этой, повидимому, чрезвычайно сложной операціи. Здѣсь же насъ интересуетъ лишь результатъ процесса, къ допущенію котораго насъ побуждаютъ многочисленныя, постоянно повторяющіяся наблюденія при анализѣ сновидѣній. Процессъ же этотъ похожъ на то, будто совершается передвиганіе психической цѣнности путемъ вышеупомянутыхъ звеньевъ: слабо заряженныя вначалѣ интенсивностью представленія, благодаря заряженію ихъ со стороны первоначально болѣе интенсивныхъ, достигаютъ силы, которая даетъ имъ возможность получить доступъ въ сознаніе. Эти передвиганія отнюдь не удивляютъ насъ, когда рѣчь идетъ о передвиганіи аффектовъ или же вообще о моторныхъ дѣйствіяхъ. Насъ нисколько не удивляетъ, напримѣръ, когда старая дѣва обращаетъ свое нѣжное чувство на животныхъ, когда холостякъ становится страстнымъ коллекціонеромъ, когда солдатъ кровью своею защищаетъ кусокъ пестрой матеріи, называемой знаменемъ, или когда Отелло приходитъ въ ярость при видѣ найденнаго носоваго платка,—все это примѣры психическаго передвиганія. То что, однако, тѣмъ же путемъ и по тѣмъ же законамъ рѣшается вопросъ, что имѣетъ право дойти до нашего сознанія и что должно оставаться за его предѣлами,— это производитъ на насъ впечатлѣніе чего-то болѣзненнаго: въ бодрственной жизни мы назвали бы это ошибкой въ мышленіи. Скажемъ же, что, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, психическій процессъ, проявляющійся въ передвиганіи, представляетъ собою хотя и не болѣзненное явленіе, но все же отклоняется отъ нормальной душевной дѣятельности, будучи процессомъ болѣе первичнаго характера. Въ виду этого то обстоятельство, что сновидѣніе содержитъ въ себѣ остатки второстепенныхъ переживаній, оказывается проявленіемъ искажающей дѣятельности сновидѣнія (путемъ передвиганія); вспомнимъ, что искажающая дѣятельность сновидѣнія была приписана нами воздѣйствію психической цензуры.

Мы ожидаемъ при этомъ, что анализъ сновидѣній долженъ открывать намъ постоянно дѣйствительный, психически цѣнный источникъ послѣдняго, воспоминаніе о которомъ передвинуло его значеніе на болѣе безразличное воспоминаніе. Это воззрѣніе приводитъ насъ въ полное противорѣчіе съ теоріей Роберта [55]). Факта, утверждаемаго Робертомъ, въ дѣй-

ствительности не существуетъ; допущенiе его покоится на недоразумѣнiи, на нежеланiи мнимое содержанiе сновидѣнiя замѣнить его истиннымъ смысломъ. Теорiи Роберта можно возразить еще слѣдующее: если сновидѣнiе дѣйствительно имѣетъ своей задачей освобождать нашу память при помощи особой психической работы отъ «отбросовъ» дневныхъ воспоминанiй, то сонъ долженъ былъ бы быть гораздо мучительнѣе и мы должны были бы исполнять во время его болѣе утомительную работу, чѣмъ та, которой мы занимаемся въ бодрственномъ состоянiи. Количество безразличныхъ воспоминанiй дня, отъ которыхъ мы предохраняемъ нашу память, зачастую невѣроятно велико; цѣлой ночи было бы мало, чтобы преодолѣть ихъ всѣ. Очень вѣроятно, что забыванiе безразличныхъ впечатлѣнiй происходитъ безъ активнаго вмѣшательства нашихъ душевныхъ силъ.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ все же такъ легко разстаться съ теорiей Роберта. Мы оставили невыясненнымъ тотъ фактъ, что одно изъ безразличныхъ впечатлѣнiй дня постоянно привходитъ въ содержанiе сновидѣнiя. Взаимоотношенiе этого впечатлѣнiя и истиннаго источника сновидѣнiй не всегда сразу на лицо; какъ мы уже видѣли, они проявляются лишь впослѣдствiи во время самого сновидѣнiя словно въ цѣляхъ предстоящаго передвиганiя. Такимъ образомъ, имѣется во всей вѣроятности необходимость устанавливать связь именно въ направленiи свѣжаго, хотя и безразличнаго впечатлѣнiя; послѣднее должно обладать особою пригодностью для этого, благодаря какому-либо своему свойству. Иначе мысли въ сновидѣнiи легко могли бы переносить свое значенiе на какую-либо несущественную составную часть своего собственнаго круга представленiй.

Слѣдующiя наблюденiя помогутъ намъ найти желаемый путь. Если мы въ теченiе дня испытали два или три впечатлѣнiя, способныхъ вызвать сновидѣнiе, то послѣднее объединяетъ ихъ въ одно цѣлое; оно повинуется при этомъ какой-то необходимости. Напримѣръ: однажды вечеромъ я сѣлъ въ купе, въ которомъ встрѣтилъ двухъ знакомыхъ, другъ друга, однако, не знавшихъ. Одинъ былъ мой коллега, другой же—членъ видной семьи, въ которой я состоялъ домашнимъ врачемъ. Я познакомилъ ихъ другъ съ другомъ, но разговоръ все время вращался черезъ мое посредство. Коллегу своего я попросилъ оказать содѣйствiе одному нашему общему знакомому, только что начавшему практиковать. Мой коллега отвѣтилъ, что хотя

онъ и убѣжденъ въ знаніяхъ моего юнаго друга, но при его невидной внѣшности ему будетъ трудно попасть въ хорошіе дома. Я возразилъ: именно поэтому-то онъ и нуждается въ вашемъ содѣйствіи. У другого своего спутника я освѣдомился о здоровьѣ его тетки,—матери одной изъ моихъ паціентокъ,— которая перенесла недавно тяжелую болѣзнь. Ночью въ томъ же купе мнѣ приснилось, что мой молодой другъ, для котораго я просилъ о содѣйствіи, находится въ элегантномъ салонѣ и посреди избраннаго общества произноситъ рѣчь въ память умершей старухи,—тетки второго моего спутника. Сновидѣніе мое нашло, такимъ образомъ, связь между обоими впечатлѣніями дня и объединило ихъ въ одно цѣлое.

На основаніи многочисленныхъ подобныхъ же наблюденій я утверждаю, что работа сновидѣнія повинуется необходимости соединить въ одно цѣлое всѣ источники сновидѣнія.

Этой необходимости мы коснемся въ слѣдующей главѣ.

Сейчасъ же я хочу подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, долженъ ли сновызывающій источникъ, къ которому насъ приводитъ анализъ, быть въ связи со свѣжими впечатлѣніями (и значительными) или же наши дневныя переживанія, иначе говоря, воспоминанія о психически цѣнномъ явленіи могутъ взять на себя роль возбудителя сновидѣній. Наши многочисленные анализы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ именно послѣднимъ предположеніемъ. Возбудителемъ сновидѣнія можетъ быть внутренній процессъ, который какъ бы при помощи дневнаго мышленія нѣсколько освѣжается. Тутъ какъ разъ умѣстно сопоставить другъ съ другомъ различныя условія, раскрывающія передъ нами источники сновидѣнія.

Источникомъ сновидѣнія можетъ быть:

a) свѣжее и психически цѣнное переживаніе, непосредственно передаваемое въ сновидѣніи, *) b) нѣсколько свѣжихъ значительныхъ переживаній, соединенныхъ сновидѣніемъ въ одно цѣлое; **) c) одно или нѣсколько свѣжихъ значительныхъ переживаній, заступаемыхъ въ сновидѣніи одновременнымъ, но зато безразличнымъ переживаніемъ; ***) d) внутренне значительное переживаніе (впечатлѣніе, мысль), которое затѣмъ замѣщается постоянно въ сновидѣніи свѣжимъ, но безразличнымъ впечатлѣніемъ. ****)

*) Сновидѣніе объ инъекціи Ирмѣ; сновидѣніе о дядѣ.
**) Сновидѣніе о похоронной рѣчи молодого врача.
***) Сновидѣніе о ботанической монографіи.
****) Таковы большинство сновидѣній моихъ паціентовъ во время анализа.

Условіемъ всякаго толкованія сновидѣній, какъ явствуетъ отсюда, является то, что свѣжее впечатлѣніе предыдущаго дня всегда повторяется въ содержаніи сновидѣнія. Этотъ элементъ можетъ относиться либо къ кругу представленій дѣйствительнаго возбудителя сновидѣній и быть или существенною или же несущественною его частью,—либо же онъ проистекаетъ изъ области индефферентнаго впечатлѣнія, которое какимъ-либо образомъ связано съ областью возбудителя сновидѣнія. Мнимая многочисленность условій зависитъ исключительно отъ альтернативы,—происходитъ ли передвиганіе или не происходитъ, и мы замѣчаемъ, что эта альтернатива даетъ намъ ту же возможность съ легкостью разъяснить контрасты сновидѣнія, какъ и медицинскія теоріи сновидѣнія—родъ частичнаго или полнаго бодрствованія мозговыхъ клѣтокъ.

Отсюда явствуетъ далѣе, что психически цѣнный, но не «свѣжій» элементъ (ходъ мыслей, воспоминаніе) можетъ быть въ цѣляхъ образованія сновидѣнія замѣщенъ свѣжимъ, но психически индифферентнымъ элементомъ, если только при этомъ выполнены оба условія: во-первыхъ, то, что содержаніе сновидѣнія связано съ только что пережитымъ, и во-вторыхъ, что возбудитель сновидѣнія остается психически цѣннымъ переживаніемъ. Въ одномъ лишь случаѣ (а) оба условія выполняются однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ. Если принять во вниманіе, что тѣ же безразличныя впечатлѣнія, которыя используются для сновидѣнія, покуда они еще «свѣжи», теряютъ свое это свойство, какъ только становятся хотя бы днемъ старше, то отсюда можно заключить, что свѣжесть впечатлѣнія сообщаетъ послѣднему нѣкоторую психическую цѣнность для образованія сновидѣнія; впослѣдствіи мы покажемъ, чѣмъ обосновывается эта цѣнность свѣжихъ впечатлѣній для образованія сновидѣній.

Между прочимъ, наше вниманіе обращается здѣсь на то, что ночью незамѣтно для нашего сознанія весь матеріалъ воспоминаній и представленій можетъ претерпѣвать значительныя измѣненія. Частое стремленіе откладывать рѣшеніе какого-либо вопроса до утра, выражающееся въ пословицѣ «утро вечера мудренѣе», безусловно имѣетъ за собою извѣстное значеніе. Мы замѣчаемъ, однако, что сейчасъ изъ психологіи сновидѣнія мы переходимъ въ психологію сна, что, однако, будетъ случаться еще нерѣдко и впослѣдствіи.

Есть одно возраженіе, которое грозитъ опровергнуть наше послѣднее утвержденіе. Если индифферентныя впечатлѣнія мо-

гутъ попасть въ содержаніе сновидѣнія, лишь покуда они свѣжи, то почему же въ сновидѣніи встрѣчаются элементы и изъ прошлыхъ жизненныхъ періодовъ, которые во время своей свѣжести,—выражаясь словами Штрюмпеля,—не имѣли никакой психической цѣнности и должны были быть давно забыты,—иначе говоря, элементы, которые не отличаются ни свѣжестью, ни какою-либо психической цѣнностью? Возраженіе это оказывается неосновательнымъ, если мы разсмотримъ результаты психоанализа у невротиковъ. Передвиганіе, замѣщающее психически цѣнный матеріалъ индифферентнымъ (какъ для сновидѣнія, такъ и для мышленія) происходитъ здѣсь же въ тотъ ранній періодъ и съ тѣхъ поръ запечатлѣвается въ памяти. Эти первоначально индифферентные элементы теперь уже не индифферентны, съ тѣхъ поръ какъ они, благодаря передвиганію, пріобрѣли цѣнность психически важнаго матеріала. То, что дѣйствительно оказалось индифферентнымъ, не можетъ быть никогда воспроизведено въ сновидѣніи.

Изъ предшествующаго изложенія можно не безъ основанія заключить, что я выставляю утвержденіе, будто индифферентныхъ возбудителей сновидѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невинныхъ (въ смыслѣ ничтожности значенія) сновидѣній не существуетъ. Это дѣйствительно мое категорическое утвержденіе,—я исключаю, разумѣется, сновидѣнія дѣтей и сновидѣнія, имѣющія своими причинами ночныя ощущенія.

То, что снится человѣку, либо имѣетъ очевидную психическую цѣнность, либо же представляется намъ въ искаженномъ видѣ и подлежитъ поэтому толкованію, которое и раскрываетъ психическое значеніе содержанія сновидѣнія. Сновидѣніе никогда не занимается пустяками. Мнимо невинныя сновидѣнія оказываются серьезными послѣ ихъ толкованія. Такъ какъ это опять-таки пунктъ, въ которомъ я могу встрѣтить возраженіе и такъ какъ я вообще считаю нужнымъ иллюстрировать на примѣрѣ самое искажающую дѣятельность сновидѣнія, то я подвергну здѣсь анализу нѣсколько такихъ невинныхъ сновидѣній.

I. Одна очень неглупая интеллигентная молодая дама сообщила мнѣ: ей приснилось, что *ея мужъ спрашиваетъ: не отдать ли настроить рояль?* Она *отвѣчаетъ: не стоитъ, все равно, его нужно заново исправить.* Сновидѣніе представляетъ собою происшествіе предыдущаго дня. Мужъ дѣйствительно спрашивалъ ее объ этомъ, и она ему приблизительно такъ же и отвѣтила. Но сновидѣніе имѣетъ все же скрытое значеніе. Она хотя и

разсказываетъ о рояли, что это «отвратительный ящикъ», что у него скверный тонъ, что рояль этотъ былъ у мужа еще до свадьбы и т. д.,—но ключъ къ толкованію находится все же не въ этомъ, а въ ея словахъ: «не стоитъ». Слова эти объясняются ея вчерашнимъ визитомъ къ подругѣ. Тамъ ее попросили снять жакетъ, но она отказалась и сказала: не стоитъ, мнѣ все равно нужно сейчасъ уйти. При этомъ разсказѣ я вспоминаю, что она вчера, будучи у меня, неожиданно схватилась за жакетъ, у котораго разстегнулась пуговица: она вѣроятно этимъ хотѣла сказать: «Пожалуйста, не смотрите, не стоитъ». Такимъ образомъ «ящикъ» (по нѣм. Kasten) превращается въ грудную клѣтку (Brustkasten) и толкованіе сновидѣнія ведетъ непосредственно къ періоду ея физическаго развитія, когда она начала быть недовольной формами своего тѣла.

II. Одинъ молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ свое совершенно «невинное», на первый взглядъ, сновидѣніе: Ему приснилось, что онъ снова надѣваетъ свой зимній сюртукъ, хотя ему это и кажется страшнымъ. Поводомъ къ этому сновидѣнію послужили вѣроятно неожиданно наступившіе морозы. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи сновидѣнія мы замѣчаемъ, однако, что обѣ части его не гармонируютъ другъ съ другомъ. Ибо что можетъ быть особенно «страшнаго» въ томъ, что человѣкъ зимой надѣваетъ теплый сюртукъ? «Невинность» сновидѣнія разрушается первой же мыслью, появившейся при анализѣ,—воспоминаніемъ о томъ, что наканунѣ одна дама откровенно разсказала ему, что ея послѣдній ребенокъ обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ лопнувшему кондому. Онъ вспоминаетъ далѣе, что при этомъ сообщеніи у него появилась мысль: тонкій кондомъ опасенъ, толстый же плохъ. Кондомъ же аналогиченъ сюртуку,—его «надѣваютъ». Сообщеніе знакомой дамы для него, холостого, было дѣйствительно «страшно».

III. Той же паціенткѣ, что въ предпослѣднемъ сновидѣніи, приснилось: она ставитъ свѣчу въ подсвѣчникъ; свѣча, однако, сломана и плохо стоитъ. Подруги въ школѣ говорятъ, что она очень неловкая; гувернантка же находитъ, что это вина не ея.

Реальный поводъ имѣется и здѣсь: она дѣйствительно вставляла вчера въ подсвѣчникъ свѣчу, но свѣча эта вовсе не была сломана. Здѣсь передъ нами чрезвычайно прозрачная символика. Свѣча—предметъ, способный раздражать половые органы

женщины; если она сломана и не стоитъ въ подсвѣчникѣ, то это означаетъ импотенцію мужа («это вина не ея»). Знакомо ли, однако, такое назначеніе свѣчи этой хорошо воспитанной молодой женщинѣ? Случайно она можетъ установить, откуда она это знаетъ. Катаясь на лодкѣ по Рейну, они встрѣтили другую лодку, въ которой сидѣли студенты и пѣли вульгарную пѣсню: «Когда королева за закрытой ставней со свѣчей... Значенія словъ этой пѣсни она не поняла, и мужу пришлось объяснить ей. Слова эти замѣнились въ сновидѣніи невиннымъ воспоминаніемъ о порученіи, которое она исполнила однажды въ пансіонѣ очень неловко: дѣло было какъ разъ при закрытыхъ ставняхъ. Связь темы объ онанизмѣ съ импотенціей очевидна. Ясно, такимъ образомъ, что о «невинномъ» характерѣ и этого сновидѣнія не можетъ быть рѣчи.

IV. Для того, чтобы взаимоотношенія сновидѣній и дѣйствительныхъ переживаній спящаго не показались черезчуръ прозрачными, я приведу здѣсь еще одно сновидѣніе, которое тоже кажется на первый взглядъ невиннымъ. Мнѣ снилось, сообщаетъ та же моя паціентка, что я наложила въ сундукъ столько книгъ, что не могу закрыть его; это какъ разъ въ точности произошло со мною вчера. Здѣсь паціентка сама обращаетъ вниманіе на совпаденіе сновидѣнія съ дѣйствительностью. Всѣ такія сужденія о сновидѣніи относятся постоянно къ явному содержанію сновидѣнія, какъ намъ покажутъ и всѣ дальнѣйшіе примѣры. Намъ говорятъ, что то, что человѣку снилось, онъ дѣйствительно продѣлалъ днемъ. Въ данномъ сновидѣніи толкованіе опять раскрываетъ совершенно иной смыслъ. Не вдаваясь въ подробный анализъ, скажемъ, что здѣсь рѣчь идетъ опять объ англійскомъ словѣ «box» (Ср. сновидѣніе о мертвомъ ребенкѣ въ коробкѣ).

Во всѣхъ этихъ «невинныхъ» сновидѣніяхъ бросается въ глаза сексуальный моментъ въ качествѣ мотива цензуры. Но это вопросъ принципіальнаго значенія, который мы, однако, оставимъ въ сторонѣ.

b) Воспоминанія дѣтства, какъ источникъ сновидѣній.

Относительно третьей особенности содержанія сновидѣнія мы вмѣстѣ со всѣми другими авторами (вплоть до Роберта) высказывали, что въ сновидѣніи могутъ найти себѣ выраженіе впечатлѣнія раннихъ періодовъ жизни, относительно которыхъ память въ бодрственномъ состояніи оказывается безсильной. Насколько часто наблюдается это, сказать конечно трудно, такъ

какъ раннее происхожденіе этихъ элементовъ сновидѣнія по пробужденіи не представляется явнымъ и очевиднымъ. Доказательство, что рѣчь идетъ здѣсь о впечатлѣніяхъ дѣтства, необходимо должно быть приведено объективнымъ путемъ, для чего лишь въ самыхъ рѣдкихъ случахъ бываютъ на лицо необходимыя условія. Особенно доказательной представляется Мори[48]) исторія одного человѣка, который однажды рѣшился послѣ 20-лѣтняго отсутствія посѣтить свою родину. Въ ночь передъ отъѣздомъ ему приснилось, что онъ находится въ незнакомомъ городѣ и встрѣчаетъ на улицѣ незнакомаго господина, съ которымъ и вступаетъ въ разговоръ. Пріѣхавъ на родину, онъ убѣждается, что эта улица находится неподалеку отъ дома, гдѣ онъ провелъ дѣтство и незнакомый господинъ изъ сновидѣнія оказывается живущимъ тамъ другомъ его отца. Это повидимому, чрезвычайно убѣдительное доказательство того, что и улицу и этого человѣка онъ видѣлъ въ дѣтствѣ. Въ сновидѣніи, однако, слѣдуетъ видѣть выраженіе его нетерпѣнія все равно, какъ въ сновидѣніи дѣвушки, въ карманѣ которой находится билетъ на концертъ, или сновидѣніи ребенка, которому отецъ обѣщалъ отправиться на Гамо и т. п. Мотивы, по которымъ именно это впечатлѣніе его дѣтства проявилось въ сновидѣніи, могутъ быть раскрыты, конечно, лишь путемъ детальнаго анализа.

Одинъ изъ моихъ коллегъ, который хвастался тѣмъ, что его сновидѣнія рѣдко подвергаются процессу искаженія, сообщилъ мнѣ, что ему недавно приснилось, будто управляющій его отца входитъ ночью въ комнату его бонны, жившей у нихъ въ домѣ, пока ему не исполнилось 11 лѣтъ. Заинтересовавшись этимъ сновидѣніемъ, онъ сообщилъ его своему старшему брату, который смѣясь подтвердилъ ему реальность этого сновидѣнія. Онъ вспомнилъ, что ему въ то время было шесть лѣтъ. Любовники напаивали его пивомъ, отъ котораго онъ тотчасъ же засыпалъ. Съ младшимъ же братомъ, въ то время трехлѣтнимъ ребенкомъ,—моимъ коллегой,—спавшимъ въ комнатѣ бонны, любовники не считались.

Еще въ другомъ случаѣ можно съ увѣренностью, даже безъ помощи толкованія констатировать, что сновидѣніе содержитъ въ себѣ элементы дѣтства,—именно въ томъ случаѣ, когда сновидѣніе носитъ повторяющійся характеръ, когда то, что снилось человѣку въ дѣтствѣ, снится ему время отъ времени и

впослѣдствіи. Къ извѣстнымъ примѣрамъ такого рода я могу присоединить еще нѣсколько изъ сообщенныхъ мнѣ моими пацiентами, хотя у себя лично я такихъ повторяющихся сновидѣній не помню. Одинъ врачъ, лѣтъ тридцати, сообщилъ мнѣ, что онъ съ дѣтства видитъ часто во снѣ желтаго льва. Этотъ левъ оказался въ дѣйствительности фарфоровой бездѣлушкой, и молодой человѣкъ узналъ отъ своей матери, что бездѣлушка эта была въ дѣтствѣ его любимой игрушкой, о чемъ, однако, самъ онъ совершенно забылъ.

Если же отъ явнаго содержанія сновидѣнія обратиться къ его скрытому содержанію, предстающему предъ нами лишь послѣ анализа, то мы съ удивленіемъ констатируемъ наличность дѣтскихъ переживаній и въ такихъ сновидѣніяхъ, содержаніе которыхъ отнюдь не указываетъ на это. Вышеупомянутому коллегѣ, которому снился «желтый левъ», я обязанъ сообщеніемъ чрезвычайно разительнаго примѣра такого сновидѣнія. Послѣ чтенія книги Нансена объ его путешествіи на полюсъ, ему приснилось, будто въ ледяной пустынѣ онъ гальванизируетъ отважнаго путешественника, стараясь излѣчить его отъ ишiаса, которымъ онъ страдаетъ. Во время анализа этого сновидѣнія ему пришелъ на память одинъ эпизодъ изъ его дѣтства, безъ котораго сновидѣніе осталось бы непонятнымъ. Когда ему было три или четыре года, онъ однажды съ любопытствомъ слушалъ, какъ взрослые говорили о полярныхъ экспедиціяхъ: онъ спросилъ отца, тяжелая ли это болѣзнь. (По нѣм. созвучіе: онъ спуталъ слово «Reisen»—путешествіе съ «Reissen»—боль). Хохотъ окружающихъ позаботился о томъ, чтобы этотъ эпизодъ не исчезъ изъ его памяти.

Совершенно аналогично обстоитъ дѣло съ моимъ анализомъ сновидѣнія о монографіи, въ которомъ я натолкнулся на воспоминаніе объ одномъ эпизодѣ моего дѣтства, когда отецъ отдалъ мнѣ, пятилѣтнему мальчику, книгу съ картинками для того, чтобы я ее уничтожилъ. Возникаетъ, однако, сомнѣніе, играетъ ли это воспоминаніе дѣйствительную роль въ образованіи даннаго сновидѣнія и не случайно ли проявилось оно при анализѣ. Однако, разнообразіе и взаимная связь отдѣльныхъ элементовъ ассоціаціи говоритъ въ пользу моего предположенія: цикламенъ—любимый цвѣтокъ—любимое кушаніе—артишоки—разрываніе книги листъ за листомъ—гербарій—книжный червь и т. п. Помимо этого, послѣдняя часть сновидѣнія, которую я не счелъ возможнымъ сообщить, служитъ опять-таки связую-

шимъ звеномъ между сновидѣніемъ и этимъ дѣтскимъ эпизодомъ.

Анализъ другихъ сновидѣній показываетъ, что желаніе, послужившее поводомъ къ образованію сновидѣнія и осуществленіе котораго образуетъ послѣднее, проистекаетъ изъ воспоминаній дѣтства, такъ что субъектъ, къ удивленію своему, замѣчаетъ, что въ сновидѣніи онъ якобы продолжаетъ свою жизнь ребенка съ его желаніями и импульсами.

Я продолжу здѣсь толкованіе сновидѣнія, изъ котораго мы уже однажды сдѣлали одинъ цѣнный выводъ, именно сновидѣніе о дядѣ. Толкованіе его показало намъ, что въ основѣ его лежитъ несомнѣнное желаніе быть назначеннымъ профессоромъ; нѣжныя чувства, проявленныя въ сновидѣніи къ другу Р., мы объяснили моимъ протестомъ противъ оскорбленія обоихъ коллегъ, бывшимъ на-лицо въ скрытомъ содержаніи сновидѣнія. Такъ какъ это снилось мнѣ самому, то я могу продолжить анализъ, сказавъ, что отнюдь не былъ удовлетворенъ найденнымъ разъясненіемъ. Я зналъ, что мое сужденіе о коллегахъ, вошедшихъ въ содержаніе сновидѣнія, было дѣйствительно совершенно инымъ; сила желанія не раздѣлить ихъ судьбу относительно полученія профессорскаго званія казалась мнѣ черезчуръ незначительной, чтобы разъяснить всецѣло противорѣчіе между моимъ сужденіемъ въ бодрственномъ состояніи и въ сновидѣніи. Если мое стремленіе получить этотъ титулъ настолько сильно, то оно свидѣтельствуетъ о болѣзненномъ честолюбіи, отъ котораго я, насколько мнѣ извѣстно, чрезвычайно далекъ. Не знаю, что сказали бы по этому поводу мои друзья и знакомые; быть можетъ, я дѣйствительно честолюбивъ, но, навѣрное, мое честолюбіе не зашло бы такъ далеко, если бы рѣчь шла всего о званіи экстраординарнаго профессора.

Откуда же это честолюбіе, приписанное мнѣ сновидѣніемъ? Я вспоминаю, что въ дѣтствѣ мнѣ часто разсказывали, что при моемъ рожденіи какая-то старуха-крестьянка предсказала моей матери, что она подарила жизнь великому человѣку. Такое предсказаніе не можетъ никого удивить. Есть много счастливыхъ матерей, которыя охотно обращаются за предсказаніемъ ко всякимъ ворожеямъ. Неужели же мое честолюбіе проистекаетъ изъ этого источника? Однако, я припоминаю еще одно аналогичное впечатлѣніе изъ моего дѣтства, которое, пожалуй, дастъ еще болѣе правдоподобное объясненіе. Однажды вечеромъ въ одномъ изъ ресторановъ на Пратерѣ, куда меня часто брали съ собою родители (мнѣ было тогда одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ), мы увидѣли человѣка, ходившаго отъ стола къ столу и

за небольшой гонораръ импровизировавшаго довольно удачныя стихотворенія. Родители послали меня пригласить импровизатора къ нашему столу. Желая меня за это отблагодарить, онъ, подойдя къ намъ, составилъ въ честь меня стихотвореніе, въ которомъ пророчествовалъ, что я стану министромъ. Впечатлѣніе отъ этого второго пророчества я очень живо помню. Это было время какъ разъ гражданскаго министерства; отецъ не задолго до этого принесъ домой портреты новыхъ министровъ. Среди нихъ были даже евреи, и каждый подававшій надежды еврейскій мальчикъ видѣлъ передъ собою министерскій портфель. Больше того: съ этимъ впечатлѣніемъ было связано впослѣдствіи и мое желаніе поступить на юридическій факультетъ, которое лишь въ послѣдній моментъ было мною измѣнено. Медику министерская карьера была недоступна. Обращаюсь снова къ своему сновидѣнію. Я начинаю понимать, что оно перенесло меня изъ печальнаго настоящаго въ полное надеждъ время гражданскаго министерства и исполнило мое тогдашнее желаніе. Оскорбивъ обоихъ своихъ уважаемыхъ коллегъ только за то, что они евреи, и назвавъ одного «дуракомъ», а другого «преступникомъ», я играю своего рода роль министра,—я попросту занялъ въ сновидѣніи министерское кресло. Какая месть его превосходительству! Онъ отказываетъ въ утвержденіи меня экстраординарнымъ профессоромъ, а я въ отместку за это занимаю въ сновидѣніи его мѣсто.

Въ другомъ случаѣ я могъ замѣтить, что желаніе, возбудившее сновидѣніе, хотя и относилось къ настоящему, но все же было значительно подкрѣплено воспоминаніемъ дѣтства. Рѣчь идетъ о цѣломъ рядѣ сновидѣній, вызванныхъ желаніемъ попасть въ Римъ. По всей вѣроятности, это желаніе еще долгое время должно будетъ удовлетворяться одними сновидѣніями, такъ какъ въ то время года, когда я имѣю возможность выѣзжать, пребываніе въ Римѣ для меня вредно въ виду опасности его для моего здоровья. Однажды мнѣ приснилось, что я изъ окна вагона вижу Тибръ и Мостъ Ангеловъ. Поѣздъ трогается, и мнѣ приходитъ въ голову, что я вѣдь въ городѣ не былъ. Видъ, открывшійся передо мною въ сновидѣніи, напомнилъ извѣстную картину, видѣнную мною наканунѣ въ гостинной моей паціентки. Въ другой разъ какой-то человѣкъ ведетъ меня на гору и показываетъ мнѣ Римъ, окутанный туманомъ; городъ настолько далекъ отъ меня, что я удивляюсь отчетливости раскрывшейся передо мною картины. Сновидѣніе это имѣло свое продолженіе, которое я, однако, лишенъ возможности здѣсь

привести. Въ немъ, однако, легко можно подмѣтить мотивъ лицезрѣнія издали обѣтованной земли. Въ третьемъ сновидѣніи я очутился, наконецъ, въ Римѣ. Къ моему большому разочарованію, я увидѣлъ однако не самый городъ, а лишь небольшую рѣчку съ темной водой; на одномъ берегу черная скала, на другомъ луга съ высокими бѣлыми цвѣтами. Я вижу нѣкоего господина Цукера (съ которымъ я знакомъ очень мало) и рѣшаюсь спросить его о дорогѣ въ городъ. Ясно, что я тщетно пытаюсь увидѣть въ сновидѣніи городъ, котораго не видѣлъ въ бодрственной жизни. Если же я разложу сновидѣніе на отдѣльные элементы, то бѣлые цвѣты, видѣнные мною, указываютъ на знакомую мнѣ Равенну, которая нѣкоторое время боролась за первенство съ Римомъ. Въ болотахъ въ окрестностяхъ Равенны мы нашли въ черной водѣ прекраснѣйшія морскія розы; въ сновидѣніи онѣ растутъ на лугахъ, подобно нарциссамъ на нашемъ Аусзее: въ Равеннѣ было очень трудно достать ихъ изъ воды. Темная скала на берегу живо напоминаетъ долину Тепль близъ Карлсбада. «Карлсбадъ» же даетъ мнѣ возможность объяснить, почему я спрашиваю о дорогѣ господина Цукера. Въ матеріалѣ моего сновидѣнія можно замѣтить наличность двухъ забавныхъ еврейскихъ анекдотовъ, которые содержатъ въ себѣ глубокую, хотя и печальную житейскую мудрость. Одинъ изъ нихъ представляетъ собою исторію о томъ, какъ одинъ бѣдный еврей сѣлъ безъ билета въ скорый поѣздъ, шедшій въ Карлсбадъ; на каждой станціи его высаживали и, наконецъ, на одной, встрѣтивъ знакомаго, который спросилъ его, куда онъ ѣдетъ, онъ отвѣтилъ ему: «Если выдержу, то въ Карлсбадъ». Мнѣ припоминается еще и другой анекдотъ объ одномъ евреѣ, не знавшемъ французскаго языка и попавшемъ въ Парижъ. Парижъ былъ тоже долгіе годы цѣлью моихъ стремленій, и счастливое чувство, охватившее меня, когда я впервые попалъ въ міровой городъ, показалось мнѣ ручательствомъ за то, что и остальныя мои желанія исполнятся. Вопросы о дорогѣ тѣсно связаны съ Римомъ, куда, какъ извѣстно, ведутъ всѣ дороги. Кромѣ того фамилія Цукеръ (сахаръ) указываетъ на Карлсбадъ, куда мы посылаемъ всѣхъ больныхъ сахарной болѣзнью. Поводомъ къ этому сновидѣнію послужило предложеніе моего берлинскаго друга встрѣтиться на Пасхѣ въ Прагѣ,—намъ предстояло съ нимъ выяснить нѣкоторые вопросы, касающіеся діабета.

Четвертое сновидѣніе, видѣнное мною вскорѣ послѣ третьяго, снова перенесло меня въ Римъ. Я вижу улицу и удивляюсь множеству нѣмецкихъ плакатовъ, расклеенныхъ тамъ. Наканунѣ я писалъ моему другу, что въ Прагѣ нѣмцы едва ли могутъ расчитывать на пріятное времяпрепровожденіе. Сновидѣніе выражаетъ, такимъ образомъ, одновременно и желаніе встрѣтиться съ нимъ въ Римѣ, а не въ столицѣ Богеміи и кромѣ того желаніе, относящееся еще къ моимъ студенческимъ годамъ, чтобы въ Парижѣ нѣмецкій языкъ получилъ большое распространеніе. Чешскій языкъ знакомъ мнѣ, правда, немного съ дѣтства, такъ какъ я родился въ маленькомъ мѣстечкѣ Меренсъ, населенномъ преимущественно славянами. Одно чешское стихотвореніе, слышанное мною въ юности, настолько запечатлѣлось въ моей памяти, что я еще сегодня могу прочесть его наизустъ, хотя не понимаю значенія словъ. Такимъ образомъ, и эти сновидѣнія были тѣсно связаны съ впечатлѣніями моего ранняго дѣтства.

Во время моего послѣдняго итальянскаго путешествія, когда я между прочимъ проѣзжалъ мимо Тразименскаго озера, я увидѣлъ Тибръ, и, къ глубокому своему сожалѣнію, долженъ былъ повернуть обратно, не доѣзжая восьмидесяти километровъ до Рима; я нашелъ, наконецъ, подкрѣпленіе, которое черпаетъ мое стремленіе увидѣть вѣчный городъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній. Я обдумалъ планъ поѣхать въ будущемъ году въ Неаполь черезъ Римъ и мнѣ неожиданно пришла на память фраза, которую я прочелъ по всей вѣроятности у одного изъ нашихъ классиковъ: большой вопросъ, кто усерднѣе бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, рѣшивъ наконецъ отправиться въ Римъ—конректоръ Винкельманъ или полководецъ Ганнибалъ. Я шелъ вѣдь по стопамъ Ганнибала; мнѣ, какъ и ему, было не суждено увидѣть Римъ; онъ также отправился въ Кампанью въ то время, какъ весь міръ ожидалъ его въ Римѣ. Ганнибалъ, съ которымъ есть у меня это сходство, былъ любимымъ героемъ моихъ гимназическихъ лѣтъ; какъ многіе въ этомъ возрастѣ, я отдавалъ свои симпатіи въ пуническихъ войнахъ не римлянамъ, а карѳагенянамъ. Когда затѣмъ въ старшемъ классѣ я сталъ понимать все значеніе своего происхожденія отъ семитской расы и антисемитскія теченія среди товарищей заставили меня занять опредѣленную позицію, тогда фигура семитскаго полководца еще больше выросла въ моихъ глазахъ. Ганнибалъ и Римъ символизировали для юноши противорѣчіе между живучестью еврейства и организа-

ціей католической церкви. Значеніе, которое пріобрѣло съ тѣхъ поръ антисемитское движеніе для моей психики, зафиксировало затѣмъ мысли и ощущенія изъ того ранняго періода. Такимъ образомъ, желаніе попасть въ Римъ стало символомъ многихъ другихъ горячихъ желаній, для осуществленія которыхъ надо трудиться со всей выдержкой и терпѣніемъ карѳагенянъ и исполненію которыхъ покамѣстъ столь же мало благопріятствуетъ судьба, какъ осуществленію жизненной задачи Ганнибала.

Я снова наталкиваюсь на еще одно юношеское переживаніе, проявляющееся во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ и сновидѣніяхъ. Мнѣ было десять или двѣнадцать лѣтъ, когда отецъ началъ брать меня съ собою на прогулки и бесѣдовать со мною о самыхъ различныхъ вещахъ. Такъ, однажды, желая показать мнѣ, насколько мое время лучше, чѣмъ его, онъ сказалъ мнѣ: Когда я былъ молодымъ человѣкомъ, я ходилъ по субботамъ въ томъ городѣ, гдѣ ты родился, въ праздничномъ пальто, съ новой хорошей шляпой на головѣ. Вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ христіанинъ, сбилъ мнѣ кулакомъ шляпу и закричалъ: Жидъ, долой съ тротуара!—Ну, и что же ты сдѣлалъ?—Я перешелъ на мостовую и поднялъ шляпу, отвѣтилъ отецъ. Это показалось мнѣ небольшимъ геройствомъ со стороны большого сильнаго человѣка, который велъ меня, маленькаго мальчика, за руку. Этой ситуаціи я противопоставилъ другую, болѣе соотвѣтствовавшую моему чувству: сцена, во время которой отецъ Ганнибала, Гамилькаръ Барка, заставилъ своего сына поклясться предъ алтаремъ, что онъ отомститъ римлянамъ. Съ тѣхъ поръ Ганнибалъ занялъ видное мѣсто въ моихъ фантазіяхъ.

Мнѣ кажется, что увлеченіе карѳагенскимъ полководцемъ я могу прослѣдить еще дальше въ глубь моего дѣтства, такъ что и здѣсь рѣчь идетъ лишь о перенесеніи уже ранѣе составленнаго представленія на новое. Одной изъ первыхъ книгъ, попавшихъ мнѣ въ руки, была «Исторія Консулата и Имперіи» Тьера; я помню, что на своихъ оловянныхъ солдатиковъ я наклеилъ маленькія записочки съ именами первыхъ императорскихъ маршаловъ и что въ то время уже Массена (аналогія съ еврейскимъ именемъ «Манассе») былъ моимъ любимцемъ. Самъ Наполеонъ, благодаря своему переходу черезъ Альпы, имѣетъ связь съ Ганнибаломъ. Быть можетъ, развитіе этого военнаго идеала можно прослѣдить еще далѣе въ глубь дѣтства вплоть до желанія, проявившагося благодаря полудружественнымъ, полувраждебнымъ отношеніямъ между моимъ старшимъ товарищемъ и мною.

Чѣмъ глубже мы проникаемъ въ анализъ сновидѣній, тѣмъ чаще мы нападаемъ на слѣды переживаній дѣтства, которыя въ скрытомъ содержаніи сновидѣній играютъ роль источниковъ послѣднихъ.

Выше мы говорили, что сновидѣніе чрезвычайно рѣдко воспроизводитъ воспоминанія такимъ образомъ, что они въ неизмѣненномъ видѣ образуютъ явное его содержаніе. Тѣмъ не менѣе можно найти нѣсколько примѣровъ и этого явленія; я добавлю отъ себя еще нѣсколько сновидѣній, относящихся непосредственно къ переживаніямъ дѣтства. У одного изъ моихъ паціентовъ одно изъ сновидѣній было почти неискаженнымъ воспроизведеніемъ одного сексуальнаго эпизода. Воспоминаніе о немъ, правда, никогда не исчезало изъ памяти, но съ теченіемъ времени очень потускнѣло, и лишь анализъ сновидѣнія заставилъ его выйти наружу. Паціентъ этотъ въ возрастѣ 12 лѣтъ посѣтилъ однажды своего больного товарища: тотъ случайно сбросилъ съ себя одѣяло и остался на минуту голымъ. При видѣ его полового органа паціентъ мой, повинуясь своего рода принужденію, тоже обнажился и коснулся penis'а товарища. Тотъ былъ, однако, такъ разсерженъ, что онъ смутился и ушелъ. Сцену эту въ точности воспроизвело 23 года спустя сновидѣніе, съ той лишь разницей, что паціентъ мой игралъ не активную, а пассивную роль, а личность школьнаго товарища замѣнилась однимъ изъ его теперешнихъ знакомыхъ.

Обычно, однако, дѣтскіе эпизоды въ явномъ содержаніи сновидѣнія проявляются лишь отдѣльными намеками и могутъ быть раскрыты лишь путемъ толкованія. Сообщеніе такихъ примѣровъ едва-ли особенно убѣдительно, такъ какъ для правдивости дѣтскихъ переживаній нѣтъ какакихъ гарантій; даже память въ большинствѣ случаевъ отказывается ихъ признавать Право констатировать въ сновидѣніяхъ такія дѣтскія переживанія возникаетъ при психологической работѣ изъ цѣлаго ряда моментовъ, которые въ своемъ взаимоотношеніи являются въ достаточной мѣрѣ надежными. Выхваченныя въ цѣляхъ толкованія сновидѣнія изъ своего комплекса, такія сведенія сновидѣній къ дѣтскимъ переживаніямъ, быть можетъ, производятъ недостаточное впечатлѣніе особенно потому, что я не сообщаю даже всего матеріала, на который опирается толкованіе. Все это, однако, не можетъ побудить меня отказаться отъ сообщенія этихъ примѣровъ.

1. Одна изъ моихъ паціентокъ сообщаетъ свое сновидѣніе: *она находится въ большой комнатѣ*,

въ которой стоятъ всевозможныя машины; ей кажется, будто она въ ортопедической лѣчебницѣ. Она слышитъ, что мнѣ очень некогда и что она должна лѣчиться вмѣстѣ съ пятью другими паціентками. Она противится этому и не хочетъ ложиться въ предназначенную для нея постель. Она стоитъ въ углу и ждетъ, чтобы я сказалъ, что на самомъ дѣлѣ все обстоитъ вовсе не такъ. Другія между тѣмъ высмѣиваютъ ее и говорятъ, что это капризъ.

Первая часть этого сновидѣнія имѣетъ связь съ лѣченіемъ у меня. Вторая содержитъ снова дѣтскій эпизодъ; обѣ части связаны между собою упоминаніемъ о постели. „Ортопедическая лѣчебница" объясняется моими словами: однажды я сравнилъ продолжительность ея лѣченія съ лѣченіемъ въ ортопедической лѣчебницѣ. Въ началѣ ея лѣченія я заявилъ ей, что у меня для нея немного времени, но что впослѣдствіи я сумѣю посвящать ей себя цѣлыми часами. Это возбудило въ ней старое чувство, чрезвычайно характерное для дѣтей, склонныхъ къ истеріи. Они ненасытны въ любви. Моя паціентка была самой младшей изъ шести сестеръ (отсюда „вмѣстѣ съ пятью другими"), и, какъ таковая, любимица отца; ей казалось, однако, что отецъ все же посвящаетъ ей слишкомъ мало времени и вниманія.—То, что она ждетъ, чтобы я сказалъ, на самомъ дѣлѣ все обстоитъ вовсе не такъ, имѣетъ слѣдующее объясненіе: портной прислалъ ей однажды съ маленькимъ мальчикомъ ея пальто и она вручила этому мальчику деньги. Потомъ спросила своего мужа: не придется ли ей вторично заплатить деньги, если мальчикъ ихъ потеряетъ? Желая ее подразнить (въ сновидѣніи ее тоже дразнятъ), мужъ заявилъ ей: конечно; она не отставала отъ него и все время ждала, что онъ скажетъ, что ей заплатить не придется, что это не правда. Для толкованія скрытаго содержанія сновидѣнія можно взять конструкцію мысли, что она боится, будто ей придется заплатить мнѣ двойной гонораръ, если я буду посвящать ей двойное время; эта мысль о скупости ей непріятна, „грязна". (Неопрятность многихъ дѣтскихъ эпизодовъ чрезвычайно часто замѣщается въ сновидѣніи скупостью; слово «грязный» образуютъ при этомъ связующее звено).

Если все, что говорится въ сновидѣніи объ ожиданіи, должно изобразить слово „грязный", то стояніе въ углу и отказъ лечь въ постель относятся сюда же: въ дѣтствѣ она однажды запачкала постель и въ наказаніе за это ее поставили въ уголъ, сказавъ, что „папа не будетъ ее больше любить" и т. д.

III. Цѣлый комплексъ воспоминаній дѣтей находится въ слѣдующемъ сновидѣніи одной молодой дамы.

Она идетъ за покупками и страшно спѣшитъ. На Грабенѣ она вдругъ падаетъ на колѣни. Вокругъ нея собирается толпа, особеннно много извозчиковъ; но никто ей не помогаетъ. Она дѣлаетъ попытку встать, но напрасно. Наконецъ, ей удается, и ее сажаютъ въ карету, которая должна отвезти ее домой. Въ окно ей бросаютъ большую переполненную сумку.

Первая половина сновидѣнія по всей вѣроятности объясняется видомъ упавшей лошади. Въ юности она ѣздила верхомъ; съ паденіемъ имѣетъ связь ея первое воспоминаніе о 17-лѣтнемъ сынѣ повара, который упавъ на улицѣ въ эпилептическихъ судорогахъ, былъ привезенъ домой въ каретѣ. Объ этомъ она, конечно, только слышала, но представленіе объ эпилептическихъ судорогахъ, о „паденіи" овладѣло ея фантазіей и впослѣдствіи въ довольно своеобразной формѣ оказало вліяніе на ея собственные истерическіе припадки.— Когда женщинѣ снится паденіе, то это почти всегда имѣетъ сексуальный смыслъ, она становится „падшей": для нашего сновидѣнія это толкованіе тѣмъ болѣе справедливо, что она падаетъ на Грабенѣ, извѣстномъ въ Вѣнѣ, какъ сборище проститутокъ. Ей никто не помогаетъ,—это тоже указываетъ на позорность ремесла „падшей". Сумка для покупокъ имѣетъ связь съ мыслью о томъ, что она вышла замужъ за человѣка, въ общественномъ положеніи стоящаго ниже ея: и теперь еще должна сама ходить на рынокъ; кромѣ того сумка эта можетъ быть истолкована и какъ аттрибутъ прислуги. Сюда же относятся и дальнѣйшія воспоминанія дѣтства: о кухаркѣ, которую уволили за то, что она крала; эта кухарка тоже упала на колѣни и просила прощенія. Ей тогда было двѣнадцать лѣтъ. Затѣмъ о горничной, которую уволили за то что она сошлась съ кучеромъ, за

котораго, впрочемъ, впослѣдствіи вышла замужъ. Это воспоминаніе служитъ такимъ образомъ источникомъ упоминанія объ извозчикахъ въ сновидѣніи. Намъ остается только разъяснить еще то, что сумку кидаютъ ей въ окно. Это напоминаетъ о томъ, какъ пассажирамъ, выходящимъ на маленькихъ станціяхъ, кидаютъ багажъ въ окно, и имѣетъ связь съ пребываніемъ въ деревнѣ, съ воспоминаніемъ о томъ, какъ одинъ господинъ кидалъ знакомой дамѣ сливы въ окно, какъ ея маленькая сестра постоянно боялась послѣ того, какъ какой-то бродяга посмотрѣлъ къ ней въ окно. За всѣмъ этимъ всплываетъ смутное воспоминаніе о боннѣ, жившей у нихъ въ деревнѣ и имѣвшей связь съ лакеемъ; бонна эта была уволена, „выброшена за дверь" (въ сновидѣніи противоположность!)

Въ моей колекціи чрезвычайно много такихъ сновидѣній, анализъ которыхъ приводитъ къ смутнымъ, а иногда и совершенно позабытымъ воспоминаніямъ дѣтства, часто даже изъ возраста до трехъ лѣтъ. Не слѣдуетъ, однако, выводить изъ нихъ заключенія, имѣющаго какое-либо общее значеніе для теоріи сновидѣнія. Во всѣхъ нихъ рѣчь идетъ о невротикахъ и даже истерикахъ, и роль дѣтскихъ воспоминаній въ ихъ сновидѣніяхъ можетъ быть обусловлена наличностью у нихъ невроза, а вовсе не сущностью самихъ сновидѣній. Однако, при толкованіи моихъ собственныхъ сновидѣній я тоже очень часто наталкиваюсь неожиданно въ скрытомъ содержаніи ихъ на эпизоды изъ дѣтства; иногда даже цѣлый рядъ сновидѣній допускаетъ объясненіе какимъ-либо дѣтскимъ переживаніемъ; примѣры этого я уже приводилъ; въ будущемъ мнѣ придется сообщить еще цѣлый рядъ ихъ.

Этотъ отдѣлъ я могъ заключить сообщеніемъ нѣсколькихъ собственныхъ сновидѣній, въ которыхъ свѣжія впечатлѣнія и давно забытыя дѣтскія переживанія играютъ одновременно довольно видную роль.

Я много ѣздилъ по городу, усталъ и голодный легъ въ постель. Мнѣ снится: я иду въ кухню и прошу дать мнѣ чего-нибудь поѣсть. Тамъ стоятъ три женщины, изъ которыхъ одна хозяйка; она что-то вертитъ въ рукахъ, точно собирается дѣлать клецки. Она проситъ меня подождать, пока будетъ готово. Я проявляю нетерпѣніе и, обиженный, выхожу изъ кухни и надѣваю пальто; но первое, которое я пробую на-

дѣть, мнѣ слишкомъ длинно. Я снимаю его и удивляюсь, что у него мѣховой воротникъ. На другомъ почему-то длинный кушакъ изъ турецкой матеріи. Появляется какой-то незнакомецъ съ продолговатымъ лицомъ и маленькой бородкой и не даетъ мнѣ надѣть пальто, говоря, что оно принадлежитъ ему. Я показываю, что оно все сплошь вышито турецкими узорами. Онъ спрашиваетъ: какое вамъ дѣло до турецкихъ узоровъ? Неожиданно мы съ нимъ сдружаемся.

При анализѣ этого сновидѣнія мнѣ неожиданно приходитъ въ голову первый романъ, который я прочелъ, будучи 13-лѣтнимъ мальчикомъ. Я началъ его, однако, съ конца перваго тома. Названіе этого романа и автора его я никогда не зналъ, но развязку его прекрасно помню. Герой сходитъ съ ума и все время повторяетъ имена трехъ женщинъ, принесшихъ ему въ жизни высшее счастье и высшее горе. Одно изъ этихъ именъ— Пелаги. Однако, я не знаю еще, какую роль играетъ это воспоминаніе въ моемъ дальнѣйшемъ анализѣ. Неожиданно эти три женщины превращаются въ моихъ мысляхъ въ трехъ Паркъ, которыя прядутъ судьбу человѣка, и я знаю, что одна изъ этихъ женщинъ, «хозяйка» въ сновидѣніи—мать, дающая жизнь, а иногда — какъ напримѣръ, мнѣ и первую жизненную пищу. У женской груди скрещиваются любовь и голодъ. Одинъ молодой человѣкъ, какъ сообщаетъ анекдотъ, бывшій большимъ поклоникомъ женской красоты, замѣтилъ однажды, когда зашелъ разговоръ объ его красивой кормилицѣ: ему очень жалко, что онъ не воспользовался удобнымъ случаемъ, когда лежалъ у нея на груди.—Одна изъ Паркъ вертитъ что-то въ рукахъ, точно дѣлаетъ клецки. Странное занятіе для Парки,—оно требуетъ объясненія. Объясненіе это я нахожу въ другомъ, болѣе раннемъ воспоминаніи дѣтства. Когда мнѣ было шесть лѣтъ, я учился у матери, и она мнѣ сказала, что я сдѣланъ изъ земли и долженъ превратиться въ землю. Мнѣ это не понравилось, и я выразилъ сомнѣніе. Тогда она потерла руку объ руку, все равно какъ хозяйка въ сновидѣніи дѣлала клецки, съ той только разницей, что у нея не было между ладонями тѣста,—и показала мнѣ черныя частички эпидермы, которыя отдѣляются при треніи ладони о ладонь. Она хотѣла мнѣ иллюстрировать этимъ мысль, что мы сдѣланы изъ земли. Мое удивленіе этому было

безгранично, и я усвоилъ себѣ вѣру въ то, что впослѣдствіи прочелъ въ словахъ: Ты обязанъ природѣ смертью. Такимъ образомъ, идя въ кухню, я дѣйствительно иду къ Паркамъ: въ дѣтскіе годы, будучи голоденъ, я часто отправлялся въ кухню, и мать, стоя у плиты, просила меня подождать, пока обѣдъ будетъ готовъ. Но вотъ «клецки» (клецки по нѣм. «Knödel»). Одинъ изъ моихъ профессоровъ, какъ разъ тотъ, кому я обязанъ своими гистологическими познаніями (эпидерма), имѣетъ связь со словомъ «Knödel». Кнедель была фамилія человѣка, котораго онъ обвинилъ въ плагіатѣ своего сочиненія. Совершить плагіатъ, присвоить то, что принадлежитъ другому, приводитъ насъ ко второй части сновидѣнія, въ которой я якобы совершаю кражу пальто; это напоминаетъ мнѣ о ворѣ, который долгое время, кралъ въ передней университета пальто студентовъ. Я употребилъ выраженіе «плагіатъ» не намѣренно, а сейчасъ я замѣчаю, что оно относится къ скрытому содержанію сновидѣнія, такъ какъ можетъ служить связующимъ звеномъ между отдѣльными отрывками явнаго содержанія. Ассоціація: Пелаги—плагіатъ—плагіостомы *) (акулы)—рыбій пузырь,—связываетъ прочитанный мною романъ съ дѣломъ Кнеделя и съ пальто, которое имѣетъ, очевидно, нѣкоторое отношеніе къ сексуальности.

Это, правда, чрезвычайно крайне натянутое сопоставленіе, но бодрственное мышленіе не могло бы составить его, если бы оно не было дано въ готовомъ видѣ въ сновидѣніи.

Такимъ образомъ, запутанный ходъ мыслей можетъ быть продолженъ и дальше, и я могу путемъ толкованія раскрыть все содержаніе сновидѣній безъ остатка, но я отказываюсь отъ этого, такъ какъ личныя жертвы, которыхъ должно мнѣ это стоить, слишкомъ велики. Я воспользуюсь одной лишь нитью, которая непосредственно ведетъ къ мысли, лежащей въ основѣ всего этого хаоса. Незнакомецъ съ продолговатымъ лицомъ и маленькой бородкой, помѣшавшій мнѣ одѣться, напоминаетъ мнѣ одного купца въ Спалатто, у котораго моя жена накупила множество турецкихъ матерій. Покупки въ Спалатто напоминаютъ о другихъ покупкахъ въ Катарро: я немного скупился и упустилъ случай купить хорошія вещи («упустилъ случай у кормилицы» и пр.). Одна изъ мыслей, внушенныхъ спящему голодомъ, гласитъ слѣдующимъ образомъ: не нужно ничего

*) О плагіостомахъ упомянулъ не вскользь; онѣ напоминаютъ мнѣ объ одномъ непріятномъ для меня эпизодѣ на экзаменѣ у того же профессора.

упускать, нужно брать все, что есть, даже если и совершаешь при этомъ несправедливость; нельзя упускать случая, жизнь такъ коротка, смерть неизбѣжна. Такъ какъ эта мысль имѣетъ и сексуальный смыслъ и такъ какъ желаніе не останавливается передъ несправедливостію, то это—„carpe diem" должно опасаться цензуры и скрываться за сновидѣніемъ. Къ этому присоединяются и всѣ противоположныя мысли, воспоминанія о томъ времени, когда спящему было достаточно духовной пищи, всѣ увѣщеванія старшихъ и даже угрозы страшными сексуальными карами.

II. Слѣдующее сновидѣніе требуетъ болѣе обстоятельнаго предварительнаго сообщенія.

Я отправился на западный вокзалъ, желая поѣхать въ Аусзее; но почему-то вышелъ на перронъ къ поѣзду, отходящему въ Ишль. Тамъ я вижу графа Туна, который тоже ѣдетъ въ Ишль къ императору. Несмотря на дождь, онъ пріѣхалъ въ открытой коляскѣ, вышелъ первымъ на перронъ и жестомъ молча отстранилъ отъ себя сторожа, который не узналъ его и спросилъ у него билетъ. Поѣздъ въ Ишль уходитъ; мнѣ приходится уйти съ перрона и вернуться въ залъ, гдѣ очень жарко. Съ трудомъ мнѣ удается добиться разрѣшенія остаться. Я убиваю время тѣмъ, что слѣжу, кто при помощи протекціи постарается занять раньше купэ, и рѣшаю поднять скандалъ, т. е. настоять на этомъ же своемъ правѣ. Тѣмъ временемъ я что-то напѣваю, что оказывается затѣмъ аріей изъ «Свадьбы Фигаро».

«Если хочетъ графъ плясать,
да, плясать,
Пусть скорѣе объ этомъ скажетъ,
Я ему сыграю».

Весь вечеръ я былъ въ довольно хорошемъ настроеніи, дразнилъ и задѣвалъ кельнеровъ и извозчиковъ, никого изъ нихъ, однако, при этомъ не обидѣвъ. Въ головѣ у меня мелькаютъ всевозможныя смѣлыя революціонныя мысли въ pendant къ словамъ Фигаро и къ воспоминанію о комедіи Бомарше, которую я видѣлъ въ Comedie Francaise. Мнѣ припоминаются слова о высокихъ персонахъ, которыя «потрудились родиться на свѣтъ»; право господина, которое Альмавива хочетъ использовать у Сусанны; мнѣ приходитъ въ голову и то, какъ опозиціонные журналисты издѣваются надъ графомъ Туномъ, называя графа «Nichtstun'омъ» (бездѣльникомъ). Я ему не завидую; у него сейчасъ тяжелая миссія. Въ сущности, вѣдь я сейчасъ графъ

Nichtstun,—я отправляюсь путешествовать. У меня сейчасъ вакацiонное время и всевозможные радужные планы. Ко мнѣ подходитъ господинъ,—я знаю его, онъ правительственный депутатъ на экзаменахъ на медицинскомъ факультетѣ. Ссылаясь на свое высокое званiе, онъ требуетъ себѣ пол-купэ перваго класса, и я слышу, какъ одинъ изъ чиновниковъ говоритъ другому: куда мы посадимъ этого господина? Я добиваюсь, наконецъ, купэ и для себя, но не въ проходномъ вагонѣ, такъ что всю предстоящую ночь буду лишенъ ватеръ-клозета. Моя жалоба у чиновника не имѣетъ успѣха: я мщу ему, предлагая продѣлать въ полу купэ дыру для удобства пассажировъ. Въ 3 часа ночи я дѣйствительно пробуждаюсь, испытывая позывъ къ уринированiю. Передъ этимъ мнѣ снится:

Толпа, студенческое собранiе, — говоритъ графъ (Тунъ или Тааффе). Въ отвѣтъ на предложенiе высказать свое мнѣнiе о нѣмцахъ онъ съ ироническимъ жестомъ называетъ ихъ любимымъ цвѣткомъ бѣлокопытникъ и сажаетъ себѣ въ петлицу нѣчто въ родѣ изорванчаго зеленаго листика. Я выхожу изъ себя, но удивляюсь все же своему германофильскому настроенiю.—Потомъ вижу смутно: Я въ аудиторiи; выходы всѣ заняты, мнѣ нужно бѣжать. Я спасаюсь чрезъ рядъ прекрасно обставленныхъ комнатъ, съ красновато-лиловой мебелью, —и попадаю, наконецъ, въ корридоръ, въ которомъ сидитъ привратница, пожилая полная женщина. Я избѣгаю разговора съ нею; но она признаетъ за мною, очевидно, право проходить здѣсь, такъ какъ спрашиваетъ, не посвѣтить ли мнѣ лампой. Я говорю ей, чтобы она осталась на лѣстницѣ, и самъ удивляюсь своей хитрости, съ которой избѣгъ контроля. Я спускаюсь внизъ, нахожу узкiй, круто подымающiйся къ верху проходъ, по которому и иду.

Снова неясно я вижу: Мнѣ предстоитъ вторая задача—выбраться изъ города, какъ прежде изъ аудиторiи. Я беру извозчика и велю ему ѣхать на вокзалъ. «Дальше я съ вами не поѣду», говорю я, услыхавъ отъ него, что онъ очень усталъ. Однако, мнѣ ка-

жется, что я уже проѣхалъ съ нимъ часть пути, которую обычно ѣздятъ по желѣзной дорогѣ. Вокзалъ весь занятъ. Я размышляю ѣхать ли мнѣ въ Креймсъ или въ Цнаймъ, но воспоминаю, что сейчасъ тамъ резиденція двора и рѣшаю отправиться въ Грацъ. Я сижу въ вагонѣ, напоминающемъ вагонъ трамвая; въ петлицѣ у меня какой-то странный длинный стебель, на немъ красновато-лиловая фіалка, бросающаяся всѣмъ въ глаза.—Здѣсь сновидѣніе обрывается.

Я снова передъ вокзаломъ, но съ какимъ-то пожилымъ господиномъ; я стараюсь остаться незамѣченнымъ, но замѣчаю, что моя эта мысль уже приведена въ исполненіе. Вообще мысли и переживанія здѣсь слиты воедино. Спутникъ мой слѣпъ по крайней мѣрѣ на одинъ глазъ, и я держу передъ нимъ стаканъ для мочи (который мы должны были купить или уже купили въ городѣ). Такимъ образомъ я его сидѣлка и долженъ держать передъ нимъ стаканъ, потому что онъ слѣпъ.—Я пробуждаюсь и испытываю естественную потребность.

Все сновидѣніе производитъ впечатлѣніе фантазіи, переносящей спящаго въ революціонный 1848 годъ, воспоминаніе о которомъ было пробуждено юбилеемъ 1898 года, а также и прогулкой въ Вахау, когда я увидѣлъ Эмерсдорфъ, который прежде по ошибкѣ считалъ мѣстомъ погребенія главаря студенческаго движенія, Фишгофа; на него указываютъ нѣкоторыя черты явнаго содержанія сновидѣнія. Ассоціація приводитъ меня затѣмъ въ Англію, въ домъ моего брата, который дразнилъ мою жену фразой «fifty years ago»—заглавіемъ стихотворенія Теннисона, на что дѣти отвѣчали обычно: «fifteen years ago». Эта фантазія, связанная съ мыслями, вызванными видомъ графа Туна, подобно фасадамъ итальянскихъ церквей, не имѣетъ органической связи съ самымъ зданіемъ; въ противоположность, однако, этимъ фасадамъ, она изобилуетъ впрочемъ, пробѣлами, дефектами,

отдѣльныя ея части расплывчаты и прерываются тамъ и сямъ элементами внутренняго содержанія.

Первая ситуація сновидѣнія состоитъ изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, на которые я ее и разлагаю. Высокомѣрное настроеніе графа въ сновидѣніи напоминаетъ мнѣ одинъ гимназическій эпизодъ. У насъ былъ одинъ нелюбимый невѣжественный учитель; мы составили противъ него заговоръ, душой котораго былъ одинъ мой товарищъ, взявшій себѣ съ тѣхъ поръ за образецъ Генриха VIII Англійскаго. Нанесеніе главнаго удара выпало на долю мнѣ; поводомъ къ открытому возмущенію гимназистовъ послужилъ споръ, относительно значенія для Австріи Дуная (Вахау). Въ заговорѣ былъ замѣшанъ и единственный въ классѣ аристократъ, прозванный вслѣдствіе своего высокаго роста «жирафомъ». Когда его вызывалъ къ доскѣ нашъ школьный тиранъ, преподаватель нѣмецкаго языка, онъ держалъ себя приблизительно такъ же, какъ графъ въ сновидѣніи. Упоминаніе о любимомъ цвѣткѣ и то, что графъ сажаетъ себѣ въ петлицу нѣчто въ родѣ цвѣтка напоминаетъ сцену изъ королевскихъ трагедій Шекспира, открывающихся гражданской войной Алой и Бѣлой розы; къ воспоминанію этому поводомъ послужила мысль о Генрихѣ VIII. Отъ розъ затѣмъ недалеко до красныхъ и бѣлыхъ гвоздикъ (въ анализъ вторгаются неожиданно два стиха, одинъ нѣмецкій, другой испанскій: «Розы, тюльпаны, гвоздики, всѣ цвѣты увядаютъ».—«Isabelita no llores que se marchitan las flores». Испанскій стихъ изъ «Фигаро»). Бѣлая гвоздика у насъ въ Вѣнѣ отличительный знакъ антисемитовъ, красная же—соціалъ-демократовъ. Неожиданно всплываетъ воспоминаніе объ антисемитской выходкѣ во время одной моей поѣздки въ прекрасную Саксонію (англо-саксы). Третій эпизодъ, давшій поводъ къ образованію первой ситуаціи сновидѣнія, относится къ моему студенчеству. Въ одномъ нѣмецкомъ студенческомъ ферейнѣ состоялась дискуссія относительно взаимоотношенія философіи и естествознанія. Я, зеленый юноша, убѣжденный сторонникъ матеріалистической теоріи, сталъ защищать въ высшей степени одностороннюю точку зрѣнія. Послѣ меня поднялся старшій товарищъ, проявившій затѣмъ свои способности въ качествѣ политика и организатора массъ,—фамилія его напоминала названіе одного животнаго,—и какъ слѣдуетъ отдѣлалъ насъ; онъ тоже въ молодости «пасъ свиней», но потомъ, раскаявшись, вернулся въ отчій домъ. Я вышелъ изъ себя (какъ въ сновидѣніи), вскипѣлъ и отвѣтилъ что

теперь, узнавъ, что онъ пасъ свиней, я нисколько не удивляюсь тону его рѣчи (въ сновидѣніи я удивляюсь своему германскому настроенію). Всеобщее негодованіе; мнѣ предложили взять свои слова обратно, но я отказался. Оскорбленный былъ слишкомъ уменъ, чтобы вызвать меня изъ-за такого пустяка на дуэль и не обратилъ вниманіе на происшедшее.

Остальные элементы первой ситуаціи сновидѣнія относятся къ болѣе глубокимъ наслоеніямъ. Какое значеніе имѣетъ то, что графъ упоминаетъ о бѣлокопытникѣ? Я обращаюсь къ ассоціаціи. Бѣлокопытникъ—по-нѣм. «Huflattich»—lattice—салатъ—Salathund (по нѣм. выраженіе это аналогично нашей пословицѣ: Собака на сѣнѣ лежитъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ). Отсюда недалеко уже до ряда ругательствъ: жирафъ, свинья, собака; я могъ бы на основаніи вышеупомянутой фамиліи старшаго товарища дойти и другимъ путемъ до ругательнаго слова «оселъ», а тѣмъ самымъ и снова до воспоминанія объ одномъ профессорѣ. Далѣе я перевожу—самъ не знаю правильно ли—бѣлокопытникъ—Huflattich—французскимъ «pisse-en-lit»; я дѣлаю это на основаніи романа Золя «Жерминаль», въ которомъ дѣти приносятъ эту траву. Собака—chien—напоминаетъ по созвучію другую функцію человѣческаго организма (chier). Мы сможемъ сейчасъ объединить всѣ эти циничныя выраженія; въ томъ же самомъ «Жерминалѣ», трактующемъ вопросъ о грядущей революціи, описывается весьма своеобразное соревнованіе, имѣющее отношеніе къ выдѣленію газообразныхъ экскрецій flatus». Я замѣчаю, что по пути къ этому «flatus» я иду уже издалека,—отъ цвѣтовъ, испанскаго стишка, Изабеллы и Фердинанда, Генриха VIII и англійской исторіи къ борьбѣ армады съ Англіей, послѣ побѣднаго окончанія которой англичане выбили медаль съ надписью: «Afflavit et dissipati sunt», такъ какъ флотъ былъ разсѣянъ бурею. Это изреченіе я хотѣлъ какъ-то использовать полушутливо, полусерьезно для эпиграфа къ главѣ «Терапія», если бы могъ когда-нибудь дать подробный отчетъ въ своемъ пониманіи и методѣ лѣченія истеріи.

Второй ситуаціи сновидѣнія я не могу дать столь подробнаго освѣщенія, главнымъ образомъ изъ-за сопротивленія цензурѣ. Дѣло въ томъ, что я становлюсь здѣсь на мѣсто одного высокопоставленнаго лица того революціоннаго періода, страдавшаго „incotinentia alvi“ и т. п. На мой взглядъ я не имѣю здѣсь права избѣгнуть цензуры, хотя большую часть этихъ исторій разсказалъ мнѣ одинъ гофратъ (аудиторія, aula, consila-

rius aulicus). Рядъ комнатъ въ сновидѣніи вызванъ очевидно салонъ-вагономъ его превосходительства, въ который мнѣ удалось заглянуть на моментъ; привратница напоминаетъ мнѣ пожилую даму, которой я этимъ приношу довольно сомнительную благодарность за ея угощеніе и за множество прекрасныхъ исторій, которыя я слышалъ въ ея домѣ. Шествіе съ лампой приводитъ меня къ Грильпарцеру, у котораго имѣется прелестный эпизодъ аналогичнаго содержанія, использованный затѣмъ въ «Геро и Леандрѣ» (волны моря и любви—армада и буря).

Я долженъ отказаться и отъ подробнаго анализа обоихъ послѣднихъ отрывковъ сновидѣнія; я возьму изъ нихъ лишь тѣ элементы, которые относятся къ двумъ дѣтскимъ эпизодамъ, ради которыхъ я вообще и сообщаю свое сновидѣніе. Читатель вполнѣ справедливо предположитъ, что къ отказу отъ анализа меня побуждаетъ наличность сексуальнаго матеріала: это, правда, одно изъ моихъ основаній, хотя и не единственное. Человѣкъ часто не скрываетъ отъ себя самого многое, что должно держать въ тайнѣ отъ другихъ; здѣсь рѣчь идетъ не о причинахъ, вынуждающихъ меня скрывать результаты анализа, а о мотивахъ внутренней цензуры, скрывающихъ отъ меня самого истинное содержаніе сновидѣнія. Я долженъ поэтому сказать, что анализъ всѣхъ этихъ трехъ отрывковъ моего сновидѣнія вскрываетъ въ нихъ непріятное хвастовство и довольно смѣшную манію величія, давно уже не имѣющую мѣста въ бодрственной жизни; послѣдняя проявляется даже въ явномъ содержаніи сновидѣнія (я удивляюсь своей хитрости) и объясняетъ мое заносчивое поведеніе вечеромъ наканунѣ сновидѣнія.

Къ двумъ вышеупомянутымъ эпизодамъ дѣтства относится слѣдующее: я купилъ себѣ для путешествія новый чемоданъ, цвѣтъ котораго—ливовато-красный—нѣсколько разъ проявляется въ сновидѣніи (фіалки въ моей петлицѣ и мебель въ аудиторіи). То, что все новое бросается людямъ въ глаза,—представляетъ собою обычное общеизвѣстное убѣжденіе дѣтей. Мнѣ какъ-то разсказывали слѣдующій эпизодъ изъ моего дѣтства, воспоминаніе о которомъ замѣщено воспоминаніемъ о разсказѣ. Въ возрастѣ двухъ лѣтъ я страдалъ дѣтской enuresis nocturna и въ отвѣтъ на упреки отца захотѣлъ утѣшить его обѣщаніемъ купить въ Н. (ближайшій большой городъ) новую хорошую красную постель. (Отсюда въ сновидѣніи—что мы стаканъ купили въ городѣ или должны были купить; то, что обѣщано, нужно исполнить). Въ этомъ обѣ-

щанiи содержится вся манія величія ребенка. Значенie enuresis nocturna ребенка въ сновидѣнiи разъяснено нами уже въ анализѣ одного изъ предыдущихъ сновидѣній. Есть еще одинъ эпизодъ, относящійся къ моему 7-лѣтнему возрасту, который прекрасно сохранился въ моей памяти. Однажды вечеромъ передъ тѣмъ, какъ лечь спать, я вопреки приказанiю родителей удовлетворилъ свою потребность въ ихъ спальнѣ и въ ихъ присутствiи. Отецъ, ругая меня, замѣтилъ: изъ тебя ничего не выйдетъ! Это было повидимому страшнымъ оскорбленiемъ моему самолюбiю, такъ какъ воспоминанie объ этомъ эпизодѣ постоянно проявляется въ моихъ сновидѣнiяхъ и связано обычно съ перечисленiемъ моихъ заслугъ и успѣховъ, точно я хочу этимъ сказать: видишь, изъ меня все-таки кое-что вышло. Этотъ дѣтскiй эпизодъ даетъ матерiалъ для послѣдней ситуацiи сновидѣнiя, въ которой, разумѣется, въ цѣляхъ мести, роли перемѣшаны. Пожилой господинъ,-очевидно, мой отецъ, такъ какъ слѣпота на одинъ глазъ объясняется его глаукомой,—продѣлываетъ передо мною то же самое, что когда-то я передъ нимъ. При помощи глаукомы же я напоминаю ему о кокаинѣ, весьма помогшемъ ему при операцiи,—и этимъ какъ бы исполняю свое обѣщанie. Кромѣ того я насмѣхаюсь надъ нимъ; онъ слѣпъ, и я держу передъ нимъ стаканъ,—это намекъ на мои успѣхи въ области изученiя истерiи, которыми я очень горжусь.

Если оба эпизода моего дѣтства и безъ того уже связаны съ темой манiи величiя, то воспоминанiю о нихъ во время путешествiя въ Аусзее помогло еше то случайное обстоятельство, что въ моемъ купэ не было ватеръ-клозета, я былъ готовъ испытать ночью неудобство и дѣйствительно съ соотвѣтствуюшимъ ощущенiемъ я и проснулся. Я самъ былъ бы склоненъ придать этимъ ощущенiямъ роль активнаго возбудителя сновидѣнiя, но придерживаюсь скорѣе другого воззрѣнiя, а именно того, что лишь мысли, скрытыя въ сновидѣнiи, вызваны упомянутой потребностiю. Я никогда по этой причинѣ не просыпаюсь, особенно же въ такое раннее время, какъ въ этотъ разъ: 3/4 3 ч. утра Опытъ въ анализѣ сновидѣнiй убѣдилъ меня въ томъ, что даже въ сновидѣнiяхъ, толкованie которыхъ кажется на первый взглядъ исчерпывающимъ, такъ какъ и источники ихъ и желанiя, лежащiя въ ихъ основѣ вполнѣ доступны и очевидны,—что даже въ этихъ сновидѣнiяхъ содержатся мысли, простирающiяся къ далекому дѣтству; въ виду этого я долженъ задаться вопросомъ, не представляетъ ли собою эта особенность существенное условie всякаго сновидѣнiя. Обобщая эту мысль, я говорю, что

каждое сновидѣніе въ своемъ очевидномъ содержаніи связано со свѣжими переживаніями,—скрытое же содержаніе его обнаруживаетъ связь съ болѣе ранними переживаніями, которыя, напримѣръ, при анализѣ исторіи остаются свѣжими до послѣдняго дня. Это утвержденіе, однако, не легко, доказуемо; я буду имѣть случай еще разъ коснуться вѣроятной роли раннихъ переживаній дѣтства въ образованіи сновидѣній. Изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами особенностей памяти въ сновидѣніи одна – преобладаніе въ сновидѣніи элементовъ второстепенной важности—вполнѣ удовлетворительно разъяснена нами искажающей дѣятельностью сновидѣнія. Двѣ другихъ особенности—наличность свѣжихъ впечатлѣній и переживаній дѣтства,—нами лишь констатированы, но въ недостаточной степени разъяснены. Отмѣтимъ же пока обѣ эти особенности, не стараясь ихъ разъяснять; мы возвратимся къ нимъ при психологическомъ объясненіи состоянія сна и при разсмотрѣніи структуры душевнаго аппарата, когда мы увидимъ, что благодаря толкованію сновидѣнія, какъ благодаря открытому окну, можно бросить взглядъ въ затаенныя глубины нашей психики.

Объ одномъ выводѣ изъ нашихъ послѣднихъ анализовъ сновидѣній я упомяну, однако, здѣсь. Сновидѣніе представляется зачастую многосмысленнымъ; въ немъ могутъ не только объединяться, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры, нѣсколько осуществленій желаній, но одинъ смыслъ, одно осуществленіе желанія можетъ покрывать другое, покуда въ самомъ послѣднемъ смыслѣ мы не натолкнемся на осуществленіе желанія ранняго дѣтства.

c) Соматическіе источники сновидѣній.

Если спросить интеллигентнаго человѣка, несвѣдущаго въ области психологіи, но интересующагося проблемой сновидѣнія, изъ какихъ источниковъ, по его мнѣнію, проистекаютъ сновидѣнія, то можно замѣтить, что спрошенный будетъ всегда убѣжденъ въ неопровержимости своего разрѣшенія хотя бы части этой проблемы. Онъ упомянетъ тотчасъ же о вліяніи, которое производитъ во время сна разстроенное пищевареніе, случайное положеніе тѣла и другія мелкія ощущенія на образованіе сновидѣній; онъ не предполагаетъ, однако, что помимо всѣхъ этихъ моментовъ остается все еще многое, требующее особаго разъясненія.

Какое мѣсто отводится соматическимъ источникамъ образованія сновидѣнія въ научной литературѣ, мы уже подробно

разсмотрѣли въ первой главѣ, такъ что здѣсь достаточно лишь упомянуть о выводахъ нашего обзора. Мы слышали, что различаютъ три соматическихъ источника: объективныя чувственныя раздраженія, получаемыя извнѣ,—субъективныя внутреннія возбужденія органовъ чувствъ—и физическія раздраженія, получаемыя изнутри; мы замѣтили, далѣе склонность почти всѣхъ ученыхъ, утверждающихъ наличность этихъ соматическихъ источниковъ, отодвигать на задній планъ или совсѣмъ отрицать наличность какихъ бы то ни было психическихъ источниковъ сновидѣнія. При разсмотрѣніи воззрѣній относительно этихъ соматическихъ источниковъ мы узнали, что значеніе объективныхъ раздраженій органовъ чувствъ—отчасти случайныхъ раздраженій во время сна, отчасти же такихъ, которыя не отсутствуютъ и въ душѣ спящаго—подтверждается многочисленными наблюденіями; послѣднія говорятъ за то, что роль субъективныхъ чувственныхъ раздраженій проявляется въ сновидѣніяхъ воспроизведеніемъ гипнагогическихъ галлюцинацій и что сведеніе нашихъ сновидѣній къ внутреннимъ физическимъ раздраженіямъ хотя и недоказуемо во всемъ своемъ объемѣ, но основывается на общеизвѣстномъ воздѣйствіи, которое оказываетъ на содержаніе нашихъ сновидѣній возбужденное состояніе органовъ пищеваренія и мочеполовой сферы.

«Нервныя» и «физическія» раздраженія — вотъ соматическіе источники сновидѣній, т. е. согласно большинству авторовъ вообще единственные источники сновидѣній.

Мы слышали, однако, и цѣлый рядъ возраженій, которыя обращаются не столько противъ правильности, сколько противъ примѣнимости теоріи соматическихъ раздраженій.

Какъ ни увѣрены всѣ представители этой теоріи въ своей непоколебимости и въ своихъ фактическихъ основаніяхъ—особенно въ отношеніи случайныхъ и внѣшнихъ нервныхъ раздраженій, которыя не трудно обнаружить въ содержаніи сновидѣнія,—все же никто не отрицаетъ того, что обильный матеріалъ представленій, имѣющійся на-лицо въ сновидѣніяхъ, не допускаетъ исключительнаго сведенія къ внѣшнимъ нервнымъ раздраженіямъ. Миссъ Калькинсъ [12]) въ теченіе шести недѣль наблюдала свои собственныя сновидѣнія и сновидѣнія другихъ лицъ именно съ этой точки зрѣнія и нашла всего лишь 13,2%, въ которыхъ можно прослѣдить элементы внѣшняго чувственнаго воспріятія; лишь два случая изъ ея коллекціи сводятся цѣликомъ къ органическимъ ощущеніямъ. Статистика

подтверждаетъ намъ здѣсь то, въ чемъ мы уже убѣдились изъ бѣглаго обзора нашихъ собственныхъ наблюденій.

Ученые ограничиваются часто тѣмъ, что отличаютъ сновидѣнія, вызванныя нервнымъ раздраженіемъ, отъ остальныхъ формъ сновидѣній. Спитта [64]) раздѣляетъ сновидѣнія на проистекающія отъ нервныхъ раздраженій и на ассоціаціонныя. Ясно, однако, что это разрѣшеніе проблемы недостаточно,— необходимо установить связь между соматическими источниками сновидѣній и комплексомъ представленій въ послѣднихъ.

Наряду съ первымъ возраженіемъ относительно постоянной наличности внѣшнихъ источниковъ раздраженія можно выставить и второе относительно недостаточности теоріи для разъясненія сновидѣній, достигаемаго сведеніемъ ихъ къ этого рода источникамъ. Представители названной теоріи должны намъ дать разъясненіе, во-первыхъ, относительно того, почему внѣшнія раздраженія представляются въ сновидѣніи не въ своемъ истинномъ видѣ, а постоянно искажаются, и, во-вторыхъ, почему результатъ реакціи воспринимающей души на это искаженное раздраженіе бываетъ столь измѣнчивъ и неопредѣленъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы слыхали отъ Штрюмпеля [66]), что душа вслѣдствіе своей изолированности отъ внѣшняго міра во время сна не можетъ давать правильнаго толкованія объективнымъ чувственнымъ раздраженіямъ, а вынуждается на основаніи неопредѣленнаго возбужденія къ образованію иллюзій. Онъ говоритъ (стр. 108):

«Какъ только благодаря внѣшнему или внутреннему нервному раздраженію во время сна возникаетъ ощущеніе или цѣлый комплексъ ощущеній, чувствъ или вообще какіе-либо психическіе процессы и усвояются ею, то процессъ этотъ вызываетъ въ душѣ образы, относящіеся къ кругу представленій бодрственнаго сознанія,—т. е. воспроизводитъ прежнія воспріятія, либо въ ихъ сыромъ видѣ, либо же въ связи съ соотвѣтственными психическими цѣнностями. Онъ какъ бы собираетъ вокругъ себя большее или меньшее количество такихъ образовъ, отъ которыхъ впечатлѣніе, проистекающее отъ нервнаго раздраженія, получаетъ свою психическую цѣнность. Въ соотвѣтствіи съ бодрственной жизнью и здѣсь говорятъ обычно, что душа во снѣ толкуетъ впечатлѣнія, проистекающія отъ нервныхъ раздраженій. Въ результатѣ такого толкованія мы и получаемъ сновидѣнія, составныя части которыхъ обусловлены тѣмъ, что нервное раздраженіе по законамъ воспроизведенія совершаетъ на душевную жизнь свое психическое воздѣйствіе».

По существу своему сходнымъ съ этимъ ученіемъ является утвержденіе Вундта [76]), что представленія сновидѣній проистекаютъ по большей части отъ чувственныхъ раздраженій, главнымъ же образомъ отъ раздраженій общаго чувства и представляютъ собою поэтому въ большинствѣ случаевъ фантастическія иллюзіи и лишь въ незначительной мѣрѣ чистыя представленія памяти, повышенныя до степени галлюцинацій. Соотношеніе содержанія сновидѣнія съ раздраженіями, вытекающее изъ этой теоріи, похоже, по мнѣнію Штрюмпеля (стр. 84) на то, «какъ будто десять пальцевъ немузыкальнаго человѣка бѣгаютъ по клавишамъ рояля». Сновидѣніе представляется, такимъ образомъ, не душевнымъ явленіемъ, проистекающимъ изъ психическихъ мотивовъ, а послѣдствіемъ физическаго раздраженія, выражающимся въ психической симптомологіи, такъ какъ душевный аппаратъ, испытывающій раздраженіе, не способенъ ни на какое другое измѣненіе. На аналогичной предпосылкѣ построено, напримѣръ, и объясненіе навязчивыхъ представленій: Мейнертъ старается разъяснить ихъ извѣстнымъ сравненіемъ съ циферблатомъ, на которомъ отдѣльныя цифры кажутся болѣе отчетливыми.

Какъ ни популярна эта теорія соматическихъ раздраженій и какъ ни подкупаетъ она своей простотой, все же чрезвычайно легко подмѣтить ея слабыя стороны. Всякое соматическое раздраженіе, побуждающее во снѣ душевный аппаратъ къ толкованію черезъ посредство образованія иллюзій, можетъ послужить поводомъ безчисленнаго количества такихъ же толкованій, т. е. выразиться въ содержаніи сновидѣнія въ безконечно разнообразныхъ формахъ. Ученіе Штрюмпеля и Вундта не можетъ, однако, привести ни одного мотива, который регулировалъ бы соотношеніе внутренняго раздраженія и представленія, избраннаго для его толкованія: она не можетъ разъяснить «странный выборъ», который раздраженія часто совершаютъ при своей репродуцирующей дѣятельности. (Липпсъ «Основныя посылки душевной жизни», стр. 170). Другія возраженія направляются противъ основной посылки всего ученія объ иллюзіяхъ, противъ того, что душа во снѣ не въ состояніи познать истинной природы объективныхъ чувственныхъ раздраженій. Старый физіологъ Бурдахъ [8]) показываетъ намъ, что душа и во снѣ способна правильно толковать воспринимаемыя чувственныя впечатлѣнія и реагировать на нихъ: онъ говоритъ, что нѣкоторыя болѣе важныя для индивидуума впечатлѣнія не подвергаются искаженію и что субъектъ гораздо скорѣе пробуждает-

ся отъ произнесенія его собственнаго имени, чѣмъ отъ безразличнаго слухового ощущенія; эта предполагаетъ, однако, что душа и во снѣ различаетъ между собою ощущенія. Бурдахъ заключаетъ изъ этихъ наблюденій, что во время сна на-лицо не неспособность къ толкованію чувственныхъ впечатлѣній, а недостатокъ интереса къ нимъ. Тѣ же аргументы, которыми пользовался въ 1830 году Бурдахъ, имѣются въ 1883 г. и у Липпса въ его критикѣ теоріи соматическихъ раздраженій. Душа напоминаетъ намъ поэтому спящаго въ анекдотѣ, который на вопросъ: «Ты спишь?» отвѣчаетъ: «нѣтъ», въ отвѣтъ же на просьбу: «одолжи мнѣ 10 кронъ», говоритъ: «я сплю».

Недостаточность теоріи соматическихъ раздраженій очевидна еще и въ другомъ отношеніи: наблюденіе показываетъ, что внѣшнія раздраженія не обязательно вызываютъ сновидѣнія хотя и появляются въ содержаніи послѣднихъ, если сновидѣнія все же бываютъ на-лицо. На раздраженіе осязанія, испытываемое мною во снѣ, я могу реагировать различнымъ образомъ; я могу не замѣтить его и увидѣть потомъ по пробужденіи, что напримѣръ, у меня не закрыта нога, или неправильно согнута рука; патологія указываетъ на многочисленные примѣры того, что различныя раздраженія во время сна не оказываютъ никакого содѣйствія. Я могу ощутить раздраженіе какъ бы сквозь сонъ, что обыкновенно и происходитъ съ болѣзненными ощущеніями,—но ощущеніе это не послужитъ канвой для сновидѣнія. И, въ третьихъ, я могу проснуться отъ раздраженія съ цѣлью его устранить. И лишь четвертая возможность заключается въ томъ, что нервное раздраженіе можетъ вызвать у меня сновидѣніе. Однако первыя три возможности настолько же часты, если не чаще, чѣмъ четвертая. Послѣдняя не могла бы наступить, если бы не было на-лицо мотивовъ сновидѣнія внѣ соматическихъ источниковъ раздраженія.

Вполнѣ справедливо замѣтивъ вышеуказанные пробѣлы въ объясненіи сновидѣній соматическими разраженіями, другіе авторы, Шернеръ[58]) и Фольпельтъ[72]) старались точнѣе опредѣлить душевную дѣятельность, при помощи которой соматическія раздраженія вызываютъ причудливыя, странныя сновидѣнія: такимъ образомъ, они снова перенесли сущность сновидѣнія въ область душевной жизни, въ психическую активность. Шернеръ далъ не только поэтическое образованіе психическихъ особенностей, проявляющихся при образованіи сновидѣнія; онъ былъ увѣренъ, что открылъ и законъ, согласно которому душа оперируетъ съ воспринятыми ею раздраженіями.

Освобожденная отъ дневныхъ оковъ, фантазія въ сновидѣніи стремится, по мнѣнію Шернера, символически изобразить природу органа, отъ котораго исходитъ раздраженіе и самый характеръ послѣдняго; получается, такимъ образомъ, своего рода «сонникъ», при помощи котораго на основаніи сновидѣній можно судить о физическихъ ощущеніяхъ, состояніи отдѣльныхъ органовъ и различныхъ раздраженіяхъ.

«Такъ, напримѣръ, образъ кошки выражаетъ дурное настроеніе, видъ свѣтлаго гладкаго хлѣба—наготу, человѣческое тѣло, какъ, цѣлое изображается въ сновидѣніи въ видѣ дома, отдѣльныя части тѣла въ видѣ частей дома. Въ сновидѣніяхъ, вызванныхъ зубной болью, полости рта соотвѣтствуютъ сводчатыя сѣни дома, а переходу глотки въ пищеводъ—лѣстница; въ сновидѣніи, вызванномъ головной болью, для изображенія головы фантазія избираетъ потолокъ комнаты, сплошь усѣянный отвратительными пауками» (Фолькельтъ[72]) стр. 30). Сновидѣніе выбираетъ для каждаго органа различные символы; вдыхающее легкое находитъ себѣ выраженіе въ раскаленной печкѣ съ бушующимъ пламенемъ; сердце—въ пустыхъ ящикахъ и корзинахъ; мочевой пузырь въ круглыхъ мѣшкообразныхъ или вообще лишь полыхъ предметахъ. Особенно важно то, что въ концѣ сновидѣнія органъ или его функція представляются въ истинномъ видѣ и даже большею частію на собственномъ тѣлѣ спящаго. Такъ, напримѣръ, сновидѣніе о зубной боли кончается обычно тѣмъ, что спящій вырываетъ себѣ зубъ изо рта» (стр. 35). Нельзя сказать, чтобы эта теорія толкованія сновидѣнія нашла широкое распространеніе въ ученомъ мірѣ. Она показалась прежде всего черезчуръ экстравагантной; въ ней не замѣтили даже той доли истины, которая несомнѣнно въ ней имѣется. Она приводитъ къ возстановленію толкованія сновидѣнія при помощи символики, которою пользовались древніе, съ той только разницей, что область, изъ которой берется толкованіе, ограничивается физическимъ міромъ человѣка. Недостатокъ научной конкретной техники при толкованіи составляетъ слабую сторону ученія Шернера. Возможность произвола при толкованіи сновидѣній здѣсь, повидимому, не исключается, особенно потому, что каждое раздраженіе можетъ проявляться въ сновидѣніи различнѣйшимъ образомъ: такъ напримѣръ, уже послѣдователь Шернера, Фолькельтъ, не соглашался съ его утвержденіемъ, будто человѣческое тѣло изображается въ сновидѣніи въ видѣ дома. Несомнѣнно вызываетъ возраженіе и то, что здѣсь сновидѣніе представляется въ видѣ

безполезной и безцѣльной душевной дѣятельности, такъ какъ согласно данной теоріи, душа довольствуется тѣмъ, что фантазируетъ объ интересующемъ ее раздраженіи.

Еще одно возраженіе наноситъ серьезный ударъ ученію Шернера о символизаціи физическихъ раздраженій въ сновидѣніи. Эти физическія раздраженія постоянно на-лицо; душа во время сна доступнѣе для нихъ, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Непонятно, такимъ образомъ, почему душа не грезитъ непрестанно всю ночь и не каждую ночь обо всѣхъ этихъ органахъ. Если на возраженіе отвѣтить тѣмъ, что глаза, уши, зубы, кишечникъ и пр. должны испытывать особыя раздраженія, чтобы пробудить дѣятельность сновидѣнія, то возникаетъ трудность установленія такого усиленнаго раздраженія,—это возможно лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Если сновидѣніе о летаніи является символизаціей подниманія и опусканія стѣнокъ легкихъ, то сновидѣніе это либо должно грезиться чаще, либо же во время этого сновидѣнія должна набюдаться повышенная дѣятельность легкихъ. Возможенъ, однако, еще и третій случай, наиболѣе вѣроятный изъ всѣхъ: что иногда дѣйствуютъ особые мотивы, имѣющіе цѣлью обращать вниманіе на постоянно имѣющіяся налицо ощущенія. Но этотъ случай выводитъ уже насъ за предѣлы теоріи Шернера.

Значеніе теоріи Шернера и Фолькельта заключается въ томъ, что она обращаетъ вниманіе на цѣлый рядъ особенностей содержанія сновидѣнія, требующихъ объясненія и скрывающихъ за собою новыя истины. Совершенно справедливо, что въ сновидѣніяхъ содержатся символизаціи тѣлесныхъ органовъ и ихъ функцій, что вода въ сновидѣніи означаетъ часто потребность въ мочеиспусканіи, что мужской половой органъ изображается при помощи насоса, палки или колонны.

Сновидѣнія, изобилующія яркими красками, безусловно могутъ быть сведены къ раздраженію зрительныхъ органовъ. Сновидѣніе, сообщаемое Шернеромъ о томъ, что на мосту стоятъ два ряда красивыхъ бѣлокурыхъ мальчиковъ, дерутся другъ съ другомъ, потомъ возвращаются на свои мѣста, пока, наконецъ, спящій самъ не садится на мостъ и не вынимаетъ изъ челюсти большого зуба; или другое сновидѣніе Фолькельта, въ которомъ онъ видѣлъ два ряда ящиковъ и которое опять-таки заканчивалось выниманіемъ зуба,—всѣ эти сновидѣнія не даютъ права считать теорію Шернера созданіемъ праздной фантазіи и отрицать наличность въ ней зерна истины.

Обсуждая теорію соматическихъ раздраженій, я все время не указывалъ аргумента, вытекающаго изъ нашихъ анализовъ сновидѣній. Если мы при помощи метода, который другіе авторы не примѣняли къ своему матеріалу, установили, что сновидѣніе обладаетъ особой цѣнностью въ качествѣ психическаго акта, что мотивомъ его образованія служитъ желаніе, и что переживанія предыдущаго дня даютъ главнѣйшій матеріалъ для его содержанія, то всякая другая теорія сновидѣнія, отрицающая этотъ методъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считающая сновидѣніе безцѣльной и загадочной психической реакціей на соматическія раздраженія, не имѣетъ подъ собою никакой почвы. Въ этомъ случаѣ, что совершенно невѣроятно, должны были бы быть два различныхъ вида сновидѣній, изъ которыхъ одни наблюдаются лишь нами, другія же прежними изслѣдователями сновидѣній. Мы должны теперь согласовать съ нашей теоріей тѣ факты, на которые опирается распространенное ученіе о соматическихъ раздраженіяхъ.

Первый шагъ къ этому мы уже сдѣлали, когда говорили, что дѣятельность сновидѣнія вынуждается къ переработкѣ всѣхъ возбуждающихъ его моментовъ въ одно цѣлое; мы видѣли, что если съ предыдущаго дня остаются два или болѣе цѣнныхъ переживанія, то желанія, вытекающія изъ нихъ, объединяются въ сновидѣніи, а также и то, что впечатлѣнія, имѣющія психическую цѣнность для матеріала сновидѣнія, объединяются въ безразличныхъ переживаніяхъ предыдущаго дня при томъ условіи, если между тѣми и другими могутъ быть образованы связующія представленія. Сновидѣнія пользуются, такимъ образомъ, реакціей на все то, что имѣется въ данный моментъ живого и свѣжаго въ спящей душѣ. Изъ предыдущихъ анализовъ сновидѣній мы знаемъ, что матеріалъ ихъ представляетъ собою собраніе психическихъ рудиментовъ и слѣдовъ воспоминаній, за которыми необходимо признать (вслѣдствіе предпочтенія свѣжаго и дѣтскаго матеріала) психологически неопредѣленный характеръ «живости». Намъ не будетъ трудно отвѣтить на то, что произойдетъ, если къ этому матеріалу во время сна прибавится новый матеріалъ—раздраженія. Эти раздраженія пріобрѣтаютъ опять таки цѣность для сновидѣнія тѣмъ, что они «живы»; они объединяются съ другими психическими моментами и вмѣстѣ съ ними образуютъ матеріалъ сновидѣнія. Выражаясь иначе, раздраженія во время сна перерабатываются въ осуществленіе желанія, остальными частями котораго остаются уже знакомые намъ психическіе остатки предыдущаго дня. Такого соединенія

можетъ, однако, и не произойти; мы уже слышали, что по отношенію къ физическимъ раздраженіямъ во время сна возможно и безразличіе. Тамъ же, гдѣ оно происходитъ, находятся, очевидно, представленія, которыя способны дать выраженіе обоимъ источникамъ сновидѣнія, соматическому и психическому.

Сущность сновидѣнія нисколько не измѣняется, когда къ его психическому источнику прибавляется соматическій матеріалъ; оно остается осуществленіемъ желанія, безразлично, какимъ бы образомъ выраженіе его ни обусловливалось «живымъ» матеріаломъ.

Я охотно удѣляю здѣсь мѣсто ряду особенностей, которыя дѣлаютъ значеніе внѣшнихъ раздраженій для сновидѣнія измѣнчивымъ. Я утверждаю, что взимоотношеніе индивидуальныхъ, физіологическихъ и случайныхъ моментовъ обусловлено тѣмъ, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ воспринимаютъ интенсивныя объективныя раздраженія во время сна; обычная или случайная глубина сна въ связи съ интенсивностью раздраженія даетъ иногда возможность подавить раздраженіе настолько, что оно совершенно не нарушаетъ сна, въ другой же разъ то же самое раздраженіе можетъ заставить проснуться или же, наконецъ, дать поводъ къ включенію раздраженія въ сновидѣніе. Сообразно съ этимъ внѣшнія объективныя раздраженія у одного субъекта могутъ чаще или, наоборотъ, рѣже проявляться въ сновидѣніяхъ, нежели у другого. Я лично сплю превосходно, и меня разбудить очень трудно, внѣшнія впечатлѣнія чрезвычайно рѣдко проявляются въ моихъ сновидѣніехъ, между тѣмъ какъ психическіе мотивы чрезвычайно легко заставляютъ меня грезить. Я наблюдалъ у себя лишь одно сновидѣніе, въ которомъ можно подмѣтить наличность объективныхъ болѣзненныхъ раздраженій, и какъ разъ на примѣрѣ этого сновидѣнія легко показать, какой эффектъ можетъ вызвать внѣшнее раздраженіе.

Я ѣду верхомъ на сѣрой лошади, въ началѣ робко и не рѣшительно, какъ будто сижу неудобно. Я встрѣчаю коллегу; онъ сидитъ на лошади молодцомъ и почему-то надо мною смѣется (вѣроятно потому, что я сижу очень неловко). Я стараюсь устроиться на моей умной лошади поудобнѣе, усаживаюсь получше и вдругъ замѣчаю, что чувствую себя, какъ дома. Вмѣсто сѣдла у меня нѣчто въ родѣ матраца; онъ заполняетъ собою весь проме-

жутокъ между шеей лошади и крупомъ. Проѣхавъ улицу, я поворачиваю и хочу слѣзть съ лошади у маленькой открытой часовни. Но проѣзжаю мимо и слѣзаю только у сосѣдней. На той же улицѣ имѣется и постоялый дворъ. Я могъ бы пустить туда лошадь и одну, но я предпочитаю отвести ее туда. У меня чувство, будто мнѣ было стыдно пріѣхать туда верхомъ. Передъ постоялымъ дворомъ стоитъ мальчикъ, показываетъ мнѣ записку, которую я обронилъ, и смѣется надо мною; на запискѣ написано и дважды подчеркнуто: «Не ѣсть». И вторая фраза: «Не работать». У меня чувство, будто я въ чужомъ городѣ, и мнѣ дѣлать нечего.

Въ сновидѣніи этомъ трудно подмѣтить, чтобы оно возникло подъ вліяніемъ какого-либо болѣзненнаго раздраженія. Наканунѣ, однако, я страдалъ отъ фурункуловъ, мѣшавшихъ мнѣ двигаться; самый большой фурункулъ былъ у меня въ паху и причинялъ мнѣ при малѣйшемъ шагѣ нестерпимыя боли; утомленіе, отсутствіе аппетита и усиленная работа при болѣзни,—все вмѣстѣ взятое послужило причиной моего угнетеннаго состоянія духа. Мнѣ было трудно принимать больныхъ, но, конечно, это занятіе не было такъ невозможно для меня при данномъ характерѣ моей болѣзни, какъ, напримѣръ, верховая ѣзда. Сновидѣніе, однако, изображаетъ именно послѣднюю; это наиболѣе энергичное отрицаніе страданій. Я вообще не ѣзжу верхомъ, верховая ѣзда мнѣ никогда не снится; я всего одинъ разъ сидѣлъ на лошади и то на неосѣдланной. Но въ сновидѣніи я ѣду верхомъ, точно у меня нѣтъ никакихъ фурункуловъ—в ѣ р н ѣ е, именно потому, что я не хочу ихъ и м ѣ т ь. Мое сѣдло соотвѣтствуетъ согрѣвающему компрессу, благодаря которому я только и уснулъ. Вѣроятно, вначалѣ я не чувствовалъ боли, поэтому появилось болѣзненное ощущеніе и старалось меня разбудить; но появилось сновидѣніе и сказало успокоительнымъ тономъ: «Спи, ты не проснешься. У тебя нѣтъ никакихъ фурункуловъ,—ты ѣдешь верхомъ на лошади. Вѣдь съ фурункулами ты бы ѣхать не могъ!» Успокоительная роль удалась сновидѣнію; боль была заглушена, и я продолжалъ спать.

Сновидѣніе, однако, не удовлетворилось тѣмъ, что внушило мнѣ отсутствіе фурункуловъ при помощи представленія,

совершенно несовмѣстимаго съ моей болѣзнью: подробности подавленнаго ощущенія и образъ, послужившій къ его подавленію, служитъ ему также и матеріаломъ для приведенія въ связь ситуаціи сновидѣнія съ тѣмъ, что было «живо» въ моей душѣ. Я ѣду верхомъ на сѣрой лошади; цвѣтъ лошади соотвѣтствуетъ въ точности коляскѣ перечнаго цвѣта, въ которой я недавно встрѣтилъ коллегу П. Острая пища мнѣ запрещена ввиду фурункулеза. Коллега П. немного задираетъ передо мною носъ (непереводимая игра словъ: по нѣм. «сидѣть молодцомъ на лошади»—«hoch zu Ross sitzen»; это же выраженіе обозначаетъ фигурально и «задирать носъ»), особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялъ мое мѣсто у одной паціентки, съ которой я продѣлывалъ всевозможные кунстштюки. (Въ сновидѣніи я сижу вначалѣ на лошади въ странной позѣ, точно клоунъ въ циркѣ, т. е. дѣлаю кунстштюки); паціентка эта, однако, подобно лошади въ анекдотѣ съ неопытнымъ всадникомъ, дѣлала со мной, что угодно. Такимъ образомъ, лошадь служитъ символическимъ выраженіемъ моей паціентки (она въ сновидѣніи очень умна). «Я чувствую себя совершенно, какъ дома», это соотвѣтствуетъ моему положенію въ домѣ, въ которомъ меня замѣнилъ коллега П. «Я думалъ, вы сидите прочно въ сѣдлѣ», сказалъ мнѣ недавно по этому поводу одинъ изъ моихъ коллегъ. Съ такими болями, какъ у меня, было дѣйствительно кунстштюкомъ заниматься 8—10 часовъ психотерапіей, но я знаю, что, будучи боленъ, я не долго смогу продолжать такъ работать, и сновидѣніе содержитъ мрачный намекъ на ту ситуацію, которая мнѣ угрожаетъ:—«не работать и не ѣсть». При дальнѣйшемъ анализѣ я замѣчаю, что сновидѣнію удалось отъ желанія избавиться отъ болѣзни, осуществленнаго въ верховой ѣздѣ, перейти къ эпизоду моего дѣтства: ссорѣ, происшедшей между мною и однимъ моимъ родственникомъ. Кромѣ того оно использовало элементы изъ моихъ путешествій въ Италію; улица въ сновидѣніи напоминаетъ мнѣ о поѣздкѣ въ Веррону и въ Сіену. Болѣе глубокій анализъ приводитъ меня къ мыслямъ сексуальнаго характера.

Среди сновидѣній, сообщенныхъ въ предыдущихъ главахъ, можно найти нѣсколько яркихъ примѣровъ переработки, такъ называемыхъ, нервныхъ раздраженій. Такимъ примѣромъ можетъ служить сновидѣніе о питьѣ залпомъ; въ немъ соматическое раздраженіе является, повидимому, единственнымъ источникомъ сновидѣнія, а желаніе, вызванное ощущеніемъ—жажда—един-

ственнымъ мотивомъ его. Аналогично обстоитъ дѣло и въ другихъ простыхъ сновидѣніяхъ, когда соматическое раздраженіе само по себѣ способно осуществить желаніе. Сновидѣніе больной, которая ночью срываетъ у себя со щеки охлаждающій аппаратъ, обнаруживаетъ довольно необычайное реагированіе осуществленія желанія на болѣзненное ощущеніе.

Мое сновидѣніе о трехъ Паркахъ вызвано, очевидно, голодомъ, но оно сводитъ этотъ голодъ вплоть до потребности ребенка въ материнской груди и пользуется самой невинной потребностью для прикрытія болѣе серьезной, лишенной возможности проявиться въ такомъ неприкрашенномъ видѣ. Въ сновидѣніи о графѣ Тунѣ мы видѣли, какимъ образомъ случайная физическая потребность соединяется съ болѣе сильными, но и съ наиболѣе подавленными движеніями души. И если въ сообщаемомъ Гарнье случаѣ Первый Консулъ превратилъ шумъ взорвавшейся адской машины въ сновидѣніе о битвѣ то тутъ чрезвычайно ясно обнаруживается стремленіе, ради котораго душевная дѣятельность вообще интересуется во время сна ощущеніями. Сопоставимъ это сновидѣніе Наполеона, обладавшаго, кстати, превосходнымъ сномъ, съ другимъ сновидѣніемъ вышеупомянутаго студента, которому, вслѣдъ за словами хозяйки, что ему пора въ госпиталь, приснилось, будто онъ спитъ въ госпиталѣ и онъ продолжалъ спать, сказавъ себѣ: разъ я уже въ госпиталѣ, то мнѣ не нужно вставать, чтобы итти туда; послѣднее сновидѣніе вызвано, очевидно, стремленіемъ къ удобству; спящій сознаетъ мотивъ своего сновидѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ загадку сновидѣнія вообще.

Въ извѣстномъ смыслѣ всѣ сновидѣнія вызваны стремленіемъ къ удобству; они служатъ желанію продолжить сонъ, вмѣсто того, чтобы проснуться. Сновидѣніе—стражъ сна, а не нарушитель его. По отношенію къ психическимъ моментамъ мы докажемъ правильность этого утвержденія въ другомъ мѣстѣ; его же примѣнимость къ роли объективныхъ внѣшнихъ раздраженій мы постараемся обосновать уже здѣсь. Душа либо совершенно не считается съ ощущеніями во время сна, если только это возможно по отношенію къ интенсивности и къ сознаваемому ею значенію этихъ раздраженій, или же она пользуется сновидѣніемъ, чтобы отрицать наличность этихъ раздраженій, или же, въ третьихъ, будучи принуждена признать ихъ, она старается истолковать ихъ такимъ образомъ, чтобы они стали составною частію желаемой и согласуемой со

сновидѣніемъ ситуацiей. Ощущеніе вплетается въ сновидѣніе и тѣмъ самымъ лишается своей реальности. Наполеонъ можетъ продолжать спать, его сонъ нарушается лишь воспоминаніемъ о канонадѣ подъ Арколе.

Желаніе спать должно быть учитываемо каждый разъ въ качествѣ мотива къ образованію сновидѣнія; каждое сновидѣніе является его осуществленіемъ. Какимъ образомъ это ощущеніе постояннаго и одинаковаго всегда и повсюду желанія согласуется съ другими желаніями, изъ которыхъ сновидѣніе осуществляетъ то одно, то другое,—это послужитъ темой другого изслѣдованія. Въ желаніи спать мы имѣемъ, однако, моментъ, который можетъ заполнить пробѣлъ теоріи Штрюмпеля и Вундта и разъяснить причудливость и измѣнчивость толкованія внѣшнихъ раздраженій. Правильныя толкованія, на которыя способна спящая душа, требуютъ активнаго интереса и прекращенія сна; душа избираетъ поэтому лишь такое толкованіе, которое совмѣстимо съ повелительной цензурой желанія спать. Напримѣръ это соловей, а не ласточка, ибо если это ласточка, то сонъ конченъ,—наступило утро. Изъ всѣхъ доступныхъ толкованій раздраженіе избираетъ лишь то, которое можетъ быть приведено въ наиболѣе тѣсную связь съ желаніями, имѣющимися на лицо въ душѣ. Такимъ образомъ, все заранѣе строго обусловлено и ни въ коемъ случаѣ не зависитъ отъ произвола.

Если внѣшнія нервныя и внутреннія физическія раздраженія достаточно интенсивны для того, чтобы вызвать психическую реакцію—поскольку послѣдствіями ихъ являются сновидѣнія, а не пробужденіе—они представляютъ собою основу для образованія сновидѣній и твердое ядро въ его матеріалѣ, къ которому подбирается затѣмъ соотвѣтственное осуществленіе желанія такимъ же образомъ, какъ и посредствующія представленія между двумя психическими раздраженіями. Это справедливо для большинства соматическихъ элементовъ. Въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ соматическій элементъ преобладаетъ въ ихъ содержаніи. Въ этомъ крайнемъ случаѣ ради образованія сновидѣнія пробуждается даже далеко не интенсивное желаніе, но сновидѣніе не можетъ изобразить желанія иначе, кромѣ какъ въ осуществленномъ видѣ. Ему предстоитъ какъ бы задача рѣшить, какое желаніе выбрать для этого. Если ощущенія носятъ болѣзненный или непріятный характеръ, то они еще не могутъ быть сочтены пригодными для образованія сновидѣнія. Въ распоряженіи душевной жизни имѣются желанія, осуществленіе ко-

торыхъ вызываетъ непріятныя чувства; это представляется непонятнымъ, но можетъ быть объяснено наличностью двухъ психическихъ инстанцій и цензуры между ними.

Въ душевной жизни, какъ мы уже слышали, бываютъ оттѣсненныя желанія, относящіяся къ первой системѣ, противъ осуществленія которыхъ борется вторая система. Желанія эти, однако, не уничтожаются; ученіе объ оттѣсненіи, необходимое въ психоневротикѣ, утверждаетъ, что такія оттѣсненныя желанія продолжаютъ существовать, но на ряду съ ними является и гнетъ, отодвигавшій ихъ. Мы выражаемся вполнѣ правильно, когда говоримъ о «подавленіи» такихъ импульсовъ. Когда такое подавленное желаніе осуществляется, сброшенный гнетъ второй системы проявляется въ формѣ непріятнаго чувства. Резюмирую эту мысль: когда во снѣ появляются непріятныя ощущенія изъ соматическаго источника, то сновидѣніе пользуется этимъ для осуществленія какого-либо подавленнаго желанія—при большемъ или меньшемъ участіи цензуры.

Такое положеніе вещей объясняетъ цѣлый рядъ сновидѣній о страхѣ, между тѣмъ какъ другой рядъ сновидѣній, противорѣчащихъ, повидимому, теоріи желанія, обнаруживаетъ наличность другого механизма. Страхъ въ сновидѣніяхъ можетъ быть психоневротическимъ; онъ можетъ проистекать изъ психосексуальныхъ раздраженій,—при чемъ самъ онъ соотвѣтствуетъ оттѣсненной libido. Тогда страхъ этотъ, какъ и всѣ сновидѣнія о немъ, получаетъ значеніе невротическаго симптома, и мы стоимъ на порогѣ крушенія тенденціи осуществленія желаній въ сновидѣніи. Въ другихъ сновидѣніяхъ ощущеніе страха дается соматическимъ путемъ (напримѣръ, у легочныхъ и сердечныхъ больныхъ при случайныхъ затрудненіяхъ дыханія); тогда оно используется для осуществленія въ сновидѣніи такихъ энергично подавленныхъ желаній, проявленіе которыхъ въ сновидѣніи по психическимъ мотивамъ имѣло своимъ послѣдствіемъ то же ощущеніе страха. Объединить эти повидимому два различныхъ случая вовсе не трудно. Изъ двухъ психическихъ явленій, аффекта и представленія, одно болѣе интенсивное вызываетъ другое и въ сновидѣніи; иногда соматически обусловленный страхъ пробуждаетъ подавленное желаніе, иногда же пробужденное и связанное съ сексуальнымъ возбужденіемъ представленіе вызываетъ появленіе страха. О первомъ случаѣ можно сказать, что соматически обусловленный аффектъ получаетъ психическое толкованіе; въ другомъ случаѣ все имѣетъ

психическую основу, но подавленное содержаніе представленія легко замѣняется соматическимъ толкованіемъ, соотвѣтствующимъ ощущенію страха. Трудности, возникающія здѣсь для пониманія, имѣютъ мало общаго со сновидѣніемъ; они проистекаютъ изъ того, что мы этимъ утвержденіемъ затрагиваемъ проблемы появленія страха и оттѣсненія его.

Къ наиболѣе вліятельнымъ раздраженіямъ внутренняго свойства относится несомнѣнно общее самочувствіе субъекта. Оно не обусловливаетъ содержанія сновидѣнія, но побуждаетъ послѣднее производить выборъ изъ матеріала, который служитъ для образованія сновидѣнія, приближая одну часть этого матеріала, соотвѣтствующую его сущности, и отодвигая другую. Кромѣ того это общее самочувствіе предыдущаго дня тѣсно связано съ психическими остатками, играющими крупную роль въ сновидѣніи.

Когда соматическіе источники раздраженія во время сна, иначе говоря, ощущенія во время послѣдняго, не обладаютъ особою интенсивностью, то они, на мой взглядъ, играютъ ту же роль въ образованіи сновидѣнія, что и свѣжія, но индифферентныя впечатлѣнія предыдущаго дня. Я хочу этимъ сказать, что они привлекаются къ образованію сновидѣній лишь въ томъ случаѣ, если способны къ соединенію съ содержаніемъ представленій психическаго источника. Они представляютъ собою дешевый матеріалъ, примѣняемый всякій разъ, какъ въ немъ ощущается потребность; цѣнный матеріалъ, напротивъ того, намъ предписываетъ характеръ и цѣль своего примѣненія. Это напоминаетъ тотъ случай, когда, напримѣръ, меценатъ приноситъ художнику какой-нибудь рѣдкій камень и поручаетъ ему сдѣлать изъ него художественное произведеніе. Величина камня, его окраска и чистота воды обусловливаютъ самый характеръ произведенія, между тѣмъ какъ при обильномъ матеріалѣ, напримѣръ мраморѣ, первенствующую роль играетъ не онъ самъ, а идея художника. Лишь такимъ образомъ объясняется тотъ фактъ, что содержаніе сновидѣнія, вызваннаго чрезвычайно интенсивными внутренними раздраженіями не повторяется во всѣхъ сновидѣніяхъ и не имѣется на-лицо въ сновидѣніи каждой ночи.

Свое мнѣніе я постараюсь иллюстрировать примѣромъ, который вернетъ насъ снова къ толкованію сновидѣній. Однажды я старался понять, что означаетъ ощущеніе связанности, невозможности сойти съ мѣста, спѣшка, недодѣланость и т. д., которое такъ часто снится человѣку и которое столь близко

связано со страхомъ. Въ другую ночь мнѣ приснилось слѣдующее: Не совсѣмъ одѣтый, я иду изъ квартиры въ нижнемъ этажѣ по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Я перепрыгиваю черезъ три ступени и удивляюсь, что такъ легко могу подниматься по лѣстницѣ. Внезапно я вижу, что навстрѣчу мнѣ внизъ по лѣстницѣ идетъ горничная. Мнѣ становится стыдно, я спѣшу и вдругъ появляется чувство связанности,—меня словно приковываютъ къ ступенямъ, и я не могу сойти съ мѣста.

Анализъ: Ситуація сновидѣнія заимствована изъ повседневной дѣйствительности. У меня въ Вѣнѣ двѣ квартиры, раздѣленныя между собою лѣстницей. Въ партерѣ у меня пріемная и кабинетъ, а во второмъ этажѣ жилыя комнаты. Когда я поздно вечеромъ засиживаюсь за работой, я подымаюсь ночью по лѣстницѣ къ себѣ въ спальню. Вечеромъ наканунѣ сновидѣнія я дѣйствительно поднялся по лѣстницѣ не совсѣмъ одѣтый,—я снялъ воротникъ, галстухъ и манжеты; въ сновидѣніи же это превратилось чуть ли не въ полное негляже, хотя и довольно туманное. Перепрыгиваніе черезъ ступеньки—моя всегдашняя привычка; сновидѣніе, впрочемъ, осуществляетъ одно изъ моихъ желаній, такъ какъ съ легкостью ходьбы по лѣстницамъ я убѣждаюсь въ хорошемъ состояніи моего сердца. Далѣе, такая привычка подниматься по лѣстницѣ представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ чувствомъ связанности во второй половинѣ сновидѣнія, она показываетъ мнѣ—это не требуетъ даже доказательствъ,—что сновидѣніе чрезвычайно легко представляетъ себѣ моторныя дѣйствія во всемъ ихъ совершенствѣ: достаточно вспомнить хотя бы о летаніи въ сновидѣніи.

Лѣстница, по которой я подымаюсь, не похожа, однако, на лѣстницу моего дома; сначала я ее не узнаю, и только прислуга, попадающаяся мнѣ навстрѣчу, показываетъ, гдѣ я нахожусь. Прислуга эта—горничная одной пожилой дамы, у которой я бываю два раза въ день и дѣлаю инъекціи; лѣстница въ сновидѣніи очень похожа на ту, по которой я подымаюсь тамъ ежедневно.

Какое отношеніе имѣютъ, однако, эта лѣстница и эта женщина къ моему сновидѣнію? Чувство стыда за небрежный туалетъ носитъ, несомнѣнно, сексуальный характеръ; горничная, которая мнѣ приснилась, гораздо старше меня, ворчлива и безусловно непривлекательна. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ приходитъ въ голову мысль: когда я утромъ прихожу въ этотъ домъ, у

меня обычно на лѣстницѣ начинается кашель и отхаркиваніе отхаркиваю я обычно на лѣстницу. На послѣдней нѣтъ ни одной плевательницы, и я придерживаюсь той точки зрѣнія, что чистота лѣстницы можетъ соблюдаться не на мой счетъ, что именно и побудитъ домовладѣльца скорѣе пріобрѣсти плевательницу. Привратница, тоже старая ворчливая женщина, обладающая, однако, преувеличеннымъ стремленіемъ къ опрятности, придерживается въ этомъ отношеніи другой точки зрѣнія, она сторожитъ, не позволю ли я себѣ снова указанной вольности, постоянно ворчитъ, уличивъ меня на мѣстѣ преступленія, и обычно нѣсколько дней послѣ этого со мною не здоровается. Наканунѣ сновидѣнія привратница получила подкрѣпленіе въ лицѣ горничной. Я, какъ всегда, торопился закончить инъекцію и собирался уже уходить, когда въ передней меня остановила прислуга и сказала: «Докторъ, вы бы вытирали ноги, прежде чѣмъ входить въ комнаты. Красный коверъ весь грязный отъ вашихъ сапогъ». Вотъ несомнѣнная причина къ появленію въ моемъ сновидѣніи лѣстницы и горничной.

Между моимъ перепрыгиваніемъ черезъ ступени и отхаркиваніемъ на лѣстницѣ имѣется тѣсная связь. Катарръ горла и сердечная болѣзнь представляются въ одинаковой степени наказаніемъ за порокъ куренія, относительно котораго я слышу аналогичные упреки отъ своей супруги.

Отъ дальнѣйшаго же толкованія я долженъ отказаться до установленія общихъ основаній, вызывающихъ типическія сновидѣнія. О небрежной одеждѣ замѣчу только покамѣстъ, что ощущеніе связанности въ сновидѣніи появляется каждый разъ, когда какая-либо ассоціація испытываетъ въ немъ необходимость. Особое состояніе моей подвижности во снѣ не можетъ быть причиной этого сновидѣнія, такъ какъ за моментъ до этого мнѣ вѣдь снилось, что я съ легкостью перепрыгиваю черезъ ступени.

d) Типическія сновидѣнія.

Въ общемъ говоря, мы не можемъ истолковать сновидѣніе другого человѣка, если онъ не желаетъ выяснить намъ безсознательныя мысли, скрывающіяся позади сновидѣнія; это наноситъ тяжелый ущербъ практическому примѣненію нашего метода толкованія сновидѣній. Однако, въ противоположность свободной волѣ индивидуума создавать оригинальныя сновидѣнія и тѣмъ самымъ дѣлать ихъ недоступными пониманію другихъ, существуетъ довольно значительное количество сновидѣній,

испытываемыхъ почти каждымъ въ совершенно одинаковой формѣ; мы привыкли предполагать даже, что они у каждаго человѣка имѣютъ одинаковое значеніе. Особенно интересны эти типическія сновидѣнія тѣмъ, что они по всей вѣроятности проистекаютъ у всѣхъ людей изъ одинаковыхъ источниковъ, т. е. повидимому, чрезвычайно пригодны для выясненія характера этихъ источниковъ.

Типическія сновидѣнія заслуживаютъ самаго подробнаго разсмотрѣнія. Я, однако, коснусь лишь нѣкоторыхъ сновидѣній такого рода и прежде всего обращусь къ такъ называемому сновидѣнію о наготѣ и къ сновидѣнію о смерти близкихъ родственникахъ.

Сновидѣніе о томъ, что человѣкъ, голый или дурно одѣтый, разгуливаетъ въ присутствіи другихъ, наблюдается и безъ всякаго сопутствующаго чувства стыдливости. Однако, сновидѣніе о наготѣ интересуетъ насъ лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ нимъ субъектъ ощущаетъ стыдъ и смущеніе и хочетъ убѣжать или спрятаться и при этомъ испытываетъ своеобразное чувство связанности,—онъ не можетъ двинуться съ мѣста или не можетъ измѣнить непріятной ситуаціи. Лишь въ этомъ смыслѣ сновидѣніе типично: содержаніе его въ другихъ отношеніяхъ можетъ представлять самыя различныя варіаціи и индивидуальныя особенности. Рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о непріятномъ ощущеніи стыда, о томъ, что субъектъ хочетъ скрыть свою наготу, но не можетъ. Я думаю, что большинству моихъ читателей прекрасно знакомо такое сновидѣніе.

Характеръ «неглиже» обычно чрезвычайно неопредѣлененъ. Хотя и слышишь часто,—«я былъ въ сорочкѣ»,—но это очень рѣдко снится въ отчетливомъ видѣ; большая часть «неглиже» настолько смутна, что она передается въ послѣдующемъ разсказѣ альтернативой: «я была либо въ сорочкѣ, либо въ нижней юбкѣ». Дефекты туалета обычно не настолько существенны, чтобы оправдать довольно интенсивное чувство стыда. Для того, кто носитъ офицерскій мундиръ, нагота часто замѣняется незначительнымъ нарушеніемъ формы. Я иду по улицѣ безъ шашки и вижу офицеровъ,—или безъ галстуха,—или на мнѣ полосатые брюки и т. п.

Люди, которыхъ стыдится спящій, по большей части всегда чужіе. Никогда въ этихъ типическихъ сновидѣніяхъ не наблюдается, что дефекты туалета, вызывающіе такого рода стыдливое чувство, замѣчаются кѣмъ-либо или влекутъ за собою какія-нибудь послѣдствія. Люди дѣлаютъ, наоборотъ, совершенно

безразличныя физіономіи или, какъ я подмѣтилъ въ одномъ чрезвычайно отчетливомъ сновидѣніи, носятъ какъ бы торжественно чопорныя маски. Это наводитъ на размышленіе.

Чувство стыдливости у спящаго и безразличіе встрѣчаемыхъ людей образуютъ противорѣчіе, часто вообще проявляющееся въ сновидѣніи. Ощущенію спящаго должно было бы соотвѣтствовать удивленіе, осмѣяніе или даже возмущеніе со стороны окружающихъ. Я полагаю, однако, что эта необходимая особенность устраняется осуществленіемъ желанія, между тѣмъ какъ другая, сдерживая какой-то силой, продолжаетъ оставаться,— и обѣ онѣ не гармонируютъ другъ съ другомъ. У насъ имѣется одно интересное доказательство того, что сновидѣніе въ своей частично искаженной осуществленіемъ желанія формѣ, не встрѣчаетъ правильнаго пониманія. Это сновидѣніе послужило основой одной сказки, извѣстной въ изложеніи Андерсена: «Новое платье короля». Въ этой сказкѣ разсказывается о двухъ обманщикахъ, которые соткали для короля драгоцѣнное платье, видимое, однако, лишь добрымъ и вѣрнымъ подданнымъ. Король выходитъ на улицу въ этомъ невидимомъ платьѣ, и, преисполненные магическою силою, всѣ дѣлаютъ видъ, будто не замѣчаютъ наготы короля.

Послѣднее воспроизводитъ, однако, ситуацію нашего сновидѣнія. Не нужно особой смѣлости, чтобы утверждать, что непонятное содержаніе сновидѣнія даетъ поводъ къ представленію о наготѣ, въ которомъ вспоминаемая ситуація находитъ свой смыслъ. Ситуація эта вмѣстѣ съ тѣмъ лишается своего первоначальнаго значенія и служитъ чуждой ей цѣли. Мы услышимъ, однако, что такое пониманіе содержанія сновидѣнія сознательнымъ мышленіемъ двухъ психическихъ системъ наблюдается очень часто и должно быть признано факторомъ окончательнаго формированія сновидѣнія; мы узнаемъ далѣе, что при образованіи навязчивыхъ представленій и фобій доминирующую роль играетъ такое же пониманіе,—опять-таки въ сферѣ той же самой психической личности. Мы можемъ и относительно нашего сновидѣнія сказать, откуда взятъ имъ матеріалъ для превращенія. Обманщики—это сновидѣніе, король—самъ спящій, а морализирующая тенденція обнаруживаетъ смутное сознаніе того, что въ скрытомъ содержаніи сновидѣнія рѣчь идетъ о недозволенныхъ желаніяхъ, подвергшихся процессу оттѣсненія. Общій комплексъ, въ которомъ проявляются такія сновидѣнія въ моихъ анализахъ невротиковъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія по поводу того, что въ основѣ сновидѣнія лежитъ воспоминаніе ранняго дѣтства. Лишь въ дѣтствѣ было время,

когда мы показывались передъ нашими близкими, воспитателями, прислугой и гостями недостаточно одѣтыми и въ то время не стыдились своей наготы *). У многихъ дѣтей можно наблюдать даже въ старшемъ возрастѣ, что раздѣваніе отнюдь не вызываетъ у нихъ чувства стыда. Они смѣются, прыгаютъ, хлопаютъ себѣ по тѣлу,—мать запрещаетъ имъ это дѣлать, говоритъ: «Фу, какъ тебѣ не стыдно». Дѣти обнаруживаютъ часто эксгибиціонистскія наклонности. Пройдитесь по любой деревнѣ, и вы обязательно увидите 3—4 лѣтняго ребенка, который, какъ бы въ честь вашего прихода, обязательно подниметъ рубашонку. У одного изъ моихъ паціентовъ сохранилось воспоминаніе объ эпизодѣ его ранняго дѣтства: ему было восемь лѣтъ, и однажды, раздѣвшись передъ сномъ, онъ захотѣлъ было отправиться въ рубашкѣ къ своей маленькой сестренкѣ въ сосѣднюю комнату, но прислуга преградила ему путь. Въ разсказахъ невротиковъ объ ихъ дѣтствѣ раздѣваніе передъ дѣтьми другого пола играетъ видную роль; съ этимъ тѣсно связана манія параноиковъ, будто за ними наблюдаютъ при одѣваніи и раздѣваніи. Въ половой психопатологіи различаются группы людей, у которыхъ дѣтское желаніе превращается въ своего рода навязчивую идею,—это эксгибиціонисты.

Это дѣтство, лишенное чувства стыда, кажется намъ впослѣдствіи своего рода раемъ, а вѣдь самый рай не что иное, какъ массовая фантазія о дѣтствѣ человѣка. Поэтому-то въ раю люди и ходятъ обнаженными и стыдятся другъ друга до того момента, когда въ нихъ пробуждается стыдъ и страхъ,—слѣдствіе изгнанія изъ рая,—начинается половая жизнь и культурная работа. Въ этотъ рай сновидѣніе можетъ насъ переносить еженощно. Мы уже высказывали предположеніе, что впечатлѣнія ранняго дѣтства (въ доисторическій періодъ, приблизительно до четырехъ лѣтъ) сами по себѣ требуютъ воспроизведенія, и что послѣднее является осуществленіемъ желанія. Сновидѣнія о наготѣ суть такимъ образомъ *эксгибиціонистскія сновидѣнія* **).

Центромъ эксгибиціонистскаго сновидѣнія является собственное «я», представляющееся, однако, не въ періодъ дѣт-

---

*) Ребенокъ играетъ роль и въ упомянутой сказкѣ: тамъ неожиданно раздается голосъ маленькой дѣвочки: да вѣдь онъ совсѣмъ голый!

**) [Нѣсколько интересныхъ аналогичныхъ сновидѣній у женщинъ, допускающихъ сведеніе ихъ къ дѣтской наклонности къ эксгибиціонизму, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отклоняющихся отъ вышеупомянутыхъ «типическихъ» сновидѣній, сообщаетъ *Ференчи* [87]].

ства, а въ настоящій моментъ; сюда же относятся и недостатки туалета, представляющіеся въ чрезвычайно туманномъ и неясномъ видѣ благодаря наслоенію многочисленныхъ позднѣйшихъ воспоминаній или же, быть можетъ, благодаря вліянію цензуры. Немаловажный элементъ этихъ сновидѣній—также и люди, которыхъ стыдится спящій. Я не знаю ни одного примѣра, въ которомъ спящій видѣлъ бы дѣйствительныхъ зрителей своихъ дѣтскихъ обнаженій. Сновидѣніе не представляетъ собою простого воспоминанія. Страннымъ образомъ, личности, на которыхъ направлялся въ дѣтствѣ нашъ сексуальный интересъ, никогда не воспроизводятся ни въ сновидѣніи, ни въ истеріи, ни въ неврозахъ. Лишь параноикъ вызываетъ ихъ образы: тѣ, кѣмъ во снѣ они замѣняются,—чужіе, не обращающіе никакого вниманія на дефекты туалета или даже на наготу,—представляютъ собою контрастъ къ тѣмъ отдѣльнымъ близкимъ личностямъ, бывшимъ свидѣтелямъ нашего обнаженія.

Кромѣ того въ эксгибиціонистскихъ сновидѣніяхъ проявляется процессъ оттѣсненія. Непріятное смущеніе сновидѣнія представляетъ собою реакцію второй психической системы на то, что устраненное ею содержаніе эксгибиціонистскою эпизода все же всплыло наружу.

Относительно чувства связанности мы будемъ имѣть случай говорить еще ниже. Оно въ сновидѣніи служитъ для выраженія конфликта воли, отрицанія. Согласно безсознательному желанію обнаженіе должно быть продолжено,—согласно же требованію цензуры оно должно быть прервано.

Взаимоотношеніе нашихъ типическихъ сновидѣній, сказокъ и другихъ продуктовъ поэтической фантазіи не представляетъ собою случайнаго и единичнаго явленія. Очень часто проницательный поэтическій взглядъ подмѣчаетъ процессъ превращенія орудіемъ котораго является обычно самъ поэтъ, и воспроизводитъ его въ обратномъ видѣ,—т. е. сводитъ поэзію къ сновидѣнію. Одинъ мой коллега обратилъ мое вниманіе на слѣдующее мѣсто изъ «Зеленаго Генриха» Келлера: «Не желаю вамъ, дорогой Ли, чтобы вы когда-нибудь на опытѣ испытали чрезвычайно пикантное положеніе Одиссея, когда онъ голый, покрытый лишь мокрой тиной, предстаетъ предъ Навзикаей и ея подругами. Хотите знать, какъ это происходитъ? Возьмемъ любой примѣръ. Вы вдали отъ родины и отъ всего, что вамъ дорого; вы много видѣли, много слышали, на душѣ у васъ заботы и горе. Вы одиноки, покинуты, въ этомъ состояніи вамъ, навѣрное, ночью приснится, что вы приближаетесь къ своей ро-

динѣ; она предстаетъ передъ вами въ яркихъ сверкающихъ краскахъ; навстрѣчу вамъ выходятъ красивые, дорогіе вамъ, близкіе люди. Вы замѣчаете вдругъ, что вы въ оборваномъ платьѣ, что вы даже голый, покрытый лишь слоемъ грязи и пыли. Вами овладѣваетъ безграничный стыдъ и страхъ, вы стараетесь прикрыться, спрятаться и просыпаетесь весь въ поту. Таково сновидѣніе озабоченнаго человѣка, и Гомеръ заимствовалъ эту ситуацію изъ глубочайшей и извѣчной сущности человѣка.»

Глубочайшая и извѣчная сущность человѣка, на пробужденіе которой разсчитываетъ поэтъ обычно у своихъ слушателей,— вотъ тѣ движенія душевной жизни, которыя коренятся въ доисторическомъ періодѣ дѣтства. Позади сознательныхъ и естественныхъ желаній безродныхъ людей въ сновидѣніи выплываютъ подавленныя запретныя желанія дѣтства,—и поэтому-то сновидѣніе, объектированное въ легендѣ о Навзикаѣ, превращается почти всегда въ сновидѣніе о страхѣ.

Собственное мое сновидѣніе о перепрыгиваніи черезъ ступени лѣстницы, превратившемся затѣмъ въ чувство связанности, носитъ опять таки эксгибиціонистскій характеръ, такъ какъ обнаруживаетъ существенные признаки послѣдняго. Его можно поэтому свести къ переживаніямъ дѣтства, и послѣднія должны были бы разъяснить, поскольку поведеніе горничной, ея упрекъ въ томъ, что я испачкалъ лѣстницу, переноситъ ее въ ситуацію, занимаемую ею въ сновидѣніи. Я могъ бы дѣйствительно дать такого рода толкованіе. При психоанализѣ научаешься связь по времени замѣнять связью по существу; двѣ мысли, повидимому, другъ съ другомъ не связанныя, представляютъ собою очевидно нѣчто цѣлое, которое необходимо лишь установить,—все равно какъ буквы А и Б написанныя другъ подлѣ друга, должны быть произнесены, какъ слогъ АБ. Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ внутреннею связью сновидѣнія. Вышеупомянутое сновидѣніе о лѣстницѣ выхвачено изъ ряда другихъ сновидѣній, которыя знакомы мнѣ по ихъ толкованію. Въ основѣ этихъ сновидѣній лежитъ воспоминаніе о нянькѣ, ухаживавшей за мною до двухъ лѣтъ; я самъ ее очень смутно помню; по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною недавно отъ матери, она была старая и некрасивая, но очень умная и добросовѣстная. Изъ анализа моихъ сновидѣній я знаю, что она не всегда относилась ко мнѣ ласково и нѣжно, а иногда даже бранила, когда я не соблюдалъ ея требованій чистоты и опрятности. Стараясь, такимъ образомъ, продолжить мое воспитаніе, прислуга въ сновидѣніи претендуетъ на то, чтобы я

относился къ ней, какъ къ воплощенію моей „доисторической“ няньки. Слѣдуетъ предложить, что ребенокъ, несмотря на строгость, все же любилъ ее.

Другая группа сновидѣній, могущихъ быть названными типическими, связана съ представленіемъ о смерти близкихъ родныхъ, родителей, братьевъ, сестеръ, дѣтей и пр. Среди этихъ сновидѣній можно подмѣтить двѣ разновидности: одни, во время которыхъ спящій не испытываетъ тяжелой скорби и по пробужденіи удивляется своей безчувственности, и другія, во время которыхъ горе и утрата могутъ вызвать реальныя горючія слезы во время сна.

Сновидѣнія первой группы мы оставимъ въ сторонѣ; они не могутъ быть названы типическими. При ихъ анализѣ мы убѣждаемся, что они означаютъ нѣчто совершенно далекое отъ ихъ содержанія и что они предназначены исключительно для прикрытія какого-либо другого желанія. Таково сновидѣніе тетки, видящей передъ собою въ гробу единствнннаго сына своей сестры. Оно не означаетъ, что она желаетъ смерти своему маленькому племяннику, а лишь скрываетъ въ себѣ желаніе послѣ долгаго промежутка увидѣть любимаго человѣка, того самаго, котораго она прежде, послѣ такого же долгаго промежутка времени, увидѣла у гроба другого своего племянника. Желаніе это, образующее истинное содержаніе сновидѣнія, не даетъ повода къ скорбному чувству, и поэтому чувства такого не испытываетъ и спящій. Отсюда ясно, что содержащееся въ сновидѣніи ощущеніе относится не къ явному его содержанію, а къ скрытому и что ощущенія не претерпѣваютъ того искаженія, которое выпадаетъ на долю представленій.

Иначе обстоитъ дѣло со сновидѣніями, въ которыхъ изображается смерть близкаго дорогого человѣка и съ которымъ связанъ болѣзненный аффектъ. Эти сновидѣнія означаютъ то, о чемъ говоритъ ихъ содержаніе,—желаніе, чтобы данное лицо умерло. Такъ какъ я въ правѣ ожидать, что чувство всѣхъ моихъ читателей и всѣхъ тѣхъ, кому снилось нѣчто подобное, будетъ протестовать противъ моего убѣжденія, то я постараюсь обосновать его возможно шире.

Мы анализировали уже одно сновидѣніе, изъ котораго узнали, что желанія, изображаемыя въ сновидѣніи въ осуществленномъ видѣ, не всегда носятъ живой, насущный характеръ. Въ сновидѣніи могутъ осуществляться и давно забытыя, устраненныя и оттѣсненныя желанія, наличность которыхъ проявляется лишь ихъ выраженіемъ въ сновидѣніи. Они не мертвы, какъ

покойники, въ нашемъ представленiи, а подобны тѣнямъ Одиссеи, которыя, напившись крови, пробуждаются къ жизни. Въ сновидѣнiи о мертвомъ ребенкѣ въ коробкѣ рѣчь шла о желанiи, испытанномъ пятнадцать лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ позабытомъ. Для теорiи сновидѣнiя далеко не безразлично, если я прибавлю, что даже позади этого желанiя скрывается воспоминанiе самаго ранняго дѣтства. Еще маленькимъ ребенкомъ, пацiентка моя слышала, что ея мать, будучи беременна. ею, страдала меланхолiей и отъ всей души желала ребенку смерти. Выросши, моя пацiентка послѣдовала примѣру матери.

Когда кому-нибудь снится, что его мать, отецъ, братъ или сестра умираютъ, то я отнюдь не воспользуюсь этимъ сновидѣнiемъ въ качествѣ доказательства того, что субъектъ этотъ именно теперь желаетъ ихъ смерти. Теорiя сновидѣнiя не требуетъ столькаго; она довольствуется констатированiемъ того, что онъ желалъ—когда-нибудь въ дѣтствѣ—ихъ смерти. Я боюсь, однако, что и это ограниченiе все еще недостаточно успокоитъ моихъ читателей; они навѣрное столь же энергично будутъ протестовать противъ того, что они даже въ дѣтствѣ когда-нибудь испытывали такiя желанiя. Мнѣ придется поэтому коснуться здѣсь вкратцѣ одной изъ чертъ дѣтской психологiи.

Обратимъ прежде всего наше вниманiе на отношенiе дѣтей къ ихъ братьямъ и сестрамъ. Я не знаю, на основанiи чего мы утверждаемъ, что отношенiе это по преимуществу любовно у насъ имѣется достаточно примѣровъ вражды между братьями и сестрами въ зрѣломъ перiодѣ, и мы зачастую можемъ констатировать, что эта вражда ведетъ свое происхожденiе съ дѣтства или даже наблюдается съ самаго ихъ рожденiя. Но, съ другой стороны, есть много взрослыхъ, относящихся съ нѣжностью къ своимъ братьямъ и сестрамъ, въ дѣтствѣ же находившихся съ ними въ открытой постоянной враждѣ. Старшiй ребенокъ относился нехорошо къ младшему, дразнилъ его, колотилъ, отнималъ у него игрушки; младшiй питалъ безсильную злобу къ старшему, завидовалъ ему и боялся, и его первые проблески стремленiя къ свободѣ и правосознанiю обращались противъ угнетателя. Родители говорятъ, что дѣти не переносятъ другъ друга, и пожимаютъ плечами, когда ихъ спрашиваютъ о причинѣ этого. Не трудно установить, однако, что и характеръ «хорошаго ребенка» довольно своеобразенъ. Ребенокъ абсолютно эгоистиченъ, онъ интенсивно испытываетъ свои потребности и неудержимо стремится къ ихъ удовлетворенiю, —особенно же противъ своихъ соперниковъ, другихъ дѣтей и глав-

нымъ образомъ противъ своихъ братьевъ и сестеръ. Мы не называемъ, однако, поэтому ребенка дурнымъ; онъ не отвѣтственъ за свои дурные поступки ни передъ нашимъ сужденіемъ, ни передъ закономъ. И вполнѣ справедливо: мы имѣемъ основаніе надѣяться, что еще въ періодъ дѣтства въ маленькомъ эгоистѣ проснутся альтруистическія наклонности и мораль, и, выражаясь словами Мейнерта, вторичное «я» наложитъ свой отпечатокъ на первичное и подавитъ его. Правда, моральное чувство пробуждается не одновременно по всей линіи и продолжительность аморальнаго дѣтскаго періода у отдѣльныхъ индивидуумовъ чрезвычайно различна. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ развитіе этой моральности, тамъ мы имѣемъ «дегенератовъ»; тутъ передъ нами, очевидно, разстройство развитія. Но и тамъ, гдѣ первичный характеръ устраненъ позднѣйшимъ развитіемъ, онъ можетъ благодаря заболѣванію истеріей снова частично проявиться наружу. Сходство, такъ называемаго, истерическаго характера съ характеромъ «дурного» ребенка, бросается сразу въ глаза.

Такимъ образомъ, многіе, которые любятъ въ данное время своихъ братьевъ и сестеръ и для которыхъ утрата ихъ была очень тяжела, безсознательно носятъ въ себѣ издавна злыя желанія, которыя способны проявляться въ сновидѣніяхъ. Чрезвычайно интересно наблюдать за отношеніемъ маленькихъ дѣтей до трехъ лѣтъ и даже меньше къ ихъ младшимъ братьямъ и сестрамъ. Ребенокъ, до появленія на свѣтъ послѣднихъ, былъ въ семействѣ единственнымъ,—теперь же ему говорятъ, что «аистъ принесъ ему братца или сестрицу». Ребенокъ смотритъ на пришельца и говоритъ категорическимъ тономъ: «Пусть аистъ унесетъ его обратно» *).

Я вполнѣ серьезно готовъ утверждать, что ребенокъ сознательно учитываетъ, какой ущербъ могутъ принести ему новорожденные братъ или сестра; отъ одной родственницы, находящейся сейчасъ въ тѣсной дружбѣ со своей младшей сестрой, я знаю, что она въ отвѣтъ на сообщеніе о ея рожденіи сказала: «А мою красную шапочку я все-таки ей не отдамъ». Если ребенокъ начинаетъ сознавать этотъ ущербъ лишь впослѣдствіи,

*) [Трехлѣтній Гансъ, фобія котораго послужила объектомъ для анализа въ одной изъ моихъ статей, крикнулъ въ лихорадочномъ состояніи незадолго до рожденія своей сестры: «Мнѣ не нужно сестрицы». Заболѣвъ черезъ полтора года неврозомъ, онъ признается въ желаніи, чтобы мать уронила малютку въ ванну и чтобы та умерла. Гансъ въ общемъ чрезвычайно добрый и ласковый ребенокъ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ искренно привязался къ сестрѣ].

то и враждебныя его чувства проявляются только тогда. Я знаю одинъ случай, когда трехлѣтняя дѣвочка пыталась задушить своего маленькаго брата въ колыбелькѣ, потому что ей казалось, что съ его появленіемъ на свѣтъ «ее стали меньше любить». Дѣти въ этомъ возрастѣ обнаруживаютъ чрезвычайную, иногда даже преувеличенную склонность къ ревности. Приведемъ еще одинъ примѣръ: новорожденный дѣйствительно умираетъ, на долю старшаго ребенка снова выпадаютъ всѣ ласки родителей; но вотъ аистъ приноситъ новаго братца или сестрицу. Развѣ не естественно, что у ребенка является желаніе, чтобы новаго соперника постигла та же участь, что и перваго, и чтобы ему снова было бы такъ же хорошо, какъ въ тотъ промежутокъ, между смертью перваго и рожденіемъ второго? Это отношеніе ребенка къ младшимъ братьямъ и сестрамъ при нормальныхъ условіяхъ является непосредственнымъ результатомъ разницы въ возрастѣ. При болѣе значительномъ промежуткѣ въ старшей дѣвочкѣ могутъ проснуться, наоборотъ, материнскіе инстинкты къ безпомощному новорожденному. Враждебное чувство по отношенію къ братьямъ и сестрамъ въ дѣтскомъ возрастѣ встрѣчается значительно чаще, чѣмъ то доступно притупленной наблюдательности взрослаго.

Надъ своими собственными дѣтьми я упустилъ случай сдѣлать такого рода наблюденія; я произвожу ихъ теперь надъ моимъ маленькимъ племянникомъ, единовластіе котораго нарушилось черезъ пятнадцать мѣсяцевъ появленіемъ юной соперницы; хотя я и слышу, что мальчикъ относится по-рыцарски къ своей сестренкѣ, цѣлуетъ ей руку и гладитъ ее, я замѣчаю, что онъ, не достигнувъ еще двухъ лѣтъ, начинаетъ критиковать соперницу, совершенно на его взглядъ излишнюю. Какъ только разговоръ заходитъ о ней, онъ тотчасъ же вмѣшивается и говоритъ недовольнымъ тономъ: «она такая маленькая, такая маленькая!» Въ послѣднее время, отрѣшившись отъ этого презрительнаго отношенія, мальчикъ обосновываетъ свое желаніе отклонить вниманіе взрослыхъ отъ сестры. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ говоритъ: «у нея нѣтъ зубовъ». Старшая дѣвочка другой моей сестры будучи шестилѣтнимъ ребенкомъ, нѣсколько разъ приставала къ своимъ теткамъ съ вопросомъ: «правда, Люси еще ничего не понимаетъ?» Люси была моложе ея на два съ половиной года.

Сновидѣнія о смерти брата или сестры, соотвѣтствующія такому повышенному враждебному чувству, я наблюдалъ у всѣхъ своихъ паціентокъ. Лишь одинъ изъ нихъ служилъ исключе-

ніемъ, которое, однако, при анализѣ легко оказалось подтвержденіемъ общаго правила. Когда я однажды во время своего психоанализа сообщилъ ей о наличности у каждой женщины такихъ сновидѣній, она отвѣтила къ моему удивленію, что ей ничего подобнаго никогда не снилось. Ей пришло на память, однако, другое сновидѣніе, которое она видѣла въ первый разъ въ возрастѣ четырехъ лѣтъ и которое затѣмъ повторялось не рѣдко. «Множество дѣтей, всѣ ея братья, сестры, кузины и кузены играютъ на лугу. Вдругъ за спинами у нихъ оказываются крылья, они улетаютъ и исчезаютъ».

О значеніи этого сновидѣнія она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Не трудно, однако, увидѣть въ немъ сновидѣніе о смерти ея братьевъ и сестеръ въ его первоначальной формѣ, мало искаженной цензурой. Я произвелъ слѣдующій анализъ этого сновидѣнія. Послѣ смерти одного изъ ея кузеновъ—дѣти ея тетки выросли вмѣстѣ съ нею—моя въ то время четырехлѣтняя паціентка спросила одну свою взрослую родственницу: «что становится съ дѣтьми, когда они умираютъ?» Въ отвѣтъ она, должно быть, услышала: у нихъ вырастаютъ крылья и они становятся ангелами. Въ сновидѣніи у всѣхъ братьевъ и сестеръ вырастаютъ крылья, какъ у ангеловъ, и—что самое главное—они улетаютъ. Наша маленькая «дѣлательница ангеловъ» остается одна. Такъ какъ то, что дѣти играютъ на лугу, съ котораго потомъ улетаютъ, указываетъ вполнѣ очевидно на бабочекъ, то ребенокъ руководствовался, повидимому, той же ассоціаціей, которая побуждала древнихъ снабжать душу, воплощающуюся въ Психею, крыльями бабочки. Быть можетъ, меня спросятъ: хотя враждебные импульсы дѣтей по отношенію къ ихъ братьямъ и сестрамъ дѣйствительно имѣютъ мѣсто, но какимъ образомъ дѣтская душа становится вдругъ настолько дурной, что желаетъ своимъ соперникамъ или болѣе сильнымъ сверстникамъ смерти. Какъ будто всѣ проступки и вся несправедливость могутъ искупаться только смертью? Кто такъ говоритъ, тотъ не знаетъ, очевидно, что представленіе ребенка о смерти имѣетъ весьма мало общаго съ нашимъ понятіемъ о ней. Ребенку незнакомы ужасы тлѣнія, могильнаго холода, безконечнаго «ничто» и всего того, что связывается со словомъ «смерть» въ представленіи взрослаго и что имѣется на-лицо во всѣхъ миѳахъ о потустороннемъ мірѣ. Страхъ смерти чуждъ ему, поэтому-то онъ и играетъ съ этимъ страшнымъ словомъ и грозитъ другому ребенку: «если ты еще разъ это сдѣлаешь, то умрешь, какъ умеръ

Францъ». Бѣдная мать дрожитъ отъ страха,—она не можетъ, навѣрное, забыть того, что большая часть людей не доживаетъ до зрѣлаго возраста. Даже восьмилѣтній ребенокъ, возвратясь изъ какого-нибудь естественно-историческаго музея, можетъ скасать своей матери: «мама, я тебя очень люблю. Когда ты умрешь, я изъ тебя сдѣлаю чучело и поставлю здѣсь въ комнатѣ, чтобы тебя видѣть всегда». Настолько мало дѣтское представленіе о смерти похоже на наше*).

«Умереть»—значитъ для ребенка, который вообще избавленъ отъ вида предсмертныхъ страданій, то же самое, что «уйти». Онъ не различаетъ, какимъ способомъ осуществляется это отсутствіе,—отъѣздомъ или смертью. Когда у ребенка отнимаютъ няньку и увольняютъ ее и когда короткое время спустя умираетъ его мать, то въ его воспоминаніи оба событія находятся другъ подлѣ друга. То, что ребенокъ не испытываетъ особой тоски по отсутствующимъ, знакомо каждой матери: возвращаясь послѣ продолжительнаго путешествія домой, она часто съ прискорбіемъ слышитъ: «дѣти ни разу не освѣдомлялись о мамѣ». Когда она дѣйствительно переселяется въ «лучшій изъ міровъ, откуда нѣтъ возврата», дѣти вначалѣ, повидимому, ее совершенно забываютъ и лишь впослѣдствіи начинаютъ вспоминать о покойницѣ.

Если у ребенка имѣются, такимъ образомъ, мотивы желать отсутствія другого ребенка, то ничто не препятствуетъ ему облекать это желаніе въ форму желанія смерти: психическая реакція на такія сновидѣнія о смерти показываетъ, что несмотря на все различіе по существу желаніе ребенка все же сходно съ тѣмъ же желаніемъ взрослаго.

Но если желаніе ребенка, чтобы умерли его братья и сестры, можно объяснить его эгоизмомъ, благодаря которому онъ смотритъ на своихъ братьевъ и сестеръ, какъ на соперниковъ, то какимъ образомъ объяснить желаніе смерти родителей, которые являются для ребенка источникомъ любви и исполнителями его капризовъ и потребностей и долговѣчности которыхъ онъ долженъ былъ бы желать именно по эгоистическимъ мотивамъ.

Разрѣшенію этой трудной задачи помогаетъ то обстоятельство, что сновидѣнія о смерти родителей въ огромномъ боль-

*) Отъ одного очень способнаго десятилѣтняго мальчика я вскорѣ послѣ смерти его отца услышалъ, къ своему удивленію, слѣдующую фразу: «То, что папа умеръ, я понимаю, но почему онъ не приходитъ домой ужинать, этого я никакъ понять не могу.

шинствѣ случаевъ касаются лица, одного по полу со спящимъ,— т. е. мужчинѣ въ большинствѣ случаевъ снится смерть отца, а женщинѣ—смерть матери. Я не могу утверждать, что это непререкаемый законъ, но подавляющее большинство примѣровъ здѣсь настолько убѣдительно, что они требуютъ объясненія какимъ-либо моментомъ общаго значенія. Дѣло обстоитъ такъ, какъ будто бы тутъ играетъ роль какое-то сексуальное влеченіе, какъ будто мальчики въ отцѣ, а дѣвочки въ матери видятъ соперниковъ своей любви, устраненіе которыхъ можетъ быть имъ только выгодно. Прежде чѣмъ отвергнуть это утвержденіе, какъ совершенно невѣроятное, необходимо подвергнуть анализу отношенія родителей и дѣтей. Необходимо отдѣлить то, что требуетъ отъ такого отношенія культурный моментъ почитанія родителей, отъ того, что показываетъ намъ повседневное наблюденіе. Въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми имѣется не мало поводовъ къ враждебному чувству; имѣется и не мало условій для возникновенія желаній, не выдерживающихъ, однако, сопротивленія цензуры. Остановимся сперва на отношеніяхъ между отцомъ и сыномъ. На мой взглядъ святыня, окружающая десять заповѣдей, притупляетъ наше сознаніе въ пониманіи дѣйствительнаго положенія дѣла. Мы не рѣшаемся признаться самимъ себѣ, что большая часть человѣчества преступаетъ четвертую заповѣдь. Какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ человѣческаго общества почитаніе родителей отступаетъ на задній планъ передъ другими интересами. Туманныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ изъ миѳологіи, и сказанія о первобытномъ состояніи человѣческаго общества даютъ довольно безрадостное представленіе о власти отца и о безсердечіи, съ которымъ онъ ею пользовался. Хроносъ пожираетъ своихъ дѣтей, а Зевсъ оскопляетъ своего отца и становится на его мѣсто. Чѣмъ полновластнѣе отецъ въ древней семьѣ, тѣмъ больше основаній у сына, какъ у признаннаго его наслѣдника, занимать враждебную позицію, тѣмъ сильнѣе его нетерпѣніе достичь власти черезъ посредство смерти отца. Даже въ нашей буржуазной семьѣ отецъ, стѣсняя самоопредѣленіе сына, самъ способствуетъ развитію естественнаго зародыша вражды, скрывающагося въ ихъ отношеніяхъ. Врачъ зачастую имѣетъ случай наблюдать, что скорбь о потерѣ отца не можетъ подавить у сына радости по поводу обрѣтенной, наконецъ, имъ свободы. Сохранившуюся и въ нашей семьѣ potestas patris familias каждый отецъ судорожно старается сохранить за собою; это хорошо знакомо всѣмъ поэтамъ,—недаромъ Ибсенъ выдвинулъ

на первый планъ своихъ историческихъ драмъ вѣковую борьбу отца и сына. Поводы къ конфликту между матерью и дочерью возникаютъ, когда дочь подрастаетъ и встрѣчаетъ въ матери противницу своей сексуальной свободы; матери же зрѣлость дочери напоминаетъ о томъ, что настало время отказаться отъ собственной половой жизни.

Все это очевидно и ясно, но все это не даетъ еще намъ возможности разъяснить сновидѣнія о смерти родителей, испытываемые часто людьми, для которыхъ почитаніе родителей неприкосновенно и свято. Предыдущее изложеніе указываетъ намъ на то, что это желаніе смерти родителей должно относиться къ раннему дѣтству.

Съ неопровержимостью, исключающей какія бы то ни было сомнѣнія, подтверждается это предположеніе относительно психоневротиковъ при совершаемомъ у нихъ анализѣ. Послѣдній показываетъ, что сексуальныя желанія ребенка проявляются очень часто—поскольку они, конечно, въ этомъ зачаточномъ состояніи имѣютъ право носить названіе «сексуальныхъ»,—и что первая склонность дѣвочки направляется на отца, а первая склонность мальчика—на мать. Отецъ, такимъ образомъ, становится для сына, а мать для дочери соперниками, а какъ мало нужно для того, чтобы у ребенка это ощущеніе вылилось въ желаніе смерти, мы уже видѣли относительно аналогичныхъ желаній по отношенію къ братьямъ и сестрамъ. Половой подборъ находитъ свое выраженіе обычно уже по отношенію къ родителямъ; естественное предрасположеніе устраиваетъ такъ, что отецъ балуетъ дочь, а мать сыновей, въ то время какъ оба тамъ, гдѣ вліяніе ихъ пола не омрачаетъ чистоты ихъ сужденія, съ одинаковой строгостью относятся къ воспитанію дѣтей. Ребенокъ замѣчаетъ предпочтеніе и возстаетъ противъ того изъ родителей, который противится такому баловству. Найти любовь у взрослыхъ является для него не только удовлетвореніемъ особой потребности, но означаетъ и то, что его воля получаетъ удовлетвореніе и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Признаки такихъ склонностей у дѣтей въ большинствѣ случаевъ не замѣчаются, между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаются уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Восьмилѣтняя дѣвочка однихъ моихъ знакомыхъ пользуется случаемъ, когда мать выходитъ въ кухню изъ-за стола, и провозглашаетъ себя ея преемницей: «теперь я буду мамой. Карлъ, хочешь еще зелени? Возьми пожалуйста!» и т. д. Одна способная, очень живая дѣвочка восьми лѣтъ, обнаружившая особенно ярко

признаки этой черты дѣтской психологіи, говоритъ даже прямо: «Пусть мамочка уйдетъ, папочка женится на мнѣ, и я буду его женою...» Въ дѣтской жизни желаніе это отнюдь не исключаетъ того, что ребенокъ нѣжно любитъ свою мать. Если маленькій мальчикъ можетъ спать съ матерью, какъ только отецъ уѣзжаетъ, а послѣ его возвращенія долженъ вернуться въ дѣтскую къ нянькѣ, которая гораздо меньше ему нравится, то у него очень легко можетъ возникнуть желаніе, чтобы отецъ постоянно находился въ отсутствіи и онъ сохранилъ бы свое мѣсто у дорогой, милой мамы: однимъ изъ средствъ для достиженія этого желанія является, очевидно, то, чтобы отецъ умеръ, потому что ребенокъ знаетъ: «мертвыхъ, какъ напримѣръ дѣдушки, никогда нѣтъ, они никогда не приходятъ».

Если такія наблюденія надъ маленькими дѣтьми и приводятъ насъ къ вышеупомянутымъ заключеніямъ, то все же они не даютъ еще полной увѣренности, которая вселяется во врача при психоанализѣ взрослаго невротика. Сообщеніе соотвѣтствующихъ сновидѣній совершается здѣсь съ такими подробностями, что раскрытіе въ нихъ опредѣленныхъ желаній не можетъ вызвать никакихъ сомнѣній. Однажды я застаю одну свою паціентку съ заплаканнымъ лицомъ. Она говоритъ: «я не хочу больше видѣть своихъ родственниковъ,—я должна вселять въ нихъ одинъ только ужасъ». Она начинаетъ разсказывать мнѣ о томъ, что вспомнила сновидѣніе, значеніе котораго, конечно, не понимаетъ. Она видѣла его въ возрастѣ четырехъ лѣтъ. Ей снилось: по крышѣ прогуливается какое-то животное, рысь или лисица (по нѣм. тутъ созвучіе «Luchs» и «Fuchs»); потомъ что-то падаетъ, она сама падаетъ. А потомъ вдругъ изъ дому выносятъ мертвую мать, что вызываетъ у нея горючія слезы... Я разъяснилъ ей, что сновидѣніе это должно означать ея дѣтское желаніе видѣть мать мертвой и что она именно благодаря этому сну и думаетъ, что должна вселять въ родныхъ только ужасъ. Въ отвѣтъ на мои слова, она тотчасъ же сообщаетъ матеріалъ для сновидѣнія. «Luchsaug» (пройдоха)—ругательство, которое она однажды въ дѣтствѣ услыхала отъ какого-то уличнаго мальчишки; когда ей было три года на мать съ крыши обрушился кирпичъ и сильно поранилъ ей голову.

Я имѣлъ однажды случай въ теченіе продолжительнаго времени наблюдать за одной молоденькой дѣвушкой, претерпѣвшей цѣлый рядъ различныхъ психическихъ состояній. Въ припадкахъ буйнаго помѣшательства, съ которыхъ начиналась ея

болѣзнь, паціентка обнаруживала отвращеніе къ своей матери, била ее и ругала, какъ только та приближалась къ постели между тѣмъ какъ къ своей старшей сестрѣ она питала нѣжное чувство и во всемъ ее слушалась. Вслѣдъ за этими припадками у нея появлялось довольно ясное состояніе ума, но продолжительная апатія и безсонница: въ этой фазѣ я началъ ея лѣченіе и подвергъ анализу ея сновидѣнія. Большая часть ихъ трактовала въ болѣе или менѣе скрытой формѣ о смерти матери: она то присутствовала на похоронахъ какой-то пожилой дамы, то видѣла себя и свою сестру въ траурѣ; относительно значенія ея сновидѣній не могло быть, конечно, никакихъ сомнѣній. При послѣдовавшемъ улучшеніи появились истерическія фобіи; наиболѣе мучительной изъ нихъ была боязнь, что съ матерью что-то случилось. Гдѣ бы она ни была, она спѣшила домой, чтобы убѣдиться, что ея мать жива. Случай этотъ въ связи съ другими моими наблюденіями чрезвычайно поучителенъ; онъ показываетъ различные способы реагированія психическаго аппарата на одно и то же возбуждающее представленіе. Въ состояніи буйнаго помѣшательства, которое представляется мнѣ подавленіемъ второй психической инстанціи со стороны первой, находящейся обычно въ подавленномъ состояніи, безсознательная враждебность по отношенію къ матери проявилась въ моторныхъ дѣйствіяхъ; когда затѣмъ наступило первое успокоеніе и было возстановлено господство цензуры, эта враждебность должна была оттѣсниться въ единственно доступную ей сферу сновидѣнія, чтобы тамъ осуществить желаніе о смерти матери; когда выздоровленіе подвинулось еще дальше, оно въ качествѣ истерической противореакціи создало преувеличенную заботу о матери. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ понятно и то, почему истерическія дѣвушки такъ преувеличенно пылко любятъ своихъ матерей.

Въ другой разъ я имѣлъ случай проникнуть въ безсознательную душевную жизнь одного молодого человѣка, который страдалъ навязчивымъ неврозомъ и не могъ выходить на улицу, такъ какъ его мучила мысль, что онъ можетъ убить всѣхъ людей, встрѣчающихся съ нимъ. Онъ проводилъ все свое время за тѣмъ, что собиралъ доказательство своего alibi, въ случаѣ если противъ него будетъ возбуждено обвиненіе въ какомъ-либо совершенномъ въ городѣ убійствѣ. Мнѣ не нужно упоминать здѣсь о томъ, что онъ былъ чрезвычайно нравственнымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ. Анализъ его состоянія вскрылъ въ качествѣ причины этой тяжелой навязчивой идеи

его желаніе убить своего чрезмѣрно строгаго отца; желаніе это проявилось, къ его удивленію, вполнѣ сознательно въ возрастѣ семи лѣтъ, но относится, несомнѣнно, къ еще болѣе раннему періоду дѣтству. Послѣ тяжелой болѣзни и смерти отца на тридцать первомъ году жизни у больного проявляется навязчивый упрекъ, который въ формѣ вышеупомянутой фобіи переносится на чужихъ. Кто въ состояніи испытывать желаніе свергнуть своего собственнаго отца съ вершины горы въ пропасть, про того можно подумать, что онъ не пощадитъ жизни и чужихъ ему людей; такой человѣкъ имѣетъ поэтому основаніе запираться у себя въ комнатѣ и не выходить на улицу!

На основаніи моихъ многочисленныхъ наблюденій родители играютъ преобладающую роль въ дѣтской душевной жизни всѣхъ позднѣйшихъ психоневротиковъ, и любовь къ одному и ненависть къ другому изъ нихъ образуютъ неизмѣнную составную часть психическаго матеріала, образованнаго въ то время и чрезвычайно важнаго для симптоматики послѣдующаго невроза. Я не думаю, однако, что психоневротики рѣзко отличаются въ этомъ отъ другихъ нормальныхъ людей, гораздо вѣрнѣе,—это подтверждается случайными моими наблюденіями надъ нормальными дѣтьми,—что они со своими дружелюбными и враждебными желаніями по отношенію къ своимъ родителямъ воплощаютъ лишь процессъ преувеличенія, который болѣе или менѣе интенсивно и отчетливо совершается у большинства дѣтей. Древность въ подтвержденіе этой истины завѣщала намъ чрезвычайно убѣдительный миѳъ, глубокое и всеобъемлющее значеніе котораго становится понятнымъ лишь при помощи установленія общеобязательности вышеуказанныхъ чертъ дѣтской психологіи.

Я разумѣю здѣсь миѳъ о царѣ Эдипѣ и одноименную трагедію Софокла. Эдипъ, сынъ Лайя, ѳиванскаго царя, и Іокасты, подкидывается своими родителями, такъ какъ оракулъ возвѣстилъ отцу, что еще нерожденный имъ сынъ будетъ его убійцей. Эдипа спасаютъ, и онъ воспитывается при дворѣ другого царя, пока самъ, сомнѣваясь въ своемъ происхожденіи, не спрашиваетъ оракула и не получаетъ отъ него совѣта избѣгать родины, такъ какъ онъ долженъ стать убійцей своего отца и супругомъ своей матери. По дорогѣ съ мнимой родины онъ встрѣчаетъ царя Лайя и убиваетъ его въ сраженіи. Потомъ подходитъ къ Ѳивамъ, разрѣшаетъ загадку преграждающаго путь сфинкса и въ благодарность за это избирается на ѳиванскій престолъ и награждается рукою Іокасты. Долгое

время онъ правитъ въ покоѣ и мирѣ и производитъ отъ своей жены-матери двухъ дочерей и двухъ сыновей, какъ вдругъ разражается чума, заставляющая ѳиванцевъ вновь обратиться къ оракулу съ вопросомъ. Здѣсь-то и начинается трагедія Софокла. Гонецъ приноситъ отвѣтъ оракула, что чума прекратится, когда изъ города будетъ изгнанъ убійца Лайя. Гдѣ же онъ, однако?

Дѣйствіе трагедіи состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ постепенно пробуждающемся и искусно замедляемомъ раскрытіи— аналогичномъ съ процессомъ психоанализа,—того, что самъ Эдипъ—убійца Лайя, а въ то же время и сынъ Іокасты. Потрясенный своимъ страшнымъ, злодѣяніемъ, Эдипъ ослѣпляетъ себя и покидаетъ родину. Требованіе оракула исполнено.

«Царь Эдипъ»—такъ называемая, трагедія рока; ея трагическое дѣйствіе покоится на противорѣчіи между всеобъемлющей волей боговъ и тщетнымъ сопротивленіемъ людей, которымъ грозитъ страшное бѣдствіе; подчиненіе воли, бѣгство и сознаніе собственнаго безсилія—вотъ въ чемъ долженъ убѣдиться потрясенный зритель трагедіи. Современные писатели старались достичь той же цѣли, изображая въ своихъ поэтическихъ твореніяхъ указанное противорѣчіе, но развивая его на собственной канвѣ. Зритель, однако, оставался холоднымъ и безучастно смотрѣлъ, какъ, несмотря на все свое сопротивленіе, невинные люди должны были подчиниться осуществленію тяготѣвшаго надъ ними проклятія; позднѣйшія трагедіи рока не имѣли почти никакого успѣха.

Если, однако, «Царь Эдипъ» потрясаетъ современнаго человѣка не менѣе, чѣмъ античнаго грека, то причина этого значенія греческой трагедіи не въ изображеніи противорѣчія между рокомъ и человѣческой волей, а въ особенностяхъ самой темы, на почвѣ которой изображается это противорѣчіе. Есть, очевидно, голосъ въ нашей душѣ, который готовъ признать неотразимую волю рока въ «Эдипѣ». Такой моментъ дѣйствительно имѣется въ исторіи самого царя Эдипа. Судьба его захватываетъ насъ потому, что она бы могла стать нашей судьбой, потому что оракулъ снабдилъ насъ до нашего рожденія такимъ же проклятіемъ, какъ и Эдипа. Всѣмъ намъ, быть можетъ, суждено направить свое первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желаніе на отца; наши сновидѣнія убѣждаютъ насъ въ этомъ. Царь Эдипъ, убившій своего отца Лайя и женившійся на своей матери Іокастѣ, представляетъ собою лишь осуществленіе желанія

нашего дѣтства. Но болѣе счастливые, нежели онъ, мы сумѣли отторгнуть наше сексуальное чувство отъ матери и забыть свою ревность по отношенію къ отцу. Человѣкъ, осуществившій такое первобытное дѣтское желаніе, вселяетъ въ насъ содроганіе и ужасъ,—мы отстраняемся отъ него со всей силой процесса оттѣсненія, которое претерпѣваютъ съ самого дѣтства эти желанія въ нашей душѣ. Освѣщая преступленіе Эдипа, поэтъ приводитъ насъ къ познанію нашего «я», въ которомъ все еще шевелятся тѣ же импульсы, хотя и въ подавленномъ видѣ. Какъ Эдипъ, мы живемъ, не сознавая противоморальныхъ желаній, навязанныхъ намъ природой; сознавъ ихъ, мы всѣ отвратили бы взглядъ нашъ отъ эпизодовъ нашего дѣтства.

То, что миѳъ объ Эдипѣ возникъ изъ древнѣйшаго матеріала сновидѣнія, который имѣетъ своимъ содержаніемъ тягостное растройство отношеній къ родителямъ, благодаря первымъ движеніямъ полового чувства,—на этотъ счетъ въ самомъ текстѣ трагедіи Софокла имѣется довольно прозрачное указаніе. Іокаста утѣшаетъ Эдипа, еще не понявшаго истиннаго положенія дѣла, но все же уже озабоченнаго изрѣченіемъ оракула; она напоминаетъ ему о сновидѣніи, которое видятъ многіе, но которое по ея мнѣнію не имѣетъ никакого значенія.

Сновидѣніе о половой связи съ матерью наблюдается какъ тогда, такъ и теперь, у многихъ людей, сообщающихъ о немъ съ возмущеніемъ и негодованіемъ. Оно и составляетъ, несомнѣнно, ключъ къ трагедіи и находится въ соотвѣтствіи со сновидѣніемъ о смерти отца. Миѳъ объ Эдипѣ представляетъ собою реакцію фантазіи на оба эти типическія сновидѣнія и подобно тому, какъ сновидѣнія эти вселяютъ во взрослыхъ чувство отвращенія, такъ и самъ миѳъ внушаетъ намъ ужасъ. Въ своей законченной формѣ онъ носитъ черты дальнѣйшей вторичной обработки, старавшейся придать ему теологизирующую тенденцію. Попытка объединить божественное всемогущество съ отвѣтственностью человѣка должна была потерпѣть крушеніе на этомъ, какъ и на всякомъ другомъ матеріалѣ. *)

---

*) На томъ же самомъ базисѣ, какъ и «Царь Эдипъ» покоится и другая величайшая трагедія—«Гамлетъ» Шекспира. Но въ измѣненной обработкѣ одного и того же матеріала обнаруживается все различіе въ психической жизни обоихъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга культурныхъ періодовъ и главнымъ образомъ въ отношеніи развитія процесса оттѣсненія въ душевной жизни человѣчества. Въ «Эдипѣ» лежащее въ основѣ его желаніе ребенка всплываетъ наружу и осуществляется, точно въ сновидѣніи; въ «Гамлетѣ» оно остается въ тѣни, и мы узнаемъ о на-

Я не могу оставить разсмотрѣнія типическихъ сновидѣній и сновидѣній о смерти близкихъ родныхъ, не сказавъ нѣсколькихъ словъ объ ихъ значеніи для теоріи сновидѣнія вообще. Сновидѣнія эти представляютъ собою довольно необычный случай того, что мысль сновидѣнія, возникшая благодаря оттѣсненному желанію, не претерпѣваетъ вліянія цензуры и въ неизмѣнномъ видѣ переходитъ въ сновидѣніе. На это должны быть особыя основанія. Я полагаю, что рѣшающую роль играютъ здѣсь два момента: во-первыхъ, нѣтъ ни одного желанія, отъ котораго мы были бы очень далеки; мы полагаемъ, что эти желанія «намъ и во снѣ не снились», и поэтому-то цензура не сопротивляется имъ въ достаточной мѣрѣ. Все равно какъ законодательство Салона не выставляетъ опредѣленнаго наказанія за отцеубійство. Во-вторыхъ же, оттѣсненное и безсознательное желаніе особенно часто сталкивается съ остатками впечатлѣній предыдущаго дня въ виду заботъ о жизни близкаго лица. Эти заботы не могутъ быть включены въ сновидѣніе иначе, какъ черезъ посредство одноименнаго желанія; желаніе же не можетъ быть замаскировано заботой. Если думать, что все это происходитъ гораздо проще, что ночью въ сновидѣніи лишь продолжается то, что начато днемъ, то сновидѣнія о смерти близкихъ родныхъ будутъ стоять совершенно особня-

---

личности его—аналогично сущности невроза—лишь черезъ посредство оказываемаго на него противодѣйствія. Характеръ героя совершенно неясенъ. Драма построена на томъ, что Гамлетъ колеблется осуществить выпавшую на его долю задачу мести; каковы основы или мотивы этого колебанія,—на этотъ счетъ текстъ не говоритъ ничего,—и многочисленныя попытки толкованія драмы дали очень мало въ этомъ отношеніи. Согласно господствующему еще и теперь толкованію Гете, Гамлетъ представляетъ собою типъ человѣка, жизненная энергія котораго парализуется преувеличеннымъ развитіемъ мышленія. Согласно другому воззрѣнію, Шекспиръ старался изобразить слабый, нерѣшительный характеръ, склонный къ неврастеніи. Фабула драмы показываетъ намъ, однако, что Гамлетъ отнюдь не безпомощенъ. Мы дважды видимъ его поступки: въ первый разъ, онъ въ неожиданномъ аффектѣ закалываетъ подслушивающаго за портьерой Полонія, въ другой же умышленно, даже коварно посылаетъ на смерть двухъ царедворцевъ. Что же препятствуетъ ему осуществить задачу, внушенную ему тѣнью отца? Здѣсь снова приходитъ на мысль то, что задача эта совершенно особаго рода. Гамлетъ способенъ на все, только не на месть человѣку, который устранилъ его отца и занялъ его мѣсто у матери, человѣку, воплотившему для него осуществленіе его оттѣсненныхъ дѣтскихъ желаній. Ненависть, которая должна была бы побудить его къ мести, замѣняется у него самоупреками и даже угрызеніями совѣсти, которыя говорятъ ему, что онъ самъ, въ буквальномъ смыслѣ, не лучше, чѣмъ преступникъ,

комъ отъ какой бы то ни было теоріи сновидѣнія, являясь совершенно неразрѣшимой загадкой.

Весьма цѣлесообразно также прослѣдить взаимоотношеніе этихъ сновидѣній и сновидѣній страха. Въ сновидѣніи о смерти близкихъ людей отодвинутое желаніе находитъ себѣ путь, по которому оно можетъ избѣгнуть цензуры,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и обусловливаемаго ею искаженія. Постояннымъ сопутственнымъ явленіемъ въ данномъ случаѣ является то, что субъектъ испытываетъ въ сновидѣніи болѣзненныя ощущенія. Точно также и сновидѣніе о страхѣ наблюдается лишь тогда, когда цензура подавляется вполнѣ или хотя бы отчасти, и, съ другой стороны, подавленію цензуры помогаетъ то, что страхъ является уже на-лицо въ качествѣ «живого» ощущенія, проистекающаго изъ соматическихъ источниковъ. Очевидно такимъ образомъ, какой тенденціи придерживается цензура, обусловливая искажающую дѣятельность сновидѣнія; она имѣетъ въ виду предотвратить появленіе страха или другихъ непріятныхъ аффектовъ.

Выше я говорилъ объ эгоизмѣ дѣтской души и сейчасъ коснусь его съ цѣлью показать здѣсь, что сновидѣнія сохраняютъ и этотъ характеръ. Они всѣ безъ исключенія абсолютно эгоистичны, во всѣхъ нихъ проявляется наше драгоцѣнное «я», хотя иногда и въ замаскированной формѣ. Желанія, осущест-

---

котораго онъ долженъ покарать. Этимъ я лишь перевожу въ сферу сознанія то, что безсознательно дремлетъ въ душѣ героя; если кто-нибудь назоветъ Гамлета истерикомъ, то я сочту это лишь выводомъ изъ моего толкованія. Сексуальное отвращеніе, которое Гамлетъ высказываетъ въ разговорѣ съ Офеліей, играетъ здѣсь рѣшающую роль,—то самое сексуальное отвращеніе, которое въ послѣдующіе годы все больше и больше овладѣвало душою Шекспира до своего окончательнаго завершенія въ «Тимонѣ Аѳинскомъ». Въ «Гамлетѣ» воплощается, разумѣется, лишь собственная душевная жизнь поэта; изъ книги Брандеса о Шекспирѣ (1896г.) мы знаемъ, что трагедія эта написана вскорѣ послѣ смерти его отца, т. е. подъ впечатлѣніемъ свѣжей скорби и воскрешенія дѣтскаго чувства по отношенію къ нему. Извѣстно также и то, что рано умершій сынъ Шекспира носилъ имя Гамнетъ. Въ то время, какъ «Гамлетъ» трактуетъ отношенія сына къ родителямъ, «Макбетъ», связанный съ нимъ по времени, касается темы бездѣтности. Подобно тому, какъ всякій невротическій симптомъ и какъ само сновидѣніе допускаетъ различныя толкованія и даже требуетъ цѣлаго ряда ихъ для своего полнаго пониманія, такъ и всякое истинно поэтическое твореніе проистекаетъ въ душѣ поэта не изъ одного мотива и допускаетъ не одно толкованіе. Я попытался вскрыть здѣсь наиболѣе глубокій слой душевной жизни Шекспира. [Докторъ Джонсъ подтвердилъ мое пониманіе проблемы Гамлета въ своей подробной работѣ и подкрѣпилъ его новыми аргументами, сославшись на связь этой проблемы съ миѳомъ о «рожденіи героя»].

вляющіяся изъ нихъ—постоянно желанія этого «я»; интересъ къ другому лицу въ сновидѣніи всегда иллюзоренъ. Я подвергну здѣсь анализу нѣсколько примѣровъ, противорѣчащихъ, повидимому, этому моему утвержденію.

I. Четырехлѣтній мальчикъ разсказываетъ: ему приснилось, большое блюдо, на которомъ лежитъ большой кусокъ жаренаго мяса. Неожиданно кусокъ этотъ съѣдается, не будучи даже разрѣзанъ. Человѣка, который съѣлъ мясо, онъ не видалъ. *)

Кто же былъ этотъ человѣкъ, объ обильномъ обѣдѣ котораго приснилось ребенку? На этотъ счетъ намъ даютъ разъясненіе переживанія предыдущаго дня. Мальчику въ теченіе нѣсколькихъ дней была прописана врачемъ молочная діета; наканунѣ сновидѣнія вечеромъ онъ нашалилъ и въ наказаніе за это былъ лишенъ ужина. Уже раньше какъ-то онъ испыталъ это наказаніе и велъ себя при этомъ очень мужественно. Онъ зналъ, что ничего не получитъ, но даже самому себѣ не рѣшался признаться въ томъ, что испытываетъ голодъ. Воспитаніе начинаетъ оказывать на него свое дѣйствіе; оно проявляется уже въ сновидѣніи, обнаруживающемъ зародышѣ искажающей дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что самъ онъ тотъ человѣкъ, желанія котораго направляются на столь обильный ужинъ. Такъ какъ онъ знаетъ, однако, что онъ наказанъ и не имѣетъ права ничего ѣсть, то онъ не рѣшается даже во снѣ сѣсть за столъ и съѣсть вкусное блюдо.

II. Мнѣ снится однажды, что въ окнѣ одного книжнаго магазина я вижу новый выпускъ той серіи книгъ въ роскошныхъ переплетахъ, которую я обычно покупаю. (Монографіи о художникахъ по исторіи и т. п). Новая серія называется: «Знаменитые ораторы» (или рѣчи) и выпускъ первый посвященъ доктору Лехеру.

При анализѣ я удивляюсь, что въ сновидѣніи меня могла заинтересовать слава доктора Лехера, побившаго рекордъ про-

---

*) Все большое, обильное, чрезмѣрное и преувеличенное въ сновидѣніяхъ носитъ несомнѣнно характеръ дѣтства. У ребенка нѣтъ болѣе горячаго желанія, нежели какъ стать взрослымъ и прежде всего получать столько, сколько получаютъ взрослые; ребенка трудно удовлетворить, онъ постоянно требуетъ повторенія того, что ему понравилось или было вкусно. Быть умѣреннымъ, скромнымъ онъ научается лишь благодаря воспитанію; какъ извѣстно невротикъ также склоненъ къ неумѣренности и преувеличенію.

должительности рѣчи во время нѣмецкой обструкціи въ парламентѣ. На самомъ же дѣлѣ я за нѣсколько дней до сновидѣнія началъ психическое лѣченіе нѣсколькихъ новыхъ паціентовъ, такъ что теперь принужденъ говорить отъ десяти до одиннадцати часовъ въ сутки. Такимъ образомъ я самъ побиваю рекордъ продолжительности рѣчи!

III. Въ другой разъ мнѣ снится, что одинъ мой знакомый университетскій преподаватель говоритъ: Мой сынъ, Міопъ... За этимъ слѣдуетъ діалогъ изъ короткихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Вслѣдъ за этимъ я вижу себя самого и своихъ сыновей.

Сновидѣнія этого вслѣдствіе его нѣкоторыхъ особенностей я коснусь ниже.

IV. Примѣръ дѣйствительно низменныхъ эгоистическихъ чувствъ, скрывающихся позади заботъ, обнаруживаетъ слѣдующее сновидѣніе.

Мой другъ Отто выглядитъ очень плохо, у него дурной цвѣтъ лица и глаза какъ-то странно на выкатѣ.

Коллега Отто мой домашній врачъ; я ему многимъ обязанъ, такъ какъ онъ уже нѣсколько лѣтъ слѣдитъ за здоровьемъ моихъ дѣтей и очень успѣшно ихъ лѣчитъ; кромѣ того онъ имъ дѣлаетъ подарки по каждому малѣйшему поводу. Наканунѣ сновидѣнія онъ былъ у насъ, и моя жена замѣтила, что онъ усталъ и плохо выглядитъ. Ночью я вижу сновидѣніе, которое снабжаетъ его нѣкоторыми признаками базедовой болѣзни. Тотъ, кто не слѣдуетъ моимъ правиламъ толкованія сновидѣній, истолкуетъ это сновидѣніе въ томъ смыслѣ, что я озабоченъ здоровьемъ моего друга и что эта забота реализируется во снѣ. Это было бы возраженіемъ не только противъ того моего утвержденія, будто сновидѣніе представляетъ собою осуществленіе желанія, но и противъ другого, что оно доступно лишь эгоистическимъ интересамъ и цѣлямъ. Но тотъ, кто такъ истолковываетъ сновидѣніе, пусть разъяснитъ мнѣ, почему я предполагаю у Отто наличность базедовой болѣзни, когда для такого діагноза у меня нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Мой анализъ даетъ, однако, слѣдующій матеріалъ, относящійся къ эпизоду, имѣвшему мѣсто лѣтъ шесть назадъ. Въ небольшомъ обществѣ, въ которомъ находился и между прочимъ профессоръ Р., мы ѣхали ночью по лѣсу, отстоявшему въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ нашей дачи. Кучеръ, бывшій навеселѣ,

выбросилъ насъ изъ экипажа, и мы благодарили судьбу, что еще дешево отдѣлались. Намъ пришлось, однако, переночевать въ ближайшей харчевнѣ, гдѣ извѣстіе о постигшемъ насъ несчастьѣ вызвало большое сочувствіе. Какой-то господинъ съ весьма отчетливыми признаками базедовой болѣзни предложилъ свои услуги и спросилъ, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь быть намъ полезенъ. Профессоръ Р., по своей обычной манерѣ отвѣтилъ: Развѣ только тѣмъ, что вы мнѣ одолжите ночную сорочку. На это благородный человѣкъ сказалъ: Къ сожалѣнію, этимъ я вамъ служить не могу,—и ушелъ.

Продолжая анализъ, я вспоминаю, что «Базедовъ»—не только фамилія врача, но и одного изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ (я, однако, не совсѣмъ увѣренъ, правда ли это). Между тѣмъ именно коллегу Отто я просилъ въ случаѣ, если со мною что-нибудь случится, взять на себя заботу о физическомъ развитіи моихъ дѣтей, особенно же въ періодъ зрѣлости (въ связи съ этимъ и ночная сорочка). Снабжая въ сновидѣніи коллегу Отто болѣзненными симптомами вышеупомянутаго благороднаго человѣка, я хочу, повидимому, этимъ сказать: если со мною что-нибудь случится, отъ него дождешься столько же, сколько отъ того человѣка, несмотря на его любезное предложеніе. Эгоистическая тенденція этого сновидѣнія вполнѣ очевидна. *)

Гдѣ же, однако, здѣсь осуществленіе желанія? Конечно, не въ мести коллегѣ Отто, которому дѣйствительно, кажется, суждено играть незавидную роль въ моихъ сновидѣніяхъ, а совершенно другому отношенію. Замѣняя коллегу Отто въ сновидѣніи вышеупомянутымъ благороднымъ человѣкомъ, я въ то же время отождествляю свою собственную персону съ другимъ человѣкомъ, а именно съ профессоромъ Р., такъ какъ я требую отъ Отто того же, что по другому поводу потребовалъ профессоръ Р. отъ человѣка въ харчевнѣ. Тутъ-то и разрѣшеніе загадки. Профессоръ Р. аналогично мнѣ, сдѣлалъ свою карьеру помимо университета и лишь впослѣдствіи получилъ давно заслуженное имъ званіе. Такимъ образомъ, я снова хочу стать профессоромъ. Даже это «впослѣдствіи» представляетъ собою осуществленіе

---

*) [Когда докторъ Джонсъ въ одной своей научной лекціи въ Америкѣ говорилъ объ эгоизмѣ въ сновидѣніяхъ, какая-то ученая дама возстала противъ такого якобы ненаучнаго обобщенія и заявила, что авторъ можетъ судить лишь по сновидѣніямъ австрійцевъ и не имѣетъ права взводить такого обвиненія на сновидѣнія американцевъ. Она лично можетъ гарантировать, что ея сновидѣнія всѣ строго альтруистичны].

желанія, такъ какъ означаетъ, что я проживу достаточно долго чтобы самому позаботиться о развитіи своихъ дѣтей въ періодъ зрѣлости.

*
* *

[Остальныхъ формъ типическихъ сновидѣній я въ первомъ изданіи настоящей книги коснулся лишь вкратцѣ, такъ какъ у меня было недостаточно соотвѣтствующаго матеріала. Мой теперешній опытъ даетъ мнѣ возможность раздѣлить эти сновидѣнія на двѣ большія группы: на такія, которыя дѣйствительно имѣютъ всегда одно и то же значеніе, и на такія, которыя несмотря на одинаковое или аналогичное содержаніе обнаруживаютъ самый разнообразный смыслъ. Изъ типическихъ сновидѣній перваго рода я коснусь подробнѣе сновидѣній объ экзаменахъ и сновидѣній, имѣющихъ связь съ зубной болью.

Каждый, кому приходилось держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, жалуется на упорство, съ которымъ его преслѣдуетъ сновидѣніе, будто онъ провалился на экзаменѣ, остался на второй годъ въ послѣднемъ классѣ и т. д. Для обладателя академическаго диплома это типическое сновидѣніе замѣняется другимъ: ему снится, будто онъ держитъ экзамены и даже во снѣ возстаетъ противъ нихъ, говоря, что онъ уже давно практикуетъ, состоитъ приватъ-доцентомъ или находится на службѣ. Все это—неизгладимыя воспоминанія о наказаніяхъ, которыя мы претерпѣвали въ дѣтствѣ за совершенные проступки и которыя пробудились вновь въ нашей душѣ въ связи съ двумя узловыми пунктами нашихъ учебныхъ занятій.

«Боязнь экзаменовъ» у невротиковъ подкрѣпляется этимъ дѣтскимъ страхомъ. Мы вышли изъ дѣтскаго возраста, и насъ не касаются уже больше родители, воспитатели и учителя: неумолимая причинная связь жизни взяла на себя наше дальнѣйшее воспитаніе, и намъ снятся гимназическіе или университетскіе экзамены каждый разъ, когда мы боимся, что какое-нибудь дѣло намъ не удастся, потому что мы въ чемъ-нибудь провинились, не сдѣлали такъ, какъ нужно,—всякій разъ, какъ мы чувствуемъ на себѣ гнетъ отвѣтственности.

Подобнымъ разъясненіемъ сновидѣній объ экзаменахъ я обязанъ замѣчанію одного свѣдущаго коллеги, который однажды въ своей научной работѣ подчеркнулъ то обстоятельство, что, по его мнѣнію, сновидѣніе объ экзаменѣ наблюдается лишь у людей, которые выдержали этотъ экзаменъ, и никогда у тѣхъ, которые на немъ провалились. Сновидѣнія объ экзаменахъ,

которыя наблюдаются обычно лишь тогда, когда субъекту предстоитъ на слѣдующій день отвѣтственный поступокъ или возможность какого-либо провала или фіаско, избираетъ своимъ матеріаломъ какой-либо эпизодъ изъ прошлаго, при которомъ нашъ страхъ оказался неосновательнымъ и былъ опровергнутъ успѣшнымъ результатомъ. Это дѣйствительно чрезвычайно яркій примѣръ непониманія сновидѣнія со стороны бодрствующей инстанціи. Возраженіе, приводимое обычно съ негодованіемъ: но я вѣдь уже докторъ и т. д.,—представляетъ собою въ дѣйствительности утѣшеніе, которое приносятъ съ собою сновидѣнія, оно должно было бы гласить: «не бойся завтрашняго дня, подумай о томъ, какъ ты боялся выпускного экзамена и все-таки вѣдь его выдержалъ. Теперь же ты уже докторъ и т. д.» Страхъ же, съ которымъ связано такое сновидѣніе, относится несомнѣнно къ впечатлѣніямъ предыдущаго дня.

Мои дальнѣйшія наблюденія, правда, хотя и не очень многочисленныя, подтвердили справедливость этого объясненія. Будучи студентомъ, я провалился на экзаменѣ судебной медицины; эпизодъ этотъ никогда мнѣ не снился, между тѣмъ какъ сновидѣніе часто представляетъ экзамены по ботаникѣ, зоологіи и химіи; на эти экзамены я шелъ съ вполнѣ обоснованной боязнью провала, но благодаря благосклонности судьбы или экзаменатора всѣ ихъ выдерживалъ. Въ сновидѣніяхъ о выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіи мнѣ постоянно снится экзаменъ по исторіи, который я блестяще выдержалъ, хотя, правда, только потому, что мой симпатичный преподаватель замѣтилъ, что на билетѣ, который я вынулъ и возвратилъ ему, я поспѣшилъ ногтемъ отмѣтить вопросъ, который тѣмъ самымъ просилъ мнѣ не задавать. Одинъ изъ моихъ паціентовъ, кончившій гимназію, но впослѣдствіи провалившійся на экзаменѣ на офицерскій чинъ и не ставшій поэтому офицеромъ, сообщилъ мнѣ, что ему очень часто снится гимназическій экзаменъ, но никогда не офицерскій.

Вышеупомянутый коллега (докторъ Штекель въ Вѣнѣ) обращаетъ вниманіе на двоемысліе слова «зрѣлость»; онъ наблюдалъ якобы, что сновидѣнія объ экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости бываютъ очень часто, когда на слѣдующій день предстоитъ сексуальное «испытаніе». Одинъ нѣмецкій коллега возразилъ на это — повидимому, вполнѣ справедливо — что на нѣмецкомъ языкѣ эти экзамены носятъ другое названіе—Abiturium—и что поэтому наличность двойного смысла въ немъ утверждать невозможно.

Благодаря аналогичному впечатлѣнію сновидѣніе объ опозданіи на поѣздъ можетъ быть отнесено къ этой же группѣ. Толкованіе его подтверждаетъ эту мысль. Сновидѣнія эти заключаютъ въ себѣ утѣшеніе въ испытываемомъ во снѣ страхѣ: боязни умереть. «Отъѣздъ»—одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ и понятныхъ символовъ смерти. Сновидѣніе утѣщаетъ насъ: будь спокоенъ: ты не умрешь (не уѣдешь),—все равно какъ сновидѣніе объ экзаменахъ: не бойся, ты не провалишься. Трудность пониманія обоихъ этихъ видовъ сновидѣній объясняется тѣмъ, что ощущеніе страха связано именно съ выраженіемъ утѣшенія.—Относительно символовъ смерти Штекель говоритъ подробно въ своей новой книгѣ: «Языкъ сновидѣній».

Смыслъ сновидѣній, связанныхъ съ зубной болью, который я имѣлъ случай отчасти анализировать у своихъ паціентовъ, долгое время казался мнѣ загадочнымъ, такъ какъ къ моему удивленію я при толкованіи ихъ постоянно наталкивался на всевозможныя препятствія.

Наконецъ, я категорически убѣдился въ томъ, что побудительную силу этимъ сновидѣніямъ даютъ у мужчинъ онанистическія наклонности періода зрѣлости Я подвергну анализу два такихъ сновидѣнія. Оба сообщены мнѣ однимъ и тѣмъ же лицомъ, молодымъ человѣкомъ, съ рѣзко выраженной, хотя и подавленной гомосексуальной склонностью.

Онъ находится въ оперѣ и слушаетъ «Фиделіо»; сидитъ въ партерѣ подлѣ Л., который ему очень симпатиченъ и дружбы съ которымъ онъ уже давно добивался. Неожиданно онъ пролетаетъ надъ партеромъ, долетаетъ до ложъ, засовываетъ палецъ въ ротъ и вырываетъ себѣ два зуба.

Полетъ онъ самъ описываетъ такимъ образомъ, будто его «бросили въ воздухъ». Такъ какъ это очевидно обусловлено впечатлѣніемъ отъ видѣнной оперы—то сюда относятся слова поэта:

«Wer ein holdes Weib errungen»*)

Но «овладѣніе прекрасною дѣвою» не образуетъ желанія моего паціента. Къ нему подходятъ скорѣе двѣ другихъ строчки:

«Wem der grosse Wurf gelungen,
Eines Freundes Freund zu sein»...**)

*) «Кто овладѣлъ прекрасною дѣвою».
**) «Кому на долю счастливый жребій выпалъ быть другомъ друга своего».

Здѣсь непереводимое созвучіе. Субъекту снилось, что его «бросили въ воздухъ». «Wurf» въ стихотвореніи обозначаетъ: во-первыхъ, по созвучію «бросокъ», во-вторыхъ въ переносномъ смыслѣ «жребій, удачу».

Сновидѣніе и содержитъ въ себѣ этотъ «Wurf», который не является, однако, только осуществленіемъ желанія. Позади него скрывается и та непріятная мысль, что благодаря своимъ домогательствамъ дружбы онъ не разъ уже «выбрасывался за двери» и боязнь, что его снова постигнетъ та же участь. Сюда присоединяется и признаніе спящаго, что однажды послѣ такой неудачи онъ отъ тоски по «другѣ» дважды подрядъ онанировалъ.

Другое сновидѣніе: Вмѣсто меня его лѣчатъ два извѣстныхъ профессора. Одинъ дѣлаетъ что-то съ его penis'омъ; онъ боится операціи. Другой же ударяетъ его чѣмъ-то тяжелымъ въ ротъ, такъ что онъ теряетъ одинъ или два зуба. Онъ привязанъ четырьмя шелковыми платками.

Сексуальный смыслъ этого сновидѣнія очевиденъ. Шелковые платки соотвѣтствуютъ идентификаціи съ однимъ знакомымъ гомосексуаломъ. Спящій, никогда не имѣвшій coitus'a и никогда не искавшій въ дѣйствительности полового сближенія съ мужчиной, представляетъ себѣ половое сношеніе по образцу знакомой ему мастурбаціи.

Я полагаю, что и другія различныя модификаціи типическихъ сновидѣній о зубной боли, напримѣръ, когда другой человѣкъ вырываетъ у спящаго зубъ и т. д. могутъ быть истолкованы аналогичнымъ образомъ. Непонятно, однако, все же, какимъ образомъ раздраженіе, вызываемое зубной болью, скрываетъ за собою вышеупомянутый смыслъ. Я обращаю здѣсь вниманіе на столь частое «перенесеніе снизу вверхъ», которое наблюдается при оттѣсненіи сексуальныхъ элементовъ и при помощи котораго при истеріи могутъ реализироваться на различныхъ частяхъ тѣла ощущенія, относящіяся къ половой сферѣ. Ротъ, губы часто символизируютъ влагалище, «срамныя губы», носъ—penis, волосы на головѣ—растительность на половыхъ частяхъ и т. д. Только одна часть тѣла не поддается сравненію,—зубы, и именно это обстоятельство сообщаетъ послѣднимъ особую пригодность для изображенія подъ вліяніемъ оттѣсненія сексуальныхъ элементовъ.

Я не стану утверждать, что значеніе элемента онанизма

въ сновидѣніяхъ о зубной боли мною всецѣло выяснено и доказано, хотя я лично въ немъ нисколько не сомнѣваюсь.

Ко второй группѣ типическихъ сновидѣній относятся тѣ, въ которыхъ спящій летаетъ, паритъ въ воздухѣ, падаетъ и т. п. Что означаютъ эти сновидѣнія? Дать общій отвѣтъ на это довольно трудно. Они, какъ мы увидимъ, сейчасъ, означаютъ въ каждомъ случаѣ нѣчто другое,—лишь матеріалъ ощущеній, содержащійся въ нихъ, проистекаетъ всегда изъ одного и того же источника.

Изъ данныхъ психоанализа слѣдуетъ заключить, что и эти сновидѣнія воспроизводятъ впечатлѣнія дѣтства, относясь главнымъ образомъ къ тѣмъ подвижнымъ играмъ, которыя такъ нравятся дѣтямъ. Какъ часто близкіе заставляютъ дѣтей «летать», подымая ихъ на руки и бѣгая съ ними по комнатѣ, или же симмулируютъ имъ «паденіе», сажая ихъ на колѣни и неожиданно вытягивая ноги. Дѣти смѣются при этомъ и постоянно просятъ продолжить игру, особенно, если съ нею связанъ небольшой страхъ и головокруженіе. Эти игры повторяются затѣмъ черезъ много лѣтъ въ сновидѣніяхъ съ той только разницей, что взрослые здѣсь не держатся ни за что руками, а свободно парятъ въ воздухѣ и дѣйствительно падаютъ. Любовь всѣхъ маленькихъ дѣтей къ такимъ играмъ, а также и къ катанію на качеляхъ общеизвѣстна: видя затѣмъ гимнастическія и акробатическія упражненія въ циркѣ, дѣти живо вспоминаютъ объ играхъ своего ранняго дѣтства. У многихъ мальчиковъ истерическіе припадки состоятъ лишь въ воспроизведеніи такихъ упражненій, производимыхъ имъ съ большимъ искусствомъ. Нерѣдко при этихъ самихъ по себѣ невинныхъ играхъ пробуждаются и сексуальныя ощущенія *). Сновидѣнія о летаніи, паденіи, головокруженіи и т. п., воспроизводящія такія впечатлѣнія дѣтства, превращаютъ пріятное чувство, связанное съ ними, въ ощущеніе страха. Но вѣдь почти всѣ матери знаютъ, что игры эти очень часто кончаются для дѣтей слезами.

---

*) Одинъ молодой, вполнѣ здоровый коллега сообщаетъ мнѣ: «Я знаю по собственному опыту, что прежде, качаясь на качеляхъ, особенно въ моментъ отлетанія назадъ, я испытывалъ своеобразное ощущеніе въ половой сферѣ, которое хотя и не было пріятнымъ, однако, должно быть названо все же сладострастнымъ».—Отъ своихъ паціентовъ я часто слышалъ, что первыя эрекціи, сопровождавшіяся пріятнымъ чувствомъ, наблюдались ими при лазаніи на деревья.—Изъ психоанализовъ явствуетъ, что очень часто первые проблески сексуальнаго чувства появляются при бѣготнѣ, вознѣ и дракѣ дѣтей.

Въ виду вышеизложеннаго я имѣю полное основаніе отклонить утвержденіе, будто наше осязаніе во время сна, ощущеніе отъ движенія нашихъ легкихъ и т. п. вызываютъ сновидѣнія о летаніи и паденіи. Я полагаю, что сами эти ощущенія воспроизводятся благодаря воспоминанію, къ которому относится сновидѣніе,—т.-е., что они служатъ содержаніемъ послѣдняго, а не его источникомъ.

Этотъ однообразный и проистекающій изъ одного и того же источника матеріалъ служитъ для воплощенія самыхъ разнообразныхъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. Одной изъ моихъ паціентокъ снилось, что она летаетъ надъ улицей, не касаясь земли. Она была очень низкаго роста и боялась всегда испортить свою репутацію, что по ея мнѣнію было неизбѣжно при общеніи съ чужими людьми. Ея сновидѣнія осуществляли оба этихъ желанія, поднимая ее съ земли и заставляя парить въ воздухѣ вдали отъ людей. У другой моей паціентки сновидѣніе о летаніи означало другое желаніе, которое часто она выражала словами: ахъ, если бы я была птицей. Другіе ночью становятся часто ангелами, такъ какъ страдаютъ отъ того, что никто не называетъ ихъ этимъ именемъ. Близкая связь летанія съ представленіемъ о птицѣ объясняетъ то, что сновидѣніе о летаніи у мужчины имѣетъ зачастую грубо-чувственное значеніе. Мы нисколько не удивимся поэтому, если услышимъ, что мужчины въ такомъ сновидѣніи очень часто гордятся своимъ умственнымъ авторитетомъ.

Д-ръ П. Федернъ (Вѣна) высказалъ интересное предположеніе, что большая часть сновидѣній о летаніи имѣетъ связь съ представленіемъ объ эрекціи, такъ какъ удивительное и постоянно занимавшее человѣческую фантазію явленіе эрекціи вызываетъ представленіе объ исчезновеніи силы тяжести. (Ср. крылатыхъ фаллусовъ древности.)

Сновидѣнія о паденіи носятъ большей частью характеръ страха. Ихъ толкованіе у женщинъ не встрѣчаетъ никакихъ трудностей, такъ какъ они почти всегда символизируютъ собою «паденіе», являющееся выраженіемъ того, что женщина поддается эротическому искушенію. Дѣтскихъ источниковъ сновидѣній о паденіи мы еще не касались; почти всѣ дѣти падаютъ,—ихъ поднимаютъ и ласкаютъ: когда они ночью выпадаютъ изъ постельки, няньки ихъ тотчасъ же подымаютъ и заботливо укладываютъ обратно.

Лица, которымъ часто снится, что они плаваютъ, съ наслажденіемъ разсѣкаютъ волны и т. п., обычно страдали въ

дѣтствѣ enuresis nocturna и воспроизводятъ въ сновидѣніи пріятное чувство, отъ котораго они уже давно научились отказываться. Какіе элементы содержатся въ этихъ сновидѣніяхъ, мы увидимъ ниже.

Толкованіе сновидѣній о пожарѣ имѣетъ связь съ запрещеніемъ дѣтямъ «играть съ огнемъ». Въ основѣ ихъ лежитъ также воспоминаніе объ enuresis nocturna дѣтскаго періода. Въ «Отрывкѣ анализа истеріи» 1905) я далъ полный анализъ и синтезъ такого сновидѣнія о пожарѣ въ связи съ исторіей болѣзни моей паціентки и показалъ, для образованія какихъ впечатлѣній болѣе зрѣлаго возраста пригоденъ этотъ матеріалъ дѣтства.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ типическихъ сновидѣній, если разумѣть подъ ними наличность частаго повторенія одного и того же явнаго содержанія ихъ у различныхъ субъектовъ: такъ, напримѣръ, сновидѣнія о прохожденіи по узкимъ улицамъ, о бѣгствѣ черезъ амфиладу комнатъ, сновидѣнія о ночныхъ разбойникахъ, о преслѣдованіи дикихъ животныхъ или объ угрозахъ ножами, кинжалами, копьями; два послѣднихъ вида характерны для страдающихъ фобіями. Анализъ такихъ сновидѣній даетъ чрезвычайно интересные результаты, но онъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и я ограничусь поэтому лишь двумя замѣчаніями, которыя, однако, относятся лишь къ типическимъ сновидѣніямъ.

I. Чѣмъ больше занимаешься толкованіемъ сновидѣній, тѣмъ больше убѣждаешься въ томъ, что большинство сновидѣній взрослыхъ имѣетъ въ основѣ своей сексуальный характеръ и даетъ выраженіе эротическимъ желаніямъ. Въ этомъ можетъ убѣдиться, однако, лишь тотъ, кто дѣйствительно анализируетъ сновидѣнія, т.-е. отъ явнаго содержанія послѣднихъ переходитъ къ скрывающимся за нимъ мыслямъ: явное содержаніе никогда не раскроетъ сексуальнаго характера сновидѣнія. Обстоятельство это не содержитъ въ себѣ ничего удивительнаго, а находится въ полномъ согласіи съ нашими принципами теоріи сновидѣнія. Никакіе другіе инстинкты со времени дѣтства не претерпѣваютъ такого гнета, какъ сексуальное влеченіе во всѣхъ своихъ многочисленныхъ составныхъ частяхъ; *) ни одинъ инстинктъ не порождаетъ столько многочисленныхъ безсознательныхъ желаній, которыя въ состояніи сна способны вызывать сновидѣніе. При толкованіи сновидѣній нельзя упускать

*) [Ср. мои «Три очерка сексуальной теоріи» 1910 г. II изданіе.]

изъ виду этого значенія сексуальныхъ комплексовъ, хотя и не слѣдуетъ приписывать имъ исключительную роль.

Подробный анализъ многихъ сновидѣній показываетъ, что они могутъ быть истолкованы даже бисексуально: они допускаютъ еще и особое толкованіе, въ которомъ осуществляются гомосексуальныя влеченія, противорѣчащія нормальному половому инстинкту спящаго субъекта. То, однако, что всѣ сновидѣнія безъ исключенія должны быть истолкованы въ бисексуальномъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ В. Штекель. («Языкъ сновидѣнія» 1911 г.) и А. Адлеръ («Психическій гермафродитизмъ въ жизни и неврозѣ», въ «Fortschritte der Medizin» 1910 г. № 16 и другія работы въ «Zentralblatt für Psychoanalyse» I. 1910—1911 г.) представляется именно столь же бездоказательнымъ, сколь и невѣроятнымъ обобщеніемъ. Какъ же въ такомъ случаѣ обстояло бы дѣло съ многочисленными сновидѣніями, въ которыхъ осуществляются не эротическія—въ широкомъ смыслѣ—потребности, а другія, какъ напримѣръ, голодъ, жажда, стремленіе къ удобству и т. д. Въ равной мѣрѣ и другое утвержденіе, будто позади каждаго сновидѣнія скрывается страхъ смерти (Штекель), будто каждое сновидѣніе обнаруживаетъ «переходъ отъ женской къ мужской линіи» (Адлеръ)— преступаютъ на мой взглядъ всѣ предѣлы вѣроятнаго въ толкованіи сновидѣній.

То, что на первый взглядъ, невинныя сновидѣнія даютъ выраженія грубымъ эротическимъ желаніямъ, мы видѣли уже выше и могли бы теперь подтвердить многочисленными новыми примѣрами. Но и многія, повидимому, безразличныя сновидѣнія, въ которыхъ никоимъ образомъ нельзя подмѣтить ничего особеннаго, сводятся часто при анализѣ къ несомнѣннымъ сексуальнымъ желаніямъ самаго неожиданнаго свойства.

Кто до толкованія могъ бы предугадать наличность сексуальнаго влеченія въ слѣдующемъ сновидѣніи? Субъектъ сообщаетъ: между двумя дворцами стоитъ маленькій домикъ; ворота его на запорѣ. Жена ведетъ меня по улицѣ, подводитъ къ домику, толкаетъ дверь, и я быстро вхожу на дворъ, нѣсколько поднимающійся въ гору.

Кто имѣетъ извѣстную опытность въ толкованіи сновидѣній, тотъ сейчасъ же увидитъ въ проникновеніи въ тѣсныя помѣщенія и въ открываніи запертыхъ дверей наиболѣе употребительную сексуальную символику и съ легкостью истолкуетъ это сновидѣніе какъ изображеніе попытки coitus'а a posteriori.

Узкій дворъ, подымающійся въ гору, несомнѣнно, влагалище, помощь, оказываемая женой въ сновидѣніи, указываетъ на то, что въ дѣйствительности лишь уваженіе къ женѣ послужило препятствіемъ къ осуществленію такой попытки; полученная справка говоритъ, что наканунѣ сновидѣнія въ домъ спящаго поступила молодая служанка, произведшая на него выгодное впечатлѣніе и вызвавшая въ немъ мысль, что она, навѣрное, не отклонила бы такого предложенія. Маленькій домъ между двумя дворцами взятъ изъ воспоминаній о Прагѣ и тоже въ свою очередь указываетъ на служанку, которая родомъ именно изъ этого города.

Если я убѣждаю своихъ паціентовъ въ частой наличности у нихъ «эдиповыхъ» сновидѣній о связи со своей собственной матерью, то я слышу постоянно отъ нихъ: я не могу припомнить ни одного такого сновидѣнія. Вслѣдъ за этимъ тотчасъ же, однако, всплываетъ воспоминаніе о другомъ смутномъ и безразличномъ сновидѣніи, часто у нихъ повторяющемся; анализъ показываетъ, что это сновидѣніе аналогичнаго содержанія. Я утверждаю, что замаскированныя сновидѣнія о связи съ матерью неизмѣримо чаще, нежели явныя и очевидныя *).

Бываютъ сновидѣнія о мѣстностяхъ и ландшафтахъ, о которыхъ спящій еще въ самомъ сновидѣніи утверждаетъ категорически: «Тамъ я уже былъ когда-то!» Эта мѣстность всегда— половая сфера матери; и удивительно, ни объ одномъ мѣстѣ человѣкъ не можетъ съ такой увѣренностью утверждать, что онъ былъ тамъ, какъ именно объ этомъ.

Въ основѣ большого числа сновидѣній, сопряженныхъ

*) [Типическій примѣръ такого замаскированнаго сновидѣнія я опубликовалъ въ № 1 «Zentralblatt'a». Другой примѣръ вмѣстѣ съ подробнымъ анализомъ приводитъ О. Ранкъ въ № 4. Древнимъ было, впрочемъ, не чуждо и символическое толкованіе такого явнаго сновидѣнія. Ср. О. Ранкъ 106) (стр. 534): «Такъ, Юлій Цезарь сообщаетъ о томъ, что ему снилась половая связь съ матерью; толкователь сновидѣній увидѣлъ въ этомъ предсказаніе того, что онъ овладѣетъ землею (матерью-землею). Столь же извѣстно и изреченіе оракула, данное имъ Тарквиніямъ: тому изъ нихъ достанется господство надъ Римомъ, кто первый поцѣлуетъ мать (osculum matri tulerit), что казалось Бруту указаніемъ на мать-землю (terram osculo contigit, scilicet quod ea communia mater omnium mortalium esset. Livius, I, LXI.) «Эти миѳы и толкованія указываютъ на вполнѣ правильный психологическій выводъ. Я убѣдился въ томъ, однако, что лица, которыхъ почему-либо выдѣляла въ дѣтствѣ мать, обнаруживаютъ въ послѣдующей жизни ту особую самоувѣренность и тотъ непоколебимый оптимизмъ, который нерѣдко кажется геройскимъ и дѣйствительно создаетъ этимъ субъектамъ успѣхъ въ жизни.]

обычно съ чувствомъ страха и имѣющихъ своимъ содержаніемъ прохожденіе по узкимъ улицамъ и плаваніе въ водѣ, лежатъ мысли объ утробной жизни, о пребываніи въ утробѣ матери и объ актѣ рожденія. Я приведу здѣсь сновидѣніе одного молодого человѣка, который въ воображеніи пользуется пребываніемъ въ материнской утробѣ для наблюденія за coitus'омъ родителей.

«Онъ находится въ глубокой шахтѣ; въ ней окно, какъ въ Земмерингскомъ туннелѣ. Черезъ это окно онъ видитъ сначала какой-то пустой ландшафтъ, но вслѣдъ за нимъ самъ составляетъ въ своемъ воображеніи картину, которая и заполняетъ пустоту. Картина изображаетъ собою пашню, взрыхляемую плугомъ. Онъ идетъ дальше, видитъ раскрытую книгу по педагогикѣ... и удивляется, что она удѣляетъ такое вниманіе сексуальному чувству (ребенка). При этомъ онъ вспоминаетъ обо мнѣ».

Другое сновидѣніе принадлежитъ моей паціенткѣ; оно сослужило особую службу для ея дальнѣйшаго лѣченія.

Она живетъ на дачѣ; однажды ночью она бросается въ темную воду озера въ томъ мѣстѣ, гдѣ блѣдная луна отражается на гладкой поверхности.

Сновидѣнія этого рода—сновидѣнія о родахъ; смыслъ ихъ становится яснымъ, если фактъ, содержащійся въ явномъ содержаніи ихъ, превратить въ его противоположность, т. е. вмѣсто броситься въ воду—выйти изъ воды,—иначе говоря, родиться. Что же, однако, означаетъ «родиться» въ той мѣстности, гдѣ она живетъ на дачѣ? Я спрашиваю ее, и она, не колеблясь, отвѣчаетъ: Развѣ лѣченіе не переродило меня? Такимъ образомъ сновидѣніе это содержитъ въ себѣ предложеніе продолжить лѣченіе и на дачѣ, т. е. посѣщать ее и тамъ; оно содержитъ, быть можетъ, также и довольно неясный намекъ на желаніе самой стать матерью *).

*) [Значеніе фантазій и безсознательныхъ мыслей о пребываніи въ материнской утробѣ изучено мною во всей полнотѣ лишь недавно. Всѣ они содержатъ какъ разъясненіе боязни людей быть похороненными заживо, такъ и глубокое безсознательное обоснованіе вѣры въ загробную жизнь, которая представляетъ собою лишь продолженіе въ будущемъ загадочной жизни до рожденія. Актъ рожденія впрочемъ, лишь первое ощущеніе страха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ такого ощущенія].

Другое сновидѣніе о родахъ вмѣстѣ съ его толкованіемъ я заимствую изъ книги Джонса [95]): «Она стояла на берегу моря и слѣдила за маленькимъ мальчикомъ, повидимому ея сыномъ, который плескался въ водѣ. Онъ зашелъ въ воду такъ далеко, что она совсѣмъ покрыла его, и она видѣла теперь лишь его голову, которая двигалась взадъ и впередъ по поверхности воды. Неожиданно картина эта превратилась въ переполненный народомъ залъ отеля. Мужъ ея уходитъ, и она «вступаетъ въ разговоръ» съ какимъ-то чужимъ господиномъ».

Вторая половина сновидѣнія оказалась при анализѣ ничѣмъ инымъ, какъ уходомъ отъ мужа и вступленіемъ въ связь съ третьимъ лицомъ. Первая же часть сновидѣнія—очевидная фантазія о родахъ. Въ сновидѣніяхъ, какъ и въ миѳологіи, выходъ ребенка изъ зародышевыхъ водъ изображается обычно при помощи обратнаго превращенія: вхожденія ребенка въ воду; наряду съ многими другими, хорошими примѣрами служатъ миѳы о рожденіи Адониса, Озириса, Моисея и Вакха. Движенія головы ребенка въ водѣ напоминаютъ тотчасъ же паціенткѣ ощущеніе движеній ребенка, испытанное ею во время ея единственной беременности.

Вторая половина сновидѣнія даетъ, такимъ образомъ, выраженіе мыслямъ, связаннымъ съ уходомъ изъ дому; послѣдній лежитъ въ основѣ второй половины. Первая половина соотвѣтствуетъ скрытому содержанію второй. Помимо вышеупомянутаго обратнаго превращенія въ обѣихъ частяхъ сновидѣнія имѣютъ мѣсто и другія превращенія. Въ первой половинѣ ребенокъ идетъ въ воду и двигаетъ тамъ головою. Въ представленіи, лежащемъ въ основѣ сновидѣнія, имѣются на-лицо сначала движеніе ребенка, а затѣмъ уже выходъ его изъ водъ (двойное превращеніе). Во второй половинѣ мужъ оставляетъ ее; въ дѣйствительности же, она покидаетъ мужа».

Другое сновидѣніе о родахъ сообщаетъ Абрагамъ [79]). Молодой женщинѣ, ожидающей разрѣшенія отъ бремени, снится: Изъ одного мѣста въ полу въ комнатѣ ведетъ темный каналъ прямо въ воду (родовой путь—зародышевыя воды). Она поднимаетъ люкъ въ полу, и тотчасъ же появляется существо въ косматой шубѣ, напоминающее тюленя. Существо это оказывается младшимъ братомъ спящей, къ которому она съ дѣтства питала материнскую любовь».

Къ сновидѣніямъ о родахъ относятся и сновидѣнія о «спасеніи». Спасеніе, особенно же спасеніе изъ воды, равнозначуще съ рожденіемъ, если оно снится женщинѣ; оно имѣетъ, однако, другой смыслъ, если снится мужчинѣ. (См. такое сновидѣніе у Пфистера: «Случай психоаналитическихъ душевныхъ заботъ и душевнаго исцѣленія». 1909 г.)—О символѣ «спасеніе» ср. мою статью: «Грядущіе шансы психоаналитической терапіи». «Zentralblatt für Psychoanalyse» № 1. 1910 г. А также—Психологія половой жизни «Jahrbuch Bleuler-Freud», т. II. 1910 г.

Разбойники, ночные громилы и привидѣнія, которыхъ обычно боятся передъ засыпаніемъ, проистекаютъ изъ одного того же дѣтскаго воспоминанія. Это лица, будившія ребенка отъ сна, чтобы посмотрѣть, не испачкалъ ли онъ постели и гдѣ онъ во снѣ держитъ руки. При анализѣ нѣсколькихъ такихъ сновидѣній мнѣ удалось установить личность ночныхъ посѣтителей. Разбойникомъ былъ всегда отецъ, привидѣніями же большей частью женщины въ бѣлыхъ ночныхъ одѣніяхъ.

II. Ознакомившись съ богатымъ примѣненіемъ символики при образованіи сновидѣній, мы должны задаться вопросомъ, не обладаетъ ли большинство этихъ символовъ однимъ и тѣмъ же разъ навсегда установленнымъ значеніемъ,—другими словами, мы испытываемъ искушеніе составить своего рода «сонникъ» новаго типа. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что эта символика относится не къ самимъ сновидѣніямъ, а къ безсознательнымъ представленіямъ народа и можетъ быть констатирована гораздо полнѣе въ фольклорѣ, миѳахъ, сагахъ, языкѣ, пословицахъ и поговоркахъ. *)

Сновидѣніе пользуется этой символикой для замаскированнаго образованія скрытыхъ позади него мыслей. Среди этихъ символовъ имѣется очень много, означающихъ постоянно или почти постоянно одно и то же. Необходимо принять только во вниманіе своеобразную пластичность психическаго матеріала. Символъ можетъ проявиться въ сновидѣніи не въ символической формѣ, а въ своемъ истинномъ значеніи; въ другой разъ спящій на основаніи своего индивидуальнаго матеріала воспоминаній можетъ въ качествѣ символа воспользоваться, чѣмъ угодно. Кромѣ того и наиболѣе употребительные сексуальные символы вовсе не всегда содержатъ въ себѣ одинъ смыслъ.

---

*) [Ср. работы Блейлера и его цюрихскихъ учениковъ Медера, Абрагама и другихъ о символикѣ, а также авторовъ, не врачей, на которыхъ они ссылаются (Клейнпауль и другіе.)

Упомянувъ объ этомъ, перечислю эти наиболѣе употребительные символы: король и королева изображаютъ большею частью родителей спящаго; принцъ или принцесса—его самаго. Всѣ продолговатые предметы, палки, трости, деревья, зонты (аналогія съ эрекціей!), всѣ длинныя и острыя орудія: ножи, кинжалы, пики служатъ для изображенія мужского полового органа. Употребительнымъ, хотя и мало понятнымъ символомъ его служитъ также пилка для ногтей.—Коробки, жестянки, ящики, шкафы, печки соотвѣтствуютъ половой сферѣ женщины. Комнаты въ сновидѣніяхъ по большей части женщины (по-нѣм. созвучіе: «Zimmer» и «Frauenzimmer»). Опредѣленія «закрытыя» или «открытыя», очевидно, относятся сюда же.—Сновидѣніе, въ которомъ спящій спасается черезъ амфиладу комнатъ, изображаетъ публичный домъ.—Лѣстницы, подъемъ по нимъ и схожденіе—символическое изображеніе coitus'a.—Голыя стѣны, по которымъ карабкается спящій, фасады домовъ, съ которыхъ онъ — зачастую со страхомъ — спускается, соотвѣтствуютъ тѣлу человѣка въ стоячемъ положеніи и воспроизводятъ въ сновидѣніи, по всей вѣроятности, карабканье дѣтей по тѣлу родителей. «Гладкія» стѣны—мужчины; за «выступы» домовъ спящій нерѣдко цѣпляется.—Столы—по большей части женщины; по всей вѣроятности вслѣдствіе контраста ихъ ровной поверхности съ рельефностью женскаго тѣла. Такъ какъ «столъ и постель»—необходимые аттрибуты брака, то въ сновидѣніи первый нерѣдко замѣняетъ вторую и переноситъ иногда комплексъ сексуальныхъ представленій на комплексъ «ѣды».—Изъ предметовъ одежды женская шляпа изображаетъ почти всегда половые органы мужчины. Въ сновидѣніяхъ мужчинъ галстухъ служитъ зачастую символомъ penis'а, не только потому, что онъ имѣетъ продолговатую форму, «свѣшивается» и служитъ характернымъ аттребутомъ мужчины, но и потому, что галстухъ можно выбрать себѣ любой, по желанію,—свобода, совершенно недопустимая относительно истиннаго значенія этого символа. Лица, пользующіяся этимъ символомъ въ сновидѣніи, имѣютъ обычно цѣлую коллекцію галстуховъ и очень часто ихъ мѣняютъ.—Всѣ сложные машины и аппараты въ сновидѣніяхъ большею частью половые органы, въ изображеніи которыхъ символика сновидѣнія вообще чрезвычайно изобрѣтательна.—Въ равной мѣрѣ сюда же слѣдуетъ отнести многіе ландшафты, особенно такіе, гдѣ имѣются мосты или горы, поросшія лѣсомъ. Наконецъ, и различныя, непонятныя новыя словообразованія могутъ сказаться соедине ніемъ нѣсколькихъ словъ, отно-

сящихся къ половой жизни.—Возня съ маленькимъ ребенкомъ, физическое наказаніе его служатъ обычно изображеніемъ онанистическаго акта.—Цѣлый рядъ другимъ, правда, еще недостаточно провѣренныхъ символовъ приводитъ Штекель[114]), иллюстрируя ихъ примѣрами. Правая и лѣвая стороны должны быть истолкованы, по его мнѣнію, въ этическомъ смыслѣ. Правая дорога означаетъ всегда путь праведника, лѣвая—путь преступника. Такимъ образомъ, первая можетъ изображать гомосексуальность, извращенность,—вторая же бракъ, сношеніе съ проституткой и пр. Все зависитъ, конечно, отъ индивидуально-моральной точки зрѣнія спящаго (стр. 466). Родственники въ сновидѣніи играютъ большею частью роль половыхъ частей (стр. 473). Невозможность догнать экипажъ представляется Штекелю сожалѣніемъ о невозможности сгладить разницу въ возрастѣ. Багажъ, съ которымъ приходится путешествовать, представляетъ собою грѣховное бремя, которое тяготитъ человѣка. Цифрамъ и числамъ, наблюдаемымъ часто въ сновидѣніяхъ, Штекель приписываетъ тоже вполнѣ опредѣленныя символическія значенія,—хотя это мало доказательно и не поддается такому широкому обобщенію; въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, такое толкованіе можетъ оказаться дѣйтствительно правильнымъ.—Въ недавно опубликованной книгѣ В. Штекеля «Языкъ сновидѣнія», которой я не могъ воспользоваться, имѣется (стр. 72) списокъ наиболѣе употребительныхъ сексуальныхъ символовъ, который долженъ служить доказательствомъ того, что всѣ сексуальные символы употребляются въ бисексуальномъ смыслѣ. «Нѣтъ ни одного символа, который—поскольку это хоть отчасти позволяетъ фантазія—не могъ бы быть примѣненъ и въ мужскомъ и въ женскомъ значеніи! Это «поскольку» въ значительной степени ограничиваетъ утвержденіе Штекеля, такъ какъ именно фантазія далеко не всегда позволяетъ это. Я считаю, однако, нужнымъ присовокупить, что, по моему мнѣнію, утвержденіе Штекеля должно отступить на дальній планъ передъ признаніемъ огромнаго разнообразія. Помимо символовъ, которые столь же часто изображаютъ мужскіе половые органы, какъ и женскіе, есть много такихъ, которые относятся преимущественно или почти исключительно къ одному полу, и такихъ, изъ значеній которыхъ извѣстно только мужское или только женское. Пользоваться продолговатыми предметами въ качествѣ символовъ женскихъ половыхъ органовъ и полыми (ящиками, коробками и т. п.) въ качествѣ символовъ мужскихъ,—фантазія не позволяетъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что склонность сновидѣнія и безсознательной фантазіи пользоваться сексуальными символами въ бисексуальномъ смыслѣ обнаруживаетъ архаическій характеръ, такъ какъ дѣтству различіе половъ остается неизвѣстнымъ и оно приписываетъ обоимъ поламъ одни и тѣ же половые органы.

Этихъ, во-многихъ отношеніяхъ не исчерпывающихъ указаній достаточно для дальнѣйшихъ подробныхъ и тщательныхъ наблюденій. *)

Я приведу здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ примѣненія сновидѣніями такихъ символовъ; примѣры эти должны показать, какъ невозможно истолковать сновидѣніе, отрекаясь отъ ученія о символикѣ, и какъ настойчиво выдвигается она на первый планъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

1. Шляпа, какъ символъ мужчины (мужского полового органа). **)

(*Отрывокъ сновидѣнія молодой женщины, страдающей агорафобіей*).

«Я иду лѣтомъ гулять по улицѣ. На мнѣ шляпа странной формы: тулья выгнута вверхъ, а поля свѣшиваются внизъ, при чемъ одна сторона ниже другой. Я въ хорошемъ, веселомъ настроеніи. Встрѣтивъ нѣсколько молодыхъ офицеровъ, я думаю: Вы ничего мнѣ не можете сдѣлать».

Такъ какъ она не можетъ привести ни одной мысли, соотвѣтствующей представленію о шляпѣ въ сновидѣніи, то я говорю ей: шляпа, по всей вѣроятности, мужской половой органъ съ поднятой средней частью и двумя свѣшивающимися боковыми. Я умышленно уклоняюсь отъ истолкованія детали относительно неравной длины обоихъ полей; хотя какъ разъ такія подробности обычно и указываютъ путь къ толкованію. Я продолжаю: если ея мужъ обладаетъ, такимъ образомъ, такимъ хорошимъ половымъ органомъ, то ей нечего бояться офицеровъ, между тѣмъ какъ обычно она, благодаря своей фобіи, не рѣшается выходить на улицу одна. Такое разъясненіе страха я могъ бы

---

*) При всемъ различіи пониманія Шернеромъ символики сновидѣнія съ только что развитымъ мною, я все же долженъ замѣтить, что Шернеръ[58]) долженъ быть признанъ первымъ, открывшимъ эту символику и что даннымъ психоанализа удалось возстановить заслуги его сочиненія, появившагося полвѣка назадъ и сочтеннаго плодомъ досужей фантазіи.

**) Изъ «Очерковъ толкованія сновидѣній». «Zentralblatt für Psychoanalyse,» I, № 5/6, 1911.

ей дать и раньше неоднократно въ связи съ другимъ матеріаломъ.

Чрезвычайно интересно, какъ паціентка встрѣчаетъ мое толкованіе. Она отрицаетъ, что говорила, будто поля шляпы свѣшиваются внизъ. Я, однако, хорошо помню ея слова и настаиваю на нихъ. Она молчитъ и потомъ рѣшается, наконецъ, спросить, что означаетъ, что у ея мужа одно яйцо ниже другого и у всѣхъ ли мужчинъ это такъ. Тѣмъ самымъ разъясняется примѣчательная деталь приснившейся ей шляпы, и все толкованіе охотно принимается ею.

Шляпа, какъ символъ, была мнѣ знакома задолго до сообщенія этого сновидѣнія. Изъ другихъ, менѣе прозрачныхъ случаевъ я убѣдился, что шляпа можетъ быть символомъ и женскихъ половыхъ органовъ.

2.—Малютка—половые органы; раздавливаніе—символъ coitus'a.

(Другое сновидѣніе той же паціентки, страдающей агорафобіей).

«Ея мать отсылаетъ ея маленькую дѣвочку, чтобы она пошла одна. Потомъ она ѣдетъ съ матерью по желѣзной дорогѣ и видитъ, какъ ея дочка идетъ прямо на рельсы подъ поѣздъ. Онъ слышитъ хрустъ костей (при этомъ непріятное чувство, но не ужасъ). Она смотритъ изъ окна вагона, не видно ли сзади частей, и упрекаетъ мать, что она оставила малютку одну». Анализъ. Полное толкованіе этого сновидѣнія дать очень трудно. Оно относится къ цѣлому циклу другихъ и можетъ быть истолковано исчерпывающе лишь въ связи съ ними. Особенно трудно здѣсь выдѣлить въ изолированномъ видѣ матеріалъ, необходимый для установленія символики. Паціентка сама устанавливаетъ соотвѣтствіе поѣздки по желѣзной дорогѣ съ возвращеніемъ изъ нервной клиники, въ руководителя которой она была, разумѣется, влюблена. За ней пріѣхала туда мать, на вокзалъ проводить ее пріѣхалъ врачъ и привезъ ей букетъ цвѣтовъ; ей было непріятно, что мать была свидѣтельницей этой любезности. Мать является здѣсь, такимъ образомъ, нарушительницей ея любовныхъ стремленій; аналогичную роль она дѣйствительно играла въ молодости моей паціентки. Дальнѣйшая мысль относится къ дорогѣ; она оборачивается, не видно ли сзади частей. Въ сновидѣніи разумѣются, конечно, остатки раздавленной дѣвочки. Мысль ея идетъ, однако, въ другомъ направленіи. Она вспоминаетъ, что однажды видѣла отца сзади голымъ, заговариваетъ о половыхъ различіяхъ и указываетъ на то, что у мужчины половые органы видны и

сзади, у женщины же нѣтъ. Въ связи съ этимъ она сама истолковываетъ сновидѣніе въ томъ смыслѣ, что маленькая дѣвочка олицетворяетъ половые органы, —ея же дѣвочка (у нея есть 4-лѣтняя дочка) ея собственные половые органы. Она упрекаетъ мать въ томъ, что она требуетъ, чтобы она жила такъ, какъ будто у нея вообще нѣтъ половыхъ органовъ, и находитъ соотвѣтствіе этому упреку въ первой части сновидѣнія: мать отсылаетъ ея маленькую дѣвочку, чтобы она пошла одна. Въ ея воображеніи идти одной по улицѣ означаетъ; не имѣть мужчины, не имѣть половыхъ сношеній (coire—идти вмѣстѣ), а на это она не способна. По ея разсказамъ, она, будучи ребенкомъ, дѣйствительно страдала отъ ревности матери вслѣдствіе явнаго предпочтенія, которое оказывалъ ей отецъ. О «маленькомъ ребенкѣ», какъ о символѣ (мужскихъ или женскихъ) половыхъ органовъ, говорилъ уже Штекель *), ссылавшійся при этомъ на общеупотребительные обороты рѣчи.

Болѣе глубокое толкованіе этого сновидѣнія вытекаетъ изъ другого сновидѣнія той же ночи, въ которомъ она отожествляетъ себя со своимъ братомъ. Въ дѣтствѣ у нея былъ дѣйствительно мальчишескій видъ, и ей часто говорили, что въ ней пропалъ хорошій мальчикъ. Въ связи съ этой идентификаціей становится вполнѣ очевиднымъ, что «маленькій ребенокъ» означаетъ половые органы. Мать грозитъ ему (ей) кастраціей, которая есть ни что иное, какъ наказаніе за игру съ половымъ органомъ; такимъ образомъ, идентификація показываетъ, что она сама въ дѣтствѣ занималась онанизмомъ, что въ памяти ея сохранилось только относительно ея брата. Знакомство съ видомъ мужскихъ половыхъ органовъ, впослѣдствіи ею утраченное, относится, согласно даннымъ второго сновидѣнія, къ раннему дѣтству. Далѣе, второе сновидѣніе указываетъ еще на дѣтскую сексуальную теорію, будто дѣвочки происходятъ отъ мальчиковъ путемъ ихъ кастраціи.

Отсыланіе дѣвочки въ первомъ сновидѣніи относится тоже, такимъ образомъ, къ угрозѣ кастраціей. Кромѣ того она негодуетъ на мать за то, что та не родила ее мальчикомъ.

То, что «раздавливаніе» символизируетъ половой актъ не явствуетъ изъ этого сновидѣнія, но подтверждается рядомъ другихъ источниковъ.

---

*) «Очерки толкованія сновидѣній». «Jahrbuch für psychoanalyt. und psychop. Forsch.» Т. I, 1909, стр. 473. Тамъ же (стр. 475) сообщается еще одно сновидѣніе, въ которомъ шляпа съ криво сидящимъ перомъ по срединѣ символизируетъ (импотентнаго) мужчину.

3. Изображеніе половыхъ органовъ при помощи зданій лѣстницъ и шахтъ.

(Сновидѣніе молодого человѣка).

«Онъ идетъ съ отцомъ по улицѣ, напоминающей Пратеръ, тамъ большая эстрада съ небольшимъ выступомъ; къ послѣднему привязанъ воздушный шаръ, слабо, однако, надутый; отецъ спрашиваетъ его, къ чему это все; онъ удивляется, но объясняетъ ему. Онъ входитъ въ какой-то дворъ; на землѣ лежитъ большой листъ жести. Отецъ хочетъ оторвать себѣ большой кусокъ, но предварительно оглядывается, нѣтъ ли кого-нибудь. Онъ говоритъ ему, что нужно сказать только сторожу, тогда можно взять сколько угодно. На этомъ дворѣ лѣстница ведетъ внизъ въ шахту, стѣны которой обиты мягкимъ, все равно какъ спинка кресла. Въ концѣ этой шахты продолговатая платформа, а за ней еще одна шахта...»

Анализъ: Паціентъ этотъ принадлежитъ къ чрезвычайно неблагодарному въ терапевтическомъ отношеніи типу больныхъ, которые до извѣстнаго пункта анализа не оказываютъ никакого сопротивленія, потомъ, однако, становятся почти совершенно недоступными. Сновидѣніе это онъ разъяснилъ самостоятельно. Эстрада, сказалъ онъ, это мои половые органы, воздушный шаръ передъ нею—мой penis, на вялость котораго я имѣю основаніе жаловаться. Разбираясь въ деталяхъ, можно сказать, что круглая эстрада—сѣдалище (причисляемое дѣтьми, обычно къ половымъ органамъ), а выступъ спереди scrotum. Въ сновидѣніи отецъ спрашиваетъ его, къ чему это все, т. е. освѣдомляется о назначеніи и устройствѣ половыхъ органовъ. Очевидно, что тутъ необходимо предположить, что вопросъ задаетъ онъ отцу, а не наоборотъ; такъ какъ въ дѣйствительности онъ отца никогда объ этомъ не разспрашивалъ, то мысль, лежащая въ основѣ сновидѣнія, должна быть истолкована въ видѣ желанія или же должна быть взята въ условной формѣ: «Если бы я сталъ разспрашивать отца объ этихъ вещахъ...» Съ продолженіемъ этой мысли мы еще встрѣтимся ниже.

Дворъ, на которомъ лежитъ жесть, не долженъ быть истолкованъ символически: онъ изображаетъ попросту дворъ дома, гдѣ находится торговля отца паціента. Изъ желанія сохранить инкогнито послѣдняго, я замѣняю «жестью» другой металлъ, которымъ торгуетъ его отецъ; это не измѣняетъ нисколько сущности сновидѣнія. Паціентъ мой вступилъ въ дѣло отца и былъ возмущенъ нѣкоторыми его продѣлками и махинаціями, на ко-

торыхъ, главнымъ образомъ, и основывались его барыши. Такимъ образомъ, продолженіе вышеупомянутой мысли, сказало бы: «(Если бы я его спросилъ)... онъ обманулъ бы меня, какъ обманываетъ своихъ покупателей: Относительно отрыванія, служащаго для изображенія коммерческой нечестности, паціентъ мой находитъ и другое толкованіе: оно означаетъ мастурбацію. Вполнѣ въ порядкѣ вещей, что послѣдняя снова приписывается отцу, какъ и разспросы въ первой части сновидѣнія. Шахту онъ истолковываетъ, какъ символъ vagina, ссылаясь на мягкую обивку. Что спусканіе по лѣстницѣ и подниманіе изображаетъ собою coitus, я знаю и на основаніи другихъ источниковъ (ср. «Zentralblatt für Psychoanalyse», № 1).

Детали относительно продолговатой платформы въ первой шахтѣ и второй шахты онъ разъясняетъ біографически. Одно время онъ имѣлъ половыя сношенія, затѣмъ вынужденъ былъ прекратить ихъ и теперь при помощи леченія надѣется снова ихъ начать. Къ концу сновидѣніе становится менѣе отчетливымъ.

4. Мужскіе половые органы, символизируемые лицами, и женскіе—ландшафтами.

(Сновидѣніе простой женщины, мужъ которой служитъ сторожемъ. Сообщено Б. Даттнеромъ).

...Кто-то забрался въ домъ, и она въ страхѣ позвала сторожа. Но тотъ мирно отправился вмѣстѣ съ громилами въ церковь*), къ которой вели нѣсколько ступеней**); позади церкви была гора***), а наверху густой лѣсъ****). На сторожѣ былъ шлемъ и ряса*****); у него большая рыжая борода. На громилахъ, мирно шедшихъ съ нимъ, были длинные мѣшкообразные фартуки******). Изъ церкви въ гору вела дорога. Послѣдняя съ общихъ сторонъ поросла травой и кустарникомъ, который становился все гуще и на вершинѣ горы переходилъ въ дремучій лѣсъ.

*) Vagina.
**) Символъ coitus'а.
***) Mons veneris.
****) Crines pubis.
*****) Демоны въ рясахъ по словамъ спеціалистовъ носятъ всегда фаллическій характеръ.
******) Двѣ части scrotum'а.

5. Сновидѣніе о лѣстницѣ.

(Сообщено и истолковано Отто Ранкомъ).

«Я бѣгу внизъ по лѣстницѣ за маленькой дѣвочкой, которая что-то мнѣ сдѣлала. и хочу ее наказать. Внизу кто-то (взрослая женщина?) задерживаетъ дѣвочку; я хватаю ее, но не знаю, билъ ли ее или нѣтъ, такъ какъ внезапно попадаю на средину лѣстницы и имѣю съ дѣвочкой половое сношеніе (какъ будто въ воздухѣ). Въ сущности говоря, это даже не половое сношеніе: я только касаюсь penis'омъ ея половыхъ частей, при чемъ ясно вижу откинутую назадъ голову. Во время coitus'а я вижу слѣва отъ себя (тоже какъ будто въ воздухѣ) двѣ небольшихъ картины, изображающія домъ, окруженный зеленью. На одной меньшей, на мѣстѣ подписи художника имѣется мое собственное имя, точно картина предназначена мнѣ въ подарокъ ко дню рожденія. Передъ картинами виситъ еще записка, на которой написано, что можно имѣть и болѣе дешевыя картины; (затѣмъ я вижу себя неясно, точно въ постели на верхней площадкѣ лѣстницы) и просыпаюсь отъ ощущенія влажности, объясняющейся испытанной поллюціей».

Толкованіе: Паціентъ вечеромъ наканунѣ сновидѣнія былъ въ книжномъ магазинѣ, гдѣ разсматривалъ картины по сюжету аналогичныя съ приснившимися ему. Одна изъ небольшихъ картинъ ему особенно понравилась, онъ подошелъ къ ней ближе и прочелъ имя совершенно незнакомаго ему художника.

Въ тотъ же вечеръ онъ, будучи въ одномъ обществѣ, слышалъ объ одной служанкѣ, которая хвасталась тѣмъ, что зачала своего внѣбрачнаго ребенка на лѣстницѣ. Онъ освѣдомился о деталяхъ этого незауряднаго случая и узналъ, что служанка отправилась съ своимъ поклонникомъ въ домъ родителей, тамъ было неудобно и возбужденный ухаживатель совершилъ coitus на лѣстницѣ.

Таковы впечатлѣнія предыдущаго дня, чрезвычайно рельефно отразившіяся въ сновидѣніи и цѣликомъ сохранившіяся въ памяти паціента. Столь же отчетливо сохранилось въ немъ и одно воспоминаніе дѣтства, также включенное въ сновидѣніе Лѣстница въ послѣднемъ похожа на лѣстницу того дома, гд онъ провелъ большую часть своего дѣтства и гдѣ впервые познакомился сознательно съ восторгами половой жизни. На этой лѣстницѣ онъ часто игралъ и нерѣдко сползалъ верхомъ по

периламъ, при чемъ испытывалъ половое возбужденіе. Въ сновидѣніи онъ тоже быстро спускается съ лѣстницы, такъ быстро что, по его собственнымъ словамъ, не чувствуетъ ступеней, а какъ бы «слетаетъ» внизъ. Въ связи съ дѣтскимъ переживаніемъ это начало сновидѣнія изображаетъ, повидимому, моментъ сексуальнаго возбужденія.—На этой же лѣстницѣ въ сосѣдней квартирѣ паціентъ въ дѣтствѣ не разъ затѣвалъ съ сосѣдними дѣтьми игры, при чемъ аналогичнымъ же образомъ удовлетворялъ иногда половыя желанія.

Зная, на основаніи сексуально-символическихъ изслѣдованій Фрейда (см. Zentralblatt f. Psychoanal. I, стр. 2 сл.), что лѣстница и восхожденіе по ней символизируютъ почти всегда coitus, мы должны будемъ признать, что сновидѣніе представляется чрезвычайно прозрачнымъ. Его мораль, какъ показываетъ и его результатъ, поллюція, носитъ чисто сексуальный характеръ. Въ состояніи сна пробуждается сексуальное возбужденіе. Оно повышается и приводитъ къ половому акту (изображенному въ сновидѣніи хватаніемъ дѣвочки и ея увлеченіемъ на средину лѣстницы). До сихъ поръ сновидѣніе носитъ чисто сексуально-символическій характеръ и неопытному глазу представляется совершенно непонятнымъ. Но повышенному сексуальному возбужденію мало такого символическаго удовлетворенія, которое не нарушило бы спокойствія сна. Возбужденіе ведетъ къ оргазму, и вся символика, связанная съ представленіемъ о coitus'ѣ, оказывается изображеніемъ coitus'а.—Если Фрейдъ въ качествѣ одной изъ причинъ сексуальнаго характера этого символа (лѣстницы) указываетъ на ритмическій характеръ обоихъ процедуръ, то наше сновидѣніе служитъ нагляднѣйшимъ примѣромъ этого, такъ какъ по категорическому утвержденію грезившаго, ритмичность полового акта была наиболѣе рельефнымъ элементомъ всего сновидѣнія.

Еще нѣсколько словъ по поводу обѣихъ картинъ, которыя, помимо ихъ реальнаго значенія, имѣютъ и символическое: это явствуетъ уже изъ того, что грезящій видитъ двѣ картины, одну побольше, одну поменьше, аналогично двумъ женщинамъ, взрослой и дѣвочкѣ. То, что «можно имѣть картины и подешевле» приводятъ къ представленію о проституціи.

Смутная заключительная сцена, когда грезящій видитъ себя въ постели на верхней площадкѣ лѣстницы и ощущаетъ влажность, относится, по всей вѣроятности, не только къ дѣтской мастурбаціи, но имѣетъ связь и съ болѣе ранней enuresis nocturna.

6. Модифицированное сновидѣніе о лѣстницѣ.

Одному своему паціенту, воображеніе котораго вращается вокругъ матери и которому снится нерѣдко восхожденіе по лѣстницѣ въ сопровожденіи матери, я говорю, что умѣренная мастурбація была бы, по всей вѣроятности, менѣе вредна ему, чѣмъ его вынужденное воздержаніе. Эти слова вызываютъ у него слѣдующее сновидѣніе:

«Учитель музыки упрекаетъ его, что онъ забросилъ игру на рояли и не играетъ этюды Мошеля и «Gradus ad Parnassum» Клементи».

Паціентъ сообщаетъ мнѣ сновидѣніе, замѣчаетъ, что «Gradus» вѣдь тоже лѣстница; и клавіатура, содержащая скалу.

Можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ ни одного круга представленій, который былъ бы недоступенъ изображенію сексуальныхъ явленій и желаній.

Я заключаю главу сновидѣніемъ одного химика, молодого человѣка, замѣнившаго свои онанистическія привычки сношеніями съ женщиной.

Предв. сообщ. Наканунѣ сновидѣнія онъ объяснялъ одному студенту сущность грильяровской реакціи, при которой магнезія при каталитическомъ дѣйствіи іода растворяется въ чистомъ эѳирѣ. За два дня до этого во время производства этого опыта произошелъ взрывъ, при чемъ рабочій тяжело обжегъ себѣ руку.

Сновидѣніе I. Онъ долженъ приготовить бромистое соединеніе фенила и магнезіи, при чемъ самъ играетъ роль магнезіи. У него странное состояніе, онъ все время говоритъ: вполнѣ правильно, мои ноги растворяются, колѣни становятся мягкими. Онъ ощупываетъ ноги, вынимаетъ ихъ (самъ не зная, какимъ образомъ) изъ колбы и говоритъ: Не можетъ быть. Нѣтъ, все, все вѣрно. Онъ просыпается, но не вполнѣ и повторяетъ про себя сновидѣніе, такъ какъ рѣшаетъ передать его мнѣ. Онъ боится забыть его, находится въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи и все время повторяетъ: Фенилъ! Фенилъ!

II. Онъ со всей семьей въ мѣстечкѣ X. Въ $^1/_2$ 12-го у него свиданіе съ одной дамой, но онъ просыпается только въ $^1/_2$ 12-аго и говоритъ себѣ самому: уже поздно; пока я дойду, будетъ $^1/_2$ 1-го. Въ эту минуту онъ видитъ, что вся его семья въ сборѣ и обѣдаетъ; особенно отчетливо видитъ онъ мать и горничную съ суповой миской. Онъ думаетъ: Ну, разъ ужъ обѣдъ, мнѣ уйти не удастся

Анализъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и первое сновидѣніе связано съ ожидаемымъ свиданіемъ. Студентъ, которому онъ давалъ разъясненія, очень противный субъектъ; онъ сказалъ ему: это неправильно, потому что магнезіи вовсе еще не было. Тотъ отвѣтилъ, какъ будто это его ничуть не касалось: пусть будетъ неправильно. Этотъ студентъ, вѣроятно, онъ самъ;—онъ такъ же равнодушенъ къ своему анализу, какъ тотъ къ синтезу.

Съ другой стороны, онъ то, чѣмъ производится анализъ (синтезъ). Дѣло идетъ объ успѣшности лѣченія. Ноги въ сновидѣніи вызываютъ воспоминаніе о вечерѣ наканунѣ сновидѣнія. Онъ танцовалъ съ одной дамой, на которую у него свои виды, и такъ крѣпко прижималъ ее къ себѣ, что одинъ разъ она даже вскрикнула. Прикоснувшись къ ея ногамъ, онъ ощутилъ ея отвѣтное пожатіе. Въ этой ситуаціи, такимъ образомъ, женщина—магнезія въ ретортѣ, съ которой дѣло налаживается. По отношенію ко мнѣ онъ женственненъ, такъ же дѣвственненъ по отношенію къ женщинѣ. Если съ женщиной дѣло наладится, то оно наладится и съ лѣченіемъ. Ощупываніе ногъ и всего тѣла указываетъ на онанизмъ и на усталость предыдущаго дня.—Свиданіе было назначено дѣйствительно въ $^1/_2$ 12-аго. Его желаніе проспать этотъ часъ и остаться въ домашней привычной обстановкѣ (т. е. продолжать заниматься онанизмомъ) соотвѣтствуетъ его сопротивленію].

VII.

Дѣятельность сновидѣнія.

Всѣ попытки подойти къ разрѣшенію проблемы сновидѣнія связывались до сихъ поръ непосредственно съ явнымъ содержаніемъ его, сохраняемомъ въ воспоминаніи, и были направлены на толкованіе именно этого содержанія; или же отказывались отъ какого бы то ни было толкованія, обосновывая свое сужденіе о сновидѣніи постояннымъ указаніемъ на его содержаніе. Съ нашей точки зрѣнія, дѣло обстоитъ совершенно иначе; для насъ между содержаніемъ сновидѣнія и результатомъ нашего изслѣдованія находится новый психическій матеріалъ: скрытое содержаніе, добытое при помощи нашего метода, и мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ. Изъ скрытаго содержанія, а не изъ явнаго беремъ мы разрѣшеніе сновидѣнія. Намъ предстоитъ поэтому теперь задача разсмотрѣть взаимоотношеніе явнаго содержанія сновидѣнія къ скрытому и прослѣдить, путемъ какого процесса образуется изъ послѣдняго первое.

Мысли и содержаніе сновидѣнія предстаютъ передъ нами, какъ два изображенія одного и того же содержанія на двухъ различныхъ языкахъ, или, вѣрнѣе говоря, содержаніе сновидѣнія представляется намъ переводомъ мыслей на другой языкъ, знаки и правила котораго мы должны изучить путемъ сравненія оригинала и этого перевода. Мысли сновидѣнія понятны намъ безъ дальнѣйшихъ поясненій, какъ только мы ихъ узнаемъ. Содержаніе же составлено какъ бы іероглифами, отдѣльные знаки которыхъ должны быть переведены на языкъ мыслей. Мы, несомнѣнно, впадемъ въ заблужденіе, если захотимъ читать эти знаки по ихъ очевидному значенію, а не по ихъ внутреннему смыслу. Представимъ себѣ, что передъ нами ребусъ: домъ, на крышѣ котораго лодка, потомъ отдѣльныя буквы, затѣмъ бѣгущій человѣкъ, вмѣсто головы котораго нарисованъ апострофъ и пр. На первый взглядъ намъ хочется назвать без-

смысленной и эту картинку, и ея отдѣльные элементы. Лодку не ставятъ на крышу дома, а человѣкъ безъ головы не можетъ бѣгать; кромѣ того человѣкъ на картинкѣ выше дома, а если вся она должна изображать ландшафтъ, то при чемъ же тутъ буквы, которыхъ мы не видимъ въ природѣ. Правильное разсмотрѣніе ребуса получается лишь въ томъ случаѣ, если мы не предъявимъ такихъ требованій ко всему цѣлому и къ его отдѣльнымъ частямъ, а постараемся замѣнить каждый его элементъ слогомъ или словомъ, находящимся въ какомъ либо взаимоотношеніи съ изображеннымъ предметомъ. Слова, получаемыя при этомъ, уже не абсурдны, а могутъ въ своемъ соединеніи воплощать прекраснѣйшее и глубокомысленнѣйшее изрѣченіе. Такимъ ребусомъ является и сновидѣніе, и наши предшественники въ области толкованія послѣдняго впадали въ ошибку, разсматривая этотъ ребусъ въ видѣ композиціи рисовальщика. Въ качествѣ таковой онъ вполнѣ естественно казался абсурднымъ, лишеннымъ всякаго смысла.

а). Процессъ сгущенія.

Первое, что бросается въ глаза изслѣдователю при сравненіи содержанія сновидѣнія съ мыслями, скрывающимися за нимъ, это неутомимый процессъ сгущенія. Сновидѣніе скудно, бѣдно и лаконично по сравненію съ объемомъ и богатствомъ мыслей. Сновидѣніе, будучи записано, занимаетъ полстраницы; анализъ же, въ которомъ развиваются мысли, скрывающіяся за этимъ сновидѣніемъ, требуетъ иногда шести, восьми и двѣнадцати страницъ. Обычно размѣры произведеннаго сгущенія преумаляются: обнаруженныя мысли сновидѣнія считаются исчерпывающимъ матеріаломъ, между тѣмъ какъ дальнѣйшее толкованіе обнаруживаетъ новыя мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ. Мы уже упоминали о томъ, что, въ сущности, нельзя быть никогда увѣреннымъ, что мы вполнѣ истолковали сновидѣніе: даже въ томъ случаѣ, когда толкованіе вполнѣ удовлетворяетъ насъ и, повидимому, не имѣетъ никакихъ пробѣловъ, остается все же возможность, что то же самое сновидѣніе имѣетъ еще и другой смыслъ. Масштабъ, мѣра сгущенія, такимъ образомъ—строго говоря—всегда неопредѣленны. Противъ утвержденія, будто столкновеніе содержанія сновидѣнія и мыслей, скрывающихся за нимъ, вызываетъ то, что сновидѣніе производитъ обширное сгущеніе психическаго матеріала, можно сдѣлать возраженіе, на первый взглядъ чрезвычайно справедливое. Намъ

часто кажется, будто сновидѣніе снилось намъ въ теченіе всей ночи и что большую часть его мы позабыли. Сновидѣніе, вспоминаемое нами по пробужденіи, представляетъ собою якобы лишь часть того цѣлаго, которое по масштабу своему должно было бы соотвѣтствовать мыслямъ, если бы мы были въ состояніи вспомнить ихъ всѣ цѣликомъ. Въ этомъ есть доля правды: нельзя обманывать себя тѣмъ, что сновидѣніе воспроизводится наиболѣе точно при припоминаніи его вслѣдъ за пробужденіемъ и что воспоминаніе это къ вечеру обнаруживаетъ все больше и больше пробѣловъ. Съ другой стороны, нужно, однако, замѣтить, что чувство, будто намъ снилось гораздо больше, чѣмъ мы можемъ припомнить, очень часто покоится на иллюзіи, происхожденіе которой мы впослѣдствіи постараемся выяснить. Предположеніе процесса сгущенія не опровергается возможностью забыванія сновидѣнія, такъ какъ оно доказывается комплексомъ представленій, относящимся къ отдѣльнымъ, оставшимся въ памяти частямъ сновидѣнія. Если дѣйствительно большая часть сновидѣнія нами забывается, то тѣмъ самымъ мы лишаемся доступа къ цѣлому ряду мыслей. Мы едва ли имѣемъ когда-нибудь основаніе предполагать, что утраченныя части сновидѣнія относились къ тѣмъ же самымъ мыслямъ, которыя мы обнаружили при анализѣ сохранившихся частей.

Въ виду огромнаго множества мыслей, которое даетъ анализъ относительно каждаго элемента сновидѣнія, у читателей зарождается принципіальное сомнѣніе: можно ли относить къ мыслямъ, скрывающимся за сновидѣніемъ, все то, что приходитъ въ голову впослѣдствіи при анализѣ послѣдняго, т. е. можно ли предполагать, что всѣ эти мысли были уже на-лицо въ состояніи сна и принимали участіе въ образованіи сновидѣнія? Быть можетъ, наоборотъ, лишь во время анализа возникаютъ новыя мысли, стоявшія вдали отъ образованія сновидѣнія? Я могу согласиться съ этимъ ограниченіемъ, но лишь условно. Что нѣкоторыя мысли возникаютъ только при анализѣ—это вполнѣ справедливо; но всякій разъ можно убѣдиться въ томъ, что эти новыя группы образуются лишь изъ мыслей, которыя въ мысляхъ сновидѣнія были связаны между собою другимъ образомъ; новыя соединенія представляютъ собою лишь второстепенную группировку, ставшую возможной благодаря содѣйствію другихъ, болѣе глубокихъ путей для соединенія. Относительно же большинства обнаруживаемыхъ при анализѣ мыслей, нужно сказать, что онѣ играли уже активную роль при образованіи сновидѣнія, такъ какъ, прослѣдивъ цѣпь мыслей, несвязанныхъ, повидимому, съ

образованіемъ сновидѣнія, мы внезапно наталкиваемся на мысль, которая, будучи представлена въ содержаніи сновидѣнія, необходима для толкованія его и въ то же самое время доступна лишь благодаря наличности вышеупомянутой цѣпи мыслей. Вспомнимъ хотя бы описанное нами сновидѣніе о ботанической монографіи, которое представляетъ собою результатъ поразительнаго процесса сгущенія, хотя я и не довелъ анализа его до конца.

Какъ же слѣдуетъ себѣ представлять психическое состояніе во время сна, предшествующаго сновидѣнію? Находятся ли всѣ мысли другъ подлѣ друга, или онѣ появляются одна за другой, или же, наконецъ, различные одновременные ходы мыслей устремляются изъ разныхъ центровъ и затѣмъ соединяются другъ съ другомъ? Я полагаю, что намъ вовсе не нужно создавать себѣ пластическаго представленія о психическомъ состояніи во время образованія сновидѣнія. Не забудемъ только того, что рѣчь здѣсь идетъ о безсознательномъ мышленіи и что самый процессъ легко можетъ быть совершенно другимъ, чѣмъ тотъ, который мы замѣчаемъ въ себѣ при намѣренномъ, сознательномъ мышленіи.

Тотъ фактъ, однако, что образованіе сновидѣній покоится на процессѣ сгущенія, остается безспорнымъ и непоколебимымъ. Какъ же совершается, однако, это сгущеніе?

Если предположить, что изъ обнаруженныхъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, лишь немногія представлены въ немъ, то слѣдовало бы утверждать, что сгущеніе совершается путемъ исключенія: сновидѣніе представляетъ собою не точный переводъ или проектированіе мыслей сновидѣнія, а чрезвычайно неполное и расплывчатое воспроизведеніе ихъ. Воззрѣніе это, какъ мы скоро узнаемъ, безусловно неправильно. Однако, остановимся покамѣстъ на немъ и спросимъ себя: если въ содержаніе сновидѣнія попадаютъ лишь немногіе элементы мыслей, то какія же условія опредѣляютъ выборъ послѣднихъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на элементы содержанія сновидѣнія, которое должно было такимъ образомъ восполнить искомое нами условіе. Сновидѣніе, къ образованію котораго привелъ интенсивный процессъ сгущенія, будетъ наименѣе благопріятнымъ матеріаломъ для такого изслѣдованія. Я остановлюсь поэтому на вышеупомянутомъ сновидѣніи о ботанической монографіи.

Содержаніе сновидѣнія: Я написалъ монографію о какомъ-то растеніи. Книга

лежитъ передо мною, я перелистываю таблицы въ краскахъ. Къ книгѣ приложены засушенные экземпляры растеній.

Центральнымъ элементомъ этого сновидѣнія является ботаническая монографія. Послѣдняя относится къ впечатлѣніямъ предыдущаго дня; въ витринѣ книжнаго магазина я дѣйствительно видѣлъ монографію о растеніи цикламенъ. Упоминанія этого растенія нѣтъ въ содержаніи сновидѣнія, въ которомъ осталось лишь монографія и ея связь съ ботаникой. «Ботаническая монографія» обнаруживаетъ тотчасъ же свое взаимоотношеніе со статьей по вопросу о кокаинѣ, которую я когда-то написалъ; отъ кокаина же мысли идутъ, съ одной стороны, къ юбилейному сочиненію и къ нѣкоторымъ эпизодамъ университетской лабораторіи, съ другой же, къ моему другу, окулисту доктору Кенигштейну, который принималъ участіе въ изслѣдованіи кокаина. Съ личностью доктора Кенигштейна связывается далѣе воспоминаніе о прерванномъ разговорѣ, который я велъ съ нимъ наканунѣ вечеромъ и различныя мысли о вознагражденіи за взаимныя врачебныя услуги между коллегами. Разговоръ этотъ и является главнымъ возбудителемъ сновидѣнія; монографія о цикламенѣ тоже служитъ его поводомъ, но носитъ индефферентный характеръ; какъ я полагаю, «ботаническая монографія» сновидѣнія является посредствующимъ общимъ звеномъ между обоими переживаніями предыдущаго дня, будучи взята въ неизмѣненномъ видѣ отъ индифферентнаго впечатлѣнія и при помощи различныхъ ассоціативныхъ соединеній связана съ психически важнымъ переживаніемъ.

Но не только сложное представленіе «ботаническая монографія», но и каждый изъ его элементовъ—«ботаническая» и «монографія» въ отдѣльности входятъ посредствомъ различныхъ соединеній глубоко въ «сѣть» мыслей сновидѣнія. Къ «ботанической» относятся воспоминанія о личности профессора Гертнера, объ его цвѣтущей супругѣ, о моей паціенткѣ, носящей имя Флоры и о дамѣ, къ которой относится разсказанная мною исторія о забытыхъ цвѣтахъ. Гертнеръ приводитъ насъ снова къ лабораторіи и къ разговору съ Кенигштейномъ; къ этому же разговору относится и упоминаніе объ обѣихъ паціенткахъ. Отъ дамы съ цвѣтами ходъ мыслей направляется къ любимымъ цвѣтамъ моей жены, другой же конецъ этихъ мыслей отходитъ къ названію видѣнной мною на

канунѣ книги-монографіи. Кромѣ того понятіе «б о т а н и ч е- с к а я» напоминаетъ объ одномъ гимназическомъ эпизодѣ и объ экзаменѣ въ университетѣ, а затронутая въ нашемъ разговорѣ тема о моихъ увлеченіяхъ связуется черезъ посредство моихъ любимыхъ овощей — артишоковъ—съ ходомъ мыслей, идущимъ отъ забытыхъ цвѣтовъ. Позади «артишоковъ» всплываетъ воспоминаніе, съ одной стороны, объ Италіи, съ другой же, о томъ дѣтскомъ эпизодѣ, который объясняетъ мою любовь къ книгамъ. Понятіе «б о т а н и ч е с к а я» представляетъ, такимъ образомъ, наивысшій узловой пунктъ, въ которомъ сходятся многочисленныя цѣпи мыслей, связанныя вполнѣ справедливо съ вышеупомянутымъ разговоромъ.

«М о н о г р а ф і я» въ сновидѣніи относится опять-таки къ двумъ темамъ, къ односторонности моихъ занятій и къ дороговизнѣ моихъ увлеченій.

Первоначальное изслѣдваніе вызываетъ впечатлѣніе, будто элементы «б о т а н и ч е с к а я» и «м о н о г р а ф і я» потому восприняты содержаніемъ сновидѣнія, что они обнаруживаютъ наибольшее число точекъ соприкосновенія съ большинствомъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, т. е. образуютъ узловой пунктъ, въ которомъ скрещивается большинство мыслей, или, опять-таки говоря иначе, потому, что они «многосмысленны» въ отношеніи толкованія сновидѣнія. Обстоятельство, лежащее въ основѣ этого объясненія, можетъ быть выражено еще и другимъ образомъ: каждый изъ элементовъ содержанія сновидѣнія различнымъ образомъ обусловливается, детерминируется, т. е. имѣетъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ пунктовъ въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ.

Мы узнаемъ значительно больше, если прослѣдимъ и относительно другихъ составныхъ частей сновидѣнія ихъ происхожденіе въ мысляхъ. Таблицы въ краскахъ, которыя я перелистываю, относятся опять-таки къ новой темѣ: къ критикѣ моихъ работъ со стороны коллегъ и къ представленнымъ уже въ сновидѣніи увлеченіямъ; кромѣ того и къ дѣтскимъ воспоминаніямъ о томъ, какъ я уничтожилъ книгу съ картинками. Засушенные экземпляры растенія относятся къ гимназическому эпизоду съ гербаріемъ. Я вижу, такимъ образомъ, каково взаимоотношеніе между содержаніемъ сновидѣнія и мыслями, скрывающимися за нимъ: не только элементы сновидѣнія р а з л и ч н ы м ъ о б р а з о м ъ детерминируются мыслями, но и отдѣльныя мысли сновидѣнія представляются въ немъ различными элементами. Отъ одного элемента сновидѣнія ассоціативный путь ведетъ къ нѣсколькимъ

мыслямъ; отъ одной мысли къ нѣсколькимъ элементамъ сновидѣнія. Послѣднее образуется поэтому не такимъ образомъ, что отдѣльная мысль или группа мыслей даетъ часть содержанія сновидѣнія и слѣдующая мысль слѣдующую часть сновидѣнія все равно какъ изъ населенія избираются народные представители: наоборотъ, вся масса мыслей сновидѣнія подлежитъ извѣстной обработкѣ, послѣ которой наиболѣе способные элементы избираются для включенія въ содержаніе сновидѣнія. Какое бы сновидѣніе я ни подвергъ такому расчлененію, всегда я найду въ немъ подтвержденіе тѣхъ принциповъ, что элементы сновидѣнія образуются изъ всей массы мыслей и что каждый изъ нихъ различнымъ образомъ детерминируется въ общемъ комплексѣ мыслей.

Я считаю необходимымъ подтвердить соотношеніе содержанія сновидѣнія съ мыслями, скрывающимися за нимъ на новомъ примѣрѣ, который отличается чрезвычайно искуснымъ сплетеніемъ этого взаимоотношенія. Сновидѣніе сообщено мнѣ однимъ изъ паціентовъ, котораго я лечу отъ клаустрофобіи (боязнь закрытыхъ помѣщеній). Ниже мы увидимъ, почему я озаглавилъ это интересное сновидѣніе слѣдующимъ образомъ:

б). «Красивое сновидѣніе».

Онъ ѣдетъ въ большомъ обществѣ по улицѣ X., на которой находится скромный постоялый дворъ (на самомъ дѣлѣ это не вѣрно). На постояломъ дворѣ дается спектакль онъ то публика, то актеръ. Въ концѣ концовъ ему приходится переодѣваться, чтобы вернуться въ городъ. Часть персонала выходитъ въ партеръ, другая въ верхній ярусъ. Возникаетъ ссора. Стоящіе наверху сердятся, что люди внизу еще неготовы и что они поэтому не могутъ выйти. Братъ его наверху, самъ онъ внизу, и онъ сердится на брата, что его такъ толкаютъ. (Эта часть сновидѣнія наиболѣе туманна). Передъ пріѣздомъ на постоялый дворъ было уже рѣшено, кто будетъ наверху и кто внизу. Потомъ одинъ взбирается въ гору по той же улицѣ X.; ему итти тяжело и трудно, онъ не можетъ сдвинуться съ мѣста, къ

нему подходитъ какой-то пожилой господинъ и ругаетъ итальянскаго короля. Ближе къ вершинѣ горы итти становится гораздо легче.

Трудность подъема была настолько отчетлива, что онъ по пробужденіи нѣсколько минутъ сомнѣвался, испыталъ ли онъ это чувство во снѣ или на яву.

Судя по явному содержанію, едва ли можно похвалить это сновидѣніе. Толкованіе его я вопреки своему обыкновенію начну съ того мѣста, которое показалось спящему наиболѣе отчетливымъ.

Приснившаяся моему паціенту трудность подъема и одышка представляютъ собою одинъ изъ симптомовъ, дѣйствительно имѣвшихся у него нѣсколько лѣтъ назадъ. Симптомъ этотъ въ связи съ другими явленіями былъ отнесенъ врачами на счетъ туберкулеза (по всей вѣроятности, симмулированнаго на истерической почвѣ). Мы знакомы уже съ этимъ своеобразнымъ ощущеніемъ связанности изъ эксгибиціонистскихъ сновидѣній и снова видимъ здѣсь, что они въ качествѣ постоянно имѣющагося на лицо матеріала примѣняются въ цѣляхъ какого угодно другого изображенія. Часть сновидѣнія, изображающая, насколько вначалѣ былъ труденъ подъемъ въ гору, а въ концѣ сталъ значительно легче, напомнила мнѣ при сообщеніи сновидѣнія извѣстное, мастерски написанное введеніе къ «Сафо» А. Доде Тамъ молодой человѣкъ вноситъ по лѣстницѣ возлюбленную которая вначалѣ кажется ему легкой, какъ перышко; эта сцена символизируетъ собою мысль, которою Доде предостерегаетъ молодежь не обращать своей серьезной склонности на дѣвушекъ низкаго происхожденія и съ сомнительнымъ прошлымъ. Хотя я и знаю, что мой паціентъ имѣетъ связь съ одной актрисой и лишь недавно порвалъ ее, я все же не надѣюсь, что такое мое толкованіе окажется правильнымъ. Кромѣ того въ «Сафо», мы видимъ обратное, чѣмъ въ сновидѣніи; въ послѣднемъ подъемъ вначалѣ былъ труденъ, а впослѣдствіи легокъ; въ романѣ же онъ можетъ служить для символики лишь въ томъ случаѣ, если то, что вначалѣ казалось легкимъ, оказывается въ концѣ тяжелымъ бременемъ. Къ моему удивленію, мой паціентъ говоритъ, что это толкованіе согласуется съ содержаніемъ пьесы, которую наканунѣ вечеромъ онъ видѣлъ въ театрѣ. Пьеса эта называлась: «Обозрѣніе Вѣны» и изображала жизнь дѣвушки, которая воспитывается въ хорошей семьѣ, попадаетъ затѣмъ въ demi-monde, завязываетъ сношеніе съ высокопостав-

ленными лицами, «подымается ввысь и наконецъ опускается». Пьеса эта напомнила ему другую, видѣнную имъ нѣсколько лѣтъ назадъ и носившую названіе: «Со ступеньки на ступеньку». Продолжаемъ нашъ анализъ. На улицѣ X. жила актриса, съ которой онъ имѣлъ послѣднюю связь. Постоялаго двора на этой улицѣ нѣтъ, но когда онъ изъ-за этой дамы провелъ часть лѣта въ Вѣнѣ, онъ остановился въ небольшой гостиницѣ вблизи ея дома. Уѣзжая изъ гостиницы, онъ сказалъ кучеру: Я радъ, что тамъ я не видѣлъ хоть насѣкомыхъ. (Это также одна изъ его фобій). Кучеръ отвѣтилъ: Да и какъ вы могли тамъ остановиться? Это вѣдь не гостиница, а прямо постоялый дворъ!

Съ постоялымъ дворомъ у него связывается тотчасъ воспоминаніе о стихотвореніи Уланда:

«Bei einem Wirte wundermild
Da war ich jüngst zu Gaste» *)

Хозяинъ въ стихотвореніи Уланда—большая красивая яблоня. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ онъ вспоминаетъ одно мѣсто изъ «Фауста»:

Einst hatt Faust ich einen schönen Traum;
Da sah ich einen Apfelbaum,
Zwei schöne Apfel glänzten dran,
Sie reizten mich, ich stieg hinan.

Die Schöne:

Der Äpfelchen begehrt ihr sehr
Und schon vom Paradiese her.
Von Freunden fühl'ich mich bewegt,
Dass auch mein Garten solche trägt. **)

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что разумѣется здѣсь подъ яблоней и подъ яблоками. Красивый бюстъ былъ также въ числѣ тѣхъ прелестей, которыми приковывала къ себѣ актриса моего паціента.

Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что сновидѣніе относится къ какому-нибудь впечатлѣнію дѣтства. Если это правильно, то оно должно относиться къ кормилицѣ моего паціента, которому теперь скоро минетъ пятьдесятъ лѣтъ. Кор-

---

*) «У симпатичнаго хозяина былъ я недавно въ гостяхъ».

**) „Фаустъ: Мнѣ приснился однажды прекрасный сонъ; я видѣлъ яблоню, на ней красовалось два прекрасныхъ яблока, они прельстили меня, и я поднялся на дерево"—Красавица: Вамъ всегда хочется яблочекъ. Это еще съ тѣхъ поръ, какъ вы были въ раю. Я рада, что и въ моемъ саду есть такія яблоки".

милица, какъ и Сафо Доде, представляется намекомъ на недавно покинутую имъ возлюбленную.

Въ сновидѣніи появляется и братъ (старшій) паціента; онъ наверху, а мой паціентъ внизу. Это опять-таки «переворачиваніе» истиннаго положенія вещей, такъ какъ братъ его, какъ мнѣ извѣстно, утратилъ свое соціальное положеніе,—мой же паціентъ пользуется превосходной репутаціей. «Переворачиваніе» это имѣетъ особый смыслъ. Оно имѣетъ значеніе и для другого соотношенія съ содержаніемъ сновидѣнія и мыслей. Мы уже упоминали о томъ, гдѣ оно встрѣчается еще разъ: въ концѣ сновидѣнія, гдѣ относительно бремени дѣло обстоитъ какъ разъ противоположно тому, какъ въ романѣ «Сафо». Въ «Сафо» мужчина несетъ женщину, находящуюся съ нимъ въ половой связи; въ мысляхъ сновидѣнія рѣчь идетъ, наоборотъ, о женщинѣ, которая несетъ мужчину, а такъ какъ этотъ случай можетъ быть отнесенъ только къ дѣтству, то онъ и касается кормилицы, которая съ трудомъ несетъ своего питомца. Конецъ сновидѣнія содержитъ, такимъ образомъ, опять-таки соединеніе представленій о Сафо и о кормилицѣ.

Подобно тому, какъ Доде избралъ имя «Сафо» не безъ намѣренія связать его съ извѣстнымъ порокомъ, такъ и элементы сновидѣнія, въ которыхъ одни люди находятся наверху, а другіе внизу, указываютъ на фантазіи сексуальнаго характера, занимающія моего паціента и въ качествѣ подавленныхъ инстинктовъ стоящія въ несомнѣнной связи съ его неврозомъ. Такъ какъ сновидѣніе изображаетъ именно эту фантазію, а не воспоминаніе о дѣтскихъ происшествіяхъ, то и толкованіе само по себѣ не обнаруживаетъ ихъ; намъ даетъ ихъ лишь содержаніе мыслей и позволяетъ констатировать ихъ значеніе. Истинныя и воображаемыя происшествія представляются здѣсь—и не только здѣсь, но и при созданіи болѣе значительныхъ психическихъ феноменовъ, чѣмъ сновидѣніе,—равноцѣнными. Большое общество означаетъ, какъ мы уже знаемъ тайну; братъ—не что иное, какъ замѣстителя всѣхъ соперниковъ у женщинъ; то, что это именно братъ, а не кто-нибудь другой объясняется опять-таки взаимозависимостью сновидѣнія и воспоминаній дѣтства. Эпизодъ съ господиномъ, который ругалъ итальянскаго короля, относится черезъ посредство свѣжаго и самого по себѣ индифферентнаго переживанія опять-таки къ проникновенію лицъ низшаго сословія въ высшее общество. Кажется, будто наряду съ предостереженіемъ, даваемымъ Доде молодежи, ставится аналогичное, относящееся къ грудному младенцу.

Желая дать третій примѣръ, иллюстрирующій изученіе процесса сгущенія при образованіи сновидѣній, я сообщаю частичный анализъ другого сновидѣнія, сообщеніемъ котораго я обязанъ пожилой дамѣ, пользующейся моимъ психоаналитическимъ лѣченіемъ. Соотвѣтственно тяжелымъ фобіямъ, которыми страдала моя паціентка, ея сновидѣніе изобилуетъ сексуальнымъ матеріаломъ, констатированіе котораго вначалѣ ее удивило и даже испугало. Такъ какъ толкованіе ея сновидѣнія я не имѣю возможности довести до конца, то матеріалъ этотъ на первый взглядъ распадается на нѣсколько группъ безъ видимой связи.

II. Содержаніе сновидѣнія: она вспоминаетъ, что у нея въ коробочкѣ два майскихъ жука; она должна ихъ выпустить на волю, иначе они задохнутся. Она открываетъ коробочку, жуки совсѣмъ обезсилѣли; одинъ изъ нихъ вылетаетъ въ открытое окно, другого же придавливаетъ рама, когда она запираетъ окно; послѣдняго отъ нея кто-то требуетъ.

Анализъ: Ея мужъ уѣхалъ, рядомъ съ нею въ постели спитъ ея четырнадцатилѣтняя дочь. Дѣвочка обратила вечеромъ ея вниманіе на то, что въ стаканъ съ водою упалъ мотылекъ: она забыла, однако, его вынуть и утромъ пожалѣла о бѣдномъ насѣкомомъ. Въ романѣ, который она читала передъ сномъ, разсказывалось, какъ мальчики бросили кошку въ кипятокъ, и изображались мученія послѣдней. Вотъ два самихъ по себѣ индифферентныхъ повода къ сновидѣнію. Тема о жестокости по отношенію къ животнымъ интересуетъ ее. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они жили на дачѣ, ея дочь проявляла такія жестокости къ животнымъ. Она составила себѣ коллекцію бабочекъ и просила дать ей мышьяку для умерщвленія насѣкомыхъ. Однажды случилось, что бабочка съ булавкой въ тѣлѣ все же полетѣла по комнатѣ; въ другой разъ она нашла нѣсколькихъ гусеницъ, которыхъ тщательно сохраняла, подохшими съ голода. Эта же дѣвочка имѣла дурную привычку въ раннемъ дѣтствѣ отрывать крылышки жукамъ и бабочкамъ: въ настоящее время она бы, конечно, не рѣшилась на такой жестокій поступокъ; она стала очень доброй.

Это противорѣчіе интересуетъ ее; оно напоминаетъ ей другое противорѣчіе между внѣшностью и образомъ мыслей

изображеннымъ въ романѣ «Адамъ Бедъ» Эліотъ. Красивая, но тщеславная и глупая дѣвушка, а рядомъ съ нею некрасивая, но благородная. Аристократъ, соблазняющій глупенькую, и рабочій, благородный по натурѣ и по поступкамъ. Благородства души сразу въ человѣкѣ не замѣчаютъ. Кто бы могъ подумать, что она страдаетъ отъ чувственной неудовлетворености?

Въ тотъ самый годъ, когда дѣвочка собирала свою коллекцію бабочекъ, мѣстность, гдѣ они жили, страдала отъ невѣроятнаго обилія майскихъ жуковъ. Дѣти избивали насѣкомыхъ, давили ихъ цѣлыми кучами. Сама она родилась въ маѣ и въ маѣ же вышла замужъ. Черезъ три дня послѣ свадьбы она написала родителямъ письмо о томъ, какъ она счастлива, на самомъ же дѣлѣ это было неправдой.

Вечеромъ наканунѣ сновидѣнія она рылась въ своихъ старыхъ письмахъ и читала вслухъ своимъ близкимъ различныя серьезныя и смѣшныя письма, между прочимъ очень смѣшное письмо отъ одного учителя музыки, который ухаживалъ за ней въ юности, и письмо одного ея поклонника, аристократа. *)

Она упрекаетъ себя, что одна изъ ея дочерей прочла дурную книгу Мопассана. Мышьякъ, который просила ея дочь, напоминаетъ ей о мышьяковыхъ пилюляхъ, возвращающихъ юношескія силы графу де-Мора въ «Набабѣ».

Относительно «выпустить на волю» ей вспоминается одно мѣсто изъ «Волшебной флейты»:

«Zur Liebe kann ich dich nicht zwingen,
Doch geb'ich dir die Freiheit nicht» **)

Относительно «майскихъ жуковъ», она вспоминаетъ слова Кетхенъ:

«Verliebt ja bist du wie ein Käfer mir.» ***)

И изъ «Тангейзера»: «Weil du von böser Lust beseelt...» ****)

Она полна заботъ и страха за своего отсутствующаго мужа. Боязнь, что съ нимъ что-нибудь случится въ дорогѣ, выражается въ самыхъ разнообразныхъ фантазіяхъ наяву. Не задолго до этого она въ своихъ безсознательныхъ мысляхъ нашла во время анализа недовольство его «дряхлостью»; желаніе, скрывающееся позади ея сновидѣнія, обнаружится, быть можетъ, яснѣе всего въ томъ случаѣ, если я сообщу, что за нѣсколько дней до сновидѣнія она неожиданно испугалась, когда у нея

*) Это и было истиннымъ возбудителемъ сновидѣнія.

**) «Къ любви я не могу принудить тебя, но свободы тебѣ я не дамъ».

***) «Ты вѣдь влюбленъ въ меня, какъ майскій жукъ».

****) «Ты во власти пагубной страсти...»

возникла вдругъ мысль, обращенная къ мужу: Повѣсься! Оказалось, что незадолго до этого она читала гдѣ-то, что при повѣшеніи появляется сильная эрекція. Желаніе вызвать эрекцію и возникло у нея въ такой ужасающей формѣ. «Повѣсься» значило то же, что: «Добейся эрекціи какой угодно цѣной». Мышьяковыя пилюли доктора Іенкинса въ «Набабѣ» относятся сюда же; моя паціентка знала, что сильнѣйшее aphrodisiacum, шпанскія мушки, изготовляются посредствомъ раздавливанія жуковъ: этотъ смыслъ и имѣетъ главная составная часть сновидѣнія.

Открываніе и закрываніе окна—одна изъ постоянныхъ причинъ ея ссоръ съ мужемъ. Она любитъ спать при открытыхъ окнахъ, ея мужъ при закрытыхъ. Разслабленность—главный симптомъ, на который она жалуется за послѣднее время.

Во всѣхъ трехъ сообщенныхъ здѣсь сновидѣніяхъ я подчеркивалъ тѣ мѣста, гдѣ эпизоды сновидѣнія повторяются въ мысляхъ, скрывающихся за ними, для того, чтобы сдѣлать болѣе нагляднымъ различныя взаимоотношенія первыхъ. Такъ какъ, однако, ни въ одномъ изъ этихъ сновидѣній анализъ не доведенъ до конца, то мы должны теперь обратиться къ сновидѣнію съ болѣе подробнымъ анализомъ для того, чтобы вскрыть въ немъ разнообразіе и сложное детерминированіе содержанія сновидѣнія. Я избираю для этой цѣли сновидѣніе объ инъекціи Ирмѣ. На этомъ примѣрѣ мы безъ труда замѣтимъ, что процессъ сгущенія при образованіи сновидѣній пользуется не однимъ только средствомъ.

Центральное лицо въ содержаніи сновидѣнія—моя паціентка Ирма, являющаяся въ немъ въ своемъ истинномъ видѣ и вначалѣ поэтому изображающая лишь самое себя. Поза, однако, въ которой я изслѣдую ее у окна, заимствована мною изъ воспоминанія о другой дамѣ, на которую я бы охотно промѣнялъ свою паціентку, какъ то показываютъ мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ. Поскольку я нахожу при изслѣдованіи Ирмы дифтеритные налеты, которые напоминаютъ мнѣ заботу о моей старшей дочери, она служитъ для изображенія послѣдней; за моей же дочерью скрывается связанная съ нею одинаковымъ именемъ личность одной паціентки, погибшей вслѣдствіе интоксикаціи. Въ дальнѣйшемъ ходѣ сновидѣнія значеніе личности Ирмы измѣняется (образъ ея остается, однако, безъ измѣненія); она становится однимъ изъ дѣтей, которыхъ мы изслѣдуемъ въ дѣтской больницѣ, при чемъ мои коллеги констатируютъ различіе ихъ духовныхъ наклонностей. Переходъ этотъ совершился

очевидно, подъ вліяніемъ представленія о моей дочери. Благодаря сопротивленію при открываніи рта, та же самая Ирма становится снова другой и, наконецъ, моей собственной женою. Болѣзненныя измѣненія, замѣчаемыя мною въ горлѣ, относятся помимо этого къ цѣлому ряду еще другихъ лицъ.

Всѣ эти лица, на которыхъ я наталкиваюсь при прослѣживаніи мыслей «Ирмы», выступаютъ въ сновидѣніи во плоти и въ крови; они скрываются за Ирмой, которая становится тѣмъ самымъ коллективнымъ образомъ, черты котораго носятъ, правда, противорѣчивый характеръ. Ирма становится представительницей всѣхъ другихъ личностей, приносимыхъ въ жертву при процессѣ сгущенія: я снабжаю ее всѣмъ тѣмъ, что шагъ за шагомъ напоминаетъ мнѣ всѣхъ этихъ личностей.

Я могу составить себѣ коллективную личность еще и другимъ путемъ, соединивъ отличительныя черты двухъ или нѣсколькихъ лицъ въ одинъ образъ въ сновидѣніи. Такимъ способомъ возникъ образъ доктора М. Въ моемъ сновидѣніи онъ носитъ имя доктора М., говоритъ и дѣйствуетъ, какъ онъ; его характеристика, однако, и его болѣзнь относятся къ другому лицу, къ моему старшему брату; лишь одна черта, блѣдность лица детерминирована дважды,—она соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности тому и другому. Аналогичнымъ коллективнымъ лицомъ является докторъ Р. въ моемъ сновидѣніи о дядѣ. Здѣсь, однако, коллективный образъ составленъ опять-таки другимъ способомъ. Я не объединилъ черты, свойственныя одному, съ чертами другого и тѣмъ самымъ не сократилъ воспоминанія о каждомъ изъ нихъ, но примѣнилъ способъ, которымъ Гальтонъ дѣлаетъ свои фамильные портреты: онъ дѣлаетъ оба снимка одинъ на другомъ, при чемъ общія черты выступаютъ болѣе ярко, а противорѣчивыя устраняютъ другъ друга и проявляются въ общемъ портретѣ неясно. Въ сновидѣніи о дядѣ выдѣляется изъ физіономій, относящихся къ двумъ лицамъ и поэтому чрезвычайно расплывчатыхъ, бѣлокурая борода, которая относится кромѣ того и ко мнѣ самому и къ моему отцу черезъ посредство связующаго звена—сѣдины.

Составленіе коллективныхъ лицъ—одно изъ главнѣйшихъ средствъ процесса сгущенія въ сновидѣніи. Мы будемъ имѣть еще случай говорить о немъ.

Элементъ «дизентерія» въ сновидѣніи объ Ирмѣ также детерминированъ чрезвычайно сложнымъ образомъ: съ одной стороны, созвучіемъ этого слова съ «дифтеріей», съ другой же, воспоминаніемъ о паціентѣ, посланномъ мною на Востокъ и

страдающемъ непонятной для тамошнихъ врачей истеріей. Интересный случай процесса сгущенія обнаруживаетъ и упоминаніе въ сновидѣніи о «пропиленѣ». Въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, содержался не «пропиленъ», а «амиленъ». Можно было бы предполагать, что здѣсь произошло попросту передвиганіе. Такъ оно и было, но это передвиганіе служитъ цѣлямъ сгущенія, какъ показываетъ слѣдующее дополненіе нашего анализа. Когда я произношу слово «пропиленъ», то мнѣ приходитъ въ голову его созвучіе со словомъ «Пропилеи». Пропилеи находятся, однако, не только въ Аѳинахъ, но и въ Мюнхенѣ. Въ этомъ городѣ я за годъ до своего сновидѣнія посѣтилъ своего тяжело больного друга, воспоминаніе о которомъ проявляется при помощи «трителамина», слѣдующаго въ сновидѣніи непосредственно за «пропиленомъ».

Я опускаю то обстоятельство, что здѣсь, какъ и въ другихъ анализахъ для соединенія мыслей примѣняются ассоціаціи самаго различнаго рода и цѣнности, и уступаютъ искушенію возможно болѣе пластично изобразить процессъ замѣны амилена въ мысляхъ пропиленомъ въ содержаніи сновидѣнія.

Здѣсь находится группа представленій о моемъ другѣ Отто, который не понимаетъ меня, упрекаетъ и даритъ мнѣ ликеръ съ запахомъ амилена; тутъ же связанныя съ нимъ по закону контраста группы представленій о моемъ другѣ Вильгельмѣ, который понимаетъ меня и которому я обязанъ многочисленными цѣнными сообщеніями по вопросу о химіи сексуальныхъ процессовъ.

То, что изъ группы «Отто» особенно должно приковывать мое вниманіе, обусловливается свѣжими впечатлѣніями, вызвавшими сновидѣніе; амиленъ относится къ этимъ элементамъ, опредѣляющимъ собою содержаніе сновидѣнія. Обильная группа представленій «Вильгельмъ» всплываетъ благодаря своему контрасту съ группой «Отто» и выдѣляетъ изъ себя элементы, которые обнаруживаютъ аналогію съ элементами, выдѣленными въ другой группѣ. Во всемъ этомъ сновидѣніи я перехожу отъ лица, вызывающаго во мнѣ непріятное чувство, къ другому, которое я могу по своему усмотрѣнію противопоставить первому. Такимъ образомъ, амиленъ въ группѣ «Отто» вызываетъ и въ другой группѣ воспоминаніе изъ области химіи; трителаминъ, находящій себѣ подкрѣпленіе съ различныхъ сторонъ, попадаетъ въ содержаніе сновидѣнія. «Амиленъ» могъ бы тоже попасть въ сновидѣніе, но онъ претерпѣваетъ воздѣйствіе группы «Вильгельмъ»; изъ комплекса воспоминаній, скрывающихся за этимъ именемъ, избирается элементъ, могущій дать двойное детерминированіе «ами-

лена». Отъ «амилена» недалекъ для ассоціаціи и «пропиленъ»; изъ группы «Вильгельмъ» навстрѣчу ему идетъ Мюнхенъ съ Пропилеями. Въ «пропиленѣ-пропилеяхъ» обѣ группы представленій скрещиваются, и точно путемъ компромисса, этотъ средній элементъ переходитъ въ содержаніе сновидѣнія. Здѣсь, такимъ образомъ, составляется среднее общее, которое и допускаетъ сложное детерминированіе. Ясно поэтому, что сложное детерминированіе должно облегчить доступъ въ содержаніе сновидѣнія. Въ цѣляхъ образованія этого средняго и производится передвиганіе вниманія отъ дѣйствительной мысли къ близкой ей по ассоціаціи.

Анализъ сновидѣнія объ Ирмѣ даетъ намъ возможность резюмировать наше изслѣдованіе процесса сгущенія при образованіи сновидѣній. Мы разсмотрѣли подборъ элементовъ, образованіе новыхъ составныхъ частей (коллективныхъ лицъ) и составленіе средняго общаго; все это детали процесса сгущенія. Для чего служитъ послѣднее и что способствуетъ ему, мы разсмотримъ лишь тогда, когда захотимъ объединить всѣ отдѣльные психическіе процессы образованія сновидѣній, теперь же мы удовольствуемся констатированіемъ процесса сгущенія, какъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ къ соединенію содержанія сновидѣнія съ мыслями, скрывающимися за нимъ.

Въ наиболѣе конкретной формѣ процессъ сгущенія въ сновидѣніи проявляется въ томъ случаѣ, когда онъ избираетъ своимъ объектомъ слова и имена. Слова вообще очень часто играютъ въ сновидѣніи роль вещей и претерпѣваютъ тогда тѣ же самыя соединенія, передвиганія, замѣщенія, а также и сгущенія, какъ и представленія о вещахъ. Въ результатѣ такихъ сновидѣній мы находимъ комическія и причудливыя комбинаціи словъ. Когда однажды одинъ изъ моихъ коллегъ прислалъ мнѣ свою статью, въ которой на мой взглядъ чрезвычайно преувеличивалъ значеніе одного новаго физіологическаго открытія и превозносилъ въ самомъ напыщенномъ тонѣ, мнѣ въ слѣдующую же ночь приснилась одна фраза, которая, по всей вѣроятности, относилась къ упомянутой статьѣ: «какой у него норекдальный стиль». Разрѣшеніе загадки этого слова представило мнѣ вначалѣ большія трудности; не подлежало сомнѣнію, что оно пародируетъ слова: колоссальный, пирамидальный и т. д., но откуда все же проистекаетъ оно, сказать было трудно. Неожиданно однако слово это распалось въ моемъ сознаніи на два имени: Нора и Экдаль изъ двухъ извѣстныхъ драмъ Ибсена.

Тотъ же коллега, статью котораго я критиковалъ въ сновидѣніи, написалъ недавно замѣтку объ Ибсенѣ.

II. Одна изъ моихъ паціентокъ сообщила мнѣ короткое сновидѣніе, центромъ котораго служитъ безсмысленная комбинація словъ. Она находится съ мужемъ на деревенскомъ праздникѣ и говоритъ: онъ кончится всеобщимъ «Maistollmütz». При этомъ у нея проявляется смутная мысль, что это мучное кушаніе изъ маиса, родъ поленты. Анализъ разлагаетъ это сновидѣніе на: Mais—toll—mannstoll—Olmütz *); всѣ эти элементы оказываются частями ея разговора за столомъ наканунѣ сновидѣнія. За словомъ Mais скрывались слова; Meissen (мейсенская фарфоровая фигура, изображавшая птицу), miss (англичанка, жившая у ея родственниковъ, уѣхала въ Ольмютцъ), mies («тошнотворный» на еврейскомъ жаргонѣ); отъ каждаго изъ слоговъ этого слова исходила длинная цѣпь мыслей и различныхъ ассоціацій **).

III. Однажды въ длинномъ и чрезвычайно запутанномъ сновидѣніи, центромъ котораго было морское путешествіе, мнѣ приснилось, что ближайшая остановка носитъ названіе Герзингъ, а слѣдующая—Флиссъ. Послѣдняя—фамилія моего друга въ Берлинѣ, къ которому я часто ѣзжу. Герзингъ—комбинація изъ станціи нашей вѣнской пригородной дороги, названія которыхъ почти всегда кончаются на ингъ и англійскаго Hearsay (слухи)—что имѣетъ связь съ клеветой и тѣмъ самымъ соединяется съ индифферентнымъ возбудителемъ сновидѣнія—стихотвореніемъ изъ «Fliegende Blätter», прочтеннымъ мною наканунѣ .Соединяя конечный слогъ «ингъ» съ названіемъ Флиссъ, мы получаемъ «Флиссингенъ», дѣйствительно примор-

*) Маисъ—бѣшеный—нимфоманія—Ольмютцъ.

**) Первый читатель и критикъ моей книги сдѣлалъ мнѣ возраженіе, которое по всей вѣроятности, будетъ использовано и другими. Относительно моего разложенія словъ, встрѣчающихся въ сновидѣніи, онъ заявилъ, что спящій, по его мнѣнію, кажется часто черезчуръ остроумнымъ. Это вполнѣ справедливо, поскольку это относится къ спящему, и является возраженіемъ лишь въ томъ случаѣ, если касается и толкователя сновидѣній. Въ дѣйствительности, я очень мало претендую на наименованіе «остроумный»; если остроумными кажутся мои сновидѣнія, то это относится не къ моей особѣ, а къ тѣмъ своеобразнымъ психическимъ условіямъ, при которыхъ вырабатывается сновидѣніе и тѣсно связуется съ теоріей остроумія вообще. Сновидѣнія прибѣгаютъ къ остроумію потому, что прямой и ближайшій путь выраженія мыслей для нихъ закрытъ. Читатели могутъ убѣдиться, что сновидѣнія моихъ паціентовъ производятъ впечатлѣніе «остроумныхъ» въ одинаковой, если не въ большей степени, чѣмъ мои.

скій портъ, черезъ который всегда проѣзжаетъ мой братъ, возвращаясь изъ Англіи. Англійское названіе Флиссингенъ— Flushing, что означаетъ «краснѣть» и напоминаетъ о паціенткахъ съ такого рода фобіей, которыхъ мнѣ приходится часто лѣчить, а также и о недавней статьѣ Бехтерева по вопросу объ этомъ неврозѣ, вызвавшей во мнѣ недовольное чувство.

IV. Въ другой разъ я видѣлъ сновидѣніе, состоявшее изъ двухъ отдѣльныхъ частей. Въ первой центральное мѣсто занимаетъ слово «автодидаскеръ», другая же относится къ появившейся у меня наканунѣ мысли о томъ, что когда я увижу профессора Н., я ему долженъ сказать: «паціентъ, котораго вы недавно осматривали, дѣйствительно страдаетъ только неврозомъ, — какъ вы и предполагали». Слово «автодидаскеръ» не только содержитъ въ себѣ «сгущеный смыслъ», но этотъ смыслъ стоитъ въ тѣсной связи съ моимъ намѣреніемъ дать вышеупомянутое удовлетвореніе профессору Н.

«Автодидаскеръ» разлагается легко на: авторъ, автодидактъ и ласкеръ; къ послѣднему примыкаетъ имя Лассаль. Первые два слова объясняются непосредственнымъ возбудителемъ сновидѣнія. Я принесъ своей женѣ нѣсколько томовъ извѣстнаго автора, съ которымъ находился въ дружбѣ мой братъ и который, какъ я недавно узналъ, родился въ томъ же городѣ, что и я. Однажды вечеромъ она со мною говорила о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвела на нее захватывающая печальная исторія, постигшая талантъ въ одной изъ новеллъ этого автора; разговоръ нашъ перешелъ отсюда къ тѣмъ признакамъ недюжинныхъ дарованій, которые обнаруживаютъ наши дѣти. Подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, она выразила опасеніе, относившееся къ нашимъ дѣтямъ, и я утѣшилъ ее замѣчаніемъ, что какъ разъ такія опасности могутъ быть устранены воспитаніемъ. Ночью мои мысли развивались въ томъ же направленіи и включили въ себя заботу моей жены. Замѣчаніе, которое сдѣлалъ писатель по адресу моего брата и которое касалось женитьбы, направило мои мысли по другому пути. Путь этотъ велъ въ Бреславль, куда вышла замужъ одна близко знакомая намъ дама. Опасеніе, что даровитый человѣкъ можетъ погибнуть отъ женщины, служило центромъ моихъ мыслей и нашло себѣ въ Бреславлѣ въ качествѣ примѣровъ Ласкера и Лассаля*). Элементъ „cherchez la femme“, которымъ

*) Ласкеръ умеръ отъ прогрессивнаго паралича, т. е. отъ послѣдствій пріобрѣтеннаго отъ женщины луэса; Лассаль, какъ извѣстно, погибъ на дуэли изъ-за женщины.

можно резюмировать эти мысли, приводитъ меня къ моему холостому брату, котораго зовутъ Александромъ. Я замѣчаю, что имя Алексъ, какъ мы его обычно называемъ, похоже по созвучію на Ласкеръ и что этотъ моментъ помогъ, очевидно, обращенію моихъ мыслей къ Бреславлю.

Игра именами и словами имѣетъ еще и другой, болѣе глубокій смыслъ. Она воплощаетъ собою желаніе счастливой семейной жизни для моего брата и дѣлаетъ это слѣдующимъ образомъ. Въ романѣ Зола „L'oeuvre", съ которымъ по существу тѣсно связаны мысли писателя, авторъ изобразилъ, какъ извѣстно, себя самого и свое собственное семейное счастье. Въ романѣ онъ фигурируетъ подъ именемъ Сандо. По всей вѣроятности, при придумываніи этого имени онъ поступилъ слѣдующимъ образомъ. Фамилія Зола, будучи прочтена наоборотъ, даетъ: Алозъ. Но это показалось ему слишкомъ прозрачнымъ, поэтому онъ замѣнилъ первый слогъ „ал", которымъ начинается и имя Александръ, третьимъ слогомъ того же имени „сандъ", такъ и получилось Сандо (по фр. — „Sandos"). Аналогично обстояло дѣло и съ моимъ словомъ „автодидаскеръ".

Мысль о томъ, что я долженъ сообщить профессору Н., что нашъ общій паціентъ страдаетъ только неврозомъ, была включена въ сновидѣніе слѣдующимъ образомъ. Незадолго до конца моего рабочаго года ко мнѣ пришелъ паціентъ, но я не рѣшался дать категорическаго діагноза его болѣзни. У него можно было предположить наличность органическаго страданія, какого-либо измѣненія въ спинномъ мозгу, хотя очевидныхъ признаковъ этого не было. Поставить діагнозъ невроза было очень заманчиво; это положило бы конецъ всякимъ сомнѣніямъ, но я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ больной категорически отрицалъ какую бы то ни было наличность половой анемнезіи, безъ которой, по моему глубокому убѣжденію, не можетъ быть невроза. Не зная, что предпринять, я призвалъ на помощь врача, передъ авторитетомъ котораго я охотно склоняюсь. Онъ выслушалъ мои сомнѣнія, согласился съ ними, но сказалъ все-таки: «Понаблюдайте за паціентомъ. У него все-таки только неврозъ». Такъ какъ я знаю, что онъ не раздѣляетъ моихъ взглядовъ относительно этіологіи неврозовъ, то я не сталъ ему противорѣчить и попросту скрылъ свое недовольство его отвѣтомъ. Нѣсколько дней спустя, я заявилъ паціенту, что не знаю, что съ нимъ предпринять, и посовѣтовалъ ему обратиться къ другому врачу. Въ отвѣтъ, къ моему глубокому

удивленію, онъ сталъ просить у меня извиненія и сознался во лжи; ему было очень стыдно, но теперь онъ готовъ раскрыть свою половую жизнь. Оказалось, что онъ дѣйствительно страдаетъ половой анемезіей, наличность которой необходима для установленія невроза. Я испыталъ при этомъ чувство удовлетворенія, хотя въ то же время мнѣ стало и стыдно; я долженъ былъ сознаться, что мой консультантъ, не смущаясь отсутствіемъ анемнезіи, оказался дальновиднѣе меня, и я рѣшилъ откровенно сказать ему это, когда съ нимъ увижусь, и признаться въ томъ, что онъ былъ правъ, а я заблуждался.

Именно это-то и дѣлаю я въ сновидѣніи. Но при чемъ же тутъ осуществленіе желанія, разъ я признаюсь въ своей неправотѣ? Но это какъ разъ и служитъ моимъ желаніемъ; мнѣ хочется оказаться неправымъ въ своихъ опасеніяхъ, точнѣе говоря, мнѣ хочется, чтобы моя жена, опасенія которой были включены въ мысли, скрывавшіяся за моимъ сновидѣніемъ, оказалась неправой. Тема, къ которой относится «правота» и «неправота» въ сновидѣніяхъ недалека отъ элемента, дѣйствительно имѣвшагося на-лицо въ моихъ мысляхъ. Тутъ та же альтернатива органическаго или функціональнаго ущерба отъ женщины, точнѣе говоря, отъ половой жизни.

Профессоръ Н. играетъ въ этомъ сновидѣніи видную роль не только благодаря этой аналогіи, но и благодаря моему желанію оказаться неправымъ, а также и не вслѣдствіе его близкой связи съ Бреславлемъ и дружбѣ съ дамой, вышедшей туда замужъ,—а вслѣдствіе нашего небольшого разговора, имѣвшаго мѣсто послѣ нашей вышеупомянутой консультаціи. Исполнивъ свой врачебный долгъ, онъ заговорилъ со мною о моей семьѣ. «Сколько у васъ дѣтей?»—«Шестеро».—«Мальчиковъ или дѣвочекъ?»—«Три мальчика и три дѣвочки,—это моя гордость и все мое богатство».—«Ну, смотрите,—съ дѣвочками не такъ уже трудно, но мальчиковъ воспитывать не легко».—Я замѣтилъ, что они у меня очень послушные; по всей вѣроятности, эти два діалога относительно будущаго моихъ сыновей столь же мало мнѣ понравились, какъ и первый относительно моего паціента. Оба эти впечатлѣнія связаны между собою непосредственнымъ слѣдованіемъ одно за другимъ, и если я включаю въ сновидѣніе исторію съ неврозомъ, то я замѣняю ею разговоръ о воспитаніи, обнаруживающій еще большую связь съ мыслями сновидѣнія, такъ какъ онъ еще ближе къ высказаннымъ наканунѣ опасеніямъ моей жены. Такимъ образомъ и боязнь, что профессоръ Н. былъ правъ относительно трудности воспитанія мо-

ихъ мальчиковъ, включается въ содержаніе сновидѣнія: она скрывается позади изображенія моего желанія, чтобы я оказался неправъ въ этихъ опасеніяхъ. Та же самая мысль служитъ въ неизмѣненномъ видѣ изображенію обѣихъ противоположныхъ сторонъ альтернативы.

Словообразованія въ сновидѣніяхъ напоминаютъ таковыя же при паронойѣ; они играютъ извѣстную роль и въ истеріи и въ навязчивыхъ представленіяхъ. Филологическіе фокусы дѣтей, иногда относящихся къ словамъ, какъ къ вещамъ, изобрѣтающихъ новые языки и искусственныя словообразованія, образуютъ здѣсь общій источникъ какъ для сновидѣній, такъ и для психоневрозовъ.

Когда въ сновидѣніи изображается рѣчь или разговоръ, рѣзко отличающійся въ качествѣ таковаго отъ мыслей, и тутъ въ качествѣ общаго правила можно сказать, что разговоръ въ сновидѣніи проистекаетъ отъ воспоминанія о таковомъ же имѣвшемъ мѣсто въ дѣйствительной жизни. Разговоръ этотъ либо сохраняется въ неизмѣненномъ видѣ, либо претерпѣваетъ незначительное искаженіе; отчасти такой разговоръ составляется изъ избранныхъ отрывковъ фразъ и діалоговъ предыдущаго дня; хотя внѣшне онъ и остается неизмѣненнымъ, однако, мысль пріобрѣтаетъ совершенно другое значеніе; рѣчь или разговоръ въ сновидѣніи служатъ нерѣдко простымъ намековъ на эпизодъ, при которомъ имѣлъ мѣсто вспоминаемый діалогъ.

b) Процессъ передвиганія.

Другое, по всей вѣроятности не менѣе существенное обстоятельство должно было броситься намъ въ глаза, когда мы разсматривали примѣры процесса сгущенія въ сновидѣніи. Мы могли замѣтить, что элементы, выдѣляющіеся въ сновидѣніи въ качествѣ существенныхъ составныхъ его частей, отнюдь не играютъ той же самой роли въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ. И наоборотъ: то, что въ мысляхъ, обладаетъ преимущественнымъ значеніемъ, можетъ быть совсѣмъ не выражено въ сновидѣніи. Сновидѣніе составляется какъ бы совершенно иначе, его содержаніе располагается вокругъ другихъ элементовъ, чѣмъ мысли, служащія его основой. Такъ, напримѣръ, въ сновидѣніи о ботанической монографіи центромъ служитъ элементъ «ботаническій»; въ мысляхъ же, скрывающихся за этимъ сновидѣніемъ, рѣчь идетъ о конфликтахъ, возникающихъ изъ-за взаимныхъ услугъ между врачами и объ упре-

кахъ въ томъ, что я приношу слишкомъ большія жертвы своимъ увлеченіемъ; элементъ «ботаническій» вообще не имѣетъ мѣста въ этомъ центральномъ пунктѣ моихъ мѣслей,—онъ развѣ только связанъ съ нимъ по закону контраста, такъ какъ ботаника никогда не была въ числѣ моихъ любимыхъ занятій. Въ сновидѣніи «Сафо» моего паціента центральнымъ пунктомъ служитъ «подъемъ» и «схожденіе»; сновидѣніе трактуетъ, однако, объ опасностяхъ половыхъ сношеній съ женщинами, стоящими на низкой ступени, такъ что въ содержаніе сновидѣнія вошелъ лишь одинъ изъ элементовъ мыслей. Аналогично обстоитъ дѣло и въ сновидѣніи о майскихъ жукахъ, которое касается взаимоотношенія сексуальности и жестокости; моментъ жестокости хотя и проявляется въ сновидѣніи, но въ совершенно другой связи и при полномъ отсутствіи сексуальнаго элемента; такимъ образомъ, онъ какъ бы вырванъ изъ общаго комплекса и кромѣ того представленъ въ совершенно преображенномъ видѣ. Въ сновидѣніи о дядѣ, бѣлокурая борода, служащая его центральнымъ пунктомъ, не имѣетъ никакого отношенія къ маніи величія, которая послѣ анализа оказалась сущностью мыслей, скрывающихся за этимъ сновидѣніемъ. Всѣ эти сновидѣнія претерпѣваютъ процессъ «передвиганія». Прямую противоположность этимъ примѣрамъ образуетъ сновидѣніе объ инъекціи Ирмѣ. Оно показываетъ, что при образованіи сновидѣнія отдѣльные элементы могутъ сохранить за собою то мѣсто, какое они занимали въ мысляхъ. Наличность этого новаго, чрезвычайно, однако, непостояннаго соотношенія мыслей и содержанія сновидѣнія должно возбудить въ первую голову наше удивленіе. Когда при какомъ-либо психическомъ явленіи нормальной жизни мы находимъ, что одно представленіе берется изъ ряда другихъ и пріобрѣтаетъ особую живость, то мы пользуемся этимъ для доказательства того, что пробуждающееся представленіе пріобрѣтаетъ особо высокую психическую цѣнность. Мы знаемъ, однако, что эта цѣнность отдѣльныхъ элементовъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, не остается на-лицо при образованіи послѣдняго, или, по крайней мѣрѣ, не играетъ почти никакой роли. Мы вѣдь нисколько не сомнѣваемся въ томъ, какіе элементы играютъ наибольшую роль въ мысляхъ, служащихъ основой сновидѣнія; наше сужденіе тотчасъ же вскрываютъ ихъ. При образованіи сновидѣнія эти важнѣйшіе элементы, снабженные наиболѣе интенсивнымъ интересомъ, могутъ совершенно утрачивать свою цѣнность; ихъ мѣсто въ сновидѣніи заступаютъ другіе элементы, безусловно

несущественные или даже ничтожные въ мысляхъ. На первый взглядъ это производитъ впечатлѣніе, будто психическая интенсивность отдѣльныхъ представленій вообще не играетъ роли при подборѣ ихъ для сновидѣнія: важно лишь болѣе или менѣе сложное детерминированіе ихъ. Въ сновидѣніе попадаетъ не то, что обладаетъ наибольшей цѣнностью въ мысляхъ, а то, что содержится въ нихъ неоднократно; это не помогаетъ, однако, объясненію образованія сновидѣній, такъ какъ мы никоимъ образомъ не можемъ предполагать, чтобы оба момента— сложное детерминированіе и субъективная цѣнность — могли бы дѣйствовать иначе при подборѣ матеріала для сновидѣнія, чѣмъ въ полномъ соотвѣтствіи. Тѣ представленія, которыя играютъ наиболѣе видную роль въ мысляхъ, наиболѣе часто въ нихъ и повторяются, такъ какъ отъ нихъ, какъ отъ центральныхъ пунктовъ, и исходятъ отдѣльныя мысли. Тѣмъ не менѣе, сновидѣніе можетъ отклонить эти интенсивно подчеркнутые и сложно-детерминированные элементы и включить въ свое содержаніе другіе, обладающіе лишь послѣднимъ свойствомъ.

Для разрѣшенія этой трудности мы воспользуемся впечатлѣніемъ, которое мы получили при изслѣдованіи детерминированія содержанія сновидѣнія. Быть можетъ, многимъ читателямъ показалось, что детерминированіе элементовъ сновидѣнія не представляетъ собою ничего новаго, такъ какъ оно само собою разумѣется. При анализѣ мы исходимъ вѣдь изъ элементовъ сновидѣнія и записываемъ всѣ тѣ мысли, которыя связаны съ нимъ; не удивительно, что въ мысляхъ, полученныхъ такимъ путемъ, чрезвычайно часто встрѣчаются именно эти элементы. Я могъ бы не считаться съ этимъ возраженіемъ, но я самъ приведу аналогичное ему; среди мыслей, которыя обнаруживаетъ анализъ, находится много, стоящихъ вдали отъ сущности сновидѣнія и кажущихся искусственно введенными нами съ извѣстной цѣлью. Цѣль эта обнаруживается чрезвычайно легко; эти мысли образуютъ связь, иногда чрезвычайно вынужденную и искусственную, между содержаніемъ сновидѣнія и мыслями, скрывающимися за нимъ; и если бы мы устранили эти элементы изъ анализа, то составныя части сновидѣнія не нашли бы себѣ детерминированія въ мысляхъ. Это приводитъ насъ къ тому, что сложное детерминированіе, играющее рѣшающее значеніе при подборѣ матеріала сновидѣнія, образуетъ не всегда первичный моментъ образованія сновидѣнія, но зачастую вторичное послѣдствіе психической силы, намъ еще незнакомой. При всемъ томъ, однако, оно имѣетъ значеніе для допущенія отдѣльныхъ

элементовъ, такъ какъ мы можемъ наблюдать, что оно образуется не безъ труда тамъ, гдѣ возникаетъ само собою изъ матеріала сновидѣнія.

Ясно, такимъ образомъ, что въ работѣ сновидѣнія находитъ свое выраженіе психическая сила, которая, съ одной стороны, лишаетъ интенсивности психически цѣнные элементы, съ другой же, путемъ детерминированія изъ малоцѣнныхъ элементовъ создаетъ новыя цѣнности, которыя затѣмъ и попадаютъ въ содержаніе сновидѣнія. Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то при образованіи сновидѣнія совершается перенесеніе и передвиганіе психической интенсивности отдѣльныхъ элементовъ, результатомъ которыхъ и является различіе между содержаніемъ сновидѣнія и мыслями, скрывающимися за нимъ. Процессъ, происходящій при этомъ, составляетъ существенную часть дѣятельности сновидѣнія; мы назовемъ его процессомъ передвиганія. Передвиганіе и сгущеніе—два процесса, которымъ мы имѣемъ полное основаніе приписать образованіе сновидѣнія.

Я полагаю, что намъ будетъ не трудно познакомиться съ сущностью психической силы, проявляющейся въ процессѣ передвиганія. Результатомъ этого передвиганія является то, что содержаніе сновидѣнія не походитъ по своему существу на мысли, скрывающіяся за нимъ, и то, что сновидѣніе отражаетъ лишь искаженіе жизни въ безсознательномъ. Искажающая дѣятельность сновидѣнія намъ уже знакома; мы объяснили ее цензурой, которую оказываетъ одна психическая инстанція по отношенію къ другой. Процессъ передвиганія въ сновидѣніи—одно изъ главнѣйшихъ средствъ для достиженія такого искаженія. Is fecit, cui profuit. Мы можемъ предположить, что процессъ передвиганія осуществляется благодаря вліянію именно этой цензуры*).

---

*) [Такъ какъ объясненіе искажающей дѣятельности сновидѣнія вліяніемъ цензуры я считаю центральнымъ пунктомъ моей теоріи сновидѣнія, то я привожу здѣсь заключительное мѣсто новеллы «Сонъ и бодрствованіе» изъ книги Линкеуса» «Фантазіи реалиста» (Вѣна, 1900), въ которомъ я нахожу эту доминирующую черту своего ученія:

«О человѣкѣ, обладающемъ странною способностью видѣть только разумныя сновидѣнія»...

«Твоя странная особенность грезить такъ, какъ мыслишь ты на-яву, объясняется твоими добродѣтелями, твоей добротой, твоею справедливостью и твоей любовью къ истинѣ; моральная чистота твоей души объясняетъ мнѣ все».

«Если, однако, хорошенько подумать», отвѣтилъ другой, «то мнѣ

Какимъ образомъ согласуются между собою моменты передвиганія, сгущенія и детерминированія при образованіи сновидѣнія, какой изъ этихъ факторовъ играетъ первенствующую, и какой второстепенную роль, мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Покамѣстъ же въ качествѣ второго условія, которому должны удовлетворять элементы, включаемые въ сновидѣніе, мы можемъ установить то, что они должны быть устраняемы отъ цензуры.

c) Средство изображенія въ сновидѣніи.

Помимо обоихъ моментовъ,—процесса сгущенія и процесса передвиганія, которые мы установили при превращеніи скрытаго содержанія сновидѣнія въ явное, [мы столкнемся сейчасъ съ двумя дальнѣйшими условіями, оказывающими несомнѣнное вліяніе на подборъ матеріала сновидѣнія. Предварительно, однако, рискуя даже отклониться отъ намѣченнаго нами пути, необходимо бросить взглядъ на процессъ толкованія сновидѣній. Я не отрицаю того, что лучше и цѣлесообразнѣе всего было бы взять за образецъ какое-либо сновидѣніе, дать его толкованіе, все равно, какъ я сдѣлалъ во второй главѣ со сновидѣніемъ объ инъекціи Ирмѣ, сопоставить затѣмъ обнаруженныя нами скрытыя мысли и обратнымъ путемъ составить изъ нихъ сновидѣніе,—

кажется, что всѣ люди созданы такъ же, какъ я,—никому никогда не снится безсмыслица. Сновидѣніе, о которомъ отчетливо вспоминаешь, которое можешь потомъ разсказать и которое не является поэтому горячечнымъ бредомъ,—имѣетъ всегда глубокій смыслъ и не можетъ его не имѣть! Ибо то, что стоитъ другъ съ другомъ въ противорѣчіи, не могло быть вообще связано въ одно цѣлое; тѣ прегрѣшенія, которыя совершаетъ сновидѣніе по отношенію къ пространству и времени, нисколько не наносятъ ущербы его осмысленности, такъ какъ то и другое не имѣетъ никакого значенія для его содержанія. Мы и въ бодрственной жизни часто дѣлаемъ такъ же. Подумай только о сказкахъ, о безконечныхъ смѣлыхъ и глубокомысленныхъ созданіяхъ фантазіи, про которые лишь невѣжественный человѣкъ могъ бы сказать: «какой абсурдъ, вѣдь это же невозможно!»

«Да, если бы только можно было всегда правильно толковать сновидѣнія—вотъ какъ ты здѣсь только что!» замѣтилъ другой.

«Это, правда, совсѣмъ не легко, но при нѣкоторомъ вниманіи самъ грезящій человѣкъ могъ бы всегда толковать свои сновидѣнія,—почему это намъ не всегда удается? Въ вашихъ сновидѣніяхъ есть всегда, что-то скрытое поэтому-то ваши сновидѣнія и кажутся часто лишенными смысла, а иногда даже и совершенно нелѣпыми и абсурдными. Въ основѣ своей, однако, они совершенно не таковы; они не могутъ быть безсмысленными уже по одному, что вѣдь бодрствуетъ и грезитъ всегда тотъ же самый человѣкъ»].

короче говоря, дополнить анализъ сновидѣній синтезомъ ихъ. Эту работу я, дѣйствительно, продѣлалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ; я не могъ, однако, опубликовать ее здѣсь, такъ какъ этому препятствуютъ разнаго рода соображенія, легко понятныя каждому вдумчивому читателю. При анализѣ сновидѣнія соображенія эти играютъ не столь видную роль, такъ какъ анализъ можетъ быть не вполнѣ исчерпывающимъ и сохранять при этомъ свою цѣнность: ему достаточно хотя бы въ незначительной степени проникнуть въ хитросплетенія сновидѣнія. Синтезъ для полнаго доказательства долженъ быть непремѣнно исчерпывающимъ. Однако, исчерпывающій синтезъ я могу дать лишь относительно сновидѣній тѣхъ лицъ, которыя совершенно незнакомы читающей публикѣ. Такъ какъ, однако, въ моемъ распоряженіи имѣются лишь сновидѣнія моихъ паціентовъ—невротиковъ, то я долженъ отложить такой синтезъ ихъ сновидѣній до тѣхъ поръ, пока я не сумѣю довести психологическаго истолкованія неврозовъ до полной ихъ связи съ нашей темой*).

Изъ моихъ попытокъ синтетически образовать сновидѣніе изъ мыслей, лежащихъ въ основѣ его, я знаю, что матеріалъ, получающійся при толкованіи, обладаетъ различной цѣнностью. Одну часть его образуютъ существенныя мысли, которыя, такимъ образомъ, вполнѣ замѣщаютъ собою сновидѣніе и могли бы служить его полною замѣною, если бы для сновидѣнія не существовало цензуры; другую часть можно объединить подъ названіемъ коллатеральныхъ мыслей; въ цѣломъ своемъ онѣ представляютъ собою пути, по которымъ реальное желаніе, проистекающее изъ мысли, переносится въ желаніе, имѣющееся на лицо въ сновидѣніи. Одна часть этихъ коллатеральныхъ мыслей состоитъ изъ связей съ дѣйствительными мыслями; соединенія эти въ сновидѣніи имѣютъ схематическій видъ и соотвѣтствуютъ передвиганіямъ отъ существеннаго къ второстепенному. Другая часть обнимаетъ собою мысли, которыя связуются между собою при помощи этихъ второстепенныхъ элементовъ, получившихъ значеніе благодаря передвиганію и включаются въ содержаніе сновидѣнія. Третья часть содержитъ, наконецъ, мысли и соединенія ихъ, при помощи которыхъ мы при толкованіи сновидѣнія отъ содержанія его приходимъ къ среднимъ коллатеральнымъ и которыя вовсе не всѣ должны участвовать въ образованіи сновидѣнія.

Насъ интересуютъ здѣсь исключительно существенныя мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ. Онѣ представляютъ собою,

*) [Исчерпывающій анализъ и синтезъ двухъ сновидѣній я произвелъ въ моемъ «Отрывокъ анализа истеріи» 1905 г.].

большей частью, комплексъ мыслей и воспоминаній со всѣми особенностями мышленія, знакомыми намъ по бодрственному состоянію. Нерѣдко эти мысли исходятъ не изъ одного центра, но всѣ онѣ имѣютъ точки соприкосновенія; почти всегда подлѣ одного ряда мыслей находится противоположный ему, связанный съ нимъ при помощи ассоціаціи по контрасту.

Отдѣльныя части этого сложнаго цѣлаго находятся, разумѣется, въ самомъ разнообразномъ логическомъ соотношеніи другъ съ другомъ. Онѣ образуютъ передній и задній планъ, отклоненія и дополненія, условія, аргументы и возраженія. Когда вся масса этихъ мыслей подвергается вліянію дѣятельности сновидѣнія, при чемъ отдѣльныя части ея раздробляются, расчленяются и потомъ снова сплачиваются во-едино, то возникаетъ вопросъ, что же происходитъ съ логической связью, имѣвшеюся на-лицо въ этомъ сложномъ цѣломъ. Какимъ образомъ образуются во снѣ всѣ эти «если», «потому что», «подобно тому, какъ», «несмотря на то, что», «или—или» и всѣ другія союзныя реченія, безъ которыхъ мы не можемъ представить себѣ ни одного предложенія, ни одной связной фразы?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить прежде всего, что сновидѣніе не располагаетъ средствами для изображенія этихъ логическихъ связей между мыслями. Большей частью, анализъ оставляетъ въ сторонѣ эти союзныя реченія и подвергаетъ переработкѣ лишь объективное содержаніе этихъ мыслей. Толкованіе должно затѣмъ снова возстановить эту связь, уничтоженную дѣятельностью сновидѣнія.

Отсутствіе у сновидѣнія способности къ выраженію этой связи объясняется, очевидно, самою сущностью психическаго матеріала. Аналогичное ограниченіе претерпѣваютъ и изобразительныя искусства, живопись и скульптура, по сравненію съ поэзіей, средствами выраженія которой служатъ слова; и здѣсь причина отсутствія этой способности лежитъ въ матеріалѣ, при помощи котораго оба искусства стремятся, вообще, къ воплощенію чего-либо. До тѣхъ поръ, пока живопись достигла понимасвоихъ законовъ, она старалась устранить этотъ дефектъ. На древнихъ портретахъ люди изображались съ запиской въ рукахъ, на которой было написано то, что тщетно старался изобразить художникъ.

Быть можетъ, здѣсь мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, которое будетъ оспаривать необходимость отказа сновидѣнія отъ изображенія логической связи. Есть вѣдь много сновидѣній, въ которыхъ совершаются самыя сложныя умственныя операціи, въ

которыхъ мы находимъ аргументацiи и противорѣчiя, сравненiя и связи,—совсѣмъ, какъ въ бодрственномъ мышленiи. Но это только иллюзiя. Подвергнувъ такое сновидѣнiе толкованiю, мы увидимъ, что все это лишь матерiалъ сновидѣнiя, а не изображенiе интеллектуальной работы въ немъ. Мнимое мышленiе въ сновидѣнiи передаетъ лишь содержанiе мыслей, а не ихъ взаимную связь, въ установленiи которой состоитъ мышленiе. Я приведу примѣры этому. Легче всего констатировать, однако, что всѣ разговоры, дiалоги и рѣчи, наблюдающiеся въ сновидѣнiяхъ, представляютъ собою неизмѣненныя или чрезвычайно мало измѣненныя воспроизведенiя разговоровъ и дiалоговъ, имѣющихся на-лицо въ воспоминанiяхъ спящаго. Разговоръ—зачастую лишь указанiе на событiе, запечатлѣнное въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣнiемъ. Смыслъ же сновидѣнiя совершенно иной.

Я не буду возражать противъ того, что въ образованiи сновидѣнiя принимаетъ участiе и критическое мышленiе, по просту воспроизводящее матерiалъ изъ мыслей. Влiянiе этого фактора я выясню лишь въ концѣ нашего изложенiя. Мы увидимъ тогда, что эта работа мышленiя вызывается не мыслями, скрывающимися за сновидѣнiемъ, а самимъ, въ извѣстномъ смыслѣ уже готовымъ сновидѣнiемъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что логическая связь между мыслями не находитъ себѣ особаго выраженiя въ сновидѣнiи Такъ, напримѣръ, гдѣ въ сновидѣнiи имѣется противорѣчiе, тамъ на самомъ дѣлѣ имѣется либо противорѣчiе противъ всего сновидѣнiя, либо же противорѣчiе въ содержанiи какихъ-либо мыслей; противорѣчiю между мыслями, скрывающимися за сновидѣнiемъ, соотвѣтствуетъ противорѣчiе въ сновидѣнiи лишь въ чрезвычайно скрыто переданной формѣ.

Подобно тому, однако, какъ и живописи удалось выразить рѣчь изображаемаго лица и его чувства иначе, чѣмъ при помощи записки, такъ и сновидѣнiе нашло возможность воспроизводить нѣкоторую связь между своими мыслями черезъ посредство соотвѣтствующей модификацiи своего своеобразнаго изображенiя. Мы можемъ наблюдать, что различныя сновидѣнiя различнымъ образомъ поступаютъ при этомъ; въ то время, какъ одно сновидѣнiе проходитъ мимо логической структуры своего матерiала, другое старается по возможности воспроизвести и ее. Сновидѣнiе отдаляется въ этомъ болѣе или менѣе отъ предоставляемаго ему для обработки текста. Аналогичнымъ об-

разомъ поступаетъ, впрочемъ, сновидѣніе и съ временной связью мыслей, скрывающихся за нимъ, когда такая связь создается въ безсознательномъ.

Какими же средствами способна дѣятельность сновидѣнія воспроизвести трудно-воспроизводимую логическую связь? Я попытаюсь подойти къ разрѣшенію этого вопроса, разсмотрѣвъ каждую изъ наиболѣе часто наблюдаемыхъ логическихъ связей въ отдѣльности.

Прежде всего сновидѣніе учитываетъ общую связь всѣхъ элементовъ мыслей, скрывающихся за нимъ, такимъ образомъ, что соединяетъ весь этотъ матеріалъ въ одно цѣлое въ формѣ какой-либо ситуаціи или событія. Логическую связь оно передаетъ въ формѣ одновременности. Оно поступаетъ при этомъ все равно, какъ художникъ, который изображаетъ, напримѣръ, всѣхъ философовъ или поэтовъ въ одной школѣ въ Аѳинахъ или на Парнасѣ, которые никогда, конечно, не были тамъ вмѣстѣ, но для мыслящаго взгляда представляютъ несомнѣнно одно неразрывное цѣлое.

Сновидѣніе пользуется такимъ же способомъ изображенія. Какъ только оно изображаетъ два элемента другъ подлѣ друга, такъ тѣмъ самымъ оно свидѣтельствуетъ о тѣсной связи между соотвѣтствующими имъ элементами въ мысляхъ. Это все равно, какъ въ нашей системѣ письма: *аб* означаетъ, что обѣ буквы должны быть произнесены въ одинъ слогъ,—*а* и *б* черезъ промежутокъ наводятъ на мысль, что *а*—послѣдняя буква одного слова, и *б*—первая буква другого. Вслѣдствіе этого, комбинаціи сновидѣнія образуются не изъ любыхъ совершенно раздѣльныхъ составныхъ частей матеріала, а изъ такихъ, которыя находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ и въ мысляхъ, служащихъ основой сновидѣнія.

Для изображенія причинной связи сновидѣніе имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа, которые по существу своему одинаковы. Наиболѣе употребительный способъ изображенія слѣдующій: такъ какъ то-то и то-то обстоитъ такимъ образомъ, то должно было произойти то-то и то-то. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что причина изображается въ видѣ предварительнаго сновидѣнія, а послѣднее въ видѣ главной его части. Если я не ошибаюсь, то послѣдовательность можетъ быть и обратная, но слѣдствіе всегда соотвѣтствуетъ главной части сновидѣнія.

Прекрасный примѣръ такого изображенія причинной связи сообщила мнѣ однажды моя паціентка, сновидѣніе которой я

впослѣдствіи приведу полностью. Сновидѣніе это состояло изъ краткаго вступленія и чрезвычайно обширной главной части. Вступленіе гласило слѣдующимъ образомъ: Она идетъ въ кухню къ двумъ служанкамъ и бранитъ ихъ за то, что онѣ не могутъ справиться «съ такими пустяками». Она видитъ въ кухнѣ на столѣ множество всевозможной посуды; служанки идутъ за водою и должны для этого погрузиться въ рѣку, доходящую до дому или до двора.

Вслѣдъ за этимъ идетъ главная часть, которая начинается такъ: она спускается сверху по какой-то странной лѣстницѣ и радуется, что при этомъ она нигдѣ не цѣпляется платьемъ и т. д. Вступленіе относится къ родительскому дому моей паціентки, слова въ кухнѣ она, дѣйствительно, часто слышала отъ своей матери. Груды посуды относятся къ посудной лавкѣ, находившейся въ ихъ домѣ. Вторая часть сновидѣнія содержитъ намекъ на отца, который часто волочился за прислугами и однажды при наводненіи—домъ стоялъ на берегу рѣки—простудился и умеръ. Мысль, скрывающаяся за этимъ вступленіемъ, гласитъ слѣдующимъ образомъ. Я происхожу изъ этого дома, изъ этой низкой безотрадной обстановки. Главная часть сновидѣнія воспринимаетъ ту же самую мысль и изображаетъ ее въ измѣненной, благодаря осуществленію желанія, формѣ: я высокаго происхожденія. Такимъ образомъ: такъ какъ я низкаго происхожденія, то моя жизнь сложилась такъ-то и такъ-то.

Поскольку я знаю, раздѣленіе сновидѣнія на двѣ неравныхъ части означаетъ не каждый разъ причинную связь между мыслями обѣихъ частей. Очень часто кажется, будто въ обоихъ сновидѣніяхъ изображается одинъ и тотъ же матеріалъ, но съ различныхъ точекъ зрѣнія; или же оба сновидѣнія проистекаютъ изъ различныхъ центровъ матеріала и скрещиваются другъ съ другомъ въ содержаніи, такъ что въ одномъ сновидѣніи центромъ служитъ то, что въ другомъ является лишь косвеннымъ указаніемъ и наоборотъ. Во многихъ сновидѣніяхъ, однако, раздѣленіе на короткое вступленіе и болѣе обширную главную часть дѣйствительно соотвѣтствуетъ причинной взаимозависимости обѣихъ частей.

Другой способъ изображенія причинной связи примѣняется при менѣе обширномъ матеріалѣ и состоитъ въ томъ, что одинъ образъ въ сновидѣніи—будь то лицо или вещь—превращается въ другой. Лишь тамъ, гдѣ въ сновидѣніи дѣйстви-

тельно происходитъ такое превращеніе, мы можемъ говорить о наличности причинной взаимозависимости, но отнюдь не тамъ, гдѣ мы только замѣчаемъ, что на мѣстѣ одного образа появился другой.

Я уже говорилъ, что оба способа изображенія причинной связи, въ сущности, совпадаютъ другъ съ другомъ; въ обоихъ случаяхъ причинная связь замѣняется послѣдовательностью—въ одномъ случаѣ при помощи послѣдовательности сновидѣній, въ другомъ же непосредственнымъ превращеніемъ одного образа въ другой. Въ большинствѣ случаевъ, правда, причинная связь вообще не изображается, а замѣняется неизбѣжной и въ сновидѣніи послѣдовательностью элементовъ.

Альтернатива «или—или» вообще не изображается въ сновидѣніи. Послѣднее включаетъ звенья этой альтернативы въ качествѣ равноцѣнныхъ элементовъ. Классическимъ примѣромъ этого служитъ сновидѣніе объ инъекціи Ирмѣ. Скрытыя мысли его гласятъ, впрочемъ: я не виновенъ въ болѣзненномъ состояніи Ирмы; причина его лежитъ либо въ сопротивленіи моему лѣченію, либо въ томъ, что она находится въ неблагопріятныхъ сексуальныхъ условіяхъ, которыя я не могу измѣнить, либо же болѣзнь ея вообще, не истерическаго, а органическаго характера. Сновидѣніе осуществляетъ, однако, всѣ эти почти исключающія другъ друга возможности. Альтернатива «либо—либо» обнаружена нами лишь при толкованіи.

Когда, однако, разсказчикъ при сообщеніи сновидѣнія употребилъ союзное рѣченіе «или—или»,—напримѣръ, мнѣ снился садъ или же комната,—тамъ въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, содержится не альтернатива, а простое сопоставленіе, характеризующееся союзомъ «и». При помощи «или—или» мы изображаемъ обыкновенно расплывчатый характеръ какого-либо элемента сновидѣнія, которое стараемся припомнить и разъяснить. Правило толкованія въ этомъ случаѣ гласитъ: отдѣльныя части мнимой альтернативы слѣдуетъ сопоставить другъ съ другомъ и связать при помощи союза «и». Мнѣ снится, напримѣръ, что, отыскивая долгое время адресъ своего находящагося въ Италіи друга, я получаю телеграмму, сообщающую мнѣ этотъ адресъ. Я вижу послѣдній на телеграфномъ бланкѣ; первое слово не ясно;

оно или—via,
или Villa,
второе отчетливо: Sezerno.

Второе слово, напоминающее по созвучію итальянское имя и вызывающее во мнѣ представленіе о нашихъ этимологическихъ спорахъ, выражаетъ также и мою досаду на то, что онъ такъ долго скрывалъ отъ меня свое мѣстопребываніе; каждое же изъ предположеній о первомъ словѣ предстаетъ при анализѣ въ видѣ самостоятельнаго исходнаго пункта цѣлаго ряда мыслей.

Ночью, наканунѣ похоронъ моего отца, мнѣ приснились печатныя таблицы или плакаты, похожія на объявленія о запрещеніи курить, вывѣшиваемыя обычно на вокзалахъ. На плакатѣ этомъ я прочелъ:

или:

Просятъ закрывать глаза.

или:

Просятъ закрывать глазъ.

Каждая изъ этихъ надписей имѣетъ свой особый смыслъ и въ толкованіи ведетъ по различнымъ путямъ. Я умышленно рѣшилъ сдѣлать похороны какъ можно болѣе скромными, такъ какъ зналъ желанье покойнаго. Другіе же члены семьи были несогласны съ моимъ пуританизмомъ; имъ казалось, что намъ будетъ стыдно передъ чужими. Поэтому одна изъ надписей: «Просятъ закрывать глазъ». (по нѣм. «Ein Auge zuzudrücken» имѣетъ переносное значеніе) выражаетъ собою просьбу о снисхожденіи. Значеніе расплывчатости, которое мы описываемъ здѣсь при помощи «или—или» очевидно съ перваго взгляда. Сновидѣнію не удалось составить единаго, недвусмысленнаго словеснаго выраженія мысли, лежащей въ его основѣ. Поэтому-то оба ряда мыслей раздѣляются уже въ самомъ содержаніи сновидѣнія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣленіе сновидѣнія на двѣ равныхъ части дѣйствительно выражаетъ трудно-поддающуюся истолкованію альтернативу.

Чрезвычайно любопытно отношеніе сновидѣнія къ категоріямъ противоположности. Категорія эта почти совершенно не выражается въ сновидѣніи; противоположности соединяются обычно въ одно цѣлое или, по крайней мѣрѣ, изображаются въ этомъ видѣ. Сновидѣніе идетъ даже дальше и изображаетъ и отдѣльные элементы, при помощи ихъ противоположностей, такъ что не одинъ элементъ, способный найти себѣ прямую противоположность, не показываетъ сразу, имѣетъ ли онъ въ мысляхъ сновидѣнія положительный или отрицательный характеръ. Въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ сновидѣній, первую часть къ которому мы уже истолковали («такъ какъ я

такого происхожденія...»), моя паціентка спускается по периламъ и держитъ при этомъ въ рукахъ цвѣтущую вѣтку. Такъ какъ при этомъ у нея появляется мысль, что на изображеніяхъ Благовѣщенія (ее зовутъ Маріей) ангелъ держитъ въ рукѣ лилію и такъ какъ она видитъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, которыя идутъ по улицамъ, украшеннымъ зелеными вѣтками, то цвѣтущая вѣтвь въ сновидѣніи несомнѣнно содержитъ въ себѣ указаніе на половую невинность; вѣтвь эта, однако, усажена сплошь красными цвѣтами, изъ которыхъ каждый напоминаетъ камелію. Въ концѣ ея дороги цвѣты почти всѣ опадаютъ; дальше слѣдуютъ указанія на регулы. Тѣмъ самымъ вѣтка, которая напоминаетъ лилію и несется какъ бы невинной дѣвушкой, указываетъ на «даму съ камеліями», которая, какъ извѣстно, носила всегда бѣлыя камеліи, во время же регулъ—красные

Цвѣтущая вѣтвь изображаетъ половую невинность и въ то же время ея противоположность. Одно и то же сновидѣніе, выражающее собою радость по поводу того, что ей удалось безпорочно прожить свою жизнь, обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ (напримѣръ, въ элементѣ опаденія цвѣтовъ) противоположный ходъ мыслей и намекаетъ на то, что она не чужда и небольшихъ прегрѣшеній противъ сексуальной чистоты и невинности (въ дѣтствѣ). При анализѣ сновидѣнія мы могли бы ясно прослѣдить оба ряда мыслей, изъ которыхъ радостный расположенъ наверху, а прискорбный—внизу; оба эти ряда идутъ параллельно, но направляются въ прямо-противоположныя стороны. Ихъ одинаковые, но противоположные элементы находятъ себѣ выраженіе въ соотвѣтствующихъ элементахъ сновидѣнія.

Съ одной изъ логическихъ связей механизмъ образованія сновидѣнія считается, однако, въ полной мѣрѣ. Это отношеніе сходства, согласованія соприкосновенія, выражающееся союзнымъ рѣченіемъ «подобно тому, какъ»; оно находитъ себѣ въ сновидѣніи наиболѣе полное выраженіе. Имѣющіеся въ матеріалѣ сновидѣнія элементы такого взаимоотношенія составляютъ главнѣйшіе опорные пункты образованія сновидѣнія, и наиболѣе существенная часть дѣятельности послѣдняго состоитъ въ созданіи такихъ новыхъ элементовъ въ томъ случаѣ, когда имѣющіеся уже на лицо не могутъ попасть въ сновидѣніе въ виду сопротивленія цензуры. На помощь изображенію отношенія сходства приходитъ процессъ сгущенія въ сновидѣніи.

Сходство, согласованіе и общность обычно изображаются сновидѣніемъ путемъ соединенія въ одно цѣлое,

которое либо имѣется уже на-лицо въ матеріалѣ сновидѣнія, либо же образуется заново. Первый случай мы можемъ назвать идентификацей, второй же образованіемъ сложныхъ комбинацій. Идентификація примѣняется тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о людяхъ; образованіе же сложныхъ комбинацій тамъ, гдѣ матеріаломъ соединенія служатъ вещи, хотя сложныя комбинаціи образуются и изъ людей. Мѣстности подлежатъ зачастую тѣмъ же правиламъ, что и люди.

Идентификація состоитъ въ томъ, что лишь одно изъ лицъ, связанныхъ между собою сходствомъ, находитъ себѣ выраженіе въ сновидѣніи, между тѣмъ, какъ второе или всѣ остальныя какъ бы устраняются сновидѣніемъ. Это одно лицо входитъ въ сновидѣніи во всѣ тѣ отношенія и ситуаціи, которыя проистекаютъ отъ него или отъ лицъ, которыхъ оно собою замѣщаетъ. При образованіи сложныхъ комбинацій изъ лицъ уже въ сновидѣніи имѣются на-лицо черты, свойственныя отдѣльнымъ лицамъ, но не общія всѣмъ имъ, такъ что при помощи объединенія этихъ чертъ возникаетъ новая единица, сложная комбинація коллективныхъ лицъ. Процессъ этотъ совершается различнымъ путемъ. Либо лицо въ сновидѣніи получаетъ имя какого-нибудь другого, имъ замѣщаемаго—между тѣмъ, какъ внѣшность его остается тою же; или же самъ образъ въ сновидѣніи состоитъ изъ чертъ, которыми въ дѣйствительности объединяются всѣ замѣщаемыя лица. Вмѣсто этихъ внѣшнихъ чертъ лицо можетъ быть представлено также свойственными ему манерами, словами или ситуаціей, характерной для него. Въ послѣднемъ случаѣ рѣзкая противоположность между индентификаціей и образованіемъ сложныхъ комбинацій почти исчезаетъ. [Случается, однако, и то, что образованіе такихъ коллективныхъ лицъ не удается. Тогда сцена сновидѣнія приписывается одному лицу, а другое—по большей части главное—выступаетъ въ качествѣ безучастнаго зрителя Спящій разсказываетъ напримѣръ: «Тутъ же была и моя мать» (Штекель)]. Общія черты, лежащія въ основѣ объединенія двухъ лицъ, могутъ быть изображены въ сновидѣніи, но могутъ и отсутствовать въ немъ. Обычно идентификація или образованіи коллективныхъ лицъ служитъ именно для того, чтобы избѣгнуть изображенія общихъ чертъ. Вмѣсто того, чтобы повторять *А* настроенъ враждебно ко мнѣ и *Б* тоже,—я въ сновидѣніи образую коллективное лицо изъ *А* и *Б* и представляю *А* въ ситуаціи, характерной для *Б*. Полученное такимъ образомъ коллективное лицо выступаетъ въ сновидѣніи въ какой-либо другой

обстановкѣ, и въ томъ обстоятельствѣ, что оно означаетъ собою какъ *А*, такъ и *Б*, я нахожу основаніе для истолкованія соотвѣтственнаго мѣста сновидѣнія во томъ смыслѣ, что коллективное лицо изображаетъ собою враждебное отношеніе ко мнѣ. Такимъ путемъ я достигаю зачастую чрезвычайно интенсивнаго сгущенія содержанія сновидѣнія; я избѣгаю необходимости непосредственнаго изображенія сложныхъ условій, имѣющихъ отношеніе къ данному лицу, и нахожу другое лицо, связанное, по крайней мѣрѣ, съ частью этихъ условій. Не трудно понять, что это изображеніе при помощи идентификаціи помогаетъ также избѣгнуть цензуры, ставящей столь серьезную преграду дѣятельности сновидѣнія. Поводъ къ вліянію цензуры могутъ дать какъ разъ тѣ представленія, которыя въ матеріалѣ связаны съ даннымъ лицомъ; я нахожу поэтому второе лицо, которое также имѣетъ отношеніе къ моему матеріалу, но только, какъ часть его. Соприкосновеніе въ пунктѣ, подлежащемъ вліянію цензуры, даетъ мнѣ право образовать коллективное лицо, характеризующееся въ обоихъ направленіяхъ индифферентными чертами. Эти коллективныя лица, будучи уже свободными отъ цензуры, получаютъ непосредственный доступъ въ содержаніе сновидѣнія и такимъ образомъ, использовавъ процессъ сгущенія, я удовлетворилъ требованіе цензуры.

Тамъ, гдѣ въ сновидѣніи изображаются общія черты обоихъ лицъ, тамъ это служитъ обычно указаніемъ на наличность другого скрытаго сходства, изображенію котораго воспрепятствовала цензура. Тутъ до нѣкоторой степени въ цѣляхъ облегченія изображенія произошло передвиганіе въ области общихъ чертъ. Коллективное лицо съ индифферентными общими чертами указываетъ на наличность отнюдь не индифферентныхъ общихъ чертъ въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ.

Идентификація или образованіе коллективныхъ лицъ служитъ въ сновидѣніи различнымъ цѣлямъ; во-первыхъ, изображенію общихъ чертъ второго лица, во-вторыхъ, изображенію передвинутаго сходства, въ-третьихъ же, изображенію лишь желаемаго сходства. Такъ какъ желаніе найти общія черты у двухъ лицъ зачастую совпадаетъ со смѣшеніемъ ихъ, то и взаимоотношеніе выражается въ сновидѣніи идентификаціей. Мнѣ хочется въ сновидѣніи объ инъекціи Ирмѣ смѣшать эту паціентку съ другою; я хочу такимъ образомъ, чтобы другая была моей паціенткой такъ же, какъ ею является Ирма. Сновидѣніе считается съ этимъ желаніемъ, представляя мнѣ лицо, которое носитъ имя Ирмы, но изслѣдуется

мною въ ситуаціи, имѣвшей мѣсто при изслѣдованіи другой желаемой паціентки. Въ сновидѣніи о дядѣ это смѣшеніе служитъ центральнымъ пунктомъ сновидѣнія; я идентифицирую себя съ министромъ, относясь къ своему коллегѣ такъ же, какъ относится къ нему онъ.

Я не разъ уже упоминалъ о томъ, что всѣ сновидѣнія безъ исключенія изображаютъ непремѣнно самого спящаго. Сновидѣніе абсолютно эгоистично. Тамъ, гдѣ въ содержаніи сновидѣнія содержится не мое «я», а другое лицо тамъ, я имѣю полное основаніе предположить, что мое «я» скрыто путемъ идентификаціи за этимъ лицомъ. Въ другомъ случаѣ, когда мое «я» дѣйствительно имѣется на-лицо въ сновидѣніи, ситуація, въ которой оно находится, можетъ именно показать, что позади моего «я» путемъ идентификаціи скрывается другое лицо. Сновидѣніе указываетъ, что при толкованіи его я долженъ перенести на себя нѣчто, присущее этому лицу—скрытыя общія черты. Бываютъ также сновидѣнія, въ которыхъ мое «я» проявляется также на ряду съ другими лицами, которыя при анализѣ, послѣ раскрытія идентификаціи оказываются опять-таки моимъ «я». Я долженъ тогда при помощи этихъ идентификацій связать со своимъ «я» извѣстныя представленія, противъ воспріятія которыхъ возстала цензура. Такимъ образомъ, я могу изобразить въ сновидѣніи свое «я» различнымъ путемъ. Иногда даже одновременно: либо непосредственно, либо же при помощи идентификаціи съ другимъ лицомъ. Нѣкоторыя такія идентификаціи способствуютъ сгущенію чрезвычайно обильнаго матеріала мыслей *).

Еще болѣе прозрачно, нежели относительно лицъ, раскрытіе идентификаціи, совершается относительно мѣстностей, обозначенныхъ собственными именами, такъ какъ здѣсь отсутствуетъ вліяніе всесильнаго въ сновидѣніи «я». Въ одномъ изъ моихъ сновидѣній о Римѣ мѣстность, въ которой я нахожусь, названа «Римъ»; я удивляюсь, однако, множеству нѣмецкихъ плакатовъ на улицахъ. Послѣдніе представляютъ собою осуществленіе желанія, при которомъ у меня тотчасъ же появляется мысль о Прагѣ; само желаніе проистекаетъ, по всей вѣроятности, изъ давно прошедшаго періода увлеченія пангерманизмомъ; какъ разъ ко времени моего сновидѣнія, въ Прагѣ у меня

*) Если я сомнѣваюсь, за какимъ лицомъ въ сновидѣніи я долженъ искать свое «я», то мнѣ слѣдуетъ придерживаться слѣдующаго правила: лицо, испытывающее въ сновидѣніи аффектъ, который испытываю я въ состояніи сна, всегда и скрываетъ за собою мое «я».

должно было состояться свиданье съ однимъ коллегой; идентификація Рима и Праги объясняется, такимъ образомъ желаемымъ сходствомъ; мнѣ больше хотѣлось бы встрѣтиться со своимъ коллегой въ Римѣ, нежели въ Прагѣ.

Возможность образовывать сложныя комбинаціи носитъ на себѣ черты, придающія сновидѣніямъ зачастую фантастическій характеръ: благодаря ей въ содержаніе сновидѣнія вводятся элементы, которые никогда не могли бы стать объектомъ нашего воспріятія. Психическій процессъ при образованіи сложныхъ комбинацій сновидѣнія, по всей вѣроятности, тотъ же, какой происходитъ, когда мы въ бодрственномъ состояніи представляемъ себѣ кентавра или дракона. Разница лишь въ томъ, что при фантазированіи на-яву рѣшающую роль играетъ желаемое впечатлѣніе отъ составляемой фантазіи, между тѣмъ, какъ образованіе сложныхъ комбинацій въ сновидѣніи обусловливается моментомъ, лежащемъ вначалѣ этого образованія— отношеніемъ сходства въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ. Образованіе сложныхъ комбинацій въ сновидѣніи можетъ производиться самымъ различнымъ образомъ. Въ наиболѣе простомъ случаѣ изображаются лишь свойства одной вещи, и это изображеніе сопровождается сознаніемъ того, что оно относится и къ другому объекту. Болѣе тщательная техника соединяетъ черты одного и другого объектовъ въ новую единицу и умѣло пользуется при этомъ сходствомъ обоихъ объектовъ, имѣющихся на-лицо въ дѣйствительности. Новый объектъ можетъ носить самый нелѣпый характеръ, смотря по тому, какую роль при образованіи игралъ матеріалъ. Если объекты, объединяемые въ сновидѣніи въ одно цѣлое, слишкомъ различны, то сновидѣніе ограничивается тѣмъ, что образуетъ сложный комплексъ съ болѣе отчетливымъ центральнымъ ядромъ, которое дополняется менѣе отчетливыми чертами. Соединеніе въ одно цѣлое здѣсь какъ бы не удается; оба изображенія покрываютъ другъ друга. Въ сновидѣніяхъ можно наблюдать множество такихъ сложныхъ комбинацій; на нѣсколько примѣровъ я уже указалъ въ вышеупомянутыхъ сновидѣніяхъ; я добавлю еще нѣсколько. Въ сновидѣніи, изображающемъ жизнь паціентки при помощи цвѣтка, «я» сновидѣнія несетъ въ рукахъ цвѣтущую вѣтку, которая какъ мы уже узнали, означаетъ одновременно невинность и сексуальную грѣховность. Вѣтвь расположеніемъ цвѣтовъ напоминаетъ вѣтвь вишневаго дерева; сами же цвѣты, взятые въ отдѣльности—к а м е л і и, причемъ, кромѣ того, все въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе э к з о т и ч е-

скаго растенія. Общія черты въ элементахъ этого сложнаго комплекса мы находимъ въ мысляхъ, служащихъ основой сновидѣнія. Цвѣтущая вѣтвь состоитъ изъ указаній на подарки, которые должны были побуждать ее быть болѣе уступчивой. Таковы въ дѣтствѣ вишни, въ болѣе зрѣлые годы—вѣтка камеліи; экзотическій элементъ является указаніемъ на путешественника-естествоиспытателя, который старался добиться ея расположенія. Другая паціентка составляетъ въ сновидѣніи сложную комбинацію, состоящую изъ представленій о морской кабинкѣ, дачнаго аборта и мансарды городского дома. Въ обоихъ первыхъ элементахъ общее ихъ отношеніе къ человѣческой наготѣ и обнаженію; изъ сопоставленія съ третьимъ элементомъ можно заключить, что и мансарда (въ дѣтствѣ) была связана съ какимъ-либо обнаженіемъ. Дѣвушкѣ, которой старшій братъ обѣщался угостить икрой, снится, что ноги этого брата покрыты черными зернышками икры. Элементы «зараженія» въ моральномъ смыслѣ и воспоминаніе о дѣтской сыпи, которая состоитъ изъ красныхъ, а не изъ черныхъ пятнышекъ, соединилась здѣсь съ «зернышками икры» въ новое представленіе о томъ, «что она получила отъ брата». Части человѣческаго тѣла разсматриваются въ этомъ сновидѣніи, какъ объекты; это впрочемъ, характерно для любого сновидѣнія. [Въ сновидѣніи, сообщенномъ Ференчи [87]), имѣется сложная комбинація, состоящая изъ личности одного врача, лошади и ночной сорочки. Общія черты этихъ трехъ элементовъ обнаруживаются при анализѣ: ночная сорочка содержитъ въ себѣ указаніе на роль отца спящей въ одномъ изъ воспоминаній дѣтства. Во всѣхъ этихъ трехъ элементахъ рѣчь идетъ объ объектахъ ея полового любопытства].

Выше я утверждалъ, что сновидѣніе не обладаетъ средствами для выраженія отношенія противоположности, противорѣчія. Я постараюсь, однако, опровергнуть это утвержденіе. Часть случаевъ, содержащихъ въ себѣ элементъ противоположности, изображается просто-на-просто при помощи идентификаціи, когда съ противопоставленіемъ можетъ быть связано замѣна, смѣшеніе. Примѣры этому мы уже приводили. Другая часть противоположностей въ мысляхъ, скрывающаяся за сновидѣніями выражающаяся союзными рѣченіями «напротивъ того», «наоборотъ» находитъ свое выраженіе въ сновидѣніи слѣдующимъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ. Логическое противопоставленіе «наоборотъ», «напротивъ того», само по себѣ не

выражается въ содержанiи сновидѣнiя, а проявляетъ свою наличность въ матерiалѣ его тѣмъ, что какой-либо элементъ уже образованнаго содержанiя сновидѣнiя—какъ бы впослѣдствiи—«переворачивается». Процессъ этотъ легче иллюстрировать, нежели описать. Въ сновидѣнiи «Сафо» подъемъ изображается совершенно обратно тому, какъ изображается онъ въ введенiи къ роману Доде; въ сновидѣнiи спящiй идетъ вначалѣ съ трудомъ, а потомъ легче, между тѣмъ, какъ въ романѣ наоборотъ. Нахожденiе «наверху» и «внизу» по отношенiю къ брату также изображается во снѣ въ противоположномъ видѣ. Это указываетъ на соотношенiе противоположности между двумя частями матерiала въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣнiемъ: въ дѣтской фантазiи спящаго кормилица носитъ его на рукахъ въ противоположность тому, какъ въ романѣ герой носитъ на рукахъ возлюбленную. Въ моемъ сновидѣнiи о нападкахъ Гете на господина М. (см. ниже) содержится такое же «переворачиванiе», раскрытiе котораго только и даетъ возможность приступить къ толкованiю сновидѣнiя. Въ послѣднемъ Гете нападаетъ на молодого человѣка, господина М.; въ дѣйствительности же, какъ показываютъ мысли, скрывающiяся за сновидѣнiемъ, одинъ выдающiйся человѣкъ, мой коллега, подвергся нападкамъ со стороны неизвѣстнаго молодого автора. Въ сновидѣнiи я веду счетъ о годѣ смерти Гете; въ дѣйствительности же, счетъ ведется о годѣ рожденiя паралитика. Мысль, доминирующая въ матерiалѣ сновидѣнiя, оказывается противорѣчiемъ того, что на Гете слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сумасшедшаго. Наоборотъ, говоритъ сновидѣнiе, если ты не понимаешь книги, то невѣжда ты, а не авторъ.

[Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что этимъ процессомъ зачастую пользуются сновидѣнiя, въ основѣ которыхъ лежитъ подавленное гомосексуальное влеченiе].

Переворачиванiе, превращенiе въ противоположность—одно изъ излюбленныхъ средствъ изображенiя сновидѣнiя; оно находитъ себѣ самое разнообразное примѣненiе. Оно служитъ прежде всего для осуществленiя желанiя, противоположнаго какому-либо элементу въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣнiемъ. Хоть бы это было наоборотъ!—Вотъ зачастую наилучшее выраженiе отношенiя моего «я» къ непрiятному элементу въ воспоминанiяхъ. Чрезвычайно цѣнныя услуги оказываетъ это средство при цензурѣ, испытывая ту степень искаженiя изображаемаго матерiала, которая какъ бы совершенно парализуетъ толкованiе сновидѣнiя. Въ виду этого, когда сновидѣнiе упорно

скрываетъ свой смыслъ, можно все-таки разъ попытаться «перевернуть» нѣкоторыя части его явнаго содержанія, послѣ чего нерѣдко сновидѣніе становится совершенно прозрачнымъ.

Наряду съ «переворачиваніемъ» по существу слѣдуетъ упомянуть и объ аналогичномъ процессѣ по отношенію ко времени. Сновидѣніе въ своей искажающей дѣятельности нерѣдко изображаетъ конецъ какого-либо событія или заключительное звено ряда мыслей, а въ концѣ помѣщаетъ предпосылку мысли или причины событія. Кто не принимаетъ во вниманіе этого техническаго средства искажающей дѣятельности сновидѣнія, тотъ вообще безсиленъ подойти къ толкованію сновидѣнія *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ смыслъ сновидѣнія раскрывается лишь послѣ многократнаго «переворачиванія» всего содержанія сновидѣнія въ его цѣломъ, а также и отдѣльныхъ его элементовъ. Такъ, напримѣръ, за сновидѣніемъ одного юнаго невротика скрывается воспоминаніе объ его дѣтскомъ желаніи смерти строгаго отца. Ему снится, что отецъ бранитъ его за то, что онъ поздно вернулся домой. Психоналитическое лѣченіе и мысли паціента говорятъ за то, что сновидѣніе должно было бы гласить: онъ сердится на отца, и ему кажется, что отецъ слишкомъ рано возвратился домой. Онъ предпочелъ бы, чтобы отецъ вообще не возвращался домой, что тождественно съ его желаніемъ смерти отца. Паціентъ въ дѣтствѣ во время продолжительнаго отсутствія отца совершилъ какой-то проступокъ, и ему грозили: Подожди-ка придетъ отецъ!

* * *

Задавшись, цѣлью прослѣдить взаимоотношеніе между содержаніемъ сновидѣнія и мыслями, скрывающимися за нимъ, мы возьмемъ исходнымъ пунктомъ само сновидѣніе и зададимся

---

*) Тою же техникой пользуется иногда и истерическій припадокъ съ цѣлью скрыть свой смыслъ отъ взгляда зрителей. Одна истерическая дѣвушка изображаетъ, напримѣръ, во время припадка небольшое романическое приключеніе, созданное ею, безсознательною фантазіею, въ связи съ одной встрѣчей въ трамваѣ. Она хочетъ изобразить, какъ незнакомецъ, прельщенный красотою ея ногъ, заговариваетъ съ нею въ то время, какъ она читаетъ, идетъ вмѣстѣ съ нею, и она переживаетъ горячую любовную сцену. Припадокъ ея начинается съ изображенія этой любовной сцены; у нея появляются судороги (движеніе губъ, точно для поцѣлуевъ, движеніе руками какъ для объятій), она спѣшитъ въ сосѣднюю комнату, садится на стулъ, показываетъ ногу, дѣлаетъ видъ, словно читаетъ книгу и заговариваетъ со мною].

вопросомъ, что означаютъ нѣкоторыя формальныя особенности его содержанія въ ихъ отношеніи къ мыслямъ. Къ этимъ формальнымъ особенностямъ, бросающимся намъ въ глаза въ сновидѣніи, относится прежде всего различіе въ чувственной интенсивности отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія и въ отчетливости отдѣльныхъ его частей или цѣлыхъ сновидѣній. Различія въ интенсивности отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія составляютъ цѣлую скалу, начиная отъ рѣдкой отчетливости вплоть до досадной расплывчатости, которую считаютъ обычно характерной для сновидѣнія, такъ какъ она по существу своему совершенно несходна съ расплывчатостью воспринимаемыхъ нами иногда при наблюденіи объектовъ дѣйствительности. Обычно, кромѣ того, мы называемъ впечатлѣніе, полученное нами отъ неотчетливаго элемента сновидѣнія, «бѣглымъ», предполагая о болѣе отчетливыхъ элементахъ то, что они воспринялись нами въ теченіе болѣе продолжительнаго времени. Спрашивается теперь, какія же условія вызвали эти различія въ отчетливости отдѣльныхъ частей содержанія сновидѣнія.

Здѣсь слѣдуетъ прежде всего предупредить нѣкоторыя неизбѣжныя ожиданія. Такъ какъ въ матеріалъ сновидѣнія могутъ быть включаемы и реальныя ощущенія во время сна, то, по всей вѣроятности, можно было бы предположить, что эти элементы сновидѣнія или другіе, выводимые изъ нихъ, отличаются особой интенсивностью или же, наоборотъ, что то, что въ сновидѣніи кажется намъ наиболѣе отчетливымъ, можетъ быть сведено къ такимъ реальнымъ ощущеніямъ во время сна. Мои наблюденія, однако, не подтвердили этого предположенія. Неправильно то, что элементы сновидѣнія, представляющіе собою результаты реальныхъ впечатлѣній во время сна, отличаются своею отчетливостью отъ другихъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ воспоминаніямъ. Моментъ реальности не имѣетъ отношенія къ интенсивности элементовъ сновидѣнія.

Далѣе, могла бы возникнуть мысль, что чувственная интенсивность (отчетливость отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія) связана съ психической интенсивностью соотвѣтствующихъ элементовъ мышленія, лежащихъ въ основѣ сновидѣнія. Въ послѣднихъ интенсивность совпадаетъ съ психической цѣнностью. Наиболѣе интенсивные элементы—не что иное, какъ наиболѣе важныя, образующія центральные пункты мысли. Мы знаемъ, правда, что именно эти элементы вслѣдствіе цензуры въ большинствѣ случаевъ не включаются въ содержаніе сновидѣнія. Но могло бы все-таки быть, что замѣняющіе ихъ ближайшіе

элементы обнаружили бы высокую степень интенсивности, не становясь, однако, при этомъ центромъ содержанія сновидѣнія. Однако, и это предположеніе разрушается сравнительнымъ разсмотрѣніемъ сновидѣнія и матеріала его. Интенсивность элементовъ въ первомъ не имѣетъ ничего общаго съ интенсивностью во второмъ; между матеріаломъ сновидѣнія и самимъ имъ совершается, дѣйствительно, полнѣйшая переоцѣнка всѣхъ психическихъ цѣнностей. Въ бѣгломъ, но отчетливомъ элементѣ сновидѣнія, скрытомъ болѣе яснымъ и отчетливымъ образомъ, можно очень часто обнаружить непосредственное отраженіе того, что преобладало и служило центральнымъ пунктомъ въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ.

Интенсивность элементовъ въ сновидѣніи опредѣляется совершенно иначе: она обусловливается двумя независимыми другъ отъ друга моментами. Прежде всего легко замѣтить, что наиболѣе интенсивно образуются тѣ элементы, при помощи которыхъ выражается осуществленіе желанія. Далѣе, анализъ показываетъ, что отъ наиболѣе отчетливыхъ элементовъ сновидѣнія отходитъ большинство рядовъ мыслей, что наиболѣе отчетливые элементы въ то же время и наиболѣе сложно детерминированные. Мы нисколько не извратимъ смысла, если выразимъ послѣднее положеніе въ слѣдующей формѣ: наибольшую интенсивность обнаруживаютъ тѣ элементы сновидѣнія, для образованія которыхъ потребовалась наиболѣе обширная работа сгущенія. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что это условіе и другое— осуществленіе желанія—могутъ быть выражены также въ одной формулѣ.

Проблему, которую я только что разсматривалъ,—причины большей или меньшей интенсивности и отчетливости отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія,—мнѣ хотѣлось бы предохранить отъ смѣшенія съ другой проблемой, которая трактуетъ о различной отчетливости отдѣльныхъ сновидѣній или отрывковъ послѣднихъ. Въ этомъ первомъ случаѣ противоположностью отчетливости служитъ расплывчатость, здѣсь же—спутанность. Нельзя, однако, отрицать того, что въ обѣихъ этихъ скалахъ восходящая и нисходящая особенности постоянно сопутствуютъ другъ другу. Часто сновидѣніе, представляющееся намъ яснымъ и отчетливымъ, содержитъ въ большинствѣ случаевъ интенсивные элементы; неясное сновидѣніе, напротивъ того, состоитъ изъ менѣе интенсивныхъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе, проблема, которая предстаетъ передъ нами въ видѣ скалы отъ чрезвычайной ясности вплоть до спутанности, значительно сложнѣе, чѣмъ

вопросъ о колебаніи интенсивности отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ удивленію своему, замѣчаешь, что впечатлѣніе ясности или отчетливости, которое воспринимаешь отъ сновидѣнія вообще, не имѣетъ отношенія къ самому сновидѣнію, а проистекаетъ изъ матеріала послѣдняго въ качествѣ его составной части. Такъ, мнѣ припоминается одно сновидѣніе, которое по пробужденіи показалось мнѣ настолько очевиднымъ, лишеннымъ пробѣловъ и яснымъ, что я еще подъ его впечатлѣніемъ рѣшилъ установить новую категорію сновидѣній, которыя не подлежатъ процессамъ сгущенія и передвиганія, а должны быть названы «фантазіями во время сна». Ближайшее разсмотрѣніе показало, однако, что это рѣдкое сновидѣніе обнаруживаетъ въ структурѣ своей тѣ же пробѣлы и трещины; я оставилъ поэтому въ сторонѣ новую категорію сновидѣній. Содержаніе вышеупомянутаго сновидѣнія сводилось къ тому, что я развивалъ передъ своимъ коллегою чрезвычайно сложную теорію бисексуальности; волеосуществляющая сила сновидѣнія способствовала тому, что эта теорія показалась намъ чрезвычайно ясной и исчерпывающей. То, что я, такимъ образомъ, счелъ своимъ сужденіемъ о готовомъ сновидѣніи, было частью и при этомъ существенною частью содержанія его. Дѣятельность сновидѣнія вторглась здѣсь какъ бы въ бодрственное мышленіе и въ видѣ с у ж д е н і я о сновидѣніи вручило мнѣ ту часть его матеріала, детальное изображеніе котораго ей не удалось. Прямую противоположность этому я наблюдалъ у одной моей паціентки, которая въ началѣ вообще отказалась сообщить свое сновидѣніе,—«оно слишкомъ неясно и спутанно»,—и лишь послѣ моихъ неоднократныхъ протестовъ противъ правильности ея сообщенія разсказала, что ей приснилось нѣсколько лицъ,—она, ея мужъ и отецъ; ей казалось, будто она не знаетъ, отецъ ли ея мужъ, кто вообще ея отецъ и т. д. Сопоставленіе этого сновидѣнія съ мыслями ея при анализѣ показало съ несомнѣнностью, что здѣсь рѣчь идетъ о довольно обыкновенной исторіи прислуги, которой должно быть приснилось, что она ожидаетъ ребенка и лишь сомнѣвается, «кто его отецъ». Неясность, обнаруженная сновидѣніемъ была, такимъ образомъ, и здѣсь частью матеріала, послужившаго его основаніемъ. Часть этого содержанія нашла себѣ выраженіе въ самой ф о р м ѣ сновидѣнія.

Всѣ сновидѣнія одной и той же ночи составляютъ по содержанію своему одно цѣлое; их раздѣленіе на нѣсколько частей, группировка и взаимная связь,—все имѣетъ свой смыслъ и обусловливается скрытымъ ихъ содержаніемъ. [При толкованіи

сновидѣнiй, состоящихъ изъ нѣсколькихъ частей или относящихся хотя бы къ одной и той же ночи, нельзя упускать изъ виду возможности того, что эти различныя, послѣдовательныя сновидѣнiя имѣютъ одно и то же значенiе. Первое изъ такихъ сновидѣнiй является зачастую наиболѣе искаженнымъ и робкимъ, послѣдующее же болѣе смѣлымъ и отчетливымъ.

Такого именно рода было и библейское сновидѣнiе фараона о коровахъ, истолкованное Iосифомъ. У Iозефуса («Iудейскiя древности», кн. II, гл. 5 и 6) оно сообщается подробнѣе, нежели въ Библiи. Разсказавъ свое первое сновидѣнiе, фараонъ произнесъ: «Послѣ перваго сновидѣнiя я проснулся озабоченный и подумалъ о томъ, что оно можетъ значить; потомъ снова заснулъ и увидѣлъ еще болѣе странное сновидѣнiе, повергшее меня еще больше въ смятенiе и страхъ». Выслушавъ его разсказъ, Iосифъ отвѣтилъ: «Оба сновидѣнiя твои, о фараонъ, имѣютъ одно и то же значенiе!»

Юнгъ [99]), сообщающiй въ своемъ «Очеркѣ психологiи слуха», какъ скрыто-эротическое сновидѣнiе одной школьницы было понято безъ всякаго толкованiя ея подругами и продолжено ими, замѣчаетъ, «что конечная мысль длиннаго ряда образовъ сновидѣнiя содержитъ какъ разъ именно то, что старался изобразить первый образъ этого ряда. Цензура проводитъ комплексъ черезъ наивозможно болѣе длинный строй постоянно возобновляющихся символическихъ прикрытiй, отодвиганiй и пр.» (стр. 87.) Шернеръ [58]) превосходно понималъ эту особенность изображенiя въ сновидѣнiи и въ связи со своей теорiей органическихъ раздраженiй приписываетъ ей значенiе особаго закона (стр. 166). «Наконецъ, однако, во всѣхъ символическихъ элементахъ сновидѣнiя, проистекающихъ изъ опредѣленныхъ нервныхъ раздраженiй, фантазiя подмѣчаетъ общеобязательный законъ: въ началѣ сновидѣнiя она изображаетъ объектъ раздраженiя лишь слабыми, отдаленными намеками, въ концѣ же, когда творчество ея изсякаетъ, она выставляетъ раздраженiе, соотвѣтствующiй органъ или функцiю его въ дѣйствительномъ видѣ, чѣмъ сновидѣнiе обычно и заканчивается».

Наглядное подтвержденiе этого закона Шернера даетъ Отто Ранкъ [106]) въ своей работѣ: «Сновидѣнiе, само себя истолковывающее». Сообщаемое имъ сновидѣнiе дѣвушки состоитъ изъ двухъ разновременныхъ сновидѣнiй одной и той же ночи; второе изъ нихъ закончилось поллюцiей. Это второе сновидѣнiе облегчило наиподробнѣйшiй анализъ почти безъ

участія самой дѣвушки, а многочисленныя точки соприкосновенія между обоими сновидѣніями дали возможность установить тотъ фактъ, что первое въ робкой формѣ изобразило то же, что второе, такъ что послѣднее, закончившееся поллюціей, послужило къ исчерпывающему истолкованію перваго. На этомъ примѣрѣ Ранкъ вполнѣ справедливо доказываетъ значеніе сновидѣній, сопровождающихся поллюціями, для теоріи сновидѣнія вообще].

Такая возможность истолковать ясность или расплывчатость сновидѣнія увѣренностью или сомнѣніемъ въ его матеріалѣ, имѣется на-лицо, на мой взглядъ, далеко не во всѣхъ случаяхъ. Ниже я приведу одинъ, до сихъ поръ не упомянутый еще факторъ образованія сновидѣній, отъ вліянія котораго въ значительной мѣрѣ зависитъ эта качественная скала сновидѣнія.

Въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ, изображающихъ какую-либо ситуацію или эпизодъ, наблюдаются перерывы, описываемые потомъ обычно слѣдующими словами: «Потомъ мнѣ вдругъ показалось, что это ужъ не та, а другая мѣстность, не то, а другое дѣйствіе» и т. д. То, что такимъ образомъ прерываетъ главное дѣйствіе сновидѣнія, которое спустя короткое время вновь продолжается, оказывается въ матеріалѣ придаточнымъ предложеніемъ, вводной мыслью. Условіе въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, изображается въ послѣднемъ при помощи одновременности (когда—тогда).

Что означаетъ столь часто испытываемое въ сновидѣніи ощущеніе связанности, очень близко соприкасающееся со страхомъ? Человѣкъ хочетъ итти и не можетъ сдвинуться съ мѣста; хочетъ что-то сдѣлать, но все время наталкивается на препятствія. Желѣзнодорожный поѣздъ двигается,—человѣкъ не можетъ поспѣть; онъ поднимаетъ руку, чтобы отомстить за оскорбленіе, но рука отказывается служить и пр. и пр. Мы встрѣчались съ этимъ ощущеніемъ при анализѣ эксгибиціонистскихъ сновидѣній, но не подошли еще вплотную къ ихъ разъясненію. Чрезвычайно легко, но и чрезвычайно недостаточно отвѣтить, что во снѣ имѣетъ мѣсто моторный параличъ, находящій себѣ выраженіе въ вышеуказанномъ ощущеніи. Въ такомъ случаѣ можно задаться вопросомъ, почему же намъ всегда не снятся такія ощущенія связанности; мы могли бы предположить, что ощущеніе это, связанное всегда съ состояніемъ сна, служитъ какимъ-либо цѣлямъ изображенія и про-

буждается лишь потребностью въ этомъ изображеніи, со стороны матеріала сновидѣнія.

«Невозможность довести до конца дѣло» проявляется въ сновидѣніи не всегда въ формѣ ощущенія, а иногда попросту и въ видѣ части содержанія самого сновидѣнія. Слѣдующій примѣръ я считаю особенно подходящимъ для уясненія значенія этого реквизита сновидѣнія. Я приведу его вкратцѣ; оно уличаетъ меня въ нечестности.

Мѣсто дѣйствія не то частная клиника, не то какое-то другое учрежденіе. Появляется служитель и зоветъ меня на «изслѣдованіе» (по нѣм. «Untersuchung» — и судебное слѣдствіе и медицинское изслѣдованіе). Я сознаю, что обнаружена какая-то пропажа и что «изслѣдованіе» вызвано подозрѣніемъ, что въ пропажѣ этой виновенъ я. Въ сознаніи своей невиновности, съ одной стороны, и своихъ врачебныхъ обязанностей, съ другой, я спокойно иду за служителемъ. У одной изъ дверей стоитъ другой служитель и говоритъ, указывая на меня: Что же вы привели его; вѣдь это порядочный человѣкъ. Я вхожу затѣмъ безъ служителя въ большой залъ, гдѣ стоитъ много машинъ; залъ этотъ напоминаетъ мнѣ, однако, адъ съ орудіями пытокъ. За одной изъ машинъ я вижу своего коллегу, который имѣлъ бы полное основаніе принять во мнѣ участіе; но онъ меня не замѣчаетъ. Я получаю возможность уйти. Но не нахожу своей шляпы и потому уйти не могу.

Сновидѣніе, очевидно, осуществляетъ желаніе, чтобы меня признали честнымъ человѣкомъ; въ мысляхъ имѣется, такимъ образомъ, всевозможный матеріалъ, противорѣчащій этому. То, что мнѣ позволяютъ уйти, является признакомъ моей невинности; если поэтому сновидѣніе въ концѣ своемъ изображаетъ препятствіе моему уходу, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ этомъ именно и находитъ свое выраженіе подавленный противорѣчащій матеріалъ. То, что я не нахожу шляпы, означаетъ, слѣдовательно: ты все же не честный человѣкъ. Невозможность что-либо сдѣлать въ сновидѣніи, представляетъ собою выраженіе противорѣчія, союзныхъ реченій «нѣтъ, не»; такимъ образомъ мы должны внести поправку въ наше утвержденіе, будто сновидѣніе не способно выразить эту логическую связь.

Въ другихъ сновидѣніяхъ, содержащихъ эту связанность движенія не только въ формѣ ощущенія, но и въ формѣ ситуаціи, то же противорѣчіе изображается рѣзче при помощи этого ощущенія, чѣмъ воля, которой противополагается другая. Ощущеніе связанности движенія представляетъ собой такимъ образомъ конфликтъ воли. Ниже мы увидимъ, что именно моторное паралитическое состояніе одно изъ основныхъ условій психическаго процесса, имѣющаго мѣсто во время сновидѣнія. Импульсъ, переданный на моторные пути, не что иное, какъ воля; то, что намъ во время сна этотъ импульсъ кажется парализованнымъ, и способствуетъ пригодности всего процесса къ изображенію желанія и «нѣтъ», противостоящаго ему. Изъ моего объясненія страха легко понять, что ощущеніе парализованной воли соприкасается со страхомъ и въ сновидѣніи очень часто соединяется съ нимъ. Страхъ—импульсъ, носящій характеръ влеченія; онъ исходитъ изъ безсознательнаго и парализуется предсознательнымъ. Гдѣ, такимъ образомъ, ощущеніе связанности соединяется въ сновидѣніи со страхомъ, тамъ рѣчь идетъ о желаніи, которое прежде могло развить влеченіе, т. е. о половомъ желаніи.

[Что означаетъ собою часто проявляющееся въ сновидѣніи сужденіе: «вѣдь это же только сновидѣніе» и какой психической силѣ слѣдуетъ его приписать, я скажу ниже. Соприкасающуюся съ этимъ интересную проблему того, что означаетъ, если часть сновидѣнія въ немъ самомъ кажется спящему сновидѣніемъ,—загадку «сновидѣнія въ сновидѣніи»—Штекель [114]) при помощи анализа нѣсколькихъ чрезвычайно доказательныхъ примѣровъ разрѣшилъ аналогичнымъ образомъ. «Сновидѣніе» въ сновидѣніи должно лишиться опять-таки своей цѣнности и реальности; то, что снится послѣ пробужденія отъ такого «сновидѣнія», желаніе, скрывающееся за дѣйствительнымъ сновидѣніемъ, стремится поставить на мѣсто уничтоженной реальности. Можно предположить, такимъ образомъ, что «сновидѣніе» въ сновидѣніи содержитъ изображеніе реальности, истинное воспоминаніе; дальнѣйшее же сновидѣніе — изображеніе лишь желаемаго спящимъ. Включеніе извѣстнаго содержанія въ «сновидѣніе» въ сновидѣніи соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, желанію, чтобы то, что кажется «сновидѣніемъ» въ дѣйствительности не произошло. Дѣятельность сновидѣнія пользуется «сновидѣніемъ» какъ, своего рода формой протеста.

d.) Отношеніе къ изобразительности.

До сихъ поръ мы занимались разсмотрѣніемъ того, какимъ образомъ сновидѣніе изображаетъ взаимоотношенія между мыслями, скрывающимися за нимъ, но при этомъ не разъ касались болѣе обширнаго вопроса, какія измѣненія претерпѣваетъ вообще матеріалъ сновидѣнія въ цѣляхъ его образованія. Мы знаемъ, что матеріалъ этотъ, лишившись большей части своихъ внутреннихъ взаимоотношеній, подвергается процессу сгущенія, между тѣмъ какъ одновременно процессъ передвиганія отдѣльныхъ его элементовъ вызываетъ психическую переоцѣнку всего матеріала. Передвиганіе же оказалось замѣщеніемъ одного представленія другимъ, такъ или иначе соотвѣтствующимъ ему по ассоціаціи; оно служитъ цѣлямъ сгущенія: вмѣсто двухъ элементовъ въ сновидѣніе включается одно среднее, общее. О другомъ родѣ передвиганія мы еще не упоминали. Изъ анализовъ ясно между тѣмъ, что таковое дѣйствительно имѣетъ мѣсто и обнаруживается въ замѣнѣ словеснаго выраженія мысли. Въ обоихъ случаяхъ передъ нами передвиганіе вдоль ассоціаціоннаго ряда, но одинъ и тотъ же процессъ совершается въ различныхъ психическихъ сферахъ. Результатомъ передвиганія перваго рода является то, что одинъ элементъ замѣщается другимъ, другого же рода,— что словесное выраженіе элемента замѣняется другимъ.

Этотъ второй родъ передвиганія, имѣющій мѣсто при образованіи сновидѣній, имѣетъ не только большой теоретическій интересъ: онъ чрезвычайно пригоденъ и для разъясненія той мнимой фантастической абсурдности, которою маскируется сновидѣніе. Передвиганіе совершается обычно такимъ образомъ что безцвѣтное и абстрактное выраженіе мысли, лежащей въ основѣ сновидѣнія, замѣняется болѣе пластичнымъ, конкретнымъ. Выгода, а тѣмъ самымъ и цѣль такой замѣны очевидны. Конкретное доступно для изображенія въ сновидѣніи, оно можетъ вылиться въ форму ситуаціи; абстрактное же выраженіе доставило бы изображенію въ сновидѣніи такія же приблизительно трудности, какъ, напримѣръ, политическая статья иллюстрированію ея въ газетѣ. Но отъ этой замѣны выигрываетъ не только изобразимость элемента, но и интересы процесса сгущенія и цензуры. Когда абстрактно выраженная мысль переводится на конкретный языкъ, то между этимъ новымъ ея выраженіемъ и остальнымъ матеріаломъ сновидѣнія легче находятся точки соприкосновенія, которыя необходимы сновидѣнію и которыхъ оно ищетъ: конкретныя выраженія въ

каждомъ языкѣ вслѣдствіе развитія его допускаютъ болѣе обширныя ассоціаціи, нежели абстрактныя. Можно представить себѣ, что большая часть промежуточной работы при образованіи сновидѣнія, которое старается свести отдѣльныя мысли къ возможно болѣе сжатымъ и единообразнымъ ихъ выраженіямъ, совершается именно такимъ образомъ, путемъ соотвѣтственнаго словеснаго преобразованія отдѣльныхъ мыслей. Мысль, выраженіе которой по какимъ-либо причинамъ не поддается измѣненію, окажетъ несомнѣнное вліяніе на выраженіе другой. Аналогично этому обстоитъ дѣло съ работой поэта. При сочиненіи стихотворенія, каждая послѣдующая строка его должна удовлетворять двумъ условіямъ; она должна содержать необходимый смыслъ, и словесное выраженіе этого смысла должно рифмоваться съ предыдущей строкой. Наилучшія стихотворенія безспорно тѣ, гдѣ стараніе подыскать риѳму незамѣтно, гдѣ обѣ мысли обоюднымъ воздѣйствіемъ сразу получили словесное выраженіе, которое при незначительной послѣдующей обработкѣ даетъ риѳму.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣна словеснаго выраженія способствуетъ процессу сгущенія еще болѣе краткимъ путемъ: находится выраженіе, которое будучи двусмысленнымъ, воплощаетъ собою не одну мысль. Роли, играемой словами въ образованіи сновидѣній, удивляться не приходится. Слово, какъ узловой пунктъ различныхъ представленій, можетъ воплощать собою самый различный смыслъ, и неврозы (навязчивыя представленія, фобіи) не менѣе используютъ выгоды, представляемыя словомъ для сгущенія и замаскированія, нежели сновидѣніе. То, что замаскировывающая дѣятельность сновидѣнія выигрываетъ при замѣнѣ словеснаго выраженія, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Замѣна двухъ словъ съ опредѣленнымъ смысломъ однимъ двусмысленнымъ чрезвычайно легко можетъ ввести въ заблужденіе; замѣна обыденнаго и простого выраженія фигуральнымъ останавливаетъ наше вниманіе, особенно еще потому, что сновидѣніе никогда не указываетъ, слѣдуетъ ли толковать его элементы въ прямомъ или въ переносномъ смыслѣ и искать ли соотвѣственныхъ имъ элементовъ въ матеріалѣ сновидѣнія непосредственно или при помощи обратной замѣны словесныхъ выраженій*). Я приводилъ уже нѣсколько примѣровъ сновидѣ-

*) [При толкованіи каждаго элемента сновидѣнія возникаетъ сомнѣніе:

а) слѣдуетъ ли брать его въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ (отношеніе противорѣчія);

ній, въ которыхъ двусмысленность выраженій играетъ видную роль («Ротъ все же открывается» въ сновидѣніи объ инъекціи Ирмѣ, «я все-таки не могу уйти» въ послѣднемъ моемъ сновидѣніи и т. д.). Сейчасъ я сообщу сновидѣніе, въ анализѣ котораго на первомъ планѣ стоитъ конкретизація абстрактной мысли. Различіе между такимъ толкованіемъ и толкованіемъ при помощи символики очевидно: при символическомъ толкованіи ключъ символизаціи избирается произвольно; при нашемъ же методѣ ключъ этотъ общеизвѣстенъ и дается общеупотребительными оборотами рѣчи. При наличности подходящей мысли сновидѣнія такого рода можно разрѣшать цѣликомъ или отчасти и безъ помощи самихъ субъектовъ.

Одной знакомой дамѣ приснилось: Она въ оперѣ. Даютъ Вагнера; представленіе затянулось до 3/48-го утра. Въ партерѣ разставлены столы; публика ѣстъ и пьетъ. За однимъ изъ столовъ сидитъ ея кузенъ, только что вернувшійся со свадебнаго путешествія, со своей молодой женой; вмѣстѣ съ ними какой-то аристократъ. Про послѣдняго говорятъ, что молодая женщина привезла его съ собой со свадебнаго путешествія,—все равно, какъ привозятъ съ собой шляпу. Посреди партера возвышается башня съ платформой наверху, окруженной желѣзной рѣшеткой. Тамъ стоитъ дирижеръ, напоминающій лицомъ Ганса Рихтера, онъ бѣгаетъ все время по платформѣ, страшно потѣетъ и управляетъ оркестромъ, расположеннымъ внизу у подножія башни. Сама она сидитъ съ подругой (тоже моей знакомой) въ ложѣ. Ея младшая сестра подаетъ ей изъ партера большой кусокъ угля и говоритъ, что она не знала, что такъ затянется и что она, навѣрное, очень озябла. (Какъ будто ложи

---

b) толковать ли его исторически (какъ воспоминаніе);

c) символически или же

d) толкованіе должно опираться на его словесное выраженіе. Несмотря на это, можно все же сказать, что, сновидѣніе, не имѣющее вовсе въ виду быть доступнымъ для пониманія, не представляетъ толкователю большихъ трудностей, чѣмъ, напримѣръ, древніе іероглифы ихъ читателямъ].

отапливаются во время долгаго представленія.)

Сновидѣніе хотя и безсмысленно, однако, въ общемъ довольно удачно изображаетъ ситуацію. Башня посреди театра, съ вершины которой дирижеръ управляетъ оркестромъ; и уголь, который подаетъ сестра! Я умышленно не потребовалъ отъ моей знакомой никакихъ поясняющихъ данныхъ; поверхностнаго знакомства съ жизнью ея мнѣ было достаточно для самостоятельнаго использованія отдѣльныхъ элементовъ ея сновидѣнія. Я зналъ, что она питала симпатію къ одному музыканту, карьера котораго преждевременно была прервана душевной болѣзнью. Я рѣшилъ взять башню въ партерѣ буквально и вывелъ заключеніе, что человѣкъ, котораго ей хотѣлось видѣть на мѣстѣ Ганса Рихтера, гораздо выше всѣхъ остальныхъ членовъ оркестра (по нѣмецки: Turm—башня, turmhoch überragen—быть выше другихъ въ переносномъ смыслѣ.) Эта «башня»—сложное представленіе: высотой своей она олицетворяетъ величіе этого человѣка, рѣшеткой же, за которой онъ бѣгаетъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, его дальнѣйшую участь.

Установивъ, такимъ образомъ, методъ изображенія въ данномъ сновидѣніи, можно попытаться раскрыть тѣмъ же ключемъ и вторую кажущуюся абсурдность: уголь, подаваемый ей сестрой. «Уголь» означаетъ «тайную любовь».

«Kein Feuer, keine Kohle,
Kann brennen so heiss,
Als wie heimliche Liebe
Von der niemand was weiss. *).

Она сама и подруга сидятъ въ ложѣ («засидѣлись въ старыхъ дѣвахъ»); ея младшая сестра, имѣющая еще шансы выйти замужъ, подаетъ ей уголь: «Она не знала, что такъ затянется». Что именно затянется, объ этомъ въ сновидѣніи не говорится; въ разсказѣ мы бы добавили: представленіе; въ сновидѣніи, однако, мы можемъ счесть эту фразу двусмысленной и добавить: «пока она выйдетъ замужъ». Толкованіе—«тайная любовь» подкрѣпляется тогда упоминаніемъ о кузенѣ, который сидитъ въ партерѣ съ женой, и о взведенномъ на послѣднюю обвиненіи въ открытой любовной связи съ аристократомъ. Противорѣчія между тайной и открытой любовью, между ея страстью и холодностью молодой женщины опредѣляютъ

*) «Ни огонь, ни уголь, не горятъ такъ жарко, какъ тайная любовь, о которой никто незнаетъ».

собой сновидѣніе. Тамъ, какъ и здѣсь, имѣется, однако, посредствующее среднее звено—«высокое положеніе»—между аристократомъ и музыкантомъ, подававшимъ большія надежды.

Наше изслѣдованіе обнаруживаетъ, такимъ образомъ, третій моментъ, участіе котораго въ превращеніи мысли, лежащей въ основѣ сновидѣнія, въ его содержаніе чрезвычайно велико и обширно: учитываніе изобразительности психическаго матеріала, которымъ пользуется сновидѣніе. Среди разнообразныхъ ассоціацій съ мыслями, лежащими въ основѣ сновидѣнія, избирается та, которая допускаетъ зрительное изображеніе, и сновидѣніе не останавливается ни передъ какими трудностями, чтобы преобразовать какую-либо абстрактную мысль въ другую словесную форму, даже самую необычную, лишь бы только она облегчила изображеніе и тѣмъ самымъ устранила бы психологическую ограниченность мышленія. Это переливаніе содержанія мысли въ другую форму можетъ быть использовано, однако, одновременно и процессомъ сгущенія и можетъ конструировать связь съ другой мыслью, которой бы въ противномъ случаѣ не было бы на-лицо. Эта другая мысль въ цѣляхъ облегченія этого процесса можетъ сама измѣнить предварительно свое первоначальное выраженіе.

Въ виду той роли, какую играютъ въ мышленіи интеллигентнаго человѣка поговорки, пословицы, цитаты и пѣсни, нѣтъ ничего удивительнаго, что превращенія такого рода очень часто используются въ цѣляхъ изображенія мысли, скрывающейся за сновидѣніемъ. Что означаютъ, напримѣръ, въ сновидѣніи повозки, нагруженныя каждая однимъ сортомъ овощей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ основѣ такого сновидѣнія лежитъ мысль о «безпорядкѣ»: эти повозки не что иное, какъ контрастъ фигуральной нѣмецкой поговоркѣ «Kraut und Rüben» («безпорядокъ, хаосъ»); я удивляюсь, почему это сновидѣніе было сообщено мнѣ всего одинъ разъ. Лишь для немногихъ объектовъ выработалась общепринятая символика, въ основѣ которой лежатъ общеизвѣстные обороты рѣчи. Добрую часть этой символики сновидѣніе раздѣляетъ, впрочемъ, съ психоневрозами, легендами и народными обычаями.

Присмотрѣвшись ближе, мы должны будемъ признать, что сновидѣніе не совершаетъ въ этомъ случаѣ ничего оригинальнаго. Для достиженія своихъ цѣлей, въ этомъ случаѣ для достиженія свободной отъ цензуры изобразительности, оно идетъ лишь по тому пути, который, проложенъ уже для него въ безсознательномъ мышленіи и избираетъ тѣ формы превращенія оттѣсненнаго матеріала, которыя въ качествѣ продуктовъ

остроумія могутъ быть восприняты и сознаніемъ и которыми преисполнены всѣ представленія невротиковъ. Здѣсь получаетъ неожиданное освѣщеніе толкованіе сновидѣній Шернера, зерно истины котораго я имѣлъ случай отмѣтить уже выше. Интересъ фантазіи къ собственному тѣлу субъекта отнюдь не свойствененъ исключительно сновидѣнію и даже не характеренъ для него. Мои анализы показали мнѣ, что это представляетъ собою обычное явленіе въ сознательномъ мышленіи невротиковъ и сводится къ половому любопытству, объектомъ котораго для юноши или дѣвушки служатъ половые органы другого или даже своего пола. Однако, какъ совершенно справедливо замѣчаютъ Шернеръ и Фолькельтъ, домъ—не единственный кругъ представленій, использовываемый для символизаціи тѣла субъекта,—какъ въ сновидѣніяхъ, такъ и въ безсознательныхъ фантазіяхъ невротиковъ. Я знаю паціентовъ, которые развиваютъ архитектоническую символику тѣла и половыхъ органовъ (половое любопытство вообще выходитъ вѣдь далеко за предѣлы внѣшней половой сферы), символику, въ которой колонны и стропила означаютъ ноги (какъ въ «Пѣснѣ пѣсней»), выхода—отверстія въ тѣлѣ, водопроводныя сооруженія—мочеиспускательный органъ и пр. Но столь же охотно избирается для сокрытія сексуальныхъ элементовъ кругъ представленій, относящихся къ растительному царству или кухнѣ. Въ первомъ случаѣ немалую роль играютъ обороты рѣчи и сравненія, дошедшія до насъ изъ глубокой древности («виноградникъ» господина, «сѣмя» и «садъ» дѣвушки въ «Пѣснѣ пѣсней»). Въ довольно невинной связи съ аттрибутами кухни мыслятся и грезятся самыя интимныя детали половой жизни, и симптоматика истеріи была бы совершенно непонятна, если бы мы не приняли во вниманіе, что сексуальная символика охотнѣе и чаще всего скрывается за наиболѣе повседневнымъ и заурляднымъ. Несомнѣнную сексуальную подкладку имѣетъ то, что невротическія дѣти не переносятъ вида крови и сырого мяса, что отъ яицъ и макаронъ у нихъ бываетъ рвота, что естественный для человѣка страхъ передъ змѣей достигаетъ у невротика преувеличеннаго масштаба; всюду, гдѣ неврозъ прибѣгаетъ къ такого рода сокрытіямъ, онъ идетъ по пути, по которому когда-то, въ ранніе культурные періоды, шло все человѣчество и о наличности котораго свидѣльствуютъ еще и сейчасъ нашъ языкъ, суевѣрія и обычаи.

Я привожу здѣсь подробно вышеупомянутое сновидѣніе моей паціентки, въ которомъ жирнымъ шрифтомъ выдѣляю все имѣющее сексуальный смыслъ. Прекрасное, на первый взглядъ

сновидѣніе совершенно перестало нравиться моей паціенткѣ послѣ его толкованія. а) Предварительное сновидѣніе: Она идетъ въ кухню къ двумъ служанкамъ и бранитъ ихъ за то, что онѣ не могутъ справиться «съ такими пустяками». Она видитъ въ кухнѣ на столѣ множество всевозможной посуды. Служанки идутъ за водой и должны для этого погрузиться въ рѣку, доходящую до дома или до двора.

Главная часть[1]): Она спускается внизъ[2]) и перелѣзаетъ черезъ какія-то странные ограды или заборы, сплетенные изъ сучьевъ въ видѣ небольшихъ квадратовъ[3]). Они, въ сущности, вовсе не приспособлены для лазанія: она все время ищетъ, куда ступить ей ногой и радуется, что нигдѣ не цѣпляется платьемъ и что имѣетъ все же приличный видъ[4]). Въ рукахъ[5]) у нея **большой сукъ**, похожій на цѣлое дерево: онъ густо усѣянъ **красными цвѣтами**, вѣтвистъ и великъ[6]). Она думаетъ почему-то о цвѣтахъ вишневаго дерева,— но нѣтъ, цвѣты похожи на махровыя **камеліи**, которыя, правда, на деревьяхъ не растутъ. Во время лазанія у нея сперва **одинъ** сукъ, потомъ **два** и затѣмъ опять **одинъ**[7]). Когда она добирается до низу, нижніе **цвѣты** уже почти всѣ **опали**. Внизу она видитъ слугу; у него въ рукахъ такой же сукъ и онъ его какъ бы «чешетъ» т. е. деревяшкой соскабливаетъ **густые пучки волосъ**, которыми онъ поросъ, точно мохомъ. Другіе рабочіе срубили нѣсколько такихъ **сучьевъ** въ **саду** и выбросили

---

1) Ея жизнь.

2) Высокое происхожденіе.

3) Сложный комплексъ, объединяющій два мѣста: чердакъ дома ея отца, гдѣ она играла съ братомъ, объектомъ ея позднѣйшихъ фантазій и дворъ дяди, который часто ее дразнилъ.

4) Желаніе, контрастирирующее реальному воспоминанію о дядиномъ домѣ, гдѣ она ночью, въ снѣ, часто сбрасывала съ себя одѣяло и обнажалась.

5) Какъ ангелъ—стебель лиліи.

6) Невинность, менструація, дама съ камеліями.

7) Соотвѣтственно нѣсколькимъ лицамъ, объектамъ ея фантазіи.

на улицу, гдѣ они **и лежатъ; прохожіе забираютъ ихъ съ собой.** Она спрашиваетъ, можно ли ей **взять** такой сукъ. Въ саду стоитъ **молодой человѣкъ** (совершенно незнакомый ей, чужой); она подходитъ къ нему и спрашиваетъ, какъ **пересадить** такіе сучья въ **ея собственный садъ***). Онъ обнимаетъ ее, но она сопротивляется и спрашиваетъ его, какое право имѣетъ онъ такъ съ ней поступать. Онъ говоритъ, что онъ вполнѣ вправѣ, что это дозволено**). Онъ заявляетъ ей о готовности пойти съ ней въ **другой садъ**, чтобы показать ей, какъ нужно пересаживать, и говоритъ ей что-то, чего она толкомъ не понимаетъ: мнѣ и такъ недостаетъ трехъ метровъ (впослѣдствіи она говоритъ: квадратныхъ метровъ) или трехъ клафтеровъ земли. Ей кажется, будто онъ потребуетъ у нея награды за любезность, будто онъ намѣренъ **вознаградить себя въ ея саду** или же **обойти** законъ, извлечь себѣ выгоду, не нанося ей ущерба. Показываетъ ли онъ ей потомъ что-нибудь, она не знаетъ.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ кругѣ представленій, который какъ въ сновидѣніяхъ, такъ и въ неврозѣ весьма часто служитъ для сокрытія сексуальнаго содержанія. Я разумѣю здѣсь «перемѣну квартиры»: «мѣнять квартиру» замѣщается съ легкостью «мѣнять платье», т. е. приводитъ къ кругу представленій «одежды».

У меня матеріалъ для иллюстраціи этого положенія имѣется въ изобиліи, но сообщеніе его завлекло бы насъ слишкомъ въ глубь изслѣдованія невроза. Все вышеизложенное приводитъ насъ къ заключенію, что сновидѣніе не предполагаетъ никакой особой символизирующей дѣятельности души, а пользуется символикой, имѣющейся уже въ готовомъ видѣ въ безсознательномъ мышленіи, такъ какъ она въ виду своей изобразительности, а зачастую и благодаря свободѣ отъ цензуры наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ образованія сновидѣній.

---

*) Сукъ, сучокъ издавна служитъ символомъ penis'a.

**) Относится къ предосторожностямъ въ брачной жизни.

e.) Примѣры.—Счетъ и рѣчь въ сновидѣнiи.

Прежде, чѣмъ перейти къ установленiю четвертаго момента, обусловливающаго образованiе сновидѣнiй, я считаю нужнымъ привести нѣсколько примѣровъ изъ своей коллекцiи, которые могутъ отчасти освѣтить совмѣстное воздѣйствiе трехъ уже намъ знакомыхъ моментовъ, отчасти же привести доказательства въ пользу выставленныхъ нами положенiй или же вывести изъ нихъ естественныя послѣдствiя. Въ предшествующемъ изслѣдованiи мнѣ было довольно трудно подкрѣплять свои выводы примѣрами. Примѣры въ пользу отдѣльныхъ положенiй доказательны лишь въ связи съ исчерпывающимъ толкованiемъ сновидѣнiй; вырванные изъ общей связи, они утрачиваютъ свою красоту, а болѣе или менѣе исчерпывающее толкованiе настолько всегда обширно, что теряются нити изложенiя, иллюстрацiи котораго оно служитъ. Этотъ техническiй мотивъ долженъ послужить оправданiемъ тому, что я обращу сейчасъ вниманiе читателя на то, что объединяется между собой лишь своей связью съ текстомъ предшествующáго изложенiя.

Прежде всего нѣсколько примѣровъ своеобразныхъ или необычныхъ способовъ выраженiя въ сновидѣнiяхъ.

Сновидѣнiе одной дамы: На лѣстницѣ стоитъ служанка и моетъ окно. Въ рукахъ у нея шимпанзе и горилла. Она бросаетъ животныхъ на спящую. Шимпанзе ластится къ ней; это очень противно. Это сновидѣнiе достигло своей цѣли при помощи чрезвычайно простого средства, взявъ въ буквальномъ смыслѣ общеупотребительный оборотъ рѣчи и въ этой формѣ изобразивъ его. «Обезьяна» и вообще названiя животныхъ—ругательства, и ситуацiя сновидѣнiя означаетъ не что иное, какъ «кидаться бранными словами» (по-нѣмецки общеупотребительное выраженiе: «mit Schimpfworten um sich werfen»).

Аналогично поступаетъ и другое сновидѣнiе: Женщина съ ребенкомъ на рукахъ; у ребенка голова отъ рожденiя странной, уродливой формы. Врачъ говоритъ, что форму головы можно исправить, но что это повредитъ мозгъ. Она думаетъ: это вѣдь мальчикъ, для него это уже не такая бѣда.

Сновидѣнiе это содержитъ пластическое изображенiе абстрактнаго понятiя «Kindereindrücke», слышаннаго пацiенткой

во время анализа. (Тутъ непереводимая игра словъ: Kindereindrücke—впечатлѣнія дѣтства, слово Eindrücke одного корня съ Druck, eingedrückt—давленіе, вдавленный. *Прим. пер.)*

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разговорная рѣчь облегчаетъ сновидѣнію изображеніе мыслей, располагая цѣлымъ рядомъ словъ, которыя первоначально понимались образно и конкретно, сейчасъ же употребляются въ переносномъ, абстрактномъ смыслѣ. Сновидѣнію достаточно тогда лишь вернуть словамъ ихъ прежнее значеніе. Кому-нибудь снится, напримѣръ, что его братъ сидитъ въ ящикѣ (Kasten); при толкованіи ящикъ легко замѣняется шкафомъ (Schrank), и мысль, лежащая въ основѣ сновидѣнія гласитъ, что этотъ братъ долженъ «sich einschränken». (Опять непереводимая игра словъ: «sich einschränken»—ограничивать себя, быть скромнымъ—одного корня со словомъ «Schrank»—шкафъ. *Пр. пер.)*

Было бы чрезвычайно интересно собрать во-едино эти способы выраженія и расположить ихъ по принципамъ, лежащимъ въ ихъ основѣ. [Нѣкоторые изъ этихъ способовъ положительно остроумны. Испытываешь впечатлѣніе, будто самому никогда не удалось бы раскрыть истинный смыслъ, если бы грезящій самъ не далъ разъясненія.

1. Одному человѣку снится, что его спрашиваютъ его имя, но онъ его не можетъ припомнить. Онъ самъ говоритъ, что это значитъ: Es fällt mir nicht im Traume ein—мнѣ и во снѣ это не снилось. (Только буквальный переводъ нѣмецкаго выраженія можетъ быть поставленъ въ связь съ сновидѣніемъ: «мнѣ и во снѣ не пришло въ голову». *Прим. пер.)*

2. Одна паціентка сообщаетъ сновидѣніе, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица необычайно высокаго роста. Это значитъ, говоритъ она, что рѣчь идетъ о какомъ-либо эпизодѣ моего ранняго дѣтства, такъ какъ тогда всѣ взрослые казались мнѣ понятно, страшно высокими. Сама она въ сновидѣніи не участвуетъ.

Перенесеніе въ сферу дѣтства въ другихъ сновидѣніяхъ изображается еще и иначе, при помощи замѣщенія временной отдаленности пространственной. Лица и ландшафты представляются видимыми издалека, точно въ концѣ длинной дороги или точно разсматриваемые въ перевернутый бинокль.

3. Субъекту, склонному въ бодрственной жизни къ абстрактнымъ формамъ выраженія, приснилось однажды, что онъ стоитъ на перронѣ въ ожиданіи прихода поѣзда. Неожиданно, однако, картина мѣняется: не поѣздъ приближается къ перрону, а, на-

оборотъ, послѣдній двигается къ поѣзду. Эта деталь, не что иное, какъ указаніе на то, что въ содержаніи сновидѣнія «переворачиванію» должно быть подвергнуто нѣчто другое. Анализъ этого сновидѣнія приводитъ къ воспоминаніямъ о дѣтской книжкѣ съ картинками, на которыхъ были изображены люди, ходящіе вверхъ ногами.

4. Тотъ же субъектъ сообщаетъ еще одно сновидѣніе, по техникѣ своей напоминающее ребусъ. Его дядя цѣлуетъ его въ автомобилѣ. Субъектъ самъ даетъ толкованіе, которое мнѣ никогда не пришло бы въ голову: это значитъ автоэротизмъ.]

Сновидѣніе при помощи самыхъ отдаленныхъ ассоціацій оперируетъ иногда даже съ такимъ тяжеловѣснымъ матеріаломъ, какъ собственныя имена. Мнѣ снится однажды, что я по указанію моего учителя изготовляю какой-то препаратъ и мнѣ приходится имѣть дѣло съ серебряной фольгой. (Подробнѣе объ этомъ сновидѣніи ниже). Толкованіе показываетъ слѣдующее: «Stanniol» (фольга) напоминаетъ мнѣ имя ученаго Stannius'a, перу котораго принадлежитъ извѣстное изслѣдованіе о нервной системѣ у рыбъ. Первой научной задачей, заданной мнѣ учителемъ, было дѣйствительно описаніе нервной системы одного вида рыбъ.

Я не могу отказаться отъ сообщенія еще одного сновидѣнія съ довольно своеобразнымъ содержаніемъ, которое интересно, какъ дѣтское сновидѣніе и которое чрезвычайно легко поддается анализу. Одна дама сообщаетъ: я помню, что въ дѣтствѣ мнѣ часто снилось, будто бы я ношу на головѣ заостренную шапку изъ бумаги. Такую шапку мнѣ часто одѣвали за обѣдомъ, чтобы я не могла засматривать въ тарелки другихъ дѣтей, сколько они получили вкуснаго кушанія. Такъ какъ я слышала, что Богъ всевѣдущъ, то мое сновидѣніе означаетъ, что и я знаю все, несмотря на надѣтую на меня шапку изъ бумаги.

Въ чемъ заключается дѣятельность сновидѣнія и какъ обращается оно со своимъ матеріаломъ, мыслями, можно чрезвычайно наглядно видѣть на цифрахъ и ариѳметическихъ выкладкахъ, нерѣдко встрѣчающихся въ сновидѣніяхъ.

I. Изъ сновидѣнія одной дамы, незадолго до окончанія ея лѣченія:

Она собирается за что-то заплатить; дочь вынимаетъ у нея изъ кошелька *3 гульд. 65 кр.*, но она говоритъ: Что ты дѣлаешь? Вѣдь это стоитъ всего *21 кр.* Этотъ отрывокъ сновидѣнія

сталъ мнѣ понятенъ, благодаря знакомству съ условіями ея жизни, безъ всякаго разъясненія съ ея стороны. Дама эта была пріѣзжая; она помѣстила свою дочь въ одинъ изъ вѣнскихъ пансіоновъ и могла лечиться у меня лишь до тѣхъ поръ, пока дочь будетъ въ Вѣнѣ. Черезъ три недѣли у дочери кончались занятія, а вмѣстѣ съ ними должно было закончиться и леченіе. Наканунѣ сновидѣнія начальница пансіона уговаривала ее оставить дѣвочку еще на годъ. Про себя она придала этому разговору тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ она сумѣетъ продлить на годъ и мое леченіе. Непосредственно сюда относится и сновидѣніе, такъ какъ въ году *365* дней, а въ трехъ недѣляхъ, остающихся до конца занятій и леченія, *21* день. Цифры, означавшія въ мысляхъ время, относятся въ сновидѣніи къ деньгамъ: не подлежитъ сомнѣнію, что это превращеніе имѣетъ свой глубокій смыслъ въ связи съ поговоркой: в р е м я — д е н ь г и. 365 крейцеровъ = 3 гульд. 65 кр. Незначительность этихъ суммъ представляетъ собою вполнѣ очевидное осуществленіе желанія; желаніе преуменьшило стоимость леченія и пребыванія дочери въ пансіонѣ.

II. Болѣе сложную связь обнаруживаютъ цифры въ другомъ сновидѣніи. Одна молодая дама, которая, однако, уже давно замужемъ, узнаетъ, что ея знакомая, Элиза Л., ея ровесница, только что обручилась. Вслѣдъ за этимъ ей снится: О н а с и д и т ъ с ъ м у ж е м ъ в ъ т е а т р ѣ, о д н а с т о р о н а п а р т е р а с о в е р ш е н н о п у с т а я. М у ж ъ р а з с к а з ы в а е т ъ е й, ч т о с ъ н и м и в м ѣ с т ѣ х о т ѣ л и п о й т и Э л и з а Л. и е я ж е н и х ъ, н о ч т о о н и д о с т а л и т о л ь к о п л о х і я м ѣ с т а, *3* по *1 гул. 50 кр.*; Т а к и х ъ м ѣ с т ъ о н и, к о н е ч н о, б р а т ь н е з а х о т ѣ л и. О н а о т в ѣ ч а е т ъ, ч т о о с о б о й б ѣ д ы и м ъ б ы о т ъ э т о г о н е б ы л о.

Откуда эти *1 гул. 50 кр.*? Изъ довольно индифферентнаго впечатлѣнія предыдущаго дня. Ея невѣстка получила отъ своего мужа въ подарокъ 150 гул. и поторопилась поскорѣе ихъ истратить, купивъ себѣ какое-то украшеніе. Замѣтимъ себѣ, что 150 гул. въ *100* разъ больше 1 гул. 50 кр. Откуда же цифра *3*, три мѣста? Ее можно сопоставить лишь съ тѣмъ, что Элиза Л. моложе ея на т р и мѣсяца. Толкованію сновидѣнію помогаетъ затѣмъ та его деталь, что одна сторона партера въ театрѣ пустая. Это точное воспроизведеніе незначительнаго эпизода, давшаго ея мужу поводъ ее подразнить. Дѣло въ томъ, что ей очень хотѣлось попасть на одинъ спектакль, и она

запаслась билетами за нѣсколько дней, за что и заплатила за нихъ нѣсколько больше. Когда они затѣмъ явились въ театръ, то увидѣли, что добрая половина мѣстъ не занята. Ей вовсе не нужно было т а к ъ т о р о п и т ь с я.

Постараюсь замѣнить теперь сновидѣніе мыслями, скрывающимися за нимъ: «Какъ б е з с м ы с л е н н о было выходить рано замужъ. Мнѣ н е ч е г о б ы л о т а к ъ т о р о п и т ь с я; на примѣрѣ Элизы Л. я вижу, что я всегда нашла бы себѣ мужа,—и пожалуй въ с т о р а з ъ лучше (мужа, украшеніе), если бы только п о д о ж д а л а (въ противоположность къ п о с п ѣ ш н о с т и невѣстки). Т р е х ъ такихъ мужей я бы купила за деньги (приданое)»!—Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ этомъ сновидѣніи числа въ значительно большей степени сохранили свое значеніе и внутреннюю связь, чѣмъ въ предыдущемъ. Между тѣмъ процессы превращенія и искаженія были здѣсь значительно сложнѣе, что объясняется тѣмъ, что мыслямъ до своего изображенія пришлось преодолѣть значительную долю внутрипсихическаго сопротивленія. Не забудемъ и того, что въ этомъ сновидѣніи содержится абсурдный элементъ: двое людей хотятъ купить себѣ 3 билета. Мы разъяснимъ эту абсурдность, если замѣтимъ, что эта деталь содержанія сновидѣнія изображаетъ наиболѣе рельефную мысль: «Какъ б е з с м ы с л е н н о было такъ рано выходить замужъ!» Число 3, характеризующее сравненіе двухъ лицъ (3 мѣсяца разницы въ возрастѣ) чрезвычайно искусно было использовано сновидѣніемъ для созданія необходимаго ему а б с у р д а. Уменьшеніе реальныхъ 150 гул. до 1 гул. 50 фл. соотвѣтствуетъ ничтожной доли уваженія къ мужу (или оцѣнки купленнаго невѣстой украшенія) въ подавленныхъ мысляхъ грезившей.

III. Слѣдующее сновидѣніе даетъ намъ наглядный примѣръ ариѳметическихъ способностей сновидѣнія. Одному господину снится: О н ъ с и д и т ъ у Б. (с в о и х ъ б л и з к и х ъ з н а к о м ы х ъ) и г о в о р и т ъ: К а к ъ б е з с м ы с л е н н о, ч т о в ы н е в ы д а л и з а м е н я М а л л и. В с л ѣ д ъ з а э т и м ъ о н ъ с п р а ш и в а е т ъ д ѣ в у ш к у: С к о л ь к о в а м ъ л ѣ т ъ? О н а о т в ѣ ч а е т ъ: Я р о д и л а с ь в ъ *1882* г.—Ахъ, такъ вамъ *28* лѣтъ.

Такъ какъ сновидѣніе относится къ 1898 г., то ясно, что счетъ невѣренъ; математическія способности грезящаго оставляли бы желать большаго, если бы ошибка его не разъяснилась совершенно иначе. Мой паціентъ изъ числа тѣхъ, кто не пропускаетъ равнодушно ни одной женщины. Во время его ви-

зитовъ ко мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдующая за ними очередь была всегда за одной молодой дамой; онъ интересовался ею и спрашивалъ меня о ней. Ей-то онъ и давалъ на видъ *28* лѣтъ. Таково вполнѣ вѣроятное объясненіе ариѳметической ошибки, допущенной имъ въ сновидѣніи. *1882* годъ—годъ его женитьбы.

[IV. Еще одно «математическое» сновидѣніе, отличающееся чрезвычайно прозрачнымъ детерминированіемъ, сообщено мнѣ вмѣстѣ съ его толкованіемъ, г. Б. Даттнеромъ.

«Моему хозяину, шутцману, снится, что онъ стоитъ на посту. Къ нему подходитъ инспекторъ, на воротникѣ мундира котораго имѣется цифра 2262 или 2226,—во всякомъ случаѣ въ этой цифрѣ нѣсколько двоекъ. Разложеніе числа 2262 при передачѣ сновидѣнія указываетъ на то, что составныя его части имѣютъ каждая свое особое значеніе. Грезившій вспоминаетъ, что вчера вмѣстѣ съ коллегами онъ бесѣдовалъ о продолжительности ихъ службы. Поводомъ къ разговору послужилъ ихъ бывшій инспекторъ, вышедшій на 62-омъ году въ отставку съ полной пенсіей. Самъ онъ служитъ 22 года и ему остается 2 г. и 2 мѣс. до полученія 90% пенсіи. Сновидѣніе содержитъ осуществленіе его желанія получить чинъ инспектора. Начальникъ съ цифрой 2262—онъ самъ, онъ отслужилъ 2 г. 2 мѣс. и теперь, какъ его 62-лѣтій инспекторъ, можетъ выйти въ отставку съ полной пенсіей].

Сопоставивъ эти и аналогичные (см. ниже) примѣры, мы имѣемъ основаніе сказать: сновидѣніе не занимается математическими выкладками, оно не считаетъ,—ни правильно, ни неправильно; оно располагаетъ лишь въ формѣ ариѳметическихъ дѣйствій числа, которыя имѣются въ мысляхъ, скрывающихся за нимъ, и могутъ служить намеками и указаніями на неподдающійся изображенію матеріалъ. Оно пользуется при этомъ числами, какъ матеріаломъ для осуществленія своихъ намѣреній, точно такимъ же образомъ, какъ всѣми другими представленіями, какъ собственными именами и даже діалогами.

Сновидѣніе не можетъ создавать новыхъ діалоговъ. поскольку послѣдніе встрѣчаются въ сновидѣніяхъ, безразлично, осмысленныхъ или абсурдныхъ,—анализъ всякій разъ показываетъ намъ, что сновидѣніе заимствуетъ изъ мыслей, скрывающихся за нимъ, лишь отрывки дѣйствительно веденныхъ или слышанныхъ разговоровъ и поступаетъ съ ними по своему произволу Оно не только вырываетъ ихъ изъ общей связи, дробитъ на болѣе мелкія части, беретъ одну часть и отстраняетъ другую,

но создаетъ новыя соединенія ихъ, такъ что на первый взглядъ вполнѣ связный діалогъ въ сновидѣніи распадается при анализѣ на три—четыре отрывка. При этомъ преобразованіи сновидѣніе часто отбрасываетъ смыслъ, который имѣли слова въ мысляхъ, лежащихъ въ его основѣ, и придаетъ имъ совершенно другой; при болѣе близкомъ разсмотрѣніи діалога въ сновидѣніи можно различить ясные, отчетливые отрывки, которые служатъ для связи и, по всей вѣроятности, были заполнены, все равно, какъ при чтеніи мы заполняемъ пропущенные слоги или буквы. Діалогъ въ сновидѣніи имѣетъ структуру брекчіи, въ которой крупные обломки различнаго матеріала связуются окаменѣвшей промежуточной массой.

Вполнѣ справедливо это, впрочемъ, лишь по отношенію къ тѣмъ разговорамъ въ сновидѣніи, которые носятъ извѣстный чувственный характеръ діалога и описываются именно, какъ «разговоры». Другіе же, съ которыми не связано ощущеніе «сказаннаго» или «слышаннаго» (которые не сопровождаются акустическими или моторными ощущеніями въ сновидѣніи), представляютъ собой попросту мысли, содержащіяся въ нашемъ бодрственномъ мышленіи и переходящія въ неизмѣненномъ видѣ въ многія сновидѣнія. Для индифферентнаго разговорнаго матеріала въ сновидѣніи обильнымъ источникомъ служитъ, повидимому, также и чтеніе; прослѣдить это, однако, довольно трудно. Все, однако, имѣющее въ сновидѣніи вполнѣ отчетливыя формы рѣчи, діалога, разговора, поддается сведенію къ реальной, произнесенной или слышанной рѣчи.

Съ примѣрами этого мы уже сталкивались при анализѣ сновидѣній, сообщенныхъ нами по другимъ поводамъ. Такъ, въ «невинномъ» сновидѣніи о покупкѣ на базарѣ, въ которомъ фраза: «Этого нѣтъ больше» служитъ для отождествленія съ мясникомъ, между тѣмъ какъ отрывокъ другой фразы: «Этого я не знаю и не возьму!—выполняетъ задачу приданія сновидѣнію «невиннаго» характера. Грезившая наканунѣ отвѣтила кухаркѣ на какую-то дерзость съ ея стороны: этого я не знаю,—ведите себя прилично!—и перенесла изъ этой фразы въ сновидѣніе первую индифферентную часть, чтобы намекнуть ею на послѣдующую, которая хотя и вполнѣ соотвѣтствовала фантазіи, лежавшей въ основѣ сновидѣнія, но тотчасъ же разоблачила бы ее.

Вотъ еще одинъ примѣръ,—вмѣсто цѣлаго ряда, которые дали бы все равно тождественные результаты.

Большой дворъ, на которомъ сжигаются

трупы. Онъ говоритъ: я уйду, я не могу на это смотрѣть. (Эта фраза запомнилась неотчетливо). Вслѣдъ за этимъ онъ встрѣчаетъ двухъ мальчиковъ изъ мясной лавки и спрашиваетъ: «Ну, что, было вкусно? Одинъ отвѣчаетъ: Ну, не особенно. Какъ будто это было человѣческое мясо.

Невинный поводъ къ этому сновидѣнію слѣдующій.—Наканунѣ вечеромъ послѣ ужина онъ вмѣстѣ съ женой былъ въ гостяхъ у своихъ симпатичныхъ, но очень нечистоплотныхъ («неаппетитныхъ») сосѣдей. Гостепріимная хозяйка сидѣла какъ разъ за ужиномъ и стала настаивать, чтобы онъ тоже что-нибудь скушалъ. Онъ отказывался, онъ уже сытъ: «Ахъ, идите, немножко вы можете съѣсть!» Онъ долженъ былъ попробовать блюдо и изъ вѣжливости похвалилъ его. «Ахъ, какъ вкусно!» Оставшись наединѣ съ женой, онъ сталъ возмущаться навязчивостью сосѣдки, а также и тѣмъ, что блюдо было очень невкусно. «Я не могу этого видѣть»—фраза, чрезвычайно смутная и въ сновидѣніи, представляетъ собою попросту мысль, относящуюся къ внѣшности надоѣдливой хозяйки.

Болѣе поучителенъ анализъ другого сновидѣнія, которое я сообщаю здѣсь въ виду чрезвычайно отчетливаго разговора, образующаго его центральный пунктъ, но которое я подвергну детальному толкованію лишь при выясненіи роли аффектовъ въ сновидѣніи. Мнѣ снится очень отчетливо: Я отправляюсь ночью въ лабораторію проф. Брюке и въ отвѣтъ на легкій стукъ открываю дверь (покойному) профессору Флейшлю, который входитъ съ нѣсколькими незнакомыми мнѣ людьми и, сказавъ что-то, садится за свой столъ. За этимъ сновидѣніемъ непосредственно послѣдовало другое: Мой другъ Ф. пріѣхалъ случайно въ іюлѣ въ Вѣну; я встрѣчаю его на улицѣ вмѣстѣ съ моимъ (покойнымъ) другомъ П. и иду съ ними куда-то, гдѣ они садятся за маленькій столикъ другъ противъ друга; я же сижу посрединѣ за узкой сторонкой столика. Ф. разсказываетъ о своей сестрѣ и говоритъ: Черезъ три четверти часа ее не стало,—и потомъ добавляетъ, что-то вродѣ: Вотъ предѣлъ. Такъ какъ П. его понимаетъ, то Ф. обращаетсяко мнѣ и спрашиваетъ, что именно разсказалъ о немъ

П. Въ отвѣтъ на это я, охваченный какимъ-то страннымъ аффектомъ, хочу сказать Ф., что П. (неможетъ знать ничего, потому что его вообще) нѣтъ въ живыхъ, Но говорю, самъ замѣчая свою ошибку: Non vixit. Я смотрю при этомъ пристально на П.; онъ блѣднѣетъ, глаза становятся болѣзненно синими,—наконецъ, онъ исчезаетъ. Я безконечно радъ этому и понимаю, что и Эрнстъ Флейшль былъ лишь видѣніемъ; мнѣ кажется вполнѣ возможнымъ, что такое лицо существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока этого хочешь; и что оно можетъ быть устранено произвольнымъ желаніемъ другого.

Это любопытное сновидѣніе содержитъ въ себѣ чрезвычайно загадочныя черты: критику во время сновидѣнія; то, что я самъ замѣчаю свою ошибку, говоря вмѣсто «non vivit»—«non vixit»; непосредственнное общеніе съ умершими,—я самъ сознаю въ сновидѣніи, что ихъ нѣтъ въ живыхъ; абсурдность конечнаго вывода и, наконецъ, чувство удовлетворенія, которое вызываетъ во мнѣ послѣдній. Мнѣ очень хотѣлось бы сообщить разгадку всѣхъ этихъ таинственныхъ элементовъ. Я не могу, однако, этого сдѣлать,—хотя въ сновидѣніи и дѣлаю это—и въ жертву своему честолюбію принести память столь дорогихъ мнѣ людей. Всякая замаскировка показала бы, однако, дѣйствительный смыслъ этого сновидѣнія. Поэтому я ограничусь сперва здѣсь, а потомъ и впослѣдствіи истолкованіемъ лишь отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнія.

Центромъ сновидѣнія служитъ та сцена, когда я своимъ взглядомъ уничтожаю своего друга П. Его глаза отливаютъ при этомъ какой-то странной, жуткой синевой; потомъ онъ исчезаетъ. Эта сцена представляетъ собою весьма отчетливую копію пережитаго мною въ дѣйствительности. Я былъ демонстраторомъ въ физіологическомъ институтѣ и долженъ былъ являться туда рано утромъ къ началу занятій. Узнавъ, что я нѣсколько разъ опоздалъ въ лабораторію, Брюке явился туда пунктуально и подождалъ меня. Когда я явился, онъ холодно и строго прочелъ мнѣ нотацію. Дѣло не въ словахъ, а въ томъ взглядѣ, съ которымъ были обращены на меня его страшные синіе глаза и предъ которымъ я «стушевался»—исчезъ, какъ въ сновидѣніи П., съ которымъ я помѣнялся ролями. Кто пом-

нитъ изумительные глаза великаго ученаго, силу которыхъ онъ сохранилъ до глубокой старости, и кто видѣлъ его когда-нибудь раздраженнымъ, тотъ легко пойметъ чувство, охватившее меня, молодого человѣка.

Мнѣ долго не удавалось, однако, выяснить происхожденіе моей фразы: «N o n v i x i t», которою я въ сновидѣніи свершаю свое правосудіе; наконецъ, я понялъ, что два эти слова были потому такъ отчетливы въ сновидѣніи, что я ихъ въ дѣйствительности не говорилъ и не слышалъ, а в и д ѣ л ъ. Тутъ я тотчасъ же вспомнилъ, откуда они. На пьедесталѣ памятника императору Іосифу въ Гофбургѣ высѣчены прекрасныя слова:

Saluti patriae v i x i t
n o n diu sed totus.

Изъ этой надписи я взялъ то, что соотвѣтствовало враждебному элементу въ мысляхъ, скрывавшихся за моимъ сновидѣніемъ, и что должно было означать: Ему нечего говорить, его нѣтъ въ живыхъ. Тутъ я вспомнилъ, что все это приснилось мнѣ нѣсколько дней спустя послѣ открытія памятника Ф л е й ш л ю въ университетскомъ паркѣ; послѣ открытія я осматривалъ тамъ же памятникъ Б р ю к е и (безсознательно) пожалѣлъ, по всей вѣроятности, о томъ, что мой высокоодаренный и всей душой преданный наукѣ другъ П. благодаря своей преждевременной кончинѣ утратилъ право на такой же памятникъ. Такой памятникъ я воздвигъ ему въ сновидѣніи; моего друга П. звали Іосифомъ *).

По правиламъ толкованія сновидѣнія я все еще не имѣю основанія замѣнять нужное мнѣ «n o n v i v i t» фразой «n o n v i x i t», сохранившейся въ моемъ воспоминаніи о памятникѣ императору Іосифу. Эта замѣна была вызвана, очевидно, подъ вліяніемъ другого элемента мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. Что-то заставляетъ меня обратить вниманіе на то, что въ сновидѣніи я питаю къ своему другу П. одновременно и враждебное и дружелюбное чувство; первое проходитъ въ сновидѣніи поверхностно, второе же въ скрытомъ видѣ, но оба находятъ свое выраженіе въ словахъ: n o n v i x i t. За то, что онъ оказалъ услуги наукѣ, я воздвигаю ему памятникъ; но за то, что онъ возымѣлъ злое желаніе (выраженное въ концѣ сно-

*) Еще одна любопытная деталь: въ отвѣтъ на упреки Б р ю к е, я сталъ оправдываться тѣмъ, что мнѣ очень далеко приходится ходить: съ улицы и м п е р а т о р а І о с и ф а на Верингерштрассе.

видѣнія), я уничтожаю его. Я образовалъ тутъ своеобразно звучащую фразу; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что я руководствовался при этомъ какимъ-нибудь примѣромъ. Гдѣ же встрѣчается, однако, аналогичная антитеза, аналогичное скрещиваніе двухъ противоположныхъ чувствъ по отношенію къ одному и тому же лицу, чувствъ, которыя оба претендуютъ на свою обоснованность и всё же при этомъ не хотятъ мѣшать другъ другу? Въ единственномъ мѣстѣ, навсегда запечатлѣвающемся въ памяти читателя: въ оправдательной рѣчи Брута въ «Юліи Цезарѣ» Шекспира: «Цезарь любилъ меня, и я плачу по немъ; онъ былъ счастливъ, и я радуюсь этому; онъ былъ храбръ, и я чту его; но онъ былъ властолюбивъ, и я убилъ его». Развѣ не видимъ мы тутъ антитезы, аналогичной той, которую мы раскрыли въ мысляхъ, лежащихъ въ основѣ моего сновидѣнія? Такимъ образомъ, я играю въ послѣднемъ роль Брута. Вотъ только, если бы найти въ содержаніи сновидѣнія еще какой-либо доказательный слѣдъ этого страннаго сопоставленія! Мнѣ кажется, я имѣю право высказать слѣдующее предположеніе: мой другъ Ф. пріѣзжаетъ въ іюлѣ. Эта деталь не имѣетъ никакого соотвѣтствія въ дѣйствительности. Мой другъ, насколько мнѣ извѣстно, никогда въ іюлѣ въ Вѣнѣ не былъ. Но мѣсяцъ іюль названъ по имени Юлія Цезаря и можетъ служить поэтому съ полнымъ основаніемъ связующимъ звеномъ съ мыслью, что я играю роль Брута.

Какъ это ни странно, но я дѣйствительно однажды игралъ роль Брута. Вмѣстѣ съ моимъ племянникомъ, мальчикомъ всего на годъ моложе меня, я въ возрастѣ 14 лѣтъ разыгралъ сцену между Брутомъ и Цезаремъ. Племянникъ этотъ пріѣхалъ къ намъ въ то время изъ Англіи. Онъ воскресилъ въ моей памяти игры нашего ранняго дѣтства. До трехъ лѣтъ мы были съ нимъ неразлучны, любили другъ друга, и эта дружба оказала свое несомнѣнное вліяніе,—какъ мнѣ пришлось уже разъ упоминать,—на всѣ мои позднѣйшія отношенія къ сверстникамъ. Мой племянникъ Джонъ претерпѣлъ съ тѣхъ поръ много перевоплощеній, которыя воскрешали то ту, то другую сторону его существа, неизгладимо запечатлѣвшагося въ моей безсознательной памяти. По всей вѣроятности, онъ нерѣдко злоупотреблялъ нашей дружбой, а я, со своей стороны, тоже отваживался возставать противъ своего тиранна, такъ какъ мнѣ часто потомъ разсказывали, что на вопросъ отца—его дѣда: Почему ты поколотилъ Джона?, я отвѣтилъ: Я поколотилъ его, потому что онъ меня поколотилъ. («Ich habe ihn geschlagt, weil er

mich geschlagt hat»); этотъ эпизодъ дѣтства и объясняетъ замѣну non vivit фразой non vixit, такъ какъ на языкѣ дѣтей «schlagen» означаетъ «wichsen»; сновидѣніе очень охотно использовываетъ такія сопоставленія. Враждебное чувство къ другу П., столь мало обоснованное въ дѣйствительности, несомнѣнно допускаетъ сведеніе къ моимъ сложнымъ дѣтскимъ отношеніямъ къ Джону.

Какъ я замѣтилъ уже выше, мнѣ придется еще разъ вернуться къ этому сновидѣнію.

f.) Абсурдныя сновидѣнія.—Интеллектуальная дѣятельность въ сновидѣніи.

При толкованіи сновидѣній мы такъ часто наталкивались на абсурдные элементы въ ихъ содержаніи, что я считаю нецѣлесообразнымъ откладывать дольше обсужденіе того, откуда проистекаютъ эти элементы и что они означаютъ. Предварительно я напомню лишь то, что абсурдность сновидѣній давала въ руки противниковъ толкованія ихъ главный аргументъ въ пользу того, что сновидѣніе есть не что иное, какъ безсмысленный продуктъ пониженной и разсѣянной душевной дѣятельности.

Я привожу нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ абсурдность содержанія сновидѣній лишь мнимая: при болѣе глубокомъ проникновеніи въ смыслъ она тотчасъ же исчезаетъ. Это нѣсколько сновидѣній, трактующихъ—на первый взглядъ, случайно—объ умершемъ отцѣ.

I. Сновидѣніе паціента, шесть лѣтъ назадъ потерявшаго отца.

Съ отцомъ случилось большое несчастіе Онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, поѣздъ сошелъ съ рельсъ, сидѣнія купэ сдвинулись и сдавили ему голову. Онъ видитъ его затѣмъ въ постели: надъ лѣвой бровью у него вертикальная рана. Онъ удивляется, что съ отцомъ случилось несчастье (вѣдь онъ уже умеръ, какъ добавляетъ онъ при разсказѣ.) Глаза у него ясные.

По господствующему воззрѣнію, это сновидѣніе слѣдовало бы истолковать слѣдующимъ образомъ: рисуя несчастье, случившееся съ отцомъ, грезящій позабылъ, что отецъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ; въ дальнѣйшемъ ходѣ сновидѣнія это воспоминаніе, однако, пробуждается и способствуетъ

тому, что онъ самъ удивляется своему сновидѣнію. Анализъ между тѣмъ показываетъ, что такое объясненіе прежде всего излишне. Грезящій заказалъ недавно скульптору бюстъ отца. Съ бюстомъ и «произошло несчастье» (нѣмецкое выраженіе «verunglückt» подходитъ и сюда): онъ ему не понравился. Скульпторъ никогда не видалъ его отца и работалъ по фотографіи. Наканунѣ сновидѣнія почтительный сынъ послалъ въ ателье стараго слугу ихъ семьи, чтобы и тотъ высказалъ свое мнѣніе относительно бюста: сыну казалось, что послѣдній слишкомъ узокъ, въ поперечникѣ отъ виска къ виску. Далѣе слѣдуютъ воспоминанія, которыя способствовали конструированію сновидѣнія. Отецъ имѣлъ привычку, будучи удрученъ заботами или семейными непріятностями, прижимать обѣ руки къ вискамъ, словно желая сжать голову, которая, казалось ему, распухала.— Будучи четырехлѣтнимъ ребенкомъ, паціентъ мой былъ свидѣтелемъ того, какъ выстрѣлъ изъ случайно заряженнаго пистолета омрачилъ глаза отца («глаза у него ясные»).—На томъ мѣстѣ, гдѣ въ сновидѣніи паціентъ видѣлъ рану, у отца появлялась глубокая морщина, когда онъ задумывался или грустилъ. То, что эта морщина замѣнена въ сновидѣніи раной, указываетъ на второй мотивъ сновидѣнія. Паціентъ мой фотографировалъ свою маленькую дѣвочку; проявивъ пластинку, онъ нечаянно уронилъ ее на полъ, она разбилась, и трещина прошла какъ разъ по лбу малютки. Онъ не могъ отдѣлаться при этомъ отъ суевѣрнаго страха, такъ какъ помнилъ, что наканунѣ смерти матери онъ разбилъ фотографическую пластинку съ ея изображеніемъ.

Абсурдность этого сновидѣнія является, такимъ образомъ, лишь результатомъ недостаточной точности нашей рѣчи, не отличающей бюста отъ фотографіи человѣка. Мы всѣ привыкли говорить: Развѣ отецъ не похожъ? Мнимая абсурдность сновидѣнія была, правда, въ данномъ случаѣ легко устранима.

II. Второй аналогичный примѣръ изъ моихъ собственныхъ сновидѣній (я потерялъ отца въ 1896 г.):

Отецъ послѣ смерти играетъ видную роль въ Венгріи, онъ способствуетъ политическому объединенію мадьяръ; я смутно вижу слѣдующую маленькую картину: много народу, какъ въ парламентѣ; мой отецъ стоитъ на одномъ или на двухъ стульяхъ, вокругъ него толпа. Я припоминаю, что на смертномъ одрѣ онъ былъ похожъ на Гарибальди

и радуюсь, что это предзнаменованіе сбылось.

Это въ достаточной мѣрѣ абсурдно. Мнѣ это приснилось въ то время, когда благодаря парламентской обструкціи въ Венгріи вспыхнули серьезные безпорядки. Неважный, на первый взглядъ, фактъ, что сцена, представшая предо мной въ сновидѣніи, состояла изъ мелкихъ картинъ, имѣетъ важное значеніе. Обычно сновидѣніе, изображая наши мысли, оперируетъ зрительными образами, которыя производятъ впечатлѣніе натуральной величины; мое сновидѣніе представляетъ собою, однако, репродукцію одной изъ гравюръ изъ иллюстрированной исторіи Австріи, изображающей Марію Терезію въ парламентѣ въ Пресбургѣ,—знаменитую сцену: «Moriamur pro rege nostro»*). Какъ тамъ Марія Терезія, такъ въ моемъ сновидѣніи отецъ окруженъ толпой; онъ стоитъ, однако, на одномъ или двухъ стульяхъ (какъ Stuhlrichter—членъ тайнаго суда). Онъ способствовалъ объединенію мадьяръ,—здѣсь связующимъ звеномъ служитъ оборотъ рѣчи: «Wir werden keinen Richter brauchen»—«намъ не нуженъ судья». То, что онъ на смертномъ одрѣ былъ похожъ на Гарибальди, намъ дѣйствительно тогда бросилось въ глаза. У него обнаружилось посмертное повышеніе температуры, щеки его покрылись румянцемъ.

«Посмертное» повышеніе температуры соотвѣтствуетъ словамъ «послѣ смерти» въ сновидѣніи. Самымъ мучительнымъ его недугомъ въ послѣднее время былъ полный параличъ кишекъ (обструкція). Съ послѣднимъ связаны всякаго рода «грязныя» мысли. Одинъ изъ моихъ сверстниковъ, еще мальчикомъ потерявшій отца (какъ разъ по этому поводу мы съ нимъ и сблизились), разсказывалъ мнѣ однажды въ ироническомъ тонѣ про горе одной своей родственницы: отецъ ея умеръ на улицѣ, его принесли домой, и, когда трупъ раздѣли, то увидѣли, что въ моментъ смерти или послѣ нея произошло испражненіе (по-нѣм. Stuhlentleerung). Дочь была такъ разстроена этимъ, что этотъ эпизодъ омрачилъ ея память объ отцѣ. Здѣсь мы подошли уже вплотную къ желанію, воплощающемуся въ моемъ сновидѣніи. Остаться для

*) Я не помню, у какого автора сообщается сновидѣніе, кишащее невѣроятно мелкими фигурами; въ качествѣ источника его указывается одна изъ гравюръ Жана Калло, обратившая наканунѣ вниманіе грезящаго. Эта гравюра содержитъ тоже множество мелкихъ фигуръ; часть ихъ изображаетъ ужасы 30-лѣтней войны.

дѣтей послѣ смерти чистымъ и великимъ,— развѣ не каждый изъ насъ этого хочетъ? Къ чему же сводится абсурдность сновидѣнія? Ея видимость проявилась лишь потому, что въ сновидѣніи правдиво изображается вполнѣ допустимый оборотъ рѣчи, обычно не возбуждающій въ насъ представленія абсурдности *).

III. Въ настоящемъ примѣрѣ я имѣю возможность застигнуть сновидѣніе на томъ, какъ оно умышленно фабрикуетъ абсурдность, къ наличности которой матеріалъ не даетъ ни малѣйшаго повода. Примѣръ этотъ относится къ сновидѣнію, внушенному мнѣ встрѣчей съ графомъ Туномъ во время моей вакаціонной поѣздки. «Я ѣду на извозчикѣ и велю ему ѣхать на вокзалъ. «По желѣзнодорожному пути я, конечно, съ вами не поѣду», говорю я въ отвѣтъ на его замѣчаніе, что онъ усталъ; при этомъ, однако, мнѣ кажется, будто я проѣхалъ съ нимъ часть пути, по которому ѣдутъ обычно въ поѣздѣ.

Относительно этой запутанной и нелѣпной исторіи анализъ даетъ слѣдующее разъясненіе. Въ тотъ день я нанялъ извозчика, который долженъ былъ отвезти меня на одну изъ отдаленныхъ улицъ Дорнбаха. Онъ, однако, дороги не зналъ, но мнѣ этого не сказалъ; наконецъ, я это замѣтилъ и показалъ ему дорогу, при чемъ не удержался отъ нѣсколькихъ ироническихъ

*) То обстоятельство, что въ сновидѣніяхъ чрезвычайно часто фигурируютъ умершія лица, говорятъ съ нами и дѣйствуютъ, вызывало уже давно недоумѣніе и порождало самыя странныя толкованія, нерѣдко вполнѣ освѣщающія наше непониманіе сновидѣній. Между тѣмъ разъясненіе такихъ сновидѣній не представляетъ никакихъ трудностей. Намъ очень часто приходится думать: если бы былъ живъ нашъ отецъ, что бы онъ на это сказалъ? Это «если» сновидѣніе можетъ, однако, выразить лишь въ формѣ наличности данной ситуаціи. Такъ, напримѣръ, молодому человѣку, которому дѣдъ оставилъ большое наслѣдство, снится, что дѣдъ живъ и упрекаетъ его въ чрезмѣрной расточительности. То, что кажется намъ протестомъ противъ сновидѣнія, ссылка на то, что человѣкъ этотъ уже умеръ, является въ дѣйствительности лишь утѣшеніемъ: покойному не пришлось пережить этого,— или же удовлетвореніемъ: онъ уже ничего не можетъ сказать намъ.

[Другой родъ абсурдностей, встрѣчающихся въ сновидѣніяхъ о покойныхъ близкихъ людяхъ, выражаетъ не иронію и насмѣшку, а служитъ однимъ изъ видовъ категорическаго протеста противъ изображенія оттѣсненной мысли, которую хочешь представить въ ея полной нелѣпости. Такія сновидѣнія поддаются толкованію лишь при учитываніи того обстоятельства, что сновидѣніе не дѣлаетъ никакого раз-

замѣчаній по его адресу. Отъ этого кучера одна нить мыслей отходитъ къ аристократіи; но этого я коснусь ниже. Пока же ограничусь указаніемъ на то, что намъ, буржуазному плебсу, аристократія бросается часто въ глаза тѣмъ, что она охотно занимаетъ мѣсто «кучера». Графъ Т у н ъ тоже вѣдь правитъ государственной колесницей А в с т р і и. Слѣдующая фраза въ сновидѣніи относится къ моему брату, котораго я отождествляю такимъ образомъ, съ извозчикомъ. Я отказался поѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ этомъ году въ Италію («по желѣзнодорожному пути я съ вами не поѣду»); этотъ отказъ былъ вызвалъ его вѣчными жалобами на то, что онъ, путешествуя со мной, у с т а е т ъ (это вошло въ сновидѣніе въ неизмѣненномъ видѣ), такъ какъ я нигдѣ не живу подолгу. Въ день моего отъѣзда братъ проводилъ меня до вокзала, но по дорогѣ (мы отправились на вокзалъ на трамваѣ) слѣзъ, чтобы направиться прямо въ Пукерсдорфъ. Я сказалъ ему, что онъ можетъ проѣхать со мной еще немного и поѣхать въ Пукерсдорфъ не на трамваѣ, а по Западной желѣзной горогѣ. Это отразилось въ сновидѣніи такимъ образомъ, что я проѣзжаю въ э к и п а ж ѣ часть пути, по которому ѣдутъ обычно в ъ п о ѣ з д ѣ. Въ дѣйствительности, дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ; я сказалъ своему брату, что онъ можетъ проѣхать со мной въ поѣздѣ ту часть пути, по которой хочетъ ѣхать на трамваѣ. Все искаженіе въ сновидѣніи сводится лишь къ тому, что я вмѣсто

личія между желаемымъ и реальнымъ. Такъ, напримѣръ, одному господину, который ухаживалъ за отцомъ во все время его болѣзни и тяжело страдалъ отъ его смерти, приснилась, нѣкоторое время спустя, слѣдующая безсмыслица: О т е ц ъ с н о в а ж и в ъ и г о в о р и т ъ с ъ н и м ъ, к а к ъ о б ы к н о в е н н о; н о в ъ т о ж е в р е м я о н ъ в с е- т а к и у м е р ъ и т о л ь к о н е з н а е т ъ. Сновидѣніе это станетъ понятнымъ, если слова «онъ все-таки умеръ», дополнить словами: «в с л ѣ д с т в і е ж е л а н і я г р е з я щ а г о», а послѣ «только не знаетъ» добавить, «ч т о у г р е з я щ а г о б ы л о т а к о е ж е л а н і е». Сынъ во время болѣзни отца не разъ желалъ отцу смерти, т. е. испытывалъ вполнѣ благородное желаніе, чтобы смерть положила конецъ мученіямъ любимаго человѣка. Въ скорби по его смерти даже это состраданіе дало пищу безсознательнымъ самоупрекамъ, точно онъ своимъ желаніямъ дѣйствительно сократилъ дни покойнаго. Благодаря пробужденію дѣтскаго чувства къ отцу стало возможнымъ изобразить это желаніе въ сновидѣніи, но вслѣдствіе столь рѣзкой противоположности между возбудителемъ сновидѣнія и мыслями предыдущихъ дней сновидѣніе и должно было неминуемо облечься въ форму абсурдности. (Ср. «Два принципа психическихъ процессовъ». Jahrbuch Bleuler—Freud, III, 1, 1911)].

«трамвая» вижу «экипажъ», что помимо этого способствуетъ еще моему отождествленію брата съ кучеромъ. Вслѣдъ за этимъ въ сновидѣніи имѣется, однако, абсурдъ, который представляется, на первый взглядъ, чрезвычайно загадочнымъ и противорѣчитъ моей только что сказанной фразѣ: «по желѣзнодорожному пути я съ вами не поѣду». Такъ какъ, однако, мнѣ вообще не нужно смѣшивать трамвай съ извозчикомъ, то я, повидимому, умышленно создалъ всю эту загадочную исторію.

Съ какою же цѣлью, однако? Мы узнаемъ сейчасъ, какую роль играетъ въ сновидѣніи абсурдность и какіе мотивы обусловливаютъ ея допущеніе или созданіе. Разрѣшеніе загадки въ данномъ случаѣ сводится къ слѣдующему. Мнѣ необходима въ сновидѣніи какая-нибудь абсурдность и что-либо непонятное въ связи со словомъ «Fahren» (ѣзда), такъ какъ въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, имѣется одно сужденіе, требующее изображенія. Однажды вечеромъ, незадолго до сновидѣнія, я былъ въ гостяхъ у одной знакомой дамы, выступающей въ томъ же сновидѣніи въ роли «привратницы», и услыхалъ двѣ загадки, которыя не могъ разрѣшить. Такъ какъ всѣ остальные присутствующіе эти загадки знали уже раньше, то я со своими безуспѣшными попытками разгадать ихъ производилъ комичное впечатлѣніе. Вотъ эти загадки:

1. Der Herr befiehlt's.
Der Kutscher tut's.
Ein jeder hat's.
Im Grabe ruht's.

Вторая загадка въ первыхъ двухъ строкахъ тождественна съ первой:

2. Der Herr befiehlt's
Der Kutscher tut's,
Nicht jeder hat's,
In der Wiege ruht's.

Разгадка первой: «Vorfahren» — предки; второй: «Nachkommen»—потомки.

Когда въ тотъ вечеръ мимо меня съ высокомѣрнымъ видомъ проѣхалъ графъ Тунъ (vorfahren sah) и я невольно вспомнилъ о Фигаро, который считаетъ заслугой аристократовъ то, что они даютъ себѣ трудъ родиться на свѣтъ,—тогда обѣ загадки были мной использованы для роли промежуточныхъ звеньевъ въ сновидѣніи. Такъ какъ «аристократъ» легко замѣ-

щается въ сознанiи «кучеромъ» (см. выше) и такъ какъ извозчиковъ прежде у насъ въ странѣ величали «Herr Schwager» («зятекъ»), то процессъ сгущенiя могъ включить въ сновидѣнiе и моего брата. Мысль же, бывшая въ основѣ сновидѣнiя, гласитъ: Нелѣпо гордиться своими предками (Vorfahren). Лучше я самъ буду предкомъ. Вслѣдствiе этой мысли («нелѣпо» и т. д.) и появилась нелѣпость въ сновидѣнiи.

Итакъ, сновидѣнiе становится абсурднымъ въ томъ случаѣ, когда въ мысляхъ, скрывающихся за нимъ, имѣется въ качествѣ одного изъ элементовъ его содержанiя сужденiе: «Это нелѣпо», когда вообще одна изъ безсознательныхъ мыслей грезящаго сопровождается критикой и ironiей. Абсурдное служитъ поэтому однимъ изъ средствъ, при помощи котораго сновидѣнiе изображаетъ противорѣчiе, все равно какъ преобразованiе взаимозависимости между мыслями и содержанiемъ сновидѣнiя, все равно какъ использованiе ощущенiй моторной связанности. Абсурдность сновидѣнiя не слѣдуетъ, однако, переводить простымъ «не»: она должна воспроизводить склонность мыслей, скрывающихся за сновидѣнiемъ, къ иронiи, включающей въ себя и противорѣчiе. Только съ такой цѣлью сновидѣнiе даетъ нѣчто курьезное, заслуживающее смѣха. Оно превращаетъ здѣсь опять-таки часть скрытаго содержанiя въ явную форму.

Въ сущности говоря, мы имѣли уже передъ собой чрезвычайно доказательный примѣръ такого значенiя абсурднаго сновидѣнiя. Истолкованное нами безъ анализа сновидѣнiе объ оперѣ Вагнера, которая длится до 3/4 4-го утра, объ оркестрѣ, дирижеръ котораго стоитъ наверху на башнѣ и т. д. выражаетъ, повидимому; какъ нелѣпо все въ этомъ мiрѣ! Кто дѣйствительно заслуживаетъ, тотъ ничего не получаетъ, а кому безразлично, у того есть все,—грезящая приводитъ тутъ, очевидно, параллель между своей судьбой и судьбой своей кузины.—То, что всѣ вышеупомянутые примѣры абсурдныхъ сновидѣнiй были сновидѣнiями объ умершемъ отцѣ, также отнюдь не является случайностью. Въ этихъ сновидѣнiяхъ въ типической формѣ имѣются на-лицо всѣ условiя для созданiя такихъ сновидѣнiй. Авторитетъ, присущiй отцу, рано вызываетъ критику со стороны ребенка; его строгiя требованiя побуждаютъ ребенка зорко слѣдить за малѣйшей слабостью отца, но почтительное чувство, сопряженное въ нашемъ мышленiи съ личностью отца, въ особенности послѣ его смерти, обостряетъ цензуру, которая оттѣсняетъ отъ сознанiя проявленiя этой критической работы.

IV. Еще одно абсурдное сновидѣнiе объ умершемъ отцѣ.

Я получаю извѣщеніе отъ общиннаго совѣта моего родного города съ требованіемъ внести плату за содержаніе въ госпиталѣ въ *1851* г. Я смѣюсь надъ этимъ, такъ какъ, во-первыхъ, въ *1851* году меня не было еще въ живыхъ, во-вторыхъ же, мой отецъ, къ которому это могло относиться, уже умеръ. Однако, я иду въ сосѣднюю комнату, гдѣ онъ лежитъ въ постели, и разсказываю ему это. Къ моему изумленію онъ припоминаетъ, что въ *1851* г. онъ былъ сильно пьянъ и его куда-то отвезли. Это было, когда онъ работалъ для Т. Такъ ты, значитъ, и пилъ? спрашиваю я. И вскорѣ послѣ этого женился? Я высчитываю, что я родился въ *1856* году; это представляется мнѣ непосредственно слѣдующимъ другъ за другомъ.

Та настойчивость, съ которой это сновидѣніе обнаруживаетъ свою абсурдность, должна быть истолкована нами въ силу вышеупомянутыхъ соображеній, лишь какъ признакъ чрезвычайно ожесточенной и страстной полемики мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. Съ тѣмъ большимъ удивленіемъ, однако, констатируемъ мы тотъ фактъ, что въ этомъ сновидѣніи полемика ведется открыто и что отецъ является тѣмъ лицомъ, которое служитъ мишенью ироніи. Такая откровенность противорѣчитъ, повидимому, нашему представленію о роли цензуры въ дѣятельности сновидѣнія. Недоразумѣніе разъясняется, однако, тѣмъ, что здѣсь отецъ служитъ замѣщеніемъ другого лица, между тѣмъ какъ споръ ведется съ другимъ, на которое въ сновидѣніи имѣется лишь одно указаніе. Въ то время какъ вообще сновидѣніе трактуетъ о непріязненномъ чувствѣ по отношенію къ другимъ лицамъ, за которыми скрывается отецъ, здѣсь дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: отецъ становится здѣсь ширмой для другихъ, и сновидѣніе можетъ потому такъ откровенно и беззастѣнчиво обращаться съ его неприкосновенной работой, что при этомъ доминирующую роль играетъ сознаніе, что въ дѣйствительности рѣчь идетъ вовсе не о немъ. Это положеніе вещей явствуетъ изъ мотивовъ сновидѣнія. Оно послѣдовало вскорѣ послѣ того, какъ я услышалъ, что мой старшій коллега, мнѣніе котораго считается непогрѣшимымъ, высказался съ возмущеніемъ и удивленіемъ по поводу того, что одинъ изъ моихъ

пацiентовъ пользуется моимъ психоаналитическимъ леченiемъ вотъ уже пятый годъ подрядъ. Начало сновидѣнiя въ весьма прозрачной формѣ указываетъ на то, что этотъ коллега одно время принялъ на себя обязанности, которыя не могъ больше исполнять отецъ (плата за содержанiе въ госпиталѣ); когда же наша дружба стала колебаться, на мою долю выпалъ конфликтъ ощущенiй, который въ случаяхъ разногласiй между сыномъ и отцомъ вызывается ролью и прежними заслугами отца. Мысли, скрывающiяся за сновидѣнiемъ, горячо протестуютъ противъ упрека въ томъ, что я не подвигаюсь впередъ; упрекъ этотъ, относящiйся вначалѣ къ леченiю этого пацiента, распространяется затѣмъ и на другое. Развѣ онъ знаетъ кого-нибудь, кто могъ бы это сдѣлать быстрѣе? Развѣ неизвѣстно ему, что состоянiя такого рода обычно считаются неизлѣчимыми и продолжаются всю жизнь? Что значатъ какiя-нибудь четыре, пять лѣтъ по сравненiю съ цѣлой жизнью, особенно если пацiенту само леченiе приноситъ значительное облегченiе?

Абсурдный характеръ этого сновидѣнiя отчасти вызывается тѣмъ, что въ немъ сопоставлены безъ посредствующихъ переходовъ открывки изъ различныхъ мыслей, лежащихъ въ его основѣ. Такъ, напримѣръ, фраза: Я иду къ нему, въ сосѣднюю комнату и т. д. оставляетъ тему, связанную съ предыдущей частью сновидѣнiя, и въ точности воспроизводитъ ситуацiю, при которой я сообщилъ отцу о своей помолвкѣ. Она хочетъ, такимъ образомъ, убѣдить меня въ благородствѣ, выказанномъ тогда отцомъ, и противоставить по отношенiю ко мнѣ другого лица. Я замѣчаю, что сновидѣнiе потому вправѣ иронизировать надъ отцомъ, что въ мысляхъ, лежащихъ въ его основѣ, онъ ставится въ примѣръ другимъ. Всякой цензурѣ присуще то, что о запретныхъ вещахъ можно скорѣе говорить неправду, нежели правду. Далѣе онъ вспоминаетъ, что былъ однажды сильно пьянъ и его куда-то отвезли; здѣсь уже нѣтъ ничего, что въ дѣйствительности относилось бы къ отпу. Скрывающееся за нимъ лицо—никто иной, какъ знаменитый Мейнертъ, по стопамъ котораго я послѣдовалъ и дружелюбное отношенiе котораго ко мнѣ смѣнилось вскорѣ открытой враждебностью. Сновидѣнiе напоминаетъ мнѣ, во-первыхъ, его собственный разсказъ о томъ, какъ въ молодые годы онъ пристрастился къ опьяненiю при помощи хлороформа и какъ въ виду этого долженъ былъ лечиться въ госпиталѣ, и, во-вторыхъ, мою встрѣчу съ нимъ незадолго

до его кончины. Я велъ съ нимъ ожесточенный литературный споръ по поводу мужской истеріи, которую онъ отрицалъ; когда я посѣтилъ его во время болѣзни и освѣдомился о его самочувствіи, онъ сталъ подробно описывать свои недуги и закончилъ словами: «Вы знаете, я всегда былъ однимъ изъ наглядпѣйшихъ примѣровъ мужской истеріи». Такъ къ моему удовлетворенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ моему удивленію онъ согласился съ тѣмъ, что такъ долго и такъ упорно отрицалъ. То, однако, что я въ этой части сновидѣнія замѣщаю Мейнерта своимъ отцомъ, объясняется не аналогіей, проводимой мною между ними, а тѣмъ лаконическимъ, но вполнѣ достаточнымъ изображеніемъ условнаго предложенія въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, которое въ болѣе пространной формѣ гласитъ: Да, если бы я былъ сыномъ профессоромъ или гофрата, я бы, навѣрное, скорѣе пошелъ впередъ. Въ своемъ сновидѣніи я и дѣлаю отца профессора и гофратомъ. Наиболѣе яркая и странная абсурдность сновидѣнія заключается здѣсь опять-таки въ томъ, что мнѣ 1856 годъ представляется равнозначущимъ съ 1851 годомъ, какъ будто разница въ пять лѣтъ не имѣетъ никакого значенія. Но именно эта-то часть мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, и должна найти себѣ выраженіе. Четыре, пять лѣтъ—это какъ разъ промежутокъ временъ, въ теченіе котораго я пользовался поддержкой вышеупомянутаго коллеги; въ теченіе этого же времени я былъ женихомъ своей невѣсты и, наконецъ, въ теченіе этого же времени я заставлялъ своего паціента ожидать полнаго исцѣленія; послѣднее совпаденіе носитъ случайный характеръ, но тѣмъ охотнѣе используовывается сновидѣніемъ. «Что такое пять лѣтъ?» задаются вопросомъ мысли, скрывающихся за нимъ. «Это для меня не время. Передо мной времени еще много, и подобно тому, какъ осуществилось то, во что вы тоже не вѣрили, осуществляю я и это». Помимо этого число *51*, отдѣленное отъ цыфры столѣтія, обусловливается еще и въ другомъ, противоположномъ смыслѣ; поэтому-то оно и встрѣчается въ сновидѣніи нѣсколько разъ. *51* годъ—возрастъ, наиболѣе опасный для мужчины: въ этомъ возрастѣ умерло скоропостижно нѣсколько моихъ коллегъ, среди нихъ одинъ, за нѣсколько дней того назначенный послѣ долгаго ожиданія профессоромъ.

V. Еще одно абсурдное сновидѣніе, играющее числами.

Одинъ мой знакомый господинъ М., подвергся нападкамъ со стороны не бо-

лѣе не менѣе, какъ самого Гете; нападки эти носили, по нашему общему мнѣнію, незаслуженно обидный характеръ. Господина М. эти нападки, естественно, совершенно убили. Онъ горько жалуется на нихъ у нашихъ общихъ знакомыхъ; его поклоненіе Гете не поколебалось, однако, отъ этой личной обиды. Я стараюсь выяснить соотношеніе времени, которое представляется мнѣ невѣроятнымъ. Гете умеръ въ 1832 году; такъ какъ его нападки на М. относятся, понятно, къ болѣе раннему періоду, то М. былъ въ то время совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Мнѣ, думается, что ему было 15 лѣтъ. Я не знаю, однако, какой сейчасъ годъ и потому всѣ мои расчеты теряются во мракѣ. Нападки на г. М. содержатся въ извѣстномъ произведеніи Гете «Природа».

Разъяснить абсурдность этого сновидѣнія не представляетъ никакого труда. Господинъ М., съ которымъ мы встрѣчаемся у однихъ общихъ знакомыхъ, попросилъ меня недавно изслѣдовать его брата, который обнаруживаетъ признаки паралитическаго умственнаго разстройства. Его опасенія оказались правильными. Во время консультаціи больной безъ всякаго повода сталъ упрекать брата въ его грѣхахъ молодости. Я спросилъ у больного годъ его рожденія и заставилъ продѣлать нѣсколько ариѳметическихъ вычисленій, чтобы констатировать степень ослабленія памяти; испытаніе это онъ выдержалъ съ грѣхомъ пополамъ. Я понимаю уже, что становлюсь въ сновидѣніи на мѣсто этого паралитика («я не знаю, какой сейчасъ годъ»). Остальной матеріалъ сновидѣнія относится къ другому источнику. Одинъ лично мнѣ знакомый редакторъ медицинскаго журнала помѣстилъ въ послѣднемъ въ высшей степени рѣзкую, «убійственную» рецензію о послѣдней книжкѣ моего коллеги Ф. въ Берлинѣ; рецензія эта принадлежала перу одного молодого и мало свѣдующаго врача. Я счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться и обратился къ редактору; тотъ отвѣтилъ, что крайне сожалѣетъ о происшедшемъ, но не считаетъ возможнымъ выразить это на страницахъ журнала. Въ отвѣтъ на это я порвалъ свои отношенія съ журналомъ, но въ письмѣ къ редактору высказалъ увѣренность, что наши личныя отношенія отъ этого ни-

сколько не пострадаютъ. Третьимъ источникомъ этого сновидѣнія является разсказъ одной паціентки о психической болѣзни ея брата, припадки котораго сопровождаются несмолкаемыми криками: «Природа, природа!» Врачи полагаютъ, что эти восклицанія объясняются чтеніемъ этого прекраснаго произведенія Гете и свидѣтельствуютъ о переутомленіи больного его занятіями по натурфилософіи. Я предпочелъ, однако, установить здѣсь наличность сексуальнаго элемента; мое мнѣніе подтвердилось вскорѣ тѣмъ, что несчастный въ припадкѣ бѣшенства изуродовалъ себѣ половые органы. Во время перваго припадка больному было 18 лѣтъ.

Если я добавлю, что столь рѣзко раскритикованная книга моего пріятеля («Невольно спрашиваешь себя, не лишился ли разсудка авторъ или ты самъ»,—выразился про нее другой критикъ) трактуетъ о значеніи въ жизни соотношеній времени, а сводитъ между прочимъ и продолжительность жизни Гете къ одному чрезвычайно важному въ біологіи числу,—то отсюда нетрудно будетъ вывести заключеніе, что въ сновидѣніи; я становлюсь на мѣсто своего коллеги. (Я стараюсь выяснить соотношеніе времени...) Однако, я веду себя, какъ паралитикъ, и сновидѣніе принимаетъ абсурдный характеръ. Это означаетъ, такимъ образомъ, что мысли, лежащія въ основѣ сновидѣнія, говорятъ иронически: «Разумѣется (по-нѣм. «natürlich» одного корня съ «Natur» «природа»), онъ глупецъ, сумасшедшій, а вы геніальные люди, вы понимаете лучше. Быть можетъ, однако, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ?» И вотъ это «наоборотъ» и выражено въ сновидѣніи въ чрезвычайно пластичной формѣ: Гете нападаетъ на молодого человѣка,—это абсурдно, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ могъ бы напасть сейчасъ съ легкостью на безсмертнаго Гете, и далѣе—я произвожу вычисленіе съ года смерти Гете, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности я освѣдомился у паціента о годѣ его рожденія.

Я обѣщалъ, однако, указывать и на то, что ни одно сновидѣніе не руководствуется иными мотивами, кромѣ эгоистическихъ. Въ данномъ случаѣ мнѣ приходится выяснить, почему я приписываю себѣ непріятную исторію съ моимъ пріятелемъ и становлюсь на его мѣсто. Мое мнѣніе въ бодрственномъ состояніи настроено далеко не такъ ужъ опредѣленно. Тутъ, однако, играетъ роль слѣдующее: исторія 18-лѣтняго больного содержитъ въ себѣ указаніе на то, что я расхожусь съ большинствомъ

врачей, утверждая наличность сексуальной этіологіи психоневрозовъ. Я могу сказать себѣ самому: Критика отнесется къ тебѣ такъ же, какъ къ твоему пріятелю, вѣрнѣе, относится такъ ужъ давно. Теперь я по праву могу замѣнить элементъ «онъ» въ мысляхъ элементомъ «мы»: «Да, вы правы, мы оба глупцы».

На то, что «mea res agitur», указываетъ мнѣ категорически упоминаніе объ этотъ небольшомъ, несравненно прекрасномъ произведеніи Гете, такъ какъ цитированіе этого произведенія въ одной популярной лекціи окончательно толкнуло меня, юнаго и колеблющагося студента, на изученіе естественныхъ наукъ.

VI. Выше я обѣщалъ относительно еще одного сновидѣнія, въ которомъ не проявляется мое «я», что и оно эгоистично. Я сообщилъ, что мнѣ снилось однажды, будто профессоръ М. говоритъ: «Мой сынъ, Ніопъ...», и упомянулъ о томъ, что это лишь вступительная часть къ другому сновидѣнію, въ которомъ игралъ роль и я. Вотъ это главное сновидѣніе; абсурдное и непонятное словообразованіе его требуетъ отъ насъ разъясненія.

Вслѣдствіе какихъ-то событій въ Римѣ необходимо вывести изъ города всѣхъ дѣтей. Дѣйствіе происходитъ у большихъ античныхъ воротъ (Porta romana въ Сіеннѣ, я знаю это уже въ сновидѣніи). Я сижу у колодца; я очень разстроенъ, чуть ли не плачу. Какая-то женщина—служанка, монахиня—приводитъ двухъ мальчиковъ и передаетъ ихъ отцу; отецъ не я. Старшій изъ этихъ мальчиковъ похожъ на моего старшаго сына, лица младшаго я не вижу; женщина, привезшая мальчика, хочетъ поцѣловать его на прощаніе. У нея большой красный носъ. Мальчикъ цѣловаться съ ней отказывается, но подаетъ ей руку и говоритъ: «Auf Geseres», а намъ обоимъ (или одному изъ насъ): «Auf Ungeseres». Я смутно понимаю, что въ послѣднемъ содержится предпочтеніе.

Сновидѣніе это базируется на цѣломъ комплексѣ мыслей, вызванныхъ видѣнной мною въ театрѣ пьесой «Новое гетто». Въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, нетрудно подмѣтить еврейскій вопросъ и заботу о будущемъ дѣтей, которымъ нельзя дать отечества.

«Мы сидѣли на рѣкахъ Вавилонскихъ и плакали».—Сіенна, какъ Римъ, славится своими красивыми колодцами; Римъ въ своемъ представленіи мнѣ приходится (см. выше) замѣнять другими мнѣ извѣстными городами. Близь Porta romana въ Сіеннѣ я увидѣлъ большое, ярко освѣщенное зданіе и узналъ, что это Маникоміо, домъ для умалишенныхъ. Незадолго до сновидѣнія я слышалъ, что одинъ мой единовѣрецъ-врачъ долженъ былъ оставить свою съ трудомъ полученную должность въ казенномъ домѣ для умалишенныхъ.

Наше вниманіе останавливаютъ, однако, слова мальчика: «Auf Geseres», которыя онъ произноситъ вмѣсто подходящей къ ситуаціи сновидѣнія фразы: «Auf Wiedersehen» (до-свиданія), и уже совершенно безсмысленное: «Auf Ungeseres»

По свѣдѣніямъ, полученнымъ мной отъ филологовъ, «geseres»—древне-еврейское слово, производное отъ глагола «goiser»; оно означаетъ «предопредѣленныя судьбою страданія». «Ungeseres» образовано мной самимъ и потому обращаетъ мое особое вниманіе. Въ началѣ я недоумѣваю. Но заключительная фраза сновидѣнія, говорящая, что въ этомъ словѣ содержится нѣкоторое предпочтеніе по сравненію съ «geseres» разсѣиваетъ мое недоумѣніе. Аналогичное соотношеніе проводится вѣдь и между икрой: несоленая цѣнится дороже соленой («ungesalzen» и «gesalzen») Икра, въ глазахъ простонародья, «барская прихоть»: въ этомъ содержится шуточное указаніе на одну служащую въ моемъ домѣ особу, о которой я думаю, что она, будучи моложе меня, можетъ лучше слѣдить за воспитаніемъ моихъ дѣтей. Съ этимъ согласуется и то, что няня моихъ дѣтей очень напоминаетъ служанку (или монахиню) въ сновидѣніи. Между рядами «gesalzen—ungesalzen» и «Geseres—Ungeseres» недостаетъ однако, посредствующаго звена. Послѣднее содержится въ рядѣ «gesäuert—ungesäuert» («заквашенный—незаквашенный»); при исходѣ изъ Египта дѣти Израиля не успѣли заквасить свое тѣсто и до сихъ поръ въ память объ этомъ ѣдятъ на Пасху прѣсный хлѣбъ. Я вспоминаю, что этой Пасхой я вмѣстѣ съ однимъ своимъ коллегой изъ Берлина прогуливался по улицамъ незнакомаго мнѣ Бреславля. Ко мнѣ подошла какая-то дѣвочка и попросила указать ей одну улицу; я отвѣтилъ, что не знаю, и сказалъ потомъ своему спутнику: Надо надѣяться, что эта дѣвочка выкажетъ впослѣдствіи большую опытность въ выборѣ людей, которые будутъ руководить ею. Вскорѣ послѣ этого мнѣ бросилась въ глаза дощечка на двери: Д-ръ Иродъ.

Я замѣтилъ: Надо надѣяться, что этотъ докторъ практикуетъ не по дѣтскимъ болѣзнямъ. Мой спутникъ развивалъ мнѣ между тѣмъ свои взгляды на біологическое значеніе двухсторонней симметріи и одну изъ своихъ фразъ началъ такъ: «Если бы у насъ былъ всего одинъ глазъ, посреди лба, какъ у Циклопа»... Это приводитъ насъ къ словамъ профессора М. во введеніи къ сновидѣнію: «Мой сынъ, Міопъ...» Отсюда я непосредственно дохожу уже до источника слова «geseres». Много лѣтъ тому назадъ, когда этотъ сынъ профессора М., теперь извѣстный ученый, сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, у него заболѣли глаза. Врачъ выразилъ опасеніе, но сказалъ, что пока болѣзнь коснулась одной стороны, тревожиться нечего; если же она перейдетъ на другой глазъ, придется принять рѣшительныя мѣры. Первый глазъ дѣйствительно вскорѣ поправился; но спустя нѣкоторое время болѣзненные симптомы обнаружились на другомъ глазѣ. Перепуганная мать вызвала въ деревню, гдѣ они въ то время жили, врача. Тотъ, однако, разсердился. «Was machen Sie für Geseres? (Что вы мучаетесь понапрасну?)» закричалъ онъ. «Если на одной сторонѣ зажило, заживетъ и на другой». Онъ оказался правъ.

Теперь относительно связи всего этого со мной и съ моими близкими. Школьная скамья, парта, на которой учился въ дѣтствѣ сынъ профессора М., была подарена его матерью моему старшему сыну, въ уста котораго я вкладываю въ сновидѣніи слова прощанія. Одно изъ желаній, связанныхъ съ такимъ перенесеніемъ, обнаружить нетрудно. Эта школьная парта благодаря свой особой конструкціи должна, однако, также предохранить ребенка отъ близорукости и однобокости. Отсюда въ сновидѣніи Міопъ (за нимъ Циклопъ) и разсужденіе о двухсторонности. Забота объ односторонности имѣетъ различный смыслъ: помимо физической однобокости здѣсь можетъ итти рѣчь объ односторонности умственнаго развитія. Даже больше того: развѣ сновидѣніе во всей своей абсурдности не противорѣчитъ, повидимому, именно этой заботѣ? Обратившись со словами прощанія въ одну сторону, мальчикъ говоритъ въ другую какъ разъ противоположную фразу, точно для того, чтобы возстановить равновѣсіе. Онъ дѣйствуетъ, какъ бы соблюдая правила двухсторонней симметріи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сновидѣніе оказывается зачастую наиболѣе глубокомысленнымъ тамъ, гдѣ оно кажется

наиболѣе абсурднымъ. Всегда вѣдь тѣ люди, которымъ нужно было сказать что-нибудь и которые не имѣли возможности этого дѣлать, надѣвали обычно шутовской колпакъ. Слушатель, для котораго было предназначено такое запретное слово, терпѣлъ его только, когда могъ смѣяться при немъ и утѣшаться тѣмъ, что въ горькой пилюлѣ все-таки много смѣшного. Совершенно такъ же, какъ въ жизни сновидѣніе, поступаетъ въ трагедіи Гамлетъ, который долженъ притворяться сумасшедшимъ; поэтому-то и про сновидѣніе можно сказать то же, что говоритъ о себѣ Гамлетъ, замѣняя истинныя условія шуточно-непонятными: «Я безуменъ только при нордвестѣ; если же вѣтеръ съ юга, я могу отличить сокола отъ цапли» *).

Такимъ образомъ, я разрѣшилъ проблему абсурдности сновидѣнія въ томъ смыслѣ, что мысли, скрывающіяся за нимъ, никогда не носятъ абсурднаго характера—по крайней мѣрѣ у умственно нормальныхъ людей—и что дѣятельность сновидѣнія создаетъ такія вполнѣ или отчасти абсурдныя сновидѣнія лишь въ томъ случаѣ, когда изображенію въ немъ подлежитъ критика, иронія и насмѣшка, имѣющіяся на-лицо въ мысляхъ. Мнѣ остается только показать, что дѣятельность сновидѣнія вполнѣ исчерпывается взаимодѣйствіемъ трехъ названныхъ моментовъ— и еще одного четвертаго, о которомъ будетъ рѣчь ниже; что ея функціи, строго говоря, сводятся лишь къ переводу на своеобразный языкъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, съ соблюденіемъ четырехъ предписанныхъ ей условій и что самый вопросъ, проявляетъ ли душа въ сновидѣніи всѣ свои духовныя способности или лишь часть ихъ, поставленъ неправильно, въ несоотвѣтствіи съ фактическимъ положеніемъ дѣла. Такъ какъ имѣется, однако, множество сновидѣній, въ содержаніи которыхъ мы находимъ оцѣнку, критику утвержденія, недоумѣніе по поводу какихъ-либо отдѣльныхъ элементовъ, попытки объясненія и аргументацію, то я считаю нужнымъ на нѣсколькихъ избранныхъ примѣрахъ указать на неоснователь-

*) Это сновидѣніе представляетъ собой также весьма доказательный примѣръ того, что сновидѣнія одной и той же ночи хотя и раздѣльны въ воспоминаніи, но базируются на почвѣ одного и того же матеріала мыслей. Сновидѣніе, рисующее, что я вывожу своихъ дѣтей изъ Рима, имѣетъ, правда, еще связь съ однимъ аналогичнымъ эпизодомъ моего дѣтства и потому содержитъ столь значительные слѣды искаженія. Смыслъ тотъ, что я завидую своимъ родственникамъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣли возможность перевезти своихъ дѣтей въ другую страну.

ность всякаго рода возраженій, основывающихся именно на этомъ.

Я утверждаю: все, что имѣетъ въ сновидѣніи форму мнимаго проявленія функцій мышленія, не должно считаться мыслительнымъ процессомъ дѣятельности сновидѣнія, а относится къ матеріалу мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, и въ видѣ готоваго цѣлаго переносится оттуда въ явное его содержаніе. Я могу сказать даже больше. Къ скрытому содержанію сновидѣнія относится также и большая часть сужденій, высказываемыхъ по поводу вспоминаемаго сновидѣнія по пробужденіи отъ сна, и ощущеній, вызываемыхъ въ насъ репродукціей этого сновидѣнія; всѣ они должны быть включены въ его толкованіе.

I. Наглядный примѣръ этого я приводилъ уже выше. Одна паціентка не хочетъ разсказать свое сновидѣніе, потому что оно очень туманно. Ей приснился кто-то, и она не знаетъ, былъ ли это ея мужъ или отецъ. Во второй части сновидѣнія играло какую-то роль «помойное ведро» (Misttrügerl), съ которымъ связано для нея слѣдующее воспоминаніе. Будучи молодой хозяйкой, она сказала въ присутствіи одного своего родственника, что ея первая забота теперь—пріобрѣсти новое помойное ведро. На слѣдующее утро онъ ей прислалъ такое ведро, наполненное, однако, ландышами. Продолживъ анализъ, я узналъ, что въ мысляхъ, лежавшихъ въ основѣ ея сновидѣнія, обнаружился слѣдъ воспоминанія объ одной исторіи, слышанной ею въ дѣтствѣ: одна дѣвушка родила ребенка и не знала, кто его отецъ. Дѣятельность сновидѣнія простирается здѣсь, такимъ образомъ, на бодрственное мышленіе и даетъ возможность выразить одинъ изъ элементовъ сновидѣнія сужденіемъ о всемъ его цѣломъ, высказаннымъ въ бодрственномъ состояніи.

II. Аналогичный случай:

Сновидѣніе одного изъ моихъ паціентовъ показалось ему настолько интереснымъ, что онъ, проснувшись, тотчасъ же сказалъ себѣ самому: я долженъ разсказать его доктору. Сновидѣніе подвергается анализу и обнаруживаетъ очевидное указаніе на любовную связь, въ которую онъ вступилъ во время

лѣченія и о которой твердо рѣшилъ мнѣ ничего не разсказывать *).

III. Мое собственное сновидѣніе:

Вмѣстѣ съ П. я иду въ больницу. Мы проходимъ по улицѣ, гдѣ я вижу много домовъ и садовъ. У меня появляется мысль, что эта мѣстность мнѣ не разъ уже снилась. Но я не знаю дороги. П. говоритъ мнѣ, что за угломъ ресторанъ. Я иду туда и освѣдомляюсь о госпожѣ Дони. Мнѣ говорятъ, что она живетъ съ тремя дѣтьми въ маленькой комнаткѣ. По дорогѣ къ ней я встрѣчаю какую-то женщину съ обѣими моими дочерьми. Постоявъ съ ними недолго, я беру ихъ съ собой. Я посылаю какъ бы упрекъ по адресу жены за то, что она ихъ оставила тамъ.

При пробужденіи я испытываю чувство удовлетворенія и объясняю его себѣ тѣмъ, что сейчасъ узнаю изъ анализа, что означаетъ: мнѣ не разъ уже это снилось **). Анализъ не разъясняетъ мнѣ, однако, этого, онъ показываетъ только, что чувство удовлетворенія относится къ скрытому содержанію сновидѣнія, а не къ сужденію о немъ. Удовлетвореніе я испытываю потому, что у меня есть дѣти. П.—человѣкъ, съ которымъ я нѣкоторую часть жизненнаго пути прошелъ вмѣстѣ; впослѣдствіи онъ опередилъ меня въ соціальномъ и матеріальномъ отношеніи, но его бракъ остался бездѣтнымъ. Анализъ сновидѣнія вскрываетъ два его мотива. Наканунѣ я прочелъ въ газетѣ объявленіе о смерти нѣкоей г-жи Дона А... и (отсюда и фамилія Дони), умершей отъ родовъ; жена сообщила мнѣ, что ребенка у покойной принимала та же акушерка, что и у нея. Имя Дона бросилось мнѣ въ глаза потому, что незадолго до того я впервые встрѣтилъ его въ одномъ англійскомъ романѣ. Другой источникъ сновидѣнія явствуетъ изъ времени его появленія; я видѣлъ его какъ разъ въ ночь наканунѣ дня рожденія моего старшаго сына, одареннаго, повидимому, поэтическимъ талантомъ.

IV. Такое же чувство удовлетворенія испыталъ я по про-

---

*) Содержащееся въ сновидѣніи рѣшеніе или намѣреніе: «это я долженъ разсказать доктору» соотвѣтствуетъ обычно при сновидѣніяхъ во время психоаналитическаго лѣченія сопротивленію въ сообщеніи сновидѣнія и сопровождается нерѣдко полнымъ забываніемъ его.

**) По поводу этого вопроса завязалась обширная полемика на столбцахъ «Revue philosophique» (парамнезія въ сновидѣніи).

бужденіи отъ того абсурднаго сновидѣнія, въ которомъ отецъ послѣ своей смерти игралъ видную политическую роль въ Венгріи; чувство это мотивируется продолженіемъ ощущенія, сопровождавшаго послѣднюю часть сновидѣнія: «я вспоминаю, что онъ на смертномъ одрѣ былъ очень похожъ на Гарибальди и радуюсь, что это все-таки осуществилось въ дѣйствительности... (Дальнѣйшее забыто)». Анализъ показываетъ мнѣ, что относится къ этому пробѣлу въ сновидѣніи: упоминаніе о моемъ второмъ сынѣ, которому я далъ имя одного великаго человѣка; въ юношескіе годы, особенно послѣ моего пребыванія въ Англіи, человѣкъ этотъ производилъ на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Весь годъ ожиданія ребенка я намѣревался дать ему это имя и съ чувствомъ удовлетворенія привѣтствовалъ его появленіе на свѣтъ, когда онъ оказался мальчикомъ. Нетрудно подмѣтить, какъ подавленная манія величія отца переносится въ его мысляхъ на дѣтей; приходится согласиться съ тѣмъ, что это одинъ изъ путей, по которымъ проходитъ ставшее необходимымъ подавленіе этого стремленія. Свое право на включеніе въ данное сновидѣніе мой сынъ пріобрѣлъ благодаря тому, что съ нимъ приключился тотъ же грѣхъ,—извинительный какъ для ребенка, такъ и для умирающаго.

V. Обращаясь теперь къ сужденіямъ, остающимся въ сновидѣніи и не простирающимся на бодрственное состояніе, я съ чувствомъ облегченія замѣчаю, что могу съ этой цѣлью привести нѣсколько сновидѣній, уже разсмотрѣнныхъ нами съ другой точки зрѣнія. Сновидѣніе о Гете, обрушившемся на г. М., содержитъ, повидимому, цѣлый рядъ такихъ сужденій. Я стараюсь выяснить себѣ соотношеніе времени, которое представляется мнѣ невѣроятнымъ. Развѣ не содержится тутъ критическаго сомнѣнія въ томъ, что Гете могъ обрушиться на молодого человѣка? «Мнѣ думается, что ему было 18 лѣтъ». Это звучитъ совсѣмъ какъ результатъ невѣрнаго вычисленія; а фраза «я не знаю, какой сейчасъ годъ» могла бы служить примѣромъ наличности колебанія или сомнѣнія въ сновидѣніи.

Изъ анализа этого сновидѣнія я знаю, однако, что эти высказываемыя, повидимому, лишь въ сновидѣніи сужденія допускаютъ иное объясненіе, которое дѣлаетъ ихъ необходимыми для толкованія сновидѣній и благодаря которому устраняется абсурдность послѣднихъ. Фразой «я стараюсь выяснить себѣ соотношеніе времени» я становлюсь

на мѣсто своего друга, который дѣйствительно стремится выяснить роль времени въ жизни. Благодаря этому фраза теряетъ значенiе сужденiя, которое сопротивлялось бы абсурду предыдущаго. Конецъ ея: «которое представляется невѣроятнымъ» относится къ дальнѣйшему: «Мнѣ думается». Приблизительно въ тѣхъ же словахъ я отвѣтилъ дамѣ, разсказавшей мнѣ о болѣзни ея брата: «Мнѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы восклицанiе «Природа, природа» имѣло что-нибудь общее съ Гете; мнѣ думается скорѣе, что оно носитъ сексуальный характеръ». Здѣсь имѣется, правда, сужденiе, высказанная мысль, но не въ сновидѣнiи, а въ дѣйствительности; поводъ его вспоминается и используется мыслями, скрывающимися за сновидѣнiемъ. Содержанiе послѣдняго присвоиваетъ себѣ это сужденiе, какъ и всякую другую часть мыслей, лежащихъ въ его основѣ.

Число *18*, съ которымъ самымъ безсмысленнымъ образомъ связано въ сновидѣнiи это сужденiе, сохраняетъ еще слѣды того источника, изъ котораго взято само сужденiе. Наконецъ, «я не знаю, какой сейчасъ годъ» означаетъ не что иное, какъ мое отождествленiе себя съ паралитикомъ.

При разъясненiи мнимыхъ сужденiй въ сновидѣнiи слѣетъ руководствоваться тѣмъ вышеуказаннымъ правиламъ толкованiя, что связь отдѣльныхъ элементовъ сновидѣнiя настолько призрачна, что ее можно оставить въ сторонѣ и подвергать анализу каждый элементъ въ отдѣльности. Сновидѣнiе представляетъ собою конгломератъ, который въ цѣляхъ анализа долженъ быть снова раздробленъ на отдѣльныя части. Съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что въ сновидѣнiяхъ проявляется особая психическая сила, создающая эту мнимую связь отдѣльныхъ элементовъ, иначе говоря, подвергающая вторичной обработкѣ матерiалъ, добытый дѣятельностью сновидѣнiя. Эта сила и является четвертымъ моментомъ образованiя сновидѣнiй; о ней рѣчь будетъ впереди.

VI. Я ищу другихъ примѣровъ мыслительной работы въ сообщенныхъ мною ранѣе сновидѣнiяхъ. Въ абсурдномъ сновидѣнiи о письмѣ общиннаго совѣта я спрашиваю: Ты женился вскорѣ послѣ этого? Я высчитываю, что я родился въ *1856* году; это представляется мнѣ непосредственно слѣдующимъ другъ за другомъ. Мы видимъ тутъ своего рода умозаключенiе. Отецъ женился въ 1851 году; я, старшiй, родился въ 1856 году. Это вѣрно. Мы знаемъ, что это умозаключенiе желанiя,

что въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, содержится слѣдующее: разница въ 4—5 лѣтъ не имѣетъ никакого значенія. Однако, каждая часть этого умозаключенія какъ по содержанію, такъ и по формѣ детерминируется иначе въ мысляхъ, лежащихъ въ основѣ сновидѣнія. Жениться тотчасъ же послѣ леченія собирается мой паціентъ, на терпѣніе котораго жалуется мой коллега. Мое отношеніе къ отцу въ сновидѣніи напоминаетъ допросъ или экзаменъ и вызываетъ въ памяти представленіе объ одномъ университетскомъ преподавателѣ, который при записи студентовъ устраивалъ форменный допросъ. Когда родились?—Отецъ?—Ему называли имя отца съ латинскимъ окончаніемъ; мы, студенты, думали, что гофратъ изъ имени отца дѣлаетъ умозаключенія, для которыхъ слишкомъ мало данныхъ въ имени самого студента. Такимъ образомъ, умозаключеніе въ сновидѣніи является лишь повтореніемъ другого, представляющаго собою часть матеріала въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ. Отсюда мы узнаемъ кое-что новое. Если въ содержаніи сновидѣнія имѣется умозаключеніе, то оно исходитъ, навѣрное, изъ мыслей; въ послѣднихъ же оно можетъ быть частью матеріала воспоминаній, либо же въ качествѣ логической связи можетъ соединять рядъ отдѣльныхъ мыслей. Въ томъ и другомъ случаѣ умозаключеніе въ сновидѣніи представляетъ собою умозаключеніе въ мысляхъ, лежащихъ въ его основѣ *).

Мы можемъ продолжить анализъ сновидѣнія. Съ допросомъ профессора связано воспоминаніе о спискѣ студентовъ (въ мое время составлявшемся по-латыни). И далѣе о моихъ занятіяхъ. Пяти лѣтъ, предназначенныхъ для прохожденія курса медицинскаго факультета, для меня оказалось недостаточно. Я продолжалъ заниматься, хотя мои знакомые и считали меня бездѣльникомъ, сомнѣваясь, что изъ меня что-нибудь «выйдетъ». Тогда я рѣшилъ поскорѣе сдать экзамены и добился своего. Новое подкрѣпленіе мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. «Хоть вы и сомнѣваетесь во мнѣ, все-таки я достигъ цѣли, все-таки я кончилъ (zum Schluss gekommen)».

То же сновидѣніе содержитъ въ началѣ своемъ элементѣ, за которыми нельзя не признать характера аргументаціи. Эта аргументація даже не абсурдна, она могла бы съ такимъ же

---

*) Это положеніе вноситъ нѣкоторую поправку въ мои предыдущія утвержденія относительно изображенія логической связи. Выше, однако, я описывалъ общій характеръ дѣятельности сновидѣнія и не касался ея мелкихъ деталей.

успѣхомъ, относиться и къ бодрственному мышленію. Я смѣюсь въ сновидѣніи надъ письмомъ общиннаго совѣта, такъ какъ, во-первыхъ, въ 1851 году меня не было еще въ живыхъ, во-вторыхъ, же отецъ, къ которому это можетъ относиться, уже умеръ. То и другое не только справедливо, но совпадаетъ вполнѣ съ аргументами, которые я могъ бы привести въ случаѣ полученія такого письма. Изъ прежняго анализа мы знаемъ, что это сновидѣніе возникло на почвѣ мыслей, преисполненныхъ горькимъ сарказмомъ; если мы примемъ во вниманіе кромѣ того и чрезвычайно существенные мотивы къ воздѣйствію цензуры, то поймемъ, что сновидѣніе имѣетъ полное основаніе конструировать безупречное опроверженіе абсурднаго предположенія по примѣру, содержащемуся въ мысляхъ, скрывающихся за нимъ. Анализъ показываетъ, однако, что на сновидѣніе не возлагается труда самостоятельнаго творчества: оно можетъ и должно использовать съ этой цѣлью матеріалъ изъ мыслей. Все это похоже на то, какъ если бы въ какомъ-нибудь алгебраическомъ уравненіи помимо знаковъ + и — имѣлись еще знаки потенціала и радикала и кто-нибудь, описывая это уравненіе и не понимая его, переписалъ бы эти знаки вмѣстѣ съ цифрами въ полномъ безпорядкѣ. Оба вышеназванныхъ аргумента можно свести къ слѣдующему матеріалу. Мнѣ непріятно сознавать, что нѣкоторыя положенія, которыя я кладу въ основу своего психологическаго пониманія психоневрозовъ, могутъ вызвать по ихъ опубликованіи недовѣріе и смѣхъ. Такъ, напримѣръ, я утверждаю, что уже впечатлѣнія второго года жизни, а иногда даже и перваго, оставляютъ прочный слѣдъ въ душѣ впослѣдствіи заболѣвающихъ и, хотя чрезмѣрно преувеличиваются и искажаются памятью, все же могутъ дать первую и наиболѣе глубокую основу истерическихъ симптомовъ. Паціенты, которымъ я это въ нужный моментъ разъясняю, стараются пародировать мое положеніе, выискивая воспоминанія о томъ времени, когда ихъ еще не было въ живыхъ. То же самое могло произойти, по моему мнѣнію, и съ раскрытіемъ неожиданной роли, которую у больныхъ женщинъ въ ихъ раннихъ сексуальныхъ побужденныхъ играетъ отецъ И то и другое, по моему глубокому убѣжденію, вполнѣ справедливо. Для подтвержденія я перебираю въ умѣ нѣсколько примѣровъ, когда ребенокъ теряетъ отца въ раннемъ дѣтствѣ и когда позднѣйшіе факты, иначе не поддающіеся объясненію, доказываютъ, что ребенокъ сохранилъ все-таки безсознательно воспоминаніе о столь рано утраченномъ имъ близкомъ человѣкѣ. Я знаю, что оба мои утвержденія по

коятся на выводахъ, справедливость которыхъ можетъ вызвать возраженія. Такимъ образомъ, лишь задача осуществленія желанія способствуетъ тому, что сновидѣніе использовываетъ для конструированія безупречныхъ умозаключеній матеріалъ именно этихъ выводовъ.

VII. Въ сновидѣніи, котораго я касался выше лишь вскользь, высказывается удивленіе по поводу трактуемый имъ темы.

Старый Брюкке поручилъ мнѣ, повидимому, произвести какой-то опытъ; страннымъ образомъ дѣло идетъ о препарированіи нижней части моего собственнаго тѣла, таза и ногъ. Я вижу ихъ передъ собой, какъ въ анатомическомъ театрѣ, но не испытываю при этомъ ни боли, ни ужаса. Препарируетъ меня Луиза Н. Мой тазъ очищается отъ мышцъ; я вижу его сверху и снизу, вижу и большіе кровавые узлы мускуловъ и думаю о геморроѣ. Необходимо еще снять все, что покрываетъ стѣнки и напоминаетъ серебряную фольгу. Но, вотъ, я опять очутился на ногахъ, пошелъ по городу, но, уставъ, взялъ извозчика. Къ моему удивленію извозчикъ въѣхалъ въ какія-то ворота; мы попали въ узкій проѣздъ, который въ концѣ заворачиваетъ и ведетъ на открытую площадь. Потомъ я отправился куда-то вмѣстѣ съ альпійскимъ проводникомъ. У мѣня устали ноги и онъ понесъ меня. Кругомъ было болото; мы шли по краю его. На землѣ сидѣли люди, среди иихъ дѣвушки; впечатлѣніе цыганскаго табора или поселенія индѣйцевъ. Передъ этимъ я самъ еще все-таки шелъ по болотистой мѣстности и удивлялся, какъ я способенъ на это, несмотря на операцію. Наконецъ, мы пришли въ какой-то маленькій деревянный домъ, у котораго вмѣсто задней стѣны было большое окно. Проводникъ спустилъ меня на полъ и положилъ на подоконникъ двѣ лежавшихъ тутъ же доски

чтобы я могъ перейти черезъ ровъ, вырытый подъ окномъ. Тутъ меня охватилъ страхъ за мои ноги. Но вмѣсто перекинутаго мостика я увидѣлъ двухъ взрослыхъ мужчинъ, лежавшихъ на деревянныхъ скамьяхъ вдоль стѣнъ, и рядомъ съ ними двухъ дѣтей. Какъ будто не доски, а дѣти должны были послужить мостомъ для перехода.—Въ страхѣ я просыпаюсь.

Кто составилъ себѣ достаточное представленіе объ интенсивности процесса сгущенія въ сновидѣніи, тотъ пойметъ безъ труда, сколько страницъ долженъ былъ бы занять анализъ этого сновидѣнія. Но въ видахъ связности изложенія я воспользуюсь имъ, лишь какъ примѣромъ элемента удивленія, которое въ данномъ случаѣ реализуется въ фразѣ: «страннымъ образомъ». Перехожу къ мотиву моего сновидѣнія. Имъ послужилъ визитъ той самой Луизы Н., которая въ сновидѣніи препарируетъ мое туловище. Она пришла ко мнѣ и сказала: «Дай мнѣ что-нибудь почитать».—Я предлагаю ей романъ «Она» Райдеръ Гаггарда. «Странная книга, но въ ней много скрытаго смысла», начинаю я говорить, «тутъ и вѣчная женственность, и безсмертіе чувства— — »— Но она перебиваетъ меня: «Я ее ужъ читала. Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь своего? »—« Нѣтъ, мои собственныя безсмертныя произведенія еще не написаны». —« Такъ когда же выйдетъ твое послѣднее сочиненіе, которое, какъ ты обѣщалъ, будетъ доступно и для насъ?» спрашиваетъ она. Я понимаю, что ея устами говоритъ другой, и молчу; я думаю о томъ, что мнѣ приходится побороть въ себѣ, чтобы выпустить въ свѣтъ мое сочиненіе о сновидѣніяхъ, въ которомъ я долженъ опубликовать столько подробностей своей личной жизни. Препарированіе собственнаго тѣла, которое я вижу въ сновидѣніи, есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ самоанализъ, связанный съ сообщеніемъ собственныхъ сновидѣній. Старый Брюкке вполнѣ тутъ у мѣста; уже въ первые годы своей научной дѣятельности я до тѣхъ поръ не рѣшался опубликовать одну изъ своихъ работъ, пока его энергичное воздѣйствіе не побудило меня къ этому. Дальнѣйшія мысли, однако, связанныя съ разговоромъ съ Луизой Н., имѣютъ слишкомъ глубокіе корни, чтобы быть сознательными; онѣ отклоняются отъ своего пути благодаря упоминанію о романѣ «Она» Райдеръ Гаггарда. Къ этой книгѣ и къ другой того же автора «Сердце міра» относится мое сужденіе «стран-

нымъ образомъ», между тѣмъ какъ многочисленные элементы самого сновидѣнія заимствованы изъ обоихъ фантастическихъ романовъ. Болото, черезъ которое меня несетъ проводникъ, ровъ, который нужно перейти черезъ мостикъ и т. п. относятся къ роману «Она»; индѣйцы, дѣвушка и деревянный домикъ—къ «Сердцу міра». Въ обоихъ романахъ центральное лицо—женщина, въ обоихъ идетъ рѣчь объ опасныхъ странствованіяхъ. Усталыя ноги—несомнѣнное отраженіе реальнаго ощущенія предыдущихъ дней. Имъ соотвѣтствовала, по всей вѣроятности, общая усталость и мысль: Сколько смогу я еще влачить ноги? Въ романѣ «Она» дѣло кончается тѣмъ, что героиня вмѣсто того, чтобы достичь безсмертія себѣ и другимъ, находитъ смерть въ центральномъ огнѣ земного шара. Аналогичное чувство страха имѣлось, несомнѣнно, и въ мысляхъ, лежавшихъ въ основѣ сновидѣнія. «Деревянный домъ»—это гробъ могила. Но въ изображеніи этой самой непріятной и жуткой изъ всѣхъ мыслей при помощи осуществленія желанія сновидѣніе проявило выдающіяся способности. Я дѣйствительно былъ однажды въ могилѣ, въ этрусской гробницѣ въ Орвіетто; это было тѣсное помѣщеніе съ двумя каменными скамьями вдоль стѣнъ, на которыхъ лежали два скелета. Совершенно такой же видъ имѣетъ деревянный домъ въ сновидѣніи съ той только разницей, что камень замѣненъ здѣсь деревомъ. Сновидѣніе говоритъ, повидимому: «Если ужъ тебѣ суждено покоиться въ гробу, пусть это будетъ хоть этрусская гробница»; этимъ замѣщеніемъ она превращаетъ печальную мысль въ желаніе. Къ сожалѣнію, однако, сновидѣніе, какъ мы увидимъ ниже, можетъ обратить въ противоположность лишь представленіе, сопровождающее аффектъ, а не его самаго. Поэтому-то я и просыпаюсь въ страхѣ; предварительно, однако, находитъ свое изображеніе та мысль, что, быть можетъ, дѣти достигнутъ того, чего не достигъ отецъ; это еще одно указаніе на фантастаческій романъ, въ которомъ проводится мысль о сохраненіи существенныхъ чертъ личности въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній.

VIII. Въ слѣдующемъ сновидѣніи имѣется также выраженіе удивленія по поводу переживаемаго, но тутъ оно связано съ попыткой такого оригинальнаго, глубокаго и положительно остроумнаго объясненія, что я изъ-за него одного считалъ бы нужнымъ подвергнуть все сновидѣніе анализу, если бы въ немъ не было даже еще двухъ элементовъ, могущихъ для насъ быть интересными. Ночью съ 18 на 19 іюля я ѣхалъ по южной желѣзной дорогѣ, уснулъ въ купэ и во снѣ услыхалъ: «Голл-

турнъ 10 минутъ!» Я думаю тотчасъ же о Голотуріи—естественно-историческомъ музеѣ; это мѣстечко, въ которомъ горсть храбрецовъ мужественно боролась съ деспотизмомъ повелителя страны.—Да, да, контръ-революція въ Австріи!—Какъ будто мѣстечко это въ Штиріи или Тиролѣ.—Но вотъ я вижу смутно небольшой музей, въ которомъ сохраняются воспоминанія объ этихъ людяхъ. Я хочу выйти изъ вагона, но колеблюсь. На перронѣ много женщинъ, торгующихъ овощами; онѣ сидятъ, подобравъ ноги и протягиваютъ пассажирамъ свои корзины.—Я не рѣшался выйти изъ вагона, боясь, что поѣздъ уйдетъ; между тѣмъ онъ все еще стоитъ на станціи.—Неожиданно я оказываюсь въ другомъ купэ, сидѣнія тутъ такія узкія, что спинкой касаешься непосредственно спинокъ*). Я удивляюсь этому,—но вѣдь я могъ перейти въ другое купэ въ сонномъ состояніи. Тутъ нѣсколько человѣкъ, среди нихъ братъ съ сестрой, англичане. На полкѣ, на стѣнѣ много книгъ. Я вижу «Wealth of nations» и «Matter and Motion» Максуэлля въ толстыхъ, коричневыхъ, холщевыхъ переплетахъ. Братъ спрашиваетъ сестру, не забыла ли она захватить сочиненія Шиллера. Книги на стѣнѣ, принадлежатъ какъ будто то мнѣ, то англичанамъ. Мнѣ хочется вмѣшаться въ ихъ разговоръ. Я просыпаюсь весь въ поту. Окна въ купэ закрыты. Поѣздъ стоитъ въ Марбургѣ.

Во время записи сновидѣнія мнѣ приходитъ въ голову еще одна его часть, пропущенная памятью. Я указываю англичанамъ на одну изъ книгъ и говорю: It is from... Но поправляюсь тотчасъ же: It is by... Братъ замѣчаетъ сестрѣ: Онъ сказалъ правильно.

Сновидѣніе начинается съ названія станціи; крикъ кондуктора, очевидно, разбудилъ меня не вполнѣ. Я замѣнилъ Мар-

---

*) Эта фраза непонятна мнѣ самому, но я слѣдую правилу излагать сновидѣніе такъ, какъ оно приходило мнѣ въ голову при его записываніи. Словесное выраженіе тоже вѣдь часть изобразительной дѣятельности сновидѣнія.

бургъ Голлтурномъ. То, что я слышалъ восклицанie «Марбургъ», доказывается упоминанiемъ въ сновидѣнiи о Шиллерѣ, который родился въ Марбургѣ, хотя, правда, не въ Штирiи*).

Я ѣхалъ хотя и въ первомъ классѣ, но очень неудобно. Поѣздъ былъ переполненъ, въ купэ я нашелъ господина и даму; они были въ достаточной мѣрѣ безтактны и не сочли даже нужнымъ скрыть своего неудовольствiя по поводу моего вторженiя. На мой вѣжливый поклонъ они не отвѣтили; хотя они и сидѣли рядомъ, на противоположной скамейкѣ, однако дама поспѣшила занять своимъ зонтикомъ и третье мѣсто направо у окна. Дверь тотчасъ же они закрыли и стали демонстративно говорить объ опасности сквозняка. Они, вѣроятно, замѣтили, что я страдаю отъ жары. Ночь была теплая, и въ купэ, закрытомъ со всѣхъ сторонъ, было нестерпимо душно. По опыту я знаю, что такъ обычно ведутъ себя пассажиры, ѣдущiе по безплатнымъ билетамъ. И дѣйствительно, когда пришелъ кондукторъ и я предъявилъ билетъ, раздался важный, чуть ли не грозный окрикъ дамы: «У насъ служебные». Она была высокаго роста, полная, въ возрастѣ критическомъ для женской красоты; мужъ ея все время молчалъ и сидѣлъ неподвижно. Я попробовалъ уснуть, и въ сновидѣнiи жестоко отомстилъ своимъ нелюбезнымъ спутникамъ. Трудно представить себѣ, какiя оскорбленiя и ругательства по ихъ адресу скрываются за отрывочными элементами первой половины сновидѣнiя. Послѣ удовлетворенiя этой жажды мести проявилось желанiе перейти въ другое купэ. Но тутъ, однако, что-то заставляетъ меня найти объясненiе этой перемѣнѣ мѣста дѣйствiя сновидѣнiя. Какъ я попалъ вдругъ въ другое купэ? Я вѣдь не помню, чтобы я переходилъ. Мнѣ оставалось только одно: предположить, что я перешелъ въ сонномъ состоянiи; это очень странное явленiе, но примѣры его знакомы невропатологамъ. Намъ извѣстны случаи, когда человѣкъ совершаетъ путешествiе въ полубезсознательномъ состоянiи, ничѣмъ, однако, не обнаруживая его; проходитъ нѣкоторое время, и онъ приходитъ въ себя и самъ удивляется пробѣламъ въ своихъ воспоминанiяхъ. Такимъ случаемъ «automatisme

---

*) [Шиллеръ родился не въ Марбургѣ, а въ Марбахѣ; это знаетъ каждый нѣмецкiй гимназистъ; знаю это, конечно, и я. Это снова одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя вкрадываются въ изложенiе въ видѣ возмѣщенiя умышленнаго искаженiя и которыя я пытался разъяснить въ своей «Психопатологiи обыденной жизни»].

ambulatoire» я уже въ сновидѣніи считаю мой переходъ изъ одного купэ въ другое.

Анализъ допускаетъ и другое толкованіе. Объясненіе, которое удивляетъ меня, если я приписываю его дѣятельности самого сновидѣнія, неоригинально, а скопировано съ невроза одного изъ моихъ паціентовъ. Мнѣ приходилось уже разсказывать объ этомъ чрезвычайно интеллигентномъ и въ общемъ весьма добродушномъ молодомъ человѣкѣ, который вскорѣ послѣ смерти родителей сталъ приписывать себѣ преступныя наклонности убійцы и страдалъ отъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя принялъ противъ себя самого, желая предотвратить возможность проявленія этихъ наклонностей. Это былъ случай тяжелой формы навязчивыхъ мыслей при полномъ сохраненіи разсудка. Вначалѣ онъ мучился, гуляя по улицѣ, необходимостью отдавать себѣ отчетъ, куда дѣваются встрѣчные прохожіе; когда кто-нибудь ускользалъ отъ его преслѣдующаго взгляда, онъ испытывалъ мучительное сомнѣніе, не онъ ли «убралъ» его. Между прочимъ, за этомъ скрывалось представленіе о Каинѣ, ибо вѣдь «всѣ люди братья». Въ концѣ концовъ онъ пересталъ выходить изъ дому и сталъ жить въ четырехъ стѣнахъ своей квартиры. До него черезъ посредство газетъ продолжали, однако, доходить извѣстія объ убійствахъ, совершаемыхъ въ городѣ, и его совѣсть внушала ему своего рода сомнѣніе, не онъ ли преступникъ, котораго ищутъ. Сознаніе, что онъ уже нѣсколько недѣль не выходилъ изъ дому, предотвращало въ первое время эти сомнѣнія, пока однажды ему не пришло въ голову, что онъ могъ выйти изъ дому въ безсознательномъ состояніи и такимъ образомъ совершить убійство, самъ о немъ не помня, понятно. Съ этого дня онъ заперъ парадную дверь, вручилъ ключъ привратницѣ и категорически запретилъ ей отдавать ему этотъ ключъ, даже если онъ его у нея потребуетъ.

Сюда относится, такимъ образомъ, мое объясненіе того, что я перешелъ въ другое купэ въ безсознательномъ состояніи; оно перенесено въ сновидѣніе въ готовомъ видѣ изъ мыслей, скрывающихся за нимъ, и имѣетъ очевидною цѣлью отождествить меня съ личностью этого паціента. Воспоминаніе о немъ пробудилось благодаря слѣдующей ассоціаціи. Нѣсколько недѣль назадъ мнѣ пришлось провести съ этимъ господиномъ ночь въ купэ; онъ совершенно выздоровѣлъ и сопровождалъ меня въ провинцію къ своимъ родственникамъ, которые вызвали меня на консультацію. Мы заняли отдѣльное купэ, открыли окно и долго

бесѣдовали. Я зналъ, что его болѣзнь коренится во враждебныхъ импульсахъ по отношенію къ отцу, относящихся къ его раннему дѣтству и имѣющихъ сексуальное основаніе. Вторая сцена сновидѣнія сводится дѣйствительно къ представленію о томъ, что мои нелюбезные спутники потому такъ возстановлены противъ меня, что мой приходъ помѣшалъ ихъ нѣжному tête-à-tête. Это представленіе относится, однако, къ воспоминанію дѣтства: ребенокъ, побуждаемый, вѣроятно, половымъ любопытствомъ, крадется въ спальню родителей, но встрѣчаетъ грозный окрикъ отца.

Я считаю излишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры. Всѣ они подтвердили бы только то, что мы заключили уже изъ всѣхъ нами разобранныхъ; то, что актъ сужденія въ сновидѣніи представляетъ собою лишь повтореніе своего образца въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ. Въ большинствѣ случаевъ повтореніе это ни съ чѣмъ не связано и плохо приспособлено къ остову сновидѣнія; иногда же, какъ въ нашихъ послѣднихъ примѣрахъ, оно использовано настолько удачно, что на первый взглядъ производитъ впечатлѣніе самостоятельнаго мышленія въ сновидѣніи. Въ дальнѣйшемъ мы обратимся къ разсмотрѣнію той психической дѣятельности, которая хотя и не всегда, повидимому, фигурируетъ при образованіи сновидѣній, но которая, будучи на-лицо, стремится безупречно и осмысленно соединить въ одно цѣлое элементы сновидѣнія, столь различные по своему происхожденію. Предварительно, однако, мы должны разсмотрѣть аффекты, проявляющіеся въ сновидѣніи, и сравнить ихъ съ аффектами, вскрываемыми анализомъ въ мысляхъ, лежащихъ въ основѣ сновидѣнія.

g) Аффекты въ сновидѣніи.

Чрезвычайно мѣткое замѣчаніе Штрикера [77]) обратило наше вниманіе на то, что проявленія аффектовъ въ сновидѣніи не допускаютъ того пренебреженія, съ которымъ мы относимся по пробужденіи къ содержанію сновидѣнія. «Если я въ сновидѣніи боюсь разбойниковъ, то хотя разбойники и иллюзія, зато страхъ вполнѣ реаленъ»; точно такъ же обстоитъ дѣло и въ томъ случаѣ, когда въ сновидѣніи я испытываю радость. По свидѣтельству нашего ощущенія аффектъ, испытываемый нами въ сновидѣніи, отнюдь не менѣе значителенъ, чѣмъ испытываемый наяву и обладающій тою же интенсивностью; болѣе энергично, чѣмъ кругомъ своихъ представленій, требуетъ сновидѣніе своими аффектами включенія въ число дѣйствительныхъ переживаній

нашей души. Мы не производимъ, однако, этого включенія въ бодрственномъ состояніи, такъ какъ не умѣемъ психически оцѣнивать аффектъ иначе, какъ только въ связи съ опредѣленнымъ кругомъ представленій. Если аффектъ и представленіе по характеру своему и интенсивности не совпадаютъ, то наше бодрственное сужденіе приходитъ въ смущеніе.

Въ сновидѣніяхъ вызывало всегда удивленіе то обстоятельство, что представленія не сопровождаются аффектами, которые въ бодрственномъ мышленіи мы считаемъ необходимыми. Штрюмпель говоритъ, что въ сновидѣніи представленія утрачиваютъ свою психическую цѣнность. Съ другой стороны, мы можемъ наблюдать нерѣдко и то, что интенсивный аффектъ возникаетъ по поводу содержанія, не дающаго, повидимому, ни малѣйшаго повода къ этому. Я нахожусь въ сновидѣніи въ ужасномъ, опасномъ положеніи или въ отвратительной обстановкѣ, но не испытываю при этомъ ни страха, ни отвращенія; въ другой разъ, наоборотъ, я могу возмутиться самыми невинными вещами или могу обрадоваться по поводу какой-либо бездѣлицы.

Эту загадку сновидѣнія разрѣшить легче, чѣмъ всякую другую: намъ достаточно только перейти отъ явнаго содержанія сновидѣнія къ скрытому. Мы не будемъ останавливаться даже на этомъ, а скажемъ только: анализъ показываетъ намъ, что представленія претерпѣваютъ различнаго рода замѣщенія и передвиганія, между тѣмъ какъ аффекты остаются въ неизмѣненномъ видѣ. Неудивительно, поэтому, что представленія, измѣненныя искажающей дѣятельностью сновидѣнія, перестаютъ соотвѣтствовать неизмѣнившимся аффектамъ: стоитъ только анализу переставить истинное содержаніе на его прежнее мѣсто, какъ соотвѣтствіе будетъ вновь возстановлено.

Въ психическомъ комплексѣ, подвергшемся воздѣйствію цензуры, единственной неприкосновенной составной частью являются аффекты; лишь они могутъ указать намъ правильный путь къ толкованію. Еще болѣе рельефно, чѣмъ въ сновидѣніи, проявляется эта особенность въ психоневрозахъ. Аффектъ здѣсь всегда обоснованъ, по крайней мѣрѣ, по характеру своему; лишь интенсивность его можетъ повышаться вслѣдствіе колебанія невротическаго вниманія. Если истерикъ удивляется, почему онъ боится какой-нибудь бездѣлицы, или если человѣкъ, страдающій навязчивыми представленіями, недоумѣваетъ, почему какой-нибудь пустякъ можетъ вызывать въ немъ столь тягостныя

угрызенія совѣсти, то оба заблуждаются, считая наиболѣе существеннымъ эту бездѣлицу или пустякъ; они тщетно борются, беря исходнымъ пустякомъ своего мышленія эти представленія. Психоанализъ указываетъ намъ правильный путь, признавая, наоборотъ, самый аффектъ вполнѣ обоснованнымъ и отыскивая представленіе, относящееся къ нему, но оттѣсненное произведеннымъ замѣщеніемъ. Мы предполагаемъ, конечно, что проявленіе аффекта и кругъ представленій не составляютъ того неразрывнаго органическаго цѣлаго, какимъ мы ихъ привыкли считать: обѣ эти части лишь спаяны другъ съ другомъ и могутъ быть безъ труда раздѣлены при помощи анализа. Толкованіе сновидѣній указываетъ на то, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ.

Я приведу сначала примѣръ, въ которомъ анализъ разъясняетъ отсутствіе аффекта при кругѣ представленій, который, несомнѣнно, долженъ былъ бы вызвать таковый.

I. Она видитъ въ пустынѣ трехъ львовъ, изъ которыхъ одинъ смѣется; она ихъ не боится. Но ей все-таки приходится, должно быть, спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, такъ какъ она хочетъ влѣзть на дерево; но ее опередила ея кузина, французская учительница и т. д.

Анализъ представляетъ намъ слѣдующій матеріалъ. Индифферентнымъ мотивомъ сновидѣнія послужила фраза изъ учебника англійскаго языка: грива—украшеніе льва. У отца ея была большая борода, обрамлявшая лицо, точно грива. Ея англійскую учительницу зовутъ миссъ Ліонсъ (Lions—львы). Одинъ знакомый прислалъ ей томикъ балладъ Леве (Löwe—левъ). Вотъ и три льва; чего же ей ихъ бояться?—Она читала недавно разсказъ, въ которомъ негра преслѣдуетъ толпа; негръ влѣзаетъ на дерево. Вслѣдъ за этимъ идутъ другія воспоминанія аналогичнаго характера, рецептъ охоты на львовъ, даваемый юмористическимъ журналомъ,—нужно взять пустыню и просѣять ее черезъ рѣшето, песокъ просѣется, а львы останутся. Затѣмъ забавный, но не совсѣмъ приличный анекдотъ про одного служащаго: его спросили, почему онъ не постарается заслужить благосклонность начальника; онъ отвѣтилъ, я хотѣлъ было пролѣзть, да меня опередилъ другой. Весь этотъ матеріалъ становится понятенъ, если принять во вниманіе, что грезившая принимала у себя наканунѣ сновидѣнія начальника своего мужа. Онъ былъ очень любезенъ, поцѣловалъ ей руку, и она пере-

стала бояться его, несмотря на то, что онъ «крупный звѣрь» и считается въ столицѣ «свѣтскимъ львомъ».

II. Для второго примѣра я сошлюсь на сновидѣніе той дѣвушки, которой приснился маленькій сынъ ея сестры, лежащій въ гробу, но которая, какъ я добавлю теперь, не испытала при этомъ ни скорби, ни грусти. Изъ анализа мы уже знаемъ, почему это было именно такъ. Сновидѣніе скрываетъ лишь ея желаніе свидѣться съ любимымъ человѣкомъ. Аффектъ направленъ именно на это желаніе, а не на его сокрытіе. Къ скорби не было никакого повода.

Въ нѣкоторыхъ еновидѣніяхъ аффектъ сохраняетъ все-таки хотя слабую связь съ тѣмъ кругомъ представленій, который замѣстилъ соотвѣтствующій ему. Въ другихъ же разложеніе комплекса происходитъ энергичнѣе. Аффектъ совершенно отдѣляется отъ соотвѣтствующаго ему представленія и включается въ какое-либо мѣсто сновидѣнія, наиболѣе подходящее для него въ новомъ расположеніи элементовъ послѣдняго. Дѣло обстоитъ тутъ аналогично тому, какъ въ вопросѣ о роли и значеніи актовъ сужденія въ сновидѣніяхъ. Если въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, имѣется какое-либо болѣе или менѣе значительное сужденіе, то таковое же имѣется и въ самомъ сновидѣніи; но въ послѣднемъ оно можетъ относиться совершенно къ другому матеріалу. Нерѣдко такое передвиженіе совершается по принципу противоположности.

Послѣдній случай я разъясню на слѣдующемъ примѣрѣ, который я подвергаю исчерпывающему анализу.

III. Замокъ на берегу моря,—впослѣдствіи, однако, на берегу не моря, а узкаго канала, ведущаго въ море. Г. П.—губернаторъ крѣпости. Я стою вмѣстѣ съ нимъ въ большой трехсвѣтной залѣ; передъ окнами возвышаются форты. Я—морской офицеръ, прикомандированный къ гарнизону. Мы опасаемся нападенія непріятельскихъ кораблей; крѣпость на осадномъ положеніи. Г. П. намѣревается уйти, онъ даетъ мнѣ указанія, какъ дѣйствовать въ случаѣ нападенія. Его больная жена вмѣстѣ съ дѣтьми тутъ же въ крѣпости. Когда начнется бомбардировка, надо будетъ очистить большую залу. Онъ дышетъ тяжело и хочетъ уйти. Но я удерживаю его и спрашиваю, какъ въ случаѣ необходимости послать ему донесеніе.

Онъ отвѣчаетъ мнѣ что-то, но вдругъ падаетъ мертвый. По всей вѣроятности, я чрезмѣрно утомилъ его вопросами. Смерть его не производитъ, однако, на меня впечатлѣнія, я думаю о томъ, останется ли вдова въ замкѣ, нужно ли мнѣ донести о смерти губернатора главнокомандующему и вступлю ли я, какъ слѣдующій по старшинству, въ начальствованіе надъ крѣпостью. Я стою у окна и смотрю на проходящіе корабли; по зеленой водѣ быстро мчатся купеческія суда, одни съ нѣсколькими трубами, другія съ пузатой крышей (похожей на крышу вокзала въ вступительномъ, не сообщаемомъ мною сновидѣніи). Подлѣ меня мой братъ; мы оба смотримъ въ окно на каналъ. При видѣ одного корабля мы пугаемся и восклицаемъ: Непріятельскій корабль! Оказывается, однако, что это возращаются суда, которыя я уже знаю. Проплываетъ небольшое судно, комично срѣзанное на половинѣ своей длины; на палубѣ видны странные предметы, что-то вродѣ бокаловъ и флаконовъ. Мы кричимъ въ одинъ голосъ: «Frühstucksschiff» («судно для завтрака»).

Быстрое движеніе кораблей, темная синева воды, черный дымъ трубъ,—все это вмѣстѣ производитъ мрачное, довольно гнетущее впечатлѣніе.

Мѣсто дѣйствія въ этомъ сновидѣніи составлено изъ воспоминаній о нѣсколькихъ путешествіяхъ по Адріатическому морю (Мирамаре, Дуино, Венеція, Аквилейя). Непродолжительная, но въ высшей степени пріятная поѣздка въ Аквалейю вмѣстѣ съ моимъ братомъ за нѣсколько недѣль до сновидѣнія была у меня свѣжа въ памяти. Морская война Америки и Испаніи и связанныя съ нею заботы о судьбѣ моихъ родственниковъ, живущихъ въ Америкѣ, играютъ тутъ тоже довольно видную роль. Въ двухъ мѣстахъ этого сновидѣнія имѣются проявленія аффекта. Въ одномъ мѣстѣ ожидаемый аффектъ отсутствуетъ,— тутъ имѣется категорическое указаніе на то, что смерть губернатора не производитъ на меня впечатлѣніе. Въ другомъ мѣстѣ, думая, что я вижу непріятельское судно, я пугаюсь и дѣйствительно испытываю въ сновидѣніи всѣ ощущенія страха. Аффекты размѣщены въ этомъ превосходно конструированномъ

сновидѣніи, такъ удачно, что избѣгнуто какое бы то ни было противорѣчіе. У меня вѣдь нѣтъ никакого основанія пугаться при смерти губернатора, и, съ другой стороны, вполнѣ естественно, что я въ качествѣ коменданта крѣпости пугаюсь при видѣ непріятельскаго корабля. Анализъ показываетъ, однако, что г. П. лишь замѣшаетъ мое собственное «я» (въ сновидѣніи я его преемникъ, замѣститель). Я—губернаторъ, который внезапно умираетъ. Мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ, интересуются будущимъ моихъ близкихъ въ случаѣ моей преждевременной смерти. Другой непріятной мысли въ матеріалѣ сновидѣнія не имѣется. Страхъ, связанный въ сновидѣніи съ видомъ непріятельскаго судна, долженъ быть перенесенъ оттуда и включенъ сюда. Анализъ показываетъ, наоборотъ, что кругъ мыслей, изъ которыхъ взятъ военный корабль, полонъ радостныхъ и свѣтлыхъ воспоминаній. Годъ тому назадъ мы были въ Венеціи, стояли въ одинъ дивный лѣтній день у окна нашей комнаты на Рива Чіавони и смотрѣли на лазурную лагуну, на которой какъ разъ было больше движенія, чѣмъ обыкновенно. Ожидались англійская суда и готовилась торжественная встрѣча. Вдругъ жена моя закричала радостно, какъ ребенокъ: Англійскій корабль! Въ сновидѣніи я пугаюсь при тѣхъ же словахъ; тутъ мы опять-таки видимъ, что рѣчь въ сновидѣніи происходитъ о ъ рѣчи въ дѣйствительности. Что и элементъ «англійскій» не остался неиспользованнымъ дѣятельностью сновидѣнія, мы скоро увидимъ. Я превращаю здѣсь, слѣдовательно, радость въ страхъ; мнѣ остается только упомянуть, что я благодаря этому превращенію изображаю часть скрытаго содержанія сновидѣнія. Примѣръ намъ показываетъ, однако, что сновидѣнію предоставляется право выдѣлить поводъ къ аффекту изъ его общей связи съ мыслями и включить въ любое мѣсто содержанія сновидѣнія.

Я пользуюсь тутъ случаемъ, чтобы подвергнуть болѣе детальному анализу «Frühstücksschif», появленіе котораго въ сновидѣніи столь абсурдно завершаетъ превосходно и осмысленно конструированную ситуацію. Напрягая свою память, я вспоминаю, что судно это было черное; со стороны его срѣзаннаго конца оно было похоже на одну вещь, обратившую на себя наше вниманіе въ музеяхъ этрусскихъ городовъ. То была прямоугольная чаша изъ черной глины съ двумя ручками; въ ней стояли вешицы на подобіе кофейныхъ или чайныхъ чашекъ; все вмѣстѣ напоминало сервизъ для завтрака (F r ü h s t ü c k). На наши разспросы намъ отвѣтили, что это туалетъ этрусской женщины съ принадлежностями для румянъ и для пудры; мы

шутя сказали, что было бы недурно привезти его женѣ въ подарокъ. Объектъ сновидѣнія означаетъ, слѣдовательно—черный туалетъ, трауръ и указываетъ на смерть. Другимъ своимъ концомъ объектъ сновидѣнія напоминаетъ ладью, на которую въ древности клали тѣло умершаго и пускали по волнамъ. Сюда относится и то, почему въ сновидѣніи суда возвращаются.

«Тихо, на спасенной ладьѣ, въ гавань вплываетъ старикъ».

Это возвращеніе послѣ кораблекрушенія (nach dem Schiffbruche), судно вѣдь сломано наполовину (abgebrochen) Откуда же названіе «Frühstücksschiff»? Здѣсь-то и использовывается слово «англійскій» (смотри выше). Завтракъ — Frühstück — breakfast — Fastenbrecher.—Brechen относится опять-таки къ Schiffbruch, а Fasten (постъ) имѣетъ связь съ трауромъ.

Однако, у этого судна лишь названіе образовано сновидѣніемъ. Само оно существовало въ дѣйствительности и напоминаетъ мнѣ пріятнѣйшіе часы моего послѣдняго путешествія. Относясь подозрительно къ кушанью въ Аквилейѣ, мы взяли съ собой провизію изъ Герца, купили въ Аквилейѣ бутылку чудеснаго истрійскаго вина и, въ то время какъ маленькій почтовый пароходъ медленно плылъ по каналу delle Mee, направляясь въ Градо, мы, единственные пассажиры, устроили себѣ на палубѣ превосходнѣйшій завтракъ, который пришелся намъ по вкусу, какъ никогда. Это и было, значитъ, «Frühstückshiff», и именно позади этого воспоминанія о пріятномъ удовольствіи скрываетъ сновидѣніе скорбныя мысли о неизвѣстномъ, загадочномъ будущемъ.

Отдѣленіе аффектовъ отъ представленій, вызывающихъ ихъ проявленіе,—наиболѣе яркое и рельефное измѣненіе, претерпѣваемое ими при образованіи сновидѣнія, но далеко не единственное и не наиболѣе существенное изъ всего того, чему подвергаются они на пути отъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, вплоть до явнаго содержанія послѣдняго. При сравненіи аффектовъ въ этихъ мысляхъ съ таковыми же въ сновидѣніи бросается въ глаза тотчасъ же слѣдующее: тамъ, гдѣ въ сновидѣніи имѣется аффектъ, онъ имѣется и въ мысляхъ, но не наоборотъ. Сновидѣніе въ общемъ болѣе бѣдно аффектами, нежели психическій матеріалъ, изъ обработки котораго оно образовалось; возстановивъ мысли, лежащія въ основѣ сновидѣнія, я вижу, что въ нихъ постоянно отражаются наиболѣе интенсивныя душевныя движенія, зачастую борющіяся съ другими, имъ діаметрально противоположными. Обращая же

взоръ снова на сновидѣніе, я вижу, что оно почти всегда безцвѣтно и лишено какой бы то ни было окраски интенсивнаго аффекта. Сновидѣніе подымаетъ на уровень безразличія не только содержаніе, но и эмоціональную окраску моего мышленія. Я рѣшаюсь утверждать даже, что сновидѣніе совершаетъ подавленіе аффектовъ. Возьмемъ хотя бы сновидѣніе о ботанической монографіи. Ему въ сновидѣніи соотвѣтствуетъ пламенная и убѣжденная защита моего права поступать такъ, какъ я хочу, и устраивать свою жизнь такъ, какъ мнѣ самому это кажется лучшимъ и правильнымъ. Возникшее отсюда сновидѣніе гласитъ въ самомъ безразличномъ тонѣ: я написалъ монографію, она лежитъ передо мной, въ ней много таблицъ въ краскахъ и засушенныхъ цвѣтовъ. Тутъ словно покой кладбища; не слышно и слѣда шума битвы.

Можетъ быть, правда, и иначе: и въ самомъ сновидѣніи могутъ быть интенсивныя проявленія аффектовъ; мы, однако, остановимся покамѣстъ на томъ неоспоримомъ фактѣ, что большинство сновидѣній представляются намъ крайне индифферентными, между тѣмъ какъ мысли, скрывающіяся за ними, связаны постоянно съ глубокимъ и повышеннымъ чувствомъ.

Дать здѣсь полное теоретическое объясненіе подавленія аффектовъ со стороны сновидѣнія я затрудняюсь: оно поставило бы на очередь подробное разсмотрѣніе теоріи аффектовъ и самаго процесса подавленія. Я выставлю лишь два положенія. Проявленіе аффекта я вынужденъ—по другимъ соображеніямъ—считать центрофугальнымъ процессомъ, направленнымъ вглубь нашего тѣла и аналогичнымъ моторнымъ и секреторнымъ процессомъ инерваціи. Подобно тому, какъ въ состояніи сна отсутствуетъ, повидимому, посылка моторныхъ импульсовъ на внѣшній міръ, такъ и центрофугальное вызываніе аффектовъ можетъ затрудняться безсознательнымъ мышленіемъ во время сна. Проявленія аффектовъ во время хода мыслей, полагаемыхъ въ основу сновидѣнія, въ значительной мѣрѣ сами по себѣ ослабляются; отсюда ясно, что не могутъ быть сильными и тѣ изъ нихъ, которыя включаются въ сновидѣніе. Согласно этому, въ «подавленіи аффектовъ» повинна, какъ будто не дѣятельность сновидѣнія, а просто-на-просто состояніе сна. Быть можетъ, это и такъ, но во всякомъ случаѣ это далеко еще не все. Мы должны подумать и о томъ, что каждое болѣе или менѣе сложное сновидѣніе оказывается результатомъ взаимодѣйствія различныхъ психическихъ силъ. Съ одной стороны, мыслямъ, образующимъ желаніе, приходится выдерживать сопротивленіе

цензирующей инстанціи, съ другой же, мы видѣли уже неоднократно,что даже въ безсознательномъ мышленіи каждая мысль связана съ другой, ею противорѣчащей; такъ какъ всѣ эти мысли способны вызывать аффекты, то въ общемъ мы едва ли впадемъ въ ошибку, если сочтемъ подавленіе аффектовъ результатомъ тормозящаго воздѣйствія, которое оказываютъ другъ на друга противорѣчивые элементы и которое испытываютъ подавленныя стремленія со стороны цензуры. Такимъ образомъ, подавленіе аффектовъ есть второй результатъ воздѣйствія цензуры въ сновидѣніи; первымъ результатомъ его было искаженіе.

Я приведу одинъ примѣръ, въ которомъ индифферентный тонъ содержанія сновидѣнія можетъ быть объясненъ противорѣчивостью мыслей, скрывающихся за послѣднимъ. Нижеслѣдующееe короткое сновидѣніе должно, конечно, вызвать у каждаго читателя чувство отвращенія.

IV. Возвышеніе; на немъ нѣчто вродѣ отхожаго мѣста; длинная скамья, на одномъ концѣ большое отверстіе. Весь задній край покрытъ испражненіями,—различной величины и свѣжести. Позади скамейки кустарникъ. Я испражняюсь на скамейку; длинная струя мочи смываетъ всю грязь. Засохшіе экскременты отдѣляются и падаютъ въ отверстіе. Но на концѣ остается все-таки что-то еще.

Почему не испыталъ я никакого отвращеніи при этомъ сновидѣніи?

Какъ показываетъ анализъ, только потому, что образованію этого сновидѣнія способствовали самыя пріятныя мысли. При анализѣ мнѣ тотчасъ же приходятъ въ голову авгіевы конюшни, очищенныя Геркулесомъ. Этотъ Геркулесъ—я. Возвышеніе и кустарникъ относятся къ мѣстности въ Аусзее, гдѣ живутъ сейчасъ мои дѣти. Я раскрылъ дѣтскую этіологію неврозовъ и тѣмъ самымъ предохранилъ своихъ дѣтей отъ заболѣванія. Скамейка (исключая, конечно, отверстія) въ точности напоминаетъ собою мебель, подаренную мнѣ одной благодарной паціенткой. Она свидѣтельствуетъ о томъ, что паціенты цѣнятъ меня. Даже собраніе человѣческихъ экскрементовъ допускаетъ самое невинное толкованіе. Какъ это ни странно, но это лишь воспоминаніе о прекрасной Италіи; тамъ въ маленькихъ городкахъ в.-к., какъ извѣстно, устроены чрезвычайно примитивно. Струя мочи, смывающая все вокругъ, несомнѣнное указаніе на манію величія. Точно такимъ же способомъ, Гулливеръ тушитъ пожаръ у лилипутовъ; этимъ, правда, онъ навлекаетъ

на себя немилость миніатюрной королевы. Но и Гаргантюа, сверхъ-человѣкъ мэтра Раблэ, мститъ аналогичнымъ образомъ парижанамъ; онъ садится верхомъ на Notre-Dame и направляетъ на городъ струю мочи. Книгу Раблэ съ иллюстраціями Гарнье я перелистывалъ какъ разъ вчера вечеромъ передъ сномъ. И удивительно: снова доказательство того, что я сверхъ-человѣкъ. Площадка на Notre-Dame была лѣтомъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ въ Парижѣ; каждый день я прогуливался тамъ между причудливыхъ и страшныхъ химеръ. То, что всѣ экскременты исчезаютъ такъ быстро, относится къ изреченію: afflavit et dissipati sunt, которое я поставилъ когда-то эпиграфомъ къ своему очерку терапіи истеріи.

А вотъ и активный поводъ сновидѣнія. Въ жаркій лѣтній вечеръ я читалъ лекцію о связи истеріи съ извращеніями; все, что я говорилъ, меня почему-то не удовлетворяло и казалось несущественнымъ и неважнымъ. Я былъ утомленъ, не испытывалъ никакого удовлетворенія своей работой и стремился прочь отъ этого копанія въ человѣческой грязи къ своимъ дѣтямъ и къ красотамъ Италіи. Въ такомъ состояніи духа я отправился изъ аудиторіи въ кафе, чтобы посидѣть немного на воздухѣ и чуть-чуть закусить; аппетита у меня, впрочемъ, не было. Но со мной пошелъ одинъ изъ моихъ слушателей; онъ попросилъ разрѣшенія посидѣть со мной, пока я выпью кофе, и началъ читать мнѣ панегирикъ: сколькому онъ отъ меня научился,—онъ смотритъ теперь на все другими глазами, я очистилъ авгіевы конюшни заблужденій и предразсудковъ въ ученіи о неврозахъ, словомъ я—великій человѣкъ. Мое настроеніе плохо подходило къ этому панегирику; я не могъ подавить отвращенія, ушелъ поскорѣе домой, стараясь избавиться отъ него, перелисталъ передъ сномъ книгу Рабле и прочелъ еще разсказъ К. Мейера: «Страданія одного мальчика».

Изъ этого матеріала и образовалось сновидѣніе; новелла Мейера включила въ него еще воспоминаніе дѣтства (ср. сновидѣніе о графѣ Тунѣ, послѣднюю часть). Настроеніе, проникнутое чувствомъ неудовлетворенности и отвращенія, проявилось въ сновидѣніи лишь постольку, что доставило почти весь матеріалъ его содержанію. Но ночью проявилось противоположное настроеніе и взяло верхъ надъ первымъ. Содержанію сновидѣнія пришлось принять такой характеръ, который далъ бы возможность въ одномъ и томъ же матеріалѣ выразить и желаніе умалить свои заслуги и желаніе превознести себя. Изъ этого компромисса и образовалось двусмысленное

содержаніе сновидѣнія, а изъ толкованія двухъ противорѣчій— его индифферентный тонъ.

По теоріи осуществленія желаній сновидѣніе это было бы невозможно, если бы съ чувствомъ отвращенія не столкнулась противуположная, хотя и подавленная, но пріятная манія величія. Непріятное не находитъ себѣ выраженія въ сновидѣніи; непріятное въ нашихъ мысляхъ включается въ сновидѣніе лишь въ томъ случаѣ, когда оно уступаетъ свое выраженіе осуществленію желанія.

Но сновидѣніе можетъ производить съ аффектами въ мысляхъ, скрывающихся за ними, еще и другія операціи,—не только включать ихъ въ свое содержаніе или подавлять. Оно можетъ обращать ихъ въ ихъ противоположность. Разсматривая правила толкованія, мы говорили о томъ, что каждый элементъ сновидѣнія можетъ означать въ толкованіи какъ свою противоположность, такъ и самого себя. Заранѣе никогда нельзя сказать этого; рѣшающее слово произноситъ здѣсь общая связь всего цѣлаго. Это обстоятельство было подмѣчено, повидимому, и народной мудростью: народные сонники при толкованіи сновидѣній очень часто поступаютъ по принципу контраста. Такое обращеніе въ противоположность становится возможнымъ благодаря внутреннему ассоціативному сцѣпленію, которое въ нашемъ мышленіи связываетъ представленіе о какомъ-либо предметѣ съ представленіемъ, ему противоположнымъ. Какъ и всякое передвиганіе, оно служитъ цѣлямъ цензуры, но становится нерѣдко и орудіемъ осуществленія желанія, такъ какъ послѣднее состоитъ вѣдь ни въ чемъ иномъ, какъ въ замѣщеніи непріятнаго представленія ему противоположнымъ.

Подобно представленіямъ, могутъ въ сновидѣніи обращаться въ противоположность и аффекты въ мысляхъ, скрывающихся за нимъ; по всей вѣроятности, это превращеніе аффектовъ производится большую частью цензурой. Подавленіе аффектовъ и превращеніе ихъ и въ соціальной жизни, въ которой мы нашли ту же цензуру, что и въ сновидѣніи, служитъ прежде всего цѣлямъ замаскированія, сокрытія. Когда я разговариваю съ кѣмъ-нибудь, съ кѣмъ я долженъ такъ или иначе считаться, но кому мнѣ хотѣлось бы высказать свои враждебныя чувства, то для меня гораздо важнѣе скрыть отъ него выраженіе своего аффекта, чѣмъ смягчить лишь словесное выраженіе своихъ мыслей. Если я говорю этому человѣку не враждебныя слова, но сопровождаю ихъ все же взглядомъ или жестомъ презрѣнія и ненависти, то впечатлѣніе у этого

человѣка получается почти то же, какъ если бы я беззастѣнчиво кинулъ ему въ лицо все свое презрѣніе. Цензура заставляетъ меня такимъ образомъ, прежде всего подавлять свои аффекты, и если я хорошій актеръ, то я проявлю противоположный аффектъ: буду смѣяться тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось бы возмущаться, и буду вѣжливъ тогда, когда мнѣ хотѣлось бы презирать.

Мы знаемъ уже одинъ превосходный примѣръ такого превращенія аффектовъ въ цѣляхъ цензуры сновидѣнія. Въ сновидѣніи о «дядѣ съ бородой» я испытываю нѣжное чувство къ своему другу Р., въ то время какъ мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ, ругаютъ его дуракомъ. Изъ этого примѣра превращенія аффектовъ мы вывели первое указаніе на наличность цензуры въ сновидѣніи. И здѣсь у насъ нѣтъ основанія предполагать, что сновидѣніе создаетъ заново этотъ контръ-аффектъ; оно находитъ его обычно въ готовомъ видѣ въ матеріалѣ мыслей и возвышаетъ его лишь психической силой контрмотивовъ до тѣхъ поръ, пока онъ не становится пригоденъ для образовании сновидѣнія. Въ упомянутомъ сновидѣніи о дядѣ нѣжный контръ-аффектъ проистекаетъ, повидимому, изъ источника дѣтства (какъ разъясняетъ и продолженіе сновидѣнія), такъ какъ отношенія дяди и племянника благодаря своеобразному характеру переживаній моего ранняго дѣтства стали для меня источникомъ всѣхъ дружескихъ и враждебныхъ чувствъ.

[Есть группа сновидѣній, особенно претендующихъ на наименованіе «лицемѣрныхъ» и подвергающихъ тяжелому испытанію теорію осуществленія желаній. Я обратилъ на нихъ вниманіе, когда г-жа д-ръ М. Гильфердингъ сообщила въ «Вѣнскомъ психоаналитическомъ обществѣ» слѣдующее интересное мѣсто изъ произведенія Розеггера.

Розеггеръ въ «Лѣсной родинѣ» (II т.) въ разсказѣ «Чужой» (стр. 303) говоритъ: «На сонъ я въ общемъ пожаловаться не могу, но въ безчисленное количество ночей я наряду со своей скромной жизнью студента и литератора влачилъ жизнь портновскаго подмастерья,—то была тѣнь, призракъ, отъ котораго я не могъ избавиться.

Днемъ я вовсе не часто погружался въ размышленія о своемъ прошломъ. Мечтателю, выросшему изъ кожи филистера, есть подумать кое о чемъ и другомъ. Но онъ не думалъ и о своихъ ночныхъ сновидѣніяхъ. Лишь впослѣдствіи, когда я научился размышлять обо всемъ и когда во мнѣ вновь за-

шевелилась душа филистера, я задумался надъ тѣмъ, почему въ сущности я всегда играю въ сновидѣніяхъ роль портновскаго подмастерья и почему въ качествѣ таковаго я всю жизнь работаю безъ вознагражденія на своего мастера. Когда я сидѣлъ подлѣ него, строчилъ или гладилъ, я всегда сознавалъ превосходно, что у меня много другихъ заботъ и интересовъ. Мнѣ было тяжело, непріятно, я сожалѣлъ о потерѣ времени, которое я могъ бы использовать лучше и цѣлесообразнѣе. Когда я чѣмъ-нибудь не угождалъ мастеру, я терпѣливо сносилъ его брань; о вознагражденіи не было, однако, никогда и рѣчи. Часто, сидя согнувшись въ темной мастерской, я рѣшалъ отказаться отъ работы. Однажды я заявилъ даже объ этомъ мастеру, но тотъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, и я снова продолжалъ строчить для него.

Какъ отрадно было для меня пробужденіе послѣ этихъ томительныхъ и скучныхъ часовъ. Я твердо рѣшался при повтореніи этого тягостнаго сна энергично сбросить его съ себя и громко закричать: все это глупости, я лежу въ постели и сплю... Но въ слѣдующую ночь я сидѣлъ опять въ мастерской.

Такъ въ жуткомъ однообразіи проходилъ годъ за годомъ. Въ одинъ прекрасный день, когда мы съ мастеромъ работали у Альпельгофера, у того крестьянина, къ которому я поступилъ въ ученіе, мастеръ остался особенно недоволенъ моею работой. «Мнѣ хотѣлось бы только знать, о чемъ ты все думаешь!» сказалъ онъ и сердито взглянулъ на меня. Я подумалъ, что самое разумное—было бы встать, сказать мастеру, что я работаю на него только изъ любезности и уйти. Но я этого не сдѣлалъ. Я спокойно отнесся къ тому, что мастеръ нанялъ еще одного подмастерье и велѣлъ мнѣ дать ему мѣсто на нарахъ. Я подвинулся въ уголъ и продолжалъ пить. Въ тотъ же день былъ нанятъ еще одинъ подмастерье, тотъ самый, который работалъ у насъ девятнадцать лѣтъ назадъ и тогда по дорогѣ изъ трактира упалъ въ рѣку. Онъ хотѣлъ сѣсть за работу, но для него не было мѣста. Я посмотрѣлъ вопросительно на мастера, и тотъ отвѣтилъ мнѣ: «У тебя нѣтъ способности къ портновскому дѣлу. Можешь итти».—Мной овладѣло такое чувство страха, что я проснулся.

Въ окна брезжило сѣрое утро. Меня окружали произведенія искусства; въ стильномъ книжномъ шкафу ждалъ меня вѣчный Гомеръ, исполинскій Данте, несравненный Шекспиръ, славный Гете,—всѣ гиганты мысли, безсмертные. Изъ сосѣдней комнаты доносились звонкіе голоса проснувшихся дѣтей, ла-

скавшихся къ матери. У меня было чувство, будто я вновь обрѣлъ эту идиллически сладостную, мирную, поэтичную и озаренную свѣтомъ духа жизнь, въ которой я такъ часто испытывалъ глубокое счастіе человѣка. Но все же меня мучило, почему я не предупредилъ мастера, не отказался самъ, а получилъ отказъ отъ него.

И какъ странно все это! Съ той ночи, какъ мастеръ «уволилъ» меня, я наслаждаюсь покоемъ; мнѣ не снится больше столь давно прошедшее время, когда я дѣйствительно былъ портновскимъ подмастерьемъ, время, которое въ своей непритязательности имѣло своеобразную прелесть, но которое отбросило все же столь длинную тѣнь на мою послѣдующую жизнь.»

Въ этихъ сновидѣніяхъ писателя, бывшаго въ молодые годы портновскимъ подмастерьемъ, трудно подмѣтить наличность осуществленія желанія. Все желательное, радостное относится къ дневной жизни, между тѣмъ какъ сновидѣніе влачитъ лишь призрачную тѣнь преодолѣннаго, къ счастью, безрадостнаго существованія. Аналогичныя собственныя сновидѣнія дали мнѣ возможность найти объясненіе этой загадки. Будучи молодымъ врачемъ, я долгое время работалъ въ химическомъ институтѣ, не достигнувъ, однако, почти никакого успѣха; теперь я стараюсь не вспоминать никогда объ этомъ неблагодарномъ и, въ сущности, постыднымъ періодѣ моей дѣятельности. Между тѣмъ мнѣ неоднократно снилось, что я работаю въ лабораторіи, произвожу анализы, переживаю различные эпизоды и пр. Сновидѣнія эти большею частью непріятны, подобно сновидѣніямъ объ экзаменахъ, и всегда очень туманны. При толкованіи одного изъ нихъ я обратилъ вниманіе на слово «а н а л и з ъ», которое и дало мнѣ ключъ къ пониманію. Я сталъ вѣдь теперь «аналитикомъ», произвожу вполнѣ успѣшные «анализы»,—правда, не химическіе, а п с и х о а н а л и з ы. Я понялъ слѣдующее: если я въ дѣйствительной жизни горжусь этими анализами и хочу даже похвастаться передъ самимъ собою, какихъ я достигъ успѣховъ, то ночью сновидѣніе рисуетъ передо мной другіе неудачные анализы, гордиться которыми у меня нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Это карающія сновидѣнія удачника, все разно какъ сновидѣнія портновскаго подмастерья, превратившагося въ извѣстнаго писателя. Какимъ образомъ становится, однако, сновидѣніе въ конфликтѣ между гордостью и самокритикой на сторону послѣдней и включаетъ въ свое содержаніе вполнѣ разумное увѣщеваніе вмѣсто недозволеннаго осуществленія желанія? Я говорилъ уже о томъ, что отвѣтъ на этотъ

вопросъ представляетъ немалыя трудности. Мы догадываемся, что основой сновидѣнія послужила честолюбивая фантазія, въ содержаніе же его вошла вмѣсто нея ея противоположность. Можно упомянуть здѣсь о томъ, что въ душевной жизни имѣются мазохистическія тенденции, которымъ мы могли бы приписать такое превращеніе. Ближайшее изслѣдованіе отдѣльныхъ такихъ сновидѣній показываетъ, однако, еще нѣчто другое. Въ туманномъ вступленіи къ одному изъ моихъ сновидѣній о работѣ въ лабораторіи я увидѣлъ себя какъ разъ въ томъ возрастѣ, къ которому относится тотъ безрадостный и неудачный періодъ моей медицинской карьеры; у меня не было еще должности и я не зналъ еще какъ устроить свою жизнь; неожиданно, однако, я понялъ, что долженъ выбрать одну изъ нѣсколькихъ невѣстъ, которыхъ мнѣ сватаютъ. Такимъ образомъ, я былъ снова молодъ и, главное, была молода снова она, женщина, раздѣлившая со мной долгіе годы тяжелой жизненной борьбы. Тѣмъ самымъ раскрывается одно изъ неизбѣжныхъ и естественныхъ желаній старѣющаго человѣка, послужившее безсознательнымъ возбудителемъ сновидѣнія. Борьба между самодовольствомъ и самокритикой, разыгравшаяся въ другихъ психическихъ слояхъ, хотя и обусловила содержаніе сновидѣнія, однако, лишь болѣе глубоко коренившееся желаніе молодости дало возможность этому содержанію проявиться въ формѣ сновидѣнія. Вѣдь дѣйствительно человѣкъ очень часто думаетъ: Сейчасъ мнѣ хорошо, тяжелое время позади; но все-таки и тогда было недурно, тогда я былъ еще молодъ.

При разсмотрѣніи сновидѣній, сообщаемыхъ писателемъ, можно почти всегда предполагать, что онъ опускаетъ кажущіяся ему излишними и несущественными детали содержанія сновидѣнія. Его сновидѣнія даютъ намъ поэтому рядъ загадокъ, легко разрѣшимыхъ при точной передачѣ содержанія сновидѣнія.

О. Р а н к ъ обратилъ мое вниманіе на то, что въ сказкѣ Гриммовъ о храбромъ портномъ сообщается аналогичное сновидѣніе. Портному, ставшему зятемъ короля, снится однажды ночью его прежняя профессія; онъ говоритъвслухъ во снѣ, и принцесса, его жена, въ которой пробуждается подозрѣніе, ставитъ въ слѣдующую ночь подлѣ него людей, которые должны записать его слова. Но портной предупрежденъ, и все кончается къ общему благополучію.

Сложный комплексъ процессовъ подавленія, сгущенія и превращенія, послѣ которыхъ аффекты въ мысляхъ, лежащихъ въ основѣ сновидѣнія, включаются, наконецъ, въ его содер-

жаніе, проявляется наглядно при умѣломъ синтезѣ вполнѣ анализированныхъ сновидѣній. Я приведу здѣсь еще нѣсколько примѣровъ роли аффектовъ въ сновидѣніяхъ.

V. Въ сновидѣніи о странномъ порученіи, данномъ мнѣ старымъ Брюкке, препарировать свое собственное тѣло, я не испытываю даже въ самомъ сновидѣніи ужаса (Grauen). Это несомнѣнное осуществленіе желаніе и не въ одномъ только смыслѣ. Препарированіе означаетъ самоанализъ, производимый мною путемъ опубликованія моей книги о сновидѣніяхъ; опубликованіе это было дѣйствительно мнѣ такъ непріятно, что я отложилъ печатаніе уже совершенно готовой рукописи больше чѣмъ на годъ. У меня появляется, однако, желаніе устранить это непріятное чувство,—поэтому-то я и не испытываю въ сновидѣніи ужаса (Grauen). «Grauen» (сѣдины) въ другомъ смыслѣ мнѣ бы тоже хотѣлось избѣгнуть: мои волосы сильно посѣдѣли, и это «Grauen» (сѣдины) побуждаютъ меня перестать колебаться. Мы же знаемъ, что въ концѣ сновидѣнія находитъ выраженіе та мысль, что мнѣ придется предоставить уже своимъ дѣтямъ достичь цѣли тяжелаго странствованія.

Въ двухъ сновидѣніяхъ, переносящихъ чувство удовлетворенія на первыя мгновенія бодрственной жизни по пробужденіи, это удовлетвореніе мотивируется въ одномъ случаѣ моимъ ожиданіемъ, что я сейчасъ узнаю, что значитъ: «мнѣ уже это снилось»,—въ другомъ же увѣренностью, что сейчасъ произойдетъ нѣчто, что «предсказано предзнаменованіемъ»; это чувство удовлетворенія то же самое, съ которымъ я въ свое время привѣтствовалъ появленіе на свѣтъ второго сына. Здѣсь въ сновидѣніи остались тѣ же аффекты, которые были въ мысляхъ, скрывавшихся за ними; однако, далеко не во всѣхъ сновидѣніяхъ дѣло обстоитъ такъ просто. Углубившись немного въ анализъ ихъ обоихъ, мы увидимъ, что это удовлетвореніе, не подлежащее воздѣйствію цензуры, получаетъ подкрѣпленіе изъ источника, который имѣетъ основаніе бояться цензуры и аффектъ котораго, навѣрное, вызвалъ бы конфликтъ, если бы онъ не скрылся за однороднымъ, вполнѣ допустимымъ аффектомъ удовлетворенія изъ другого, вполнѣ дозволеннаго источника. Къ сожалѣнію, я не могу подтвердить этого на примѣрѣ сновидѣнія, но примѣръ изъ другой области сумѣетъ наглядно иллюстрировать мою мысль. Предположимъ слѣдующій случай: подлѣ меня находится человѣкъ, котораго я ненавижу, такъ что во мнѣ возникаетъ вполнѣ естественное желаніе обрадоваться, если съ нимъ произойдетъ какое-нибудь несчастье. Но это чувство

противорѣчитъ моей моральности; я не рѣшаюсь высказать это желаніе. Если затѣмъ съ этимъ человѣкомъ дѣйствительно произойдетъ что-нибудь, то я подавлю свое удовлетвореніе по этому поводу и насильственно вызову у себя слова и мысли сожалѣнія. Всѣ, навѣрное, бывали въ аналогичномъ положеніи. Но если ненавистный мнѣ человѣкъ почему-либо дѣйствительно заслуженно вызоветъ всеобщее неудовольствіе, то я буду имѣть уже право свободно высказать свое удовлетвореніе по поводу того, что его постигла справедливая кара. Въ этомъ я буду уже единодушенъ съ другими, относящимися къ нему совершенно безпристрастно. Я могу, однако, подмѣтить, что мое удовлетвореніе будетъ интенсивнѣе, чѣмъ у другихъ; оно получитъ подкрѣпленіе изъ источника моей ненависти, который до сихъ поръ благодаря воздѣйствію внутренней цензуры не могъ выдѣлить изъ себя аффектъ, теперь же при измѣнившихся условіяхъ получилъ въ этомъ отношеніи полную свободу. Такой случай имѣетъ мѣсто въ обществѣ всюду, гдѣ антипатичныя лица или члены нелюбимаго меньшинства въ чемъ-либо оказываются виноваты. Ихъ наказаніе соотвѣтствуетъ тогда обычно не ихъ винѣ, а винѣ плюсъ та до сихъ поръ безрезультатная антипатія, которая направлялась на нихъ. Наказывающіе совершаютъ при этомъ несомнѣнную несправедливость; но не сознаютъ ее благодаря сопротивленію того чувства удовлетворенія, которое доставляетъ имъ устраненіе столь продолжительнаго гнета, тяготѣвшаго на ихъ душѣ. Въ такихъ случаяхъ аффектъ хотя и имѣетъ основаніе, но лишь въ отношеніи качества, но отнюдь не масштаба; успокоенная въ одномъ пунктѣ самокритика пренебрегаетъ слишкомъ легкомысленно вторымъ пунктомъ. Если раскрыть двери, то въ нихъ войдетъ обычно больше народу, чѣмъ это имѣлось въ виду.

Та бросающаяся въ глаза черта невротическаго характера, что поводы, возбуждающіе аффекты, достигаютъ результатовъ, качественно хотя и обоснованныхъ, но количественно не соразмѣрныхъ, объясняется только такимъ образомъ, поскольку это вообще допускаетъ психологическое объясненіе. Излишекъ проистекаетъ въ этихъ случаяхъ изъ остающихся несознанными, до сихъ поръ подавленныхъ источниковъ аффектовъ, которые могутъ войти въ ассоціативную связь съ реальнымъ поводомъ и для проявленія аффектовъ которыхъ безупречный и дозволенный источникъ послѣднихъ открываетъ желанный путь. Это указываетъ намъ на то, что мы должны учитывать не только взаимное подавленіе между подавленной и подавляющей душевной

инстанціей. Столь же большого вниманія заслуживаютъ и тѣ случаи, въ которыхъ обѣ инстанціи благодаря совмѣстному дѣйствію и обоюдному подкрѣпленію вызываютъ патологическій эффектъ. Эти лишь намѣченныя нами въ общихъ чертахъ принципы психической механики могутъ быть использованы нами для разъясненія роли аффектовъ въ сновидѣніи. Чувство удовлетворенія, проявляющееся въ сновидѣніи и имѣющееся, конечно, и въ мысляхъ, не вполнѣ, однако, разъясняется этимъ. Обычно приходится отыскивать второй ея источникъ въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ. На этомъ источникѣ лежитъ гнетъ цензуры; подъ вліяніемъ этого гнета онъ далъ бы не удовлетвореніе, а другой противоположный аффектъ, но наличность перваго источника даетъ ему возможность уклониться отъ оттѣсненія своего аффекта удовлетворенія и найти ему подкрѣпленіе въ этомъ другомъ источникѣ. Благодаря этому аффекты въ сновидѣніи сложны по своему происхожденію и столь же сложно детерминируются въ матеріалѣ мыслей; источники аффектовъ, могущіе дать одинъ и тотъ же аффектъ, вступаютъ въ сновидѣніи во взаимодѣйствіе для образованія таковаго.

Нѣкоторое освѣщеніе этого запутаннаго вопроса даетъ анализъ прекраснаго по своей конструкціи сновидѣнія, въ которомъ центральное мѣсто занимаетъ выраженіе «non vixit». Въ этомъ сновидѣніи проявленія аффектовъ различнаго характера сталкиваются въ двухъ мѣстахъ явнаго содержанія. Враждебныя и непріятныя ощущенія скрещиваются тамъ, гдѣ я уничтожаю двумя словами своего друга. Въ концѣ сновидѣнія я радуюсь и съ удовлетвореніемъ констатирую возможность (признаваемую въ бодрственномъ состояніи абсурдной) уничтожать противниковъ однимъ лишь сильнымъ желаніемъ.

Я не сообщалъ еще мотивовъ этого сновидѣнія. Они чрезвычайно существенны и приводятъ насъ непосредственно къ пониманію сновидѣнія. Отъ своего друга въ Берлинѣ, (котораго я назвалъ Фл.) я получилъ извѣстіе, что ему предстоитъ операція и что о состояніи его здоровья мнѣ будутъ сообщать его родственники, живущіе въ Вѣнѣ. Я бы, навѣрное, самъ поѣхалъ къ нему, но какъ разъ въ то время страдалъ мучительными болями, мѣшавшими мнѣ двигаться. Изъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, я узнаю, что я опасался за жизнь близкаго мнѣ друга. Его единственная сестра, которой я не зналъ, умерла въ молодости послѣ непродолжительной болѣзни. (Въ сновидѣніи: Фл. разсказываетъ о своей сестрѣ и говоритъ: въ 3/4 часа ея не стало.)

Я, очевидно, подумалъ, что и его натура, навѣрное, не болѣе сильная и что послѣ грозныхъ извѣстій я все равно поѣду къ нему—и опоздаю, что станетъ для меня источникомъ вѣчныхъ упрековъ*). Этотъ упрекъ въ опозданіи сталъ центральнымъ пунктомъ сновидѣнія, но нашелъ свое выраженіе въ той сценѣ, въ которой почтенный учитель моихъ студенческихъ лѣтъ Брюкке упрекаетъ меня страшнымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ. Что именно вызвало оттѣсненіе этой сцены, мы скоро увидимъ; самое ее сновидѣніе не можетъ воспроизвести въ точности такъ, какъ я ее пережилъ. Оно хотя и предоставляетъ другому голубые глаза, но возлагаетъ на меня уничтожающую роль; превращеніе это есть, несомнѣнно, средство осуществленія желанія. Забота о здоровьѣ друга, упрекъ, что я не ѣду къ нему, мой стыдъ (онъ случайно пріѣхалъ (ко мнѣ) въ Вѣну), моя потребность привести въ свое оправданіе болѣзнь,—все это вызываетъ цѣлую бурю чувствъ, ясно ощущаемую во снѣ и бушующую въ этой области мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ.

Въ мотивахъ сновидѣнія было, однако, еще нѣчто другое, оказавшее на меня совершенно противоположное дѣйствіе. Вмѣстѣ съ неблагопріятными извѣстіями объ операціи я получилъ настойчивую просьбу никому о ней не разсказывать; просьба эта оскорбила меня, такъ была равносильна недовѣрію къ моей скромности. Хотя я и зналъ, что эта просьба не исходитъ отъ моего друга, а объясняется безтактностью или, быть можетъ, волненіемъ посредниковъ, но скрытый въ ней упрекъ все же обидѣлъ меня, потому что онъ былъ не совсѣмъ безоснователенъ. Это не относится, правда, къ данному случаю, но въ молодости, будучи близокъ съ двумя неразлучными друзьями, я проговорился одному изъ нихъ о томъ, что сказалъ про него другой. Я не забылъ упрековъ, которые мнѣ пришлось тогда услыхать. Однимъ изъ друзей, между которыми я посѣялъ тогда сѣмя раздора, былъ профессоръ Флейшль; другого звали Іосифъ,—такъ зовутъ и появляющагося въ сновидѣніи моего друга и противника П.

Объ упрекѣ въ томъ, что я не умѣю хранить чужихъ тайнъ, свидѣтельствуетъ въ сновидѣніи вопросъ Ф., что я, собственно, разсказалъ о немъ П. Включеніе

---

*) Эта фантазія изъ безсознательныхъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, и требуетъ властно non vivit вмѣсто non vixit: «Ты опоздалъ, его нѣтъ уже въ живыхъ». Что и явное содержаніе сновидѣнія указываетъ на «non vivit», мы говорили уже выше.

этого воспоминанія переноситъ упрекъ въ опозданіи изъ настоящаго въ то время, когда я работалъ въ лабораторіи Брюкке; замѣщая второе лицо въ сценѣ «уничтоженія» Іосифомъ, я заставляю эту сцену изобразить не только упрекъ въ опозданіи, но и другой, болѣе подвергшійся отодвиганію, въ томъ, что я не умѣю хранить чужихъ тайнъ. Процессы сгущенія и передвиганія въ сновидѣніи, а также и мотивы ихъ бросаются здѣсь сразу въ глаза.

Незначительная въ настоящее время досада по поводу просьбы хранить операцію моего друга въ тайнѣ, черпаетъ себѣ, однако, подкрѣпленіе изъ источниковъ, протекающихъ въ глубинѣ, и превращается въ цѣлый потокъ враждебныхъ чувствъ къ лицамъ, которыхъ въ дѣйствительности я очень люблю. Источникъ, дающій это подкрѣпленіе, беретъ свое начало изъ дѣтства. Я уже говорилъ, что всѣ дружескія и враждебныя чувства допускаютъ сведеніе къ моимъ отношеніямъ съ племянникомъ, бывшимъ на годъ старше меня; онъ угнеталъ меня я научился бороться съ нимъ; въ общемъ мы жили мирно и любили другъ друга, хотя, какъ свидѣтельствуютъ показанія нашихъ родителей, нерѣдко дрались и жаловались одинъ на другого. Всѣ мои позднѣйшіе друзья воплощали для меня въ извѣстномъ смыслѣ этого перваго друга-врага. Близкій другъ и ненавистный врагъ были всегда необходимыми объектами моего чувства; я безсознательно старался постоянно вновь находить себѣ ихъ, и дѣтскій идеалъ нерѣдко осуществлялся въ такой даже мѣрѣ, что другъ и врагъ сливались въ одномъ лицѣ,—понятно, не одновременно, какъ то было въ періодъ моего ранняго дѣтства.

Какимъ образомъ, однако, при такихъ условіяхъ, «свѣжій» поводъ къ аффектамъ можетъ сводиться къ дѣтскимъ переживаніямъ, чтобы уступить имъ свое мѣсто для объясненія аффекта, я здѣсь разсматривать не стану. Это относится къ психологіи безсознательнаго мышленія и къ психологическому объясненію неврозовъ. Въ цѣляхъ толкованія сновидѣній достаточно предположить, что передъ нами всплываетъ или фантастически образуется воспоминаніе дѣтства слѣдующаго содержанія: двое дѣтей спорятъ изъ-за какой-нибудь вещи—изъ-за какой, для насъ сейчасъ безразлично, хотя воспоминаніе или иллюзія таковаго имѣетъ въ виду вещь вполнѣ опредѣленную;—каждый утверждаетъ, что онъ пришелъ первымъ, что вещь принадлежитъ ему; дѣло доходитъ до драки, сила торжествуетъ надъ правомъ; по даннымъ сновидѣнія, я сознавалъ вѣроятно, что былъ неправъ

(я самъ замѣчаю свою ошибку); но на сей разъ побѣда остается на моей сторонѣ, поле сраженія за мной, побѣжденный спѣшитъ къ дѣду, жалуется на меня, и я защищаюсь словами, сообщенными мнѣ впослѣдствіи отцомъ: я билъ его потому что онъ меня билъ. Такимъ образомъ это воспоминаніе или, вѣрнѣе, фантазія, возникающая у меня во время анализа сновидѣнія является элементомъ мыслей, скрывающихся за нимъ, элементомъ, который собираетъ аффекты, имѣющіеся на лицо въ въ этихъ мысляхъ, все равно какъ бассейнъ стекающія со всѣхъ сторонъ воды. Отсюда же мысли направляются слѣдующими путями: тебѣ пришлось уступить мнѣ,—и подѣломъ; почему ты не хотѣлъ уступить мнѣ добровольно? Мнѣ тебя не нужно, я найду другого товарища, съ которымъ я буду играть и т. д. Затѣмъ открываются и пути, по которымъ эти мысли поступаютъ въ сновидѣніе. Въ такомъ «ôte-toi que je m'y mette» я, по всей вѣроятности, упрекалъ въ свое время своего друга Іосифа. Онъ поступилъ послѣ меня въ лабораторію Брюкке, но подвигаться впередъ по службѣ тамъ было очень трудно. Ассистенты сидѣли на мѣстахъ крѣпко, и молодежь пришла въ нетерпѣніе, мой другъ не постѣснялся и вслухъ выразилъ свое нетерпѣніе. Такъ какъ ассистентъ, на мѣсто котораго онъ разсчитывалъ, былъ человѣкъ больной, то желаніе, чтобы онъ уступилъ свое мѣсто, было довольно двусмысленно. Вполнѣ понятно, что и я нѣсколько лѣтъ до того испытывалъ такое же желаніе; всюду, гдѣ имѣется іерархія, открытъ путь для желаній, нуждающихся въ подавленіи. У Шекспира принцъ у постели больного отца не можетъ побороть искушенія попробовать, къ лицу ли ему корона. Но сновидѣніе караетъ за это безнравственное желаніе, конечно, не меня, а его.

«Онъ былъ властолюбивъ, и я уничтожилъ его». Онъ не могъ подождать, пока другой освободитъ ему мѣсто, и за это самъ былъ устраненъ. Эти мысли появились у меня непосредственно послѣ присутствія на открытіи памятника въ университетѣ. Часть испытаннаго мною въ сновидѣніи удовлетворенія означаетъ, слѣдовательно: справедливое возмездіе, ты его заслужилъ.

При погребеніи этого друга одинъ молодой человѣкъ

---

*) Читателю можетъ броситься въ глаза, что имя Іосифъ играетъ столь видную роль въ моихъ сновидѣніяхъ (ср. сновидѣніе о дядѣ). Позади лицъ, носящихъ это имя, я особенно легко могу скрывать свое «я», такъ какъ библейскій Іосифъ былъ, какъ извѣстно, толкователемъ сновидѣній.

позволилъ себѣ некорректное замѣчаніе: ораторъ говорилъ такъ, какъ будто свѣтъ не сможетъ существовать безъ этого одного человѣка. Въ немъ говорило, въ сущности, неудовольствіе искренняго человѣка, въ которомъ искренняя скорбь была нарушена излишнимъ преувеличеніемъ. Но съ этимъ замѣчаніемъ связываются слѣдующія мысли: нѣтъ незамѣнимой утраты; сколькихъ похоронилъ я уже,—а самъ я все еще живъ, я пережилъ ихъ всѣхъ, мѣсто осталось за мной. Подобная мысль какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я боюсь не застать своего друга въ живыхъ, допускаетъ и дальнѣйшее развитіе: я радуюсь, что переживу еще одного человѣка, что умеръ не я, а онъ, что побѣда осталась за мной, какъ въ вышеупомянутомъ эпизодѣ дѣтства. Это проистекающее изъ дѣтскихъ источниковъ удовлетвореніе покрываетъ почти весь аффектъ, воспринятый сновидѣніемъ. Я радуюсь, что я пережилъ другого, и выражаю это съ наивнымъ эгоизмомъ одного изъ супруговъ въ анекдотѣ: «Когда одинъ изъ насъ умретъ, я переѣду въ Парижъ». Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этимъ «однимъ» буду не я.

Нельзя не признать того, что толкованіе и сообщеніе собственныхъ сновидѣній представляетъ собою большое самопожертвованіе. Приходится обрисовывать себя какимъ-то злымъ духомъ посреди всѣхъ тѣхъ благородныхъ, съ которыми раздѣляешь жизнь. Я нахожу поэтому вполнѣ естественнымъ, что противники существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ терпишь, а что ихъ можно устранить желаніемъ. Такимъ образомъ, за это и наказанъ мой другъ Іосифъ. Противники являются, однако, послѣдовательными воплощеніями друга моего дѣтства; я, слѣдовательно, испытываю удовлетвореніе и по поводу того, что постоянно замѣщалъ его кѣмъ-нибудь и что теперь снова найду замѣстителя тому, кого боюсь потерять. Нѣтъ незамѣнимой утраты.

Гдѣ тутъ, однако, цензура сновидѣнія? Почему не предъявляетъ она настойчиваго протеста противъ этихъ грубо-эгоистическихъ мыслей и не превращаетъ связаннаго съ ними удовлетворенія въ тягостное чувство досады? Я полагаю, лишь потому, что другія безупречныя мысли по поводу этого же человѣка вызываютъ то же чувство удовлетворенія и своимъ аффектомъ покрываютъ чувство, проистекающее изъ запретнаго источника дѣтства. Въ другой сферѣ мыслей при вышеупомянутомъ открытіи памятника я сказалъ себѣ самому: я потерялъ уже столькихъ близкихъ друзей,—одни умерли, съ другими мы разошлись; какъ хорошо все-таки, что я нашелъ имъ замѣну, что я пріобрѣлъ

друга, который дороже мнѣ всѣхъ другихъ и котораго я теперь въ возрастѣ, когда дружескія отношенія завязываются съ большимъ трудомъ, сумѣю сохранить навсегда. Удовлетвореніе по поводу того, что я нашелъ эту замѣну умершему другу, я могу безпрепятственно перенести въ сновидѣніе, но позади нея прокрадывается и удовлетвореніе враждебнаго характера изъ дѣтскаго источника. Дѣтское нѣжное чувство несомнѣнно способствуетъ укрѣпленію нынѣшняго, вполнѣ обоснованнаго; однако, и дѣтская непріязнь проложила себѣ путь къ содержанію сновидѣнія.

Въ сновидѣніи имѣется, однако, отчетливое указаніе еще на одну нить мыслей, которая можетъ быть связана съ чувствомъ удовлетворенія. У моего друга недавно послѣ долгаго ожиданія родилась дочка. Я зналъ, какъ горевалъ онъ по своей преждевременно умершей сестрѣ, и написалъ ему, что на этого ребенка онъ перенесетъ ту любовь, которую онъ питалъ къ сестрѣ; эта маленькая дѣвочка поможетъ ему забыть, наконецъ, незамѣнимую утрату.

Такимъ образомъ, и этотъ рядъ связуется въ свою очередь съ промежуточными мыслями скрытаго содерженія сновидѣнія, изъ котораго пути расходятся по самымъ различнымъ направленіямъ: Нѣтъ незамѣнимой утраты. Все, что утрачиваешь, вновь возвращается. Ассоціативная связь между противорѣчащими элементами мыслей, лежащихъ въ основѣ сновидѣнія, становится тѣснѣе, благодаря тому случайному обстоятельству, что маленькую дочку моего друга зовутъ также, какъ подругу моего дѣтства, сестру моего друга и противника и мою ровесницу. Я услыхалъ имя «Полина» съ у д о в л е т в о р е н і е м ъ; для указанія на это совпаденіе я замѣнилъ въ сновидѣніи одного Іосифа другимъ и счелъ невозможнымъ устранить созвучіе въ фамиліяхъ: Флейшль и др. Отсюда нить мыслей отходитъ къ наименованію моихъ собственныхъ дѣтей. Я же стоялъ на томъ, чтобы ихъ назвали не модными именами, а именами в ъ п а м я т ь близкихъ лицъ. Это опять-таки относится непосредственно къ сновидѣнію. И, наконецъ, развѣ дѣти, потомство — не единственная для насъ возможность безсмертія?

Относительно аффектовъ въ сновидѣніи я ограничусь еще нѣсколькими замѣчаніями съ другой точки зрѣнія. Въ душѣ спящаго можетъ быть на-лицо въ качествѣ доминирующаго элемента склонность къ аффекту, которую мы называемъ настроеніемъ и которая можетъ оказать опредѣляющее воздѣйствіе на сновидѣніе. Это настроеніе можетъ вызываться переживаніями и

мыслями предыдущаго дня, но можетъ имѣть и соматическій источникъ; въ обоихъ случаяхъ, однако, оно сопровождается соотвѣтствующими ему мыслями. То, что эти представленія, содержащіяся въ мысляхъ, лежащихъ въ основѣ сновидѣнія, въ одномъ случаѣ непосредственно обусловливаютъ аффектъ, въ другомъ же лишь впослѣдствіи вызываются общимъ настроеніемъ, повидимому, соматическаго характера,—для образованія сновидѣнія совершенно безразлично. Послѣднее разъ навсегда подлежитъ тому ограниченію, что можетъ изображать лишь то, что входитъ въ осуществленіе желанія, и что свою психическую движущую силу оно можетъ заимствовать исключительно у желанія. Настроеніе претерпѣваетъ то же, что и ощущеніе, появляющееся во время сна: оно либо совершенно пренебрегается, либо же истолковывается въ смыслѣ осуществленія желанія. Тягостныя настроенія во время сна становятся поводами къ сновидѣнію: они пробуждаютъ настойчивыя желанія, которыя сновидѣніе должно осуществить. Матеріалъ, съ которымъ они связаны, до тѣхъ поръ перерабатывается, пока онъ не становится пригоденъ для изображенія осуществленія желанія.

Чѣмъ интенсивнѣе и существеннѣе элементъ тягостнаго настроенія въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, тѣмъ увѣреннѣе наиболѣе подавленныя желанія воспользуются возможностью найти себѣ выраженіе: наличность тягостнаго чувства, которое въ противномъ случаѣ имъ пришлось бы вызывать самимъ, облегчаетъ имъ наиболѣе трудную часть работы, предпринятой ими въ цѣляхъ своего изображенія. Тѣмъ самымъ мы подходимъ снова къ проблемѣ сновидѣній страха, которая представляетъ собой, какъ мы увидимъ, предѣлъ для дѣятельности сновидѣнія.

h) Вторичная обработка.

Переходимъ, наконецъ, къ разсмотрѣнію послѣдняго изъ четырехъ моментовъ, принимающихъ участіе въ образованіи сновидѣній.

Если продолжить анализъ содержанія сновидѣнія вышеуказаннымъ образомъ, изслѣдуя происхожденіе рѣзко выраженныхъ элементовъ его въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, то въ концѣ концовъ найдутся элементы, истолкованіе которыхъ требуетъ установленія новыхъ предпосылокъ. Я напомню о тѣхъ случаяхъ, когда грезящій удивляется, сердится, сопро-

тивляется противъ какого-нибудь элемента содержанія сновидѣнія. Большинство этихъ проявленій критики въ сновидѣніи направлено, однако, не на содержаніе послѣдняго: всѣ они оказываются перенесенными и соотвѣтственно использованными частями матеріала сновидѣнія, что я старался показать на примѣрахъ. Кое-что, однако, не допускаетъ такого рода сведеніе; коррелата ему въ матеріалѣ сновидѣнія не имѣется. Что означаетъ, напримѣръ, нерѣдкая въ сновидѣніи критика: вѣдь это только мнѣ снится? Это ужъ настоящая критика сновидѣнія, которая могла быть высказана въ бодрственномъ состояніи. Очень часто она предшествуетъ пробужденію; еще чаще ей самой предшествуетъ непріятное чувство, успокаивающееся послѣ констатированія наличности сновидѣнія. Мысль: «вѣдь это мнѣ только снится», возникающая въ самомъ сновидѣніи, преслѣдуетъ, однако, ту же цѣль, что и въ устахъ Прекрасной Елены въ оффенбаховской оперетке: она старается умалить значеніе только что пережитаго и облегчить ожиданіе послѣдующаго. Она служитъ для успокоенія цензирующей инстанціи, которая въ данный моментъ имѣетъ всѣ основанія заявить о своемъ существованіи и запретить продолженіе сновидѣнія. Гораздо пріятнѣе, однако, продолжать спать и спокойно претерпѣть сновидѣніе: «вѣдь это мнѣ только снится». Я полагаю, что презрительная критика: «вѣдь это мнѣ только снится»,— лишь въ томъ случаѣ проявляется въ сновидѣніи, когда ни на минуту не засыпающая цензура чувствуетъ себя обманутой допущеннымъ ею сновидѣніемъ. Подавлять его поздно, и она реагируетъ этой критикой на страхъ или на непріятное ощущеніе. Это проявленіе esprit d'escalier со стороны психической цензуры.

Этотъ примѣръ даетъ, однако, безспорное доказательство того, что не все, что содержитъ сновидѣніе, проистекаетъ изъ мыслей, скрывающихся за нимъ, а что добавленіе къ его содержанію можетъ давать и психическая функція, не отличимая отъ нашего бодрственнаго мышленія. Спрашивается только, происходитъ ли это лишь въ исключительныхъ случаяхъ или же психическая инстанція, исполняющая обычно лишь роль цензуры, принимаетъ постоянное участіе въ образованіи сновидѣній?

Безъ всякихъ колебаній мы высказываемся въ пользу второго предположенія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что цензирующая инстанція, воздѣйствіе которой сказывалось до сихъ поръ лишь въ ограниченіи содержанія сновидѣнія и въ

вычеркиванiи изъ него, способствуетъ помимо этого его дополненiю и осложненiю. Эти дополненiя зачастую замѣтить не трудно; они сообщаются неувѣренно, сопровождаются словами «какъ будто», «точно», не отличаются сами по себѣ особой живостью и располагаются всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ служить для соединенiя двухъ частей содержанiя сновидѣнiя или для установленiя связи между ними. Они слабѣе запечатлѣваются въ памяти, чѣмъ истинные отпрыски матерiала сновидѣнiя: когда сновидѣнiе забывается, они исчезаютъ въ первую голову, и я сильно подозрѣваю, что наша частая жалоба: «намъ снилось очень много, большинство мы забыли, припоминаются отдѣльные отрывки», покоится на мгновенномъ исчезновенiи именно этихъ соединительныхъ мыслей. При исчерпывающемъ анализѣ эти дополненiя обнаруживаются зачастую тѣмъ, что въ мысляхъ,скрывающихся за сновидѣнiемъ, не находится соотвѣтствующаго имъ матерiала. Однако, при болѣе тщательномъ разсмотрѣнiи я долженъ назвать этотъ случай чрезвычайно рѣдкимъ; въ большинствѣ случаевъ дополняющiя мысли допускаютъ все же сведенiе ихъ къ матерiалу въ мысляхъ, лежащихъ въ основѣ сновидѣнiя; матерiалъ этотъ, однако, ни благодаря своей цѣнности, ни вслѣдствiе детерминированiя отнюдь не могъ бы претендовать ни включенiе въ сновидѣнiе. Психическая функцiя при образованiи сновидѣнiя, разсматриваемая нами въ настоящiй моментъ, прибѣгаетъ, повидимому, лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ къ новообразованiямъ; поскольку возможно, она использовываетъ то, что можетъ найти подходящаго въ матерiалѣ сновидѣнiя.

Эту часть дѣятельности сновидѣнiя отличаетъ и обнаруживаетъ, главнымъ образомъ, ея тенденцiя. Эта функцiя преслѣдуетъ ту же задачу, какую злостно поэтъ приписываетъ философу: своими заплатами и лоскутами она штопаетъ пробѣлы въ конструкцiи сновидѣнiя. Въ результатѣ ея работы сновидѣнiе утрачиваетъ характеръ абсурдности и безсвязности и приближается къ образу доступнаго пониманiю, реальнаго переживанiя. Но старанiя ея не всегда вѣнчаются успѣхомъ. Такъ мы находимъ сновидѣнiя, на первый взглядъ безупречно логичныя и осмысленныя, они исходятъ изъ какой-нибудь вполнѣ допустимой ситуацiи, подвергаютъ ее различнаго рода естественнымъ измѣненiямъ и приводятъ къ концу, который отнюдь насъ не удивляетъ; послѣднее встрѣчается, правда, значительно рѣже. Эти сновидѣнiя претерпѣваютъ коренную переработку со стороны психической функцiи, аналогичной бодрственному мыш-

ленію; они, повидимому, вполнѣ осмысленны, но на самомъ дѣлѣ смыслъ этотъ чрезвычайно далекъ отъ значенія сновидѣнія. При анализѣ убѣждаешься, что вторичная обработка сновидѣнія произвела произвольный переворотъ всего матеріала, особенно же его внутреннихъ взаимоотношеній. Эти сновидѣнія уже были, такъ сказать, истолкованы до нашего толкованія ихъ въ бодрственномъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ эта тенденціозная обработка простирается лишь на извѣстную часть ихъ; въ этой части все связно и понятно, между тѣмъ, какъ дальше сновидѣніе становится абсурднымъ или запутаннымъ; нерѣдко, однако, абсурдность въ дальнѣйшемъ ходѣ сновидѣнія можетъ снова смѣниться связностью. Въ другихъ же сновидѣніяхъ слѣдовъ обработки вообще нѣтъ; мы безпомощно стоимъ передъ безсмысленнымъ хаосомъ отдѣльныхъ отрывковъ содержанія.

За этой извѣстной, снообразующей силой, которая окажется сейчасъ намъ превосходно знакомой,—она въ дѣйствительности изъ четырехъ факторовъ сновидѣнія наиболѣе доступна и близка намъ,—мнѣ не хотѣлось бы категорически отрицать способности самостоятельно вносить въ сновидѣніе новые элементы. Ея воздѣйствіе, аналогично другимъ тремъ факторамъ, проявляется, правда, преимущественно въ подборѣ и сортировкѣ готоваго психическаго матеріала въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ. Есть одинъ только случай, когда она въ значительной степени избавляется отъ труда воздвигать какъ бы фасадъ для сновидѣнія, избавляется благодаря тому, что въ матеріалѣ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, имѣется уже въ готовомъ видѣ такой элементъ, ожидающій только своего примѣненія. Этотъ элементъ я обычно именую «фантазіей»; я избѣгну, вѣроятно, многочисленныхъ недоразумѣній, если тотчасъ же сошлюсь на аналогію въ бодрственной жизни, на сновидѣнія на-яву. Роль этого элемента въ нашей душевной жизни далеко не исчерпывающе выяснена и изслѣдована психіатріей; почти единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ М. Бенедиктъ. Отъ ничѣмъ не омрачаемаго, проницательнаго взгляда поэта не ускользаетъ значеніе дневныхъ сновидѣній; общеизвѣстно то мѣсто въ «Набабѣ» Доде, въ которомъ описывается аналогичное состояніе одного изъ героевъ романа. Изученіе психоневрозовъ приводитъ насъ къ тому неожиданному выводу, что эти фантазіи или дневныя сновидѣнія являются ближайшими провозвѣстниками истерическихъ симптомовъ, по крайней мѣрѣ, цѣлаго ряда таковыхъ; истерическіе симптомы

связуются не съ самими воспоминаніями, а съ фантазіями, построяемыми на почвѣ послѣднихъ. Частое проявленіе сознательныхъ дневныхъ фантазій даетъ намъ возможность ближе познакомиться съ такого рода, явленіями; но подобно такимъ сознательнымъ фантазіямъ, имѣется еще и множество безсознательныхъ, которыя остаются таковыми благодаря ихъ содержанію, а также и происхожденію отъ отодвинутаго матеріала. Болѣе глубокое проникновеніе въ характеръ этихъ дневныхъ фантазій показываетъ, что имъ присуща значительная часть особенностей сновидѣнія, ихъ изслѣдованіе открыло бы намъ ближайшій и легкій путь къ пониманію послѣднихъ.

Подобно сновидѣніямъ, и онѣ представляютъ собою осуществленія желаній; подобно сновидѣніямъ, и онѣ въ значительной мѣрѣ базируются на впечатлѣніяхъ, оставленныхъ дѣтскими переживаніями; подобно сновидѣніямъ, и онѣ для своихъ созданій пользуются нѣкоторой снисходительностью со стороны цензуры. Изслѣдуя ихъ структуру, мы замѣчаетъ, что мотивъ желанія, обусловливающій ихъ дѣятельность, смѣшиваетъ, преобразуетъ и вновь сплачиваетъ въ одно цѣлое матеріалъ, изъ котораго онѣ состоятъ. Онѣ находятся почти въ томъ же отношеніи къ воспоминаніямъ дѣтства, къ которымъ могутъ быть съ легкостью сведены, въ какомъ многіе римскіе дворцы въ стилѣбарокъ находятся къ античнымъ развалинамъ, плитняки и колонны которыхъ дали матеріалъ для современной архитектуры

Во «вторичной обработкѣ», которую мы приписали нашему четвертому моменту образованія сновидѣній, мы находимъ тотъ же процессъ, который имѣетъ возможность внѣ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній проявляться при созданіи дневныхъ сновидѣній, фантазій. Мы могли бы сказать даже прямо, что нашъ четвертый моментъ стремится изъ представленнаго ему матеріала создать нѣчто вродѣ дневного сновидѣнія. Тамъ, гдѣ такое дневное сновидѣніе составлено, уже въ общей связи мыслей, тамъ этотъ факторъ тотчасъ же обратится къ нему и будетъ способствовать включенію его въ содержаніе сновидѣнія. Есть сновидѣнія, которыя состоятъ исключительно въ повтореніи дневной фантазіи, оставшейся, быть можетъ, несознанной,—такъ напримѣръ, сновидѣніе мальчика о томъ, что онъ ѣдетъ въ колесницѣ вмѣстѣ съ героемъ Троянской войны. Въ моемъ сновидѣніи «автодидаскеръ» вторая часть представляетъ собой полное и точное повтореніе самой по себѣ вполнѣ невинной дневной фантазіи о моемъ знакомствѣ съ профессоромъ Н. Комплексъ условій, которымъ должно соотвѣтствовать сновидѣ-

ніе при своемъ возникновеніи, способствуетъ тому, что предшествующая фантазія образуетъ лишь часть сновидѣнія или что лишь одна ея часть проникла въ содержаніе послѣдняго. Въ остальномъ же фантазія претерпѣваетъ то же самое, что и другія части скрытаго матеріала. Однако, она зачастую сохраняетъ и въ сновидѣніи форму законченнаго цѣлаго. Въ моихъ сновидѣніяхъ часто содержатся мѣста, сразу выдѣляющіеся совершенно отличнымъ отъ другихъ впечатлѣніемъ. Они представляются мнѣ болѣе связными, но въ то же время и болѣе бѣглыми, чѣмъ другія части того же сновидѣнія; я знаю, что это безсознательныя фантазіи, включенныя въ сновидѣніе, но мнѣ никогда еще не удавалось зафиксировать ни одной такой фантазіи. Вообще же эти фантазіи, какъ и всѣ другія составныя части мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, подвергаются передвиганію, сгущенію и проч.; есть, однако, и переходы между одной крайностью, когда онѣ въ неизмѣненномъ видѣ образуютъ содержаніе сновидѣнія или по крайней мѣрѣ, его фасадъ, и другой, когда онѣ представляются въ содержаніи сновидѣнія лишь однимъ изъ своихъ элементовъ или же отдаленнымъ намекомъ на таковой. Для участи фантазій въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, чрезвычайно важно, какія выгоды представляютъ онѣ по отношенію къ требованіямъ цензуры и необходимости сгущенія.

При выборѣ примѣровъ толкованія сновидѣній я по возможности избѣгалъ сновидѣній, въ которыхъ безсознательныя фантазіи играютъ выдающуюся роль, такъ какъ включеніе этого психическаго элемента потребовало бы пространнаго изложенія психологіи безсознательнаго мышленія. Совершенно обойти эти «фантазіи» я все же не могу, такъ какъ онѣ довольно часто полностью входятъ въ сновидѣніе и еще часто весьма отчетливо обнаруживаются въ немъ. Я приведу еще одно сновидѣніе, состоящее изъ двухъ различныхъ, противоположныхъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадающихъ другъ съ другомъ фантазій, изъ которыхъ одна носитъ поверхностный характеръ, другая же служитъ какъ бы для толкованія первой *).

*) [Хорошій примѣръ такого сновидѣнія, возникшаго изъ нагроможденія нѣсколькихъ фантазій, я подвергъ анализу въ «Отрывкѣ анализа истеріи», 1905. Я долженъ сознаться, однако, что я преуменьшалъ значеніе этихъ фантазій для образованія сновидѣній до тѣхъ поръ, пока анализировалъ преимущественно свои собственныя сновидѣнія, въ основѣ которыхъ рѣдко лежатъ дневныя фантазіи, а главнымъ образомъ споры и конфликты мыслей. У другихъ лицъ часто гораздо легче показать полную аналогію ночного сновидѣнія съ дневнымъ].

Сновидѣніе—единственное, которое не было тщательно записано мною—гласитъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: Грезящій—молодой холостой господинъ—сидитъ въ ресторанѣ. Вдругъ появляются нѣсколько лицъ; они пришли за нимъ,—среди нихъ одинъ хочетъ его арестовать. Онъ говоритъ своимъ сосѣдямъ по столику: я заплачу потомъ, я вернусь. Но тѣ замѣчаютъ съ иронической улыбкой: старая пѣсня, всѣ такъ говорятъ. Одинъ изъ посѣтителей кричитъ ему вслѣдъ: Еще одинъ уходитъ! Его приводятъ въ какое-то тѣсное помѣщеніе, гдѣ онъ видитъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ. Одинъ изъ его спутниковъ говоритъ: Это господинъ Мюллеръ. Комиссаръ или еще какой-то чинъ перебираетъ пачку бумагъ и повторяетъ при этомъ: Мюллеръ, Мюллеръ, Мюллеръ! Наконецъ, онъ задаетъ ему вопросъ, на который тотъ отвѣчаетъ утвердительно. Вслѣдъ за этимъ онъ оглядывается на женщину и замѣчаетъ, что у нея появилась длинная борода.

Обѣ составныя части раздѣлить тутъ не трудно. Поверхностный характеръ носитъ фантазія объ арестѣ; она создана, повидимому, заново дѣятельностью сновидѣнія. За ней, однако, въ качествѣ матеріала, претерпѣвшаго небольшое измѣненіе, обнаруживается фантазія о женщинѣ; черты, общія имъ обоимъ, проступаютъ, какъ въ смѣшанной фотографіи Гальтона, особенно ярко. Обѣщаніе холостяка вернуться въ ресторанъ, недовѣріе его наученныхъ опытомъ собутыльниковъ и восклицаніе: еще одинъ уходитъ (женится),—все это чрезвычайно характерные и вполнѣ понятные симптомы. Въ равной мѣрѣ и утвердительный отвѣтъ, даваемый полицейскому чину. Перебираніе пачки бумагъ, при которомъ повторяется одно и то же имя, соотвѣтствуетъ второстепенной, но тоже характерной чертѣ свадебной церемоніи,—прочтенію цѣлой кипы поздравительныхъ телеграммъ, повторяющихъ одно и то же имя. Въ конкретномъ появленіи невѣсты въ этомъ сновидѣніи, фантазія о женщинѣ одержала даже побѣду надъ покрывающей ее фантазіей объ арестѣ. То, что у этой невѣсты въ концѣ появляется борода, я могъ разъяснить лишь при помощи одной справки,—анализа я вообще не производилъ. Грезящій провелъ вечеръ наканунѣ сновидѣнія со своимъ другомъ,—такимъ же противникомъ брака, какъ и онъ самъ; проходя по улицѣ, они встрѣтили какую-то красивую брюнетку. Грезившій обратилъ на нее вниманіе своего друга. Но тотъ только отвѣтилъ: Да, если бы только у этихъ женщинъ не выростали съ годами бороды, какъ у ихъ отцовъ!

Разумѣется, и въ этомъ сновидѣніи нѣтъ недостатка въ

элементахъ, которые подверглись болѣе сильному измѣненію со стороны искажающей дѣятельности сновидѣнія. Такъ, напримѣръ, фраза: я заплачу потомъ,—намекаетъ, очевидно, на возможный образъ дѣйствій тестя въ отношеніи приданаго. По всей вѣроятности, различнаго рода соображенія препятствуютъ грезящему всецѣло отдаться фантазіи о женитьбѣ. Одно изъ этихъ соображеній—опасеніе, что человѣкъ послѣ женитьбы теряетъ свободу,—воплотилось въ сценѣ ареста.

Указывая еще разъ на то, что дѣятельность сновидѣнія охотнѣе пользуется найденной ею въ готовомъ видѣ фантазіей, чѣмъ составляетъ себѣ таковую изъ матеріала мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, мы тѣмъ самымъ разрѣшаемъ, быть можетъ, одну изъ наиболѣе интересныхъ загадокъ сновидѣнія. Въ началѣ книги я сообщилъ одно сновидѣніе Мори [48]): во время сна валикъ дивана, на которомъ онъ спалъ, откинулся назадъ; онъ ударился затылкомъ о край дивана, и ему приснился цѣлый романъ изъ эпохи великой революціи. Такъ какъ сновидѣніе это передается въ чрезвычайно связной формѣ и объясненіе его сводится къ воздѣйствію внѣшняго раздраженія, о наступленіи котораго спящій не могъ ничего знать, то остается только предположить, что все это сложное сновидѣніе сложилось въ короткій промежутокъ времени между паденіемъ головы спящаго и его пробужденіемъ отъ этого. Мы никогда не рѣшились бы приписать бодрственному мышленію такой быстроты, и приходимъ поэтому къ тому заключенію, что дѣятельность сновидѣнія отличается изумительной быстротой своихъ процессовъ.

Противъ этого чрезвычайно распространеннаго вывода рѣшительно возстали новые авторы (Ле-Лоррэнъ [45]), Эгге [20]) и др.). Они отчасти сомнѣваются въ точности передачи самимъ Мори его сновидѣнія, отчасти же стараются показать, что скорость нашего бодрственнаго мышленія отнюдь не меньше скорости работы сновидѣнія. Споръ этотъ поднимаетъ цѣлый рядъ принципіальныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, на мой взглядъ, не такъ еще близко. Я долженъ, однако, признаться, что аргументація, напр., Эгге, противъ сновидѣнія Мори о гильотинѣ, не производитъ на меня убѣдительнаго впечатлѣнія. Я предложилъ бы слѣдующее толкованіе этого сновидѣнія есть ли что-либо невѣроятное въ томъ, что сновидѣніе Мори представляетъ собою фантазію, которая въ готовомъ видѣ сохранилась въ его памяти и пробудилась въ тотъ моментъ, когда онъ испыталъ раздраженіе? При этомъ отпадаетъ прежде всего

трудность составленія столь длинной исторіи со столькими деталями въ короткій промежутокъ времени, имѣющійся въ распоряженіи грезящаго; вся она составлена уже заранѣе. Если бы Мори коснулся затылкомъ деревяшки въ бодрственномъ состояніи, то тутъ было бы мѣсто для мысли: Это все равно, какъ когда человѣка гильотинируютъ. Такъ какъ, однако, онъ ударился во снѣ, то дѣятельность сновидѣнія поспѣшно использовываетъ раздраженіе для созданія осуществленія желанія, словно думая при этомъ: «Сейчасъ какъ разъ удобный случай воплотить фантазію, образованную тогда-то и тогда-то при чтеніи». То, что пригрезившійся романъ какъ разъ соотвѣтствуетъ фантазіямъ, обычно возникающимъ у юношей подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, не подлежитъ, на мой взглядъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Кто не увлекался эпохой террора, когда аристократія, мужчины и женщины, цвѣтъ націй показывалъ, какъ можно радостно умирать, и до самого зловѣщаго конца сохранялъ свѣжесть остроумія и красоту души! Какъ соблазнительно представлять себя молодымъ человѣкомъ, галантно цѣлующимъ руку у своей дамы, передъ тѣмъ какъ взойти на эшафотъ. Или, если главнымъ мотивомъ фантазіи служитъ честолюбіе— воплощаться въ одну изъ тѣхъ могучихъ личностей, которыя одной лишь силой своихъ мыслей и своего пламеннаго краснорѣчія властвовали надъ городомъ, гдѣ въ то время билось сердце человѣчества, убѣжденно посылали на смерть тысячи людей, прокладывали новые пути исторіи Европы и сами въ концѣ концовъ подставляли головы подъ ножъ гильотины,— развѣ не соблазнительно представить себя какимъ-нибудь Жирондистомъ или Дантономъ! То, что фантазія Мори носила именно такой честолюбивый характеръ, доказываетъ одинъ элементъ- сохранившійся въ памяти: «окруженный огромной толпой».

Вся эта готовая фантазія не должна вовсе проявиться во снѣ во всей своей полнотѣ; совершенно достаточно, если ее только «касаются», Я разумѣю здѣсь слѣдующее. Если на музыкальномъ инструментѣ раздаются нѣсколько тактовъ и ктонибудь, какъ въ «Донъ-Жуанѣ», говоритъ: «Это изъ «Свадьбы Фигаро» Моцарта»,—то въ душѣ сразу всплываетъ хаосъ воспоминаній, изъ котораго не доходятъ до сознанія отдѣльныя детали. Эти нѣсколько тактовъ служатъ раздраженіемъ. Раздраженіе возбуждаетъ психическую станцію, открывающую доступъ къ фантазіи о гильотинѣ. Но послѣдняя проявляется уже не во снѣ, а въ воспоминаніи проснувшагося. Проснувшись, человѣкъ припоминаетъ фантазію во всѣхъ ея деталяхъ; въ сновп-

дѣніи же былъ лишь намекъ на всю ее въ цѣломъ. При этомъ у него нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что онъ вспоминаетъ нѣчто, дѣйствительно видѣнное имъ въ сновидѣніи. То же объясненіе,—что тутъ идетъ рѣчь о готовыхъ фантазіяхъ, пробуждаемыхъ при помощи раздраженія—можно приложить и къ другимъ сновидѣніямъ, связаннымъ съ какимъ-либо опредѣленнымъ раздраженіемъ при пробужденіи. Таково, напримѣръ, сновидѣніе Наполеона при взрывѣ адской машины. Я отнюдь не утверждаю, однако, что всѣ такія сновидѣнія допускаютъ это объясненіе или что проблема ускоренной дѣятельности сновидѣнія этимъ всецѣло исчерпывается.

Намъ приходится остановиться здѣсь на отношеніи этой вторичной обработки содержанія сновидѣнія къ остальнымъ факторамъ дѣятельности послѣдняго. Не происходитъ ли дѣло такимъ образомъ, что снообразующіе факторы, сгущеніе, стараніе избѣгнуть цензуры и отношеніе къ изобразительности предварительно создаютъ изъ матеріала временное содержаніе сновидѣнія и что послѣднее подвергается затѣмъ измѣненію до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяетъ по возможности требованіямъ второй инстанціи? Это маловѣроятно. Слѣдуетъ скорѣе предположить, что эта инстанція выставляетъ съ самаго начала одно изъ условій, которымъ должно соотвѣтствовать сновидѣніе, и что это условіе, наравнѣ съ условіями сгущенія, сопротивленія цензуры и изобразительности оказываетъ рѣшающее воздѣйствіе на обильный матеріалъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. Изъ четырехъ условій образованія сновидѣній послѣднее во всякомъ случаѣ наименѣе стѣсняетъ сновидѣніе. Идентификація этой психической функціи, которая совершаетъ такъ называемую вторичную обработку содержанія сновидѣнія, съ дѣятельностью нашего бодрственнаго мышленія, съ большой вѣроятностью явствуетъ изъ слѣдующаго: Наше бодрственное (предсознательное) мышленіе относится къ любому матеріалу воспріятія, совершенно такъ же, какъ указанная функція къ содержанію сновидѣнія. Для него вполнѣ естественно приводить такой матеріалъ въ порядокъ, создавать въ немъ логическую связь. Мы заходимъ въ этомъ даже черезчуръ далеко; кунстштюки карточныхъ игроковъ подражаютъ намъ, основываясь на этой нашей интеллектуальной способности. Въ стремленіи логически связать имѣющіяся на-лицо чувственныя воспріятія, мы совершаемъ зачастую самыя странныя ошибки или же искажаемъ даже правдивость имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала. Относящіеся сюда примѣры слишкомъ общеизвѣстны и не тре-

буютъ подробнаго перечисленія. Мы не замѣчаемъ искажающихъ смыслъ опечатокъ, создавая себѣ иллюзію правильности. Редакторъ однаго распространеннаго французскаго журнала держалъ пари, что онъ въ каждую фразу длинной статьи вставитъ слова «спереди» или «сзади» и ни одинъ читатель этого не замѣтитъ. Онъ выигралъ пари. Курьезный случай неправильнаго сопоставленія я вычиталъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ газетѣ. Послѣ того засѣданія французской палаты, когда Дюпюи своимъ хладнокровнымъ возгласомъ «Засѣданіе продолжается» предотвратилъ панику, которая едва не возникла, когда разорвалась брошенная анархистами въ залу бомба, публика, сидѣвшая на галлереѣ, подверглась допросу по поводу покушенія. Среди этой публики было двое провинціаловъ; одинъ изъ нихъ показалъ, что послѣ рѣчи депутата онъ хотя и услышалъ взрывъ, но подумалъ, что таковъ уже парламентскій обычай,—выстрѣломъ оповѣщать объ окончаніи рѣчи оратора. Другой же, слышавшій, повидимому, нѣсколькихъ ораторовъ, впалъ въ ту же ошибку,—съ той лишь разницей, что выстрѣлами салютуютъ всѣмъ особенно отличившимся ораторамъ.

Такимъ образомъ, не какая-либо другая психическая инстанція, а исключительно наше нормальное мышленіе требуетъ отъ содержанія сновидѣнія, чтобы оно было понятно, подвергаетъ его первому толкованію и тѣмъ самымъ способствуетъ только его затемнѣнію. Мы при толкованіи должны придерживаться слѣдующаго правила: на мнимую связность сновидѣнія, въ виду ея неизвѣстнаго происхожденія, обращать вниманія не нужно,—какъ въ отчетливомъ, такъ и въ запутанномъ сновидѣніи необходимо итти обратнымъ путемъ, ко вскрытію его матеріала.

При этомъ мы замѣчаемъ, однако, отъ чего зависитъ вышеупомянутая скала ясности и отчетливости сновидѣній. Отчетливыми намъ представляются тѣ части ихъ, которыя носятъ на себѣ слѣды вторичной обработки; спутанными тѣ, гдѣ сила такой обработки ослабляется. Такъ какъ спутанныя части сновидѣнія зачастую и наименѣе отчетливыя, то отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что вторичная дѣятельность сновидѣнія отвѣтственна и за пластическую интенсивность отдѣльныхъ его элементовъ.

Желая сравнить съ чѣмъ-нибудь окончательный видъ сновидѣнія, получающійся при содѣйствіи нормальнаго мышленія, я не могу подобрать ничего болѣе подходящаго, какъ тѣ загадочныя надписи, которыми въ отдѣлѣ «Смѣсь» забавляютъ многіе журналы своихъ читателей. Какая-нибудь фраза, выра-

женная ради контраста на діалектѣ и имѣющая возможно болѣе шуточное значеніе, должна вызывать предположеніе, что она содержитъ латинскую надпись. Съ этой цѣлью отдѣльныя буквы располагаются въ другомъ порядкѣ. Мѣстами дѣйствительно образуется настоящее латинское слово, мѣстами намъ представляются обрывки такихъ словъ и мѣстами, наконецъ, стершіяся буквы и пробѣлы надписи вводятъ насъ въ заблужденіе относительно безсмысленности всего цѣлаго. Не желая обманываться, мы должны, не обращая вниманія на всѣ реквизиты надписи, считаться только съ буквами и вопреки ихъ данному расположенію соединять ихъ въ слова нашего родного языка.

Я долженъ резюмировать теперь все наше пространное разсмотрѣніе дѣятельности сновидѣнія. Мы старались отвѣтить на вопросъ, примѣняетъ ли душа всѣ свои способности во всей ихъ полнотѣ къ образованію сновидѣній или же только часть ихъ, стѣсненную въ полномъ своемъ проявленіи. Наше изслѣдованіе заставляетъ насъ вообще отказаться отъ такой постановки вопроса, какъ отъ несоотвѣтствующей истинному положенію дѣла. Если же тѣмъ не менѣе мы должны будемъ дать отвѣтъ въ той же плоскости, въ какой находится и вопросъ, то намъ придется отвѣтить утвердительно на оба, повидимому, исключающія другъ друга предположенія. Душевная дѣятельность при образованіи сновидѣнія разлагается на двѣ функціи: на составленіе мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, и на превращеніе таковыхъ въ содержаніе послѣдняго. Мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ, составляются вполнѣ корректно съ затратой всѣхъ психическихъ способностей, которыми мы обладаемъ. Эти мысли относятся къ нашему, не доходящему до сознанія мышленію, изъ котораго проистекаютъ путемъ нѣкотораго превращенія и сознательныя мысли. Какъ ни любопытны и ни таинственны сами по себѣ эти загадки,—онѣ все же не имѣютъ ничего общаго со сновидѣніемъ и не заслуживаютъ включенія ихъ въ число проблемъ сновидѣнія. Напротивъ того, часть дѣятельности, превращающая безсознательныя мысли въ содержаніе сновидѣнія, характерна для общей сущности послѣдняго. Эта истинная дѣятельность сновидѣнія гораздо дальше, однако, отъ бодрственнаго мышленія, чѣмъ предполагаютъ даже тѣ, кто наиболѣе рѣшительно преумаляетъ психическую дѣятельность при образованіи сновидѣнія. Она вовсе не небрежнѣе, не слабѣе и не менѣе исчерпывающа, чѣмъ бодрственное мышленіе: она представляетъ собой нѣчто совершенно отличное въ качественномъ отношеніи и потому не можетъ быть даже сравнена съ

нею. Она не мыслитъ, не считаетъ, не судитъ,—она ограничивается однимъ только преобразованіемъ. Ее можно описать, принявъ во вниманіе всѣ тѣ условія, которымъ долженъ удовлетворять ея продуктъ,—сновидѣніе. Этотъ продуктъ долженъ прежде всего быть устраненъ отъ вліянія цензуры; съ этой цѣлью дѣятельность сновидѣнія пользуется передвиганіемъ психической интенсивности вплоть до полной переоцѣнки всѣхъ психическихъ цѣнностей. Воспроизведенію подлежатъ мысли исключительно или преимущественно изъ матеріала зрительныхъ и акустическихъ слѣдовъ воспоминаній,— изъ этого требованія вытекаетъ для дѣятельности сновидѣнія необходимость обращать вниманіе на изобразительность что она и исполняетъ путемъ новыхъ передвиганій. Если приходится создавать болѣе интенсивные элементы, чѣмъ имѣющіеся на-лицо въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ,—то этой цѣли служитъ обширное сгущеніе, совершаемое надъ составными частями мыслей. На логическую связь мыслей обращается вниманія немного; она находитъ свое скрытое выраженіе въ формальныхъ особенностяхъ сновидѣнія. Аффекты мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, подвергаются меньшимъ измѣненіямъ, нежели кругъ представленія въ нихъ. Обычно они подавляются. Только одна часть дѣятельности сновидѣнія,— непостоянная въ своемъ масштабѣ переработка отчасти пробудившимся бодрственнымъ мышленіемъ, соотвѣтствуетъ взглядамъ большинства авторовъ на общую картину образованія сновидѣній.

VII.

Психологія дѣятельности сновидѣнія.

Среди сновидѣній, сообщенныхъ мнѣ различными лицами, имѣется одно, претендующее на особое наше вниманіе. Оно разсказано мнѣ одной паціенткой, которая сама слыхала его на одной лекціи о сновидѣніи; его истинный источникъ остался мнѣ не извѣстенъ. На эту даму оно произвело впечатлѣніе своимъ содержаніемъ,—она не преминула повторить его въ своемъ сновидѣніи.

Обстановка сновидѣнія образца была слѣдующая. Одинъ отецъ день и ночь сидѣлъ у постели своего больного ребенка. Ребенокъ умеръ,—отецъ легъ спать въ сосѣдней комнатѣ, но оставилъ дверь открытой, чтобы изъ спальни видѣть тѣло покойника, окруженное большими зажженными свѣчами. Около тѣла сидѣлъ старикъ и бормоталъ молитвы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, отцу приснилось, что *ребенокъ подходитъ къ его постели, беретъ его за руку и съ упрекомъ ему говоритъ: Отецъ, развѣ ты не видишь, что я горю?* Онъ просыпается, замѣчаетъ яркій свѣтъ въ сосѣдней комнатѣ, спѣшитъ туда и видитъ, что старикъ уснулъ, а одежда и одна рука тѣла покойника успѣли уже обгорѣть отъ упавшей на него зажженной свѣчи.

Толкованіе этого трогательнаго сновидѣнія не представляетъ никакихъ трудностей и, какъ сообщаетъ моя паціентка, было произведено совершенно правильно лекторомъ. Яркій свѣтъ падалъ черезъ открытую дверь на лицо спящаго и вызвалъ у него ту же мысль, какая возникла бы у него и въ бодрственномъ состояніи: въ той комнатѣ упала свѣча и вспыхнулъ пожаръ. Быть можетъ, отецъ и заснулъ съ озабоченной мыслью, что старикъ не можетъ добросовѣстно выполнить свою миссію.

Мы тоже ничего не можемъ измѣнить въ этомъ

толкованіи,—развѣ только добавимъ, что содержаніе сновидѣнія должно было быть сложно детерминировано и что слова ребенка составлены изъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ имъ при жизни и связанныхъ съ важными для отца переживаніями. Его жалоба: я горю,—связана съ лихорадкой, отъ которой онъ умеръ,—а слова: отецъ, развѣ ты не видишь?..—съ какимъ-то намъ неизвѣстнымъ, но богатымъ аффектами эпизодомъ.

Убѣдившись, однако, изъ всего предыдущаго изслѣдованія въ томъ, что сновидѣніе представляетъ собою вполнѣ осмысленное явленіе, могущее быть включеннымъ въ общую цѣпь психологическихъ процессовъ,—мы имѣемъ полное основаніе удивиться тому, какъ могло возникнуть сновидѣніе при условіяхъ, требующихъ, казалось бы, быстраго пробужденія. Мы замѣчаемъ, однако, что и это сновидѣніе содержитъ въ себѣ осуществленіе желанія. Въ сновидѣніи мертвый ребенокъ ведетъ себя, какъ живой, онъ говоритъ съ отцомъ, подходитъ къ его постели и беретъ его за руку, какъ дѣлаетъ, вѣроятно, въ воспоминаніи, изъ котораго сновидѣніе извлекло первую часть рѣчи ребенка. Ради этого осуществленія желанія отецъ и продолжилъ на мгновеніе свой сонъ. Сновидѣнію было отдано предпочтеніе передъ бодрственнымъ мышленіемъ, потому что могло показать ребенка живымъ. Если бы отецъ сразу проснулся и у него появилась мысль, которая привела его въ сосѣднюю комнату, то онъ какъ бы укоротилъ жизнь ребенка на это мгновеніе.

Причина, какія особенности этого небольшого сновидѣнія приковываетъ нашъ интересъ, ясна и очевидна. До сихъ поръ мы интересовались, главнымъ образомъ, тѣмъ, въ чемъ состоитъ тайный смыслъ сновидѣнія, какимъ путемъ обнаружить его и какими средствами пользовалась дѣятельность сновидѣнія для его сокрытія. Въ центрѣ нашего вниманія находились до сихъ поръ задачи толкованія сновидѣній. Сейчасъ между тѣмъ мы наталкиваемся на сновидѣніе, не представляющее никакихъ трудностей толкованію и въ очевидной формѣ обнаруживающее свой смыслъ,—и замѣчаемъ, что это сновидѣніе все-таки сохраняетъ существенныя черты, которыми сновидѣніе вообще отличается отъ нашего бодрственнаго мышленія и пробуждаетъ въ насъ потребность въ объясненіи. Лишь по устраненіи всего того, что относится къ толкованію, мы замѣчаемъ, насколько неполной осталась наша психологія сновидѣнія.

Прежде, чѣмъ, однако, пойти по этому новому пути, мы должны остановиться и оглянуться назадъ, не упустили ли мы

что-нибудь важное и существенное. Мы должны убѣдится въ томъ, что удобная и пріятная часть нашего пути лежитъ позади насъ. До сихъ поръ всѣ пути, по которымъ мы шли, приводили насъ, если я не ошибаюсь, къ свѣту, къ знанію и къ полному пониманію; съ того момента, однако, когда мы захотимъ проникнуть глубже въ душевныя явленія при сновидѣніяхъ, пути наши устремятся всѣ въ полную тьму. Мы отнюдь не можемъ, разъяснить сновидѣніе, какъ психическій процессъ, такъ какъ „разъяснить" значитъ свести къ чему-либо извѣстному, чему мы могли бы подчинить то, что въ качествѣ основы объясненія вытекаетъ изъ психологическаго изслѣдованія сновидѣній. Наоборотъ,—мы будемъ вынуждены выставить цѣлый рядъ новыхъ гипотезъ, которыя коснутся конструкціи душевнаго аппарата и дѣятельности присущихъ ему силъ и которыя мы должны будемъ остерегаться распространять слишкомъ далеко за предѣлы первой логической связи, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ цѣнность окажется слишкомъ расплывчатой и неопредѣленной. Если даже мы не совершимъ ни малѣйшей ошибки въ умозаключеніяхъ и примемъ въ расчетъ всѣ логически очевидныя возможности, то намъ все же грозитъ вполнѣ невѣроятная неполнота въ установленіи элементовъ, равно какъ и полное крушеніе всѣхъ расчетовъ. Самое тщательное разсмотрѣніе сновидѣнія или какого-нибудь другого единичнаго явленія не дастъ намъ полнаго представленія о конструкціи и функціяхъ душевнаго аппарата, а лишь предоставитъ съ этой цѣлью въ наше распоряженіе все то, что оказывается наиболѣе постояннымъ при сравнительномъ изученіи цѣлаго ряда психическихъ явленій. Такимъ образомъ, психологическія положенія, выведенныя нами изъ анализа процессовъ сновидѣнія, должны будутъ какъ бы ожидать своего присоединенія къ выводамъ изъ другихъ изслѣдованій, которыя съ, другой стороны, стремятся проникнуть къ центру той же проблемѣ.

а) Забываніе сновидѣній.

Мы обращаемся сейчасъ къ темѣ, изъ которой проистекаетъ возраженіе, на которое мы до сихъ поръ не обращали вниманія, но которое способно разрушить наши попытки поставить толкованіе сновидѣній на твердую почву. Мы не разъ уже слыхали, что мы, въ сущности, вовсе не знаемъ сновидѣнія, которое хотимъ истолковать, что у насъ нѣтъ никакой гарантіи того, что мы знаемъ его дѣйствительно въ томъ видѣ, въ ка-

комъ оно имѣло мѣсто. То, что мы вспоминаемъ о сновидѣніи и къ чему прилагаемъ наше искусство толкованія, во-первыхъ, искажено нашей ненадежной памятью, которая въ высшей степени непригодна для сохраненія сновидѣнія и, быть можетъ, совершенно опускаетъ, какъ разъ самыя важныя и существенныя части его содержанія. Обращая вниманіе на наши сновидѣнія, мы такъ часто имѣемъ основаніе жаловаться на то, что намъ снилось гораздо больше и что мы, къ сожалѣнію, помнимъ лишь отдѣльные отрывки,—при чемъ даже и воспоминанія о нихъ кажутся намъ зачастую не достаточно надежными. Во-вторыхъ, все говоритъ за то, что наше воспоминаніе воспроизводитъ сновидѣніе не только неполно, но и невѣрно, въ искаженномъ видѣ. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ мы можемъ сомнѣваться, дѣйствительно ли сновидѣніе было такимъ безсвязнымъ и расплывчатымъ, какъ сохранилось въ памяти,—такъ, съ другой стороны, мы по праву можемъ сомнѣваться и въ томъ, было ли сновидѣніе, такимъ связнымъ, какъ мы его сообщаемъ,—не заполнили ли мы при попыткѣ репродукціи всѣ вовсе не существовавшіе или созданные лишь забываніемъ пробѣлы произвольно избраннымъ, новымъ матеріаломъ,—не прикрасили ли мы сновидѣніе, не «округлили» ли его. Такимъ образомъ, становится невозможнымъ сужденіе о томъ, каково было въ дѣйствительности содержаніе сновидѣнія. У одного автора (С п и т а [64]) мы нашли даже утвержденіе, будто весь порядокъ и вся связность сновидѣнія вносятся въ него лишь при попыткѣ произвести его содержаніе. Мы повергаемся, слѣдовательно, опасности, что у насъ вырвутъ изъ рукъ тотъ объектъ, цѣнность котораго мы собираемся опредѣлить.

При толкованіи сновидѣній мы до сихъ поръ приходили мимо этого обстоятельства. Наоборотъ, толкованіе мельчайшихъ, смутныхъ и неотчетливыхъ частей сновидѣнія казалось намъ все время отнюдь не менѣе настоятельно необходимымъ, чѣмъ, толкованіе его отчетливыхъ и очевидныхъ элементовъ. Въ сновидѣніи объ инъекціи Ирмѣ есть мѣсто: я п о с п ѣ ш н о подзываю доктора М.; мы предполагали, что эта деталь безусловно не была бы включена въ сновидѣніе, если бы не допускала особаго сведенія къ особому источнику. Мы свели ее дѣйствительно къ исторіи той несчастной паціентки, къ которой я поспѣшно вызвалъ своего старшаго коллегу. Въ мнимо-абсурдномъ сновидѣніи, считающемъ различіе 51 и 56 quantité négligeable число 51 повторялось нѣсколько разъ. Вмѣсто того, чтобы счесть это вполнѣ естественнымъ и потому безразличнымъ, мы

заключили на основанiи этого о второй цѣпи мыслей въ скрытомъ содержанiи сновидѣнiя, которая ведетъ къ числу 51; путь этотъ привелъ насъ къ опасенiямъ, которыя вызываетъ 51-лѣтнiй возрастъ,—въ рѣзкомъ противорѣчiи съ тѣми доминирующими мыслями, которыя самоувѣренно «кидаются» годами. Въ сновидѣнiи «Non vixit» фраза: «такъ какъ П. его не понимаетъ, то Ф. спрашиваетъ меня» и т. д. показалась мнѣ въ началѣ ничего не значущей вставкой. Когда затѣмъ толкованiе оказалось затруднительнымъ, я вернулся къ этой фразѣ и нашелъ отъ нея путь къ дѣтской фантазiи, которая проявляется въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣнiемъ, въ качествѣ средняго узлового пункта. Это произошло при помощи словъ поэта:

«Selten habt Ihr mich verstanden,
Selten auch verstand ich Euch,
Nur wenn wir im Kot uns fanden,
So verstanden wir uns gleich *)».

Каждый анализъ даетъ примѣры того, насколько необходимы для толкованiя какъ разъ самыя мелкiя черты сновидѣнiя и какъ разрѣшенiе задачи замедляется, если вниманiе обращается на нихъ лишь впослѣдствiи. Такое же значенiе при толкованiи сновидѣнiй придавали мы и всякому малѣйшему оттѣнку словеснаго выраженiя, текста сновидѣнiя; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ нами былъ безсмысленный или недостаточный текстъ, мы считались и съ этими недостатками словеснаго выраженiя. Короче говоря, то, что, по мнѣнiю большинства авторовъ, является произвольной и поспѣшно скомпанованной импровизацiей, мы считали всегда святымъ и неприкосновеннымъ. Это противорѣчiе нуждается въ объясненiи.

Послѣднее склоняется въ нашу пользу, не уличая, однако, въ неправотѣ и большинство авторовъ. Съ точки зрѣнiя нашихъ новыхъ взглядовъ на возникновенiе сновидѣнiя всѣ противорѣчiя безъ остатка примиряются между собой. Нельзя отрицать того, что при попыткѣ репродукцiи мы искажаемъ сновидѣнiе; здѣсь мы видимъ опять-таки то, что мы называли вторичной и столь часто невѣрно понимаемой обработкой сновидѣнiя со стороны инстанцiи нормальнаго мышленiя. Но само это искаженiе не что иное, какъ часть обработки, которой,

*) „Рѣдко вы понимали меня, рѣдко понималъ васъ и я; только, когда мы попадали въ грязь, мы тотчасъ же начинали понимать другъ друга".

благодаря цензурѣ, закономѣрно подвергаются мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ. Авторы замѣчали здѣсь явно дѣйствующую часть искаженія; насъ же удивляетъ она мало, такъ какъ мы знаемъ, что значительно болѣе обширное искаженіе, менѣе, однако, уловимое, избрало уже своимъ объектомъ сновидѣніе изъ скрытыхъ мыслей. Авторы заблуждаются только въ томъ, что считаютъ произвольной модификацію сновидѣнія при его припоминаніи и словесномъ выраженіи,—т.-е. полагаютъ, что она не поддается толкованію и способна только ввести насъ въ заблужденіе относительно познанія сущности сновидѣнія. Они умаляютъ значеніе детерминированія въ сферѣ психическаго. Тамъ нѣтъ ничего произвольнаго. На любомъ примѣрѣ можно показать, что вторая нить мыслей тотчасъ же беретъ на себя опредѣленіе элемента, не обусловленнаго первой. Я хочу, напримѣръ, совершенно произвольно задумать какое-нибудь число; это, однако, невозможно. Число, которое приходитъ мнѣ на умъ, односторонне и неизбѣжно обусловлено моими мыслями, которыя, быть можетъ, и чрезвычайно далеки отъ моего даннаго намѣренія *). Столь же мало произвольны и измѣненія, претерпѣваемыя сновидѣніемъ при редакціи его въ бодрственномъ состояніи. Они остаются въ ассоціативной связи съ содержаніемъ, мѣсто котораго занимаютъ, и служатъ для указанія намъ пути къ этому содержанію, которое можетъ быть опять-таки замѣщеніемъ другого.

При анализѣ сновидѣній моихъ паціентовъ я обычно очень успѣшно произвожу слѣдующаго рода испытаніе. Когда сообщенное сновидѣніе представляется мнѣ вначалѣ мало понятнымъ, я прошу разсказчика повторить его мнѣ. Повтореніе въ очень рѣдкихъ случаяхъ воспроизводитъ его въ тѣхъ же словахъ. Тѣ части, которыя пріобрѣли измѣненное выраженіе, представляются мнѣ тотчасъ же слабыми мѣстами замаскированія сновидѣнія,—онѣ служатъ мнѣ тѣмъ, чѣмъ служили Гагену вышитые знаки на одеждѣ Зигфрида. Съ нихъ-то и можетъ быть начато толкованіе сновидѣнія. Моя просьба повторить еще разъ сновидѣніе предупреждаетъ разсказчика, что я собираюсь приложить особое усиліе къ его толкованію; поэтому подъ вліяніемъ чувства сопротивленія онъ тотчасъ же предохраняетъ слабыя мѣста, замѣняя предательское выраженіе ихъ какимъ-либо другимъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ. Онъ об-

---

*) [Ср. «Психопаталогію обыденной жизни». Рус. пер. въ изд. «Современныя Проблемы».]

ращаетъ тѣмъ самымъ мое вниманіе на измѣненное имъ выраженіе. По усиліямъ, съ которыми защищается разрѣшеніе сновидѣнія, я могу судить о тщательности, съ которой оно замаскировано.

Значительно менѣе правы авторы, настаивая на томъ сомнѣніи, которымъ наше сужденіе встрѣчаетъ сообщеніе сновидѣнія. Сомнѣніе это лишено всякой интеллектуальной гарантіи; наша память вообще не знаетъ никакихъ гарантій, а все же мы часто, гораздо чаще, чѣмъ это нужно съ объективной точки зрѣнія, считаемъ нужнымъ довѣрять ея показаніямъ. Сомнѣніе въ правильной передачѣ сновидѣнія или отдѣльныхъ частей его представляетъ собою опять-таки,результатъ цензуры сопротивленія проникновенію мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, въ наше сознаніе. Сопротивленіе это не всегда исчерпывается вызываемыми имъ передвиженіями и замѣщеніями,— оно, въ формѣ сомнѣнія, устремляется затѣмъ на пропуски и на пробѣлы. Мы тѣмъ легче не замѣчаемъ этого сомнѣнія, что оно ради предосторожности никогда не обращается на интенсивные элементы сновидѣнія, а всегда лишь на слабые и неясные. Мы знаемъ, однако, уже, что между мыслями, скрывающимися за сновидѣніемъ, и самимъ сновидѣніемъ совершается полная переоцѣнка всѣхъ психическихъ цѣнностей; искаженіе было возможно лишь благодаря лишенію цѣнности ихъ, оно проявляется обычно въ этомъ и иногда этимъ удовлетворяется. Если къ какому-либо неясному элементу содержанія сновидѣнія присоединяется еще и сомнѣніе, то мы, слѣдуя указанію, можемъ подмѣтить въ немъ непосредственный продуктъ одной изъ отвергнутыхъ мыслей. Здѣсь дѣло обстоитъ такъ же, какъ послѣ крупнаго переворота въ одной изъ республикъ древности или эпохи возрожденія. Ранѣе господствовавшіе аристократическіе и могущественные роды подвергаются изгнанію, всѣ высшія должности замѣщаются авантюристами и выскочками; въ республикѣ терпятся лишь совсѣмъ обѣднѣвшіе и безсильные члены или отдаленные родственники сверженныхъ властелиновъ. Но и они не пользуются полными правами гражданства, и за ними установленъ недовѣрчивый, неусыпный контроль. Мѣсто недовѣрія въ этомъ примѣрѣ занимаетъ въ нашемъ случаѣ сомнѣніе. При анализѣ сновидѣнія я требую поэтому, чтобы сообщающій его отрѣшился отъ всѣхъ градацій увѣренности въ точности передачи и малѣйшее предположеніе, что то-то и то-то имѣло мѣсто въ сновидѣніи, считалъ бы за неоспоримую истину. Покамѣстъ субъектъ при прослѣживаніи какого-либо

элемента сновидѣнія не исполнитъ мое это требованіе, до тѣхъ поръ анализъ не сдвинется съ мѣста. Пренебрежительное отношеніе къ данному элементу оказываетъ на субъекта психическое воздѣйствіе, выражающееся въ томъ, что ему никогда не придетъ на умъ ни одно изъ нежелательныхъ представленій, скрывающихся за нимъ. Такое воздѣйствіе, въ сущности довольно неестественно; насъ бы не удивило, если бы кто-нибудь возразилъ: Было ли то-то и то-то въ сновидѣніи, я вѣрно не знаю; но въ связи съ нимъ мнѣ приходитъ въ голову слѣдующее. Но такъ не говоритъ никто и именно это нарушающее анализъ воздѣйствіе сомнѣнія заставляетъ считать его продуктомъ и орудіемъ психическаго сопротивленія. Психоанализъ вполнѣ справедливо крайне недовѣрчивъ. Одно изъ его правилъ гласитъ: то, что мѣшаетъ продолженію работы, есть всегда сопротивленіе.

Забываніе сновидѣній тоже остается до тѣхъ поръ непонятнымъ, пока къ объясненію его не привлекается сила психической цензуры. Чувство, будто ночью снилось очень многое, а запомнилась лишь ничтожная доля всего этого, имѣетъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ свой особый смыслъ: напримѣръ, тотъ, что хотя дѣятельность сновидѣнія и длилась всю ночь, но оставила лишь одно короткое сновидѣніе. Иначе невозможно сомнѣніе въ томъ, что сновидѣніе по пробужденіи мало-по-малу забывается. Очень часто его забываешь, несмотря на напряженныя усилія запомнить. Я полагаю, однако, что подобно тому какъ степень этого забыванія обычно преувеличивается, такъ преувеличивается и связанная съ пробѣлами въ сновидѣніи неполнота его знанія. Все, что утрачено въ содержаніи сновидѣнія благодаря забыванію, можетъ быть возстановлено путемъ анализа; по крайней мѣрѣ въ цѣломъ рядѣ случаевъ на основаніи одного какого-либо сохранившагося обломка можно отыскать, если не само сновидѣніе,—да и не о немъ идетъ сейчасъ рѣчь, — а мысли, скрывающіяся за нимъ. Это требуетъ большой затраты вниманія и большого самообладанія при анализѣ; это хотя и все, но тѣмъ не менѣе указываетъ на то, что забываніе сновидѣнія достигаетъ своей враждебной ему цѣли.

Чрезвычайно убѣдительное доказательство*) тенденціоннаго, служащаго цѣлямъ сопротивленія характера забыванія сно-

---

*) Ср. о намѣреніи при забываніи мою небольшую статью о «психическомъ механизмѣ забывчивости» въ «Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie» 1898. [Впослѣдствіи она была включена въ «Психопатологію обыденной жизни»].

видѣній получается при анализѣ изъ разсмотрѣнія предварительной стадіи забыванія. Нерѣдко случается, что при толкованіи всплываетъ неожиданно какая-либо опущенная часть сновидѣнія, которая до того считалась забытой. Эта часть сновидѣнія, вырванная у забвенія, почти всегда наиболѣе важна и существенна. Она стоитъ на ближайшемъ пути къ разрѣшенію сновидѣнія и потому наиболѣе подвергалась сопротивленію. Среди примѣровъ сновидѣній, приведенныхъ мной въ предыдущихъ главахъ, имѣется одно, къ которому я лишь впослѣдствіи добавилъ еще одну часть содержанія. Это сновидѣніе о мести моей нелюбезной спутницѣ; вслѣдствіе его отчасти циничнаго содержанія я почти не подвергъ его толкованію. Пропущенное мѣсто гласитъ: Я указываю англичанамъ на одну изъ книгъ и говорю: It is from... Но поправляюсь тотчасъ же: It is by... Братъ замѣчаетъ сестрѣ: Онъ сказалъ правильно.

Автокорректура въ сновидѣніи, которая удивляетъ многихъ, не заслуживаетъ нашего особаго интереса. Относительно ошибокъ въ сновидѣніи я приведу лучше образчикъ изъ собственныхъ воспоминаній. Девятнадцати лѣтъ я въ первый разъ попалъ въ Англію и провелъ цѣлый день на берегу Irish Sea. Я былъ увлеченъ, конечно, ловлей оставшихся послѣ отлива морскихъ животныхъ и заинтересовался какъ разъ морской звѣздой, какъ ко мнѣ подошла прелестная маленькая дѣвочка и спросила: «Is it a starfish? Is it alive?» Я отвѣтилъ: Yes, he is alive,—но мнѣ стало стыдно своей ошибки и я повторилъ фразу правильно. На мѣсто ошибки, совершенной мною тогда, сновидѣніе ставитъ другую, въ которую тоже легко впасть нѣмцу. «Das Buch ist von Schiller (это книга Шиллера)» слѣдуетъ перевести при помощи не from, а by. То, что дѣятельность сновидѣнія производитъ эту замѣну потому, что from благодаря созвучію съ нѣмецкимъ прилагательнымъ fromm (благочестивый) допускаетъ самое широкое сгущеніе,—насъ послѣ всего того, что мы слыхали о намѣреніяхъ этой дѣятельности и о ея неразборчивости въ выборѣ средствъ, удивить не можетъ. Что же означаетъ, однако, это невинное воспоминаніе о морскомъ берегѣ? Оно показываетъ на возможно болѣе невинномъ примѣрѣ, что я невѣрно употребляю членъ въ опредѣленіи рода (he вмѣсто it). Это одинъ изъ ключей къ разрѣшенію сновидѣнія.

Я могу, впрочемъ, подкрѣпить доказательство того, что забываніе сновидѣній является результатомъ сопротивленія, при

помощи demonstratio ad oculos. Одинъ паціентъ сообщаетъ, что ему что-то снилось, но что онъ безслѣдно забылъ сновидѣніе. Я приступаю къ анализу, наталкиваюсь на сопротивленіе, разъясняю кое-что паціенту и помогаю ему совѣтами и увѣщаніями примириться съ какого-то непріятной ему мыслью. Едва это ему удалось, какъ онъ восклицаетъ: А я теперь вспомнилъ, что мнѣ приснилось. То же сопротивленіе, которое мѣшало ему въ эти дни работать, заставило его и забыть сновидѣніе. Я заставилъ его преодолѣть это сопротивленіе и въ то, же время помогъ ему вспомнить сновидѣніе.

Точно также и паціентъ, достигнувъ извѣстнаго пункта работы, можетъ вспомнить сновидѣніе, видѣнное имъ три, четыре и болѣе дней назадъ и сразу же позабытое.

[Психоаналитическій опытъ даетъ намъ и другое доказательство того, что забываніе сновидѣній зависитъ гораздо больше отъ сопротивленія, чѣмъ отъ той большой пропасти, которая раздѣляетъ состояніе сна и бодрствованія, какъ полагаетъ большинство авторовъ. Со мной, какъ и съ другими аналитиками, а также и съ паціентами, пользующимися лѣченіемъ психоневрозомъ, случается нерѣдко, что мы, проснувшись благодаря сновидѣнію, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ въ полномъ обладаніи своей мыслительной дѣятельности приступаемъ къ толкованію сновидѣнія. Я лично въ такихъ случаевъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не разъяснялъ вполнѣ своего сновидѣнія; тѣмъ не менѣе бывало не рѣдко, что по пробужденіи я такъ же забывалъ толкованіе сновидѣнія, какъ и его содержанія, хотя и сознавалъ превосходно, что мнѣ что-то снилось и что я истолковалъ свое сновидѣніе. Значительно чаще сновидѣніе уносило въ забвеніе и результатъ толкованія, чѣмъ духовной дѣятельности удавалось зафиксировать сновидѣніе въ памяти. Между этимъ толкованіемъ и бодрственнымъ мышленіемъ нѣтъ, однако, той психической пропасти, которою исключительно пытаются изслѣдователи объяснить толкованіе сновидѣній.—Если Мортонъ Прэнсъ [105]) возражаетъ противъ моего толкованія забыванія сновидѣній, что это лишь спеціальный случай амнезіи диссоціированныхъ душевныхъ состояній и что невозможность примѣнить мое толкованіе этой спеціальной амнезіи къ другимъ типамъ послѣдней доказываетъ его непригодность и для разрѣшенія его ближайшихъ задачъ, то этимъ онъ напоминаетъ лишь читателю, что онъ во всемъ своемъ изслѣдованіи такихъ диссоціированныхъ состояній никогда даже не пытался дать динамическое объясненіе этихъ явленій. Иначе онъ замѣтилъ бы,

что оттѣсненіе (а также и вызываемое имъ сопротивленіе) представляетъ собой причину какъ этихъ диссоціацій, такъ и амнезіи ихъ психическаго содержанія.]

То, что сновидѣнія столь же мало забываются, какъ и другіе душевные акты и что въ отношеніи ихъ фиксаціи въ памяти они должны быть поставлены наравнѣ съ другими психическими функціями, показываетъ мнѣ наблюденіе, которое я сдѣлалъ при написаніи этого сочиненія. У меня было записано очень много собственныхъ сновидѣній, которыхъ я въ свое время по разнаго рода причинамъ почти или совсѣмъ не подвергалъ толкованію. Нѣкоторыя изъ нихъ годъ или два спустя я попытался истолковать съ цѣлью раздобыть матеріалъ для иллюстраціи своихъ утвержденій. Эта попытка мнѣ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ удавалась; я готовъ утверждать, что это толкованіе было легко въ теченіе долгаго времени спустя, въ теченіе котораго сновидѣнія были свѣжими переживаніями; я могу объяснить это тѣмъ, что я съ тѣхъ поръ преодолѣлъ различнаго рода сопротивленіе, оказывавшее въ то время тормозящее дѣйствіе. При такихъ послѣдующихъ толкованіяхъ я сравнивалъ тогдашніе результаты мыслей, скрывающихся за сновидѣніями, съ нынѣшними, значительно болѣе богатыми содержаніемъ, и не находилъ никакой перемѣны. Вскорѣ, однако, я пересталъ удивляться этому: я подумалъ, что у своихъ паціентовъ я уже давно научился точно также и съ такимъ же успѣхомъ толковать сновидѣнія, которыя они мнѣ случайно разсказывали, какъ будто это были сновидѣнія прошедшей ночи. При обсужденіи сновидѣній о страхѣ я сообщу два примѣра такого поздняго толкованія. Когда я въ первый разъ произвелъ такой опытъ, я руководился вполнѣ обоснованнымъ предположеніемъ, что со сновидѣніемъ и тутъ обстоитъ дѣло такъ же, какъ съ невротическимъ симптомомъ. Подвергая психоанализу невротика или истерика, я стараюсь найти объясненіе симптомамъ, не только имѣющимся на-лицо въ настоящее время и приведшимъ его ко мнѣ, но и прежнимъ, давно уже имъ преодолѣннымъ; послѣдняя задача въ большинствѣ случаевъ, какъ это ни кажется на первый взглядъ страннымъ, значительно легче. Уже въ «Изслѣдованіи истеріи», появившемся въ свѣтъ въ 1895 г. я сообщилъ разъясненіе перваго припадка истерическаго страха, испытаннаго 45-лѣтней женщиной въ возрастѣ 15 лѣтъ.

Внѣ связи съ изложеніемъ я приведу здѣсь еще нѣсколько указаній относительно толкованія сновидѣній, которыя помогутъ

оріентироваться, быть можетъ, читателю, желающему проконтролировать меня анализомъ своихъ сновидѣній.

Едва ли кто-нибудь думаетъ, что толкованіе сновидѣній— дѣло очень простое. Уже для зафиксированія эндоптическихъ явленій и другихъ, обычно ускользающихъ отъ вниманія ощущеній необходима извѣстная опытность, несмотря на то, что ни одинъ психическій мотивъ не сопротивляется этой группѣ воспріятій. Овладѣть «нежелательными представленіями» неизмѣримо труднѣе. Кто захочетъ сдѣлать это, тотъ проникнется ожиданіями, о которыхъ идетъ рѣчь на этихъ страницахъ; слѣдуя даваемымъ мной указаніямъ, онъ будетъ стараться подавлять въ себѣ во время работы всякую критику, всякую предвзятость, всякое аффективное или интеллектуальное пристрастіе. Онъ будетъ помнить правило, выставленное Клодъ Бернаромъ для работающихъ въ физіологической лабораторіи: travailler comme une bête, т. е. не только такъ же прилежно, но и такъ же не заботясь о результатахъ. Кто послѣдуетъ этому правилу, тому задача эта не покажется уже такой трудной. Толкованіе сновидѣнія не совершается кромѣ того сразу; нерѣдко чувствуешь, что твоя аналитическая способность истощена,—сновидѣніе въ этотъ день не скажетъ тебѣ ничего уже больше; въ этомъ случаѣ самое лучшее— бросить и продолжить работу на слѣдующій день. Тогда другая часть содержанія сновидѣнія можетъ привлечь къ себѣ вниманіе, и будетъ найденъ доступъ къ новому слою мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ.

Труднѣе всего внушить новичку въ толкованіи сновидѣній то, что его работа отнюдь не завершается, когда онъ находитъ исчерпывающее толкованіе сновидѣнія, остроумное, связное и разъясняющее ему всѣ элементы его содержанія. То же сновидѣніе можетъ допустить еще и другое толкованіе, ему сразу не удавшееся. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что очень трудно составить себѣ представленіе объ обиліи въ нашемъ мышленіи безсознательныхъ мыслей, упорно старающихся найти себѣ выраженіе,—и что не менѣе трудно повѣрить въ способность дѣятельности сновидѣнія многосмысленной формой выраженія всякій разъ какъ бы убивать за-разъ семь мухъ,—все равно какъ портновскій подмастерье въ сказкѣ. Читатель будетъ склоненъ всегда упрекнуть автора въ томъ, что онъ попусту расточаетъ свое остроуміе; но впослѣдствіи онъ самъ убѣдится въ своей ошибкѣ.

На вопросъ о томъ, можетъ ли быть истолковано каждое

сновидѣніе, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Не нужно забывать того, что при толкованіи приходится бороться съ психическими силами, повинными въ искаженіи сновидѣнія. Въ виду этого—просто вопросъ соотношенія силъ, можетъ ли субъектъ преодолѣть внутреннее сопротивленіе своимъ интеллектуальнымъ интересомъ, своей способностью къ самообладанію, своими психическими познаніями и своей опытностью въ толкованіи сновидѣній. До нѣкоторой степени это возможно всегда: почти всегда субъекту удается убѣдиться въ томъ, что сновидѣніе—осмысленный феноменъ,—а также въ большинствѣ случаевъ и догадаться о сущности этого смысла. Очень часто послѣдующее сновидѣніе даетъ возможность констатировать правильность и продолжить толкованіе предыдущаго. Цѣлый рядъ сновидѣній, продолжающихся нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, покоится часто на одинаковомъ базисѣ; всѣ они должны быть подвергнуты толкованію сообща. Въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ сновидѣніяхъ можно нерѣдко подмѣтить, какъ центральнымъ пунктомъ одного служитъ то, на что въ другомъ имѣется лишь неясное указаніе и наоборотъ,—такъ что оба такихъ сновидѣнія дополняютъ другъ друга и въ толкованіи. То, что различныя сновидѣнія одной и той же ночи должны разсматриваться при толкованіи, какъ одно цѣлое, я доказалъ уже на примѣрахъ.

Въ сновидѣніяхъ, допускающихъ самое наглядное толкованіе, приходится очень часто оставлять какую-либо часть неразъясненной, такъ какъ при толкованіи мы замѣчаемъ, что тамъ имѣется клубокъ мыслей, который не внесъ никакихъ новыхъ элементовъ въ содержаніе сновидѣнія. Это пуповина сновидѣнія,—то мѣсто, въ которомъ оно соприкасается съ непознаннымъ. Мысли, которыя скрываются за сновидѣніемъ и которыя всплываютъ при его толкованіи, должны оставаться незавершенными и расходиться во всѣ стороны сѣтовиднаго сплетенія нашего мышленія. Надъ самой густой частью этой сѣти и возвышается желаніе сновидѣнія.

Возвращаемся къ забыванію сновидѣній. Мы не сдѣлали еще изъ него одного важнаго вывода. Если бодрственное состояніе обнаруживаетъ несомнѣнное намѣреніе забыть сновидѣніе, образованное во время сна, либо цѣликомъ непосредственно по пробужденіи, либо же частями въ теченіе дня, и если главнымъ виновникомъ этого забыванія мы считаемъ психическое сопротивленіе сновидѣнію, которое уже ночью сдѣлало свое дѣло по отношенію къ послѣднему,—то возникаетъ вопросъ, что же, въ

сущности, вопреки этому сопротивленію дало возможность образоваться сновидѣнію. Возьмемъ наиболѣе крайній случай, когда бодрствованіе устраняетъ сновидѣніе, какъ будто его вообще не было. Если при этомъ мы примемъ во вниманіе дѣятельность психическихъ силъ, то должны будемъ сказать, что сновидѣніе вообще бы не образовалось, если бы сопротивленіе ночью было бы столь же упорно, какъ днемъ. Отсюда слѣдуетъ, что сопротивленіе ночью утрачиваетъ часть своей силы. Мы знаемъ, что оно не было устранено цѣликомъ: мы нашли слѣды его участія въ образованіи сновидѣнія искаженій послѣдняго. Но мы видимъ ясно, что ночью оно было не такъ упорно, что именно благодаря этому ослабленію сопротивленія и образовалось сновидѣніе,— и мы легко понимаемъ, что оно, будучи возстановлено по пробужденіи во всей полнотѣ своей силы, тотчасъ же устраняетъ то, что приходилось ему допускать, пока оно было черезчуръ слабо. Описательная психологія учитъ насъ, что главнѣйшимъ условіемъ образованія сновидѣній является сонное состояніе души; мы могли бы пояснить это слѣдующимъ: состояніе сна даетъ возможность образованію сновидѣній, понижаетъ и ослабляетъ эндопсихическую цензуру.

Мы испытываемъ, конечно, искушеніе считать это положеніе единственно возможнымъ выводомъ изъ факта забыванія сновидѣній и вывести изъ него дальнѣйшія заключенія относительно распредѣленія энергіи въ состояніяхъ сна и бодрствованія. Но покамѣстъ мы этого дѣлать не будемъ. Углубившись немного въ психологію сновидѣнія, мы узнаемъ, что допущеніе образованія сновидѣній можетъ быть охарактеризовано еще и иначе. Сопротивленія осознаванію мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, можно избѣгнуть и безъ пониженія его интенсивности. Очевидно, что оба момента, благопріятствующія образованію сновидѣній, ослабленіе и обходъ сопротивленія возможны благодаря состоянію сна. Пока мы прервемъ обсужденіе этого вопроса, чтобы скоро вновь вернуться къ нему.

Есть еще другой рядъ возраженій противъ нашего метода толкованія сновидѣній, которыми мы должны заняться сейчасъ. Мы поступаемъ вѣдь слѣдующимъ образомъ: мы опускаемъ всѣ цѣлевыя представленія, господствующія обычно надъ нашимъ мышленіемъ, обращаемъ свое вниманіе на какой-либо элементъ сновидѣнія и замѣчаемъ, какая изъ нашихъ нежелательныхъ мыслей соотвѣтствуетъ ему. Затѣмъ мы беремъ слѣдующую составную часть содержанія сновидѣнія, повторяемъ надъ ней ту же работу и, не обращая вниманія на тотъ путь, на который

увлекаютъ насъ мысли, устремляемся вслѣдъ за ними. При этомъ мы все время твердо увѣрены въ томъ, что въ концѣ концовъ безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны мы придемъ къ мыслямъ, изъ которыхъ возникло сновидѣніе. Противъ этого критика возражаетъ приблизительно слѣдующее. Въ томъ, что каждый элементъ сновидѣнія приводитъ къ чему-либо определенному, нѣтъ ничего удивительнаго. Съ каждымъ представленіемъ можно что-либо связать по ассоціаціи; странно только, что при этомъ безцѣльномъ и произвольномъ мышленіи доходятъ какъ разъ до мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. По всей вѣроятности, это просто самообманъ; отъ одного элемента слѣдуютъ по ассоціаціонной цѣпи до тѣхъ поръ, пока она безъ всякой видимой причины неожиданно не обрывается; когда затѣмъ включается второй элементъ, то вполнѣ естественно, что первоначальная неограниченность ассоціаціи претерпѣваетъ суженіе. Прежняя нить мыслей свѣжа еще въ памяти и потому при анализѣ второго представленія легче можно найти отдѣльныя мысли, которыя имѣютъ нѣчто общее и съ звеньями первой цѣпи. При этомъ аналитикъ уговариваетъ себя, что ему удалось найти мысль, которая служитъ узловымъ пунктомъ между двумя элементами сновидѣнія. Такъ какъ обычно при соединеніи мыслей позволяютъ себѣ всякія вольности и, въ сущности, исключаютъ лишь переходы отъ одного представленія къ другому, вступающіе въ силу при нормальномъ мышленіи, то въ концѣ концовъ не трудно уже изъ ряда «промежуточныхъ мыслей» состряпать что-нибудь, что именуется затѣмъ мыслями, скрывающимися за сновидѣніемъ, и выдается бездоказательно за психическій базисъ сновидѣнія. Во всемъ тутъ, однако, царитъ произволъ и остроумное использованіе случайности, и каждый, кто рѣшится на такого рода безцѣльный трудъ, сумѣетъ дать любое толкованіе любому сновидѣнію.

Въ отвѣтъ на такія возраженія мы можемъ сослаться на впечатлѣніе отъ нашего толкованія сновидѣній, на неожиданную и примѣчательную связь съ другими элементами сновидѣнія, которая обнаруживается при прослѣживаніи отдѣльныхъ представленій, и на невѣроятность того, что нѣчто, что такъ исчерпывающе полно раскрываетъ сновидѣніе, какъ наше сновидѣніе, можетъ быть достигнуто иначе, чѣмъ раскрытіемъ ранѣе составленныхъ психическихъ соединеній. Въ свою защиту мы могли бы сказать еще, что нашъ методъ толкованія сновидѣній идентиченъ съ методомъ «разрѣшенія» истерическихъ симптомовъ, гдѣ правильность метода подтверждается появленіемъ и исчезнове-

ніемъ симптомовъ, гдѣ, такимъ образомъ, разъясненіе текста опирается на сопутствующія иллюстраціи. Мы не имѣемъ, однако, основанія избѣгать проблемы, какимъ образомъ благодаря прослѣживанію произвольно и безцѣльно развивающейся цѣпи мыслей достигается вполнѣ опредѣленная цѣль,—эту проблему мы можемъ хотя и не разрѣшить, но зато всецѣло устранить.

Дѣло въ томъ, что безусловно неправильно утвержденіе, будто мы прослѣживаемъ безцѣльный ходъ представленій, если, какъ при толкованіи сновидѣній, заставляемъ появляться наружу нежелательныя представленія. Можно доказать, что мы всегда можемъ отказываться лишь отъ извѣстныхъ намъ цѣлевыхъ представленій и что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ появляются неизвѣстныя—или, какъ мы неправильно ихъ называемъ: б зсознательныя—цѣлевыя представленія, которыя и обусловливаютъ затѣмъ теченіе нежелательныхъ представленій. Мышленія безъ цѣлевыхъ представленій, благодаря воздѣйствію нашей собственной душевной жизни, вообще не существуетъ; я не знаю даже и того, при какихъ состояніяхъ психической неуравновѣшенности оно вообще мыслимо. Психіатры слишкомъ рано отказались здѣсь отъ прочности психической сѣти. Я знаю, что безпорядочный ходъ мыслей, лишенный цѣлевыхъ представленій, столь же рѣдко проявляется при образованіи истеріи и паранойи, какъ и при образованіи или толкованіи сновидѣній. При эндогенныхъ психическихъ заболѣваніяхъ онъ вообще, можетъ быть, не имѣетъ мѣста; даже бредъ умалишенныхъ, по остроумному предположенію Л е р е, вполнѣ осмысленenъ и непонятенъ для насъ лишь благодаря его отрывочности. При своихъ наблюденіяхъ я приходилъ къ аналогичнымъ заключеніямъ. Бредъ—результатъ дѣятельности цензуры; она не даетъ себѣ больше труда скрывать эту дѣятельность и вмѣсто того, чтобы способствовать переработкѣ, безпощадно выкидываетъ все, что идетъ противъ нея; остающееся и кажется намъ непонятнымъ и безсвязнымъ.

Свободное передвиженіе представленій по любой ассоціаціонной цѣли проявляется, быть можетъ, при деструктивныхъ органическихъ мозговыхъ процессахъ; что разумѣется подъ этимъ при психоневрозахъ можетъ быть разъ навсегда выяснено воздѣйствіемъ цензуры на рядъ мыслей, который выдвигается на передній планъ продолжающими быть скрытыми цѣлевыми представленіями *). Несомнѣннымъ признакомъ ассоціаціи, лишенной

*) [См. блестящее доказательство этого положенія у К. Юнга. «Къ психологіи dementia praecox».]

цѣлевыхъ представленій, считалось то, когда появляющіяся представленія (или образы) связывались, повидимому, между собой узами, такъ называемыхъ, поверхностныхъ ассоціацій,—т. е. при помощи созвучія, словесной двусмысленности, совпаденія по времени внѣ отношенія къ смыслу,—словомъ при помощи всѣхъ тѣхъ ассоціацій, которыми мы пользуемся въ анекдотахъ и въ игрѣ словъ. Этотъ признакъ относится къ тѣмъ соединеніямъ мыслей, которыя отъ отдѣльныхъ элементовъ содержанія сновидѣній приводятъ насъ къ коллатераламъ, а отсюда уже къ истиннымъ мыслямъ, скрывающимся за сновидѣніями; во многихъ анализахъ мы встрѣчались съ примѣрами этого, и они, вполнѣ естественно, должны были вызывать наше удивленіе. Ни одна ассоціація не считалась при этомъ ничтожной, ни одно остроуміе не казалось настолько незначительнымъ, чтобы оно не могло служить мостомъ отъ одной мысли къ другой. Однако, правильное пониманіе такой снисходительности не представляетъ труда. Всякій разъ, какъ какой-нибудь психическій элементъ связывается съ другимъ при помощи странной и поверхностной ассоціацій, имѣется еще и другая болѣе естественная и глубокая связь между тѣмъ и другимъ, претерпѣвающая сопротивленіе цензуры.

Гнетъ цензуры, а не устраненіе цѣлевыхъ представленій служитъ причиной преимущественнаго господства поверхностныхъ ассоціацій. Поверхностныя ассоціаціи замѣщаютъ въ изображеніи болѣе глубокія, когда цензура дѣлаетъ недоступными эти нормальные пути соединенія. Это похоже на то, какъ если какая-нибудь катастрофа, напримѣръ, наводненіе преграждаетъ въ горахъ всѣ большія, широкія дороги; сообщеніе поддерживается тогда по неудобнымъ и крутымъ пѣшеходнымъ тропинкамъ, по которымъ бродитъ обычно только охотникъ.

Тутъ можно различить два случая, которые, въ сущности, сливается воедино. Или цензура направляется лишь противъ соединенія двухъ мыслей, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности не возбуждаетъ ея протеста. Тогда обѣ мысли входятъ въ сознаніе по очереди; ихъ связь остается скрытой; но зато мы замѣчаемъ поверхностную связь между ними, которая иначе не пришла бы намъ въ голову и которая обычно исходитъ изъ другого пункта комплекса представленій, чѣмъ тотъ, изъ котораго исходитъ подавленное, но существенное представленіе. Или же обѣ мысли сами по себѣ въ виду своего содержанія подлежатъ цензурѣ; въ этомъ случаѣ обѣ онѣ предстаютъ не въ правильной, а въ модифицированной формѣ: мысли, замѣняющія ихъ, изби-

раются такимъ образомъ, что при помощи поверхностной ассоціаціи выражаютъ ту существенную связь, въ которой находятся замѣняемыя ими мысли. Подъ гнетомъ цензуры въ обоихъ случаяхъ происходитъ передвиганіе съ нормальной естественной ассоціаціи къ поверхностной и представляющейся абсурдной.

Учитывая это передвиганіе, мы спокойно довѣряемся при толкованіи сновидѣнія и поверхностной ассоціаціи*).

Психоанализъ неврозовъ широко пользуется обоими этими положеніями: какъ тѣмъ, что съ устраненіемъ сознательныхъ цѣлевыхъ представленій господство надъ ходомъ представленій переходитъ на таковыя же скрытыя, такъ и тѣмъ, что поверхностныя ассоціаціи лишь замѣняютъ собою подавленныя и болѣе глубокія; оба эти положенія служатъ даже основой всей техники этого психоанализа. Когда я заставляю паціента отбросить всѣ размышленія и разсказать мнѣ, что приходитъ ему въ голову, то я предполагаю при этомъ, что онъ не можетъ отогнать отъ себя представленій о цѣли лѣченія, и считаю себя вправѣ заключить отсюда, что все то мнимое невинное и произвольное, о чемъ онъ мнѣ сообщаетъ, стоятъ въ связи съ его болѣзненнымъ состояніемъ. Второе цѣлевое представленіе, о которомъ паціентъ не догадывается,—это представленіе обо мнѣ. Полная оцѣнка и подробное разсмотрѣніе этого вопроса относится въ виду этого къ изложенію психоаналитической техники, какъ терапевтическаго метода. Мы подошли тутъ къ одному изъ пунктовъ, выходящихъ за предѣлы проблемы толкованія сновидѣній.

Лишь одно возраженіе изъ всѣхъ вышеуказанныхъ дѣйствительно справедливо: то, что мы вовсе не должны переносить въ дѣятельность сновидѣнія всѣхъ элементовъ толкованія послѣдняго. При толкованіи въ бодрственномъ состояніи мы идемъ по пути, который отъ элементовъ сновидѣнія ведетъ обратно къ мыслямъ, скрывающимся за нимъ. Дѣятельность сновидѣнія шла обратнымъ путемъ, и вовсе не такъ уже вѣроятно, что эти пути

*) Тѣ же соображенія относятся, разумѣется, и къ тому случаю, когда поверхностныя ассоціаціи проявляются въ самомъ содержаніи сновидѣнія какъ, напримѣръ, въ обоихъ сновидѣніяхъ, сообщенныхъ Мори (см. выше pélerinage— Pelletier— pelle; километръ-килограммъ— Гилоло— лобелія— Лопецъ—лото). Изъ анализовъ невротиковъ я знаю, какое воспоминаніе находитъ себѣ обычно выраженіе при этомъ: воспоминаніе о чтеніи энциклопедическаго словаря (и словаря вообще), изъ котораго большинство въ періодъ зрѣлости удовлетворяетъ свое любопытство относительно раскрытія половыхъ тайнъ.

доступны и въ обратномъ направленіи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается,что въ бодрственномъ состояніи мы прокладываемъ пути чрезъ новыя соединенія мыслей, и пути эти то тутъ, то тамъ соприкасаются съ промежуточными мыслями и мыслями, скрывающимся за сновидѣніемъ. Мы видимъ, какъ свѣжій матеріалъ дневныхъ мыслей включается въ ряды толкованія; по всей вѣроятности, и повышенное сопротивленіе заставляетъ насъ искать новыхъ, болѣе отдаленныхъ обходныхъ путей. Число и характеръ промежуточныхъ мыслей, появляющихся днемъ, не имѣетъ, однако, ровно никакого значенія въ психологическомъ отношеніи, если только онѣ ведутъ насъ по направленію къ искомымъ мыслямъ, лежащимъ въ основѣ сновидѣнія.

в) Регрессія.

Теперь, оградивъ себя отъ возможныхъ возраженій или по крайней мѣрѣ указавъ, откуда брать орудія для защиты отъ нихъ, мы можемъ перейти непосредственно къ психологическому изслѣдованію, къ которому мы уже достаточно долго подготовлялись. Резюмируемъ же прежде всего выводы нашего предшествующаго изложенія. Сновидѣніе—полноцѣнный психическій актъ; его движущей силой служитъ стремящееся къ удовлетворенію желаніе; скрытая форма послѣдняго, а также и многочисленныя странности и абсурдности сновидѣнія проистекаютъ отъ воздѣйствія психической цензуры, которое испытываетъ оно при своемъ образованіи; помимо необходимости избѣгнуть цензуры, его образованію способствуетъ необходимость сгущенія психическаго матеріала, степень изобразительности, а иногда и стремленіе принять раціональную и интеллигибельную форму. Отъ каждаго изъ этихъ условій путь ведетъ далѣе къ психологическимъ требованіямъ; необходимо подвергнуть разсмотрѣнію взаимозависимость мотива желанія и четырехъ этихъ условій, а также и послѣднихъ между собой и, наконецъ, включить сновидѣніе въ общее цѣлое душевной жизни.

Въ началѣ этой главы мы сообщили сновидѣніе, чтобы напомнить о загадкѣ, разрѣшеніе которой намъ еще предстоитъ. Толкованіе этого сновидѣнія о горящемъ ребенкѣ не доставило намъ никакихъ трудностей, хотя и было произведено не совсѣмъ согласно нашему методу. Мы задались вопросомъ, почему субъекту вообще что-нибудь приснилось вмѣсто того, чтобы онъ проснулся, и увидѣли, что мотивомъ сновидѣнія послужило желаніе представить себѣ еще разъ ребенка живымъ.

Что тутъ играетъ роль еще одно желаніе, мы увидимъ ниже. Такимъ образомъ, мыслительный процессъ сна превратился въ сновидѣніе прежде всего ради осуществленія желанія.

Помимо послѣдняго остается только одна особенность, отличающая оба вида психической жизни. Мысль, скрывающаяся за сновидѣніемъ, гласитъ: я вижу свѣтъ комнаты, въ которой лежитъ тѣло. Быть можетъ, упала свѣча и ребенокъ загорѣлся.— Сновидѣніе передаетъ въ неизмѣненномъ видѣ результатъ этой мысли, но изображаетъ его въ формѣ ситуаціи, которая должна быть воспринята въ настоящемъ времени и въ качествѣ переживанія въ состояніи бодрствованія. Это является, однако, общей и характернѣйшей психологической особенностью сновидѣнія; мысль, обычно желаемая, объективируется въ сновидѣніи, изображается въ видѣ ситуаціи или, какъ намъ кажется, нами переживается. Чѣмъ же объясняется эта характерная особенность сновидѣнія или—выражаясь скромнѣе—какимъ образомъ включить сновидѣніе въ общую цѣпь психическихъ явленій?

При ближайшемъ разсмотрѣніи мы замѣчаемъ, что въ изобразительной формѣ сновидѣнія обнаруживаются двѣ почти совершенно независимыя другъ отъ друга черты. Первая—это изображеніе въ формѣ настоящей ситуаціи съ опущеніемъ «быть можетъ», «вѣроятно». Вторая—превращеніе мысли въ зрительные образы и рѣчь.

Преобразованіе, испытываемое мыслями, скрывающимися за сновидѣніемъ, благодаря тому, что выражаемое ими ожиданіе переносится въ настоящее время, въ этомъ сновидѣніи какъ разъ не особенно бросается въ глаза. Это обусловливается особой, въ сущности, лишь второстепенной ролью осуществленія желанія въ этомъ сновидѣніи. Возьмемъ другое сновидѣніе, въ которомъ желаніе не отличается отъ продолженія бодрственной мысли во снѣ, напримѣръ, объ инъекціи Ирмѣ. Здѣсь въ мысли, получающей изображеніе въ сновидѣніи, мы находимъ желательное наклоненіе: ахъ, если бы Отто былъ виноватъ въ болѣзни Ирмы! Сновидѣніе устраняетъ желательное наклоненіе и замѣняетъ его настоящимъ временемъ: да, Отто виноватъ въ болѣзни Ирмы. Это, такимъ образомъ, первое изъ превращеній которое и свободное отъ искаженій сновидѣніе производитъ, съ мыслями, скрывающимися за нимъ. На этой первой особенности сновидѣнія мы, однако, долго останавливаться не будемъ. Мы покончимъ съ ней, указавъ на сознательную фантазію, на дневное сновидѣніе, которое точно такъ же поступаетъ съ

кругомъ своихъ представленій. Если г. Жуайезу Доде праздно разгуливаетъ по улицамъ Парижа, въ то время, какъ его дочери думаютъ, что онъ на службѣ, то онъ тоже въ настоящемъ времени фантазируетъ о всевозможныхъ событіяхъ и случайностяхъ, которыя помогутъ ему найти должность. Такимъ образомъ, сновидѣніе пользуется настоящимъ временемъ точно такъ же и съ тѣмъ же правомъ, какъ и сознательная фантазія. Настоящее время—категорія, въ которой желаніе изображается въ осуществленной формѣ.

Для сновидѣнія въ отличіе отъ сознательной фантазіи характерна вторая особенность; та, что представленія не продумываются, а превращаются въ чувственно воспринимаемые образы, въ которые грезящій вѣритъ и которые, какъ ему кажется, онъ переживаетъ. Добавимъ, однако, что не во всѣхъ сновидѣніяхъ имѣется превращеніе представленій въ образы; есть сновидѣнія, которыя состоятъ только изъ мыслей, но за которыми все же нельзя отрицать характера сновидѣній. Мое сновидѣніе «автодидаскеръ»—какъ разъ такое: въ немъ имѣется едва ли больше чувственныхъ элементовъ, чѣмъ если бы я продумалъ его содержаніе днемъ, на-яву. Кромѣ того въ каждомъ болѣе или менѣе продолжительномъ сновидѣніи есть элементы, которые не претерпѣваютъ превращенія и которые попросту продумываются или осознаются,—какъ мы привыкли къ тому въ бодрственномъ состояніи. Далѣе, мы тутъ же обратимъ наше вниманіе на то, что такое превращеніе представленій въ чувственные образы производится не только сновидѣніемъ, но въ равной мѣрѣ и галлюцинаціями и видѣніями, которыя наблюдаются либо въ здоровомъ состояніи, либо же служатъ симптомами психоневрозовъ. Короче говоря, взаимоотношеніе, разсматриваемое нами, отнюдь не носитъ исключительнаго характера; несомнѣнно, однако, что эта особенность сновидѣнія кажется намъ примѣчательной, такъ что мы не можемъ представить себѣ сновидѣнія безъ нея. Пониманіе этой особенности требуетъ, однако, особеннаго разъясненія.

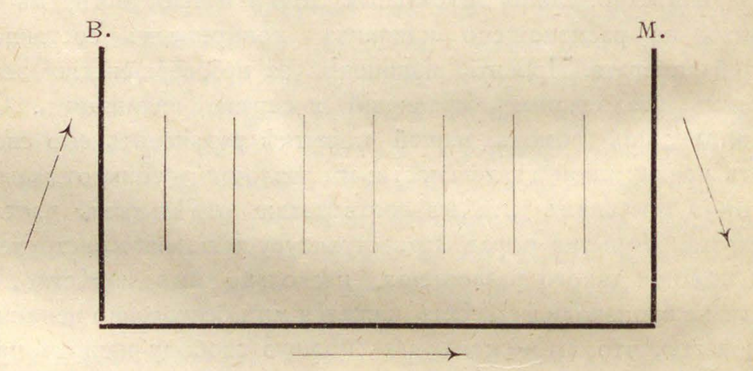
Изъ всѣхъ замѣчаній относительно теоріи сновидѣнія у различныхъ ученыхъ я приведу здѣсь одно, которое представляется мнѣ безусловно справедливымъ. Великій Фехнеръ [25]) въ своей «Психофизикѣ» высказываетъ по поводу сновидѣнія слѣдующее предположеніе: поле дѣйствій у сновидѣнія иное, нежели у бодрственнаго мышленія. Ни одна другая гипотеза не даетъ возможности уяснить себѣ специфическія особенности сновидѣнія.

Тѣмъ самымъ мы подходимъ къ идеѣ психической локальности. Мы оставимъ совершенно въ сторонѣ то, что душевный аппаратъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, извѣстенъ намъ въ качествѣ анатомическаго препарата, и постараемся избѣгнуть искушенія опредѣлить психическую локальность въ какомъ-либо анатомическомъ смыслѣ. Мы останемся на психологической почвѣ и представимъ себѣ только, что инструментъ, служащій цѣлямъ душевной дѣятельности, является чѣмъ-то вродѣ сложнаго микроскопа, фотографическаго аппарата и т. п. Психическая локальность соотвѣтствуетъ той части этого аппарата, въ которой осуществляется одна изъ предварительныхъ стадій образа. Въ микроскопѣ и подзорной трубѣ это, какъ извѣстно, лишь идеальныя точки и плоскости, въ которыхъ не расположено никакихъ конкретныхъ составныхъ частей аппарата. Просить извиненія за несовершенство этихъ и всѣхъ аналогичныхъ сравненій я считаю излишнимъ. Они должны лишь помочь нашей попыткѣ разъяснить всю сложность психической дѣятельности: мы разложимъ ее на отдѣльныя части и поставимъ ихъ въ соотвѣтствіе отдѣльнымъ частямъ аппарата. Попытка опредѣлить структуру душевнаго инструмента при помощи такого разложенія, насколько мнѣ извѣстно, никогда не производилась. Она кажется мнѣ безусловно невинной. Я полагаю, что мы можемъ дать полную свободу нашимъ предположеніямъ, если только сохранимъ при этомъ нашъ трезвый разсудокъ и не сочтемъ остовъ за зданіе. Такъ какъ намъ для приближенія къ неизвѣстному нужны лишь вспомогательныя представленія, то прежде всего мы выставимъ наиболѣе конкретныя и грубыя предположенія.

Мы представляемъ себѣ, такимъ образомъ, психическій аппаратъ въ видѣ сложнаго инструмента, составныя части котораго мы назовемъ инстанціями или, наглядности ради, системами. Далѣе, предположимъ, что эти системы находятся въ постоянномъ пространственномъ соотношеніи другъ съ другомъ,—все равно какъ расположены, напримѣръ, различныя системы оптическихъ стеколъ въ подзорной трубѣ. Строго говоря, намъ вовсе не нужно предлагать какое-либо реальное пространственное расположеніе психическихъ системъ. Достаточно, если какой-либо опредѣленный порядокъ создается тѣмъ, что при извѣстныхъ психическихъ процессахъ возбужденіе съ опредѣленной послѣдовательностью во времени проходитъ по всѣмъ этимъ системамъ. Эта послѣдовательность при другихъ процессахъ можетъ претерпѣвать измѣненія, эту возможность необхо-

димо допустить. Составныя части аппарата мы краткости ради будемъ называть «Ψ-системами».

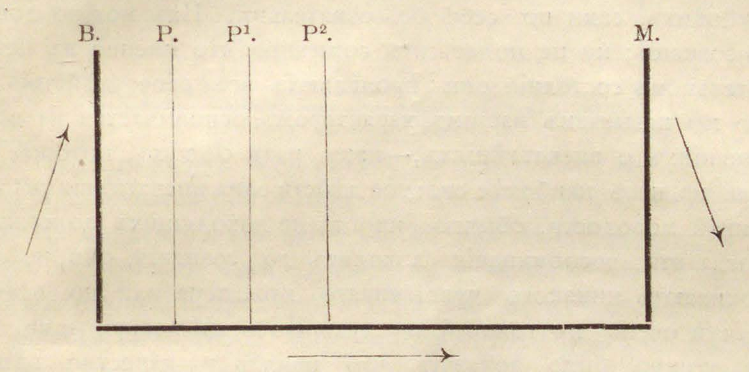
Первое, что намъ бросается въ глаза, это то, что этотъ аппаратъ, состоящій изъ Ψ-системъ, имѣетъ опредѣленное направленіе. Вся наша психическая дѣятельность исходитъ изъ (внутреннихъ или внѣшнихъ) раздраженій и заканчивается иннерваціями. Тѣмъ самымъ мы утверждаемъ, что у аппарата имѣются два конца, чувствующій и моторный. На чувствующемъ находится система, получающая воспріятія, на моторномъ—другая, раскрывающая шлюзы движенія. Психическій процессъ протекаетъ всегда отъ воспринимающаго конца къ моторному. Общая схема психическаго аппарата представляется, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ:

Это является, однако, лишь осуществленіемъ давно уже знакомаго намъ требованія, чтобы психическій аппаратъ по конструкціи напоминалъ рефлекторный аппаратъ. Рефлекторный процессъ служитъ образцомъ всякой психической дѣятельности.

Предположимъ, что на воспринимающемъ концѣ совершается какая-либо дифференціація. Воспріятія, получаемыя нами, оставляютъ въ нашемъ психическомъ аппаратѣ слѣдъ, который мы назовемъ «воспоминаніемъ». Функція, относящаяся къ воспоминанію, именуется памятью. Если мы серьезно отнесемся къ намѣренію связать психическіе процессы съ системами, то воспоминанія предстанутъ передъ нами въ видѣ продолжительныхъ измѣненій отдѣльныхъ элементовъ системъ. Въ дальнѣйшемъ возникаетъ, однако, затрудненіе: система должна сохранять въ точности измѣненія своихъ элементовъ и въ то же время должна быть готова къ воспріятію новыхъ поводовъ къ измѣненіямъ. Согласно принципу, руководящему нашимъ опытомъ, мы распредѣлимъ эти обѣ функціи на различныя системы. Мы предположимъ, что первая система аппарата получаетъ воспріятія, но

не сохраняетъ ихъ и не обладаетъ, слѣдовательно, памятью,— и что за ней расположена вторая система, превращающая мгновенныя раздраженія первой въ прочные слѣды воспоминанія. Тогда картина нашего психическаго аппарата представится въ слѣдующемъ видѣ:

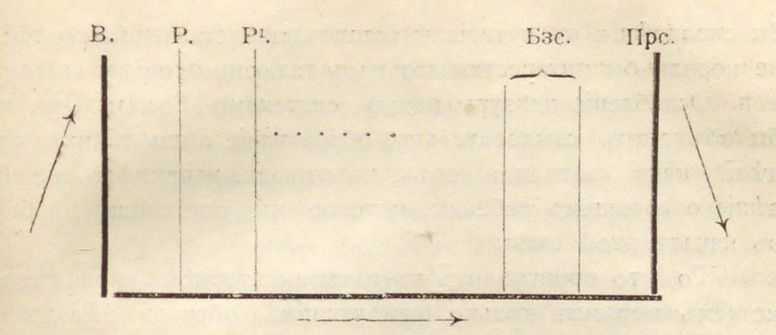
Мы знаемъ, что воспріятія, дѣйствующія на систему В оставляютъ въ насъ не только свое содержаніе, но и еще нѣчто, Воспріятія представляются намъ связанными другъ съ другомъ въ памяти,—связью ихъ служитъ главнымъ образомъ ихъ совпаденіе во времени. Это мы называемъ фактомъ ассоціаціи. Ясно, что если система В не обладаетъ памятью, то она не можетъ сохранять и слѣдовъ для ассоціаціи; отдѣльные элементы В были бы парализованы въ своихъ функціяхъ, если бы новому воспріятію помѣшалъ остатокъ прежней связи. Основой ассоціаціи намъ приходится считать скорѣе систему воспоминаній. Фактъ ассоціаціи состоитъ тогда въ томъ, что вслѣдствіе воздѣйствія сопротивленія раздраженіе отъ одного изъ элементовъ Р передается второму, а не третьему.

При ближайшемъ разсмотрѣніи мы считаемъ нужнымъ предположить наличность не одной, а нѣсколькихъ системъ Р, въ которыхъ одно и то же раздраженіе, переданное элементами В, претерпѣваетъ различное зафиксированіе. Первая изъ этихъ системъ Р будетъ содержать въ себѣ фиксацію ассоціаціи по одновременности, въ слѣдующихъ же тотъ же самый матеріалъ будетъ расположенъ по другимъ видамъ совпаденія, такъ что эти послѣдующія системы изобразятъ соотношенія подобія и и пр. Излишне, конечно, выяснять психическое значеніе этой системы. Характеристика ея заключается въ тѣсной связи ея съ элементами сырого матеріала воспоминаній, иначе говоря,—согласно болѣе исчерпывающей теоріи,—въ модификаціяхъ сопротивленія по отношенію къ этимъ элементамъ.

Включимъ сюда одно замѣчаніе общаго характера, указывающее, быть можетъ, на нѣчто важное. Система В, не способная сохранять измѣненія, т. е. не обладающая памятью, даетъ нашему сознанію все многообразіе чувственныхъ воспріятій. Напротивъ того, наши воспоминанія, не исключая и самыхъ глубокихъ, сами по себѣ безсознательны. Ихъ можно довести до сознанія; но не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ безсознательномъ состояніи они проявляютъ все свое дѣйствіе. То, что мы называемъ нашимъ характеромъ, основывается на воспоминаніяхъ о впечатлѣніяхъ,—какъ разъ о тѣхъ, которыя оказали на насъ наиболѣе сильное дѣйствіе, на впечатлѣніяхъ нашей ранней молодости, обычно никогда не доходящихъ до сознанія. Когда эти воспоминанія доходятъ до сознанія, они не обнаруживаютъ никакого чувственнаго характера или во всякомъ случаѣ очень ничтожный по сравненію съ воспріятіями. Если бы можно было доказать, что память и качество взаимно исключаютъ другъ друга для сознанія въ Ψ-системахъ, то мы могли бы установить условія раздраженія невроновъ.

То, что мы говорили до сихъ поръ о конструкціи чувствующаго конца психическаго аппарата, не имѣло отношенія къ сновидѣнію и къ выводимымъ изъ него психологическимъ даннымъ. Для уясненія же характера другой части психическаго аппарата сновидѣніе можетъ послужить намъ источникомъ доказательствъ. Мы видѣли, что не можемъ объяснить образованія сновидѣнія безъ допущенія наличности двухъ психическихъ инстанцій, изъ которыхъ одна подвергаетъ дѣятельность другой строгой критикѣ, результатомъ чего и служитъ недопущеніе въ сознаніе.

Критикующая инстанція, говорили мы, ближе соприкасается съ сознаніемъ, чѣмъ критикуемая. Она, точно ширма, стоитъ между послѣдней и сознаніемъ. Мы нашли, далѣе, основаніе отождествить критикующую инстанцію съ тѣмъ, что направляетъ нашу бодрственную жизнь и обусловливаетъ нашу свободную, сознательную дѣятельность. Если мы эти инстанціи замѣнимъ въ духѣ нашей гипотезы системами, то благодаря только что упомянутому заключенію критикующая система отодвинется къ моторному концу. Занесемъ обѣ эти системы въ нашу схему и выразимъ ихъ наименованіями ихъ отношеніе къ сознанію.

Послѣднюю изъ системъ на моторномъ концѣ мы называемъ предсознательной, чтобы указать на то, что процессы раздраженія въ ней безъ всякой дальнѣйшей задержки могутъ доходить до сознанія, если удовлетворены помимо этого еще нѣкоторыя условія, напримѣръ, достиженіе извѣстной степени интенсивности, нѣкоторое распредѣленіе той функціи, которая именуется вниманіемъ и т. п. Это одновременно и та система, въ рукахъ которой имѣется ключъ къ произвольной моторности. Систему позади нея мы называемъ безсознательной, такъ какъ она не имѣетъ другого доступа къ сознанію, кромѣ какъ черезъ посредство предсознательной; при этомъ прохожденіи ея процессу раздраженія приходится претерпѣвать различнаго рода измѣненія.

Къ какой же изъ этихъ системъ отнесемъ мы образованіе сновидѣній? Простоты ради отнесемъ ее къ системѣ Бзс. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, правда, что это не совсѣмъ правильно, что образованіе сновидѣній вынужденно соприкасаться съ мыслями, относящимися къ системѣ предсознательнаго. Говоря о желаніи сновидѣнія, мы увидимъ, однако, что движущая сила сновидѣнія исходитъ изъ системы Бзс. Въ виду именно этого мы и беремъ исходнымъ пунктомъ сновидѣнія безсознательную систему. Это возбужденіе сновидѣнія, подобно всѣмъ другимъ раздраженіямъ, обнаруживаетъ стремленіе проникнуть въ систему Прс., а оттуда проложить путь и въ сознаніе.

Наблюденія показываютъ, что днемъ путь, ведущій изъ предсознательнаго въ сознаніе, закрытъ для мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, благодаря цензурѣ сопротивленія. Ночью же онѣ прокладываютъ себѣ путь къ сознанію. Возникаетъ, однако, вопросъ,— какимъ образомъ и вслѣдствіе какого ихъ измѣненія? Если это происходило бы вслѣдствіе того, что ночью ослабѣваетъ сопротивленіе, которое находится на границѣ безсознательнаго и предсознательнаго, то мы получали

бы сновидѣнія въ матеріалѣ нашихъ представленій, которыя не не носили бы интересующаго насъ галлюцинаторнаго характера.

Ослабленіе цензуры между системами Бзс. и Прс. могло бы объяснить, слѣдовательно, образованіе лишь такихъ сновидѣній, какъ «автодидаскеръ», но отнюдь, напримѣръ, не сновидѣніе о горящемъ ребенкѣ, которое мы поставили проблемой въ началѣ этой главы.

То, что происходитъ въ галлюцинаторномъ сновидѣніи, мы можемъ выразить только слѣдующимъ образомъ. Раздраженіе протекаетъ обратнымъ путемъ. Вмѣсто моторнаго конца аппарата оно устремляется къ чувствующему и достигаетъ, наконецъ, системы воспріятій. Если направленіе, по которому протекаетъ въ бодрственномъ состояніи психическій процессъ изъ безсознательнаго, мы назовемъ прогредіентнымъ, то характеръ сновидѣнія мы должны будемъ назвать регредіентнымъ.

Эта регрессія является безусловно одной изъ важнѣйшихъ психологическихъ особенностей процесса сновидѣнія; но мы не должны все же забывать, что она свойственна не только сновидѣнію. Намѣренное воспоминаніе и другіе частичные процессы нашего нормальнаго мышленія соотвѣтствуютъ обратному отодвиганію какого-либо сложнаго акта представленій къ сырому матеріалу воспоминаній, лежащихъ въ его основѣ. Въ бодрственномъ состояніи, однако это образное отодвиганіе никогда не идетъ дальше воспоминаній, оно не можетъ вызвать галлюцинаторнаго оживленія воспринятыхъ образовъ. Почему же въ сновидѣніи дѣло обстоитъ иначе? Когда мы говорили о процессѣ сгущенія въ сновидѣніи, мы не могли избѣгнуть предположенія, что интенсивность отдѣльныхъ представленій благодаря дѣятельности сновидѣнія переносится съ одного на другое. По всей вѣроятности, это измѣненіе психическаго процесса и даетъ возможность занять систему В вплоть до полной чувственной живости въ обратномъ направленіи.

Я надѣюсь, что мы далеки отъ того, чтобы заблуждаться относительно значенія этихъ положеній. Мы ограничились только тѣмъ, что дали именованіе необъяснимому явленію. Мы говорили о регрессіи, когда въ сновидѣніи представленіе превращается обратно въ чувственный образъ, изъ котораго оно когда-то составилось. Но къ чему наименованіе, когда оно ничего не разъясняетъ? Я полагаю, однако, что названіе «регрессія» оказываетъ намъ пользу постольку, поскольку оно связы-

ваетъ извѣстный намъ фактъ съ схемой душевнаго аппарата, имѣющаго опредѣленное направленіе.

Эта схема разъясняетъ намъ еще одну особенность образованія сновидѣній. Если процессъ сновидѣнія разсматривать, какъ регрессію внутри предположеннаго нами душевнаго аппарата, то становится понятнымъ тотъ эмпирически установленный фактъ, что всѣ соотношенія мыслей исчезаютъ при дѣятельности сновидѣнія или же находятъ себѣ лишь неотчетливое, смутное выраженіе. Эти соотношенія содержатся не въ первыхъ системахъ Р нашей схемы, а въ послѣдующихъ; при регрессіи вплоть до воспринятыхъ образовъ они утрачиваютъ свое выраженіе. Связь мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, утрачивается при регрессіи къ сырому матеріалу.

Вслѣдствіе какихъ же измѣненій становится возможной регрессія, невозможная днемъ? Здѣсь идетъ рѣчь, вѣроятно, объ измѣненіи распредѣленія энергіи въ отдѣльныхъ системахъ, благодаря которому онѣ становятся болѣе или менѣе доступными для прохожденія возбужденія; но въ любомъ такомъ аппаратѣ тотъ же самый эффектъ могъ бы быть достигнутъ не только однимъ рядомъ такихъ измѣненій. Тутъ тотчасъ же возникаетъ, конечно, мысль о состояніи сна и тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вызываетъ онъ на чувствующемъ концѣ аппарата. Днемъ совершается постоянное устремленіе изъ системы Ψ воспріятій къ моторности; ночью оно прекращается и не можетъ ставить преградъ обратному теченію раздраженій. Это то самое «изолированіе отъ внѣшняго міра», которое по теоріи нѣкоторыхъ авторовъ должно разъяснять психологическій характеръ сновидѣнія. Однако, при объясненіи регрессіи сновидѣнія приходится считаться съ другими регрессіями, совершающимися при болѣзненныхъ состояніяхъ бодрствованія. Эти формы разрушаютъ выставленное нами положеніе. Несмотря на непрерывное чувствующее теченіе въ прогредіентномъ направленіи, регрессія имѣетъ все-таки мѣсто.

Галлюцинаціи при истеріи и паранойѣ, а также видѣнія психически нормальныхъ лицъ соотвѣтствуютъ дѣйствительно регрессіямъ и представляютъ собой мысли, превратившіяся въ образы; это превращеніе претерпѣваютъ лишь тѣ мысли, которыя находятся въ тѣсной связи съ подавленными и оставшимися безсознательными воспоминаніями. Напримѣръ, одинъ мой паціентъ, двѣнадцатилѣтній истерикъ не можетъ заснуть по вечерамъ: его пугаютъ «зеленыя лица съ красными глазами». Источникомъ этого явленія служитъ подавленное, но въ свое время

сознательное воспоминаніе объ одномъ мальчикѣ, котораго онъ четыре года назадъ часто встрѣчалъ и который воплощалъ для него устрашающую картину недостатковъ, въ томъ числѣ и онанизма, составляющаго для него самаго теперь причину постоянныхъ угрызеній совѣсти. Мать говорила тогда, что у нехорошихъ дѣтей бываетъ зеленый цвѣтъ лица и красные глаза. Отсюда и кошмарное видѣніе, имѣвшее, однако, лишь цѣлью напомнить ему другое предсказаніе его матери,—о томъ, что такіе мальчики сходятъ съ ума, не учатся въ школѣ и рано умираютъ. Мой юный паціентъ осуществилъ часть этого пророчества: онъ остался на второй годъ въ классѣ,—и боится, какъ показалъ анализъ его нежелательныхъ мыслей, осуществленія и второй. Леченіе, однако, спустя короткое время оказало свое дѣйствіе: онъ пересталъ страдать безсонницей, пересталъ бояться и благополучно перешелъ въ слѣдующій классъ.

Я могу отнести сюда же «разрѣшеніе» галлюцинаціи, о которой сообщила мнѣ одна 40-лѣтняя истеричка и которую она испытала, еще будучи здоровой. Однажды утромъ она раскрываетъ глаза и видитъ въ комнатѣ своего брата, который, какъ ей извѣстно, находится въ домѣ умалишенныхъ. Рядомъ съ ней въ постели спитъ ея маленькій сынъ. Чтобы ребенокъ не испугался и чтобы съ нимъ не сдѣлались судороги, если онъ увидитъ дядю, она прикрываетъ его одѣяломъ, и въ это мгновеніе видѣніе исчезаетъ. Эта галлюцинація является переработкой одного дѣтскаго воспоминанія паціентки, хотя и сознательнаго, но стоявшаго въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ безсознательнымъ матеріаломъ въ ея душѣ. Ея нянька разсказывала ей, что ея рано умершая мать (она умерла, когда ей было всего $1^1/_2$ года) страдала эпилептическими или истерическими судорогами; послѣднія появились у нея съ тѣхъ поръ, какъ ея братъ (дядя моей паціентки) напугалъ ее, явившись въ комнату въ видѣ привидѣнія съ одѣяломъ на головѣ. Галлюцинація содержитъ тѣ же элементы, что и воспоминаніе: появленіе брата, одѣяло, испугъ и его послѣдствія. Эти элементы соединены, однако, въ иной формѣ и приписываются другимъ лицамъ. Очевиднымъ мотивомъ галлюцинаціи, мыслью, которую она замѣняетъ, была боязнь, что ея маленькій сынъ, столь похожій на дядю, можетъ раздѣлить его участь.

Оба эти примѣра все же связаны до нѣкоторой степени съ состояніемъ сна и непригодны, быть можетъ, для доказательства, для котораго они мнѣ нужны. Я сошлюсь поэтому на

свой анализъ параноическихъ галлюцинацій *) и на выводы въ неопубликованномъ еще мною изслѣдованіи психологіи психоневрозовъ, чтобы подчеркнуть то, что въ этихъ случаяхъ регредіентнаго превращенія мыслей нельзя не учитывать вліянія подавленнаго или оставшагося безсознательнымъ воспоминанія, по большей части относящагося къ дѣтству. Это воспоминаніе толкаетъ стоящую съ нимъ въ связи мысль, не нашедшую, однако, своего выраженія благодаря цензурѣ, къ регрессіи, какъ къ той формѣ изображенія, въ которомъ психически оно само на-лицо. Въ качествѣ вывода изъ своего изученія истеріи я могу привести то, что дѣтскіе эпизоды (будь то воспоминанія или фантазіи) въ томъ случаѣ, если удается довести ихъ до сознанія, предстаютъ въ формѣ галлюцинацій и лишь послѣ сообщенія утрачиваютъ свой этотъ характеръ. Извѣстно также, что даже у лицъ съ плохой памятью воспоминанія ранняго дѣтства до позднихъ лѣтъ сохраняютъ характеръ чувственной живости къ отчетливости.

Если принять во вниманіе, какую роль въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, играютъ переживанія дѣтства или основывающіяся на нихъ фантазіи, какъ часто всплываютъ отрывки ихъ въ содержаніи сновидѣнія и какъ часто даже желанія выводятся изъ нихъ, то нельзя и относительно сновидѣнія отрицать возможности того, что превращеніе мыслей въ зрительные образы является результатомъ «притяженія», которое изображенное въ зрительной формѣ и стремящееся къ повторному оживленію воспоминаніе оказываетъ на домогающіяся изображенія и изолированныя отъ сознанія мысли. Согласно этому воззрѣнію сновидѣніе можно опредѣлить, какъ измѣненное, благодаря перенесенію на новый матеріалъ, возмѣщеніе эпизода дѣтства. Послѣдній не можетъ быть возобновленъ; ему приходится довольствоваться лишь воспроизведеніемъ его въ формѣ сновидѣнія.

Указаніе на значеніе эпизодовъ дѣтства (или ихъ повтореній въ фантазіяхъ) въ качествѣ своего рода образцовъ для содержанія сновидѣніе дѣлаетъ излишнимъ одно изъ допущеній *Шернера* и его сторонниковъ относительно внутреннихъ источниковъ раздраженія. *Шернеръ* предполагаетъ наличность «зрительнаго раздраженія», внутренняго раздраженія органа зрѣнія,—когда сновидѣнія обнаруживаютъ особую живость ихъ зрительныхъ элементовъ или же особое обиліе таковыхъ. Намъ

*) «Дальнѣйшія замѣчанія о невропсихозахъ» «Neurologis hes Zentrallblatt», 1896, № 10.

не нужно вовсе возставать противъ такого рода допущенія, и мы можемъ удовольствоваться утвержденіемъ того, что такое состояніе возбужденія относится лишь къ психической системѣ воспріятій органа зрѣнія; однако, мы скажемъ все же, что это состояніе возбужденія вызывается воспоминаніемъ и представляетъ собою воскрешеніе зрительнаго раздраженія, въ свое время въ достаточной мѣрѣ ярко выраженнаго. У меня нѣтъ сейчасъ подъ рукой ни одного своего примѣра такого воздѣйствія дѣтскаго воспоминанія; мои сновидѣнія вообще менѣе богаты чувственными элементами, чѣмъ то кажется мнѣ относительно сновидѣній другихъ лицъ; но на примѣрѣ наиболѣе красиваго и отчетливаго изъ сновидѣній послѣднихъ лѣтъ я все же сумѣю съ легкостью свести галлюцинаторную отчетливость содержанія сновидѣнія къ чувственному характеру свѣжихъ и недавнихъ впечатлѣній. Выше я сообщилъ одно сновидѣніе, отдѣльные элементы котораго—темно-голубой цвѣтъ воды, синеватый дымъ изъ трубъ пароходовъ и яркія краски окрестныхъ строеній—произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Это сновидѣніе скорѣе всякаго другого должно было быть сведено къ зрительнымъ раздраженіямъ. Что же повергло, однако, мой органъ зрѣнія въ такое состояніе раздраженія? Одно недавнее впечатлѣніе, соединившееся съ цѣлымъ рядомъ прежнихъ. Яркія краски, которыя я видѣлъ въ сновидѣніи, относились къ кирпичикамъ, изъ которыхъ мои дѣти наканунѣ сновидѣнія построили большое зданіе и позвали меня полюбоваться. Сюда же присоединяются и красочныя впечатлѣнія отъ послѣдняго путешествія по Италіи. Красочность сновидѣнія лишь воспроизводитъ красоты, сохранившіяся въ воспоминаніи.

Резюмируемъ то, что мы узнали относительно способности сновидѣнія превращать представленія въ чувственные образы. Мы не разъяснили, правда, этой особенности дѣятельности сновидѣнія и не подвели ее подъ какой-либо общеизвѣстный законъ психологіи, а лишь нашли въ ней указаніе на какія-то неизвѣстные намъ факты и дали ей наименованіе «регредіентнаго» характера. Мы полагали, что эта регрессія всюду, гдѣ она только ни проявляется, представляетъ собою результатъ сопротивленія, противодѣйствующаго какъ проникновенію мысли нормальнымъ путемъ въ сознаніе, такъ и одновременному «притяженію», которое оказываютъ на него рѣзко выраженныя воспоминанія. Въ сновидѣніи на помощь регрессіи пришло бы, быть можетъ, устраненіе прогредіентнаго теченія изъ органовъ чувствъ; это вспомогательное средство при другихъ формахъ регрессій бла-

годаря усиленію другихъ регрессивныхъ мотивовъ должно быть уравновѣшено. Не забудемъ упомянуть и о томъ, что въ такихъ патологическихъ случаяхъ регрессіи, какъ въ сновидѣніи, процессъ перенесенія энергіи долженъ быть иной, чѣмъ при регрессіи нормальной душевной жизни, такъ какъ благодаря ему становится возможной полное галлюцинаторное замѣщеніе системъ воспріятій. То, что при анализѣ дѣятельности сновидѣній мы охарактеризовали, какъ «отношеніе къ изобразительности», слѣдуетъ отнести къ подбору зрительно припоминаемыхъ эпизодовъ, затронутыхъ мыслями, скрывающимися за сновидѣніемъ.

Эта первая часть нашего психологическаго изслѣдованія сновидѣнія насъ мало удовлетворяетъ. Мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что намъ волей неволей приходится бродить ощупью въ потемкахъ. Если мы не совсѣмъ впали въ заблужденіе, то теперь мы съ другой точки зрѣнія коснемся того же вопроса,— въ надеждѣ, что на сей разъ мы сумѣемъ лучше въ немъ разобраться.

c) Осуществленіе желаній.

Вышеупомянутое сновидѣніе о горящемъ ребенкѣ даетъ намъ поводъ разобраться въ трудностяхъ, на которыя наталкивается ученіе объ осуществленіи желаній. Насъ, навѣрное, всѣхъ немало удивило сперва, что сновидѣніе есть не что иное, какъ осуществленіе желанія,—и не только въ виду того противорѣчія, которое воплощаютъ собой въ данномъ случаѣ сновидѣнія о страхѣ. Убѣдившись изъ перваго же анализа, что позади сновидѣнія скрывается извѣстный смыслъ и нѣкоторая психическая цѣнность, мы отнюдь не ожидали такого одностороння̆го опредѣленія этого смысла. По вполнѣ правильному, но слишкомъ лаконичному опредѣленію Аристотеля, сновидѣніе—это мышленіе, продолженное въ состояніи сна. Но если наше мышленіе создаетъ и днемъ столь разнообразные психическіе акты, сужденія, умозаключенія, опроверженія, предположенія, намѣренія и т. п.,—то что же вынуждаетъ его ночью ограничиваться созданіемъ этихъ только желаній? Развѣ нѣтъ цѣлаго ряда сновидѣній, которыя использовываетъ совершенно другой психическій актъ, напримѣръ, озабоченность,—и развѣ вышеописанное, чрезвычайно прозрачное сновидѣніе о ребенкѣ не носитъ именно такого характера? Свѣтъ, падающій къ нему на лицо въ состояніи сна, заставляетъ его сдѣлать озабоченный выводъ, что упала свѣча и что тѣло покойника могло загорѣться; этотъ выводъ онъ превращаетъ въ сновидѣніе, облекаетъ

его въ форму данной ситуаціи и настоящаго времени. Какую же роль играетъ тутъ осуществленіе желанія и какъ можно тутъ не замѣтить преобладающаго вліянія мысли, продолженной здѣсь изъ бодрственнаго состоянія или вызванной новымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ?

Все это совершенно правильно, и мы должны сейчасъ коснуться болѣе подробно роли осуществленія желанія въ сновидѣніи и значенія бодрственной мысли, продолженной въ сновидѣніи.

Какъ разъ осуществленіе желанія и побудило насъ раздѣлить сновидѣнія на двѣ группы. Мы видѣли, что одни сновидѣнія оказывались вполнѣ очевиднымъ осуществленіемъ желанія; и что другія всѣми средствами старались скрыть наличность этого элемента. Въ послѣднихъ мы замѣтили слѣды дѣятельности цензуры. Сновидѣнія, содержащія явныя, неискаженныя желанія, встрѣчаются преимущественно у дѣтей; короткія, аналогичныя сновидѣнія наблюдаются, повидимому, и у взрослыхъ.

Мы можемъ задаться вопросомъ, откуда всякій разъ проистекаетъ желаніе, осуществляющееся въ сновидѣніи? Однако, къ какому противорѣчію или къ какому разнообразію относимъ мы это «откуда»? Я полагаю, что только къ противорѣчію между ставшей сознательной дневной жизнью и между оставшейся безсознательной психической дѣятельностью, могущей обнаружиться лишь ночью. Тѣмъ самымъ я усматриваю три возможности происхожденія желанія. Оно можетъ: 1) пробудиться днемъ и вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ не найти себѣ удовлетворенія; въ этомъ случаѣ ночью проявляется признанное и неосуществленное желаніе; 2) оно можетъ возникнуть днемъ, но претерпѣть устраненіе,—передъ нами тогда неосуществленное, но подавленное желаніе; или же 3) оно можетъ не имѣть отношенія къ бодрственной жизни и относиться къ тѣмъ же желаніямъ, которыя лишь ночью пробуждаются въ насъ изъ подавленнаго состоянія. Возвращаясь къ нашей схемѣ психическаго аппарата, мы можемъ отнести желаніе перваго рода къ системѣ Прс. Относительно желанія второго рода мы предполагаемъ, что оно изъ системы Прс. отодвинуто въ систему Бзс и тамъ зафиксировано Что касается, наконецъ, желанія третьяго рода, то мы полагаемъ, что оно вообще не способно выйти за предѣлы системы Бзс. Спросимъ же себя, обладаютъ ли желанія, проистекающія изъ этихъ различныхъ источниковъ,

одинаковой цѣнностью для сновидѣнія и одинаковой способностью вызвать таковое?

Обзоръ сновидѣній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для отвѣта на нашъ вопросъ, побуждаетъ насъ прежде всего добавить въ качествѣ четвертаго источника еще и интенсивныя желанія, проявляющіяся ночью (напримѣръ, жажду, половую потребность). Тѣмъ самымъ мы убѣждаемся въ томъ, что происхожденіе желанія отнюдь не мѣняетъ его способности вызывать сновидѣніе. Я напомню хотя бы сновидѣніе дѣвочки, содержащее въ себѣ продолженіе прерванной днемъ морской поѣздки, и другія дѣтскія сновидѣнія; они разъясняются неосуществленнымъ, но не подавленнымъ дневнымъ желаніемъ. Примѣровъ того, что подавленное днемъ желаніе находитъ въ себѣ выраженіе въ сновидѣніи, можно привести великое множество; наипростѣйшее сновидѣніе такого рода я приведу сейчасъ здѣсь. Одной довольно остроумной дамѣ, близкая подруга которой обручилась, приходится то и дѣло отвѣчать на вопросы знакомыхъ, знаетъ ли она жениха и какъ онъ ей нравится; она всѣмъ его очень хвалитъ, и ей приходится думать, потому что на самомъ дѣлѣ у нея все время вертится фраза: Такихъ, какъ онъ, десять на дюжину? Ночью ей снится, что ей задаютъ тотъ же вопросъ и она отвѣчаетъ на него стереотипной коммерческой фразой: При повторныхъ заказахъ достаточно указать номеръ. То, наконецъ, что во всѣхъ сновидѣніяхъ, претерпѣвающихъ искаженіе, желаніе проистекаетъ изъ безсознательнаго и не доводится до бодрствующаго сознанія,— это мы неоднократно замѣчали при анализахъ. Такимъ образомъ, всѣ желанія имѣютъ, повидимому, одинаковую цѣнность и одинаковую силу для образованія сновидѣній.

Я лишенъ здѣсь возможности доказать, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе; однако, я склоненъ предполагать болѣе строгую обусловленность желанія въ сновидѣніи. Дѣтскія сновидѣнія не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что желаніе, неосуществленное днемъ, можетъ стать возбудителемъ сновидѣнія. Но не слѣдуетъ забывать, что это желаніе ребенка, желаніе, которому свойственна специфическая сила дѣтства. Но я сильно сомнѣваюсь, достаточно ли у взрослаго наличности неосуществленнаго желанія для созданія сновидѣнія. Мнѣ кажется, наоборотъ, что благодаря прогрессирующему доминированію мышленія надъ нашей инстинктивной жизнью, мы все больше и больше отказываемся отъ образованія или фиксаціи такихъ интенсивныхъ желаній, какія знакомы ребенку, считая это дѣломъ

совершенно безцѣльнымъ. При этомъ могутъ обнаружиться, конечно, индивидуальныя различія: одинъ будетъ сохранять дѣтскій типъ душевныхъ процессовъ дольше, гдѣ другой; аналогичныя различія существуютъ и относительно ослабленія первоначально отчетливыхъ зрительныхъ представленій. Но въ общемъ я полагаю, что у взрослаго неосуществленнаго днемъ желанія недостаточно для образованія сновидѣнія. Я охотно допускаю, что проистекающее изъ сознательной сферы желаніе можетъ дать толчекъ къ образованію сновидѣнія. Но и только: сновидѣніе не образовалось бы вовсе, если бы предсознательное желаніе не получило подкрѣпленіе изъ другой сферы.

Эта сфера — сфера безсознательнаго. Я предполагаю, что сознательное желаніе лишь въ томъ случаѣ становится возбудителемъ сновидѣнія, когда ему удается пробудить равнозначущее безсознательное и найти себѣ въ немъ поддержку и подкрѣпленіе. Эти безсознательныя желанія представляются мнѣ, согласно даннымъ изъ психоанализа неврозовъ, всегда интенсивными, всегда готовыми найти себѣ выраженіе, когда имъ только представляется случай объединиться съ сознательнымъ желаніемъ и на ихъ незначительную интенсивность перенести свою повышенную *). Намъ кажется тогда будто лишь сознательное желаніе реализовалось въ сновидѣні однако, мелкая деталь формы этого сновидѣнія послужитъ намъ указаніемъ, какъ найти слѣды могущественнаго помощника изъ сферы безсознательнаго. Эти всегда активныя, такъ сказать, безсмертныя желанія нашей безсознательной сферы, напоминающія миѳическихъ титановъ, на которыхъ съ незапамятныхъ временъ тяготѣютъ тяжелые горные массивы, нагроможденные на нихъ когда-то богами и потрясаемые до сихъ поръ еще движеніями ихъ мускуловъ,—эти пребывающія въ оттѣсненіи желанія проистекаютъ сами, однако, изъ дѣтства,—какъ то пока-

*) Они раздѣляютъ этотъ характеръ неразрушимости со всѣми другими, дѣйствительно безсознательными, т. е. относящимися исключительно къ системѣ Бзс. душевными актами. Послѣдніе представляютъ собою разъ на всегда проложенные пути, никогда не преграждаемые и всякій разъ способствующіе передачѣ процесса раздраженія, какъ только безсознательное раздраженіе ихъ занимаетъ. Приведемъ небольшое сравненіе: они подлежатъ только такому же уничтоженію, какъ тѣни въ подземномъ мірѣ Одиссея, которыя пробуждаются къ новой жизни всякій разъ, какъ напьются крови. Явленія и процессы, зависящія отъ предсознательной системы, подвергаются разрушенію совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. На этомъ различіи и покоится психотерапія неврозовъ.

зываетъ психологическое изученіе неврозовъ. Въ виду этого мнѣ хотѣлось бы устранить вышесказанное утвержденіе, будто происхожденіе желанія не играетъ никакой роли, и замѣнить его слѣдующимъ: желаніе, изображаемое въ сновидѣніи, должно относиться къ дѣтству. У взрослаго оно проистекаетъ изъ системы Бзс.; у ребенка же, гдѣ нѣтъ еще раздѣленія и цензуры между Прс. и Бзс. или тамъ, гдѣ оно еще лишь образуется, это—неосуществленное и неоттѣсненное желаніе бодрственной жизни. Я знаю прекрасно, что это воззрѣніе доказать вообще очень трудно; я утверждаю, однако, что оно очень часто поддается доказательству и, наоборотъ, именно о него разбиваются всѣ возраженія.

Желанія, проистекающія изъ сознательной бодрственной жизни, я отодвигаю, такимъ образомъ, на заднiй планъ въ ихъ значеніи для образованія сновидѣній. Я приписываю имъ лишь ту же роль, что, напримѣръ, и матеріалу ощущеній во время сна. Я не сойду съ пути, предписаннаго мнѣ этимъ утвержденіемъ, если подвергну сейчасъ разсмотрѣнію другіе психическіе моменты, остающіеся отъ бодрственной жизни и не носящіе характера желаній. Намъ можетъ удасться временно устранить интенсивность нашего бодрственнаго мышленія, если мы рѣшимъ заснуть. Кто способенъ на это, у того хорошій сонъ; Наполеонъ былъ, говорятъ, въ этомъ отношеніи образцомъ. Но далеко не всегда намъ это вполнѣ удается. Невыясненные вопросы, мучительныя заботы и власть впечатлѣній заставляютъ мышленіе продолжать его работу и во время сна и поддерживаютъ душевные процессы въ той системѣ, которую мы назвали предсознательной. Если мы захотимъ классифицировать эти продолжающіе оказывать свое дѣйствіе и во снѣ моменты мышленія, то мы можемъ различить тутъ слѣдующія группы: 1. то, что днемъ, благодаря случайной задержкѣ, не было доведено до конца; 2. все незаконченное и неразрѣшенное благодаря утомленію нашей мыслительной способности, 3) все, оттѣсненное и подавленное днемъ. Къ этому присоединяется еще четвертая группа,—то, что благодаря работѣ предсознательнаго находитъ себѣ откликъ въ нашемъ Бзс.,—и, наконецъ, пятая группа: индифферентныя и потому оставшіяся незаконченными дневныя впечатлѣнія.

Значеніе психическихъ интенсивностей, переносимыхъ въ состояніе сна этими остатками дневной жизни, особенно же изъ группы «неразрѣшеннаго», не слѣдуетъ преумалять. Эти раздраженія стараются найти себѣ выраженіе несомнѣнно и

ночью; съ тѣмъ же основаніемъ имѣемъ мы право предположить, что состояніе сна дѣлаетъ невозможнымъ обычное продолженіе процесса раздраженія въ предсознательномъ и его завершеніе въ сознаніи. Поскольку мы нормальнымъ путемъ сознаемъ наши мыслительные процессы, постольку мы и не спимъ. Какое измѣненіе производитъ состояніе сна въ системѣ Прс., я указать не могу; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что психологическую характеристику сна слѣдуетъ искать именно въ измѣненіяхъ содержанія этой системы, которая властвуетъ также и надъ доступомъ къ парализуемой во снѣ моторности. Въ противовѣсъ этому я не знаю ни одного фактора изъ психологіи сновидѣнія, который навелъ бы насъ на мысль, что сонъ не только вторично производитъ измѣненіе системы Бзс. Ночному раздраженію системы Прс. не остается другого пути кромѣ того, по которому направляются желанія изъ Бзс.; ему приходится искать поддержки въ Бзс. и устремиться по обходнымъ путямъ безсознательныхъ раздраженій. Въ какомъ отношеніи стоятъ, однако, предсознательные дневные остатки къ сновидѣнію? Нѣтъ сомнѣнія, что они въ изобиліи проникаютъ въ сновидѣніе и пользуются содержаніемъ послѣдняго для того, чтобы и ночью дойти до сознанія; они доминируютъ иногда даже въ содержаніи сновидѣнія и вынуждаютъ его продолжить дневную дѣятельность. Несомнѣнно также, что дневные остатки могутъ носить любой характеръ,— не только характеръ желаній; въ высшей степени интересно, однако, и чрезвычайно важно для теоріи осуществленія желаній установить, какому условію должны они соотвѣтствовать, чтобы найти доступъ въ сновидѣніе.

Возьмемъ одинъ изъ вышеразобранныхъ нами примѣровъ, напримѣръ, сновидѣніе, въ которомъ я видѣлъ коллегу Отто съ признаками Базедовой болѣзни. Наканунѣ днемъ меня не оставляло все время опасеніе, связанное съ здоровьемъ Отто; это опасеніе меня сильно удручало, какъ все касающееся этого близкаго мнѣ человѣка. Я полагаю, что оно послѣдовало за мною и въ состояніе сна. По всей вѣроятности, мнѣ хотѣлось узнать, что съ нимъ. Ночью эта забота нашла себѣ выраженіе въ сновидѣніи, содержаніе котораго, во-первыхъ, безсмысленно, во-вторыхъ же, не содержитъ никакого осуществленія желанія. Я началъ, однако, допытываться, откуда проистекаетъ столь странное выраженіе дневной заботы; анализъ указалъ мнѣ на искомую связь: я попросту отождествилъ его съ барономъ Л., а себя самого съ профессоромъ Р. Почему я избралъ именно эту замѣну дневнымъ мыслямъ,—этому есть лишь одно объяс-

неніе. Къ идентификаціи съ профессоромъ Р. Я. должно быть былъ всегда готовъ къ системѣ Бзс., такъ какъ благодаря этой идентификаціи осуществлялось одно изъ неумирающихъ дѣтскихъ желаній, — манія величія. Нехорошія мысли по отношенію къ коллегѣ, которыя несомнѣнно были бы отвергнуты днемъ, воспользовались случаемъ, чтобы найти себѣ выраженіе; дневная забота выразилась, однако, тоже въ сновидѣніи. Дневная мысль, бывшая сама по себѣ вовсе не желаніемъ, а наоборотъ, опасеніемъ, должна была какимъ-либо путемъ соединиться съ дѣтскимъ, теперь, однако, безсознательнымъ и подавленнымъ желаніемъ, которое и дало ей возможность «возникнуть» для сознанія,—хотя, правда, и въ значительно искаженной формѣ. Чѣмъ болѣе доминировала эта забота, тѣмъ искусственнѣе могло быть соединеніе; между содержаніемъ желанія и содержаніемъ опасенія не должна была вовсе быть связь: мы видимъ, что въ нашемъ примѣрѣ ея дѣйствительно нѣтъ.

Я могу теперь точнѣе опредѣлить то, что означаетъ для сновидѣнія безсознательное желаніе. Я допускаю, что есть цѣлый рядъ сновидѣній, поводъ къ образованію которыхъ преимущественно или даже исключительно дается остатками дневной жизни, и полагаю, что мое желаніе сдѣлаться когда-нибудь наконецъ экстраординарнымъ профессоромъ, навѣрное, дало бы мнѣ проспать эту ночь спокойно, если бы не было на-лицо остатка моей дневной заботы о здоровьѣ друга. Но забота эта сновидѣнія не образовала,—двигательную силу, въ которой нуждалось сновидѣніе, должно было дать желаніе, и ужъ дѣломъ самой заботы было раздобыть такое желаніе. Приведемъ небольшое сравненіе: вполнѣ вѣроятно, что дневная мысль играетъ для сновидѣнія роль предпринимателя; но предприниматель, у котораго имѣются, какъ говорятъ обычно, идеи и желаніе осуществить ихъ, не можетъ все же ничего подѣлать безъ капитала; ему нуженъ капиталистъ, который покрылъ бы расходы. Этимъ капиталистамъ, доставляющимъ сновидѣнію психическій капиталъ, и служитъ всегда и несомнѣнно,—каковы бы ни были дневныя мысли—*желаніе* изъ сферы безсознательнаго.

Въ другихъ случаяхъ капиталистъ самъ и предприниматель; это для сновидѣнія даже болѣе обыкновенный случай. Дневная дѣятельность возбуждаетъ безсознательное желаніе, и оно-то и создаетъ сновидѣніе. Относительно всѣхъ другихъ возможностей, приведенныхъ здѣсь нами въ качествѣ сравненія экономическаго отношенія, процессы сновидѣнія остаются также параллельными; предприниматель можетъ самъ внести часть капи-

тала; къ одному капиталисту можетъ обратиться нѣсколько предпринимателей, и наконецъ, нѣсколько капиталистовъ могутъ сообща дать необходимыя средства предпринимателю. Такъ, есть сновидѣнія, заключающія въ себѣ не одно желаніе и нѣсколько, есть и другія выраженія, но онѣ особаго интереса для насъ не представляютъ. Пробѣлы, имѣющіеся въ нашемъ изслѣдованіи, роль и значеніе желанія въ сновидѣніи, будутъ нами заполнены ниже.

Tertium comparationis приведенныхъ нами сравненій—нѣкоторое количество, предоставленное въ свободное распоряженіе,—допускаетъ еше и другое использованіе въ цѣляхъ освѣщенія структуры сновидѣнія. Въ большинствѣ сновидѣній имѣется опредѣленный центръ, обладающій особой чувственной интенсивностью. Это обычно непосредственное изображеніе осуществленія желаній, ибо если мы произведемъ дѣйствія, обратныя процессамъ дѣятельности сновидѣнія, то найдемъ, что психическая интенсивность элементовъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, замѣнена чувственной интенсивностью элементовъ содежанія сновидѣнія. Элементы вблизи осуществленія желанія зачастую не имѣютъ нечего общаго съ его смысломъ, а оказываются отпрысками непріятныхъ мыслей, противорѣчащихъ желанію. Благодаря зачастую искусственной связи съ центральнымъ элементомъ онѣ пріобрѣтаютъ, однако, такую интенсивность, что становятся способными къ изображенію. Такимъ образомъ, изобразительная сила осуществленія желанія диффундируетъ черезъ нѣкоторую сферу взаимозависимости, даже самые слабые, повышаются до интенсивности, необходимой для изображенія. Въ сновидѣніяхъ съ нѣсколькими желаніями удается безъ труда разграничить сферы отдѣльныхъ осуществленій желаній; соотвѣтственно этому пробѣлы въ сновидѣніи окажутся граничными зонами.

Если предшествующими замѣчаніями мы и ограничили значеніе дневныхъ остатковъ, что стоитъ все же труда удѣлить имъ еше нѣкоторое вниманіе. Эти все же служатъ необходимымъ ингреіеднтомъ образованія сновидѣній, разъ наблюденіе указываетъ намъ на то, что каждое сновидѣніе своимъ содержаніемъ обнаруживаетъ связь съ свѣжимъ дневнымъ впечатлѣніемъ, часто самаго безразличнаго характера. Необходимости этого элемента въ сновидѣніяхъ мы еще не учитывали. Она обнаруживается вообще только тогда, когда принимается во вниманіе роль безсознательнаго желанія и къ разъясненію вопроса привлекается психологія неврозовъ. Послѣдняя пока-

зываетъ, что безсознательное представленіе, какъ таковое, вообще не способно войти въ сферу предсознательнаго и что тамъ оно можетъ вызвать лишь одинъ эффектъ: оно соединяется съ невиннымъ представленіемъ, принадлежащимъ уже къ сферѣ предсознательнаго, переноситъ на него свою интенсивность и прикрывается имъ. Это и есть тотъ фактъ перенесенія, который разъясняетъ столько различныхъ явленій въ психической жизни. Перенесеніе можетъ оставить безъ измѣненія представленіе изъ сферы безсознательнаго, которое тѣмъ самымъ достигаетъ незаслуженно высокой интенсивности,—или же навязать ему модификацію благодаря содержанію переносимаго представленія. Да простится мнѣ моя страсть къ сравненіямъ изъ обыденной жизни, но мнѣ очень хочется указать на то, что здѣсь дѣло съ оттѣсненнымъ представленіемъ обстоитъ аналогично тому, какъ въ нашемъ отечествѣ съ американскимъ зубнымъ врачемъ, который не имѣетъ права практиковать, если не сходится съ какимъ-нибудь докторомъ медицины для выставленія его имени на дверной дощечкѣ и для прикрытія передъ закономъ. И подобно тому, какъ далеко не самые выдающіеся и имѣющіе большую практику доктора заключаютъ такіе союзы съ зубными техниками, такъ и въ психической области для прикрытія отодвинутаго представленія избираются не предсознательныя или сознательныя представленія, которыя сами привлекли къ себѣ достаточное вниманіе, проявляющее свою дѣятельность въ предсознательной сферѣ. Безсознательное охватываетъ своими соединеніями главнымъ образомъ тѣ впечатлѣнія и представленія предсознательнаго, которыя либо въ качествѣ индифферентныхъ были оставлены безъ вниманія, либо же впослѣдствіи были лишены его. Ученіе объ ассоціаціяхъ утверждаетъ, опираясь на опытъ, что представленія, завязавшія весьма тѣсныя связи въ одномъ направленіи, относятся отрицательно къ цѣлымъ группамъ новыхъ соединеній; на этомъ положеніи я попытался однажды обосновать теорію истерическихъ параличей.

Если мы предположимъ, что та же потребность въ перенесеніи, которую мы наблюдаемъ при анализѣ неврозовъ, проявляется и въ сновидѣніи, то тѣмъ самымъ мы раскроемъ сразу двѣ загадки сновидѣнія: во-первыхъ, то, что всякій анализъ сновидѣнія обнаруживаетъ использованіе свѣжаго впечатлѣнія и, во-вторыхъ, то, что этотъ свѣжій элементъ носитъ зачастую самый безразличный характеръ. Мы добавимъ сюда то, съ чѣмъ мы познакомились уже въ другомъ мѣстѣ: то, что эти свѣжіе

и индифферентные элементы въ качествѣ замѣшенія болѣе раннихъ изъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, потому такъ часто поступаютъ въ содержаніе послѣдняго, что имъ меньше всего приходится опасаться сопротивленія цензуры. Въ то время, однако, какъ свобода отъ цензуры разъясняетъ намъ лишь предпочтеніе тривіальныхъ элементовъ, постоянство свѣжихъ элементовъ позволяетъ намъ понять необходимость для нихъ перенесенія. Потребности отодвинутаго представленія въ еще свободномъ отъ ассоціацій матеріалѣ соотвѣтствуютъ обѣ группы впечатлѣній: индифферентныя—потому, что онѣ не даютъ повода къ чрезмѣрнымъ соединеніямъ, и свѣжія—потому, что у нихъ не было достаточно для этого времени.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что дневные остатки, къ которымъ мы можемъ теперь отнести индифферентныя впечатлѣнія, не только не заимствуютъ ничего у системы Бзс., когда принимаютъ участіе въ образованіи сновидѣнія,—не только не заимствуютъ у нея движущую силу, которою располагаетъ отодвинутое желаніе, но что и сами даютъ безсознательному нѣчто необходимое. Если бы мы захотѣли проникнуть глубже въ психическіе процессы, то намъ пришлось бы отчетливѣе освѣтить игру воспоминаній между предсознательнымъ и безсознательнымъ; къ этому побуждаетъ насъ изученіе неврозовъ, но съ сновидѣніемъ это не имѣетъ ничего общаго.

Еще одно замѣчаніе относительно дневныхъ остатковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они-то и являются истинными нарушителями сна,—а вовсе не сновидѣніе, которое старается наоборотъ, сохранять, сонъ. Къ этому вопросу мы успѣемъ еще вернутся ниже.

Мы разсматривали до сихъ поръ желаніе, заложенное въ сновидѣніи, выводили его изъ системы Бзс. и изслѣдовали его отношеніе къ дневнымъ остаткамъ, которые въ свою очередь могутъ быть также либо желаніями, либо психическими движеніями какого-либо иного рода, либо же попросту свѣжими впечатлѣніями. Тѣмъ самымъ мы старались пойти навстрѣчу всѣмъ требованіямъ, которыя можно выставить въ пользу снообразующаго значенія бодрственнаго мышленія во всемъ его разнообразіи. Не было бы ничего невозможнаго въ томъ даже, если бы мы на основаніи ряда нашихъ мыслей объяснили тѣ крайніе случаи, въ которыхъ сновидѣніе въ качествѣ продо а-теля дневной работы приводитъ къ удачному концу ѣ-шенную задачу бодрственнаго состоянія. Намъ недостает ко примѣра такого рода, чтобы при помощи анализа его ить

дѣтскій или оттѣсненный источникъ желаній, привлеченіе котораго столь значительно укрѣпило предсознательную дѣятельность. Мы ни на шагъ не приблизились, однако, къ разрѣшенію вопроса, почему безсознательное во снѣ не даетъ ничего, кромѣ движущей силы для осуществленія желаній. Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ пролить свѣтъ на психическую природу желанія. Мы постараемся дать его въ связи съ нашей схемой психическаго аппарата.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что и этотъ аппаратъ достигъ своего нынѣшняго совершенства лишь путемъ продолжительнаго развитія. Попробуемъ же свести его на болѣе раннюю ступень его эволюціи. Иначе обосновываемыя предположенія говорятъ намъ, что этотъ аппаратъ слѣдовалъ вначалѣ стремленію оберегать себя отъ раздраженій, и потому при своей первоначальной конструкціи принялъ схему рефлекторнаго аппарата, которая давала ему возможность тотчасъ же отводить по моторному пути всѣ поступавшія къ нему извнѣ чувственныя раздраженія. Но жизненная необходимость нарушаетъ эту простѣйшую функцію; ей обязанъ психическій аппаратъ и толчкомъ къ своему дальнѣйшему развитію. Жизненная необходимость предстаетъ для него вначалѣ въ формѣ существенной физической потребности. Вызванное внутренней потребностью раздраженіе будетъ искать себѣ выхода въ моторность, которую можно назвать «внутреннимъ измѣненіемъ» или «выраженіемъ душевнаго движенія». Голодный ребенокъ безпомощно кричитъ и барахтается. Ситуація остается, однако, безъ измѣненія, такъ какъ раздраженіе, проистекающее изъ внутренной потребности, соотвѣтствуетъ не мгновенно толкающей, а непрерывно дѣйствующей силѣ. Перемѣна можетъ наступить лишь въ томъ случаѣ, если какимъ-либо путемъ,—у ребенка благодаря посторонней помощи,—будетъ испытано чувство удовлетворенія, устраняющее внутреннее раздраженіе. Существенной составной частью этого переживанія является наличность опредѣленнаго воспріятія (напримѣръ, ѣды), воспоминаніе о которомъ съ этого момента ассоціируется навсегда съ воспоминаніемъ объ удовлетвореніи. Какъ только въ слѣдующій разъ проявляется эта потребность, такъ сейчасъ же благодаря имѣющейся ассоціаціи вызывается психическое движеніе, которое стремится вызвать воспоминаніе о первомъ воспріятіи, иными словами, воспроизвести ситуацію прежняго удовлетворенія. Вотъ это психическое движеніе мы и называемъ желаніемъ; повторное проявленіе воспріятія есть осуществленіе желанія, а полное возста-

новленіе воспріятія объ ощущеніи удовлетворенія—кратчайшій путь къ такому осуществленію. Намъ ничто не препятствуетъ допустить примитивное состояніе психическаго аппарата, въ которомъ процессъ протекаетъ дѣйствительно по этому пути, т. е. въ которомъ желаніе превращается въ галлюцинированіе. Эта первая психическая дѣятельность направлена, слѣдовательно, на идентичность воспріятія, иными словами, на повтореніе воспріятія, связаннаго съ удовлетвореніемъ потребности.

Горькій жизненный опытъ модифицируетъ эту примитивную мыслительную дѣятельность въ болѣе цѣлесообразную. Образованіе идентичности воспріятія короткимъ регредіентнымъ путемъ внутри аппарата не имѣетъ уже въ другомъ мѣстѣ послѣдствій, связанныхъ съ укрѣпленіемъ того же воспріятія извнѣ. Удовлетворенія не наступаетъ, и потребность продолжаетъ быть на-лицо. Для приданія внутреннему укрѣпленію одинаковой равноцѣнности съ внѣшнимъ, оно должно было бы непрерывно поддерживаться на одномъ уровнѣ, все равно какъ это имѣетъ мѣсто въ галлюцинаторныхъ психозахъ и фантазіяхъ, вызванныхъ голодомъ, которыя исчерпываютъ свою психическую дѣятельность фиксированіемъ желаемаго объекта. Для того, чтобы достичь болѣе цѣлесообразнаго использованія психической силы, необходимо остановить ходъ регрессіи, чтобы она не выходила за предѣлы воспоминанія и искала бы себѣ другіе пути, которые въ концѣ концовъ ведутъ къ образованію извнѣ желаемой идентичности. Это парализованіе, а также и слѣдующее за нимъ отклоненіе раздраженія становятся задачей второй системы, которая господствуетъ надъ произвольной моторностью,—иначе говоря, съ функціей которой связывается примѣненіе моторности къ вышеназваннымъ цѣлямъ. Вся эта сложная мыслительная дѣятельность, протекающая отъ воспоминанія вплоть до образованія внѣшнимъ міромъ идентичности воспріятія, представляетъ собой, однако, лишь обходный путь по направленію къ осуществленію желанія, ставшій необходимымъ благодаря опыту. Мышленіе есть вѣдь не что иное, какъ замѣна галлюцинаторнаго желанія, и если сновидѣніе представляетъ собою осуществленіе желанія, то это можетъ быть сочтено только естественнымъ и само собой разумѣющимся, такъ какъ только желаніе способно побуждать къ дѣятельности нашъ психическій аппаратъ. Сновидѣніе, осуществляющее свои желанія короткимъ регредіентнымъ путемъ, сохранило намъ тѣмъ самымъ образчикъ примитивной и отвергнутой въ виду ея нецѣлесообразности работы психическаго аппарата. Въ ночную жизнь какъ

бы изгнано то, что нѣкогда господствовало въ бодрственномъ состоянiи, когда психическая жизнь была еще молода и неопытна; это напоминаетъ намъ то, что въ дѣтской мы находимъ давно заброшенныя, примитивныя орудiя взрослаго человѣчества, лукъ и стрѣлы. Сновидѣнiе есть часть преодолѣнной душевной жизни ребенка. При психозахъ эти обычно подавляемыя въ бодрственномъ состоянiи формы дѣятельности психическаго аппарата вновь проявляются и обнаруживаютъ свою неспособность къ удовлетворенiю нашихъ потребностей по отношенiю къ внѣшнему мiру.

Безсознательныя желанiя стремятся проявиться, повидимому, и днемъ; фактъ перенесенiя, а также и психозы говорятъ намъ, что они чрезъ систему предсознательнаго стараются проникнуть въ сознанiе и овладѣть системой моторности. Въ цензурѣ между Бзс. и Прс., наличность которой буквально вынуждаетъ насъ признать сновидѣнiе, мы видимъ, такимъ образомъ стража нашего душевнаго здравiя. Но развѣ не неосторожно со стороны этого стража, что ночью онъ ослабляетъ свою бдительность, даетъ возможность подавленнымъ движенiямъ изъ системы Бзс. найти себѣ выраженiе и вновь допускаетъ галлюцинаторную регрессiю? Я полагаю, что нѣтъ, ибо когда критическiй стражъ отдыхаетъ,—а у насъ имѣются доказательства того, что спитъ онъ не крѣпко,—онъ закрываетъ и доступъ къ моторности. Какiе бы элементы изъ обычно подавленной системы Бзс. ни появлялись на сцену,—къ нимъ можно отнестись съ полнымъ спокойствiемъ, они совершенно невинны, они не способны привести въ движенiе моторный аппаратъ, который одинъ только можетъ оказывать модифицирующее влiянiе на внѣшнiй мiръ. Состоянiе сна гарантируетъ неприступность охраняемой крѣпости. Менѣе невинно обстоитъ дѣло въ томъ случаѣ, когда передвиганiе силы совершается не ночнымъ ослабленiемъ бдительности критической цензуры, а патологическимъ упадкомъ ея или же патологическимъ усиленiемъ безсознательныхъ раздраженiй въ то время, когда система Прс. занята нежелательными элементами, а доступъ къ моторности открытъ. Стражъ терпитъ тогда пораженiе, безсознательныя раздраженiя подчиняютъ себѣ систему Прс., овладѣваютъ потому нашей рѣчью и нашими дѣйствiями или же вызываютъ насильственно галлюцинаторную регрессiю и направляютъ предназначенный вовсе не для нихъ аппаратъ благодаря притяженiю, которое оказываютъ воспрiятiя на распредѣленiе нашей психической энергiи; такое состоянiе мы называемъ психозомъ.

Намъ представляется чрезвычайно удобный случай продолжить возведеніе психологическаго зданія, которое мы оставили послѣ включенія системъ Бзс. и Прс. У насъ имѣется, однако, еще достаточно мотивовъ остановиться на разсмотрѣніи желанія, этой единственной психической движущей силы сновидѣнія. Мы приняли объясненіе, согласно которому сновидѣніе служитъ всякій разъ осуществленіемъ желанія, потому что оно является продуктомъ системы Бзс., которая не знаетъ иной цѣли дѣятельности, кромѣ какъ осуществленіе желанія и не располагаетъ иными силами, кромѣ силы желанія. Если мы хотя бы на мгновеніе будемъ настаивать на нашемъ правѣ путемъ толкованія сновидѣній составилять столь глубокія психологическія спекуляціи, то на насъ тотчасъ же будетъ возложена обязанность доказать, что благодаря имъ мы включаемъ сновидѣніе въ общую цѣпь, могущую охватить и другія психическія образованія. Если существуетъ система Бзс.,—или нѣчто ей аналогичное,—то сновидѣніе не можетъ быть ея единственнымъ выраженіемъ; каждое сновидѣніе можетъ быть осуществленіемъ желанія, но помимо сновидѣній должны быть на-лицо и другія формы анормальныхъ осуществленій желаній. И дѣйствительно теорія всѣхъ психо-невротическихъ симптомовъ сводится къ тому положенію, что и они должны быть признаны осуществленіями желанія изъ сферы безсознательнаго. Сновидѣніе, согласно нашему воззрѣнію, образуетъ лишь первое звено чрезвычайно важной для психіатра цѣпи, пониманіе которой равнозначуще разрѣшенію чисто психологической стороны психіатрической задачи. У другихъ звеньевъ этого ряда осуществленій желаній, напримѣръ, у истерическихъ симптомовъ, имѣется, однако, существенная особенность, отсутствующая у сновидѣнія. Изъ неоднократно упомянутыхъ въ этой книгѣ изслѣдованій я знаю, что для образованія истерическаго симптома необходима наличность и совпаденіе обоихъ теченій нашей душевной жизни. Симптомъ является не только выраженіемъ осуществленнаго безсознательнаго желанія; сюда должно присоединиться еще желаніе изъ сферы предсознательнаго, которое осуществляется при помощи того же симптома, такъ что послѣдній детерминируется по крайней мѣрѣ двояко, двумя желаніями, по одному изъ состоящихъ въ конфликтѣ системъ. Дальнѣйшему же детерминированію—аналогично тому, какъ въ сновидѣніи—не поставлено никакихъ предѣловъ. Детерминированіе, проистекающее не изъ системы Бзс., является, на мой взглядъ, реакціей на безсознательное желаніе,—напримѣръ, самоукоромъ. Я могу, слѣдова-

тельно, сказать вообще: истерическій симптомъ образуется лишь тамъ, гдѣ въ одномъ выраженіи могутъ совпасть два противоположныхъ осуществленія желаній, по одному изъ различныхъ психическихъ системъ. [Ср. мое послѣднее изслѣдованіе возникновенія истерическихъ симптомовъ въ журналѣ Гиршфельда «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», 1908]. Примѣры не дадутъ тутъ ничего, такъ какъ лишь полное раскрытіе всего этого сложнаго комплекта можетъ выяснить его сущность. Я довольствуюсь поэтому лишь однимъ утвержденіемъ и привожу здѣсь примѣръ не ради его доказательной силы, а только вслѣдствіе его наглядности. Истерическая рвота одной моей паціентки оказалась, съ одной стороны, осуществленіемъ безсознательной фантазіи, относящейся къ ея молодымъ годамъ,—желанія быть возможно болѣе часто беременной и имѣть множество дѣтей; сюда присоединилось впослѣдствіе дополнительная мысль: отъ возможно большаго числа мужчинъ. Это странное желаніе встрѣтило сильнѣйшее сопротивленіе и отпоръ. Такъ какъ, однако, паціентка отъ рвоты могла бы утратить свою полноту и красоту и тогда не нравилась бы ни одному мужчинѣ, то симптомъ отдалъ дань и карающимъ мыслямъ и такимъ образомъ, будучи опущенъ съ обѣихъ сторонъ, могъ достичь осуществленія. Это тотъ же способъ осуществленія желанія, которымъ воспользовалась парѳянская царица по отношенію къ тріумвиру Крассу. По ея мнѣнію, онъ предпринялъ походъ изъ корыстолюбія, поэтому она заставила залить глотку его трупа золотомъ. «Вотъ тебѣ, что ты такъ хотѣлъ». Относительно сновидѣнія мы до сихъ поръ знаемъ лишь, что оно изображаетъ осуществленіе желанія изъ сферы безсознательнаго: господствующая, предсознательная система допускаетъ, повидимому, это осуществленіе, подвергнувъ его предварительно нѣкоторому искаженію. И дѣйствительно, невозможно прослѣдить ходъ мыслей, противоположный желанію, который, какъ и его антагонистъ, осуществился бы въ сновидѣніи. Лишь кое-гдѣ въ анализахъ сновидѣній мы встрѣчали указанія на продукты реакціи,—напримѣръ, нѣжное чувство къ коллегѣ Р. въ сновидѣніи о дядѣ. Мы можемъ, однако, отыскать въ другомъ мѣстѣ отсутствующее дополненіе изъ сферы предсознательнаго. Сновидѣніе можетъ дать выраженіе желанію изъ системы Бзс. послѣ различныхъ его искаженій, между тѣмъ какъ господствующая система концентрируется вокругъ желанія спать, реализуетъ его и поддерживаетъ въ продолженіе всего сна. [Эти мысли я заимствую изъ теоріи сна Льебо, способствовавшаго пробужденію интереса къ гипнотизму

въ послѣднее время своимъ сочиненіемъ «Du sommeil provoqué», Парижъ, 1889].

Это желаніе спать, проистекающее изъ сферы предсознательнаго, значительно облегчаетъ образованіе сновидѣнія. Припомнимъ сновидѣніе отца, котораго свѣтъ въ сосѣдней комнатѣ заставляетъ предположить, что тѣло могло загорѣться. Въ качествѣ одной изъ психическихъ силъ, доказывающихъ, что отецъ дѣлаетъ этотъ выводъ въ сновидѣніи вмѣсто того, чтобы проснуться отъ зрительнаго раздраженія, мы указали на желаніе, чтобы жизнь приснившагося ему ребенка была хоть на мгновеніе продлена. Другія желанія, проистекающія изъ оттѣсненной сферы, по всей вѣроятности, ускользаютъ отъ насъ, такъ какъ мы лишены возможности произвести анализъ этого сновидѣнія. Однако, въ качествѣ второй движущей силы этого сновидѣнія мы можемъ предположить потребность отца во снѣ; все равно какъ жизнь ребенка, сновидѣніе способно продлить на мгновеніе и сонъ отца. Я долженъ допустить это сновидѣніе,—гласитъ этотъ мотивъ,—иначе мнѣ придется проснуться. Какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ сновидѣніи желаніе сна оказываетъ поддержку безсознательному желанію. Выше мы говорили о сновидѣніяхъ, связанныхъ съ мотивами удобства. Въ сущности, всѣ сновидѣнія носятъ такой характеръ. Въ сновидѣніяхъ, которыя такимъ образомъ перерабатываютъ внѣшнее чувственное раздраженіе, что оно допускаетъ возможность продолженія сна, и которыя вплетаютъ его въ свое содержаніе, чтобы лишить его требованій, которыя оно могло бы предъявить къ внѣшнему міру,—въ этихъ сновидѣніяхъ желаніе продолжать спать обнаруживается особенно ярко. Это желаніе должно, однако, принимать участіе въ образованіи и всѣхъ другихъ сновидѣній, которыя лишь извнутри могутъ нарушить состояніе сна. То, что система Прс. говоритъ сознанію, когда сновидѣніе заходитъ черезчуръ далеко: «Не безпокойся, продолжай спать,—вѣдь это же только сновидѣніе»,—это соотвѣтствуетъ въ общей формѣ отношенію нашей господствующей душевной дѣятельности къ сновидѣніямъ. Я долженъ заключить отсюда, что мы въ продолженіе всего состоянія сна столь же твердо знаемъ, что намъ что-то снится, какъ то, что мы спимъ. Мы не должны придавать никакого значенія тому возраженію, будто въ наше сознаніе никогда не поступаетъ одна мысль,— другая же только въ томъ исключительномъ случаѣ, когда цензура чувствуетъ себя обманутой. Напротивъ того, есть лица, которыя несомнѣнно сознаютъ, что они спятъ и что имъ снится,

и что имъ, слѣдовательно, присуща сознательная способность направлять свои сновидѣнія. Такой субъектъ недоволенъ, положимъ, оборотомъ, который принимаетъ сновидѣніе, онъ прерываетъ его, самъ не пробуждаясь при этомъ, и начинаетъ его сызнова,—все равно какъ популярный писатель по желанію даетъ своей пьесѣ болѣе благополучную развязку. Или же субъектъ можетъ подумать во снѣ, когда сновидѣніе повергаетъ его въ ситуацію, возбуждающую его сексуальную сферу: «я не хочу, чтобы мнѣ это снилось, я не хочу истощаться поллюціями».

d) Пробужденіе благодаря сновидѣнію. Функція сновидѣнія. Сновидѣнія страха.

Убѣдившись въ томъ, что предсознательная сфера занята ночью желаніемъ спать, мы можемъ продолжить наше разсмотрѣніе сновидѣнія. Постараемся, однако, резюмировать предварительно всѣ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли на основаніи предыдущаго изложенія. Либо послѣ бодрственнаго мышленія сохраняются «дневные остатки», либо бодрственное мышленіе пробуждаетъ одно изъ безсознательныхъ желаній, либо же, наконецъ, имѣетъ мѣсто и то и другое; всѣхъ этихъ возможностей мы уже касались подробнѣе выше. Въ теченіе дня или же лишь съ возникновеніемъ состоянія сна безсознательное желаніе прокладываетъ себѣ путь къ дневнымъ остаткамъ. Благодаря этому образуется желаніе, перенесенное на свѣжій матеріалъ, или же подавленное свѣжее желаніе вновь оживляется, благодаря поддержкѣ изъ сферы безсознательнаго. Оно старается нормальнымъ путемъ мыслительныхъ процессовъ черезъ систему Прс., съ которой оно связано одной своей составной частью, проникнуть въ сознаніе. Но тутъ оно наталкивается на цензуру и, претерпѣвая ея воздѣйствіе, подвергается искаженію, произведенному уже разъ его перенесеніемъ на свѣжій матеріалъ. До сихъ поръ желаніе готово было сдѣлаться чѣмъ-то вродѣ нанавязчиваго представленія, бредовой идеи и т. п., иными словами, мыслью, укрѣпленной перенесеніемъ и искаженной цензурой. Состояніе сна предсознательной сферы не допускается, однако, дальнѣйшаго проникновенія; по всей вѣроятности, эта сфера преграждаетъ доступъ путемъ ослабленія своихъ раздраженій. Сновидѣніе устремляется поэтому по пути регрессіи, открытому именно благодаря своеобразію состоянія сна, и повинуется при этомъ притяженію, оказываемому на него со стороны группъ воспоминаній. На пути регрессіи оно пріобрѣтаетъ изобразитель-

ность. О сгущеніи мы поговоримъ ниже. Такимъ образомъ, проходитъ сновидѣніе вторую часть своего извилистаго и зигзагообразнаго пути. Первая часть простирается въ поступательномъ направленіи отъ безсознательныхъ сценъ или фантазій до системы Прс.; вторая же часть отъ предѣла цензуры обратно къ воспріятіямъ. Когда же сновидѣніе пріобрѣтаетъ содержаніе, оно тѣмъ самымъ какъ бы обходитъ преграду, выставленную ему цензурой и состояніемъ сна въ системѣ Прс.; ему удается обратить на себя вниманіе и быть замѣченнымъ сознаніемъ. Сознаніе же, означающее для насъ чувственный органъ для воспріятія психическихъ качествъ, въ бодрственномъ состояніи доступно раздраженію въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, изъ периферіи всего аппарата, изъ системы воспріятій; во-вторыхъ, изъ раздраженій пріятнаго и непріятнаго чувства, являющихся единственными психическими качествами при измѣненіяхъ энергіи внутри аппарата. Всѣ другіе процессы въ системахъ Ψ лишены психической цѣнности и не представляютъ собой поэтому объектовъ для сознанія, поскольку не даютъ ему для воспріятія пріятное или непріятное чувство. Мы вынуждены были предположить, что эти пріятныя и непріятныя ощущенія автоматически регулируютъ ходъ процессовъ заполненія сознанія. Впослѣдствіе обнаружилась, однако, необходимость ради облегченія болѣе трудной дѣятельности сдѣлать ходъ представленій болѣе независимымъ отъ ощущеній неудовольствія. Для этой цѣли системѣ Прс. нужны были собственныя качества, которыя могли бы привлечь сознаніе; она ихъ пріобрѣла, по всей вѣроятности, благодаря объединенію предсознательныхъ процессовъ съ нелишенною качествъ системой воспоминаній о словахъ. Благодаря качествамъ этой системы, сознаніе, бывшее до сихъ поръ лишь чувственнымъ органомъ для воспріятій, становится таковымъ и для части нашихъ мыслительныхъ процессовъ. Образуются, такимъ образомъ, какъ бы двѣ чувственныя плоскости, обращенныя одна къ воспріятіямъ, другая—къ предсознательнымъ мыслительнымъ процессамъ.

Я долженъ предположить, что чувственная поверхность сознанія, обращенная къ системѣ Прс., благодаря состоянію сна становится значительно менѣе раздражимой, чѣмъ система В. Утрата интереса къ ночнымъ мыслительнымъ процессамъ вполнѣ цѣлесообразна. Въ мышленіи не должно происходить ничего; система Прс. хочетъ спать. Когда сновидѣніе становится, однако, воспріятіемъ, оно благодаря пріобрѣтеннымъ теперь качествамъ можетъ возбудить сновидѣніе. Это чувственное возбужденіе

совершаетъ то, въ чемъ вообще заключается ея функція; оно направляетъ часть имѣющейся въ системѣ Прс. энергіи на возбуждающій факторъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ допустить, что сновидѣніе всякій разъ пробуждаетъ, побуждаетъ къ дѣятельности отдыхающую силу системы Прс. Со стороны послѣдней оно претерпѣваетъ, однако воздѣйствіе, которое мы ради цѣльности и наглядности назвали вторичной обработкой. Этимъ мы хотимъ сказать, что она обращается со сновидѣніемъ, какъ со всякимъ другимъ содержаніемъ воспріятія; оно подвергается воздѣйствію такихъ же представленій ожиданія, поскольку, конечно, это позволяетъ его содержаніе. Поскольку и эта четвертая часть дѣятельности сновидѣнія протекаетъ по какому-либо пути, послѣдній носитъ опять таки поступательный характеръ.

Во избѣжаніе недоразумѣній нелишне остановиться вкратцѣ на временныхъ особенностяхъ этихъ процессовъ сновидѣнія. Чрезвычайно любопытная теорія Гобло[29]), навѣянная, по всей вѣроятности, проблемой сновидѣнія Мори о гильотинѣ, старается показать, что сновидѣніе заполняетъ собою лишь краткій переходный періодъ между сномъ и пробужденіемъ. Послѣднему нужно извѣстное время; въ это время и происходитъ сновидѣніе. Предполагается, что заключительная сцена сновидѣнія настолько ярка и сильна, что она заставляетъ проснуться. Въ дѣйствительности же она была именно потому такъ сильна, что мы были такъ близки къ пробужденію. «Un rêve c'est un reveil qui commence».

Уже Дюга[18]) указывалъ на то, что Гобло не считался зачастую съ фактическимъ матеріаломъ, лишь бы доказать правильность своей теоріи. Есть сновидѣнія, отъ которыхъ не просыпаешся,—напримѣръ, такія, въ которыхъ снится, что намъ что-нибудь снится. Согласно нашему пониманію дѣятельности сновидѣнія мы отнюдь не можемъ согласиться съ тѣмъ, что оно простирается лишь на періодъ пробужденія. Мы должны, наоборотъ, предположить, что первая часть дѣятельности сновидѣнія начинается уже днемъ, еще при господствѣ предсознательной сферы. Вторая ея часть, измѣненіе благодаря воздѣйствію цензуры, привлеченію безсознательными фантазіями и проникновеніе къ воспріятію, продолжается, несомнѣнно, въ теченіе всей ночи, и постольку, слѣдовательно, мы вполнѣ правильно выражаемся, говоря, что намъ всю ночь что-то снилось, хотя и не знаемъ, что именно. Я не думаю, однако, что необходимо признать, будто процессы сновидѣнія до сознаванія ихъ выдерживаютъ ту временную послѣдовательность, которую мы только

что охарактеризовали: сперва появляется перенесенное желаніе, затѣмъ происходитъ искаженіе подъ вліяніемъ цензуры, далѣе поворотъ къ регрессіи и т. д. Въ изложеніи намъ приходилось придерживаться такой послѣдовательности; въ дѣйствительности же дѣло идетъ скорѣе объ одновременномъ испробованіи тѣхъ или иныхъ путей; раздраженія устремляются то въ одну, то въ другую сторону, пока, наконецъ, благодаря ихъ наиболѣе цѣлесообразному распредѣленію, какая-либо группировка не фиксируется. Нѣкоторыя мои личныя наблюденія указываютъ даже на то, что дѣятельности сновидѣнія нуженъ иногда не одинъ день и не одна ночь для полученія своего продукта, причемъ чрезвычайная сила конструкціи сновидѣнія утрачиваетъ тогда весь свой чудесный обликъ. По моему, даже отношеніе къ понятливости, въ качествѣ воспріятія, можетъ проявиться до тѣхъ поръ, пока сновидѣніе дошло до сознанія. Съ этого момента процессъ, правда, значительно ускоряется, такъ какъ сновидѣніе встрѣчаетъ теперь то же отношеніе къ себѣ, какъ и всякое другое воспріятіе. Онъ теперь точно фейерверкъ, который долго изготовляли и теперь въ одно мгновеніе сгораетъ.

Благодаря дѣятельности сновидѣнія процессъ послѣдняго либо пріобрѣтаетъ достаточную интенсивность для привлеченія къ себѣ сознанія и для пробужденія предсознательной сферы совершенно независимо отъ времени и глубины сна; либо же его интенсивность недостаточна, и оно должно выжидать, пока непосредственно передъ пробужденіемъ оно не встрѣтитъ ставшее болѣе подвижнымъ вниманіе. Большинство сновидѣній оперируетъ, повидимому, со сравнительно незначительными психическими интенсивностями, такъ какъ выжидаютъ пробужденія. Этимъ объясняется, однако, и то, что мы обычно воспринимаемъ сновидѣнія, когда насъ будятъ изъ глубокаго сна. Первый взглядъ при этомъ, какъ при неожиданномъ пробужденіи, устремляется на содержаніе воспріятія, созданное дѣятельностью сновидѣнія, и лишь послѣдующій на воспріятіе, получаемое извнѣ.

Наибольшій теоретическій интересъ вызываютъ, однако, сновидѣнія, которыя способны пробуждать посреди сна. Учитывая господствующую повсюду цѣлесообразность, можно задаться вопросомъ, почему сновидѣнію, иначе говоря, безсознательному желанію дана власть нарушать сонъ, т. е. осуществленіе предсознательнаго желанія. Отвѣтомъ на это можетъ быть только то, что мы обладаемъ слишкомъ недостаточными знаніями относительно соотношенія энергіи. Если бы мы обладали этими

знаніями, то вѣроятно, нашли бы, что предоставленіе свободы сновидѣнію и затрата извѣстнаго спеціальнаго вниманія къ нему является экономіей энергіи по сравненію съ тѣмъ, что безсознательное ночью должно держаться въ тѣхъ же рамкахъ, что и днемъ. Какъ показываетъ наблюденіе, сновидѣніе вполнѣ совмѣстимо со сномъ, даже если оно нѣсколько разъ въ теченіе ночи прерываетъ послѣдній. Субъектъ на мгновеніе просыпается и тотчасъ же вновь засыпаетъ. Это все равно, какъ если во снѣ отгоняешь отъ себя муху; просыпаешься только ad hoc. Засыпая вновь, мы устраняемъ нарушеніе. Осуществленіе желанія спать, какъ показываютъ извѣстные примѣры о снѣ кормилицъ и т. п., вполнѣ совмѣстимо съ поддержаніемъ извѣстной затраты вниманія въ опредѣленномъ направленіи.

Здѣсь необходимо, однако, остановиться на одномъ возраженіи, основывающемся на тщательномъ знакомствѣ съ безсознательными процессами. Мы сами говорили, что безсознательныя желанія всегда чрезвычайно активны и живы. Тѣмъ не менѣе днемъ они не достаточно сильны, чтобы быть услышанными. Если, однако, на-лицо состояніе сна и безсознательное желаніе обнаруживаетъ способность образовать сновидѣніе и при его помощи пробудить предсознательную сферу, то почему исчезаетъ эта способность, послѣ того какъ сновидѣніе осуществляется? Развѣ не должно было бы сновидѣніе постоянно возобновляться, все равно какъ назойливая муха, которая тотчасъ же возвращается, какъ только ее отгонишь? По какому праву утверждали мы, что сновидѣніе устраняетъ нарушеніе сна?

Совершенно правильно то, что безсознательныя желанія постоянно сохраняютъ свою живость. Они представляютъ собою пути, которые постоянно доступны для прохожденія, какъ только по нимъ устремляется извѣстное число раздраженій. Замѣчательной особенностью безсознательныхъ процессовъ именно и является то, что они неразрушимы. Въ безсознательномъ ничего нельзя довести до конца, въ немъ ничто не проходитъ и ничто не забывается. Нагляднѣе всего убѣждаешься въ этомъ при изученіи неврозовъ, особенно же истеріи. Безсознательный ходъ мыслей, направляющихся къ своему разряженію въ припадкѣ, тотчасъ же вновь доступенъ для прохожденія, какъ только скопится достаточное раздраженіе. Заболѣваніе, имѣвшее мѣсто тридцать лѣтъ назадъ, проникнувъ къ источникамъ безсознательныхъ аффектовъ, сохраняетъ свою свѣжесть въ теченіе всѣхъ тридцати лѣтъ. Какъ только затрагивается воспоминаніе о немъ, такъ оно тотчасъ же воскрешается и обнаруживаетъ

свою связь съ раздраженіемъ, которое въ припадкѣ находитъ себѣ моторный исходъ. Какъ разъ тутъ-то и можетъ вмѣшаться психотерапія. Ея задача: способствовать прекращенію и забвенію безсознательныхъ процессовъ. То, что мы склонны считать само собой разумѣющимся и то, что намъ кажется первичнымъ вліяніемъ времени на душевные рудименты воспоминаній,—потускнѣніе воспоминаній и аффективная слабость старыхъ впечатлѣній,—является на самомъ дѣлѣ послѣдующимъ, вторичнымъ измѣненіемъ, осуществляемымъ съ очень большимъ трудомъ. Послѣдній совершается предсознательной сферой, и психотерапія не можетъ пойти по иному пути, какъ только подчинивъ систему, Бзс. господству системы Прс.

Для отдѣльнаго безсознательнаго процесса раздраженія имѣется, такимъ образомъ, два исхода. Либо онъ остается предоставленнымъ себѣ самому,—тогда онъ въ концѣ концовъ гдѣ-нибудь прорывается и предоставляетъ своему раздраженію на сей одинъ разъ выходъ къ моторности,—или же онъ подвергается воздѣйствію предсознательной сферы,—раздраженіе тогда благодаря этому не отводится, а связывается. Послѣднее и происходитъ при процессѣ сновидѣнія. Заполненіе, идущее со стороны системы Прс., навстрѣчу сновидѣнію, ставшему воспріятіемъ,—его поправляетъ раздраженіе сознанія,—связываетъ безсознательное раздраженіе сновидѣнія и обезвреживаетъ его нарушающее дѣйствіе. Если грезящій просыпается на мгновеніе, то онъ дѣйствительно отогналъ отъ себя муху, грозившую нарушить его сонъ. Мы понимаемъ теперь, что дѣйствительно гораздо цѣлесообразнѣе и выгоднѣе предоставить свободу безсознательному желанію, открыть ему путь къ регрессіи, чтобы оно образовало сновидѣніе и затѣмъ связать и покончить съ этимъ сновидѣніемъ при помощи небольшой затраты предсознательной дѣятельности, — чѣмъ во все время сна обуздывать сферу безсознательнаго. Можно было вѣдь ожидать, что сновидѣніе, даже если первоначально оно и не было цѣлесообразнымъ процессомъ, овладѣетъ въ борьбѣ силъ душевной жизни какой-либо опредѣленной функціей. Мы видимъ, какова эта функція. Сновидѣніе поставило передъ собой задачу подчинять освобожденное раздраженіе безсознательной системы господству предсознательной; оно отводитъ при этомъ раздраженіе Бзс., служитъ ему вентилемъ и предохраняетъ въ то же время отъ незначительной затраты бодрственной дѣятельности сонъ предсознательной сферы. Такимъ образомъ оно въ качествѣ компромисса, аналогично другимъ психическимъ образованіямъ

того же рода становится на службу къ обѣимъ системамъ, осуществляя желанія той и другой, поскольку, конечно, эти желанія совмѣстимы. Отсылаемъ читателя къ разсмотрѣнной нами въ первой главѣ теоріи Роберта; мы увидимъ, что мы должны согласиться съ этимъ ученымъ въ его основной предпосылкѣ, въ установленіи функціи сновидѣнія, между тѣмъ какъ въ другихъ отношеніяхъ, особенно въ оцѣнкѣ процесса сновидѣнія, мы съ нимъ расходимся.

Ограниченіе: «поскольку оба желанія совмѣстимы» содержитъ въ себѣ указаніе на тѣ вѣроятные случаи, когда функція сновидѣнія терпитъ крушеніе. Процессъ сновидѣнія допускается прежде всего, какъ осуществленіе желаній въ системѣ Бзс.; если, однако, эта попытка осуществленія желанія столь рѣзко колеблетъ предсознательную систему, что та не можетъ уже сохранить свое спокойствіе, то сновидѣніе нарушило тѣмъ самымъ компромиссъ и не осуществило второй части своей задачи. Оно тотчасъ же тогда прерывается и замѣняется полнымъ пробужденіемъ. Въ сущности, и здѣсь нельзя поставить въ вину сновидѣнію, если оно, постоянный стражъ сна, вынуждается нарушить его; это отнюдь не колеблетъ нашего мнѣнія о его цѣлесообразности. Это не единственный случай въ организмѣ, когда обычно цѣлесообразный факторъ становится нецѣлесообразнымъ, какъ только въ условіяхъ его возникновенія наступаетъ какая-либо перемѣна; нарушеніе въ этихъ случаяхъ служитъ тоже опредѣленной цѣли: оно изобличаетъ перемѣну и пробуждаетъ средства организма къ урегулированію послѣдней. Я разумѣю здѣсь, конечно, сновидѣнія страха; чтобы читателю не показалось, будто я тщательно избѣгаю этого мнимаго нарушителя теоріи осуществленія желаній, я постараюсь хотя бы въ общихъ чертахъ разъяснить сновидѣнія этого рода.

Что психическій процессъ, способствующій проявленію страха, можетъ быть тѣмъ не менѣе осуществленіемъ желанія, это давно уже отнюдь не можетъ насъ удивить. Мы можемъ объяснить себѣ это явленіе тѣмъ, что желаніе относится къ системѣ Бзс., между тѣмъ какъ система Прс., отвергла это желаніе и подавило его. Подчиненіе системы Бзс. со стороны системы Прс. не полное и при полномъ психическомъ здоровіи; степень этого подчиненія образуетъ степень нашей психической нормальности. Невротическіе симптомы показываютъ намъ, что обѣ системы состоятъ въ конфликтѣ другъ съ другомъ; они суть компромиссные результаты этого конфликта, уготовляющіе ему преждевременный конецъ. Съ одной стороны,

они служатъ выходомъ для раздраженій въ системѣ Бзс., съ другой же, даютъ возможность системѣ Прс. до нѣкоторой степени властвовать надъ Бзс. Любопытно, напримѣръ, изслѣдовать значеніе какой-либо истерической фобіи. Невротикъ не въ состояніи, напримѣръ, итти одинъ по улицѣ; это мы вполнѣ справедливо называемъ симптомомъ. Попробуемъ же устранить этотъ симптомъ, заставивъ паціента сдѣлать, къ чему онъ, повидимому, неспособенъ. Съ нимъ сдѣлается тогда припадокъ страха; такой припадокъ на улицѣ нерѣдко бывалъ для него уже поводомъ къ развитію агорафобіи. Мы видимъ, слѣдовательно, что симптомъ имѣется на-лицо для того, чтобы предотвратить появленіе страха; фобія представляетъ собою какъ бы пограничную крѣпость для страха.

Мы не можемъ продолжить изложенія, не коснувшись роли аффектовъ въ этихъ процессахъ; это, однако, мы можемъ сдѣлать далеко не въ полномъ масштбѣ. Выставимъ прежде всего положеніе, что подавленіе системы Бзс. необходимо прежде всего потому, чтобы предоставленный себѣ самому ходъ представленій въ Бзс. развилъ эффектъ, который первоначально носилъ характеръ пріятнаго, послѣ же процесса отодвиганія принялъ характеръ неудовольствія. Подавленіе преслѣдуетъ цѣль предупрежденія развитія этого непріятнаго аффекта. Оно простирается на представленія системы Бзс. потому, что аффектъ можетъ возникнуть именно оттуда. Мы кладемъ здѣсь въ основу вполнѣ опредѣленное предположеніе относительно сущности и характера развитія аффектовъ. Послѣднее представляетъ собою моторный или секреторный актъ, иннерваціонный ключъ къ которому имѣется въ представленіяхъ системы Бзс. Благодаря господству предсознательной системы, эти представленія какъ бы заглушаются и посыланіе импульсовъ, развивающихъ аффекты, парализуется. Опасность при отсутствіи воздѣйствія со стороны системы Прс. состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что безсознательныя раздраженія могутъ развить аффектъ, который вслѣдствіе ранѣе испытаннаго оттѣсненія—можетъ быть ощущаемъ лишь въ формѣ неудовольствія, страха.

Эта опасность создается предоставленіемъ свободы процессамъ сновидѣнія. Условіями для наличности этой опасности служатъ произведенное оттѣсненіе и достаточная сила желаній. Они находятся, такимъ образомъ, всецѣло внѣ психологическихъ рамокъ образованія сновидѣній. Если бы наша тема этимъ однимъ моментомъ, освобожденіемъ системы Бзс. во время сна, не связывалась съ темой развитія аффекта страха, то я могъ

бы вообще отказаться отъ изслѣдованій сновидѣній страха и избавить себя отъ всѣхъ связанныхъ съ нимъ неясностей.

Ученіе о сновидѣніяхъ страха относится, какъ я уже не разъ говорилъ, къ психологіи неврозовъ. [Я сказалъ бы даже: страхъ въ сновидѣніи—проблема страха, а не проблема сновидѣнія]. Мы указали на точку соприкосновенія ея съ темой процессовъ сновидѣнія и можемъ этимъ всецѣло удовлетвориться. Однако, я могу сдѣлать еще одно. Такъ какъ я говорилъ, что невротическій страхъ проистекаетъ изъ сексуальныхъ источниковъ, то я могу подвергнуть анализу сновидѣнія страха, чтобы въ мысляхъ, скрывающихся за ними, обнаружить наличность сексуальнаго матеріала.

По многимъ соображеніямъ я отказываюсь отъ обсужденія всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые въ изобиліи были сообщены мнѣ невротическими паціентами, и отдаю предпочтеніе сновидѣніямъ страха дѣтей или юношей.

У меня самого уже очень много лѣтъ не было ни одного настоящаго сновидѣнія страха. Въ возрастѣ семи, восьми лѣтъ я помню одно такое сновидѣніе; лѣтъ тридцать спустя, я подвергъ его толкованію. Оно было чрезвычайно живо и отчетливо и представило мнѣ любимую мать со странно спокойнымъ, какъ бы застывшимъ выраженіемъ лица; ее внесли въ комнату и положили на постель два (или три) существа съ птичьими клювами. Я проснулся со слезами и съ крикомъ и разбудилъ родителей. Странно задрапированныя, длинныя существа съ птичьими клюками я заимствовалъ изъ иллюстрацій къ библіи въ изданіи Филиппсона; мнѣ думается, это были боги съ ястребиными головами съ египетскаго надгробнаго барельефа. Въ остальномъ, однако, анализъ даетъ мнѣ воспоминаніе объ одномъ мальчикѣ, который съ нами, дѣтьми, игралъ всегда на лужайкѣ передъ домомъ; я почти увѣренъ, что его звали Филиппъ. Далѣе, мнѣ кажется, что я впервые отъ этого мальчика услыхалъ вульгарное слово, обозначающее половой актъ, и достаточно ясно характеризующееся аналогіей съ ястребиными головами (тутъ по-нѣмецки игра словъ). О сексуальномъ значеніи этого слова я догадался по всей вѣроятности, по выраженію лица моего опытнаго учителя. Выраженіе лица матери въ сновидѣніи было скопировано мною съ лица дѣда, котораго я видѣлъ за нѣсколько дней до его смерти. Толкованіе вторичной обработки сновидѣніе гласило, такимъ образомъ, что мать умираетъ; надгробный

барельефъ тоже относится сюда. Въ этомъ страхѣ я и проснулся и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не разбудилъ родителей. Я припоминаю, что увидѣлъ лицо матери, и тотчасъ же затихъ— словно мнѣ именно нужно было утѣшеніе: она не умерла. Это вторичное толкованіе сновидѣнія совершилось, однако, уже подъ вліяніемъ развившагося страха. Я боялся не потому, что мнѣ приснилось, что мать умерла; я истолковалъ сновидѣніе въ его предсознательной обработкѣ такъ потому, что уже въ то время находился подъ вліяніемъ страха. Страхъ же при помощи оттѣсненія сводится къ смутному, несомнѣнно, сексуальному чувству, которое нашло себѣ выраженіе въ зрительномъ содержаніи сновидѣнія.

Одному 27-лѣтнему господину, страдающему уже больше года тяжелымъ недугомъ, въ возрастѣ между 11-13 годами нѣсколько разъ снилось, что з а н и м ъ г о н и т с я к а к о й - т о ч е л о в ѣ к ъ с ъ в и л а м и; о н ъ х о ч е т ъ б ѣ ж а т ь, н о о н ъ т о ч н о п р и к о в а н ъ к ъ м ѣ с т у и н е м о ж е т ъ д в и г а т ь с я. При этомъ онъ испытывалъ всякій разъ сильный страхъ. Это очень хорошій образчикъ чрезвычайно типичнаго и въ половомъ отношеніи совершенно невиннаго сновидѣнія страха. При анализѣ грезящій наталкивается на одинъ, болѣе поздній разсказъ своего дяди, на котораго напалъ ночью на улицѣ какой-то подозрительный субъектъ, и самъ заключаетъ отсюда, что онъ въ періодъ сновидѣнія слышалъ, вѣроятно, о такомъ же происшествіи. Относительно вилъ, онъ вспоминаетъ, что какъ разъ въ тотъ же періодъ однажды поранилъ себѣ вилами руку. Отсюда онъ непосредственно переходитъ къ своему отношенію къ младшему брату, котораго онъ часто колотилъ и третировалъ; особенно запечатлѣлось въ его памяти, какъ онъ однажды запустилъ въ брата сапогомъ и поранилъ ему голову; мать тогда сказала: я боюсь, что онъ когда-нибудь еще убьетъ его. Остановившись, повидимому, на темѣ п р о я в л е н і я н а с и л і я, онъ вдругъ вспоминаетъ одинъ эпизодъ, относящійся къ девятилѣтнему возрасту. Родители вернулись однажды вечеромъ поздно домой; онъ притворился спящимъ, они легли спать, онъ услыхалъ вскорѣ тяжелое дыханіе и другіе звуки и могъ даже догадаться объ ихъ положеніи въ постели. Его дальнѣйшія мысли показываютъ, что между этими отношеніями родителей и своимъ отношеніемъ къ младшему брату онъ проводитъ аналогію. То, что происходило между родителями, онъ счелъ также проявленіемъ насилія и достигъ такимъ образомъ, какъ и многія другія дѣти, садистическаго пониманія coitus'а. Доказатель-

ствомъ этого пониманія служило ему то, что онъ замѣчалъ нерѣдко кровь въ постели матери.

Что половыя сношенія взрослыхъ вызываютъ въ дѣтяхъ, замѣчающихъ ихъ, страхъ, мы можемъ наблюдать сплошь и рядомъ. Страхъ этотъ я объясняю тѣмъ, что тутъ идетъ рѣчь о половомъ раздраженіи, которое не доступно ихъ пониманію, которое потому еще встрѣчаетъ сопротивленіе, что оно связано съ родителями, и которое благодаря этому превращается въ страхъ. Въ болѣе ранній періодъ жизни сексуальное влеченіе къ противоположному по полу родителю не подвергается оттѣсненію и проявляется, какъ мы видѣли, вполнѣ свободно.

Я примѣнилъ бы то же самое объясненіе и къ столь частымъ у дѣтей ночнымъ припадкамъ страха съ галлюцинаціями (pavor nocturnus). И тутъ мы имѣемъ передъ собой лишь непонятыя и отвергнутыя сексуальныя ощущенія, при констатированіи которыхъ обнаружилась бы, вѣроятно, правильная періодичность, такъ какъ повышеніе сексуальнаго влеченія вызывается какъ случайными возбуждающими впечатлѣніями, такъ и постоянными, періодически наступающими явленіями развитія.

Мнѣ недостаетъ нужнаго матеріала для доказательства этого утвержденія. Педіатрамъ же, напротивъ того, недостаетъ точки зрѣнія, которая единственно даетъ возможность пониманія цѣлаго ряда явленій, какъ съ соматической, такъ и съ психической ихъ стороны. Въ качествѣ курьезнаго примѣра того, какъ легко въ ослѣпленіи медицинской миѳологіей пройти мимо пониманія такихъ случаевъ я приведу одинъ случай, найденный мною въ изслѣдованіи pavor nocturnus Дебаке [17]) (стр. 66).

Одинъ тринадцатилѣтній мальчикъ чрезвычайно слабаго здоровья сталъ боязливымъ и робкимъ; сонъ его отличался безпокойнымъ характеромъ и почти регулярно разъ въ недѣлю прерывался тяжелымъ припадкомъ страха и галлюцинаціями. Воспоминанія объ этихъ сновидѣніяхъ были всегда очень отчетливы. Онъ разсказывалъ, что чортъ кричалъ ему: А, наконецъ-то, ты намъ попался?—кругомъ пахло смолой и сѣрой и его кожу обжигало пламя. Просыпаясь въ страхѣ послѣ такихъ сновидѣній, онъ въ первую минуту не былъ въ силахъ крикнуть; но потомъ голосъ возвращался къ нему и слышно было ясно, какъ онъ говорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не меня, я ничего вѣдь не сдѣлалъ», или: «Нѣтъ, нѣтъ, я никогда больше не буду!» Однажды онъ сказалъ даже: «Альбертъ не сдѣлалъ

этого!» Онъ пересталъ раздѣваться, такъ какъ, по его словамъ, «пламя обжигало его только тогда, когда онъ былъ раздѣтъ». Сновидѣнія эти грозили подорвать его здоровье, и его увезли въ деревню. Послѣ полуторагодового пребыванія тамъ онъ оправился и потомъ нѣсколько времени спустя сознался: «Je n'osais pas l'avouer, mais j'éprouvais continuellement des picotements et des surexcitations aux parties; à la fin, cela m'énervait tant que plusieurs fois, j'ai pensé me jeter par la fenêtre au dortoir».

Нетрудно догадаться, 1.—что мальчикъ раньше онанировалъ, отрицалъ, по всей вѣроятности, свою вину и слышалъ постоянныя угрозы. (Его восклицанія: «я никогда больше не буду», «Альбертъ никогда не дѣлалъ этого»): 2.—что въ періодѣ возмужалости въ немъ снова пробудилось желаніе мастурбировать, но 3.—что въ немъ возникло сопротивленіе, подавившее libido и превратившее ее въ страхъ, который впослѣдствіи включилъ въ себя и страхъ передъ тяжелою карой.

Послушаемъ, однако, выводы автора (стр. 69). «Изъ нашего изслѣдованія явствуетъ, что 1.—вліяніе половой зрѣлости у юноши со слабымъ здоровьемъ можетъ вызвать состояніе общей слабости и даже сильную анемію мозга.

2.—Такая анемія мозга вызываетъ перемѣну характера, демономаническія галлюцинаціи и чрезвычайно сильныя ночныя, а, быть можетъ, и дневныя проявленія страха.

3.—Демономанія и самообвиненія мальчика можно свести къ воздѣйствію полученнаго имъ въ дѣтствѣ религіознаго воспитанія.

4.—Всѣ эти явленія благодаря продолжительному пребыванію на воздухѣ, физическимъ упражненіямъ и возстановленію силъ послѣ періода возмужалости исчезли.

5.—Наслѣдственности и застарѣлому сифилису отца можно приписать причину образованія мозговыхъ явленій у ребенка.

И заключительныя слова: «Nous avons fait entrer cette observation dans le cadre des délirs apyrétiques d'inanition, car c'est á l'ischémie cérébrale que nous rattachons cet état particulier».

e) Первичный и вторичный процессы. Отодвиганіе.

Сдѣлавъ попытку проникнуть глубже въ психологію процессовъ сновидѣнія, я поставилъ передъ собой чрезвычайно трудную задачу, которая вообще едва ли по силамъ моимъ спо-

собностямъ. Изображать одновременность столь сложнаго явленія при помощи послѣдовательности въ изложеніи и при томъ все время казаться бездоказательнымъ—слишкомъ тяжело для меня. Это своего рода послѣдствіе того, что я при изслѣдованіи психологіи сновидѣній не могу слѣдовать за историческимъ развитіемъ своихъ взглядовъ. Основная точка зрѣнія на пониманіе сновидѣній была мнѣ дана предшествующими работами въ области психологіи неврозовъ, на которыя я здѣсь не могу и въ то же время долженъ постоянно ссылаться,—между тѣмъ какъ мнѣ лично хотѣлось бы итти обратнымъ путемъ и лишь отъ сновидѣнія перейти къ психологіи неврозовъ. Я знаю всѣ трудности, возникающія отсюда для читателя; но не знаю средствъ, какъ ихъ избѣгнуть.

Будучи неудовлетворенъ такимъ положеніемъ дѣла, я охотно останавливаюсь на другой точкѣ зрѣнія, которая повышаетъ, повидимому, цѣнность моихъ стараній. Передо мной былъ вопросъ, относительно котораго въ воззрѣніяхъ ученыхъ царила полнѣйшая разноголосица, какъ мы это видѣли въ первой главѣ. Наше разсмотрѣніе проблемы сновидѣнія удѣляло вниманіе всякаго рода возраженіямъ. Лишь два такихъ возраженія,—что сновидѣніе безсмысленно и что оно представляетъ собою соматическое явленіе,—мы категорически опровергли; всѣ остальныя противорѣчивыя воззрѣнія, однако, мы удовлетворяли въ той мѣрѣ, что въ каждомъ изъ нихъ усматривали крупинку истины. То, что сновидѣніе содержитъ въ себѣ продолженіе воспріятій и интересовъ бодрственной жизни, это вполнѣ подтвердилось раскрытіемъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. Послѣднія занимаются лишь тѣмъ, что кажется намъ существенно важнымъ и привлекаетъ нашъ интересъ. Сновидѣніе никогда не посвящаетъ себя мелочамъ. Однако, мы убѣдились и въ обратномъ: сновидѣніе собираетъ безразличные остатки предыдущаго дня и до тѣхъ поръ не можетъ овладѣть крупнымъ интересомъ, пока послѣдній до нѣкоторой степени не уклонится отъ бодрственной дѣятельности. Мы нашли, что это относится къ содержанію сновидѣнія, которое даетъ мыслямъ, скрывающимся за нимъ, выраженіе, совершенно измѣненное благодаря искаженію. Процессъ сновидѣнія, говорили мы, на основаніи законовъ механики ассоціацій значительно легче овладѣваетъ свѣжимъ или же индифферентнымъ матеріаломъ, еще не заклейменнымъ бодрственнымъ мышленіемъ; благодаря цензурѣ, онъ переноситъ психическую интенсивность со значительнаго и важнаго на индифферентное. Гипермнезія

сновидѣнія и использованіе матеріала дѣтства стали основой нашего ученія; въ нашей теоріи сновидѣнія мы приписали желанію, возникшему изъ этого матеріала, роль необходимѣйшаго двигателя при образованіи сновидѣній. Сомнѣваться въ экспериментально доказанномъ значеніи внѣшнихъ чувственныхъ раздраженій во время сна намъ, конечно, не приходило и въ голову, но мы поставили этотъ матеріалъ въ такую же зависимость отъ желанія въ сновидѣніи, въ какомъ находятся отъ него остатки дневныхъ мыслей. То, что сновидѣніе истолковываетъ объективное чувственное раздраженіе въ формѣ иллюзіи, намъ оспаривать не приходилось; однако, мы установили оставшійся неяснымъ для большинства изслѣдователей мотивъ этого толкованія. Послѣднее совершается такимъ образомъ, что воспринятый объектъ становится безвреднымъ для продолженія сна, и въ то же время способствуетъ осуществленію желанія. Субъективное раздраженіе органовъ чувство время сна, безусловно установленное, повидимому, Лэддомъ [40]), мы хотя и не считаемъ особымъ источникомъ сновидѣнія, однако, можемъ объяснить его регредіентнымъ пробужденіемъ воспоминаній, дѣйствующихъ позади сновидѣній. внутреннихъ ощущеній органическаго характера, охотно считаемыхъ исходными пунктами образованія сновидѣній, выпала довольно скромная роль. Они—въ лицѣ ощущеній паденія, летанія и связанности—представляютъ собой всегда готовый и наличный матеріалъ, которымъ въ случаѣ необходимости пользуется дѣятельность сновидѣнія для изображенія мыслей, скрывающихся за нимъ.

То, что процессъ сновидѣнія носитъ быстрый, мгновенный характеръ, представляется намъ вполнѣ правильнымъ относительно воспріятія содержанія сновидѣнія со стороны сознанія; относительно же предшествующихъ стадій процесса мы предположили, наоборотъ, болѣе медленный, спокойный темпъ. Касательно обильнаго содержанія сновидѣнія, существеннаго въ промежуткѣ мгновенія, мы говоримъ, что тутъ рѣчь идетъ о включеніи готовыхъ образованій психической жизни. То, что сновидѣніе искажается воспоминаніемъ, мы сочли правильнымъ; но по нашему мнѣнію это не служитъ отрицательнымъ показателемъ, такъ какъ является лишь послѣдней явной стадіей процесса искаженія, дѣйствующаго съ самаго начала образованія сновидѣнія. Въ ожесточенномъ и непримиримомъ спорѣ по поводу того, спитъ ли ночью душевная жизнь или же располагаетъ, какъ и днемъ, всѣми своими способностями, мы нашли долю

правду въ утвержденіяхъ какъ одной, такъ и другой стороны, хотя всецѣло не могли стать ни на одну изъ обѣихъ точекъ зрѣнія. Въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, мы нашли слѣды чрезвычайно сложной дѣятельности, осуществленной при участіи почти всѣхъ средствъ душевнаго аппарата; нельзя, однако, отрицать того, что эти мысли образовались днемъ, и нужно допустить все же, что душевная жизнь можетъ находиться въ состояніи сна. Такимъ образомъ, получилась теорія частичнаго сна; но характеристику состоянія сна мы нашли не въ распаденіи душевной жизни, а въ приспособленіи психической системы, властвующей надъ бодрственной жизнью, къ желанію спать. Изолированность отъ внѣшняго міра сохранила свое значеніе и для нашей теоріи; она помогаетъ, хотя и не въ качествѣ единственнаго момента, конструированію регрессіи изобразительной дѣятельности сновидѣнія. Отсутствіе возможности произвольнаго направленія хода представленій не подлежитъ сомнѣнію, но психическая жизнь не становится еще поэтому безцѣльной, такъ какъ мы слышали, что послѣ устраненія желаемыхъ цѣлевыхъ представленій доминирующаго положенія достигаютъ нежелательныя. Слабую ассоціаціонную связь въ сновидѣніи мы не только признали, но и приписали ея происхожденію значительно большее значеніе, чѣмъ можно было предполагать; мы убѣдились, однако, что эта слабая связь служитъ лишь вынужденной замѣной другой, законной и осмысленной. Разумѣется, и мы называли сновидѣніе абсурднымъ; но примѣры показали намъ, насколько осмысленно сновидѣніе, когда хочетъ представляться абсурднымъ. Въ вопросѣ о функціяхъ, приписываемыхъ сновидѣнію, мы соглашаемся съ большинствомъ изслѣдователей. То, что сновидѣніе «разгружаетъ» душу, точно вентиль, и что, по выраженію Роберта, многое вредное путемъ изображенія въ сновидѣніи становится безвреднымъ, не только въ точности совпадаетъ съ нашей теоріей двоякаго рода осуществленія желаній, но и въ нашемъ пониманіи становится болѣе понятнымъ, чѣмъ у Роберта; свободное проявленіе душой ея способностей соотвѣтсвуетъ у насъ предоставленію сновидѣнію свободы со стороны предсознательной дѣятельности. Возвращеніе къ эмбріональной точкѣ зрѣнія душевной жизни въ сновидѣніи и замѣчаніе Гавеллока Эллиса[13]), «an archaic world of vast emontions and imperfect thoughts» представляются намъ чрезвычайно удачнымъ предвосхищеніемъ нашего утвержденія, что примитивный, подавляемый днемъ характеръ дѣятельности участвуетъ въ образованіи сновидѣнія; какъ у Делажа[15])

такъ и у насъ «подавленное» становится движущей силой сновидѣнія.

Роль, приписываемая Шернеромъ фантазіи въ сновидѣніи, и вообще теорію Шернера мы приняли въ полномъ масштабѣ, но должны были указать ей какъ бы другое мѣсто въ проблемѣ. Не сновидѣніе создаетъ фантазію,—безсознательная дѣятельность фантазіи принимаетъ видное участіе въ образованіи мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ. Мы обязаны Шернеру указаніемъ на источникъ мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ; однако, почти все, что онъ приписываетъ дѣятельности сновидѣнія, необходимо отнести на счетъ дѣятельности активной и днемъ безсознательной сферы, которая даетъ сновидѣнію не менѣе поводовъ, чѣмъ невротическимъ симптомамъ. Дѣятельность сновидѣнія намъ пришлось отдѣлить отъ этой дѣятельности, какъ нѣчно совершенно отличное и значительно менѣе самостоятельное. Наконецъ, мы отнюдь не отрицаемъ связи сновидѣнія съ душевными разстройствами; наоборотъ, мы только прочнѣе укрѣпили ее,—правда, съ другой точки зрѣнія.

Будучи объединены въ одно новое цѣлое нашимъ ученіемъ о сновидѣніи, различныя и зачастую противорѣчивыя воззрѣнія изслѣдователей были приняты нами за исключеніемъ очень немногихъ. Но наша постройка еще не закончена. Не говоря уже о многихъ неясностяхъ, на которыя мы натолкнулись при попыткѣ проникнуть въ глубь психологіи, мы стоимъ сейчасъ передъ новымъ противорѣчіемъ. Съ одной стороны, мы говорили, что мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ, возникаютъ путемъ совершенно нормальной умственной дѣятельности,—съ другой же стороны, мы усмотрѣли, однако, и цѣлый рядъ анормальныхъ мыслительныхъ процессовъ среди этихъ мыслей, а отъ нихъ и въ содержаніи сновидѣнія, которыя мы повторяемъ затѣмъ при толкованіи послѣдняго. Все, что мы называли «дѣятельностью сновидѣнія», такъ далеко, повидимому, отъ извѣстныхъ намъ нормальныхъ психическихъ процессовъ, что самыя рѣзкія сужденія авторовъ относительно ничтожества психической функціи сновидѣнія представляются намъ вполнѣ обоснованными.

Здѣсь мы сумѣемъ разобраться, лишь углубившись еще больше въ интересующую насъ проблему.

Мы убѣдились, что сновидѣніе замѣщаетъ рядъ мыслей, проистекающихъ изъ нашей дневной мысли и вполнѣ логично связанныхъ другъ съ другомъ. Мы не можемъ поэтому сомнѣ-

ваться, что эти мысли проистекаютъ изъ нашей нормальной духовной жизни. Въ мысляхъ, скрывающихся за сновидѣніемъ, мы находимъ всѣ свойства, которыя столь высоко цѣнимъ въ своихъ бодрственныхъ мысляхъ и которыя характеризуютъ ихъ, какъ сложные продукты дѣятельности высшаго ранга. Нѣтъ, однако, никакой надобности предполагать, будто это мышленіе совершается во время сна; но это разрушило бы наше представленіе о психическомъ состояніи сна. Однако, эти мысли могутъ скорѣе проистекать изъ дневной работы; незамѣтно для сознанія, онѣ могутъ продолжиться и въ періодъ засыпанія предстать въ готовомъ видѣ. Изъ всего этого мы можемъ заключить развѣ лишь то, что наисложнѣйшая мыслительная дѣятельность возможна безъ участія сознанія; это, впрочемъ, намъ извѣстно изъ психоанализа любого истерика или лица, страдающаго навязчивыми представленіями. Эти мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ сами по себѣ, несомнѣнно, способны доходить до сознанія; если мы не сознаемъ ихъ въ теченіе дня, то на это есть цѣлый рядъ различныхъ причинъ. Осознаваніе связано съ обращеніемъ къ опредѣленной психической функціи, вниманіемъ, которая используется, повидимому, лишь въ опредѣленномъ масштабѣ Другой способъ, какимъ образомъ эти мысли изъемлются изъ вѣдѣнія сознанія состоитъ въ слѣдующемъ. Наше сознательное мышленіе показываетъ, что при использованіи вниманія мы идемъ по опредѣленному пути. Если на этомъ пути мы наталкиваемся на представленіе, не способное выдержать вліяніе критики, то мы поворачиваемъ обратно. Начатый и оставленный ходъ мыслей можетъ быть продолженъ затѣмъ безъ участія вниманія, если только онъ въ какомъ-либо пунктѣ не достигаетъ особенно высокой интенсивности, приковывающей вниманіе. Начальное, совершенное при помощи сознанія отверженіе мысли посредствомъ сужденія о ея неправильности или непригодности для насущныхъ цѣлей мыслительнаго акта, можетъ быть, слѣдовательно, причиной того, что мыслительный процессъ незамѣтно для сознанія продолжается вплоть до засыпанія.

Такой ходъ мыслей мы называемъ предсознательнымъ, считаемъ его вполнѣ законнымъ и полагаемъ, что онъ можетъ быть въ равной мѣрѣ какъ неважнымъ и ничтожнымъ, такъ и отрывочнымъ и подавленнымъ. Замѣтимъ далѣе, вкратцѣ, въ какомъ видѣ рисуется намъ ходъ представленій. Мы полагаемъ, что отъ цѣлевого представленія вдоль по избраннымъ имъ ассоціаціоннымъ путямъ движется нѣкоторая единица раздраженія. «Ничтожный» ходъ мыслей такого раздраженія вообще

не имѣетъ; отъ «подавленнаго» же оно можетъ отводиться обратно; и оба предоставляются ихъ собственнымъ раздраженіямъ. Цѣлесообразный ходъ мыслей способенъ при извѣстныхъ условіяхъ привлекать къ себѣ вниманіе сознанія; черезъ посредство его онъ получаетъ тогда «переводъ». Наше пониманіе природы и функцій сознанія мы разовьемъ детальнѣе ниже.

Такой, укрѣпленный предсознательной сферой ходъ мыслей можетъ неожиданно исчезнуть или же удержаться. Первый случай представляется намъ такимъ образомъ, что его энергія диффундируетъ по всѣмъ переходящимъ отъ него ассоціаціоннымъ направленіямъ и повергаетъ всю цѣпь мыслей въ состояніе возбужденія, которое поддерживается на мгновеніе, а потомъ разомъ исчезаетъ. Въ этомъ случаѣ весь процессъ не имѣетъ никакого значенія для образованія сновидѣній. Въ нащей предсознательной сферѣ имѣются, однако, другія цѣлевыя представленія, проистекающія изъ источниковъ нашихъ безсознательныхъ и постоянно активныхъ желаній. Послѣднія могутъ овладѣть раздраженіемъ въ предоставленномъ себѣ самому кругѣ мыслей; онѣ образуютъ связь между нимъ и безсознательнымъ желаніемъ переносятъ на него свойственную безсознательному желанію энергію, и съ этого момента ничтожный или подавленный ходъ мыслей способенъ удержаться, хотя благодаря этому укрѣпленію онъ не можетъ все же претендовать на доступъ къ сознанію. Мы можемъ сказать, что до сихъ поръ предсознательный ходъ мыслей переводится въ сферу безсознательнаго.

Другіе случаи образованія сновидѣній могутъ быть слѣдующіе: предсознательный ходъ мыслей съ самаго начала соединяется съ безсознательнымъ желаніемъ и потому наталкивается на отпоръ со стороны господствующаго цѣлевого устремленія; или же безсознательное желаніе пробуждается по другимъ (напр., соматическимъ) мотивамъ и самостоятельно добивается перенесенія на психическіе остатки, не обусловленные системой Прс. Всѣ эти три случая сходятся въ концѣ концовъ въ одномъ и томъ же выводѣ: въ предсознательной сферѣ образуется ходъ мыслей, который, будучи лишенъ подкрѣпленія со стороны этой сферы, находитъ другое со стороны безсознательнаго желанія.

Вслѣдъ за этимъ мысли претерпѣваютъ цѣлый рядъ преобразованій, которыя мы не считаемъ уже нормальными психическими процессами и которыя даютъ въ результатѣ психопатологическое явленіе. Постараемся же въ дальнѣйшемъ охарактеризовать и сопоставить эти преобразованія.

1. Интенсивности отдѣльныхъ представленій переходятъ съ

одного представленія такъ что въ результатѣ образуются представленія, обладающія чрезвычайно высокой интенсивностью. Послѣ многократнаго повторенія этого процесса интенсивность цѣлаго хода мыслей можетъ скопиться въ концѣ концовъ на одномъ представленіи. Это-то и есть процессъ компрессіи или сгущенія, съ которымъ мы познакомились при разсмотрѣніи дѣятельности сновидѣнія. Онъ, главнымъ образомъ, и повиненъ въ томъ странномъ впечатлѣніи, которое оказываетъ сновидѣніе, такъ какъ ничего, аналогичнаго ему, мы въ нормальной и доступной для сознанія душевной жизни не знаемъ. Мы имѣемъ и здѣсь представленія, которыя въ качествѣ узловыхъ пунктовъ или конечнаго вывода цѣлыхъ цѣпей мыслей обладаютъ крупнымъ психическимъ значеніемъ; однако, эта цѣнность не обнаруживается въ какомъ-либо очевидномъ для внутренняго восприятія характерѣ; представленіе, связанное съ нею, отнюдь не становится интенсивнымъ. Въ прогрессѣ сгущенія вся психическая связь превращается въ интенсивность содержанія представленій. Это аналогично тому, какъ если какое-либо слово въ книгѣ, которому я придаю особое значеніе для пониманія остального текста, я даю набрать жирнымъ шрифтомъ. Въ разговорѣ я произнесъ бы это слово громко, медленно и съ удареніемъ. Первое сравненіе ведетъ непосредственно къ примѣру, заимствованному изъ дѣятельности сновидѣнія (триметиламинъ въ сновидѣніи объ инъекціи Ирмѣ). Историки искусства обращаютъ наше вниманіе на то, что древнѣйшія историческія скульпторы слѣдуютъ тому же принципу, выражая степень общественнаго положенія изображаемыхъ лицъ соотвѣтственной величиной статуи. Царь изображается вдвое или втрое выше, чѣмъ его свита или побѣжденный противникъ. Произведенія скульпторы римской эпохи прибѣгаютъ для достиженія тѣхъ же цѣлей къ болѣе утонченнымъ средствамъ. Ваятель помѣститъ фигуру императора посрединѣ, придастъ ему величественную осанку, приложитъ особое стараніе къ отдѣлкѣ его фигуры, расположитъ враговъ у его ногъ, но уже отнюдь не станетъ изображать его великаномъ среди карликовъ. Однако, преклоненіе подчиненныхъ передъ главенствующимъ представляетъ собою еще и въ настояшее время пережитокъ этого древнѣйшаго принципа изображенія.

Направленіе, по которому протекаетъ процессъ сгущенія сновидѣнія, указывается, съ одной стороны, логичной, предсознательной связью мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, съ другой же, привлеченіемъ со стороны зрительныхъ воспоми-

наній въ сферѣ безсознательнаго. Результатъ процесса сгущенія направленъ на достиженіе тѣхъ интенсивностей, которыя необходимы для сопротивленія системамъ воспріятія.

2. Благодаря свободному перенесенію интенсивности и въ цѣляхъ сгущенія образуются посредствующія представленія— своего рода компромиссы (ср. многочисленные примѣры). Это опять-таки нѣчто небывалое въ нормальномъ ходѣ представленій, въ которомъ дѣло идетъ прежде всего о подборѣ и фиксаціи «правильныхъ» элементовъ представленій. Напротивъ того, сложныя и компромиссныя образованія встрѣчаются очень часто, когда мы подыскиваемъ словесныя выраженія предсознательнымъ мыслямъ. Такія образованія приводятся въ качествѣ нѣкоторыхъ видовъ «оговорокъ».

3. Представленія, переносящія одно на другое свои интенсивности, находятся другъ съ другомъ въ чрезвычайно слабой связи и объединяются такими ассоціаціями, которыя пренебрегаются нашимъ мышленіемъ и используются только остроуміемъ. Равноцѣнными другимъ являются особенно ассоціаціи по созвучію.

4. Противорѣчивыя мысли вовсе не стремятся уничтожить одна другую,—онѣ существуетъ одна подлѣ другой и очень часто, какъ будто между ними не существовало противорѣчія, объединяются въ продукты сгущенія, или же образуютъ компромиссы, которые мы никогда не простили бы нашему мышленію, но съ которыми мы охотно соглашаемся въ нашей дѣятельности.

Таковы нѣкоторые изъ наиболѣе частыхъ нормальныхъ процессовъ, которымъ въ теченіе дѣятельности сновидѣнія подвергаются предварительно вполнѣ раціонально образованныя мысли. Преобладающимъ характеромъ послѣднихъ служитъ то, что всѣ старанія устремляются на приданіе подвижности элементу интенсивности; содержаніе и значеніе психическихъ элементовъ, съ которыми связаны эти интенсивности, отходятъ на второй планъ. Можно было бы предположить, что сгущеніе и образованіе компромиссовъ совершается лишь въ помощь регрессіи, если рѣчь идетъ о превращеніи мысли въ образы. Однако, анализъ и еще въ болѣе рѣзко выраженной формѣ синтезъ такихъ сновидѣній, въ которыхъ отсутствуетъ регрессія, какъ напр. въ сновидѣніи «автодидаскеръ-разговоръ съ гофратомъ Н.», обнаруживаютъ тѣ же самые процессы сгущенія и оттѣсненія, какъ и другія.

Такимъ образомъ мы не можемъ оспаривать мысль, что въ образованіи сновидѣній принимаютъ участіе двоякаго рода

совершенно различные по существу, психическіе процессы. Одинъ изъ нихъ создаетъ вполнѣ корректныя, равноцѣнныя съ нормальнымъ мышленіемъ, мысли, полагаемыя въ основу сновидѣнія; другой же относится къ нимъ въ высшей степени странно и некорректно. Послѣдній процессъ мы уже въ главѣ VI-ой выдѣлили въ качествѣ самой дѣятельности сновидѣнія. Что же можемъ мы, однако, сказать относительно происхожденія этого психическаго процесса?

Мы не могли бы отвѣтить на этотъ вопросъ, если бы не углубились нѣсколько въ психологію невроза, особенно же истеріи. Тутъ мы узнали, однако, что тѣ же самые некорректные психическіе процессы—и еще другіе, не упомянутые—обусловливаютъ образованіе истерическихъ симптомовъ. Въ истеріи мы находимъ также цѣлый рядъ вполнѣ корректныхъ мыслей, равноцѣнныхъ нашему сознательному мышленію, о наличности которыхъ въ этой формѣ мы узнать ничего не можемъ и которыя мы возстановляемъ лишь впослѣдствіи. Если онѣ когда-нибудь проникаютъ къ нашему воспріятію, то изъ анализа образованнаго симптома мы усматриваемъ, что эти нормальныя мысли претерпѣли анормальное воздѣйствіе и были перенесены въ симптомъ при посредствѣ сгущенія, образованія компромисса, чрезъ поверхностныя ассоціации, подъ прикрытіемъ противорѣчій, а также и путемъ регрессіи. При полной идентичности своеобразныхъ особенностей дѣятельности сновидѣнія и психической дѣятельности, которая продуцируетъ психоневротическіе симптомы, мы будемъ вправѣ перенести на сновидѣніе тѣ выводы, которые даетъ намъ истерія.

Изъ ученія объ истеріи мы заимствуемъ то положеніе, что такая анормальная психическая обработка нормальнаго хода мыслей проявляется лишь тогда, когда онъ становится перенесеніемъ безсознательнаго желанія, которое проистекаетъ изъ дѣтскаго матеріала и подверглось оттѣсненію. Ради этого принципа мы обосновали теорію сновидѣнія тѣмъ предположеніемъ, что активное желаніе сновидѣнія проистекаетъ всегда изъ сферы безсознательнаго, что, какъ мы сами признавались, не всегда можетъ быть доказано, но и не можетъ быть опровергнуто. Чтобы имѣть возможность, однако, точнѣе опредѣлить, что представляетъ собою «оттѣсненіе», съ которымъ мы не разъ уже встрѣчались, намъ придется продолжить нѣсколько возведеніе нашего психологическаго зданія.

Мы углубились въ разсмотрѣніе фикціи примитивнаго психическаго аппарата, дѣятельность котораго направляется стрем-

леніемъ избѣгнуть накопленія раздраженія. Онъ былъ конструированъ поэтому по схемѣ рефлекторнаго аппарата; моторность, какъ путь къ внутреннему измѣненію тѣла, была находившимся въ его распоряженіи отводнымъ путемъ. Мы коснулись, далѣе, психическихъ послѣдствій ощущенія удовлетворенія и могли бы допустить и второе предположеніе: что накопленіе раздраженія— различными, насъ не интересующими способами—испытывается въ формѣ непріятнаго ощущенія и приводитъ аппаратъ въ движеніе, чтобы вновь вызвать чувство удовлетворенія, при которомъ ослабленіе раздраженія испытывается въ формѣ пріятнаго ощущенія. Такое, исходящее изъ непріятнаго ощущенія и направленное къ пріятному теченіе въ аппаратѣ мы называемъ желаніемъ; мы говорили, что ничто, кромѣ желанія, не можетъ привести въ движеніе аппаратъ, и что ходъ раздраженія въ немъ автоматически регулируется пріятными и непріятными ощущеніями. Первымъ желаніемъ является, повидимому, галлюцинаторное воспроизведеніе воспоминанія объ удовлетвореніи. Въ случаѣ, однако, когда эта галлюцинація не удерживается до конца, она неспособна вызвать утоленіе потребности, т. е. пріятное чувство, связанное съ удовлетвореніемъ.

Такимъ образомъ, оказалась необходимой вторая дѣятельность,—на нашемъ языкѣ, дѣятельность второй системы, которая не позволяла бы, чтобы воспоминаніе проникало къ воспріятію и оттуда связывало психическія силы; оно должно направлять раздраженіе, исходящее изъ потребности на обходный путь, который черезъ посредство произвольный моторности настолько измѣняетъ внѣшній міръ, что можетъ наступить реальное воспріятіе объекта удовлетворенія. До сихъ поръ мы уже прослѣживали схему психическаго аппарата; обѣ системы представляютъ собою то, что во вполнѣ законченномъ аппаратѣ мы назвали Бзс. и Прс.

Чтобы имѣть возможность посредствомъ моторности цѣлесобразно измѣнять внѣшній міръ, необходимо накопленіе нѣкоторой суммы наблюденій въ системахъ воспоминаній и различнаго рода фиксированіе взаимоотношеній вызываемыхъ въ этомъ матеріалѣ воспоминаній различными цѣлевыми представленіями. Продолжаемъ наши предположенія. Проявляющаяся ощупью, посылающая энергію и вновь ее возращающая дѣятельность второй системы нуждается, съ одной стороны, въ свободномъ распоряженіи всѣмъ матеріаломъ воспоминаній; съ другой стороны, было бы излишней расточительностью, если бы она посылала чрезмѣрныя количества энергіи на отдѣльные пути мышленія,

которые протекали бы въ этомъ случаѣ весьма нецѣлесообразно и ограничили бы количество, необходимое для измѣненія внѣшняго міра. Въ виду этой цѣлесообразности я и предполагаю, слѣдовательно, что второй системѣ удается сохранить большую часть энергіи и использовать для отодвиганія лишь небольшое количество ея. Механизмъ этихъ процессовъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ; кто захотѣлъ бы серьезно заняться этимъ, тотъ долженъ былъ бы подобрать аналогію изъ физики и проложить себѣ путь къ пониманію процесса движенія при раздраженіи невроновъ. Я настаиваю лишь на томъ, что дѣятельность первой Ψ-системы направлена на свободное прохожденіе раздраженій, и что вторая система благодаря исходящимъ отъ нея воздѣйствіямъ вызываетъ парализованіе этого прохожденія. Я предполагаю, слѣдовательно, что прохожденіе раздраженія при господствѣ второй системы связуется съ совершенно другими механическими моментами, чѣмъ при господствѣ первой. Когда вторая система заканчиваетъ свою критическую мыслительную дѣятельность, парализованіе раздраженій отпадаетъ, что даетъ возможность ихъ прохожденію къ системѣ моторности.

Мы приходимъ къ чрезвычайно любопытному заключенію, если примемъ во вниманіе отношеніе этого парализованія со стороны другой системы къ регулированію принципомъ непріятнаго ощущенія. Возьмемъ противоположность непосредственнаго ощущенія удовлетворенія—о щ у щ е н і е с т р а х а. На примитивный аппаратъ дѣйствуетъ здѣсь раздраженіе воспріятія, которое является источникомъ ощущенія страха. Въ результатѣ безпорядочныя моторныя проявленія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока одно изъ нихъ не изъемлетъ аппаратъ отъ воздѣйствія воспріятія; при повтореніи воспріятія будутъ повторяться и эти проявленія (напримѣръ, готовность къ бѣгству) до тѣхъ поръ, пока воспріятіе вновь не исчезнетъ. Здѣсь не будетъ уже, однако, на-лицо склонности галлюцинаторно или еще какимъ-либо образомъ вновь укрѣпить источникъ непріятнаго ощущенія. Напротивъ того, въ примитивномъ аппаратѣ будетъ заложена склонность тотчасъ же по пробужденіи непріятнаго воспоминанія уклониться отъ него, ибо переходъ его раздраженія на воспріятія вызвалъ бы (вѣрное: начинаетъ вызывать) непріятное ощущеніе. Уклоненіе отъ воспоминанія, являющееся лишь повтореніемъ прежняго бѣгства отъ воспріятія, облегчается еще и тѣмъ, что воспоминаніе, въ противоположность воспріятію, не обладаетъ достаточной способностью возбудить сознаніе и тѣмъ самымъ привлечь къ себѣ новое подкрѣпленіе. Это легко и ре-

гулярно совершающееся отклоненіе психическаго процесса отъ воспоминанія о чемъ-либо, въ свое время непріятномъ даетъ намъ образчикъ и первый примѣръ психическаго оттѣсненія. Общеизвѣстно, сколько такого отворачиванія отъ непріятныхъ ощущеній, сколько такой тактики стража заложено въ нормальной душевной жизни взрослаго человѣка.

Вслѣдствіе принципа непріятнаго ощущенія первая Ψ-система не можетъ, слѣдовательно, включить въ общую цѣпь мышленія что-либо непріятное. Эта система можетъ только желать. Но если бы дѣло этимъ и ограничивалось, то была бы парализована мыслительная дѣятельность второй системы, которой необходимо распоряженіе всѣми имѣющимися на-лицо воспоминаніями. Тутъ открываются два пути: либо дѣятельность второй системы освобождается отъ зависимости отъ принципа непріятнаго ощущенія и продолжаетъ свой путь, не обращая вниманія на непріятныя воспоминанія; либо же находитъ возможность такъ связать непріятное воспоминаніе, что оно не вызоветъ непріятнаго ощущенія. Первую возможность мы должны отвергнуть, такъ какъ принципъ непріятнаго ощущенія оказывается и регуляторомъ хода раздраженій второй системы; тѣмъ самымъ остается лишь вторая система, которая такъ связываетъ воспоминаніе, что парализуетъ всѣ его вліянія, между прочимъ, слѣдовательно, и аналогичный моторной иннерваціи процессъ вызыванія непріятнаго ощущенія. Къ той гипотезѣ, что укрѣпленіе со стороны второй системы означаетъ въ то же время и парализованіе отвода раздраженія, насъ приводятъ два исходныхъ пункта: принципъ непріятнаго ощущенія и процессъ ничтожной иннерваціонной затраты. Итакъ, скажемъ,—это и есть ключъ ко всему ученію объ оттѣсненіи, что вторая система можетъ лишь въ томъ случаѣ укрѣпить представленіе, если она способна парализовать исходящее отъ него развитіе непріятнаго ощущенія.

То, что уклоняется отъ этого парализованія, остается недоступнымъ для второй системы и должно быть покинуто въ силу принципа непріятнаго ощущенія: парализованіе послѣдняго, однако, не должно быть вовсе полнымъ; наоборотъ, начало его должно быть допущено,—оно должно обнаружить передъ второй системой природу воспоминанія и степень его пригодности для цѣли, поставленной передъ собою мышленіемъ.

Психическій процессъ, который самостоятельно допускаетъ первая система, я буду называть теперь первичнымъ процессомъ; другой же, совершающійся подъ воздѣйствіемъ второй системы, вторичнымъ. Еще въ одномъ пунктѣ я могу по

казать, съ какой цѣлью приходится второй системѣ исправлять первичный процессъ. Первичный процессъ способствуетъ прохожденію раздраженія, чтобы съ помощью накопленной такимъ образомъ величины послѣдняго образовать идентичность воспріятія; вторичный процессъ оставляетъ это намѣреніе и вмѣсто него задается другимъ,—образовать идентичность мышленія. Все мышленіе есть лишь обходный путь отъ принимаемаго въ качествѣ цѣлевого представленія воспоминанія объ удовлетвореніи до идентичнаго овладѣнія тѣмъ же воспоминаніемъ, что достигается вновь черезъ посредство моторной системы. Мышленіе должно интересоваться соединительными путями между представленіями, не давая вводить себя въ заблужденіе ихъ интенсивностью. Ясно однако, что сгущеніе представленій, посредствующія и компромиссныя образованія препятствуютъ достиженію этой цѣли идентичности; замѣняя одно представленіе другимъ, они уклоняются съ пути, который велъ отъ перваго. Такихъ процессовъ вторичное мышленіе тщательно избѣгаетъ. Нетрудно понять также, что принципъ непріятнаго ощущенія ставитъ препятствія на пути къ достиженію идентичности мышленія мыслительному процессу, которому обычно предоставляетъ важнѣйшіе исходные пункты. Тенденція мышленія должна, такимъ образомъ, клониться въ сторону освобожденія отъ исключительнаго господства принципа непріятнаго ощущенія; оно должно ограничивать до минимума развитіе аффектовъ. Это улучшеніе результата дѣятельности должно совершаться при помощи новаго воздѣйствія со стороны сновидѣнія. Мы знаемъ, однако, что это удается вполнѣ чрезвычайно рѣдко даже въ наинормальнѣйшей психической жизни: наше мышленіе постоянно доступно извращенію, благодаря включенію принципа непріятнаго ощущенія.

Но не это является дефектомъ функціональной способности нашего душевнаго аппарата, благодаря которому мысли, являющіяся результатомъ вторичной мыслительной дѣятельности, подвергаются воздѣйствію первичнаго психическаго процесса. Этой формулой мы и воспользуемся теперь для изображенія процесса, приводящаго въ результатѣ къ сновидѣнію и къ истерическимъ симптомамъ. Отрицательный случай наблюдается при совпаденіи двухъ моментовъ изъ исторіи нашего развитія,—изъ которыхъ одинъ всецѣло относится къ душевному аппарату и оказываетъ могущественное вліяніе на соотношеніе обѣихъ системъ, другой же включаетъ въ душевную жизнь движущія силы органическаго происхожденія. Оба проистекаютъ изъ

періода дѣтства и являются осадкомъ того измѣненія, которое претерпѣлъ съ дѣтства нашъ психическій и соматическій организмъ.

Если одинъ психическій процессъ въ душевномъ аппаратѣ я назвалъ первичнымъ, то я сдѣлалъ это не только изъ соображеній іерархіи, а руководился и соотношеніемъ обоихъ процессовъ во времени. Хотя психическаго аппарата, который обладалъ бы всего однимъ первичнымъ процессомъ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ и онъ является поэтому лишь психической фикціей,—однако, несомнѣнно то, что первичные процессы въ немъ даны съ самаго начала, между тѣмъ какъ вторичные развиваются лишь постепенно, парализуютъ первые, но полнаго господства надъ нами достигаютъ лишь въ зенитѣ жизни. Вслѣдствіе этого запоздалаго проявленія вторичныхъ процессовъ ядро нашей натуры, состоящее изъ безсознательныхъ желаній, остается въ неприкосновенности и не подвергается парализованію со стороны предсознательной сферы, роль которой разъ навсегда ограничена указаніемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ путей желаніямъ, проистекающимъ изъ сферы безсознательнаго. Эти безсознательныя желанія налагаютъ на всѣ послѣдующія стремленія гнетъ, которому они должны подчиниться; они могутъ, однако, стараться отклонить его и направить на болѣе высокія цѣли. Обширная область матеріала воспоминаній остается, благодаря запоздалому воздѣйствію предсознательной сферы, совершенно недоступной.

Среди этихъ неразрушимыхъ и недоступныхъ парализованію желаній находятся и такія, осуществленіе которыхъ становится въ противорѣчіе съ цѣлевыми представленіями вторичнаго мышленія. Осуществленіе этихъ желаній вызвало бы уже не пріятное, а непріятное ощущеніе и какъ разъ это-то превращеніе аффектовъ и составляетъ сущность того, что мы называемъ «оттѣсненіемъ» и въ чемъ усматриваемъ дѣтскую стадію осужденія (отклоненія при посредствѣ сужденія). Какимъ путемъ, при помощи какихъ движущихъ силъ совершается это превращеніе,—это и образуетъ проблему оттѣсненія, которой намъ достаточно коснуться здѣсь только вскользь. Намъ достаточно указать на то, что такое превращеніе аффектовъ совершается въ теченіе развитія (вспомнимъ хотя бы о появленіи первоначально отсутствующаго отвращенія въ дѣтствѣ) и что оно связано съ дѣятельностью второй системы. Воспоминанія, изъ которыхъ безсознательное желаніе вызываетъ проявленіе аффектовъ, никогда не бываютъ доступны системѣ

Прс.; поэтому-то это проявленіе аффектовъ и не подвергается парализованію. Именно благодаря этому проявленію аффектовъ, эти представленія недоступны теперь и со стороны предсознательныхъ мыслей, на которыя они перенесли свою силу желанія. На сцену выступаетъ принципъ непріятнаго ощущенія и заставляетъ систему Прс. отвратиться отъ этихъ мыслей. Послѣднія предоставляются самимъ себѣ, и, такимъ образомъ, наличность дѣтскаго комплекса воспоминаній становится основнымъ условіемъ оттѣсненія.

Въ лучшемъ случаѣ проявленіе непріятнаго ощущенія прекращается, какъ только система Прс. отвращается отъ мыслей; этотъ случай характеризуетъ цѣлесообразность вмѣшательства принципа непріятнаго ощущенія. Иначе обстоитъ дѣло, однако, въ томъ случаѣ, когда оттѣсненное безсознательное желаніе получаетъ органическое подкрѣпленіе, которое оно можетъ ссудить своимъ мыслямъ; тѣмъ самымъ оно даетъ имъ возможность вмѣстѣ съ раздраженіемъ произвести попытку проникнуть далѣе и тогда даже, когда система Прс. отъ нихъ уже отвернулась. Дѣло доходитъ тогда до борьбы,—система Прс. укрѣпляетъ противодѣйствующую оттѣсненнымъ мыслямъ,—и, далѣе, до побѣды мыслей, носителей безсознательнаго; побѣда эта выражается въ образованіи симптома. Съ того момента, однако, когда оттѣсненныя мысли получаютъ сильное подкрѣпленіе со стороны безсознательнаго желанія и покидаются предсознательной сферой, онѣ подвергаются воздѣйствію первичнаго психическаго процесса, устремляются исключительно къ моторному выходу или же, если путь открытъ, къ галлюцинаторному оживленію желательной идентичности воспріятія. Ранѣе мы нашли эмпирически, что описанные неправильные процессы совершаются лишь съ мыслями, подвергнутыми оттѣсненію. Сейчасъ мы пойдемъ дальше. Эти неправильные процессы суть первичные процессы въ психическомъ аппаратѣ; они совершаются повсюду тамъ, гдѣ представленія покидаются сферой предсознательнаго, предоставляются самимъ себѣ и могутъ найти себѣ осуществленіе благодаря свободной, стремящейся къ выходу энергіи изъ сферы безсознательнаго. Нѣкоторыя другія наблюденія поддерживаютъ тотъ взглядъ, что эти, такъ называемые, неправильные процессы не представляютъ собой фальсификаціи нормальныхъ ошибокъ мышленія, а лишь не доступныя парализованію формы дѣятельности психическаго аппарата. Такъ, мы видимъ, что сведеніе предсознательнаго раздраженія къ моторности совершается тѣмъ же путемъ и что соединеніе безсознательныхъ представ-

леній со словами легко обнаруживаетъ такія же, приписываемыя невниманію передвиганія и смѣшенія. Наконецъ, и доказательство прироста дѣятельности, необходимаго при парализованіи этихъ первичныхъ процессовъ, вытекаетъ изъ того факта, что мы достигаемъ комическаго эффекта, нѣкотораго избытка, выливающагося въ форму смѣха, когда даемъ возможность этимъ процессамъ мышленія проникнуть къ сознанію.

Теорія психоневрозовъ утверждаетъ съ полной категоричностью, что лишь сексуальныя желанія изъ періода дѣтства могутъ претерпѣвать въ ходѣ развитія процессъ оттѣсненія (превращенія аффектовъ); въ дальнѣйшія фазы развитія они способны вновь воскреснуть,—будь то вслѣдствіе сексуальной конституціи, которая возникаетъ изъ первоначальной бисексуальности, будь то вслѣдствіе неблагопріятныхъ вліяній половой жизни,—и дать движущія силы для образованія любого психоневротическаго симптома. Лишь включеніемъ этихъ сексуальныхъ силъ можно заполнить пробѣлы, все еще обнаруживамые теоріей оттѣсненія. Я оставляю безъ разсмотрѣнія вопросъ, можетъ ли требованіе сексуальнаго и дѣтскаго элемента относиться и къ теоріи сновидѣнія; я оставляю эту теорію незаконченной, потому что и такъ уже предположеніемъ, будто сновидѣніе всякій разъ проистекаетъ изъ безсознательнаго, я переступилъ рамки доказуемаго *). Я не намѣренъ также продолжать изслѣдованіе того, въ чемъ состоитъ различіе въ проявленіи психическихъ силъ при образованіи сновидѣній и при образованіи истерическихъ симптомовъ; для этого намъ недостаетъ точнаго знакомства съ однимъ изъ подлежащихъ здѣсь сравненію звеньевъ. Но другому пункту зато я придаю большое значеніе и долженъ откровенно признаться, что я лишь ради

*) Эти и другіе пробѣлы моей разработки вопроса я оставляю вполнѣ сознательно, такъ какъ заполненіе ихъ потребовало бы, съ одной стороны, чрезвычайно большого труда, съ другой же, обоснованія матеріаломъ, совершенно чуждымъ сновидѣнію. Такъ, напримѣръ, я избѣгалъ указывать на то, разумѣю ли я подъ словомъ «подавленный» нѣчто иное, чѣмъ подъ словомъ «оттѣсненный». На самомъ дѣлѣ ясно, конечно, что послѣднее сильнѣе подчеркиваетъ связь съ безсознательнымъ, нежели первое. Я не входилъ въ разсмотрѣніе и того вопроса, почему мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ, претерпѣваютъ искаженіе со стороны цензуры и въ томъ случаѣ, когда онѣ отказываются отъ поступательнаго движенія къ сознанію и избираютъ путь регрессіи. Моей задачей было прежде всего очертить рамки вопросовъ, къ которымъ ведетъ дальнѣйшее расчлененіе дѣятельности сновидѣнія, и указать на другія темы, съ которыми скрещивается данная проблема. Рѣшеніе, въ какомъ мѣстѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ прерывать изложеніе, было для меня всегда очень трудно.—То, что я недоста-

этого пункта предпринялъ все разсмотрѣніе двухъ психическихъ системъ, ихъ дѣятельности и процесса оттѣсненія. Рѣчь идетъ теперь не о томъ, правильно ли я понялъ всѣ эти психологическіе процессы или же неправильно и недостаточно; послѣднее легко возможно въ столь сложномъ вопросѣ. Какое бы направленіе ни приняло толкованіе психической цензуры, нормальной и анормальной обработки содержанія сновидѣнія,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти процессы дѣйствительно имѣютъ мѣсто при образованіи сновидѣнія и что они обнаруживаютъ величайшую аналогію по существу съ процессами, установленными нами при образованіи истерическихъ симптомовъ. Сновидѣніе—не патологическое явленіе; оно не предполагаетъ нарушенія психическаго равновѣсія, оно не ослабляетъ психической работоспособности. Возраженіе, будто мои сновидѣнія и сновидѣнія моихъ невротическихъ паціентовъ не даютъ еще права судить о сновидѣніяхъ здоровыхъ людей, слѣдуетъ отвергнуть безъ разсмотрѣнія. Если мы, такимъ образомъ, по явленіямъ судимъ объ ихъ движущихъ силахъ, то мы приходимъ къ тому заключенію, что психическій механизмъ, которымъ пользуется неврозъ, вовсе не создается болѣзненнымъ разстройствомъ, овладѣвающимъ нашей душевною жизнью, а имѣется на-лицо въ нормальной структурѣ психическаго аппарата. Обѣ психическія системы, переходная цензура между ними, парализованіе одной со стороны другой, отношеніе обѣихъ къ сознанію—или то, наличность чего мы могли бы вывести изъ болѣе правильнаго пониманія фактическаго положенія вещей,—все это относиться къ нормальной структурѣ нашего душевнаго аппарата, и сновидѣніе указываетъ намъ одинъ изъ путей, ведущихъ

точно исчерпывающе выяснилъ роль сексуальныхъ представленій въ сновидѣніи и избѣгалъ толкованія сновидѣній съ явно сексуальнымъ содержаніемъ, покоится на особыхъ мотивахъ, вѣроятно, не соотвѣтствующихъ ожиданіямъ читателя. Мои взгляды и воззрѣнія, защищаемые мною въ невропатологіи, чрезвычайно далеки отъ того, чтобы видѣть въ половой жизни какую-то запретную область, которая не можетъ интересовать ни врача, ни научнаго изслѣдователя. Мнѣ казалось смѣшнымъ нравственное негодованіе, которымъ руководился, повидимому, переводчикъ «символики сновидѣній» Артемидора изъ Дальдиса, когда выпустилъ главу о сексуальныхъ сновидѣніяхъ. [Впослѣдствіи онъ лично сообщилъ мнѣ, что дѣйствовалъ такъ по настоянію издателя]. Для меня единственно рѣшающимъ моментомъ было лишь то, что при разсмотрѣніи сексуальныхъ сновидѣній мнѣ пришлось бы углубиться въ далеко не рѣшенныя еще проблемы половыхъ извращеній и бисексуальности; весь этотъ матеріалъ я счелъ лучшимъ приберечь для другого, спеціальнаго изслѣдованія.

къ познанію этой структуры. Если мы захотимъ удовольствоваться минимумомъ безусловно достовѣрныхъ познаній, то сумѣемъ сказать: сновидѣніе показываетъ намъ, что подавленное продолжаетъ быть на-лицо и у здороваго человѣка и сохраняетъ способность къ психическимъ функціямъ. Сновидѣніе—само одно изъ проявленій этого безсознательнаго; въ теоріи оно является имъ всегда,—на основаніи же конкретныхъ наблюденій въ большинствѣ случаевъ, которые обнаруживаютъ наиболѣе ярко отличительныя особенности сновидѣнія. Психически подавленное, которое въ бодрственномъ состояніи не могло найти себѣ выраженія и было изолировано отъ внутренняго воспріятія, въ ночной жизни, при господствѣ компромиссныхъ образованій находитъ себѣ пути и средства для проникновенія въ сознаніе.

Flectere si nequo Superos, Acheronta movebo.

Толкованіе же сновидѣній есть via regia къ познанію безсознательнаго въ душевной жизни.

Слѣдуя за анализомъ сновидѣнія, мы проникаемъ вглубь этого наичудеснѣйшаго и наитаинственнѣйшаго механизма,—правда, не далеко вглубь.—Но и это кладетъ ужъ начало,—другія, патологическія явленія помогутъ проникнуть намъ въ него глубже. Болѣзнь,—по крайней мѣрѣ функціональная, какъ она справедливо именуется,—предполагаетъ собою не разрушеніе этого аппарата и не новое раскалываніе его механизма; ее слѣдуетъ разъяснять динамически путемъ усиленія и усиленія отдѣльныхъ движущихъ силъ, которыя при нормальномъ функціонированіи скрываютъ очень многое. Въ другомъ мѣстѣ мы могли бы показать, что образованіе этого аппарата изъ двухъ инстанцій допускаетъ утонченіе и нормальной дѣятельности, совершенно непосильное для одной инстанціи *).

f) Безсознательное и сознаніе. Реальность.

Присмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что психологическое изслѣдованіе предшествующаго изложенія привело насъ къ пред-

*) Сновидѣніе—не единственное явленіе, дающее возможность обосновать психопатологію на психологической почвѣ. Въ небольшомъ, еще незаконченномъ мною циклѣ статей въ «Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie» (о психическомъ механизмѣ забыванія 1898—и о кроющихъ воспоминаніяхъ 1899) я старался объяснить цѣлый рядъ повседневныхъ психическихъ явленій для доказательства того же положенія. [Эти и дальнѣйшія статьи о забываніи, обмолвкахъ, ошибкахъ и пр. собраны мною впослѣдствіи въ книгѣ «Психопатологія обыденной жизни» (рус. перев. въ изд. «Современныхъ Проблемъ»).]

положенію наличности не двухъ системъ вблизи моторнаго конца аппарата, а двоякаго рода процессовъ или способовъ прохожденія раздраженія. Это, однако, безразлично: Мы всегда должны быть готовы отказаться отъ нашихъ вспомогательныхъ представленій, если имѣемъ возможность замѣнить ихъ чѣмъ-либо другимъ, болѣе близкимъ къ незнакомой намъ дѣйствительности. Попытаемся же теперь исправить нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя легко могли возникнуть, пока мы подъ двумя системами въ ближайшемъ и грубомъ ихъ смыслѣ понимали два пространственныхъ пункта внутри психическаго аппарата,—недоразумѣнія, отзвукъ которыхъ мы видимъ хотя бы въ выраженіяхъ «оттѣснить» и «проникнуть». Если, такимъ образомъ, мы говоримъ, что безсознательная мысль стремится къ переходу въ сферу предсознательнаго, чтобы затѣмъ проникнуть къ сознанію, но этимъ мы не хотимъ сказать, что должна быть образована вторая мысль на новомъ мѣстѣ,—какъ бы копія, наряду съ которой продолжаетъ быть на-лицо и оригиналъ; представленіе о пространственномъ передвиженіи мы должны отдѣлить и отъ проникновенія къ сознанію. Если мы говоримъ, что предсознательная мысль оттѣсняется и принимается затѣмъ безсознательной сферой, то эти образныя выраженія, заимствованныя нами изъ круга представленій о борьбѣ за опредѣленную территорію, могутъ дѣйствительно побудить насъ къ предположенію, что изъ одного психическаго пункта нѣчто устраняется и замѣняется въ другомъ пунктѣ другимъ. Вмѣсто этого сравненія возьмемъ другое, болѣе соотвѣтствующее дѣйствительному положенію вещей: данное психическое образованіе претерпѣваетъ или же изъемлется изъ-подъ дѣйствія опредѣленной энергіи, такъ что психическое образованіе подпадаетъ подъ власть инстанціи или же освобождается отъ нея. Здѣсь мы замѣняемъ топическій кругъ представленій динамическимъ; не психическое образованіе кажется намъ подвижнымъ, а его иннервація.

Тѣмъ не менѣе я считаю цѣлесообразнымъ и нужнымъ сохранить наглядное представленіе объ обѣихъ системахъ. Мы избѣгнемъ опасности какихъ-либо недоразумѣній, если вспомнимъ, что представленія, мысли и вообще всѣ психическія образованія вообще должны быть локализованы не въ органическихъ элементахъ нервной системы, а, такъ сказать, между ними, тамъ, гдѣ сопротивленія и пути образуютъ соотвѣтствующій имъ коррелатъ. Все, что можетъ стать объектомъ нашего внутренняго воспріятія, является мнимымъ, все

равно какъ изображенiе въ телескопѣ, получающееся отъ скрещенiя лучей. Системы же, сами по себѣ не представляющiя психическихъ образованiй и никогда не могущiя стать доступными нашему психическому воспрiятiю, мы вправѣ сопоставить съ чечевицами телескопа, способствующими полученiю изображенiя. Продолжая это сравненiе, мы могли бы сказать, что цензура между двумя системами соотвѣтствуетъ преломленiю лучей при переходѣ ихъ въ новую среду.

До сихъ поръ мы занимались самостоятельнымъ психологическимъ изслѣдованiемъ; пора, однако, коснуться воззрѣнiй, господствующихъ въ современной психологiи, и выяснить ихъ отношенiе къ нашимъ выводамъ. Вопросъ безсознательнаго въ психологiи, по мѣткому выраженiю Липпса *), не столько психологическiй вопросъ, сколько вопросъ психологiи. До тѣхъ поръ, пока психологiя разрѣшала этотъ вопросъ путемъ разъясненiя словъ, напримѣръ, что «психическое» есть то же самое, что «сознательное», а «безсознательный психическiй процессъ»—явный абсурдъ,—до тѣхъ поръ психологическое использованiе наблюденiй врача надъ анормальными душевными состоянiями было вообще невозможно. Врачъ и философъ вступаютъ въ сотрудничество лишь тогда, когда оба признаютъ, что безсознательные психическiе процессы служатъ «цѣлесообразнымъ и вполнѣ законнымъ выраженiемъ существующихъ фактовъ». Врачъ можетъ только пожатiемъ плечъ отвѣтить на утвержденiе, будто и сознанiе—необходимый отличительный признакъ психическаго, или же въ крайнемъ случаѣ, если его уваженiе къ воззрѣнiямъ философовъ все еще достаточно сильно, сказать, что они говорятъ о разныхъ вещахъ и интересуются разными отраслями науки. Ибо достаточно одного внимательнаго наблюденiя надъ душевной жизнью невротика, или одного анализа сновидѣнiя, чтобы съ неопровержимостью убѣдиться въ томъ, что наисложнѣйшiе мыслительные процессы, которымъ отнюдь нельзя отказать въ наименованiи психическихъ, могутъ совершаться безъ участiя сознанiя. Не подлежитъ сомнѣнiю, конечно, что врачъ лишь тогда узнаетъ объ этихъ безсознательныхъ процессахъ, когда они оказываютъ воздѣйствiе на сознанiе,—воздѣйствiе, допускающенiе сообщенiе или наблюденiе. Но этотъ сознательный эффектъ можетъ носить психическiй характеръ, совершенно отличный отъ безсознательнаго процесса,

---

*) «Понятiе безсознательнаго въ психологiи».—Докладъ на третьемъ международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ въ 1897 г.

такъ что внутреннее воспріятіе отнюдь не сумѣетъ увидѣть въ одномъ замѣну другого. Врачъ долженъ сохранить за собой право путемъ умозаключенія отъ эффекта сознанія дойти до безсознательнаго психическаго процесса; этимъ путемъ онъ узнаетъ, что эффектъ сознанія является лишь отдаленнымъ психическимъ результатомъ безсознательнаго процесса и что послѣдній осознается не въ качествѣ такового: онъ протекалъ ничѣмъ не обнаруживая сознанію своей наличности.

Отказъ отъ чрезмѣрной оцѣнки сознанія становится необходимой предпосылкой всякаго правильнаго пониманія происхожденія психическаго. Безсознательное, по выраженію Липпса, должно стать общимъ базисомъ психической жизни. Безсознательное—это большой кругъ, включающій въ себя меньшій сознательнаго; все сознательное имѣетъ предварительную безсознательную стадію, между чѣмъ какъ безсознательное можетъ остаться на этой стадіи и все же претендовать на полную цѣнность психическаго дѣйствія. Безсознательное—есть истинно реальное психическое, столь же неизвѣстное намъ въ своей внутренней сущности, какъ реальность внѣшняго міра, и раскрываемое данными сновидѣнія въ столь же незначительной степени, какъ и внѣшній міръ показаніями нашихъ органовъ чувствъ.

Если прежняя противоположность сознанія и сновидѣнія обезцѣнивается предоставленіемъ безсознательному подобающаго ему положенія, то тѣмъ самымъ отпадаетъ цѣлый рядъ проблемъ сновидѣнія, которыя подробно разсматривались большинствомъ прежнихъ авторовъ. Такъ, многія явленія, наличность которыхъ въ сновидѣніи прежде такъ удивляла, должны относиться теперь не на счетъ сновидѣнія, а на счетъ дѣйствующаго также и днемъ безсознательнаго мышленія. Если сновидѣніе, по словамъ Шернера, какъ бы играетъ символическимъ изображеніемъ тѣла, то мы знаемъ, что это результатъ дѣятельности нѣкоторыхъ безсознательныхъ фантазій, связанныхъ съ сексуальной жизнью и находящихъ свое выраженіе не только въ сновидѣніи, но и въ истерическихъ фобіяхъ и другихъ симптомахъ. Когда сновидѣніе продолжаетъ и заканчиваетъ дневную дѣятельность и отражаетъ даже цѣнные и важные ея моменты, то намъ достаточно устранить лишь своеобразную маску,—результатъ дѣятельности сновидѣнія и загадочныхъ силъ глубины психики. Интеллектуальная дѣятельность находится также подъ властью этихъ душевныхъ силъ. Мы склонны, по всей вѣроят-

ности, къ чрезмѣрной переоцѣнкѣ сознательнаго характера интеллектуальнаго и художественнаго творчества. Изъ признаній нѣкоторыхъ высокоодаренныхъ натуръ, какъ Гете и Гельмгольцъ, мы знаемъ, что всѣ существенныя черты ихъ твореній внушались имъ въ формѣ какъ бы вдохновенія и въ почти готовомъ видѣ доходили до ихъ воспріятія. Насъ не удивляетъ, однако, участіе сознательной дѣятельности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на-лицо было напряженіе всѣхъ духовныхъ силъ. Однако, привиллегія сознательной дѣятельности, которою она такъ часто злоупотребляетъ, и состоитъ именно въ томъ, что она скрываетъ отъ насъ всѣ остальныя.

Едва ли стоитъ и труда выдѣлять въ особую тему историческое значеніе сновидѣній. Въ томъ, что какая-либо историческая личность благодаря своему сновидѣнію рѣшилась на смѣлый подвигъ, оказавшій рѣшающее вліяніе на ходъ міровой исторіи,—въ этомъ можно усматривать особую проблему лишь до тѣхъ поръ, пока сновидѣніе въ качествѣ какой-то непостижимой темы противопоставляется другимъ, болѣе доступнымъ душевнымъ силамъ, а отнюдь не тогда, когда сновидѣніе представляется въ формѣ выраженія чувствъ и мыслей, на которыхъ днемъ тяготѣло сопротивленіе и которыя ночью получили подкрѣпленіе изъ глубокихъ источниковъ раздраженія *). Почтительное же отношеніе къ сновидѣнію со стороны всѣхъ древнихъ народовъ является основаннымъ на вполнѣ правильной психологической гипотезѣ преклоненіемъ передъ неукротимой и неразрушимой стороной человѣческой души, передъ демоническимъ элементомъ, изъ котораго проистекаетъ желаніе сновидѣнія и которое мы находимъ въ нашемъ безсознательномъ.

Я умышленно говорю «въ нашемъ безсознательномъ», ибо то, что мы такъ называемъ, не совпадаетъ съ безсознательнымъ у философовъ и съ безсознательнымъ у Липпса. Тамъ оно означаетъ лишь противоположность сознательному; что помимо сознательныхъ, есть еще и безсознательные психическіе процессы,—объ этомъ всѣ они спорятъ. У Липпса мы находимъ еще, что все психическое существуетъ въ формѣ безсознательнаго и лишь немногое кромѣ того и въ формѣ сознательнаго. Но не для доказательства этого положенія разсматривали мы процессы образованія сновидѣній и истерическихъ симптомовъ; для неопровержимаго установленія его доста-

*) Ср. вышеприведенное сновидѣніе (Σα-τύρος) Александра Македонскаго передъ взятіемъ Тира.

точно наблюденія надъ нормальной дневной жизнью. То новое, что показалъ намъ анализъ психопатологическихъ образованій и особенно перваго изъ ихъ звеньевъ,—сновидѣнія, состоитъ въ томъ, что безсознательное—иначе говоря, психическое—обнаруживается въ качествѣ функціи двухъ раздѣльныхъ системъ; слѣды его мы находимъ и въ нормальной душевной жизни. Есть, слѣдовательно, двоякаго рода безсознательное; этого подраздѣленія психологи не производятъ. И то и другое—безсознательное въ психологическомъ смыслѣ; но въ нашемъ то, что мы называемъ Бзс. неспособно дойти до сознанія, между тѣмъ какъ другое потому называется нами Прс., что его раздраженія,—правда, по извѣстнымъ законамъ, быть можетъ, лишь послѣ преодолѣнія новой цензуры, но во всякомъ случаѣ безъ всякаго отношенія къ системѣ Бзс.,—могутъ проникнуть къ сознанію. Тотъ фактъ, что раздраженія для того, чтобы проникнуть къ сознанію, должны претерпѣть послѣдовательный рядъ процессовъ, обнаруживающихся намъ благодаря ихъ цензурному измѣненію, послужилъ намъ для сравненія съ пространственными представленіями. Мы изобразили взаимоотношеніе обѣихъ системъ и ихъ отношеніе къ сознанію, сказавъ, что система Прс. стоитъ какъ бы ширмой между системой Бзс. и сознаніемъ. Система Прс. преграждаетъ не только доступъ къ сознанію, но главенствуетъ и надъ доступомъ къ произвольной моторности и распоряжается посылкой энергіи, часть которой знакома намъ въ формѣ вниманія.

Мы должны стоять въ сторонѣ и отъ подраздѣленія—верхнее и нижнее сознаніе,—столь излюбленнаго въ новѣйшей литературѣ психоневрозовъ, такъ какъ оно подчеркиваетъ, повидимому, именно тождество психическаго и сознательнаго.

Какая же роль выпадаетъ на долю нѣкогда столь всемогущаго, оставляющаго въ сторонѣ все остальное, сознанія? Роль органа чувствъ для воспріятія психическихъ качествъ. Согласно основной мысли нашего схематическаго опыта, мы можемъ представить себѣ сознательное воспріятіе исключительно въ формѣ самостоятельной функціи особой системы, которую для краткости обозначимъ Сз. По своимъ механическимъ свойствамъ система эта аналогична воспринимающей системѣ В; она неспособна запечатлѣвать слѣды измѣненій, т. е. лишена памяти. Психическій аппаратъ, чувствующими органами системы В обращенный къ внѣшнему міру, самъ служитъ внѣшнимъ міромъ для органа системы Сз., телеологическое оправданіе ко-

торой и покоится на этомъ взаимоотношенiи. Принципъ прохожденiя инстанцiй, господствующiй, повидимому, въ общей структурѣ аппарата, еще разъ обнаруживается здѣсь передъ нами. Матерiалъ раздраженiй притекаетъ къ чувствующимъ органамъ системы Сз съ двухъ сторонъ: изъ системы В, раздраженiе которой, обусловленное качествами, претерпѣваетъ, вѣроятно, новую переработку до тѣхъ поръ, пока не становится сознательнымъ ощущенiемъ,—и извнутри аппарата, количественные процессы котораго ощущаются качественно въ формѣ прiятнаго или непрiятнаго чувства, когда подвергаются опредѣленнымъ измѣненiямъ.

Философы, которые понимали, что вполнѣ законные и въ высшей степени сложные продукты мышленiя могутъ образовываться и безъ участiя сознанiя, отступили, однако, передъ трудной задачей: приписать сознанiю такого рода функцiю; это казалось имъ излишнимъ отраженiемъ законченнаго психическаго процесса. Аналогiя нашей системы Сз. съ воспринимающими системами выводитъ насъ изъ этого затрудненiя. Мы видимъ, что воспрiятiе при помощи органовъ чувствъ имѣетъ въ результатѣ то, что вниманiе устремляется на тѣ пути, по которымъ распространяется чувственное раздраженiе; качественное раздраженiе системы В. служитъ регуляторомъ количественнаго распредѣленiя подкрѣпленiй въ психическомъ аппаратѣ. Такую же функцiю можемъ приписать мы и органамъ системы Сз. Воспринимая новыя качества, они способствуютъ направленiю и цѣлесообразному распредѣленiю подкрѣпленiй. При помощи воспрiятiя прiятнаго и непрiятнаго ощущенiя они обусловливаютъ прохожденiе подкрѣпленiю внутри въ цѣломъ своемъ безсознательнаго психическаго аппарата, дѣятельность котораго протекаетъ путемъ перемѣщенiя опредѣленныхъ количествъ. Весьма вѣроятно, что принципъ непрiятнаго ощущенiя вначалѣ автоматически регулируетъ передвиженiе подкрѣпленiй; но возможно также, что сознанiе совершаетъ второе, болѣе точное регулированiе, могущее противостать даже первому и совершенствующее работоспособность аппарата: вопреки его первоначальной способности, оно даетъ ему возможность укрѣплять и перерабатывать даже и то, что связано съ проявленiемъ непрiятнаго чувства. Изъ психологiи неврозовъ мы знаемъ, что этимъ регулированiямъ при помощи качественныхъ раздраженiй органовъ чувствъ приписывается немаловажная роль въ общей функцiональной дѣятельности аппарата. Автоматическое главенство первичнаго принципа непрiятнаго ощущенiя и свя-

занное съ этимъ ограниченіе работоспособности нарушается чувствующими регулированіями, которыя сами въ свою очередь являются автоматизмами. Мы видимъ, что оттѣсненіе, которое, будучи вначалѣ хотя и цѣлесообразнымъ, превращается въ концѣ концовъ въ пагубный отказъ отъ парализованія и психическаго господства, значительно легче совершается надъ воспоминаніями, чѣмъ надъ воспріятіями, такъ какъ у первыхъ отсутствуетъ притокъ подкрѣпленій, получаемый благодаря раздраженію психическихъ органовъ чувствъ. Если мысль, испытывающая сопротивленіе, не сознается потому, что подвергается оттѣсненію, то въ другой разъ она можетъ быть оттѣснена лишь на томъ основаніи, что она по другимъ причинамъ была удалена отъ сознательнаго воспріятія. Таковы данныя, которыми пользуется терапія съ цѣлью возстановленія уже разъ произведеннаго оттѣсненія.

Цѣнность сверхподкрѣпленія, образовываемаго регулирующимъ воздѣйствіемъ системы Сз. на количественную подвижность, телеологически не можетъ быть показана лучше, чѣмъ путемъ созданія новаго качественнаго ряда, а тѣмъ самымъ и новаго регулированія, образующаго преимущество человѣка передъ животными. Мыслительные процессы сами по себѣ безкачественны вплоть до сопровождающихъ ихъ пріятныхъ и непріятныхъ раздраженій, которыя въ качествѣ разстройства мышленія должны держаться въ строгихъ рамкахъ. Для приданія качественности, они ассоціируются у человѣка со словесными воспоминаніями, качественныхъ остатковъ которыхъ достаточно для привлеченія къ нимъ вниманія сознанія и для того, чтобы послѣднее послало мышленію новое подкрѣпленіе.

Все разнообразіе проблемъ сознанія охватывается взглядомъ лишь при расчлененіи истерическихъ процессовъ мышленія. Въ этихъ случаяхъ испытываешь впечатлѣніе, будто и переходъ отъ предсознательнаго къ сознанію связанъ съ цензурой аналогичной цензурѣ между Бзс. и Прс. И эта цензура устраняется лишь при извѣстномъ количественномъ предѣлѣ, такъ что ее избѣгаютъ лишь немногія мысли. Всѣ возможные случаи отклоненія отъ сознанія, а также и неполнаго проникновенія къ послѣднему объединяются въ рамкахъ психоневротическихъ явленій; всѣ они указываютъ на наличность тѣсной и двухсторонней связи между цензурой и сознаніемъ. Сообщеніемъ двухъ такихъ случаевъ я и хочу закончить это психологическое изслѣдованіе.

Въ прошломъ году я былъ приглашенъ на консиліумъ къ

одной интеллигентной дѣвушкѣ. У нея былъ странный видъ; въ то время какъ женщины обычно отличаются аккуратностью, она была одѣта очень небрежно: одинъ чулокъ спустился чуть ли не до пятки, на блузѣ не хватало двухъ пуговицъ. Она жаловалась на боль въ ногѣ и тотчасъ же безъ всякаго приглашенія съ нашей стороны подняла юбку. Главная же ея жалоба гласила буквально слѣдующее. У нея такое чувство въ животѣ, будто тамъ что-то есть. Тамъ что-то движется взадъ и впередъ. Иногда при этомъ все ея тѣло какъ бы цѣпенѣетъ. Мой коллега посмотрѣлъ на меня; ему ея жалоба отнюдь не показалась двусмысленной. Обоимъ намъ показалось, однако, страннымъ, что мать больной ни о чемъ не догадывается, вѣдь она, повидимому, не разъ бывала въ ситуаціи, о которой говоритъ сейчасъ ея дочь. Сама дѣвушка не имѣетъ и понятія о значеніи своихъ словъ; иначе она не сказала бы этого. Здѣсь удалось такъ ослѣпить цензуру, что фантазія, обычно остающаяся въ сферѣ безсознательнаго, здѣсь какъ бы невинно, подъ маской жалобы была допущена къ сознанію.

Другой примѣръ. Я приступаю къ психоаналитическому лѣченію четырнадцатилѣтняго мальчика, страдающаго конвульсивнымъ тикомъ, истерической рвотой, головными болями и т. п.; я увѣряю его, что, закрывъ глаза, онъ увидитъ картины или вспомнитъ мысли, о которыхъ онъ и долженъ мнѣ разсказать. Въ его воспоминаніяхъ образно всплываетъ послѣднее впечатлѣніе до его прихода ко мнѣ. Онъ игралъ съ дядей въ шашки, и видитъ теперь передъ собою шашечную доску. Онъ думаетъ о различныхъ положеніяхъ, о ходахъ, которыхъ не слѣдуетъ дѣлать. Потомъ видитъ вдругъ на доскѣ кинжалъ; онъ принадлежитъ его отцу. Затѣмъ на доскѣ появляется сначала серпъ, а за нимъ и коса; онъ видитъ стараго крестьянина, который коситъ траву на лужайкѣ передъ ихъ отдаленной усадьбой. Черезъ нѣсколько дней мнѣ удалось разъяснить послѣдовательность этихъ образовъ. Возбужденное состояніе мальчика объясняется неблагопріятными семейными условіями: жестокостью и вспыльчивостью отца, жившаго въ неладахъ съ матерью и не знавшаго никакихъ педагогическихъ средствъ, кромѣ угрозъ; разводъ отца съ доброй и ласковой матерью; вторая женитьба отца, который въ одинъ прекрасный день привелъ въ домъ молодую жену, «новую маму». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого и проявилась болѣзнь мальчика. Въ прозрачные намеки превратила эти образы подавленная злоба по отношенію къ отцу. Матеріаломъ

послужили воспоминанія изъ миѳологіи. Серпомъ Зевсъ кастрировалъ отца, коса и старикъ изображаютъ Хроноса, могучаго титана, который пожралъ своихъ дѣтей и которому такъ не сыновне отомстилъ Зевсъ. Женитьба отца послужила мальчику поводомъ обратить на него тѣ упреки и угрозы, которые онъ слышалъ отъ него за то, что игралъ половыми органами (игра въ шашки; невѣрные ходы, которыхъ дѣлать не слѣдуетъ; кинжалъ, которымъ можно убить). Здѣсь въ сознаніе проникаютъ давно оттѣсненныя воспоминанія и ихъ оставшіяся безсознательными слезы: они проскальзываютъ по обходнымъ путямъ подъ маскою мнимо-безсмысленныхъ образовъ.

Такимъ образомъ, теоретическую цѣнность изслѣдованія сновидѣній я нахожу нужнымъ искать въ освѣщеніи психологическихъ проблемъ и въ подготовкѣ къ пониманію психоневрозовъ. Кто можетъ сказать, какое значеніе способно пріобрѣсти основательное знакомство со структурой и функціями психическаго аппарата, если уже нынѣшнее состояніе нашего знанія допускаетъ весьма удачное терапевтическое воздѣйствіе на исцѣлимыя формы психоневрозовъ? Но въ чемъ же, спросятъ меня, въ чемъ заключается практическая цѣнность этого изслѣдованія для познанія психики и для раскрытія скрытыхъ особенностей и свойствъ характера индивидуума? Развѣ безсознательныя мысли и чувства, раскрываемыя сновидѣніемъ, не обладаютъ цѣнностью реальныхъ силъ въ душевной жизни? Слѣдуетъ ли придавать маловажное этическое значеніе подавленнымъ желаніямъ, которыя, создавая сновидѣнія, способны и на созданіе другихъ психическихъ формъ?

Я не считаю себя вправѣ отвѣчать на этотъ вопросъ. Я лично не подвергалъ изслѣдованію эти стороны проблемы сновидѣнія. Я полагаю лишь, что римскій императоръ поступилъ несправедливо, приказавъ казнить своего подданнаго за то, что тому приснилось, будто онъ убилъ императора. Ему слѣдовало бы поинтересоваться сперва, что означаетъ это сновидѣніе; по всей вѣроятности, его смыслъ предсталъ бы передъ нимъ совершенно въ другомъ свѣтѣ. И даже если бы другое какое-либо сновидѣніе имѣло такой преступный смыслъ, то все же было бы умѣстно запомнить слова П л а т о н а, что добродѣтельный человѣкъ ограничивается тѣмъ, что ему лишь снится то, что дурной дѣлаетъ. Признавать ли за безсознательными желаніями значеніе реальности и въ какомъ смыслѣ, я пока сказать затрудняюсь. Во всякаго рода переходныхъ и посредствующихъ мысляхъ она, разумѣется, отсутствуетъ. Поставивъ передъ собой

безсознательныя желанія въ ихъ конечной и истинной формѣ, мы вспомнимъ, что и психически-реальное можетъ обнаружиться не только въ одной формѣ. Для практической потребности—сужденія о характерѣ человѣка,—достаточно въ большинствѣ случаевъ поступковъ и сознательно проявляемаго міровозрѣнія. На первый планъ слѣдуетъ выдѣлить, конечно, поступки, такъ какъ многіе протекавшіе въ сознаніе импульсы устраняются реальными силами душевной жизни передъ самымъ ихъ переходомъ къ осуществленію; зачастую даже они именно потому-то и не встрѣчаютъ на своемъ пути психическихъ преградъ, что сфера безсознательнаго слишкомъ убѣждена въ томъ что они встрѣтятъ непреодолимую преграду въ другомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ чрезвычайно поучительно ознакомиться ближе съ той разрыхленной почвой, на которой горделиво вздымаются наши добродѣтели. Динамически подвижный во всѣхъ направленіяхъ, комплексъ человѣческаго характера чрезвычайно рѣдко можетъ подлежать простой альтернативѣ, какъ того бы хотѣла наша мораль.

А значеніе сновидѣнія для предсказанія будущаго?

Объ этомъ не приходится, конечно, и говорить*). Вмѣсто этого можно было бы сказать: для ознакомленія съ прошлымъ. Ибо сновидѣніе всегда и въ любомъ смыслѣ проистекаетъ изъ прошлаго. Однако, и вѣра въ то, что сновидѣніе раскрываетъ передъ нами будущее, не лишена доли истины. Сновидѣніе, рисуя передъ нами осуществленіе желанія, переноситъ насъ въ будущее; но это будущее, представляющееся грезящему настоящимъ, благодаря неразрушимому желанію представляетъ собою копію и воспроизведеніе прошлаго.

---

*) Проф. Эрнстъ Оппенгеймеръ (Вѣна) на основаніи этнологическаго матеріала показалъ мнѣ, что есть категорія сновидѣній, которымъ и народъ не придаетъ значенія для предсказанія сновидѣній и которыя сводятся попросту къ желаніямъ и потребностямъ, появляющимся во время сна. Онъ обѣщаетъ въ скоромъ времени коснуться этихъ сновидѣній, сообщаемыхъ обычно въ видѣ «остротъ и анекдотовъ».

Указатель литературы.

---

1. Аристотель. О сновидѣніи и толкованіи сновидѣній
2. Артемидоръ. Символика сновидѣній.
3. Benini V. La memoria e la durata deisog ni. Rivista italiana di filosofia. Мартъ, апрѣль 1898.
4, Binz C. Über den Traum. 1878.
5. Börner J. Das Alpdrücken, seine Begründung und Verhütung. 1855.
6. Bradley J. H. On the failure of movement in dream. Mind, July 1894.
7. Brander R. Der Schlaf und das Traumleben. 1884.
8. Burdach. Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft, 3. T. 1830.
9. Büchsenschütz B. Traum und Traumdeutung im Altertum. 1868.
10. Chaslin Ph. Du rôle du rêve dnns l'évolution du délire. Thèse de Paris. 1887.
11. Chabeneix. Le subconscient chez les artistes, les savants et les écrivains. Paris 1897.
12. Calkins Mary Whiton. Statistics of dreams. Amer. J. of Psychology. 1893.
13. Clavière. La rapidité de la pensée dans le rêve. Revue philosophique XLIII. 1897.
14. Dandolo G. La coscienza nel sonno. Padova. 1889.
15. Delage Yves. Une théorie du rêve. Revue scientifique. 1895.
16. Delboeuf J. Le sommeil et les rêves. Paris 1885.
17. Debacker. Terreurs nocturnes des enfants. Thèse de Paris. 1881.
18. Dugas. Le souvenir du rêve. Revue philosophique. XLIV. 1897.
19. „ Le sommeil et la cérébration inconsciente durant le sommeil. Revue philosophique. XLIII. 1897.

20. Egger V. La durée apparente des rêves. Revue philosophique, 1895.
21. Egger. Le souvenir dans le rêve. Revue philosophique. XLVI. 1898.
22. Ellis Havelock. On dreaming of the dead. The psychological Review. II, Nr. 5. 1895.
23. „ The stuff that dreams are made of. Appleton's popular science monthly.
24. „ A note on hypnagogic paramnesia. Mind, April 1897.
25. Fechner G. Th. Elemente der Psychophysik. 2 изд. 1889.
26. Fichte J. H. Psychologie. Die Lehre vom bewussten Geiste des Menschen. Часть I. Лейпцигъ 1864.
27. Giessler M. Aus den Tiefen des Traumlebens. Галле. 1890.
28. „ Die physiologischen Beziehungen der Traumvorgänge. Галле. 1896.
29. Goblot. Sur le souvenir des rêves. Revue philosophique. XLII. 1896.
30. Graffunder. Traum und Traumdeutung. 1894.
31. Griesinger. Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. 3 изд. 1871.
32. Haffner P. Schlafen und Träumen. 1884. «Frankfurter zeitgemässe Broschüren».
33. Hallam Fl. und. Sarah Weed. A. Study of the dream consciousness. Amer. J. of Psychology. VII., Nr. 3 April 1896.
34. d'Hervey. Les rêves et les moyens de les diriger. Paris 1867.
35. Hildebrandt F. W. Der Traum und seine Verwertung fürs Leben. 1875.
36. Jessen. Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie. 1856.
37. Jodl. Lehrbuch der Psychologie. Штутгартъ. 1896.
38. Kant J. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Лейпцигъ 1880.
39. Krauss A. Der Sinn in Wahnsinn. «Allgemeine Zeitchrift für Psychologie», XV. и XVI. 1858—1859.
40. Ladd. Contribution to the psychology of visual dreams. Mind, April 1892.
41. Leidesdorf M. Das Traumleben. Вѣна 1880.
42. Lemoine. Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique. Paris. 1885.
43. Liébeault A. Le sommeil provoqué et lès états analogues. Paris 1889.
44. Lipps Th. Grundtatsachen des Seelenlebens. Боннъ 1883.
45. Le Lorrain. Le rêve. Revue philosophique. 1895.
46. Mandsley. The Pathology of Mind. 1879.

47. Maury A. Analogies des phénomènes du rêve et de l'aliènation mentale. Annales méd psych. 1854, стр. 404.
48. „ Le sommeil et les rèves. Paris 1878.
49. Moreau J. De l'identité de l'état de rêve et de folie. Annales méd. psych. 1855, стр. 361.
50. Nelson J. A study of dreams. Amer. J. of Psychology. I, 1888.
51. Pilcz. Über eine gewisse Gesetzmässigkeit in den Träumen. «Monatsschrift für Psychologie und Neurologie». Мартъ 1899.
52. Pfaff E. R. Das Traumleben und seine Dentung nach den Prinzipien der Araber, Perser, Griechen, Indier und Ägypter. Лейпцигъ 1868.
53. Purkinje. Статья: «Wachen, Schlaf, Traum und verwandte Zustände». въ «Handwörterbuch der Physiologie». 1846.
54. Radestoch P. Schlaf nnd Traum. Лейпцигъ 1878.
55. Robert W. Der Traum als Haturnotwendigkeit erklärt. 1886.
56. Sante de Sanctis. Les maladies meutales et les rêves 1897.—Extrait des Annales de la Société de médecine de Gand.
57. „ „ Sui rapporti d'identità, di somiglianza, di analogia e di equivalenza fra sogno e pazzia. Rivista quindicinale di Psicologia, Psichiatria, Neuropatologia. 1897.
58. Scherner R. A. Das Leben des Traumes. Берлинъ 1861.
59. Scholz Fr. Schlaf und Traum. Лейпцигъ 1887.
60. Schopenhauer. Versuch über das Geistersehen und was damit zusammenhängt. — Parerga und Paralipomena, I. T. 1857.
61. Schleiermacher Fr. Psychologie. Berlin. 1862.
62. Siebek A. Das Traumleben der Seele. 1877.—Серія Virchow-Holtzendorf. Nr. 279.
63. Simon M. Le monde des rêves. Paris 1888.—Bibliothèque scientifique contemporaine.
64. Spitta W. Die Schalaf-und Traumzustände der menschlichen 2 изд. 1892.
65. Stumpf E. J. G. Der Traum und seine Deutung. Лейпцигъ 1899.
66. Strümpell L. Die Natur und Entstehung der Träume. Лейпцигъ 1877.
67. Tannery. Sur la mémoire dans le rêve. Revue philosophique. XLV. 1898.
68. Tissié Ph. Les rêves, physiologie et pathologie. 1898—Bibliothéque de philosophie conteporaine.
69. Titchener. Taste dreams. Amer. J. of Psychology. VI. 1893.
70. Thomayer. Sur la signification de quelques rêves. Revue neurologique. Nr. 4, 1897.

71. V i g n o l i. Von den Träumen. Illusiouen und Halluzinationen. «Internationale wissenschaftliche Bibliothek», Вып. 47.
72. V o l k e l t J. Die Traumphantasie. Штутгартъ 1875.
73. V o l d J. M o u r l y. Expériences sur les rêves et en particulier sur ceux d'origine musculaire et optique. Христіанія, 1896.—Рефератъ въ Revue philosophique. XLII. 1899..
74. V o l d J. M o u r l y. Einige Experimente über Gesichtsbilder im Traume. Третій междунар. психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ. 1897.
[74a. „ Über den Traum. Experimentell-psychologische Untersuchungen. T. I. Лейпцигъ, 1910.
75. W e y g a n d t W. Entstehung der Träume. Лейпцигъ, 1893.
76. W u n d t. Grundzüge der physiologischen Psychologie. T. II. 2 изд. 1880.
77. S t r i c k e r. Studien über das Bewusstsein. Вѣна 1879.
78. „ Studien über die Assoziation der Vorstellungen. Вѣна 1883.

Психоаналитическая литература проблемы сновидѣнія.

---

79. Abraham Karl. Über hysterische Traumzustände (Jahrbuch f. psychoanalyt. und psychopatholog. Forschungen, т. II. 1910.
80. Абрагамъ Карлъ. Сонъ и миѳъ. К-во «Современныя Проблемы».
81. Adler Alfred. Zwei Träume einer Prostituierten. Zeitschrift f. Sexualwissenschaft, 1908. № 2.
82. „ Ein erlogener Traum (Zentralbl. f. Psychoanalyse. 1910, № 3).
83. Bleuler. E. Die Psychoanalyse Freuds (Jahrb. f. psychoanalyt. u. psychopatholog. Forschungen, T. II. 1910.
84. Brill A. A. Dreams and their Relation to the Neurosis. New-York Medical Journal, April 23, 1910.
85. Ellis Havelock: The Symbolism of Dreams (The Popular Science Monthly, July 1910.
86. „ „ The Word of Dreams, London 1911.
87. Ferenczi S. Die psychologische Analyse der Träume. Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift, Nr. 11—13. 1911.
88. Freud S. Über den Traum.—(Grenzfragen des Nerven-und Seelenlebens. Вып. 8). 2. изд 1911.
89. „ Bruchstück einer Hysterieanalyse. (Monatschr. f. Psychiatrie und Neurologie. Вып. 4 und 5, 1905.) Отдѣльно въ: Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, Лейпцигъ и Вѣна 1909.
90. „ Der Wahn und die Traüme in W. Jensens «Gradiva». Schriften zur angewandten Sellenkunde. Вып. 1. Вѣна и Лейпцигъ, 1907.
91. „ Über den Gegensinn der Urworte. (Jahrbuch für prychoanalyt. und psychopatholog. Forschungen, T. II, 1910.)

92. Freud S. Typisches Beispiel eines verkappten Ödipustraumes. (Zentralbl. für Psychoanalyse, 1910, № 1.)
93. „ Nachträge znr Traumdeutung. (Тамъ же № 5.)
94. Hitschmann Ed. Freuds Neurosenlehre. Nach ihrem gegenwärtigen Stande zusammenfassend dargestellt. Вѣна и Лейпцигъ, 1911. Гл. V: Сновидѣніе.
95. Jones Ernest. Freuds Theory of Dreams, American Journal of Psychology, 1910.
96. „ „ Some Instances of the Influence of Dreams on Waking Life (The Journal of abnormal Psychology, 1911).
97. Jung C. G. L'analyse des rêves (L'année Psychologique, Tome VV).
98. „ Assoziation, Traum und hysterisches Symptom (Diagnostische Assoziationsstudien. Beiträge zur experimentellen Psychopathologie. 1910. № VIII, Стр. 31—66).
99. „ Ein Beitrag zur Psychologie des Gerüchtes (Zentralblatt für Psychoanalyse. 1910, № 3.
100. Maeder Alphonse. Essai d'interpètation de quelques rêves (Archives de Psychologie, 24, 1907).
101. „ Die Symbolik in den Legenden, Märchen, Gebräuchen und Träumen (Psychiatrisch-Neurolog. Wochenschr. Годъ X).
102. Meisl Alfred. Der Traum, Analytische Studien über die Elemente der psychischen Funktion. 1907.
103. Onuf B. Dreams and their Interpretations as Diagnostic and Therapeutic Aids in Psychology (The Journal of abnormal Psychology, 1910).
104. Pfister Oskar. Wahnvorstellung und Schülerselbstmord. (Schweiz. Blätt. f. Schulges. 1909, 1).
105. Prince Morton. The Mechanism and Interpretation of Dreams (The Journal of abnorm. Psych. 1910).
106. Rank Otto. Ein Traum, der sich selbst deutet (Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopatolog. Forschungee, 1910).
107. „ Fin Beitrag zum Narzissismus (Тамъ же).
108. „ Beispeiel eines verkappten Ödipustraumes (Zentralblatt für Psychoanalyse, 1910).
109. „ Zum Thema der Zahnreizträume (Тамъ же).
110. „ Das Verlieren als Symptomhandlung. (Тамъ же).
111. Robitsek Alfred. Die Analyse von Egmonts Traum (Jahrb. f. psychoanalyt. u. psychopathol. Forschugen, 1910.
112. Silberer Herbert. Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachen. (Jahrb. Bleuler-Freud, 1909).
113. „ Phantasie und Mythos (Тамъ же, 1910).

114. Stekel Wilhelm. Beiträge zur Traumdeutung (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatholog. Forschungen, 1909).
115. „ Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung (Вѣна и Берлинъ, 1908).
116. „ Die Sprache de Traumes. Eine Darstellung der Symbolik und Deutung des Traumes in ihren Beziehungen zur kranken und gesunden Seele für Ärzte und Psychologen (Висбаденъ, 1911).
117. Swoboda Hermann. Die Perioden des menschlichen Organismus (Вѣна и Лейпцигъ, 1904).
118. Waterman George A. Dreams as a Cause of Symptoms (The Journal of abnormal Psychol. 1910).
